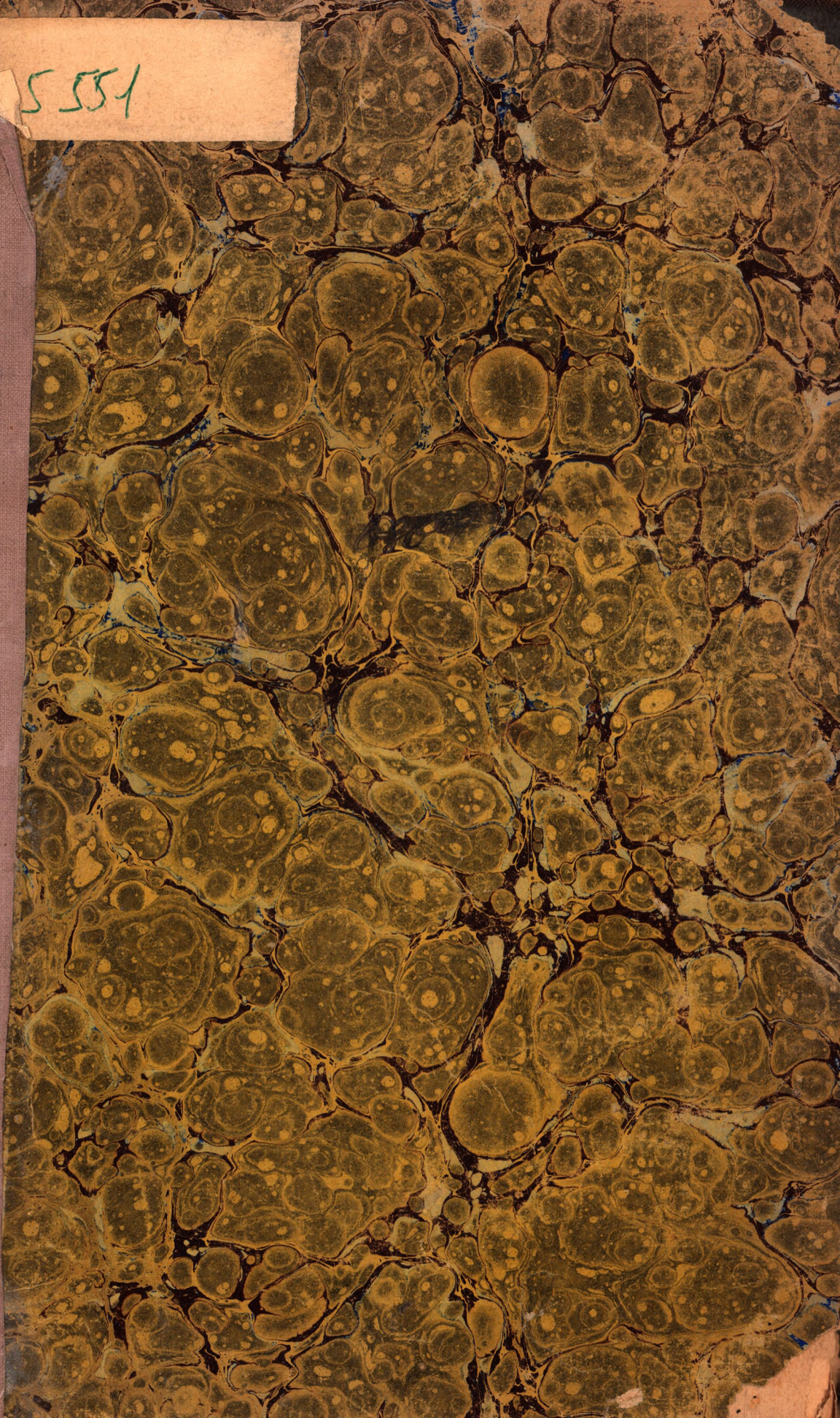

5554

8P
П. 12

СОЧИНЕНИЯ Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

~~555~~

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

5557

+

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности
помѣщены при шестомъ томѣ.

4 фев 1947

БИБЛИОТЕКА
И. Ф. 1905 г.
1116

ИЗДАНІЕ
5551

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1894.

1428/3271

Оглавление третьяго тома.

—
1863.

1) Наша университетская наука стр.
1

1864.

2) Историческіе эскизы 111

3) Цвѣты невиннаго юмора 239

4) Мотивы русской драмы 293

5) Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений 327

6) Историческое развитіе европейской мысли. 495

1863.

НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

I.

Осенью 1856-го года я поступилъ въ одинъ изъ нашихъ университетовъ. Осенью 1861 года я оставилъ этотъ университетъ съ кандидатскимъ дипломомъ. Я упоминаю теперь-же объ этомъ фактѣ, чтобы сразу зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Если я—кандидатъ, стало быть, университетъ обошелся со мной очень милостиво, стало быть, я не имѣю никакого основанія въ личной неприязни противъ университета, стало быть, читатель можетъ довѣрять мои показанія настолько, насколько принято въ обществѣ вѣрить порядочному человѣку, разсказывающему о такомъ обстоятельстве, въ которомъ онъ не имѣетъ причины быть пристрастнымъ. Я выставилъ также цифру годовъ, чтобы показать читателю, что я—еще человѣкъ молодой, и слѣдовательно могу говорить о своихъ студенческихъ годахъ, не поддаваясь тому сантиментальному стремленію къ идеализованію, которое обыкновенно дѣйствуетъ въ людяхъ пожилыхъ, когда эти почтенные люди въ назиданіе младшимъ братьямъ или потомкамъ перебираютъ свои юношескія воспоминанія. Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, стало быть, всѣ главнѣйшіе факты моей тогдашней умственной жизни сохранились у меня въ памяти во всей своей свѣжести. Мнеъ незачѣмъ добавлять художественнымъ творчествомъ какія-нибудь забытыя черты или подробности. Я заранѣе могу дать читателю торжественное обѣщаніе, что не сочину ни одной сцены, не выдумаю для украшенія моихъ воспоминаній ни одного разговора. Вслѣдствіе этого воспоминанія мои потеряютъ можетъ-быть въ отношеніи къ занимательности, но эта потеря съ избыткомъ будетъ вознаграждена тѣмъ, что они выиграютъ въ отношеніи къ строгой историче-

ской вѣрности. Все вниманіе мое будетъ сосредоточено только на одной сторонѣ студенческой жизни, именно на отношеніяхъ студента къ наукѣ и на дѣятельности профессоровъ, какъ посредниковъ между алчущими и жаждущими умами съ одной стороны, и умственной пищей, заключенной въ различныхъ фолиантахъ, съ другой стороны. Отношенія студентовъ между собою, различныя проявленія молодой умственной жизни, студенческіе кружки, ихъ горячіе споры, ихъ искреннія вѣрованія и честныя стремленія, классическое «Gaudemus igitur», отъ котораго встрепенется сердце всякаго бывшаго студента,—вся эта поэзія юности остается въ сторонѣ; я пишу серьезный очеркъ; я хочу сохранить въ настоящую минуту полную умственную трезвость; я хочу безпристрастно взглянуть на нашу университетскую науку, и потому съ суровостью, достойной древняго римлянина, отталкиваю отъ себя все то, что подкупаетъ умъ и разнѣживаетъ чувство. Затѣмъ, попросивши у читателя извиненія за длинное вступленіе, я на всѣхъ парахъ вступаю въ бурное и негостепримное море моего трезваго и суроваго изложенія.

II.

Итакъ, я—студентъ. Позади меня, въ близкомъ прошедшемъ, лежитъ побѣжденная гряда личныхъ враговъ моихъ, гряда тѣхъ учебниковъ, которыхъ сумма называется въ совокупности гимназическимъ курсомъ.

Надъ этой хаотической грудой поверженныхъ и безсильныхъ противниковъ, какъ символъ примиренія и прощенія, сіяетъ кроткимъ и умирительнымъ блескомъ первая серебряная медаль съ изображеніемъ богини мудрости и съ многозначительной надписью: «преуславающему». Вида, что я преуславаюсь и въ гимназій, читатель долженъ осязательно чувствовать, какъ возрастаетъ въ немъ уваженіе къ моей особѣ и

довѣріе къ моему безстрастію. Внѣшніе результаты моего пребыванія въ гимназіи оказываются блестящими; внутренніе результаты поражаютъ непригоднаго наблюдателя обиліемъ и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній: логарифмы и конусы, усѣченные пирамиды и неусѣченные параллелопипеды перекрещиваются съ жезламетрами «Одиссеи» и асклепиадовскими размѣрами «Горація»; рыгачи всѣхъ трехъ родовъ, ареометры, динамометры, гальваническія батареи приходятъ въ столкновение съ Навуходоносоромъ, Митридатомъ, Готфридомъ Бульонскимъ и нескончаемыми рядами цифръ, составляющихъ неизбѣжное хронологическое украшеніе слишкомъ извѣстныхъ историческихъ произведеній гг. Смагардова, Зуева и Устрялова. А города, а рѣки, а горныя вершины, а германскій союзъ, а неправильныя греческія глаголы, а удѣльная система и генеалогія Іоанна Калиты! И при всемъ томъ мнѣ только шестнадцать лѣтъ, и я все это вразумлю, и превозмогу единственно только по милости той драгоцѣнной способности, которой обильно одарены гимназисты. Той-же самой способностью одарены вѣроятно въ той-же степени кадеты и семинаристы, лицеисты и правовѣды, да и вообще все обучающееся юношество нашего отечества. Эта благодатная способность не что иное, какъ колоссальная сила забвенія. Лермонтовскому демону, какъ извѣстно, не было дано этой силы, и Лермонтовъ, упоминая объ этомъ обстоятельстве, прибавляетъ даже, что

Онъ и не взялъ-бы забвенья.

Не мудрено? Но откуда взять. Вся вода рѣки Леты съ той самой минуты, какъ ее перестали нить души, вступающія въ елисейскія поля, стала расходовать на обучающееся юношество, которое съ истинно юношескою жадностью упивается ея живительными струями. Юношество понимаетъ, что эта магическая вода представляетъ для него единственное средство спасенія. Только при помощи ея оно выдерживаетъ свои многочисленные экзамены, и при ея-же помощи оно, выдержавши послѣдній свой экзамень, навсегда очищаетъ свою голову отъ переполняющихъ и засоряющихъ ее ингредиентов. Во время учебнаго года гимназистъ удерживаетъ заразъ въ своей головѣ только тотъ маленькій кусочекъ каждой учебной книги, который учитель въ ближайшій классъ можетъ потребовать къ осмотру; въ одно время въ его мозгу живутъ, независимо другъ отъ друга, кусочки разныхъ предметов; такъ какъ ни одинъ предметъ не вмѣщается въ мозгу въ своей цѣлости, то эти кусочки живутъ и шевелятся сами по себѣ, безъ всякой связи съ цѣлымъ, такъ точно, какъ живутъ и шевелятся сами по себѣ куски разрѣзаннаго земляного червяка. Когда наступаетъ пора экзаменовъ, тактика немедленно перемѣняется; эйнъ-цвей-дрей: куски разрѣзаннаго червяка сбгаются и сро-

стаются въ надлежащемъ порядкѣ. Начинается церемониальный маршъ червяковъ черезъ мозги гимназистовъ; по порядку, назначенному въ росписаній экзаменовъ, проходятъ предметы одинъ за другимъ, и самъ гимназистъ испытываетъ рядъ изумительнѣйшихъ превращеній: сегодня онъ Архимедъ, черезъ три дня — Цицеронъ, черезъ недѣлю — Гомеръ; наконецъ весь этотъ рядъ метаморфозъ завершается тѣмъ, что увѣнчанный лаврами триумфаторъ, гордость и цвѣтъ гимназіи — превращается въ юнаго телца, увозится на канікулы въ деревню и тамъ *нагуливаетъ* жиръ, утраченный во время осеннихъ, зимнихъ и весеннихъ трудовъ и передѣлокъ. Тутъ уже забывается все до послѣдней капли; растительная жизнь вступаетъ во всѣ свои права; гимназистъ стоитъ на развалинахъ своего ученаго величія и, вспоминая свою недавнюю славу, утѣшается той мыслью, что именно такое-же оскорбительное превращеніе досталось нѣкогда на долю Навуходоносора, наполнившаго всю переднюю Азію славою своего царственнаго имени и шумомъ своего побѣдоноснаго оружія. Если сила забвенія дѣйствуетъ съ непобѣдимымъ успѣхомъ во время переходныхъ экзаменовъ, то она дѣйствуетъ на выпускномъ экзаменѣ въ семь разъ усѣнщѣе. Сдавши напримѣръ выпускной экзамень изъ исторіи и приступая къ занятію математикой, юноша разомъ вытряхиваетъ изъ головы имена, годы и событія, которые онъ еще наканунѣ дѣлалъ съ такимъ увлеченіемъ; приходится забыть не какой-нибудь уголокъ исторіи, а какъ есть все, начиная отъ китайцевъ и ассириянъ и кончая войной американскихъ колоній съ Англіею.*). Какъ совершается это удивительное физиологическое отравленіе — не знаю, но оно дѣйствительно совершается — это я знаю по своему личному опыту; этого не станеть отвѣчать никто изъ читателей, если только онъ захочетъ заглянуть въ свои собственныя школьныя воспоминанія.

Быть-можетъ нѣкоторые педагоги, ревниво оберегающіе честь своихъ гимназій, относятся къ моей идеѣ, какъ къ легкомысленному произведенію праздной фантазіи, и скажутъ рѣшительно и гордо, что ихъ воспитанники учатъ уроки и выдерживаютъ экзамены, не прибѣгая ни въ какомъ случаѣ къ пособію благодатнаго забвенія. Такимъ двѣрчивымъ воспитателямъ лукаваго юношества я тотчасъ укажу вѣрное средство испытать своихъ питомцевъ и убѣдиться въ практическомъ значеніи моихъ словъ. Положимъ что сегодня, 21 мая, экзамень изъ географіи происходитъ блестятельно. Проходитъ два дня. 24-го числа тѣ-же воспитанники приходятъ экзаменоваться изъ латинскаго языка. Пусть тогда

*) Дальше этого пункта не простирались наши историческія познанія. Спихода къ нашей отроческой повинности, педагоги набрасывали завѣсу на послѣдніе событія XVIII столѣтія.

педагогъ, считающій меня фантазеромъ, объявить юношамъ, что экзамена изъ латинскаго языка не будетъ, а повторится уже выдержанный экзаменъ изъ географіи. Вы посмотрите, что это будетъ. По рядамъ распространится панический страхъ; будущіе друзья науки увидятъ ясно, что они попали въ засаду; начнется такое избиеніе младенцевъ, какого не было со временъ нечестиваго царя Ирода; кто 21-го мая получилъ пять балловъ, помирится на трехъ, а кто довольствовался тремя, тотъ не скажетъ ни одного путнаго слова. Если моя статья попадетъ въ руки обучающемуся юношѣ, то этотъ юноша будетъ считать меня за самаго низкаго чловѣка, за перебѣжчика, передающаго въ непріятельскій лагерь тайны бывшихъ своихъ союзниковъ. Разсуждая такимъ образомъ, юноша обнаружитъ трогательное незнаніе жизни; онъ подумаетъ, что педагоги когда-нибудь дѣйствительно воспользуются моимъ коварнымъ совѣтомъ. Но этого никогда не будетъ и быть не можетъ. Воспользоваться моимъ совѣтомъ значитъ нанести смертельный ударъ существующей системѣ преподаванія и слѣдовательно обречь себя на изобрѣтеніе новой системы. Конечно наши педагоги никогда не доведутъ себя до такой печальной для нихъ катастрофы.

III.

«Чѣмъ же однако пехороша теперешняя система преподаванія?» спрашиваетъ недоумѣвающей читатель. — А кто-же вамъ, м. г., говоритъ, что она пехороша, отвѣчаю я. Я вамъ декларирую только, что она имѣетъ нѣкоторые своеобразныя достоинства, вслѣдствіе которыхъ благодать забвенія становится необходимой. Главное достоинство, отъ котораго зависятъ уже всѣ остальные, состоитъ въ томъ, что различные предметы не связываются въ общій циклъ знаній, не поддерживаютъ другъ друга, а стоятъ каждый самъ по себѣ, стараясь вытѣснить своего сосѣда. Математика норовитъ обидѣть исторію, которая въ свою очередь съ угрожающимъ видомъ наступаетъ на латинскую грамматику. Каждый предметъ бываетъ то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ: исторія ихъ безконечныхъ раздоровъ составляетъ исторію умственной жизни каждаго гимназиста; мозгъ ученика — вѣчное поле сраженія, а пора экзаменовъ — время самыхъ истрепительныхъ войнъ между отдѣльными предметами. Буйные нравы этихъ задорныхъ предметовъ вносятся даже въ нѣдра семейства, въ группу родственныхъ предметовъ, которые въ силу своего родства должны были-бы жить въ добромъ согласіи и защищать другъ друга противъ благодати забвенія. Семья математическихъ наукъ представляетъ поучительный примѣръ такихъ бѣдственныхныхъ междоусобій: геометрія въ грошъ

не ставитъ алгебру, и обѣ онѣ также враждебно смотрятъ на тригонометрію, какъ на какую-нибудь греческую грамматику. Что-же касается до ариеметики, то на нее старшіе члены математической семьи и смотрѣть не хотятъ. Она — Сандрильона семейства; обѣ ей стараются забыть, и дѣйствительно забываютъ, вплоть до самаго выпускнаго экзамена, на которомъ, какъ на страшномъ судѣ, должно выдти на свѣтъ все, что было затаено въ глубинѣ преступной совѣсти. На выпускномъ экзаменѣ дѣйствительно произошла такая драматическая коллизія между ариеметикой и ея старшими сестрами, такая, говорю я, коллизія, которая привела меня въ трепетъ. Намъ приходилось брать четыре билета (изъ ариеметики, изъ алгебры, изъ геометріи и изъ тригонометріи), — экзаменовали насъ нѣсколько учителей разомъ на двухъ противоположныхъ концахъ большой залы; я на одномъ концѣ преодолѣлъ тригонометрію и, побѣдоносно раздѣлавшись съ синусами и тангенсами, перешелъ на другой конецъ отвѣчать изъ ариеметики. Я былъ увѣренъ въ полномъ успѣхѣ, но вдругъ задумался надъ отношеніями и пропорціями, да такъ задумался, что весь экзаменъ сталъ казаться моему смущенному уму горькой и неумѣстной шуткой слѣпой судьбы. Я окончательно сѣлъ на мель, такъ что учитель, преподающій въ младшихъ классахъ, принужденъ былъ превратить экзаменъ въ лекцію и объяснить мнѣ, второму ученику седьмого класса, тѣ истины, которыя онъ внушалъ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ слушателямъ. Кроткій ликъ моей будущей медали отуманился легкимъ облакомъ, и меня выручило только то обстоятельство, что за математику полагалась одна общая отмѣтка, составившая средней выводъ изъ четырехъ частныхъ балловъ. Скромность моихъ ариеметическихъ познаній прошла такимъ образомъ незамѣченной и потонула въ лучахъ моей алгебраической, геометрической и тригонометрической славы.

Но дѣло не въ томъ. Вы взгляните въ разсказанный фактъ и тогда вы увидите, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ мыслящіе люди, которые утверждаютъ, что математика развиваетъ силу мышленія и что математическія науки представляютъ непрерывную цѣпь истинъ, вытекающихъ одна изъ другой по логической необходимости. У насъ математика есть ни что иное, какъ собраніе сочиненій Боско или Пизети; это рядъ удивительныхъ фокусовъ, придуманныхъ богъ знаетъ зачѣмъ, и богъ знаетъ какой эквилибристикой чловѣческаго мышленія. У каждаго фокуса есть свой особенный ключъ, и эту сотню ключей надо осилить памятью, той-же самой памятью, которой осилваются историческія и географическія имена. Доказывая геометрическую теорему, гимназистъ только притворяется, будто онъ выводитъ доказательства одно изъ другого; онъ просто отвѣчаетъ заученный урокъ;

вся работа лежит на памяти, и тамъ, гдѣ измѣняетъ память, тамъ оказывается безсильной математическая сообразительность, которую вы, благодущный педагогъ, уже готовы были предположить въ вашемъ рѣчисломъ ученикѣ. Конечно, если вы перемѣните буквы чертежа, если вмѣсто треугольника ABC дадите треугольникъ LOP , то ученикъ докажетъ и по этому треугольнику, — но вы этимъ не обольщайтесь; это покажетъ вамъ только, что отрокъ заучилъ не буквы, а фигуру чертежа, потому что буквы заучиваютъ только тѣ нищѣ духомъ, которые учатъ слово въ слово исторію, географію и другіе литературные предметы. Такія личности уже переводятся въ гимназіяхъ. А вы попробуйте измѣнить фигуру; предложите напримѣръ вмѣсто остроугольника — тупоугольникъ, или устройте такъ, чтобы заинтересованный въ доказательствахъ уголъ глядѣлъ не въ стѣну, какъ ему вѣдьня глядѣтъ по учебнику геометріи, а хоть-бы въ полъ или въ потолокъ. Сдѣлайте такъ, и я вамъ ручаюсь, что изъ десяти бойкихъ геометровъ пятаго класса, девять погрузятся въ бесплодную и мрачную задумчивость. Они съ краской стыда на лицѣ сознаются вамъ, что «у нихъ этого нѣтъ», и если вы — немножко психологъ, то вамъ сдѣлается отъ души жалко бѣдныхъ юношей; вы поймете, что въ эту минуту ихъ законное самолюбіе страдаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ еслибы ихъ поймали на крупной шалости или уличили въ небрежности къ заданному уроку; имъ приходится признаться въ умственномъ безсиліи, — въ безсиліи, произведенномъ искусственными средствами, и они сами смутно чувствуютъ, что они могли-бы быть сильнѣе и что ихъ мѣстная тупость находится къ какой-то роковой связи съ своеобразными достоинствами системы преподаванія. Теперь намъ хорошо писать панегирикъ этой системѣ, но надо помнить, что она еще не отошла въ вѣчность и что было время, когда эта система была для насъ неотразимымъ рокомъ: мы изнемогали подъ ударами учебниковъ, мы чувствовали иногда, что тупѣемъ, а между тѣмъ исхода не было; отступление было невозможно. Именно такую тяжелую минуту сознательности пережить тѣ девять геометровъ, которымъ не понравится, чтобы уголъ отъ созерцанія стѣны перешелъ къ разсматриванью потолка. Если же они благополучно выпутаются изъ предложеннаго испытанія, тогда я не шутя совѣтую старшему педагогу, имѣющему власть, обратить все свое вниманіе на учителя математики и отиѣтить его въ своихъ начальническихъ соображеніяхъ, какъ опаснаго человѣка и безпокойнаго реформатора.

Ее сѣтуйте на меня, читатель, за то, что я такъ долго говорилъ о математикѣ, и не удивляйтесь тому, что я вовсе не буду говорить о другихъ предметахъ гимназическаго курса. Отъ другихъ предметовъ и требовать нечего, но математика — наука великая, замѣчательнѣйшій

продуктъ одной изъ благороднѣйшихъ способностей человѣческаго разума. Профанированіе математики есть преступленіе передъ разумомъ, — преступленіе, за которое несемъ наказаніе мы, невинныя жертвы своеобразныхъ достоинствъ. Если у насъ нѣтъ въ обществѣ строгихъ мыслителей, если наши критическія статьи бываютъ похожи на соображенія Кифы Мокіевича, если наши оптимисты смахиваютъ на Манилова, а добродѣтельные либералы — на Ситникова, то всѣ эти привычныя намъ чудеса происходятъ между прочимъ и отъ того, что чистую и прикладную математику мы одолѣваемъ памятью, а размышлять учимся впоследствии, погружаясь въ историческія теоріи, въ философскія системы, въ юридическія фикціи, въ теологическія гипотезы и въ разныя другія извинительныя шалости досужаго и игриваго человѣческаго ума. Мы мыслимъ афоризмами и отыскиваемъ истину чутьемъ и инстинктомъ; исторія превратилась подъ нашими руками въ правоучительный романъ, преслѣдующій равныя заднія мысли, иногда хорошія, часто очень дурныя, но во всякомъ случаѣ неотносящіяся къ настоящему дѣлу: философія до сихъ поръ предъявляетъ права тиранническаго господства надъ такими смиренными умами, которые совершенно неподвижны въ покушеніи мыслить; юридическая литература вся наголо состоитъ изъ причитаній о законности и вмѣняемости, — изъ причитаній, которыхъ авторы поклялись торжественной клятвой никогда не отдавать отчета ни себѣ, ни другимъ — въ томъ, что такое законность и до какихъ предѣловъ должна простираться вмѣняемость. Натуралисты наши, послѣдователи Мильнъ-Эдвардса и Катрфажа, до сихъ поръ любятъ жизненной силою, толкуютъ о цѣляхъ въ природѣ и непритворно гордятся тѣмъ, что самый глухой человѣкъ все-таки умѣе и привлекательнѣе самой умной обезьяны. Всѣ эти историки, метафизики, юристы и натурфилософы, составляющіе многочисленный и разнообразный классъ нашихъ филистеровъ, постоянно говорятъ и вѣшаютъ, постоянно ссорятся и мирятся между собою, коварно соблазняютъ другъ о другѣ, или дружелюбно свидѣтельствуютъ другъ другу свое почтеніе. Но человѣческая мысль сильна; порою вся цѣлая сцена, набросанная мною въ послѣднихъ строкахъ, внезапно освѣщается яркимъ лучемъ чьей-нибудь испорченной мысли; тогда на лицахъ филистеровъ изображается недоумѣніе, безвредные споры ихъ умолкаютъ, взаимныя любезности прекращаются, въ пробившемся лучѣ мысли они всѣ чуютъ общаго врага, — составляется общій хоръ, и всѣ историки, юристы, политико-экономисты, метафизики и натурфилософы режутъ благимъ матомъ, что новая мысль — совсѣмъ даже не мысль, а просто покушеніе на ихъ личную и имущественную безопасность, и хуже того — преступное посягательство на величіе патентованной науки, кото-

рая одинаково дорога имъ всёмъ, какъ общая кормилица и вѣчная дойная корова.

Прислушайтесь, читатель, къ этому плачу и скрежету зубовъ, прислушайтесь и подумайте: вѣдь было же время, когда всё эти мужи науки и брави были сами юными геометрами; было время, когда они съ мѣломъ въ рукахъ стояли у школьной доски, краснѣли отъ стыда и досады и сознавали съ мучительной ясностью, что память ихъ напрягается до истощенія силъ и что въ это самое время непробужденная и неразвитая способность мышленія не можетъ ни на одну минуту поддержать и выручить ихъ въ борьбѣ съ неожиданными препятствіями. Теперь они это забыли; теперь на ихъ лицахъ праздникъ; теперь они заставляютъ краснѣть другихъ геометровъ и, работая въ обществѣ и въ литературѣ, словомъ и перомъ отстаиваютъ своеобразныя достоинства, отъ которыхъ имъ самимъ во время оно приходилось жутко-солонно. Усилія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ: наша учащаяся молодежь, воспользовавшись плодами ученія, распадается на двѣ рѣзко обозначенныя категоріи: направо идутъ овцы, неспособныя краснѣть; налево козлища, весьма способныя краснѣть, шалить и лѣниться. Первые спокойно и радостно тупѣютъ, вторыя злятся и кусаютъ ногти. Изъ первыхъ выходятъ примѣрные чиновники, изъ вторыхъ — широкія натуры и иногда даровитые дѣятели. Разстояніе между тѣми и другими увеличивается съ каждымъ годомъ; различіе между обѣими категоріями постоянно становится глубже; не смотря на то, бываютъ иногда и такіе случаи, что геометръ, зачисленный въ овцы и постоянно считавшій себя овцой, вдругъ открываетъ въ себѣ козлиныя свойства и наклонности и, сдѣлавъ такое открытіе, немедленно перебѣгаетъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ. Случается и наоборотъ, тѣмъ болѣе, что овцой быть выгодно и пріятно.

IV.

Я принадлежалъ въ гимназіи къ разряду овецъ; я не злился и не умничалъ, уроки зубрилъ твердо, на экзаменахъ отвѣчалъ краснорѣчиво и почтительно, и въ награду за всё эти несомнѣнныя достоинства былъ признанъ «преуспѣвающимъ». Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать что изъ всего того, что я говорилъ, проникательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ — романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать «Исторію Англій» Маколея, но

чтеніе и подвигалось туго, и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ гіероглифическихкихъ надписей, прилагавшія къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сего дня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія.

Впрочемъ это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмаго класса, читать «Холодный Домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шумитъ такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ, что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели — Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя — зачѣмъ я ихъ слушалъ... Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безразличными, а Гоголь — писателемъ салнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но конечно я понималъ его такъ-же хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки Охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, не остановиться и задуматься надъ впечатлѣніемъ было для меня немислимо. Словомъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши... А между тѣмъ что-то манило меня въ университетъ, въ словахъ «студентъ, профессоръ, аудиторія, лекція» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое и умное чуялось мнѣ въ студенческой жизни; мнѣ хотѣлось не кутежей, не шалостей, а какихъ-то неиспытанныхъ ощущений, какой-то дѣятельности, какихъ-то стремленій, которыми я не могъ дать тогда ни имени, ни опредѣленія, но на которыя непремѣнно рассчитывалъ наткнуться въ стѣнахъ университета. Даже вѣншіе атрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными; синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ — все это правилось мнѣ, какъ «вещественные знаки невещественныхъ отношеній». Въ то время, когда я, окончивши выпускной экзаменъ, обновлялъ студенческой сюртукъ, нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ родственниковъ облакались въ самыя очаровательныя офицерскія формы; на каскахъ ихъ развѣвались султаны, сабли гремѣли, шпоры звенѣли, эполеты блестѣли, солдаты передъ ними вытягивались, а я все-таки не завидовалъ, и мои скромныя регалии не те-

ряли въ моихъ глазахъ ни одного процента изъ своей неизмѣримой дѣйствительности, несмотря на ослѣпительную блистательность «ихъ благородій». — Впрочемъ любовь моя къ университету была чувствомъ совершенно платоническимъ и даже пантеистическимъ: я любилъ университетъ и студенчество, какъ какое-то отдѣльное мірозданіе, а зналъ я это мірозданіе еще гораздо меньше, чѣмъ Данте свою Беатриче. Кромѣ того, любя этотъ міръ въ его совокупности, я не чувствовалъ никакого особеннаго влеченія къ тому или другому кругу наукъ; а такое влеченіе непременно надо было почувствовать, потому что быть студентомъ вообще — такъ же невозможно, какъ быть птицей или рыбой. Надо быть курицей, грачемъ, ястребомъ, окунемъ, щукой или карасемъ, а поступаая въ университетъ, надо непременно сдѣлаться студентомъ того или другого факультета. Это я зналъ, и потому, полюбовавшись на синеву воротника и на блескъ золоченаго эфеса шпаги, я въ одно мгновеніе ока произвелъ въ умѣ своемъ инспекторскій смотръ представлявшимся мнѣ факультетамъ. По математическому не пойду, потому что математику ненавижу и въ жизни своей не возьму больше въ руки ни одного математическаго сочиненія (читатель видѣлъ выше причины суровыхъ отношеній моихъ къ этому циклу наукъ); по естественному тоже не пойду, потому что и тамъ есть кусочекъ математики, да и физика почти то-же самое, что математика; юридическій факультетъ сухъ (это рѣшеніе можетъ показаться довольно отважнымъ, тѣмъ болѣе, что я тогда еще въ глаза не видалъ ни одного юридическаго сочиненія, — но я уже замѣтилъ прежде, что мы часто мыслимъ афоризмами: такъ случилось и со мною); въ камеральномъ факультетѣ нѣтъ никакой основательности (вотъ вамъ еще афоризмъ, который ничѣмъ не хуже предыдущаго.) Управившись такимъ образомъ съ четырьмя факультетами, я увидалъ, что передо мною остаются въ ожиданіи только два: историко-филологическій и восточный (медицинскаго не было въ томъ университетѣ, въ который я собирался поступить). Развѣ на восточный... Поѣхать при несольствѣ въ Турцію или въ Персію... жениться на азіатской красавицѣ... привезти ее въ Петербургъ и посадить въ національнѣмъ костюмѣ въ ложу, въ бѣль-этажѣ, въ итальянской оперѣ... Это впрочемъ пустяки... А вотъ что: вѣдь на восточномъ придется осиливать нѣсколько грамматикъ, которыя пожалуй будутъ похуже греческой... Ну, и Богъ съ нимъ! — значить, на филологическій. На томъ и покончилось размышленіе.

V.

Читатель конечно согласится со мною (не изъ одной только вѣжливости), что профессорамъ филологическаго факультета доставалось на долю

въ моей особѣ настоящее сокровище. Я говорю и шутилъ. Подумайте: я былъ юнъ, понятливъ и совершенно нетронутъ. Имъ предстояло разработать дѣвственное поле; они могли обсѣменить меня всякимъ добромъ, возжечь во мнѣ всякія благородныя искры, вдунуть въ мое здоровое тѣло именно такую мысль и такую душу, которая наиболѣе приходилась имъ по вкусу. Всѣ эти обсѣмененія, возжиганія и вдунанія я принималъ-бы съ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ пламенной благодарностью, съ фанатическимъ увлеченіемъ новопосвященнаго адепта. Въмѣстѣ со мною поступили въ университетъ личности всякаго вѣзбора: были совершенные лухи, оставшіеся вѣрными своей природѣ вплоть до выхода изъ университета; были молодые фаты, уже испорченные великосвѣтскимъ элементомъ; были юноши себѣ на умѣ; были юноши тупосерьезные; были добрые ребята; были просто терпѣливые ослы; были наконецъ очень умные, — но навѣрное ни одинъ изъ всѣхъ этихъ юношей не соединялъ въ себѣ въ большей степени, чѣмъ я, тѣ два качества, которыя профессоръ, любящій свое дѣло, долженъ считать въ своемъ слушателѣ истинной драгоценностью. Эти два качества — способность къ развитію и совершенная неразвитость — составляли все мое умственное достоиніе въ то время, когда я вошелъ подъ священные своды храма наукъ. Благодаря этимъ качествамъ, каждый профессоръ могъ быть въ отношеніи ко мнѣ Христофоромъ Колумбомъ; онъ могъ открыть меня, водрузить въ меня свое знамя и обратить меня въ свою колонію, какъ землю, незаселенную и никому непринадлежащую. Новая колонія обрадовалась-бы несказанно и по первому востребованію въ неслыханномъ изобиліи стала-бы производить рѣпу, табакъ, сахарный тростникъ или хлопчатую бумагу, смотря по тому, какія сѣмена вздумалъ-бы отважный мореплаватель доверить ей нераспаханнымъ нѣдрамъ. Мало того, види, это Колумбы не пристають къ ея гостеприимнымъ берегамъ, колонія сама преодолѣла свою робость и отправилась искать себѣ завоевателей и цивилизаторовъ; повторилась исторія новгородскихъ славянъ и варяго-руссовъ. Но все это мы еще увидимъ. Попавши въ общество студентовъ-филологовъ, я впервые услышалъ такія вещи, которыя заставляли меня задуматься. Трое или четверо изъ нихъ уже отмежевали себѣ ту или другую науку для специальныхъ занятій; другіе говорили, что выборъ ихъ еще не установился, но что вотъ они читаютъ то и то, и при этомъ размышляютъ такъ и такъ. Говорили объ исторической критикѣ, объ объективномъ творествѣ, объ еоновѣ миеовѣ, объ отраженіи идей въ языкѣ, о гриммовскомъ методѣ, о міросозерцаніи народныхъ пѣсенъ; ухитрялись даже спорить; къ ужасу моему, разсуждали о тѣхъ критическихъ и ученыхъ статьяхъ въ журналахъ, которыя были мнѣ недоступны, какъ полярныя льды; произне-

сили имена Соловьева, Кавелина, Буслаева, Срезневского и Нибура, Чичерина и Шафарика, Грановского и Вильгельма Гумбольдта; сумбуръ именъ соотвѣтствовалъ сумбуръ идей; о родовомъ и общинномъ бытѣ толковали, а я только моргалъ глазами и даже не пытался скрыть того, какъ глубоко удручаетъ меня болѣзненное сознание моего вынужденнаго безгласія. Теперь я двухъ грошей не даль-бы за то, что говорилось тогда, тѣмъ болѣе, что говорившій рѣдко понималъ самого себя, а спорившіе уже рѣшительно никогда не понимали другъ друга, такъ что споръ прекращался только началомъ лекціи или охрипlostью воющихъ сторонъ. Но тогда... о, тогда я изнывалъ отъ своего безсилія и томился мучительной духовной жаждой, воображая себѣ, что кругомъ меня люди угощаютъ другъ друга чистѣйшимъ нектаромъ. Понятно, что каждая лекція казалась мнѣ усладительной каплей небесной росы, и понятно также, что эти росинки тотчасъ впитывались и безслѣдно исчезали въ арабской пустынѣ моего невѣжества.

Первой изъ такихъ росинокъ была для меня лекція профессора Креозотова. Креозотовъ былъ человѣкъ замѣчательный. Надъ нимъ смѣялись въ совѣтѣ университета его товарищи профессора, надъ нимъ смѣялись его слушатели, надъ нимъ навѣрное смѣялся въ душѣ даже тотъ сторожъ, который въ университетскихъ сѣняхъ снималъ съ него шубу или пальто. Но Креозотовъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать всѣхъ этихъ тайныхъ и явныхъ смѣховъ и, не смущаясь ничѣмъ, твердой поступью направлялся къ избранной цѣли, т. е. къ выслугѣ въ пенсіонъ полнаго овлда жалованья. Служилъ онъ съ упорнымъ усердіемъ и, занимая кафедру исторіи, дѣйствительно читалъ всякую исторію, какую назначать, то древнюю, то русскую, то новѣйшую. Еслибы ему поручили читать специальную исторію Букевской орды или Абиссинской имперіи, то это-бы его нисколько не затруднило. Даже въ такомъ экстренномъ случаѣ у него нашлась-бы готовая тетрадка, написанная лѣтъ двадцать тому назадъ на такой синей бумагѣ, какую теперь нельзя найти ни въ одной бумажной лавкѣ. Служебное усердіе сопровождало Креозотова на лекцію и вмѣстѣ съ нимъ садился на кафедру; профессорскій паосъ его былъ разнообразенъ, какъ сама природа; онъ кричалъ отъ душевнаго напряженія, онъ изнывалъ и становился пѣвучимъ, когда герои его страдали или сходили въ могилу; онъ откидывался на спинку кресла, вводилъ ротъ въ сторону и придавалъ своей красной физиономіи шаловливое выраженіе, когда его героини спотыкались на пути добродѣтели и когда такимъ образомъ игривый эротическій анекдотъ прерывалъ собою величественное теченіе исторической жизни. Онъ лицодѣйствовалъ на кафедрѣ, онъ разыгрывалъ, а не читалъ свои тетрадки, и, какъ слѣдовало ожидать, слушатели сначала недоумѣ-

вали, потомъ смѣялись, наконецъ переставали посѣщать его лекціи, изрѣдка показывались въ его аудиторіи, ради соблюденія приличій, и заводили между собой очередь, чтобы на нѣсколько человѣкъ имѣть для экзамена по крайней мѣрѣ одинъ полный экземпляръ Креозотовскихъ записокъ.

Ученость Креозотова была такъ-же обширна, какъ велика была его типичность. Онъ не пропускалъ ни одного магистерскаго диспута, относящагося къ филологическому факультету. На каждомъ диспутѣ онъ дѣлалъ множество возраженій и замѣчаній очень безплодныхъ, микроскопически мелкнхъ, но тѣмъ болѣе показывавшихъ, что специальный вопросъ, разработанный магистрантомъ, извѣстенъ ему по источникамъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. И это обиліе знаній лежало точно въ сундукѣ; единственнмъ ученымъ сочиненіемъ Креозотова была какая-то славянская мнѳология: выпустивъ ее въ свѣтъ, Креозотовъ весь ушелъ въ свои синія тетрадки и всѣ свои духовныя силы посвятилъ крайтнню и мимическому искусству. Мы слушали его древнюю исторію вмѣстѣ съ камералистами, но онъ объявилъ, что для насъ, филологовъ, будетъ еще читать отдѣльно исторію древней географіи. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Что это такое было — этого я и выразить не въ состояніи. Тутъ уже не было ни героическихъ смертей, ни эротическихъ грѣховъ, ни мимическаго искусства. Осталось одно крайтнне. Въ первый разъ, когда онъ пришелъ читать этотъ длинный списокъ собственныхъ именъ, его поразила наша малочисленность, которая тѣмъ рѣзче бросилась въ глаза, что занимаемая нами аудиторія была очень обширна. При этомъ удобномъ случаѣ онъ рассказалъ намъ слѣдующій историческій анекдотъ. — Одинъ мудрецъ вошелъ въ небольшой городъ, въ которомъ были очень большія ворота. Увидѣвъ это обстоятельство, мудрецъ обратился къ гражданамъ и сказалъ: «я боюсь, чтобы вашъ городъ не ушелъ черезъ ваши ворота». — Неожиданно для самого Креозотова, анекдотъ этотъ оказался пророчествомъ: въ одинъ прекрасный день городъ дѣйствительно ушелъ и мудрецъ увидѣлъ только одни большія ворота. Дѣло въ томъ, что терпѣніе наше истощилось, и мы сговорились пренебречь исторіей древней географіи и разойтись по домамъ. До совершенія этого героическаго поступка мы однако выслушали около дюжины лекцій. Креозотовъ успѣлъ приглядѣться къ нашимъ лицамъ, узналъ наши фамиліи и неоднократно разговаривалъ съ каждымъ изъ насъ. Сблизившись съ нами такимъ образомъ, онъ однажды предложилъ намъ предпринять общую работу. Я наострилъ уши. Предложеніе Креозотова состояло въ томъ, чтобы общими силами перевести съ греческаго географическое сочиненіе Страбона. По окончаніи перевода Креозотовъ обязывался свѣрить его съ

подлинникомъ, подвергнуть его одной общей редакціи и издать, съ признательностью упомянуть въ предисловіи фамилии даровитыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ. Предложеніе было принято. Предусмотрительный профессоръ, захватившій съ собою экземпляръ Страбона, для того чтобы ковать желѣзо, пока оно было горячо, тотчасъ предъявилъ принесенную книгу, разрѣзалъ ее на восемь частей, по числу завербованныхъ переводчиковъ, и вручилъ каждому желающему по пяти печатныхъ листовъ довольно мелкаго греческаго текста. Я конечно ревностно началъ переводить, и потому могу объяснить читателю, что это была за работа. Представьте себѣ, что какой-нибудь господинъ раскрылъ передъ вами атласъ, взявъ въ руки указку и, водя ею взадъ и впередъ по картѣ, рассказываетъ вамъ, что вотъ это мысъ А, а въ двухъ верстахъ отъ него заливъ В, а въ заливъ этотъ впадаетъ рѣка С, а по рѣкѣ С стоятъ города D, E и F, и т. д., и все въ томъ-же родѣ. Это строгое изложеніе разнообразится порою краткимъ историческимъ намекомъ на сраженіе, происшедшее по близости, или на богослужебные обряды, совершавшіеся гдѣ-нибудь въ священной рошѣ... Вотъ и все. И такихъ прогудокъ по атласу набирается листовъ до сорока, а мнѣ предстояло перевести пять листовъ, т. е. 80 страницъ. Читатель понимаетъ конечно, какъ сильно такая работа могла обогатить мой умъ, и какъ необходимо было для русской публики получить изданіе Страбона въ русскомъ переводѣ. Чѣмъ дальше подвигалась моя работа, тѣмъ снисходительнѣе я начиналъ смотрѣть на нашихъ трехъ индпендентовъ. Дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, расклеилось. Креозотовъ собралъ растерзанныя части своего Страбона и отдалъ ихъ въ переплетъ.

VI.

Въ то время, когда мы еще тянули ляжку, возложенную на насъ почтеннымъ профессоромъ, я вздумалъ обратиться къ Креозотову за совѣтомъ. Краснѣя отъ волненія, я покаядся ему, что желаю специально заняться исторіей, и убѣдительно просилъ его объяснить мнѣ, какъ надо поступать въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Выслушавъ мою исповѣдь, Креозотовъ тотчасъ посоветовалъ мнѣ читать энциклопедію Эрша и Грубера, и кромѣ того читать источники древней исторіи—Геродота, Фукидида, Плинія, Ксенофонта, Тита Ливія, Діодора Сицилійскаго, Діона Кассія и т. д. Я горячо поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и немедленно побѣжалъ въ университетскую бібліотеку.

— Позвольте мнѣ взять на домъ энциклопедію Эрша и Грубера, сказалъ я нашему бібліотекару.

На лицѣ бібліотекаря выразилось удивленіе.

— Книги, служащія для справокъ, отвѣтилъ онъ мнѣ очень вѣжливо:—на домъ не выдаются.

Вы можете пользоваться ими здѣсь. Какую вамъ надобно книгу?

Я не имѣлъ основанія предпочитать одну книгу другой, и потому совершенно безпристрастно назвалъ книгу А.

Тогда бібліотекаръ повелъ меня за собою въ одну длинную галлерей и указалъ мнѣ длинный рядъ большихъ и толстыхъ книгъ, стоявшихъ на паркетѣ въ стройномъ алфавитномъ порядкѣ. Не помню, сколько ихъ было—тридцать, сорокъ или пятьдесятъ, но знаю, что ихъ было очень много, и что это зрѣлище привело меня въ трепеть; я взялъ первую книгу съ лѣваго фланга и увидалъ, что буква А далеко не исчерпывается этимъ томомъ, который однако оттягивалъ мнѣ руки. Передо мной лежалъ знаменитый нѣмецкій энциклопедическій лексиконъ Ersch und Gruber, и конечно я на первыхъ страницахъ его нашелъ то, что обыкновенно находится въ такихъ книгахъ. Рѣка Аа, слово Аал (угорь), рѣка Аар, кантонъ Ааргау и т. д. Собрать свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ было конечно любопытно, а прочитавъ и сохранить въ памяти всю энциклопедію Ersch und Gruber значило-бы сдѣлаться восьмымъ чудомъ свѣта; но тѣмъ не менѣе чувство самосохраненія взяло верхъ надъ этими заманчивыми соображеніями. Я разсчиталъ, что мнѣ пришлось-бы читать Эрша и Грубера лѣтъ десять, и потому, по окончаніи послѣдняго тома, снова принялся за первый, который въ это время успѣлъ-бы еще разъ приобрести для меня всю прелесть новизны. Прочитавъ энциклопедію разъ пять отъ начала до конца, я могъ-бы сказать, что жизнь моя наполнена и что я могу умереть спокойно, совершивши въ земной жизни то, чего до меня еще не совершалъ ни одинъ здравомыслящій смертный. Совѣтъ Креозотова обогатилъ меня такимъ образомъ слѣдующими опытными знаніями: во-первыхъ я узналъ, что книги, служащія для справокъ, на домъ не выдаются; во-вторыхъ я узналъ, что существуетъ нѣмецкая энциклопедія Эрша и Грубера, что она очень велика и годится для справокъ; въ-третьихъ я узналъ, что приобрести историческія свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ и въ перемежку со всякими другими свѣдѣніями—оригинально, но неудобно; въ-четвертыхъ я приобрѣлъ то драгоценное убѣжденіе, что профессора университета могутъ иногда подавать совѣты, приводящіе въ недоумѣніе.

Совѣтомъ своимъ Креозотовъ заронилъ въ меня ядовитое зерно скептицизма. Изъ злого сѣмени выросла гибельная жатва. Теперь, если кто-нибудь рѣшится упрекать меня въ нигилизмъ, я тотчасъ укажу моему обидчику на Креозотова и скажу: вотъ мой первый наставникъ! Спросите у него,—пусть онъ отвѣтитъ вамъ за мою погибшую душу.

Испытавъ неудачу на энциклопедіи, я тѣмъ не менѣе попробовалъ примѣнить къ дѣлу второй совѣтъ того-же коварнаго профессора. Я

взялъ къ себѣ на домъ твореніе Геродота во французскомъ переводѣ и началъ его читать. Тутъ конечно никакихъ трудностей не представлялось, но дѣло было столько-же бесплодно, сколько легко. Всякому человѣку, имѣющему понятіе о серьезныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ занятіяхъ, хорошо извѣстно, что историческіе источники должны читаться съ специальной цѣлью изслѣдованія людьми уже развитыми, способными бросить на эпоху критическій взглядъ и желающими провѣрить и дополнить изысканія своихъ предшественниковъ. Что-же касается до птенцовъ, подобныхъ мнѣ, то имъ надо читать историческія сочиненія и изслѣдованія, въ которыхъ факты приведены въ порядокъ, сгруппированы и освѣщены критическими трудами мыслящихъ историковъ. Это я говорю для тѣхъ птенцовъ, которыхъ обуреваютъ неистовое желаніе съ юныхъ лѣтъ посвятить себя историческому изученію. Я съ своей стороны такого желанія во всякомъ случаѣ не одобряю, потому что, по крайнему моему разумѣнію, исторія вообще не такая наука (если только она наука, что требуетъ доказательствъ), которая могла-бы укрѣпить и сформировать молодое мышленіе. Но допустимъ то, чего нѣтъ никакой надобности допускать, — что влеченіе юности къ исторіи порывисто и неупорядочно, какъ эксцентрическое желаніе беременной женщины, то и въ этомъ случаѣ перепрыгнуть съ учебника Смарагдова на чтеніе Геродота — значитъ броситься изъ огня въ полымя или, гораздо вѣрнѣе, изъ мелкаго болота въ глубокую трясины. Я поясню это параллелью. Студенту медицины необходимо въродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ возиться съ трупами; но если кромсать мертвыхъ людей и животныхъ начнетъ джентльмэнъ, не имѣющій никакого предварительнаго понятія объ анатоміи, то онъ изъ этого кромсанія вынесетъ только впечатлѣнія дурнаго запаха гнилой крови и разлагающагося мяса. Конечно первый анатомъ ни у кого не учился. Да и первый портной, по справедливому замѣчанію госпожи Простаковой, тоже ни у кого не учился. «Да онъ можетъ-быть и работалъ хуже меня», отвѣчаетъ на это простаковскій Тришка, который такимъ образомъ произноситъ безапелляціонный приговоръ надъ глубокомысленнымъ совѣтомъ профессора Креозотова. Вы скажете можетъ-быть, что параллель моя невѣрна, потому что предполагаемый джентльмэнъ не имѣетъ понятія объ анатоміи, а питомецъ Смарагдова до нѣкоторой степени знаетъ исторію. Ну, да. Джентльмэнъ, войдя въ анатомическій театръ, узнаетъ голову, руку, ногу, — и питомецъ, читая Геродота, узнаетъ Кира, Камбиза, Креза. Но трупы разсѣкаются не для того, чтобы убѣдиться въ существованіи головы, руки и ноги, а историческіе источники читаютъ добрые люди не для того, чтобы любоваться именами Кира, Камбиза и Креза. Значитъ,

параллель вѣрна, и больше объ ней толковать нечего. Совѣтъ Креозотова имѣлъ въ себѣ еще одну опасную сторону, которая могла сдѣлаться гибельной для молодого человѣка, способнаго удручать плоть и мозгъ во имя величія и славы науки. Еслибы Креозотовъ рекомендовалъ историческія сочиненія Грота (не того, который пишетъ въ «Русск. Вѣстн.»), Нибура, Моммзена, Дункера и т. п., то для студента оставался-бы шансъ спасенія. У него явились-бы въ мозгу идеи, обогащающіе взгляды, попытки самостоятельнаго мышленія. Прочтя двѣ-три книги, онъ могъ-бы оглянуться на самого себя, могъ-бы довольно правильно поставить и разрѣшить въ умѣ своемъ вопросъ: дѣйствительно-ли историческія занятія составляютъ потребность его природы? Но чтеніе Геродота и Фукидида отрѣзывало всякое отступленіе. Студентъ читаетъ одного писателя, читаетъ другого, и все не становится умнѣе, и все ждетъ проясненія своего мозга, и все громоздитъ факты на факты, и вдругъ, неожиданно-негаданно для самого себя, въ одно прекрасное утро оказывается туго-набитымъ историческимъ чемоданомъ, совершенно подобнымъ своему прототипу и возлюбленному руководителю. Для меня подобная опасность не существовала. Я никогда не могъ долго заниматься тѣмъ, что не доставляло мнѣ умственнаго наслажденія. Столтники и аскеты науки называютъ такихъ людей диллетантами и шарлатанами. Это свойство моей натуры можетъ-быть очень дурно, но для меня оно во многихъ случаяхъ было чрезвычайно полезно. Всякій разъ, какъ я съ добродѣтельнымъ жаромъ думалъ посвятить себя какой-нибудь кретинизирующей дѣятельности, неуловимый демонъ умственнаго эпикуреизма сильно вырывалъ у меня работу изъ рукъ и деспотически сопротивлялся моему добросовѣстному стремленію поглубить. Кончилось тѣмъ, что я махнулъ рукой и навсегда отказался отъ невозможной борьбы съ бѣсовскими прелестями. Но дошелъ я до этого результата не вдругъ, и читатель увидитъ, что не одинъ Креозотовъ снабжалъ меня совѣтами — сдѣлаться идіотомъ.

VII.

Кромѣ Креозотова, у насъ было еще двое преподавателей исторіи. Я не обращался къ нимъ за совѣтами, но слушалъ въ разные времена ихъ лекціи, и нахожу, что легкой очеркъ ихъ дѣятельности заслуживаетъ вниманія людей, интересующихся ходомъ образованія въ нашихъ университетахъ. Во-первыхъ рекомендую вамъ привать-доцента Кавыляева. Онъ молодъ лѣтами, но великъ своими достоинствами; уступая Креозотову въ эрудицію и мимической виртуозности, онъ далеко превосходитъ его утомительностью лекцій. По скромности, свойственной молодому ученому, онъ всегда выбираетъ себѣ руководи-

теля и, прильпившись къ какому-нибудь одному историческому сочиненію, съ неизмѣннымъ постоянствомъ извлекаетъ изъ него всѣ свои лекціи на цѣлый академическій годъ. Составленные такимъ образомъ записки идутъ безъ измѣненія на продовольствованіе слѣдующаго курса студентовъ; и такъ какъ нѣтъ причины останавливаться на этомъ пути, то есть основаніе надѣяться, что современемъ записки Кавыляева составятъ такую-же палеонтологическую диковинку, какую въ настоящее время уже составляютъ знаменитыя синія тетрадки Креозотова. Кавыляевъ читалъ намъ исторію среднихъ вѣковъ по сочиненію Гизо: «Исторія цивилизаціи во Франціи». Выборъ самъ по себѣ очень позволителенъ, но замѣчательно, что острый и живой анализъ великаго доктринера дѣлался совершенно незамѣтнымъ въ чтеніи маленькаго приватъ-доцента. Самая связь идей терялась въ его безучастной, апатической передачѣ. Еслибы вы заставили деревенскаго дьячка прочесть вслухъ рѣчь Эдмонда Берка или графа Мирабо, то волненіе англійской палаты общинъ или французскаго учредительнаго собранія вѣроятно осталось-бы для васъ совершенно необъяснимымъ. Именно такую горькую долю терпѣло сочиненіе Гизо въ рукахъ Кавыляева. Не думайте, что я говорю о голосѣ или дикціи, — объ этихъ мелочахъ не стоило-бы заботиться; тутъ дѣло идетъ о пониманіи. Когда человекъ выражаетъ передъ вами свою мысль или мысль чужую, но вполне усвоенную имъ, и слѣдовательно развивающуюся изъ головы его, а не изъ тетради, тогда онъ непременно оживляется и непременно передаетъ вамъ часть этого оживленія; тогда даже чужая мысль принимаетъ на себя отпечатокъ его личности и приобрѣтаетъ хоть частичку той живучести, которую она имѣла въ первобытномъ своемъ источникѣ. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ читающій совершенно равнодушенъ къ тому, что онъ читаетъ, тамъ чтеніе самаго занимательнаго произведенія превращается въ усыпительное журчаніе. Такъ дѣйствительно и было, — и лекціи Кавыляева были гораздо невыносимѣе лекцій Креозотова. Креозотовъ читалъ Креозотове, и слѣдовательно глубоко понималъ его и могъ даже изображать его въ лицахъ, а Кавыляевъ читалъ Гизо, который при всѣхъ своихъ политическихъ и теоретическихъ заблужденіяхъ былъ все-таки неизмѣримо великъ для Кавыляевскаго пониманія; слѣдовательно... слѣдовательно, тотъ студентъ, который не желалъ среди лекцій припасть головою къ столу и унести въ царство сновидѣній, долженъ былъ тщательно обходить аудиторію Кавыляева.

Когда мы перешли на третій курсъ, тотъ-же драгоценный Кавыляевъ сталъ читать намъ новую исторію или, точнѣе, біографію Лютера, началу которой онъ предпослалъ кое-какія подробности объ эпохѣ возрожденія. Руководителемъ Кавыляева былъ историкъ реформаціи Мерль

д'Обинье (Merle d'Aubigné). На этотъ разъ все было одинаково хорошо. Достоинство выбора соотвѣтствовало достоинству изложенія. Минула множество замѣчательныхъ европейскихъ историковъ, нашъ приватъ-доцентъ отыскалъ себѣ родственную душу въ райкѣ исторической литературы. Этотъ Мерль д'Обинье оказался протестантскимъ pietistomъ и мистикомъ. На жизнь и дѣятельность Лютера онъ смотрѣлъ, какъ на житіе святого угодника и чудотворца; въ каждомъ поступкѣ своего героя онъ усматривалъ спеціальное выраженіе воли божіей и, стараясь обратить своего читателя къ такимъ-же возвышеннымъ умозрѣніямъ, собралъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи всякіе анекдоты и шлетни о Лютерѣ и его сподвижникахъ. Тутъ рассказывалось и то, по скольку разъ въ день отецъ Лютера сѣкъ маленькаго Мартина, и то, что Мартинъ въ монастырѣ дѣлалъ, и то, какъ онъ въ Римѣ ползалъ на колѣнкахъ по каменной лѣстницѣ, и то, какіе сны видѣлъ курфирсть Фридрихъ Мудрый, и то, какъ одна баба индугенцію покушала, и многое множество всякихъ другихъ достопримѣчательностей. Конечно все это, какъ черезъ водопроводную трубу, текло черезъ уста Кавыляева въ наши записки. И все это мы должны были, не красѣя за самихъ себя и не смѣясь надъ нашимъ наставникомъ, прилично казеннымъ языкомъ излагать на переходномъ и выпускномъ экзаменѣ. И это называлось новой исторіей и должно было давать намъ понятіе о томъ, какъ сложились бытовья и политическія формы теперешнихъ обществъ! Читатель видитъ, что ядовитое зерно скептицизма, зароненное въ мою чистую душу хитрымъ Креозотымъ, я смогу чувствовать недостатка въ питательныхъ матеріалахъ и въ благоприятныхъ атмосферическихъ условіяхъ.

Въ началѣ осени 1858 года возвратился изъ двухлѣтней заграничной отлучки экстраординарный профессоръ исторіи Ироніанскій. На него наше студенчество возлагало самыя блестящія надежды. Онъ былъ сверстникомъ Кавыляева, но уже давно обогналъ его въ своей ученой карьерѣ. Первые лекціи его послѣ возвращенія изъ заграницы привлекли въ аудиторію его множество слушателей. Студенты, пришедшіе на лекцію изъ любопытства, оставались совершенно удовлетворенными, а обязательные слушатели Ироніанскаго были въ восторгѣ отъ своего профессора, поддразнивали тѣхъ, кому приходилось дремать подъ звуки Кавыляева, и жаловались только на то, что мѣста на скамейкахъ приходится занимать заранѣе и что въ огромной аудиторіи становится тѣсно и душно. Словомъ, успѣхъ Ироніанскаго могъ удовлетворить самое шекотливое самолюбіе. Ему даже англодировали, и онъ, какъ нѣкогда Гизо, благодарилъ своихъ слушателей, и въ то-же время просилъ ихъ никогда не выражать ему такимъ образомъ ихъ сочувствія.

Сравнительное достоинство его лекцій было дѣйствительно велико. Онъ выражался языкомъ современной науки; видно было, что онъ понимает то, что говорить, и умѣетъ высказать то, что думаетъ. Каждая лекція его заключала въ себѣ какую-нибудь идею, связывающую или по крайней мѣрѣ пытающуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей, привыкшихъ къ античности Крезотова и къ олимпійскому спокойствію Кавыляева. Единственный недостатокъ, который можно было замѣтить въ наружной формѣ изложенія Ироніанскаго, заключался въ его профессорскомъ щегольствѣ, въ его умственной кокетливости, въ его постоянномъ усилии говорить остроумно и изображать цивилизованнаго европейца, трагующаго d'égal à égal съ генералами и министрами ученаго міра. Конечно онъ не говорилъ, что дружески знакомъ съ Маколеемъ, пилъ чай у Моммзена, или спорилъ о политикѣ съ Зибелѣмъ; о подобныхъ вещахъ и Хлестаковъ могъ бы рассказывать только женѣ городничаго; но неистовое желаніе ослѣпить слушателей оригинальностью и богатствомъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній, наблюдений и изслѣдованій пробивало себѣ широкую дорогу всякій разъ, какъ только представлялась къ тому малѣйшая возможность. Тогдашъ послѣ своего пріѣзда онъ объявилъ студентамъ, что будетъ читать три раза лекціи: publica (общій курсъ), privata (частный) и privatissima (самый частный). Въ самомъ частномъ курсѣ онъ общіица представлялъ образчикъ исторической критики, и дѣйствительно началъ разбирать очень подробно сочиненія Лутипранда, лѣтописца X вѣка. Историческая критика Ироніанскаго не привела къ особенно плодотворнымъ результатамъ, не обнаружила въ изслѣдователѣ обширной эрудиціи и даже не показала намъ какихъ-нибудь замѣчательныхъ критическихъ приемовъ. Ироніанскій просто рассказывалъ подробно содержаніе сочиненій и биографію автора, потомъ ловилъ Лутипранда въ противорѣчіяхъ, которыя были очень замѣтны, и уличалъ его въ пристрастіи къ Оттону, открывая такимъ образомъ обстоятельство, уже давно извѣстное и неподлежащее никакому сомнѣнію. Стало быть, ученой заслуги тутъ не было, а собственно для студентовъ личность и дѣятельность Лутипранда не могла представлять особеннаго интереса, потому что сотни болѣе крупныхъ истерическихъ личностей и болѣе выразительныхъ фактовъ оставались для нихъ въ смарагдовскомъ и зувескомъ полумаркѣ. Да и зачѣмъ было разгоразживать курсъ на три отдѣленія?

И зачѣмъ было огородъ городить,
И зачѣмъ было капусту садить?..

Нельзя. Европеизмъ одолѣлъ. Гдѣ-нибудь въ Боннѣ или въ Гейдельбергѣ такъ дѣлается, и въ Царевкошайскѣ давай такъ дѣлать. Надо-же было Ироніанскому заявить, что онъ съ мини-

страми знакомство имѣетъ. Не упускалъ также щеголеватый профессоръ случая упомянуть, какъ онъ собственной своей особой стоялъ или сидѣлъ на подлинномъ мѣстѣ того или другого мирового событія. При этомъ изливались описательныя подробности, которыя, во-первыхъ, нисколько не объясняли разсматриваемаго факта, а, во-вторыхъ, съ удобствомъ могли быть отысканы въ карманномъ гидѣ. Но все это были мелкія слабости, а въ профессорской дѣятельности Ироніанскаго были и болѣе серьезные факты. Случилось мнѣ однажды съ большимъ удовольствіемъ прослушать лекцію Ироніанскаго, въ которой онъ, стараясь опредѣлить обязанности историка вообще, въ связи съ этой темой разбиралъ историческую и критическую дѣятельность Маколея. Конечно Маколей представлялся ему богомъ исторіи, сошедшимъ на землю единственно для того, чтобы научить людей искусству писать историческія монографіи и критическія статьи. Несмотря на хвалебное направленіе своей лекціи, Ироніанскій оцѣнилъ однако умно и мѣтко особенности и достоинства критическаго таланта Маколея; замѣтилъ даже слабость Маколея, какъ отвлеченнаго мыслителя; доказалъ, почему эта слабость, обнаруживающаяся въ его этюдѣ о Вэконѣ, не вредитъ ему, какъ историку, и очень основательно подкрѣпилъ всѣ свои положенія и выводы довольно обширными и очень удачно выбранными цитатами изъ сочиненій разбираемаго писателя. Вся лекція произвела на слушателей самое стройное впечатлѣніе, несмотря даже на то, что Ироніанскій, ради заграничности и щегольства, называлъ Маколея — *Макаулей*. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Ироніанскій съ большимъ успѣхомъ прочелъ въ большой университетской залѣ, при значительномъ стеченіи публики, двѣ публичныя лекціи о состояніи французскихъ провинцій при Людовикѣ XIV. Источникомъ своимъ онъ объявилъ сочиненіе Флешье: «Les grands jours d'Auvergne». Публика осталась очень довольна, и дѣйствительно во всемъ, что я до сихъ поръ рассказывалъ, нельзя замѣтить ровно ничего предосудительнаго. Но «мой злобный гений» непремѣнно хотѣлъ превратить меня въ скептика. Случилось мнѣ купить одну французскую книжку: «Essais de critique et d'histoire par H. Teine» («Историческіе и критическіе опыты» Тэна). Въ этой хорошей книжкѣ заключались статьи о Гизо, о Мишле, о Теккереѣ, Монталамбертѣ, и между прочими о Маколей и о Флешье. Когда я добрался до Маколея, то изумленію моему не оказалось границъ *). Читаю и глазамъ не вѣрю: она, она, моя голубушка, блестящая лекція Ироніанскаго

* Тако-же изумленіе постигло меня однажды при чтеніи лекціи Вышинскаго объ Англіи въ XVIII столѣтіи, когда я увидѣлъ, что характеристика Мельборѣцкіиомъ взята изъ романа Теккерея: «Генри Эсмондъ».

с Маколей; тѣ-же идеи, тотъ-же порядокъ изложенія, тѣ-же цитаты, даже обороты рѣчи и образы тѣ же самыя; предположить случайное сходство нѣтъ никакой возможности, самое упорное сомнѣніе должно уступить очевидности. Живущій талантъ Ироніанскаго оказывается чужимъ талантомъ, внимательное изученіе Маколей оказывается призракомъ; павлиныя перья взяты на прокатъ, да еще безъ спросу; блестящая лекція нечто иное, какъ тайный переводъ съ французскаго. Ну, подумаль я, посмотримъ, что такое Флешье? Подозрѣнія мои оправдались. Обнаружилось, что публичныя лекціи тоже были взяты на прокатъ, а магазинъ, снабдившій ими цивилизованнаго европейца, былъ тщательнo скрывать отъ публики, потому-де, что совѣстно русскому профессору открыто пользоваться идеями легкаго французскаго критика, ну, а тайкомъ поживиться всегда приятно и неубыточно. Еще въ одномъ случаѣ мнѣ удалось убѣдиться въ ученой безцеремонности профессора Ироніанскаго. Въ 1860 году ему пришлось задавать тому для сочиненія на медаль. Онъ задалъ тому изъ исторіи послѣднихъ вѣковъ язычества и въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ было напечатано, вмѣстѣ съ объявленіемъ этой темы, указаніе на два пособія: во-первыхъ, на сочиненіе Чирнера «Der Fall des Heidenthums» (паденіе язычества), во-вторыхъ, на изслѣдованіе Ироніанскаго объ Александрѣ Авонотихитѣ, одномъ изъ ложныхъ чудотворцевъ и пророковъ язычества. Я, съ свойственнымъ мнѣ добродушіемъ, послѣдовалъ этому указанію и немедленно убѣдился въ томъ, что изслѣдованіе Ироніанскаго упомянуто въ отчетѣ объ актѣ исключительно ради щегольства, потому что оно не изслѣдованіе, а очень малограмотное извлеченіе изъ указанной книги Чирнера. Между прочими красотами я запомнилъ слѣдующее мѣсто. «Неронъ,—пишетъ Ироніанскій,— приказалъ перенести 500 желѣзныхъ статуй... Желѣзныхъ статуй! Слыхали-ли вы когда-нибудь, читатель, чтобы въ древности или когда-бы то ни было выдѣлывались желѣзныя статуи? Какъ же это? Ковали ихъ, что ли? Отыскиваю соответствующее мѣсто у Чирнера и нахожу тамъ: «500 eberne Säulen». Дѣло объясняется просто. Это значитъ, по мнѣнію всѣхъ людей, знающихъ нѣмецкій языкъ: «500 мѣдныхъ колоннъ». Значитъ, Ироніанскій, кромѣ нетвердаго знанія мѣмецкаго языка, обнаружилъ еще небрежность въ работѣ и изумительное непониманіе древней техники. Изобрѣсти желѣзныя статуи, да еще дѣлать пятьсотъ, и сохранить до сихъ поръ репутацію ученаго человѣка, это, милостивые государи, такой пассажъ, который возможенъ только у насъ, въ Россіи. И замѣтьте при этомъ, что эти жрецы науки, тайно переводящіе съ французскаго и неучаено переводящіе съ мѣмецкаго, взираютъ съ высочайшей величія на дилетантовъ,

неспособныхъ удовлетворять серьезнымъ умственнымъ требованіямъ общества. Замѣтьте, что именно эти изобрѣтатели желѣзныхъ статуй всѣхъ громче разсуждаютъ о достоинствѣ науки,—замѣтьте это, и затѣмъ, слѣдуя мудрому совѣту Кузьмы Пруткова, «глядите въ самыя корни вещей», ибо наружность обманчива.

VIII.

Говоря объ Ироніанскомъ и Кавылевѣ, я повольно нарушилъ хронологическую послѣдовательность моихъ воспоминаній, и потому теперь возвращаюсь назадъ къ тому времени, когда я переводилъ Страбона и читалъ Геродота, т. е. къ началу зимы 1856 года. Ожидая себѣ умственнаго просвѣтлѣнія отъ каждаго профессорскаго слова, я въ то время аккуратно посѣщалъ и записывалъ всѣ лекціи, назначенныя мнѣ по росписанію. Особенно интересовали меня лекціи профессора Телицына, читавшаго намъ теорію языка и исторію древне-русской литературы. Въ этихъ лекціяхъ было дѣйствительно много хорошаго. Телицыну было лѣтъ тридцать съ небольшимъ; онъ любилъ студентовъ и искалъ между ними популярности; лекціи свои онъ составлялъ съ большимъ стараніемъ и всегда заканчивалъ ихъ какой-нибудь фіоригурой, которая неминуемо должна была поднять въ душѣ студентовъ дѣлую бурю добрыхъ и возвышенныхъ чувствъ. Эта фіоригура всегда была приготовлена заранѣе, но тѣмъ не менше она всегда выдѣлывалась отъ души, съ полной искренностью и безъ всякой натажки. Проговоривъ на кафедрѣ въ продолженіи полутора часа, Телицынъ всегда приходилъ въ восторженное состояніе, и тогда рулада вырывалась изъ груди его съ неудержимой силой; сходя съ кафедры, онъ всегда чувствовалъ дѣйствительную потребность сказать студентамъ что-нибудь согрѣвающее, а такъ какъ онъ профессорствовалъ уже не первый годъ, то ему было вполне позволительно, зная свою разнѣживающуюся натуру, заготовлять заранѣе матеріалы для той потребности, которая неминуемо возникаетъ передъ концомъ лекціи. Неужели вы упрекнете слезливаго человѣка въ театральничаньи, если онъ, отправляясь на чьи-нибудь похороны и находясь при выдѣзѣ изъ своей квартиры въ самомъ веселомъ расположеніи духа, набрать карманы своего сюртука носовыми платками? Вѣдь онъ-же знаетъ, что непременно расплачется: такъ какъ-же ему не принять свои мѣры? Что-же за удовольствіе утирать слезы рукавами сюртука или умолять сосѣда объ одоженіи носового платка? Такъ и Телицынъ. Развѣ хорошо было-бы, еслибы растроганный въ концѣ профессоръ не излілъ своего чувства въ умныхъ и красивыхъ рѣчахъ? Вѣдь это-бы смѣху надѣлало, еслибы онъ, окончивая лекцію, вдругъ развелъ руками, изобразилъ-бы на лицѣ своемъ глубокую любовь къ студентамъ, сдѣлалъ

бы нѣсколько успѣй, и вдругъ ничего-бы изъ этого не вышло. А такая участь неизмѣнно постигла-бы его, еслибы матеріалы для фейерверка не были припасены заранее. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ однажды, отработавъ специальный предметъ лекціи, началъ говорить о величій знанія вообще, и вдругъ заключилъ свою рѣчь словами Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir—c'est la liberté» (невѣжество—рабство, знаніе—свобода). Насъ такъ и подкинуло кверху; эффектъ вышелъ оглушительный,—а все отчего? Оттого, что въ сюртукѣ Телицына лежали носовые платки.

Вы скажете можетъ-быть, что слезливость не есть чувствительность, и что истинный талантъ пренебрегаетъ приготовленными эффектами, потому что полагается на свои силы и всегда находить эффекты подъ руками въ ту рѣшительную минуту, когда онъ въ нихъ нуждается. Противъ этого я спорить не буду; считать Телицына талантливымъ профессоромъ позволительно только студентамъ перваго курса, восхищающимся кончиками его лекцій. Я съ своей стороны отстаиваю только его искренность. Телицынъ не похожъ на Ироніанскаго; ему хочется не блеска, не щегольства, а любви, сочувствія студентовъ; онъ не пускаетъ пыли въ глаза, онъ дѣйствительно хочетъ быть и полезнымъ профессоромъ, и дѣльнымъ ученымъ; онъ напрягаетъ всѣ свои силы,—но при этомъ мы должны помнить, что размѣры человѣческихъ силъ неодинаковы. Телицынъ много читалъ, читалъ постоянно и передавалъ намъ много хорошихъ вещей на лекціяхъ,—но лекціи его все-таки были мозаиками. Переварить и переработать массу матеріала въ своемъ мозгу и затѣмъ передать слушателямъ продукты своего мышленія,—этого отъ Телицына смѣшно было бы и требовать. Да и не угодно-ли вамъ посмотретьъ вокругъ себя: много-ли у насъ въ цѣлой Россіи людей, дѣйствительно способныхъ мыслить и пользующихся этой способностью? Куда ни помотришь, вездѣ—или переводчики, подобные Ироніанскому, или каменщики и носильщики, вродѣ Телицына; вездѣ или ловкие люди, очень хорошо знающіе, чего они хотятъ, или терпѣливые труженики, вовсе незнающіе, зачѣмъ они трудятся. Пустили ихъ внизъ по наклонной плоскости, они и катятся по силѣ инерціи до тѣхъ поръ, пока ихъ не остановитъ накопленіе жира или истощеніе силъ. Люди, подобные Телицыну, работаютъ или до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ чины и въ барственную лѣнь, или до тѣхъ поръ, пока не разовьютъ на себѣ чахотку. Телицыну предстояло по всей вѣроятности послѣдній исходъ. Несмотря на свои молодые лѣта, онъ уже успѣлъ приобрести очень замѣтную сутуловатость и постоянно страдалъ застоями и приливами крови; глаза его были всегда немного воспалены и всегда неопредѣленно тусклымъ взоромъ смотрѣли куда-то вдаль. Обладатель атлети-
11-49 1886 г.
4446 год

при самомъ простомъ разговорѣ казался всегда или усиленно сосредоточеннымъ, или тревожно разсѣяннымъ; можно было подумать, что онъ постоянно созерцаетъ духовными очами какую-нибудь неописанную красоту или постоянно старается уловить ухомъ какую-нибудь вѣчно ускользающую отъ него райскую мелодію, а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Телицынъ былъ просто вѣрующимъ жрецомъ и слѣпымъ поклонникомъ того идола, передъ которымъ онъ хотѣлъ повергнуть въ прахъ своихъ слушателей. Идоломъ этого идола онъ съ улыбкой блаженства сжигалъ медленнымъ огнемъ свой мозгъ и свои жизненные силы. Для него слова Беранже: «l'ignorance—c'est l'esclavage, le savoir,—c'est la liberté» были догматомъ вѣры. Какой savoir? какая liberté? онъ объ этомъ не спрашивалъ и былъ твердо увѣренъ, что изучитъ влияние византийскихъ писателей на проповѣди Кирилла Туровскаго или разсмотрѣть литературные приемы Нестора значить—до извѣстной степени разсвѣять мракъ губительной ignorance и потрясти основы ненавистнаго esclavage. Телицынъ былъ лучший продуктъ нашего университетскаго образованія; онъ именно достигъ той точки развитія, которая составляетъ крайній и высшій предѣлъ педагогическихъ тенденцій нашихъ университетовъ. Пойти дальше, забрать вверхъ или въ сторону—значило-бы уклониться отъ той патентованной цѣли, которую самые лучшіе профессора показываютъ своимъ слушателямъ, какъ цѣль, исключительно соответствующую достоинству и назначенію человѣка.

Такъ какъ всякую систему слѣдуетъ судить именно по тѣмъ ея произведеніямъ, которыя она сама считаетъ вполне удавшимися, то вотъ я ставлю передъ читателемъ портретъ Телицына и говорю ему: таковъ идеалъ, къ которому стремится наше университетское образованіе. Какъ онъ вамъ нравится? Чувствуете-ли вы въ душѣ своей неотразимое желаніе приблизиться къ этому результату? Находите-ли вы, что обновленіе Россіи будетъ совершаться быстро и радикально, если десятки тысячъ Телицыныхъ будутъ разсѣяны на всѣхъ поприщахъ нашей общественной дѣятельности?—Не знаю, какъ вы отвѣтите на эти три вопроса; не скажу вамъ такъ-же, какъ отвѣтилъ-бы я на нихъ теперь; но въ 1856 и въ 1857 годахъ я отвѣтилъ-бы на первый вопросъ: «очень»,—на второй: «чувствую»,—на третій: «нахожу». Кромѣ того я самые вопросы нашелъ-бы странными и на вопрошающаго посмотрѣлъ-бы какъ на обскуранта, кощунствующаго надъ святыми представителями науки. 1856 и 1857 годы были, какъ извѣстно, тѣмъ временемъ, когда наше общество во что-бы то ни стало стремилось убѣдить себя въ томъ, что оно переживаетъ великую эпоху,—тогда множество старыхъ вещей перекрашивались заново и дѣйствительно принимались за новыя тѣми самыми людьми, которые собствен-

поручно отдавали ихъ къ красильщику и принимали ихъ отъ него обратно. При этомъ краски часто оказывались непрочными или развѣдающею свойства, такъ что матерія въ скоромъ времени линяла или расплзались. Это стремленіе ебольщаться и надѣяться проявилось и въ университетѣ, гдѣ мы немедленно опредѣлили, что Крезотовъ и Кавыляевъ будутъ считаться преподавателями отживающаго порядка вещей, а Телицынъ — кроткимъ ангеломъ прогресса и вдохновеннымъ провозвѣстникомъ лучшаго будущаго.

Если читатель приметъ въ соображеніе, что эти два года юношескихъ мечтаній матушки Росси соотвѣтствовали именно такой-же порѣ въ моей личной жизни, то онъ пойметъ, что образъ Телицына долженъ былъ произвести на меня чарующее и одуряющее впечатлѣніе. Я увлекался въ одно время и чувствомъ массы, и своей личной жотребностью найти себѣ учителя, за которымъ я могъ-бы слѣдовать съ вѣрой и любовью. Мысли о занятіяхъ исторіей замерли во мнѣ, благодаря совѣтамъ Крезотова. Въ этихъ мысляхъ никогда не было ничего серьезнаго, и я думалъ принять за исторію только потому, что исторія — самая яркая наука нашего факультета; она первая бросается въ глаза, и я схватился за нее, какъ ребенокъ хватается за пламя свѣчи. Теперь же, когда я всѣмъ сердцемъ возлюбилъ Телицына, теперь, когда онъ гальванизировалъ меня и товарищей моихъ лукавыми хвостиками своихъ лекцій, теперь въ душѣ моей зародилось неупорядоченное желаніе посвятить себя — чему? зачѣмъ? — ну, все равно, чему-бы то ни было, а только посвятить себя. *Наука, истина, святъ, дѣятельность, прогрессъ, развитіе* — эти слова такъ и кувыркались у меня въ головѣ, и это кувырканіе казалось мнѣ ужасно плодотворнымъ, хотя изъ него ничего не выходило, да и выдти ничего не могло. «Хочу служить наукѣ, хочу быть полезнымъ; возьмите мою жизнь и сдѣлайте изъ нея что-нибудь полезное для науки!» — Восторгу было много, но смыслу мало. Слово *наука* осталось для меня безслезнымъ звукомъ, какъ остается она для многихъ людей, утѣшающихся всю свою жизнь тѣмъ пріятнымъ заблужденіемъ, что они ее, науку, двигаютъ впередъ. Непонимая того, что такое «наука», и даже не спрашивая себя о томъ, на какое употребленіе и какой сортъ ея годится для человѣка, я конечно не могъ понимать и того, что полезно и что бесполезно для науки. Стало быть, фраза моя измѣнилась такъ: «возьмите мою жизнь и истратьте ее на что хотите». А изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что возбуждать въ молодыхъ людяхъ безпредметный восторгъ и ослѣплять ихъ блескомъ добродѣтельныхъ словъ вовсе непохвально, потому что молодые люди отъ этого глупѣютъ, по крайней мѣрѣ на время, а потомъ, когда пройдетъ ихъ глупость, они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, что возбуждало, и надъ тѣмъ, кто возбуждалъ въ нихъ неосмысленное бла-

готовѣніе. Дѣйствительная наука, плодъ внимательнаго наблюденія и трезвой мысли, по самой природѣ своей враждебна всякимъ восторгамъ, какъ бы ни были они добродѣтельны. Если-бы химикъ или фізіологъ съ восторгомъ принимался за свои опыты, то зрѣлище вышло-бы чувствительное, но опытъ не привелъ-бы къ искомому результату, или по крайней мѣрѣ результатъ былъ-бы неправильно понятъ или превратно истолкованъ. Что-же касается до тѣхъ ученыхъ, которые пишутъ о Несторѣ и Кириллѣ Туровскомъ, то имъ конечно восторги вредить не могутъ, потому что они опытовъ не производятъ и еще потому, что для ихъ соотечественниковъ и для всѣхъ прочихъ людей рѣшительно все равно, къ какимъ-бы результатамъ они ни пришли и до какихъ бы умозрѣній они ни дописались.

IX.

Послѣдняя лекція Телицына передъ святками 1856 года была ознаменована слѣдующимъ событіемъ. Нашъ обожаемый профессоръ сказалъ, что для пользы науки и для назиданія студентовъ намъ слѣдуетъ перевести нѣсколько ученыхъ изслѣдованій и разсужденій. Тутъ онъ назвалъ между прочими статью Якова Гримма: «Ueber den Liebesgott» («О богѣ любви»), — другую статью того-же автора: «Ueber das Verbrennen der Todten» («О сожженіи мертвыхъ»), — статью Шафарика о числительныхъ именахъ, — брошюру Штейнтала: «Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegelsche Philosophie» («Языковѣданіе Вильгельма Гумбольдта и философія Гегеля»). Случилось такъ, что я сидѣлъ во время этой лекціи на срединѣ скамейки; товарищи мои, сидѣвшіе по обѣимъ концамъ, тотчасъ послѣ окончанія лекціи встали, подошли къ кафедрѣ и взяли себѣ тѣ работы, которыя были полѣгче, а на мою долю осталась только одна зловѣщая брошюра Штейнтала. Дѣлать было нечего; Телицынъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и еще говорилъ съ разсчитаннымъ коварствомъ, что эту брошюру перевести особенно необходимо. Я мысленно прекрестился и протянулъ къ ней руку. Рубиконъ былъ перейденъ, и Телицынъ овладѣлъ мною. Въ брошюру Штейнтала оказалось 140 страницъ, и содержаніе роскошно выполнило тѣ грозныя обѣщанія, которыя давало заглавіе. О философіи Гегеля распространяться нечего. Всякій читатель знаетъ по слышкѣ, что это штука хитрая, и что пониматъ ее мудро и кромѣ того бесполезно. Что-же касается до Гумбольдта, то объ немъ сами нѣмцы, и притомъ его поклонники, говорятъ, что онъ неясенъ, но что эта неясность происходитъ отъ новизны и оригинальности его идей. Теперь вообразите себѣ, что Штейнталь, который о высокихъ матеріяхъ пишетъ такъ-же удобопонятно, какъ и всѣ прочіе нѣмцы, начинаетъ сравнивать Гегеля съ Гумбольдтомъ, и притомъ не факты, добытые имъ, не

результаты, къ которымъ они пришли, а методы ихъ мышленія и изслѣдованія; и это сравненіе продолжается на 140 страницахъ; и это надо было переводить мнѣ, — человѣку, читавшему Маколея съ трудомъ и Диккенса безъ особеннаго удовольствія. На моемъ младенческомъ лицѣ было ясно видно, на сколько я способенъ судить о Гегелѣ и Гумбольдтѣ, и Телицынъ могъ это замѣтить, но Телицынъ на такіе пустяки не обращалъ вниманія и съ наслажденіемъ готовился зарѣзать юную жертву на алтарь своего идола.

Когда я началъ читать брошюру Штейнтала, то у меня на первыхъ пяти строкахъ закружилась голова, и я пенялъ, что читатели, къ которымъ обращается авторъ, должны знать очень многое, а что я этого многого совсѣмъ не знаю. Тогда я рѣшилъ не читать, а прямо переводить, хотя-бы связь между отдѣльными періодами и смыслъ цѣлага остались для меня совершенно непонятными. И я это выполнилъ. Зная отлично нѣмецкій языкъ и владея хорошо русскимъ языкомъ, я передавалъ вѣрно и отчетливо одинъ періодъ за другимъ, — и, независимо отъ моей воли, являлся какой-то общій смыслъ, точно такъ же, какъ въ чтеніи Чичиковскаго Петрушки изъ отдѣльныхъ буквъ всегда составлялось какое-нибудь слово, которое иногда и чортъ знаетъ что значило. Но переводилъ я долго, и потомъ самъ переписывалъ свою работу. Встрѣчаясь со мною въ университетѣ, Телицынъ не разъ говорилъ мнѣ нутя, что Штейнталь не такъ долго писалъ свою брошюру, какъ я ее перевожу. По моему, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Штейнталь вѣроятно понималъ, что онъ пишетъ, а я совсѣмъ напротивъ. Мѣсяца четыре ушло на мою работу; наконецъ, придя на экзаменъ Телицына, я вручилъ ему двѣ толстыя тетради, заключавшія въ себѣ переписанный набѣло переводъ ужасной брошюры. Должно быть, въ то время демонъ умственного эпикуреизма, о которомъ я упомянулъ выше, былъ совершенно подавленъ добродѣтельными стремленіями, возбужденными во мнѣ вліяніемъ Телицына. Переводить книгу, которую не понимаешь, это конечно самая неприятная и самая крестинизирующая работа, какую можно себѣ представить; и между тѣмъ я довелъ эту работу до конца. Очевидно демонъ былъ низринутъ и посрамленъ, но Телицыну этого было мало. Онъ тутъ же, на экзаменѣ, попросилъ меня на выдержку прочесть двѣ-три страницы изъ моего перевода. Оказалось, что переводъ хорошъ. Телицыну пришло въ голову помѣстить мой трудъ въ нашъ студенческій «Сборникъ». Такое желаніе польстило моему самолюбію. Но тотчасъ представилось возраженіе: объемъ перевода слишкомъ великъ; а вслѣдъ за возраженіемъ явилось въ умѣ Телицына средство помирить противорѣчія: сдѣлайте, говорить, изъ вашего перевода извлеченіе. Отъ этого предложенія меня въ жаръ бросило. Этого только не доставало. Перевелъ — и

чего не понялъ, а теперь извлекай изъ того, чего не понимаешь. Что-же я извлеку? А положеніе безвыходное. Сказать: «не хочу» — неловко, да и весь разговоръ совсѣмъ не въ такомъ тонѣ былъ вѣденъ. Признаться въ томъ, что переводилъ машинально, признаться публично, при студентахъ, вѣдь это значить — дуракомъ себя назвать. Нѣтъ! что будетъ, то будетъ! Всѣ эти размышленія промелькнули въ моей головѣ чрезвычайно быстро, и я сказала Телицыну, что извлеченіе будетъ сдѣлано. Я занялся этимъ трудомъ на каникулахъ и окончилъ его успѣшно, хотя и на этотъ разъ нельзя было сказать, чтобы понималъ мысли Штейнтала. Приемы мои при этой работѣ были довольно оригинальны. Я опредѣлилъ себѣ извѣстный масштабъ, именно, чтобы три страницы перевода превращались въ одну страницу извлечения; соображаясь съ этимъ масштабомъ, я сжималъ и сокращалъ языкъ моего перевода, такъ что извлеченіе мое оказалось просто миниатюрной фотографіей съ большой картины. Я ухитрился даже въ этомъ случаѣ работать машинально, да иначе и не могъ работать надъ такимъ сюжетомъ человѣкъ, неимѣющій никакого понятія ни о Гегелѣ, ни о Гумбольдтѣ, ни о философіи, ни о языкознаніи, ни объ умственной жизни Германіи, и рѣшительно ни объ одномъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ совершенно свободно разсуждалъ Штейнталь.

Какъ вы думаете, читатель, во что превратилъ-бы меня Телицынъ, еслибы я лѣтъ пять поработалъ подъ его руководствомъ? Вѣдь такая операція надъ Штейнталемъ стоитъ цѣлаго года машинальной канцелярской работы; вѣдь тутъ человѣкъ не развивается, а напротивъ привыкаетъ обращаться съ чужими мыслями, какъ съ закупоренными тюками, которые онъ перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто и разставляетъ въ симметрическомъ порядкѣ, не заботясь о томъ, что въ нихъ неложно. Является искусство строить фразы, привычка вставлять въ эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятныя идеи, — является попутайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вотъ, молъ, я сколько книжныхъ понятій усвоилъ, вотъ сколько научныхъ статей произвелъ, вотъ какую пользу великую принесъ. Когда явилось такое самодовольство, тогда чловѣкъ слѣдуетъ признать совершенно погибшимъ; тогда критическая способность утрачена, а вмѣсто способности мыслить приобрѣтена способность нанизывать слова и предложенія, соединять ихъ въ періоды и изъ періодовъ составлять статьи, диссертациі или книги. Работая подъ руководствомъ Телицына, я большими шагами направлялся къ такому блаженному состоянію.

X.

Телицынъ имѣлъ полную возможность взглянуть въ меня и изъ разговоры со мною

узнать степень моего развитія. Лѣтомъ 1857 года мнѣ пришлось ѣхать съ Телицынымъ по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Мы пробыли вмѣстѣ 30 часовъ и по крайней мѣрѣ 10 часовъ были проведены въ серьезныхъ разговорахъ. Я съ наивнымъ восторгомъ объяснилъ Телицыну, какую чудесную переменъ произвелъ во мнѣ одинъ годъ, проведенный въ университетѣ, какъ передъ моею мыслью открылись цѣлыя новые горизонты и какія теперь у меня хорошія стремленія. Телицынъ все это слушалъ съ любовью и со вниманіемъ, умиляясь и восторгаясь вмѣстѣ со мною, а это конечно еще болѣе подавало мнѣ жару. Человѣкъ разсудительный и неспособный удовлетворяться пылкими рѣчами, тотчасъ спросилъ-бы у меня, въ чемъ именно состоитъ переменъ, какіе горизонты и къ чему клонятся стремленія. При такомъ вопросѣ съ меня поневолѣ соскочилъ бы хмѣль, и можетъ-быть за пароксизмомъ восторга послѣдовалъ-бы пароксизмъ унынія: пришлось бы вдругъ сознаться, что все упоеніе произведено какой-нибудь дюжиной словъ, и что кромѣ этихъ словъ да профессорскихъ записокъ не воспослѣдовало никакого умственного приобрѣтенія; но на профессорскія записки я уже смотрѣлъ безъ особеннаго благоговѣнія, а слова, какія бы они ни были, все-таки не могли казаться мнѣ магическими талисманами. Значитъ, все умственное богатство мое оказалось-бы просто возбужденнымъ состояніемъ мозговыхъ нервовъ, и разсудительный человѣкъ тотчасъ понялъ-бы, что со мною слѣдуетъ говорить, какъ съ мальчикомъ, совершенно неразвитымъ и ничего незнающимъ, что мнѣ слѣдуетъ рекомендовать чтеніе серьезное, но вполне доступное, и что задавать мнѣ какую-нибудь работу совсѣмъ не годится, потому что умъ мой долженъ питаться, а не тратить свои силы въ преждевременной производительности. Но Телицынъ ничего этого не разобралъ; всѣ мои восторги были приняты за доказательства развитости; болтовня моя о наукѣ сошла за чистую монету, и мой собесѣдникъ пресерьезно посоветовалъ мнѣ заняться спеціально теоріей или философіей языка.

Чтобы оцѣнить этотъ совѣтъ, надо знать, что философія языка основывается на громадномъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ языковъ. Люди, посвящавшіе себя этой отрасли науки, старались по возможности познакомиться со всѣми существующими на земномъ шарѣ языками, что было совершенно необходимо, потому что жѣлъ философіи языка (или философскаго языкознанія или филологіи) заключается въ томъ, чтобы представить ясное и вѣрное понятіе о *словѣ*, т. е. о способности человѣка выражать свои мысли и ощущенія членораздѣльными звуками. Преслѣдуя такую цѣль, необходимо знать, какъ проявляется эта способность у различныхъ народовъ, потому что безъ этого предварительнаго

знанія нельзя позволить себѣ никакого заключенія или даже правдоподобнаго предположенія объ общихъ свойствахъ изучаемой способности. Языки у различныхъ народовъ оказывались до такой степени несходными, что разныя преждевременныя теоріи о языкѣ вообще разрушались въ прахъ такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось напримѣръ, что многіе языки не различаютъ существительнаго отъ глагола; оказывалось, что другіе языки состоятъ не изъ словъ, а изъ готовыхъ предложеній. Все это надо было принимать въ расчетъ, потому что въ самыхъ нелѣпыхъ и неразвитыхъ языкахъ все-таки дѣйствуетъ та-же способность, которая только въ болѣе сильной степени проявилась въ самыхъ богатыхъ и гибкихъ языкахъ человѣчества. Кромѣ сравнительнаго изученія языковъ, необходимо изученіе историческое. Надо-же знать, какъ совершенствуется или ослабѣваетъ съ теченіемъ времени разсматриваемая способность. Конечно филологу нѣтъ необходимости говорить и писать на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые служатъ ему матеріалами для сравненія. Но онъ долженъ имѣть очень опредѣленные понятія о системѣ звуковъ этихъ языковъ, о переходѣ звуковъ одинъ въ другой, объ образованіи словъ изъ корней, о грамматическомъ строѣ, о синтаксическихъ особенностяхъ; кромѣ того онъ долженъ знать до нѣкоторой степени лексическій составъ языковъ, т. е. запасъ наиболѣе замѣчательныхъ словъ, чтобы сближать эти слова съ словами и корнями другихъ языковъ. Если ученый хочетъ ограничить свои изслѣдованія однимъ племенемъ языковъ, если такимъ образомъ изъ области философіи языка онъ спускается въ область сравнительной грамматики, то съ уменьшеніемъ объема его трудовъ должна увеличиться глубина его знаній. Нѣмецкіе филологи, занимающіеся индо-европейскою семьей языковъ, знаютъ уже во всѣхъ подробностяхъ языки санскритскій, Zendскій (древне-персидскій), литовскій, греческій, латинскій, старо-славянскій, готскій и англо-саксонскій. Наконецъ ученые, сосредоточившіеся, подобно Якову Гримму, преимущественно на историческомъ изученіи нѣмецкаго языка, доводятъ знаніе всѣхъ его старыхъ и новыхъ отбѣнковъ и всѣхъ иностранныхъ языковъ, соприкасавшихся съ нимъ даже въ глубокой древности, до изумительной полноты и до непостижимаго совершенства. Цѣлая, долгая жизнь дѣятельнаго и умнаго человѣка наполняется этимъ изученіемъ, и потомъ все-таки оказывается, что изученіе это только что затронуто, и что еще десятки людей будутъ посвящать продолженію работы свои лучшія силы.

Мы можемъ сомнѣваться въ практической полезности подобныхъ занятій, можемъ находить, что нѣсколько человѣческихъ жизней истрачиваются на нихъ непроизводительнымъ образомъ, но всякомъ случаѣ мы не можемъ отказать въ полной

ни уваженія тому трудолюбію, той умственной пергн, тому глубокомыслию и остроумію, которыя есомѣнно обнаруживаются въ этихъ утомительныхъ и кропотливыхъ изысканіяхъ. Но если мы, ставляя въ сторонѣ ученыхъ нѣмцевъ, устремимъ наши взоры на нашихъ отечественныхъ языковедовъ, то тутъ никакой дани намъ выдѣлывать не придется, потому что соотечественники наши—народъ смѣтливый и находятъ, что загребать жаръ своими руками горячо, а чужими даже пріятно. У насъ до сихъ поръ было сдѣлано только одно открытіе въ области филологіи, именно открытіе Востокова о юсахъ, и съ этимъ открытіемъ наши ученые нянчаются уже очень давно, потому что для нихъ конечно это невиданная диковинка. Всѣ-же остальные наши ученые (а ихъ таки не мало) совершенно усвоили себѣ ту великую истину, что прочесть нѣмецкое изслѣдованіе, даже очень толстое, гораздо легче, чѣмъ учиться санскритскому и всякимъ другимъ, болѣе или менѣе неприятнымъ языкамъ. Съ этой истиной соображаются всѣ ихъ ученые подвиги. Нѣмецъ на каждой страницѣ своего труда приводитъ сопоставленія формъ и словъ, взятыхъ изъ разныхъ родственныхъ языковъ, и русскій дѣлаетъ то-же самое. Но нѣмецъ самъ разыскалъ эти формы и слова, а русскій отважно переписалъ работу нѣмца и даже не проверилъ ея, потому что не можетъ этого сдѣлать. Если русскій къ заимствованнымъ рядамъ формъ и словъ присоединилъ соотвѣтствующія русскія слова и формы, тогда имя его упоминается съ уваженіемъ, и студентамъ говорятъ на лекціяхъ: «даровитый ученый такой-то въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи такомъ-то примѣнилъ блестящимъ образомъ къ нашей отечественной наукѣ методъ Якова Гримма», или какого-нибудь другого туза филологіи. Конечно между нашими языковедцами есть и умные люди, понимающіе въ глубинѣ души, что ихъ экскурсіи въ нѣмецкія книги можно называть наукой только изъ вѣжливости; эти господа смотрятъ на свои работы безъ особенной нѣжности, но, какъ умные люди, они понимаютъ, что экскурсіи питаютъ и грѣютъ ихъ, и потому они не видятъ никакой надобности ратовать словомъ и перомъ противъ обычаевъ, укоренившихся въ ученомъ мірѣ. Что-же касается до большинства нашихъ филологовъ, то они такъ сжились съ существующими условіями ученой дѣятельности, что находятъ ихъ совершенно нормальными.

Къ этой многочисленной категоріи дѣятелей принадлежалъ и Телицынъ; занимаясь древней русской литературой и не имѣя никакихъ лингвистическихъ свѣдѣній, онъ находилъ совершенно возможнымъ читать намъ лекціи по философіи языка и приводить множество примѣровъ и сближеній изъ санскритскаго вѣдскаго и другихъ столь же извѣстныхъ ему языковъ. Мало того. Онъ даже находилъ совершенно естественнымъ и похвальнымъ вести по слѣдамъ своимъ юнаго ре-

нителя науки и служить ему руководителемъ въ такой отрасли знаній, въ которой онъ, Телицынъ, былъ самъ несвѣдущимъ ученикомъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта, Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера,—но о дѣйствительномъ изученіи языковъ не было и рѣчи. По мнѣнію Телицына, было совершенно достаточно усвоить себѣ идеи нѣмецкихъ филологовъ, а доходить до самостоятельнаго изслѣдованія или до критическаго отношенія къ благодѣтельнымъ нѣмцамъ—значило мечтать о недоступной и совершенно излишней роскоши. Совѣтъ Телицына былъ такимъ образомъ диаметрально противоположенъ совѣту Креозотова. Телицынъ совѣтовалъ питаться высшими идеями, а Креозотовъ рекомендовалъ глотать сырые факты. Какъ не различны эти два совѣта, въ нихъ есть однако существенное сходство: оба они разсчитываютъ исключительно на память; слѣдуя тому или другому совѣту, учащійся долженъ навсегда отказаться отъ развитія критическаго смысла, потому что общая идея, построенная на извѣстныхъ вамъ фактахъ, представляется вамъ въ свою очередь голымъ фактомъ, который надо запомнить, но надъ которымъ размышлять невозможно. Кто знаетъ сравниваемые языки, для того сравнительная филологія является осмысленіемъ и приведеніемъ въ систему извѣстныхъ фактовъ; а кто ихъ не знаетъ, тотъ принимаетъ идеи науки на вѣру и закрѣпляетъ ихъ у себя въ памяти, какъ могъ-бы закрѣпить какую-нибудь хронологическую таблицу. Когда происходилъ у меня этотъ разговоръ съ Телицынымъ, тогда я конечно, не оцѣнилъ прелести его совѣта и принялъ его съ той добродушной радостью, съ которой принималъ до тѣхъ поръ всѣ профессорскіе совѣты, думая всякій разъ, что философскій камень найденъ, и что наконецъ жизнь моя окончательно посвящена великой научной дѣятельности.

XI.

Осенью 1857 года, возвратившись съ каникулъ, я отдалъ Телицыну составленное извлеченіе изъ брошюры Штейнтала. Телицынъ вполне удовлетворился имъ и только спросилъ у меня, полно-ли я усвоилъ себѣ различіе между методомъ Гегеля и методомъ Гумбольдта? Я отвѣчалъ ему, что Гегель, вотъ видите-ли, все направляетъ на чистое мышленіе, а Гумбольдтъ основываетъ свои выводы на наблюденіи и изученіи фактовъ. Еслибы Телицынъ сколько-нибудь вошелъ въ подробности, то я-бы тотчасъ положилъ оружіе; но руководитель мой, кажется, самъ былъ поверхностно знакомъ съ мыслями Штейнтала, и потому отвѣтъ мой показался ему достаточно убѣдительнымъ. Вы спросите, читатель, отчего-же я самъ не требовалъ у Телицына объясненія темныхъ мѣстъ? Да, хорошо требовать объясненія

тогда, когда въ книгѣ не понимаешь двухъ-трехъ отдѣльныхъ фразъ, но когда вся книга представляется какимъ-то туманнымъ пятномъ, тогда не знаешь, о чемъ и спросить. Кромѣ того я видѣлъ, какое хорошее мнѣніе внушаетъ обо мнѣ Телицыну моя ярость къ наукѣ; жаль было разрушать такое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души я надѣялся на послѣдовательное и серьезное чтеніе, какъ на вѣрное средство безъ посторонней помощи разсвѣять туманъ, скрывавшій отъ меня идеи Штейнтала и разныхъ другихъ умныхъ людей.

Расчеты мои съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ оказались далеко неоконченными. Однажды Телицынъ сообщилъ мнѣ, что недавно вышла въ свѣтъ подробная біографія Гумбольдта, написанная Гаймомъ, и что было-бы очень хорошо, если-бы я по этой книгѣ составилъ статью, которая въ соединеніи съ оконченной моей работой могла-бы быть помѣщена въ студенческомъ «Сборникѣ». Къ этому предложенію Телицынъ присоединилъ нѣсколько убѣдительныхъ резоновъ: «вы, — говоритъ, — этимъ составите себѣ имя вамъ — говорить — это особенно удобно, потому что вы уже знакомы съ методомъ Гумбольдта». Какъ я ни былъ наивенъ, но мысль о составленіи себѣ имени посредствомъ извлеченія изъ нѣмецкой книги показалась мнѣ смѣлой, а второму аргументу я придалъ еще менѣе значенія, потому что мнѣ были слишкомъ хорошо извѣстны мои отношенія къ методу Гумбольдта. Но предложеніе Телицына я все-таки принялъ. Что-жъ, думалъ я, вѣдь вотъ перевелъ и извлекъ, не понимая, — авось и Гайма обработаю также удачно; да и наконецъ все-таки я въ брошюрѣ Штейнтала присмотрѣлся къ ученому языку, такъ что есть надежда, что теперь пойму больше. Справлялся я въ нѣкоторыхъ магазинахъ и узналъ, что книга Гайма стоитъ 5 рублей. Это мнѣ было не по деньгамъ. Я сообщилъ объ этомъ горѣ Телицыну и, по его совѣту, рѣшился читать Гайма въ Публичной Библіотекѣ. Началось плинфодѣланіе египетское. Почти каждый день, въ седьмомъ часу вечера, я приходилъ въ читальную залу и читалъ до девяти часовъ, пока звонокъ не объявлялъ посѣтителемъ бібліотеки о томъ, что пора опочить отъ дѣлъ. Читая въ бібліотекѣ, я отмѣчалъ на клочкѣ бумаги собственные имена и цифры годовъ. Идеи и событія я удерживалъ въ памяти и потомъ, возвратившись домой, торопился въ тотъ-же день обработать письменно прочитанную часть книги. Такимъ образомъ я принужденъ былъ писать статью безъ всякаго общаго плана. Мнѣ приходилось раболѣпно слѣдовать за Гаймомъ и резюмировать начало его книги, не зная, какова будетъ середина и къ чему приведетъ конецъ. Если-бы я распорядился иначе, если-бы напримѣръ я прочелъ сначала всю книгу, а потомъ началъ-бы писать свою статью, то вышла бы двойная работа. Я не могъ

имѣть книгу подъ руками во время самаго писанія статьи, потому что изъ Публичной Библіотеки книгъ не выдаютъ на домъ, а писать въ самой бібліотекѣ было совершенно неудобно, во-первыхъ потому, что въ читальной залѣ, обыкновенное дѣло, довольно тѣсно, во-вторыхъ потому, что постоянный приходъ и уходъ посѣтителей не позволялъ сосредоточиваться и вдуматься въ работу. Даже простое чтеніе шло у меня довольно медленно; часто приходилось останавливаться и пересчитывать по нѣскольку разъ одно и то-же мѣсто, чтобы дойти до дѣйствительнаго пониманія. Если-бы я вздумалъ, не приступая къ писанію, прочесть сначала всю книгу, то мнѣ потомъ пришлось-бы еще разъ читать ее по частямъ, и общій самостоятельный планъ статьи не могъ-бы быть составленъ и выполненъ, потому что для выполненія такого плана совершенно необходимо имѣть передъ собой во время работы весь собранный матеріалъ, всю прочитанную и придуманную книгу, а удержатъ ясно и отчетливо въ памяти всѣ черты подробной біографіи, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ, положительно невозможно.

Итакъ, я смиренно строилъ свой домикъ, кладя кирпичъ на кирпичъ и не зная заранѣе, какая изъ всего этого выйдетъ фигура. Работа шла медленно, потому что за одинъ разъ я не успѣвалъ прочитать болѣе 30 страницъ; кромѣ того, требовалось часто провѣрять написанное; иногда не оказывалось возможности тотчасъ резюмировать прочитанныя страницы, и тогда являлась необходимость читать ихъ еще разъ. Если прибавить къ этому, что отъ моей квартиры до бібліотеки было полчаса скорой ходьбы, и что нанимать извозчиковъ значило-бы заплатить за Гайма дороже 5-ти рублей, то читатель увидитъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ подвигался впередъ мой учено-литературный трудъ. Самое чтеніе требовало съ моей стороны сильнаго напряженія ума; книга Гайма была написана ясно, изящно и даже картинно, и я сознавалъ и цѣнилъ въ ней эти достоинства; но Гаймъ писалъ все-таки для образованныхъ нѣмцевъ, а не для російскихъ юношей, преуспѣвавшихъ въ гимназій и восторгавшихся любезными звуками въ университетѣ. Гаймъ говорилъ мимоходомъ о политическомъ состояніи Европы, о литературномъ и умственномъ движеніи въ Германіи, называлъ личности и положенія, упоминалъ о партіяхъ и кружкахъ, о симпатіяхъ и антипатіяхъ, о надеждахъ и разочарованіяхъ, о конституціяхъ и реакціяхъ, — предметахъ, которые извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ, но которые для меня оказывались скорбною загадкой. Мнѣ приходилось тратить бездную вниманія и остроумія, мнѣ приходилось предполагать и угадывать, — мнѣ надо было быть Шамполиономъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни одного гіероглифа. Мнѣ надо было наконецъ называть въ моей статьѣ имена и со-

бытія, не вызывавшія въ умѣ моемъ никакого опредѣленнаго представленія, и надо было называть ихъ съ самоувѣренностью и въ то-же время съ осторожностью, такъ чтобы читатель не замѣтилъ моихъ колебаній и не уличилъ меня въ какомъ-нибудь враньѣ.

При такихъ условіяхъ писаніе статьи очень похоже на путешествіе по тонкому льду, который на каждомъ шагѣ трещитъ подъ ногами, — и на мѣстѣ стоять неудобно, и съ мѣста тронуться боязно. Однако я не провалился въ моей статьѣ, но надо знать, чего мнѣ это стоило; надо знать что, сидя въ библиотекѣ, я иногда схватывался за голову обѣими руками, потому что голова шла кругомъ отъ судорожныхъ усилій моихъ найти настоящій смыслъ шарадъ и героглифовъ, заключавшихся собственно для меня въ книгѣ Гайма. Надо знать, какое это неприятное чувство — видѣть передъ собой нѣсколько собственныхъ именъ, знать, что ихъ слѣдуетъ помѣстить въ статью, и чувствовать при этомъ, что можешь сказать о нихъ только то, что вычиталъ вчера въ книжкѣ; собственнаго мнѣнія не имѣешь; боишься употребить свой оборотъ или свой эпитетъ, потому что можешь провратиться; и при всемъ этомъ соблюдаешь декорумъ и притворяешься передъ публикой, будто владѣешь вполнѣ обрабатываемымъ матеріаломъ. Точно будто ходишь на цыпочкахъ по темной комнатѣ и каждую минуту ожидаешь, что стукнешься лбомъ въ стѣну или повалишь ногой какую-нибудь затѣйливую мебель. И это ужасное чувство неловкости, притупляющееся со временемъ отъ упражненія въ фразерствѣ, дѣлаетъ честь тому, кто его испытываетъ. Это — естественное отвращеніе молодого ума къ шарлатанству и притворству. Но отвращеніе это скоро изгладилось бы и искусство составлять фразы изъ непонятныхъ терминовъ и именъ развилось-бы у меня до замѣчательной виртуозности, если-бы за статьёй о Гумбольдтѣ слѣдовали другія подобныя работы. Полюбуйтесь, читатели: кто насильно превращалъ меня въ скептика? Профессоръ Креозотовъ, который самъ вовсе не былъ скептикомъ. Кто вовлекалъ меня въ шарлатанство? Профессоръ Телицынъ, который самъ вовсе не считалъ себя шарлатаномъ. Такимъ образомъ два почтенные наставника внушали своему питомцу, одинъ — неуваженіе къ старшимъ, другой — неуважительное обращеніе съ наукой и съ человѣческой мыслью. Ни тотъ, ни другой не хотѣли придти къ такимъ результатамъ, а между тѣмъ выходило такъ. Должно быть, въ это дѣло замѣшивался древній фатумъ. А еще вѣрнѣе и во всякомъ случаѣ проще то объясненіе, что руководители сами нуждались въ руководителяхъ, и притомъ не сознавали этого, и были довольны собою, — стало быть, въ этомъ отношеніи стояли ниже тѣхъ студентовъ, которые чувствовали потребность совѣта и вразумленія.

XII.

Мѣсяца три продолжалось писаніе статьи: недѣли три ушло на переписываніе. Когда все было кончено, Телицынъ объявилъ мнѣ, что есть еще сочиненіе о Гумбольдтѣ, которое я также долженъ принять къ свѣдѣнію. Я замѣтилъ ему, что, стало быть, придется передѣлать заново всю работу; на это онъ возразилъ, что передѣлывать незначѣмъ, а что можно прочесть эту книгу Шлезіера — «Воспоминаніе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ», и потомъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и вставки. Я покорился, получилъ отъ Телицына книгу, состоящую изъ двухъ томовъ средняго сорта и дородства, и началъ дѣлать въ статьѣ своей дополненія и вставки. Много требовалось технического искусства для того, чтобы пришить эти новыя подробности и скрыть отъ читателя бѣлыя нитки. Въ душѣ моей начинала уже шевелиться досада противъ распоряженій моего руководителя. Видно было, что его деспотическое господство надъ моею мыслью начинаетъ колебаться. Какъ-бы то ни было, работа моя была приведена къ окончанію; выдержки изъ нея прочтены съ успѣхомъ въ собраніи студентовъ, и ихъ приговоръ рѣшилъ, что статья моя заслуживаетъ быть помѣщенной въ студенческомъ «Сборникѣ».

Значить, подвигъ совершенъ и самолюбіе удовлетворено. За окончаніемъ труда всегда слѣдуетъ время отдыха, когда трудившійся оглядывается на самого себя, повѣряетъ свои силы и отдаетъ себѣ отчетъ въ той пользѣ, которую принесъ ему оконченный трудъ. Біографія и характеристика Гумбольдта, какъ человѣка и ученаго, лежала передо мною въ пяти толстыхъ тетрадяхъ, и, глядя на эти тетради, я припомнилъ, что въ нихъ заключена вся моя умственная жизнь за шестнадцатіи мѣсяцевъ. Переводъ Штейнтала былъ начатъ въ декабрѣ 1856 года, а выписки изъ Шлезіера окончены въ апрѣлѣ 1858 г. Что же далъ мнѣ этотъ упорный и продолжительный трудъ? Телицынъ смотритъ на меня, какъ на дѣльнаго молодого человѣка, и даже не прочь похвастать мною, какъ своимъ произведеніемъ; многіе студенты и нѣкоторые профессора изъ нефилологовъ знаютъ мое лицо и мою фамилію; работа моя печатается въ сборникѣ. Ну, а потомъ? Мнѣніе другихъ обо мнѣ возвысилось, но чѣмъ возвысилось мое дѣйствительное достоинство? Чтѣ я узналъ? Да мало-ли что! Узналъ я, что на свѣтѣ жили два брата фонъ-Гумбольдтъ — Вильгельмъ и Александръ; узналъ, у кого учился Вильгельмъ, съ кѣмъ былъ знакомъ, куда ѣздилъ, какія писалъ разсужденія и изслѣдованія; узналъ даже по нѣсколькимъ мыслямъ изъ замѣчательныхъ его произведеній. Все это — знанія, на улицѣ этого не подымеешь. Еслибы я приобрѣлъ эти свѣдѣнія въ двѣ недѣли, то можно было-бы сказать, что время не пропало даромъ. Но придти

къ такимъ результатамъ послѣ шестнадцатимѣсячнаго труда—это похоже на побѣду Цирра надъ римлянами. «Еще двѣ такія побѣды,—говорилъ Цирръ,—и мнѣ придется бѣжать изъ Италіи».—Еще полтора такіе подвига, могъ я сказать, и мнѣ придется выходить изъ университета, потому что до окончания курса мнѣ оставалось два года, т. е. столько времени, что я подъ руководствомъ Телицына могъ довести до конца еще одну біографію, и потомъ остановиться на половинѣ третьей работы, столь-же полезной для моего развитія и для будущей научной дѣятельности. Надъ этимъ стоило задуматься, и я дѣйствительно задумался. Мнѣ пришло наконецъ въ голову, что я, по милости Телицына, работалъ самымъ безалабернымъ образомъ и потрагилъ пропасть лишняго труда и времени. Кто-жъ такъ дѣлаетъ? думалъ я. Сначала перевести, потомъ сдѣлать извлечение, потомъ къ извлеченію прилѣпить новую статью, потомъ въ эту новую статью вшивать вставки. Что-жъ это за руководитель? Да много-ли онъ самъ-то смыслятъ? Да полно, умный-ли онъ человѣкъ? Наконецъ, добросовѣстно-ли онъ распоряжался моими силами? И на всѣ эти сокрушительные вопросы слѣдовали быстро и неотразимо сокрушительные отвѣты: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Образъ Телицына сводился съ пьедестала, и на головѣ его вмѣсто сіяющаго ореола появлялся какой-то смиренный колпакъ; и его мечтательный взоръ, и его разсѣянность въ разговорѣ, и его красивыя слова въ заключеніе лекцій—все это освѣщалось иначе и пріобрѣтало другой смыслъ, очень простой и вовсе неторжественный. У него просто умъ за разумъ заходитъ, думалъ я; онъ весь ушелъ въ свои книги и говорить умѣетъ только о томъ, что вычиталъ вчера или сегодня утромъ; дальше книгъ онъ видѣть не можетъ, и самый простой вопросъ изъ практической жизни заставитъ его врасплохъ и оказывается для него неразрѣшимымъ. Нѣтъ, рѣшилъ я, такой человѣкъ не можетъ служить другому руководителемъ въ занятіяхъ.

Несмотря на это правильное умозаключеніе, я сдѣлалъ однако еще попытку въ томъ на правленіи, на которое указывалъ мнѣ Телицынъ. Я началъ читать сочиненія Вильгельма Гумбольдта и думалъ собственными силами продолжать потомъ занятія по философіи языка, обращался по временамъ къ Телицыну за невинными бібліографическими справками. Мнѣ ужъ черезчуръ тяжело было сознаваться передъ самимъ собою, что почти полтора года ухлопано даромъ, и потому хотѣлось какъ-нибудь привязать новыя постоянныя занятія къ работѣ по Штейнгалю и Гайму. Конечно изъ этого не мгло выдти ничего путнаго. Философскимъ идеямъ Гумбольдта не на что было опереться въ моемъ мозгу, и чтеніе не оставляло во мнѣ прочнаго слѣда, а только пріучало меня къ нѣмецкому философскому изло-

женію. И за то спасибо, но время все-таки трагилось безъ особенной пользы. Между тѣмъ Телицынъ, какъ молодой ученый, подающій блестящія надежды, уѣхалъ на казенный счетъ за-границу. Это обстоятельство довершило и упрочило мое освобожденіе изъ подъ его вліянія. Надо сознаться, что это вліяніе было для меня вродѣ крѣпостной зависимости. Мой трудъ считался за ничто, и Телицынъ расходовалъ его самымъ неразсчетливымъ образомъ, давая совѣты наобумъ и не обращая вниманія на мои собственныя умственныя потребности. Правда, что я и самъ не сознавалъ этихъ потребностей, но дѣло руководителя въ томъ и состоитъ, чтобы дать своему питомцу такое чтеніе, которое пробудило-бы его самосознаніе и привело-бы въ ясность его умственныя требованія. Толпа студентовъ провожала Телицына на пароходъ; но когда онъ уѣхалъ, тогда критическій взглядъ на его личность и дѣятельность сталъ быстро вырабатываться въ головахъ его обожателей. Этому критическому взгляду содѣйствовали во многихъ отношеніяхъ письма Телицына изъ за-границы, печатавшіяся въ одномъ московскомъ журналѣ. Я помню, какъ, прочтя вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ товарищей одно изъ этихъ писемъ, я вынесъ изъ продолжительнаго чтенія только ту мысль, что студенты одного нѣмецкаго университета носятъ очень широкіе панталоны. Товарищъ мой, которому я сообщилъ этотъ результатъ, нашелъ, что это дѣйствительно самое рельефное впечатлѣніе, остающееся отъ чтенія письма.

XIII.

Долго поклонялся я Телицыну, и дорого стояло мнѣ это «любленіе твари наче бога»; но когда кумиръ мой оказался чурбаномъ, тогда уже всякое идолослуженіе сдѣлалось для меня отвратительнымъ и слѣдовательно навсегда невозможнымъ. Съ осени 1858 года я объявилъ себя независимымъ, и отношенія мои къ университету и къ профессорамъ, къ лекціямъ и совѣтамъ сдѣлались чисто отрицательными. Начинался третій годъ моего студенчества; цѣлая половина курса лежала уже позади меня—и помянуть ее было нечѣмъ. Слова, стремленія, бѣготня по корридорамъ университета, бесплодное чтеніе, не оставлявшее по себѣ ни удовольствія, ни пользы, машинальная работа перомъ, не удовлетворявшая потребностямъ ума и не дававшая даже денегъ, школьническое приготовленіе къ экзаменамъ и школьническое отвѣчаніе на экзаменахъ, скука на лекціяхъ, скука дома—вотъ и все, что пережито мною въ эти два года, вотъ и все, чѣмъ наградила меня волшебный міръ университета за мою страстную и неосмысленную любовь къ недостижимымъ и невѣдомымъ сокровищамъ мысли. Горько было не то, что пропалъ даромъ два года; я молодъ и дѣятеленъ; наверстать потерянное

время нетрудно. А горько и страшно то, что ошибки потерянных лѣтъ ничему не научили меня и не могли пригодиться на будущее время. По прошествіи двухъ лѣтъ я не только не сдѣлалъ ни шагу впередъ въ той или другой области знанія, но я даже не зналъ, за что приняться и какъ взяться за дѣло. Дѣтская довѣрчивость моя была уничтожена, но опыта и собственнаго умѣнія руководить своими занятіями не было приобретено. Я увидѣлъ, что проводники ведутъ меня въ тущобу, и ушелъ отъ этихъ проводниковъ, и остался въ лѣсу одинъ, и все-таки не зналъ, куда идти и что дѣлать. Пока я довѣрялъ проводникамъ, положеніе мое было опасно, но я былъ доволенъ и успокоенъ; когда я бросилъ проводниковъ, во мнѣ явилось чувство тревоги и боязни, но положеніе мое не улучшилось, или по крайней мѣрѣ, улучшилось только въ томъ отношеніи, что я оцѣнилъ его неудобства.

Вопросъ о выборѣ специальности началъ принимать въ моихъ глазахъ серьезное и угрожающее значеніе; онъ сдѣлался для меня загадкой сфинкса; разрѣшенія этой загадки стала требовать уже не одна любознательность, къ любознательности стало присоединяться чувство самосохраненія. «Отгадай, или я тебя проглочу», говоритъ сфинксъ. Выбери специальность, говорилъ я себѣ, или клади зубы на полку. До выхода изъ университета остается меньше двухъ лѣтъ, а потому что? Жить попрежнему на родительскихъ хлѣбахъ? Да вѣдь надо-же и честь знать. Не для этого давали мнѣ образованіе, это образованіе и безъ того уже достается тяжело родительскому бюджету. Идти на службу? Да кого же это такъ прельститъ мой кандидатскій дипломъ? Кто-же это мнѣ по первому востребованію отведетъ штатное мѣсто? Да и что я такое? Образованный юристъ или просвѣщенный администраторъ? Грамотныхъ людей и безъ меня довольно въ числѣ искателей мѣстъ, а кромѣ грамотности во всей моей филологической премудрости нѣтъ ни одной іоты, пригодной для канцелярской дѣятельности. Всякій заштатный писецъ уѣзднаго суда или квартальнаго управленія лучше меня съумѣетъ написать и переписать входящую или исходящую. Я вотъ даже и не знаю, какъ назвать дѣловую бумагу. По ученой части пойти? Въ учителя гимназіи? Это, конечно, хорошо но только что же я за учитель? Какую науку я возьмусь преподавать? Что я знаю, кромѣ книги Гайма о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ? И что я успѣю изучить втеченіи этихъ двухъ лѣтъ, когда мнѣ въ это время придется еще готовиться къ выпускному экзамену и писать кандидатскую диссертацию? Вопросъ о специальности становился мрачнымъ и грозилъ сдѣлаться неразрѣшимымъ.

Не хорошо вообще, когда обстоятельства принуждаютъ насъ разсматривать одинъ предметъ съ двухъ различныхъ и почти независимыхъ точекъ зрѣнія. Не хорошо, когда является необхо-

димость сдѣлать компромиссъ между требованіями любознательности и нахальными доводами житейскаго разсчета. Совѣмъ не хорошо, когда наука представляется вамъ въ одно и то-же время цѣлью и средствомъ, высокимъ наслажденіемъ и хлѣбнымъ ремесломъ. Тогда ваши отношенія къ наукамъ дѣлаются похожими на отношенія пламеннаго любовника, которому повелительница его сердца платитъ за сердечный пылъ наличными деньгами и готовой квартирой. При такихъ двусмысленныхъ условіяхъ вопросъ о специальности запутывается окончательно, и вопрошающій юноша дѣлается плохимъ ремесленникомъ и негоднымъ ученымъ. У него оказывается мало денегъ и еще менѣе учености. Цѣлая долгая жизнь изнашивается въ бѣдности и неизвѣстности, и что всего обиднѣе, часто въ подобной жизни тратится помелочамъ такая масса умственнаго труда и терпѣливаго мужества, — такая масса, которой было-бы слишкомъ достаточно, чтобы выдвинуть труженика впередъ и сдѣлать его полезнымъ для общества и приятнымъ для самого себя. И труженикъ ни въ чемъ не виноватъ, потому что наука — вообще плохое ремесло, много она и обогатитъ, но она никогда не будетъ доставлять всѣмъ своимъ обожателямъ средства платить долги въ мелочную лавочку. И такъ поступаетъ не одна наука; заодно съ нею дѣйствуютъ литература, коронная служба, адвокатура и всѣ другія видоизмѣненія умственнаго труда. Самый жалкій пролетаріатъ распространенъ между бѣдными чиновниками, между неудавшимися литераторами, между непризнанными дѣятелями науки, и распространенъ между этими людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ между сапожниками, булочниками или портными.

Очень понятно. Изъ умственныхъ продуктовъ обществу нуженъ только первый сортъ; поэтому, осыпая деньгами и знаками уваженія отдѣльныя единицы, оно бросаетъ массу умственныхъ тружениковъ сухія корки хлѣба, да и то въ ограниченномъ количествѣ. Я не говорю, что оцѣнка общества всегда безошибочна, но это обстоятельство не измѣняетъ вопроса, потому что здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительномъ достоинствѣ умственнаго труда, а о степени его надежности и прибыльности. Калачъ, пара сапогъ, сюртукъ или пальто всегда нужны и всегда имѣютъ какую-нибудь цѣнность, но нелѣпое изслѣдованіе или романъ, отвергнутые журналистами или книгопродавцами, не имѣютъ никакой цѣнности и вводятъ ихъ обладателя въ убытокъ, потому что бѣлая бумага, на которой написано произведеніе, дороже испсанной бумаги, идущей на макулатуру. Все это истины очень старыя и очень простыя, но ихъ не понимаетъ до сихъ поръ та часть нашего общества, которая называется образованной. До сихъ поръ самые разсудительные родители тянутся изъ послѣднихъ силъ, чтобы провести своихъ дѣтей

черезъ средній и высшія учебныя заведенія и дать имъ въ руки аттестатъ или дипломъ; до сихъ поръ каждый разсудительный родитель взглянулъ-бы на васъ съ гнѣвнымъ удивленіемъ, если-бы вы заикнулись ему о томъ, что нехудо бы его Мишеньку или Володеньку мастерству какому-нибудь обучить; да вы, какъ человѣкъ благовоспитанный, никогда и не заикнетесь. Даже смѣлые журналисты наши, порывающіеся облобызать почву, толкующіе о томъ, что не мѣшало бы приписаться куда-нибудь, и ради сближенія и сліянія перенести розги, могущія представиться по мирскому приговору, даже эти милые патріоты не заикаются насчетъ Мишеньки или Володеньки. Имъ также кажется невдомекъ, что больше девяти-десятихъ нашего брата бѣдствуютъ, нищенствуютъ и дармоѣдствуютъ единственно отъ того, что возлагаетъ все упованіе на аттестаты и дипломы, а ко всякому ремеслу подходитъ только тайкомъ и украдкой, урывками и самоучкой, да и то въ случаѣ голодной крайности. Но какъ-же Мишеньку и Володеньку отдать въ ученѣ къ сапожнику или портному, скажетъ самая разсудительная мать. Вѣдь хозяева морятъ голодомъ своихъ учениковъ, бьютъ ихъ, чѣмъ попало, и порятъ ихъ не на животь, а на смерть. Точно такъ, ваше высокоблагородіе! Но эти недоразумѣнія между хозяевами и учениками вовсе не составляютъ неизблемаго закона природы. Хозяева дѣйствуютъ такъ потому, что имъ отдаются въ ученіе Мишки и Володьки, которыхъ было принято кормить изъ хозяйственнаго расчета, а пороть по вдохновенію. До сихъ поръ порятъ и скверно кормятъ въ семинаріяхъ и между тѣмъ, понемногу перестаютъ пороть и скверно кормить въ гимназіяхъ, единственно потому, что гимназіи болѣе на виду у общества и болѣе интересуютъ его.

Если общество будетъ заинтересовано тѣмъ, чтобы мастера обращались человѣчно съ своими учениками, то это исполнится безъ особеннаго труда, и благодѣянія человѣчнаго обращенія будутъ естественнымъ образомъ распространены на забытыхъ и замореныхъ Мишекъ и Володекъ. Стало быть, только умственная неподвижность мѣшаетъ родителямъ обращать своихъ дѣтей въ мастеровыхъ, и только рутинная ограниченность мысли заставляеть ихъ навязывать дѣтямъ такую карьеру, которая чрезвычайно похожа на лотерейный билетъ. Выигралъ — ты директоръ департамента, академикъ или извѣстный писатель; проигралъ — ты вѣчный чернорабочій съ развитыми потребностями или просто нищій и паразитъ. Но выигрышей во всякой лотереѣ бываетъ чрезвычайно мало сравнительно съ общимъ числомъ билетовъ, а между тѣмъ охотники до лотерей запоминаютъ только примѣры выигрышей и не обращаютъ никакого вниманія на тысячу печальныхъ уроковъ самаго поучительнаго свойства. Всякій хватается за невѣрный умственный

трудъ и великодушно оставляетъ ремесленный трудъ младшей братіи. Отъ этого развивается въ обществѣ бѣдность, отъ этого чахнетъ и умственная дѣятельность, которая по самой природѣ своей должна быть свободна даже отъ вліянія матеріальныхъ обстоятельствъ. Сапожникъ можетъ писать очень хорошія поэмы въ часы, свободные отъ работы; но если этотъ самый сапожникъ будетъ надѣяться, для прокормленія своей семьи, не на ремесло свое, а на свой поэтический талантъ, то ему естественно придется приневолить себя къ творчеству, и стихи будутъ выходить посредственные; можетъ, правда, случиться, что талантъ его очень богатъ, и что онъ способенъ творить постоянно, не истощаясь и не слабѣя; но всякій понимаетъ, что такіе таланты рѣдки и что ихъ обладатели, имѣющіе возможность прокармливать себя умственными трудами, принадлежатъ именно къ тѣмъ счастливымъ исключеніямъ, которымъ достался выигрышный лотерейный билетъ. И вотъ изъ-за этихъ-то исключеній наше общество ежедневно жертвуетъ судьбою тысячъ своихъ молодыхъ членовъ, которые могли-бы быть хорошими и зажиточными, образованными и дѣятельными ремесленниками, и которые, не смотря на то, дѣлаются бѣдными и бесполезными чиновниками, жалкими литераторами и смѣшными учеными.

XIV.

Въ общихъ чертахъ мнѣ пришлось передумать во время исканія специальности всѣ тѣ мысли, которыя изложены въ предыдущей главѣ и которыя читатель по всей вѣроятности считаетъ неумѣстнымъ отклоненіемъ отъ главнаго предмета моей статьи. Мнѣ было очень тяжело, и нрѣшительность моя увеличивалась вмѣстѣ съ мучительнымъ сознаніемъ, что время не терпитъ и что рѣшиться на что-нибудь надо поскорѣе. Когда вамъ случается особенно торопливо одѣваться, то дѣло рѣдко идетъ удачно; вы спѣшите, и каждая отдѣльная вещь тоже спѣшитъ и не дается вамъ въ руки. Я спѣшилъ заняться чѣмъ-нибудь, и потому только метался изъ стороны въ сторону, хватался то за одинъ предметъ, то за другой, читалъ много, ново-первыхъ — безъ толку, во-вторыхъ — съ глухимъ отчаяніемъ, съ постоянною мыслью, что это все бесполезно и что ничего изъ этого не выйдетъ. Понятно, съ какой горячей благодарностью я вспоминалъ тогда почтенныхъ руководителей, сбившихъ меня съ толку и отнявшихъ у меня даже довѣріе къ моимъ силамъ. Отъ философіи языка я кинулся къ славянскимъ нарѣчіямъ, потомъ обрушился на русскую исторію, потомъ вдругъ принялся изучать гомеровскую мѣологію, потому что мнѣ представилось, что въ головѣ моей возникла гениальная идея, великолѣпно объясняющая греческое понятіе судьбы или рока. Въ такихъ ристаніяхъ

по наукамъ филологическаго факультета прошло больше года. Товарищи мои иногда бранили меня за мою нелѣпость, иногда смѣялись надъ моими постоянными тревогами, но мнѣ было не до смѣха, и я самъ готовъ былъ бранить себя самымъ горькимъ и обиднымъ образомъ. Каждый разговоръ съ товарищами приводилъ меня въ уныніе или усиливалъ мою тревогу. Отчего, думалъ я, они всё знаютъ, что имъ дѣлать? Одинъ изучаетъ памятники народной поэзіи, да еще началъ съ кельтскихъ ірландскихъ, и языку кельтскому выучился; другой занимается славянами и совершенно доволенъ своими занятіями; третій читаетъ серьезные сочиненія по древней исторіи и тоже не волнуется мятежными страстями. Отчего же я одинъ одержимъ фуріями? Отвѣтъ найти было не трудно, но этотъ отвѣтъ меня не удовлетворялъ. Легко было понять, что всё они читаютъ спокойной потому, что каждый изъ нихъ нашелъ себѣ дѣло по вкусу и постепенно втянулся въ поправившееся занятіе. Но тогда возникалъ вопросъ: отчего же это мнѣ ничто не нравится настолько, чтобы я взялся за дѣло и вработался въ него? На этотъ вопросъ слѣдовало отвѣтить такъ: подожди! найдешь и ты занятіе по душѣ, а насильно влюбиться нельзя ни въ женщину, ни въ науку. Этотъ отвѣтъ приходилъ мнѣ въ голову, но противъ него всегда находилось сильное возраженіе: «ищите и обряцете». Специальность не придетъ ко мнѣ сама. Я рискую пѣлбю жизнь просидѣть у моря въ ожиданіи погоды, если я не буду испытывать серьезными работами свои вкусы и способности.

Въ этомъ разсужденіи было много справедливаго, но я примѣнялъ его къ дѣлу чрезвычайно уродливо. Мнѣ слѣдовало-бы читать такія книги, которыя могли быть интересны и полезны для всякаго образованнаго человѣка. Историческія сочиненія, особенно по новѣйшей исторіи, политико-экономическія книги, популярныя книги по различнымъ отраслямъ права, сочиненія по естественнымъ наукамъ, наконецъ просто русскіе журналы и газеты—все это несомнѣнно содѣйствовало-бы моему развитію, все это дало-бы мнѣ много знаній и во всякомъ случаѣ не осталось-бы для меня мертвымъ капиталомъ, если-бы даже во время этихъ чтеній я не встрѣтился съ той неизвѣстной красавицей, которой я непремѣнно хотѣлъ отдать мою жизнь и мои умственные силы. Если бы даже судьба погрузила меня въ чтеніе «Русскаго Вѣстника», и такимъ образомъ сотворила-бы изъ меня обожателя Каткова и де-Молилари, то и за это я могъ-бы сказать ей спасибо. Каткова и де-Молилари я сталь-бы обожать за идеи, крайне рутинныя, но все же новыя для меня, какъ Телицына я обожалъ за красивыя слова, годныя только на то, чтобы вызывать рукоплесканія неопытныхъ студентовъ. Прогрессъ былъ-бы очевидный. Кромѣ того увлеченіе «Русскимъ Вѣстникомъ» не могло быть продолжитель-

но, потому что такія проявленія могли встрѣтиться мнѣ въ той-же русской журналистикѣ, въ которой встрѣтились-бы узкія и ложныя мудрованія. Словомъ, мнѣ непремѣнно надо было взглянуть за двери университета, увидеть дѣйствительную жизнь, хотя-бы въ журнальныхъ книжкахъ и столбахъ газетъ.

Я могу сказать безъ преувеличенія, что если-бы я употребилъ первые два года моего студенчества на постоянное чтеніе «Московскихъ» или «Петербургскихъ Вѣдомостей», газетъ вовсе незамѣчательныхъ по своему литературному или политическому достоинству, то все-таки это чтеніе принесло-бы моему развитію гораздо больше пользы, чѣмъ мои занятія профессорскими лекціями, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и переводомъ Страбона. Но, ухлопавъ два года, я продолжалъ ухлопывать до конца все время моего студенчества. Я видѣлъ, что ошибся въ выборѣ занятій, но не понималъ того, что мнѣ слѣдуетъ радикально перемѣнить методъ и принципъ занятій, слѣдуетъ выйдти на свѣжій воздухъ изъ душныхъ монастырскихъ стѣнъ университетской науки. Я не бралъ въ руки ни одной книги, не спросивши себя предварительно: а нужно ли мнѣ это читать для моей специальности? А не есть-ли это потеря времени? Я напримѣръ не зналъ Жоржъ Зандъ и не взялъ-бы въ руки ни одного ея романа изъ опасенія потерять даромъ время, пригодное для чтенія Краледворской рукописи или мухамеданской нумизматики Савельева. Я позволилъ себѣ прочесть Шекспира, Шиллера или Гёте только потому, что эти имена упоминаются во всякой исторіи литературы; но и къ нимъ я снисходилъ очень рѣдко, потому что время дорого и путь ко спасенію узокъ и прискорбенъ. Принимаясь за специальность, я всегда врѣзывался прямо въ самую сушь, въ такую сушь и глушь, которая могла имѣть смыслъ и интересъ только для человѣка, уже давно работающаго въ этой области наукъ. Кромѣ того я обладалъ особеннымъ искусствомъ браться именно за тѣ науки, къ которымъ нѣтъ легкаго и постепеннаго доступа. Въ славянскихъ нарѣчійхъ мнѣ приходилось начинать съ польской и чешской азбуки. Въ русской исторіи надо было преодолевать книгу Соловьева, изслѣдованія Погодина, работы Круга, Байера, Лерберга. Можетъ-быть этого и не надо было; можетъ-быть споръ о варягахъ могъ остаться для меня въ сторонѣ,—но я думалъ, что необходимо начинать сначала, и, несмотря на всё усилія, никакъ не могъ заинтересовать себя ни чешской азбукой, ни изслѣдованіями о «Русской Правдѣ». Мнѣ приходило иногда въ голову, что я можетъ-быть вовсе не созданъ быть ученымъ; но такая еретическая мысль наполняла меня ужасомъ и негодованіемъ. На что же я послѣ этого годенъ, и что же я изъ себя сдѣлаю? Товарищи мои также смотрѣли съ укоризной на слишкомъ радикальныя сомнѣнія мои въ отношеніи къ ученой карьерѣ; они гово-

рили даже, что то блажь и лѣнь, и я этому вѣриль, хотя заподозрить меня въ лѣности было мудро, и во всякомъ случаѣ несправедливо. Но студенты и профессоры филологическаго факультета были уже такъ устроены отъ природы, что на поползновеніе уклониться отъ ученой дѣятельности они смотрѣли, какъ на ренегатство, какъ на умственное и нравственное паденіе. Это не помѣшало почти всѣмъ моимъ товарищамъ поступить на службу въ разные департаменты, но они до сихъ поръ утѣшаютъ себя мыслью, что они будутъ держать экзаменъ на магистра и потомъ двигать науку впередъ.

Вліаніе профессоровъ и студентовъ, вліаніе спертой университетской и особенно факультетской атмосферы постоянно толкало меня обратно къ чешской азбукѣ и къ «Русской Правдѣ»; и я опять боролся, и опять изнемогалъ, и опять приходилъ въ отчаяніе, зачѣмъ я не влюбленъ въ русскія древности и въ славянское корнесловіе. Передъ глазами моими былъ поучительный образецъ того ученаго аскетизма, къ которому я самъ стремился такъ упорно и такъ напрасно: товарищъ мой М., занимавшійся славянами, не хотѣлъ знать ничего такого, что не касалось-бы славянскаго міра. Въ этомъ нежеланіи была какая-то холодная и постоянная энергія; для него дѣйствительно существовалъ особенный славянский міръ, и все, что выходило изъ предѣловъ этого міра, составляло для моего товарища тѣму кромѣшную и игнорировалось имъ съ самодовольствомъ и гордостью заклятаго спеціалиста. По внушенію гимназическаго учителя русской словесности, онъ началъ заниматься славянами еще въ гимназіи, втянулся въ изученіе мельчайшихъ фактовъ и потомъ продолжалъ тѣ-же занятія въ университетѣ, обращая на остальныя науки столько вниманія, сколько было совершенно необходимо для того, чтобы кое-какъ выдерживать переходные экзамены. Объ общемъ образованіи его судить было невозможно, потому что онъ никогда не говорилъ ни о чемъ не-славянскомъ; когда при немъ студенты вели между собою общій научный разговоръ или философскій споръ (что составляло неизбѣжную принадлежность студенческаго быта), тогда М. молчалъ или приводилъ частный примѣръ изъ славянскія исторіи или миеологіи, изъ славянскаго языка или права, если споръ допускалъ подобныя вставки. Онъ вообще былъ холоденъ и сухъ; провести съ нимъ полчаса съ глазу на глазъ было тяжело и утомительно, хотя онъ всегда встрѣчалъ товарища радушно. Чтобы облысвить себя самому и другимъ исключительность своихъ занятій, онъ любилъ драпироваться въ мантію всеславянскаго патриотизма; на тетрадяхъ его красовался эпитафій: «*Slavus sum et nihil slavice a me alienum esse puto*» (Я—славянинъ, и ничто славянское не считаю для себя чуждымъ),—жалкая и смѣшная пародія на прекрасныя слова: «*Homo sum, et nihil humani...*»

(Я—человѣкъ, и ничто человѣческое ит. д.) Онъ съ паэосомъ говорилъ о величіи славянскаго имени, но этотъ паэосъ никого не увлекалъ, потому что самый неопытный слушатель славянствующаго витія могъ чувствовать и дѣйствительно чувствовалъ, что восторгъ этотъ подогрѣтъ и что воодушевленіе это искусственно. Я не понималъ славянскихъ чувствъ моего товарища, да и всѣ наши филологи вмѣстѣ со мною сомнѣвались въ ихъ искренности и даже отрицали ихъ существованіе,—а между тѣмъ мы всѣ глубоко уважали М., какъ чрезвычайно дѣльного спеціалиста. Въ каждомъ изъ насъ было гораздо больше жизни, чѣмъ въ нашемъ славянинѣ; каждый изъ насъ былъ умнѣе и даровитѣе его, а между тѣмъ мы не задумывались ставить его выше насъ всѣхъ, потому что онъ былъ отрѣшеннымъ отъ грѣховнаго міра спеціалистомъ. И я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы дойти до того умственного кастратства, въ которомъ блаженствовалъ мой замѣчательный товарищъ.

XV.

Умственные страданія мои увеличивались каждый разъ, когда я видѣлся и разговаривалъ съ профессоромъ Сварожичемъ, занимавшимъ въ нашемъ университетѣ кафедрѣ славянскихъ нарѣчій. Его слова были каплями укуса, падавшими на мои свѣжія раны; между тѣмъ слова эти вовсе не были порицательнаго свойства, да и все обращеніе Сварожича со мною было чрезвычайно деликатно, ласково и даже задушевно. Сварожичу было около пятидесяти лѣтъ; онъ былъ академикомъ, членомъ многихъ обществъ и пользовался очень громкой извѣстностью въ ученномъ мірѣ. Не подлежатъ сомнѣнію то обстоятельство, что онъ былъ умнѣе всѣхъ профессоровъ нашего факультета. Но умъ этотъ, острый и пронизательный, сухой и трезвый, былъ преимущественно разлагающаго свойства; онъ могъ преслѣдовать ошибочную гипотезу въ ея послѣднія убѣжища, онъ могъ разбивать красивую мечту безъ всякаго состраданія къ ея красотѣ, онъ разрушалъ всякую теорію, показывалъ несостоятельность всякаго рискованнаго предположенія,—и затѣмъ, окончивъ дѣло истребленія, воздерживался отъ всякой попытки собственнаго творчества. Я увѣренъ, что если-бы Сварожичъ былъ химикомъ или анатомомъ, то имя его было-бы гораздо извѣстнѣе и услуги, оказанныя имъ знанію, были-бы тогда дѣйствительно значительны и плодотворны. Но жизнь и умственная дѣятельность народа не могутъ быть вызваны изъ прошлаго одной критической силой ума. Чтобы понимать человѣка, надо умѣть поставить себя въ его положеніе, надо перечувствовать его горе и радость. Историкъ нуждается, правда, въ трезвой критикѣ, чтобы очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій, но настолько-же,

или можетъ-быть еще болѣе нуждается онъ въ силѣ соображенія и чувства. Эти послѣднія свойства часто вводятъ историка въ ошибки, и историческая картинка оказывается невѣрной; но если-бы не было этихъ свойствъ, тогда картины не было бы вовсе, тогда не существовало бы исторіи. Историкъ, подобный Сварожичу, не ошибается никогда, потому что никогда не бываетъ историкомъ. Его критика взвѣшиваетъ каждый фактъ отдѣльно, отбрасываетъ все, что неправдоподобно, подмѣчаетъ каждое внутреннее противорѣчіе и пользуется имъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Потому, когда весь механизмъ прошедшей жизни развинченъ, когда всѣ колеса, винты и гайки пересмотрѣны и вычищены, тогда вся эта груда очищенныхъ частей оставляется въ видѣ груды, и работникъ принимается за разборку другой машины. То, что дѣлается въ области исторіи, повторяется также въ области филологіи; языкъ также развинчивается на звуки и части рѣчи, а жизнь и духъ языка, его особенности и красоты, въ которыхъ выразились свойства народа, остаются нетронутыми и непонятыми.

Такимъ образомъ, посвящая себя историкофилологической дѣятельности, сильный критическій умъ добровольно обрекаетъ себя на ту черную работу, которая называется въ ученюмъ мѣрѣ заготовленіемъ матеріаловъ. Черная работа полезна, но если мы возьмемъ въ расчетъ, что чернорабочій филологъ могъ-бы быть первокласснымъ химикомъ или анатомомъ, то мы невольно пожалѣемъ объ его участи и замѣтимъ про себя, что большое дарованіе тратится на малыя дѣла. Машинисту не слѣдуетъ быть землекономъ, талантливому журналисту не слѣдуетъ быть приходскимъ учителемъ, и точно также Сварожичу не слѣдовало быть заготовителемъ матеріаловъ, когда онъ самъ могъ-бы быть замѣчательнымъ дѣятелемъ въ такой наукѣ, которая требуетъ только силы и трезвости критическаго взгляда. Я увѣренъ, что самъ Сварожичъ, какъ человѣкъ умный, понималъ неестественность своего положенія, но по всей вѣроятности онъ началъ понимать ее уже тогда, когда дорога была выбрана, когда первые и самыя трудныя шаги были пройдены и когда слѣдовательно поворотить назадъ и пойти по другой дорогѣ было уже неудобно и тяжело. Онъ конечно никогда не говорилъ о томъ, что ему не нравится предметъ его занятій, онъ постоянно работалъ настолько, насколько это было необходимо для поддержанія составленной репутаціи, даже увлекался иногда критическимъ процессомъ мысли, онъ ради приличія поглазывалъ сочувствіемъ къ судьбѣ и къ поэзіи славянскаго племени, — но всякій мало-мальски внимательный наблюдатель могъ легко замѣтить, что Сварожичъ глубоко равнодушенъ къ своей наукѣ и даже невольно относится къ ней съ легкимъ отѣтникомъ скептическаго презрѣнія.

Понятно, что такія отношенія человѣка къ

предмету его постоянныхъ занятій должны быть мучительны; понятно также, что человѣкъ старается избавиться отъ этого мучительнаго ощущенія и достигаетъ своей цѣли; но умственное спокойствіе покупается цѣной нравственнаго достоинства. Сначала человѣкъ говоритъ себѣ: «и приношу мало пользы на этомъ поприщѣ; я здѣсь не на своемъ мѣстѣ», — и ему тяжело отъ этого сознанія, но потомъ онъ привыкаетъ къ своему ложному положенію и начинаетъ говорить себѣ: «а что за бѣда? Вѣдь люди глупы; имъ кажется, что я приношу много пользы. Меня уважаютъ. Чѣмъ-же я не на своемъ мѣстѣ? Вонъ я сколько жалованья получаю!»

Такая исторія происходитъ со всѣми ретивыми молодыми чиновниками, которые начинаютъ замѣчать, что ретивость ихъ должна укоротить поводья, и которые между тѣмъ не имѣютъ духу покинуть благословенныя Палестины. Такая исторія произошла нѣкогда съ Сварожичемъ. Какъ умный человѣкъ, онъ очень радикально излечился отъ всякихъ тяжелыхъ сознаній, и безъ малѣйшей любви къ своему дѣлу продолжалъ профессорствовать, работать въ академіи и засѣдать во всевозможныхъ ученыхъ обществахъ. Умственный трудъ, исканіе истины сдѣлались для него службой, средствомъ получать большое жалованье, дорогой къ чинамъ и знакамъ отличія. И дѣйствительно, служба его шла блистательно. Имя его было извѣстно даже заграничнымъ славянскимъ ученымъ, считавшимъ его въ невинности души ревностнымъ апостоломъ славянской науки въ единственной самостоятельной славянской державѣ.

Странное дѣло! Начиная писать эту главу о Сварожичѣ, я хотѣлъ отнестись къ нему почти съ сочувствіемъ, но чѣмъ пристальнѣе я всматриваюсь въ эту замѣчательную личность, тѣмъ ниже падаетъ она въ моихъ глазахъ, и я начинаю чувствовать противъ нея такое негодованіе, какого не могли возбудить во мнѣ ни Креозотовъ, ни Телицынъ, ни даже Ироніанскій. Тутъ нѣтъ впрочемъ ничего необъяснимаго. И Креозотовъ, и Телицынъ, и Ироніанскій смѣшные лиллицуты въ сравненіи съ Сварожичемъ. Глядя на нихъ, мы только смѣемся, пожимаемъ плечами и жалѣемъ о той молодежи, которая, по милости этихъ господъ, принуждена ежедневно терять по нѣскольку драгоценныхъ часовъ. Но, разматривая умственную деморализацію Сварожича, мы страдаемъ за него самого, страдаемъ за достоинство человѣка, потому что здѣсь мы видимъ паденіе замѣчательнаго ума, оставшагося замѣчательнымъ даже въ своемъ униженіи. Паденіе Сварожича состояло въ томъ, что онъ былъ рабомъ занимаемаго имъ мѣста, вродѣ того, какъ итальянскій министръ Урбанъ Ратацци былъ въ 1862 году рабомъ своего министерскаго портфеля. Если-бы, для сохраненія мѣста, Сварожичу пришлось сжать въ комокъ свое человѣческое

достоинство, то онъ исполнилъ-бы эту эволюцію безъ малѣйшаго тяжелаго чувства, съ ѣдкой улыбкой на губахъ, потому что къ человѣческому достоинству онъ относился такъ-же скептически, какъ къ своимъ умственнымъ занятіямъ. Вліяніе сильнаго ума во всякомъ случаѣ такъ велико, что вы, присутствуя при операціяхъ Сварожича надъ его человѣческимъ достоинствомъ, ни на одну минуту не почувствовали-бы въ себѣ силы презирать его; вы могли-бы только чувствовать сильнѣйшій гнѣвъ, вы могли бы задыхаться отъ негодованія, — но вы въ то-же время понимали-бы, что Сварожичъ самъ, въ минуту своего униженія, смѣется и надъ собой, и надъ тѣми личностями, передъ которыми онъ преклоняется, и надъ тѣми обстоятельствами, которыя гнутъ его въ дугу.

Конечно такой характеръ могъ развиваться только при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ; но мнѣ кажется, что его задатки заключались именно въ неестественныхъ отношеніяхъ Сварожича къ предмету его умственной дѣятельности. Забѣательные умы, направленные къ такому труду, который поглощаетъ всѣ ихъ силы и удовлетворяетъ всѣмъ ихъ потребностямъ, находятъ именно въ этомъ трудѣ незыблемую точку опоры для своей нравственной самостоятельности. Они влюбляются въ свои идеи, и эти идеи, становясь для нихъ дороже выгодъ и удобствъ жизни, дѣлаютъ ихъ свободными и великими, непоколебимыми и мужественными. Вспомните старика Галилея, подумайте, почему онъ передъ папскимъ инквизиціоннымъ судомъ не побоялся произнести знаменитыя слова: «а она все-таки вертится!» — подумайте объ этомъ, и вы увидите, какой могучій и незамѣнимый талисманъ составляютъ для мыслящаго человѣка любимыя занятія его мысли. Если у васъ есть такія любимыя занятія, то на нихъ сосредоточится вашъ умъ; и чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ваша привязанность къ любимымъ занятіямъ, тѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе вы будете держать себя въ отношеніи къ постороннимъ предметамъ. Но если у васъ нѣтъ любимыхъ занятій, то умъ вашъ естественнымъ образомъ направится на обсуживаніе практическихъ житейскихъ обстоятельствъ, и при этомъ обсуживаніи вы также естественно будете брать за мѣрку практическія потребности и удобства вашей особы; чѣмъ сильнѣе вашъ умъ, чѣмъ онъ свободнѣе отъ предрасудковъ, тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе онъ разовьетъ и приложитъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни ходячую мораль: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Та-же самая сила ума, которая въ первомъ случаѣ дѣлала васъ свободнымъ и великимъ, сдѣлаетъ васъ во второмъ случаѣ маленькимъ рабомъ обстоятельствъ; или вѣрнѣе, въ первомъ случаѣ — великимъ человѣкомъ, а во второмъ — великимъ подлецомъ. Вотъ почему и говорятъ, что любовь и наука облагораживаютъ

человѣка. Облагораживаютъ не знанія, а любовь и стремленіе къ истинѣ, пробуждающіяся въ человѣкѣ тогда, когда онъ начинаетъ приобрѣтать знанія. Въ комъ не пробудились эти чувства, того не облагодорадятъ ни университеты, ни обширныя свѣдѣнія, ни дипломы. Понятно также, что мѣсто любимой научной дѣятельности можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ занять любимая литературная дѣятельность или любимый политическій принципъ.

Сильно развитая любовь ведетъ къ фанатизму, а сильный фанатизмъ есть безуміе, мономанія, *idée fixe*; но съ другой стороны, отсутствие любви приводитъ къ скептицизму, а скептицизмъ, проведенный въ жизнь съ неумолимой логической послѣдовательностью, называется систематической подлостью. И вотъ, между бездной безумія съ одной стороны и бездной подлости съ другой стороны долженъ пробираться порядочный человѣкъ, балансируя на узкой тропинкѣ, которая часто становится до такой степени узкой, что приходится только выбирать, куда свалиться: упадешь въ безуміе — всѣ пожалѣютъ, упадешь въ подлость — пожалѣютъ немногіе, потому что большинство скажетъ: «молодецъ!» Въ первомъ случаѣ немногіе пожалѣютъ съ отгѣнкомъ уваженія, многіе — съ чистымъ состраданіемъ, а большинство — съ примѣсью презрительной насмѣшки; во второмъ-же случаѣ, тѣ немногіе, которые не скажутъ «молодецъ», будутъ жалѣть съ горькимъ негодованіемъ или съ ледянымъ презрѣніемъ, но вѣдь ихъ будетъ такъ немного!.. Остается, стало быть, затрудненіе выбора. Для Сварожича затрудненія тутъ не было; онъ не любилъ падать безъ надобности и всегда до послѣдней возможности балансировалъ на узкой тропинкѣ, но когда приходилось круто, всегда падалъ молодцомъ и проворно выскакивалъ опять на узкую тропинку. Эти паденія и выскакиванія произволились такъ легко и граціозно, что они никому не бросались рѣзко въ глаза и никому не западали глубоко въ память. Поэтому личность Сварожича казалась и мнѣ, и другимъ, личностью умнаго человѣка, дипломата, университетскаго Талейрана. Потому я приступилъ къ ея анализу сначала съ тѣмъ невольнымъ уваженіемъ, которое всегда внушаетъ къ себѣ человѣческій умъ, — съ тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ историкъ XIX столѣтія сталъ-бы вглядываться въ фізіономію Талейрана. Только рѣшившись анализировать и называть вещи настоящими именами, я могъ придти къ тѣмъ неслетнымъ для Сварожича результатамъ, къ которымъ привело меня естественное и непреднамѣренное развитіе мысли. Къ подобнымъ результатамъ приходятъ конечно и біографы знаменитыхъ дипломатовъ вообще, и Талейрана въ особенности.

Анализъ личности Сварожича объясняетъ до нѣкоторой степени, почему слова этого профессора всегда усиливали мои умственные страда-

нія. Умному скептику было смѣшно видѣть мои добросовѣстныя и напрасныя усилія влюбиться въ науку, а даровитому и опытному критику стоило только сказать нѣсколько словъ, чтобы разбить въ прахъ методы моихъ занятій. Какъ я ни приступалъ къ дѣлу, какъ ни изловчался, Сварожичъ, на судъ котораго я приносилъ свои попытки и планы, сию-же минуту находилъ ихъ слабую сторону и доказывалъ мнѣ съ самой ловкой улыбкой, что ничего изъ моихъ плановъ и занятій не выйдетъ. И я принужденъ былъ соглашаться, потому что противъ очевидности не спорять. А обращался я къ Сварожичу по тому-же самому побужденію, по которому химикъ испытываетъ золото самыми сильными кислотами. Если Сварожичъ не найдетъ противъ этого плана возраженія, значитъ—дѣйствительно хорошъ. Но возраженіе всегда находилось, и я всегда удалялся отъ Сварожича съ цѣлымъ ворохомъ разбитыхъ иллюзій и перепутанныхъ намѣреній. Въ томъ, что онъ разбивалъ мои иллюзій, не было конечно ничего дурного; я дѣйствительно затѣвлялъ глупости и вертѣлся въ заколдованномъ кругу. Но нехорошо было то, что Сварожичъ дипломатизировалъ даже со мною, говоря о моихъ занятіяхъ и тревогахъ. Онъ указывалъ мнѣ только частныя мои ошибки и не разу не проронилъ ни одного слова насчетъ общихъ свойствъ университетской науки и студенческихъ занятій. Когда я въ совершенномъ отчаяніи спрашивалъ у него: да что-же дѣлать? чѣмъ заниматься? тогда онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ успокоивалъ меня на минуту нѣсколькими общими словами и такимъ образомъ уклонялся самъ отъ всякаго категорическаго отвѣта. Ему, какъ филологу и профессору, было неудобно разоблачать передъ студентомъ общую несостоятельность нашей науки; и въ то-же время ему, какъ умному человеку, было совѣстно и противно повторять тѣ фразы, которыя изливалъ Телицынъ,—вотъ онъ и лавировалъ, говоря съ солиднымъ уваженіемъ о какой-то отвлеченной наукѣ вообще и въ то-же время осмѣивая тонко и умно ошибки ученыхъ, учащихъ и учащихся въ частности. Сказать мнѣ просто и откровенно: бросьте нашъ хламъ, познаться съ жизнью, расширьте кругъ вашего чтенія и вашей мысли—этого ему не хотѣлось. Весь хламъ въ совокупности назывался у него великой и священною наукою, но каждый отдѣльный кусочекъ этого хлама рассматривался и оцѣнивался имъ по достоинству и оказывался пылью и гнилью, на которой нельзя построить ни одного твердаго вывода.

Каковъ былъ Сварожичъ въ разговорахъ, таковъ онъ былъ и на лекціяхъ. Относясь съ глубокой недоувѣрчивостію къ трудамъ всѣхъ ученыхъ, разработывавшихъ его науку, онъ не читалъ на лекціяхъ ничего чужого. Всѣ его лекціи состояли изъ сырыхъ матеріаловъ и изъ замѣчаній, составленныхъ имъ самими. На каждой лекціи онъ

рассматривалъ представлявшіеся вопросы съ разныхъ сторонъ, приводилъ множество доводовъ *за* и *противъ*, напрягалъ ожиданія слушателей и потомъ не останавливался ни на чемъ. «Можетъ-быть такъ, можетъ-быть и не такъ»—вотъ и все, что выносили слушатели; каждая лекція оканчивалась знакомъ вопросительнымъ и доказывала такимъ образомъ, что Сварожича забавляетъ иногда процессъ мышленія, но что предметъ, о которомъ онъ размышляетъ, всегда остается для него безразличнымъ. Говорить о судьбѣ цѣлаго народа или разбирать различныя мнѣнія археологовъ о какой-нибудь черниговской гривнѣ—для него это было все равно; было даже замѣтно предпочтеніе къ черниговскимъ гривнамъ, потому что микроскопическій вопросъ можетъ быть удобнѣе и безопаснѣе анализировать съ разныхъ сторонъ. А поведетъ-ли этотъ вопросъ къ чему-нибудь?—объ этомъ собиратель матеріаловъ не спрашиваетъ, да и спрашивать не зачѣмъ. Вопросъ потѣшилъ его мысль, далъ ему возможность прочитать лекцію, доставилъ ему случай написать академическій мемуаръ; очевидно, стало быть, что вопросъ повелъ къ очень многому.

XVI.

Въ началѣ зимы 1858 года мнѣ удалось найти себѣ работу въ одномъ журналѣ для дѣвицъ, начинавшемъ свое существованіе съ января 1859 года. Это обстоятельство конечно не относится къ университетской наукѣ, но я упоминаю о немъ для того, чтобы нагляднымъ противоположеніемъ показать читателю различіе между самою нехитрою практической работой и самими замысловатыми кабинетными занятіями. Мнѣ было поручено вести въ этомъ журналѣ библиографическій отдѣлъ, т. е. указывать юнымъ читательницамъ на тѣ книги и журнальныя статьи, которыя могутъ обогатить ихъ умъ, не вредя чистотѣ и непорочности ихъ сердца. Направление журнала было сладкое, но приличное, и отъ дѣлій г-жи Ишимовой онъ отличался значительно. Мы даже за эмансипацію женщинъ стояли, стараясь конечно не огорчать такими сужденіями почтенныхъ родителей. Добродѣтель мы любили особенно горячо, и объ ней говорили уже совершенно смѣло, потому что добродѣтель—предметъ одинаково пріятный для дѣтей и родителей.

Сначала я взглянулъ на свою новую работу преимущественно съ денежной точки зрѣнія; мои библиографическія статьи оплачивались по 30 р. с. за печатный листъ и доставляли мнѣ ежемѣсячно отъ 60 до 70 р. с. Для студента, бѣгавшаго въ Публичную Библіотеку, чтобы не издержать пяти рублей на книгу, это была цѣлая Калифорнія. Я и ухватился за эту работу обими руками, и стараясь выполнять ее какъ можно тщательнѣе и аккуратнѣе, чтобъ удержать и

за собою. Редакторъ мой конечно остался очень доволенъ моими и мѣсяца черезъ два послѣ начала знакомства мы уже были увѣрены, что останемся безъ особенной необходимости, потому что оба чувствовали, насколько мы полезны другъ другу. Нечувствительно забралась ко мнѣ въ голову мысль, что эта работа можетъ поддерживать меня и послѣ выхода изъ университета. Стало быть, думалъ я, если даже я не отыщу себѣ прочной специальности, бѣда не такъ велика: жить можно. Чѣмъ яснѣй вырисовывалась для меня эта утѣшительная перспектива, тѣмъ сильнѣй я дорожилъ моею журнальной работою. Редакторъ поговаривалъ даже о томъ, что, когда я выйду изъ университета, онъ попроситъ меня быть его помощникомъ по редакціи. При мысли о такомъ повышеніи и благополучіи я чувствовалъ даже головокруженіе и отъвѣчалъ, опуская глаза, что я всегда готовъ служить нашему общему дѣлу. Между тѣмъ работа начинала дѣйствовать на меня не съ одной денежной стороны: я привязывался къ ней искренно и сильно. Я писалъ свои жиденькія и невѣрные статьи съ такимъ увлеченіемъ, съ какимъ мнѣ никогда не случалось работать надъ біографіей Гумбольдта. Мнѣ было пріятно всматриваться и вдумываться въ чтеніе книгъ и журнальныхъ статей, потому что я видѣлъ передъ собою близкую и вполне доступную цѣль этого всматриванія и вдумыванія. Мнѣ было пріятно развивать на бумагѣ мои мысли и взгляды, потому что они были дѣйствительно мои, и я вполне понималъ, что я пишу; я всей душой сочувствовалъ тому, что я старался объяснить или доказать. Я не производилъ ничего новаго и оригинальнаго, но для меня это было и ново, и оригинально. Я не выписывалъ изъ книжки и не повторялъ чужихъ словъ, — дѣйствительно самъ размышлялъ и, доходя путемъ собственнаго размышленія до общезвѣстныхъ истинъ, я все-таки успѣвалъ сообщить этимъ истинамъ ту печать искреннаго и живого убѣжденія, которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль дѣйствительно возникла въ собственномъ мозгу писавшаго. Поэтому работа моя была для меня привлекательна; я увѣренъ кромѣ того, что статьи мои, даже въ глазахъ постороннихъ читателей, не имѣли того утомительно-казеннаго характера, который имѣетъ обыкновенно повтореніе всѣхъ образованныхъ людей. Свѣжесть и искренность убѣжденія выкупали недостатокъ новизны; читатель могъ и долженъ былъ улыбаться наивному увлеченію автора, но эта самая улыбка, полунасмѣшливая, полублагосклонная, навѣрное мѣшала читателю зѣвнуть и можетъ-быть побуждала его дочитать до конца. Впрочемъ, что бы ни дѣлалъ читатель — зѣвалъ или улыбался, — для меня это было все равно; я былъ доволенъ

и счастливъ; умственная дѣятельность моя пробуждалась, и я умилялся надъ самимъ собою, какъ умиляется молодая мать надъ колыбелью своего новорожденнаго ребенка. Занятія славянскими и русскими древностями вѣжливо отходили въ сторону, хотя я все еще признавалъ ихъ занятіями главными и существенными. Мнѣ казалось, что я работаю такъ ревностно для журнала ради корысти, изъ практическаго расчета, чтобы удовлетворить заказчика; но на самомъ дѣлѣ уже всѣ симпатіи были на сторонѣ журнальнаго труда, а филологической учености бросалось изрѣдка копѣечное подаваніе, служившее только для успокоенія моею встревоженной совѣсти. Въ журнальной работѣ сосредоточились и существенные мои интересы, и источники умственнаго наслажденія, а ученныя занятія остались только священнымъ долгомъ; я вѣровала, что надо исполнить этотъ долгъ, но не видаль, почему надо, и не находилъ эту необходимость пріятной. Ясно, что догматъ, неподдерживаемый ни разумомъ, ни чувствомъ, былъ просто мертвымъ остаткомъ прошедшаго, которому предстояло рухнуть и разсыпаться въ прахъ.

Для составленія моихъ бібліографическихъ обзоровъ мнѣ приходилось читать много разнообразныхъ книгъ и статей, и мнѣ правилось не только размышленіе и писаніе, но и пестрое чтеніе само по себѣ. Вся эта масса книгъ и статей составляла самый разнообразный сбродъ, но во всемъ этомъ сбродѣ чувствовалось то обаятельное вѣяніе жизни, безъ котораго не можетъ существовать самый мрачный изъ современныхъ журналовъ. Мнѣ пришлось прочитать много историческихъ статей Маколея, Прескотта и Мотлея, много педагогическихъ разсужденій, нѣсколько путешествій (напр. «Фрегатъ Паллада» Гончарова, по Америкѣ — Лакіера, по Африкѣ — Ливингстона), нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ (напр. «Химія вседневной жизни» Джонстона, «Исторія земной коры» Куторги, «Физическая географія» Гюйо, «Громъ и молнія» Араго). Наконецъ въ 1859 году мнѣ пришлось говорить довольно подробно въ нашемъ журналѣ объ «Обломовѣ» и о «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Словомъ, бібліографія моя насильно вытаскивала меня изъ закупоренной кельи на свѣжій воздухъ, и этотъ переходъ доставилъ мнѣ грѣховное удовольствіе, котораго я не могъ скрыть ни отъ самого себя, ни отъ другихъ. Товарищи мои стали внушительно качать головами и предостерегать меня, говоря, что конечно журнальной работою заниматься позволительно для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, но что увлекаться ею не слѣдуетъ, потому что она отводитъ человека отъ науки и повергаетъ его въ пустословіе и въ пагубный диллетантизмъ. Мнѣ указывали съ соболѣзнованіемъ на поучительный примѣръ Добролюбова, который, видите-ли, могъ-бы быть дѣльнымъ ученымъ, а вмѣсто того сдѣлался пу-

стѣмъ журналистомъ и увлекся суетой «Современника». Я съ своей стороны старался увѣрить всѣхъ въ моей невинности, отрещивался отъ примѣра Добролюбова и говорилъ, что никогда не пойду по такому предостудительному пути. Остатокъ прошедшаго, мертвый догматъ все еще висѣлъ надъ моей головой, и я употреблялъ послѣднія усилія, чтобы поддержать мою угасавшую вѣру въ величіе и святость филологіи.

Но читатель мнѣ не вѣритъ, читатель навѣрное думаетъ, что я клеветчу. «Возможное-ли дѣло,—говоритъ онъ себѣ,—чтобы студенты въ 1858 году смотрѣли на Добролюбова, какъ на человѣка, идущаго по ложной дорогѣ? Можетъ ли быть, чтобы они указывали на него, какъ на поучительный примѣръ, долженствующій привестимолодого человѣка въ ужасъ и раскаяніе!..»

О, читатель, читатель! развѣ я не вижу, до какой степени мое показаніе неправдоподобно? И развѣ я осмѣлился-бы высказать такую несообразность, еслибы это не была чистая истина? Но увѣренія и клятвы мои не уясняютъ дѣла, а фактъ самъ по себѣ такъ любопытенъ, что я не могу избавить себя отъ обязанности остановиться на немъ и рассмотреть его по возможности внимательно. Надо, во-первыхъ, замѣтить, что молодежь наша очень сильно измѣнилась въ послѣдніе три-четыре года. Уже въ 1858 и 1859 годахъ студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы и развязны, и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца послѣ поступленія они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные вопросы и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, они приглашали профессоровъ читать публичныя лекціи для той-же благотворительной цѣли, они устроили студенческую бібліотеку; а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изображали на лицахъ своихъ недовѣріе и иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы, и только». Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распорядятся умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и жизнь пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фарисеевъ. Конечно отсталость наша была дѣло поправимое, но, чтобы отправить ее, надо было сначала признать существованіе новой жизни, надо было понять, что новые студенты непохожи на бывшихъ обожателей Телицына; надо намъ было выйти изъ нашей гордой замкнутости и пойти вслѣдъ за

другими. Но всѣмъ извѣстна запосчивость молодости и гордость ученой касты. Большая часть моихъ товарищей были увѣрены въ абсолютной непогрѣшимости своего умственного направленія, и большая часть изъ нихъ по образу мыслей уже принадлежала къ ученой кастѣ, хотя объемъ ихъ свѣдѣній былъ еще очень ограниченъ. Этими молодымъ ученымъ, ушедшимъ уже въ книги отъ грѣховнаго міра, казалась странной самая мысль учиться чему-нибудь у своихъ младшихъ товарищей; да и приходила-ли имъ въ голову мысль, что эти товарищи обогнали ихъ?

Если новые студенты могли быть названы людьми дѣла, то мы, старые студенты, съ гордымъ самодовольствіемъ называли себя людьми мысли, хотя конечно мы не имѣли никакихъ правъ на это названіе. Новые студенты могли считать Добролюбова своимъ учителемъ, но мы относились къ Добролюбову и къ «Современнику» вообще съ высокоуміемъ, свойственнымъ нашей кастѣ. Мы ихъ и не читали, и гордились этимъ, говоря, что и читать не стоить. Но съ каждымъ годомъ ряды ученой партіи рѣдѣли, отчасти потому, что ученые кончали курсъ и поступали на службу въ разные департаменты, гдѣ они очень быстро затушевывались подъ общій тонъ чиновничества, отчасти и потому, что нѣкоторые ученые перебѣгали на сторону новыхъ студентовъ и дѣлались сами антагонистами университетской учености.

Такимъ образомъ университетъ сближался съ жизнью лучшей части общества, и уже теперь сближался настолько, что недоброжелательный взглядъ студента на Добролюбова кажется читателю неправдоподобнымъ изобрѣтеніемъ. Надо также обратить вниманіе на то, что филологическій факультетъ бываетъ обыкновенно самымъ недвижимымъ и мрачнымъ притономъ учености. Онъ въ этомъ отношеніи можетъ передеголять даже математической. Математикъ (если только онъ не обладаетъ совершенно исключительной умственной организаціей и замѣчательнымъ талантомъ въ своей спеціальности), не можетъ удовлетвориться одной математической сферой наукъ; ему необходимо читать для отдыха, и потому онъ обыкновенно знакомъ съ текущей журналистикой и съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ журналахъ популярныя и легкія статьи по разнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ. Но филологъ, для котораго исторія можетъ быть и отдыхомъ, и серьезной работой, филологъ, у котораго голова набита эстетикой и литературными теоріями, филологъ можетъ цѣлыми годами жить въ своемъ ученомъ мѣрѣ; а когда ему случится выглянуть изъ него, онъ обругаетъ только всѣ идеи, противорѣчающія его привычнымъ умозрѣніямъ, и опять уйдетъ въ свою раковину.

Мы дѣйствительно видимъ, что исторіей постоянно пользуются, какъ арсеналомъ, изъ ко-

того вынимаются противъ всякой новой идеи заржавленные и устарѣлые аргументы; фехтуютъ этимъ археологическимъ оружіемъ историки, юристы и гуманисты, постоянно являющіеся во главѣ всякой реакціи: очевидно, что сфера занятій формируетъ мышленіе этихъ господъ и воспитываетъ въ нихъ упорно-тупыхъ противниковъ всякаго умственнаго движенія. Поэтому естественно, что студенты-филологи презирали Добролюбова въ то самое время, когда его «Темное царство» читалось съ сочувствіемъ и съ увлеченіемъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Наконецъ надо вспомнить и то, что смерть Добролюбова очень значительно измѣнила отношенія литературы и общества къ его дѣятельности. Пока Добролюбовъ писалъ и боролся, до тѣхъ поръ его бранило большинство нашихъ журналовъ. Вліяніе его чувствовалось въ обществѣ, но оставалось непризнаннымъ. Какъ только онъ умеръ, такъ тотчасъ литературное значеніе его признали самые горячіе его противники; продолжая бранить сподвижниковъ Добролюбова, они немедленно ухитрились провести между мертвымъ и живыми раздѣлительную черту, замѣтную только для самихъ этихъ господъ, но тѣмъ не менѣе выгораживающую умершаго дѣятеля отъ всякаго скептическаго посягательства. Но въ 1858 году слышалось много голосовъ противъ Добролюбова. Война «Современника» съ серьезностью и безцвѣтностью другихъ журналовъ была въ полномъ разгарѣ, и мы, ученые люди университета, узнавая по временамъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ этой войны, были конечно на сторонѣ серьезности и съ полнымъ убѣжденіемъ величали безцвѣтность благородной умѣренностью.

Надѣюсь, что теперь читателю станетъ до нѣкоторой степени понятна возможность такого неправдоподобнаго факта, какъ пренебреженіе студентовъ 1858 года къ личности и дѣятельности покойнаго Добролюбова. Фактъ все-таки остается печальнымъ, но отвѣтственность за него должны нести не студенты и даже не профессора, а вся закваска, все устройство и направление нашего университета, и особенно факультета.

XVII.

Одинъ годъ журнальной работы принесъ больше пользы моему умственному развитію, чѣмъ два года усиленныхъ занятій въ университетѣ и въ бібліотекѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что лѣта мои также должны были имѣть значительное вліяніе на пробужденіе моей мысли. Лѣто 1859 г. было для меня временемъ умственнаго кризиса; всѣ понятія, лежавшія въ умѣ моемъ съ самаго дѣтства, всѣ готовыя сужденія, казавшіяся мнѣ неприкосновенной основой всего существующаго въ моей собственной личности, всѣ гипотезы,

имѣющія такое тираническое вліяніе на мысли и поступки большей части людей,—все это заколыхалось и какъ-то, помимо моей воли, стало обнаруживать мнѣ свою несостоятельность. Пока я безъ опредѣленной дѣли читалъ памятники и изслѣдованія, до тѣхъ поръ всѣ эти несообразности оставались нетронутыми и считались такими истинами, которыя ясны, какъ день, неизблемы, какъ гранитная стѣна, и величественнѣе Монблана или Казбека. Но когда пришлось читать и обдумывать читанное съ практической пѣлюю, тогда мысль получила такой толчокъ, котораго дѣйствія и послѣдствія я не могъ ни предвидѣть, ни рассчитать. Пробудившееся стремленіе анализировать и всматриваться не можетъ быть по вашей волѣ опять погружено въ сонъ. Каждый человѣкъ, дѣйствительно мыслившій когда-нибудь въ своей жизни, знаетъ очень хорошо, что не онъ распоряжается своей мыслью, а что напротивъ того сама мысль предписываетъ ему свои законы и совершаетъ свои отправления также независимо отъ его воли, какъ независимо отъ этой воли совершаются біеніе сердца и пищеварительная дѣятельность желудка. Человѣкъ боится подойти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя величественнѣе Казбека и Монблана, а мысль не боится — и подходит, и опунываетъ эти гипотезы, и вдругъ докладываетъ, что все это пустяки. Человѣкъ приходитъ въ ужасъ, но ужасъ этотъ оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ мыслью; мысль осмѣиваетъ и прогоняетъ ужасъ, и человѣку остается только качать головой, стоя на развалинахъ своего міросозерцанія. Наконецъ и качаніе головой прекращается, и тогда начинается новая умственная жизнь, въ которой мысль пользуется неограниченнымъ могуществомъ и не встрѣчаетъ себѣ нигдѣ ни отпора, ни сопротивленія. Въ этомъ царствѣ мысли живетъ свѣтло и весело; но періодъ перехода и умственной борьбы тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями точно такъ-же, какъ ростъ физической. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно-сильно, что оно повело за собою потрясеніе всего организма.

Осенью 1859 года я пріѣхалъ съ каникулъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Опрокинувъ въ умѣ своемъ всякіе Казбеки и Монбланы, я представлялся самому себѣ какимъ-то титаномъ, Прометеемъ, похитившимъ священный огонь; я ожидалъ, что совершу чудеса въ области мысли. Мнѣ случилось какъ-то въ обществѣ товарищей говорить о міросозерцаніи древнихъ грековъ, и я сказалъ, что греческая *судьба*, которой подчинены были высшіе олимпійскіе боги, по всей вѣроятности не что иное, какъ извѣстная сила законовъ природы:—греки, продолжалъ я, не олицетворили этой силы, потому что они, какъ геніальный народъ, чувствовали, что для этой силы узко и мелко всякое олицетвореніе. Эта мысль

моя, находившаяся въ самой интимной связи съ общимъ ходомъ моихъ титаническихъ идей, чрезвычайно понравилась мнѣ и даже поразила меня какимъ-то благоговѣніемъ. Я вдругъ рѣшился провѣрить и доказать эту мысль и даже превратить ея развитие въ кандидатскую диссертацию. Но такъ какъ изучать для этой цѣли всѣхъ греческихъ поэтовъ было мнѣ не по силамъ, то я ограничился однимъ Гомеромъ и принялся за него съ тѣмъ неистовымъ рвеніемъ, которое всегда руководило моими любимыми занятіями. Мѣсяца два я работалъ неутомимо; прочелъ восемь пѣсней «Илиады» въ подлинникѣ и кромѣ того сдѣлалъ много выписокъ изъ нѣмецкихъ изслѣдованій, трактовавшихъ о миологическихъ и теологическихъ понятіяхъ Гомера. Товарищи мои смотрѣли на мои труды съ недоумѣніемъ и иногда дѣлали мнѣ выговоры за то, что я оставилъ славянорусскія древности и такъ внезапно, очертя голову, бросился въ совершенно неизвѣстную мнѣ область науки. Но я объявилъ себя Прометеемъ и уже не обращалъ вниманія ни на какіе дружескіе совѣты. Вдругъ за пароксизмомъ восторженной и кипучей дѣятельности послѣдовалъ пароксизмъ утомленія и апатіи. Засамонадѣянностью наступило уныніе и совершенное недовѣріе къ своимъ силамъ. Идея о судьбѣ, казавшаяся гениальной, потеряла весь свой блескъ и представилась даже бессмысленной. Работа вывалилась у меня изъ рукъ. Даже такая обыкновенная вещь, какъ выпускной экзаменъ, предстоявшій мнѣ весной 1860 года, сталъ казаться мнѣ совершенно непреодолимой трудностью. Словомъ, періодъ переходной умственной борьбы заключился умственной болѣзью. Прометей приковали къ скалѣ, и коршунъ сталъ клевать его печень, или, говоря языкомъ болѣе современнымъ, меня посадили въ карегу и отвезли въ психіатрическую лечебницу. Я дошелъ до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости и сталъ воображать себѣ, что меня измучаютъ, убиваютъ, или живого заруютъ въ землю. Скептицизмъ мой вышелъ изъ границъ и началъ отрицать существованіе дня и ночи. Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчалъ во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи.

Такая фантазмагорія тянулась четыре мѣсяца. Наконецъ теплыя ванны, продолжительныя прогулки на открытомъ воздухѣ, ежедневныя гимнастическія упражненія, постоянныя приемы желѣза внутрь, а главное—отдыхъ мысли убавили скептицизмъ настолько, что въ половинѣ апрѣля 1860 года я оказался въ состояніи жить съ людьми по человѣчески и пользоваться гражданской свободой безъ опасности для себя и для другихъ. О выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году было уже

поздно думать, тѣмъ болѣе, что усиленные занятія могли еще имѣть для меня опасныя послѣдствія; я остался въ университетѣ на нынѣшній годъ и тотчасъ послѣ своего выздоровленія удалился до осени на лоно природы укрѣплять свои силы и наслаждаться возвратившимся разсудкомъ.

Послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ былъ для меня очень замѣчательнъ. Я почти совсѣмъ не ходилъ на лекціи, но работалъ сильно. Послѣ пріѣзда съ каникулъ я рѣшился писать диссертацию на медаль, на историческую тему, заданную въ томъ году Ироніанскимъ. Предпріятіе было дерзкое. Тема задана была въ началѣ февраля, въ то время, когда я еще отрицалъ солнце и луну; кто писалъ на эту тему, тотъ принялся за работу тотчасъ послѣ объявленія задачи, а я началъ изучать предметъ диссертации въ началѣ октября, между тѣмъ какъ всѣ сочиненія должны были быть представлены никакъ не позже первыхъ чиселъ января. Мѣсяцъ былъ употребленъ на чтеніе и выписки, а въ ноябрѣ я началъ писать. Дѣло пошло быстро и успѣшно, отчасти на живую нитку, кое-гдѣ на авось, съ широкими взглядами и рискованными предположеніями. Я писалъ безъ черновой, потому что переписывать было-бы некогда, и старался обработать предметъ такъ, чтобы произведеніе мое могло быть помѣщено въ какомъ-нибудь литературномъ журналѣ. Къ началу января я кончилъ свой трудъ и замѣтилъ не безъ удовольствія, что въ немъ по крайней мѣрѣ пятнадцать недостатныхъ листовъ (240 страницъ). Впрочемъ недостатковъ времени помѣшалъ мнѣ развитъ нѣкоторыя мысли, которыя были уже совсѣмъ выработаны въ моемъ умѣ. Дѣлать было нечего; я махнулъ на нихъ рукой, написалъ на своей диссертациі эпиграфъ: «еже писахъ, писахъ», и представилъ ее куда слѣдовало.

Смѣлость города беретъ и даже очаровываетъ профессоровъ университета: диссертация моя очень понравилась, несмотря на то, что вмѣстѣ съ нею былъ представленъ основательный трудъ одного студента, догло изучавшаго предметъ и разработавшаго его чуть-ли не вдвое подробнѣе моего. Въ совѣтѣ университета произошло разногласіе: присяжный цѣнитель нашихъ работъ, Креозотовъ, въ своемъ отчетѣ расхвалилъ обѣ диссертации и приписалъ моему труду высокое литературное достоинство, а работѣ моего соперника г.убокою научную основательность. Кому же дать золотую медаль? Большинство говорило, что, по всѣмъ правамъ, золотая медаль принадлежитъ научной основательности. Но сильная партія утверждала, что слѣдуетъ дать золотыя медали и научной основательности, и литературному достоинству. Слышались даже еретическіе голоса, безусловно защищавшіе литературное достоинство. Однако здравый смыслъ и справедливость одержали верхъ. Профессора поняли, что

плѣняться смѣлостью и живымъ языкомъ и пренебрегать другими, болѣе прочными достоинствами труда—не слѣдуетъ, и потому опредѣлили дать золотую медаль научной основательности, а серебряную—литературному достоинству. Положивъ такое рѣшеніе, они распечатали конверты, заключавшіе въ себѣ фамиліи авторовъ, и узнали тогда, кому принадлежитъ научная основательность и кто отличился литературнымъ достоинствомъ. Признанный обладатель литературнаго достоинства остался конечно очень доволенъ: единственное желаніе его состояло въ томъ, чтобы достигнуть на актѣ почетнаго отзыва, который избавилъ-бы его отъ необходимости писать кандидатскую диссертацию; а вмѣсто почетнаго отзыва явилась медаль съ изображеніемъ юноши, вѣроятно Аполлона, и съ надписью: «преуслѣвшему». Всѣ эти прелести составляли уже неожиданную роскошь.

Когда Креозотовъ увидаль меня на выпускномъ экзаменѣ, то онъ любопытствовалъ взглянуть на черновой списокъ моей диссертации. Я отвѣчалъ ему, что никакъ не могу удовлетворить его жеанію, потому что диссертация писана безъ черновой. Тогда Креозотовъ почувствовалъ несказанное удивленіе, съ особенной признательностью пожалъ мнѣ руку и растроганнымъ голосомъ проговорилъ, что даже Пушкинъ писалъ «Капитанскую Дочку» сначала на-черно. О, читатель, согласитесь, что эпизодъ о моей диссертации имѣетъ свою прелесть. Развѣ не восхитительно то обстоятельство, что для нашихъ профессоровъ обыкновенный литературный языкъ и нѣкоторая смѣлость въ расположеніи мыслей имѣютъ такую неизрѣченную сладость? Имъ, бѣднымъ старикамъ и, еще болѣе, бѣднымъ людямъ средняго возраста, до смерти надоѣло ихъ собственное ученое величіе; имъ скучно сидѣть на Олимпѣ, и сидятъ они на немъ только потому, что сойдти съ него не умѣютъ,—серьезность и основательность имъ ни почему: это ихъ будничное кушанье. Но чуть что-нибудь посмѣлѣй и по оригинальнѣй, они тотчасъ готовы прельститься и принуждены строго наблюдать за собою, чтобы не поддаваться искушенію и не измѣнить величію и достоинству своего сана. Это утѣшительно: это значитъ, что чисто-человѣческія потребности не могутъ быть окончательно истреблены ни монашескимъ подвижничествомъ, ни ученымъ столпничествомъ. Но, съ другой стороны, это значитъ также, что чисто-человѣческія потребности находятся въ постоянномъ разладѣ и съ тѣмъ, и съ другимъ. А что противорѣчить чисто-человѣческимъ потребностямъ, то, стало быть, неестественно. А что неестественно, то, стало быть, и неразумно. Вотъ вамъ и правоученіе.

Диссертация моя достигла также своей литературной цѣли. Сдѣлавъ изъ пятнадцати листовъ—двѣнадцать, я помѣстилъ ее въ одинъ журналъ, лѣтомъ 1861 года, и получилъ за нее

до шести сотъ сребренниковъ. Журналъ этотъ былъ уже не тотъ добродѣтельный журналъ для дѣвиць, въ которомъ я помѣщалъ свои стыдливые опыты,—журналъ этотъ былъ исполненъ суеты и гордыни, и благонаравные товарищи мои, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, бросали на меня прощальный взглядъ, полный укора и сожалѣнія, когда увидали, что я беззаботно и весело пошелъ по скользкому пути журналиста. На статьи мои они смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ; меня самого они рѣшительно и открыто исключили изъ своего круга. О, читатель, и это неправдоподобно, но и это—чистая правда. Они считали меня ренегатомъ, маленькимъ Врамбеусомъ, недостойнымъ сыномъ университетской науки, обратившимся противъ своей родной матери,—и надо сказать правду, они не ошибались въ этомъ отношеніи. Могъ-ли же я послѣ этого ожидать себѣ помилованія? Не могъ и не ожидалъ, и потому покорился рѣшенію судьбы. Вижу и понимаю, что мои товарищи, бывшіе филологи,—люди честные, умные, вполнѣ достойные уваженія и сочувствія, но вижу также, что мнѣ съ ними уже не сойтись. Имъ предстоятъ двѣ дороги, и ни на одной изъ этихъ дорогъ я не встрѣчусь съ ними. Они могутъ продолжать съ успѣхомъ свою службу въ разныхъ департаментахъ и сдѣлаться черезъ нѣсколько лѣтъ просвѣщенными администраторами, или они могутъ осуществить свою университетскую мечту и сдѣлаться свѣтилами отечественной науки. Очевидно, что журналисты, исполненный суеты и гордыни, ни администраторомъ, ни свѣтиломъ быть не можетъ; очевидно даже, что онъ и знакомства водить не можетъ ни съ администраторами, ни со свѣтилами, потому что онъ имъ совѣмъ не пара: стоятъ они на разныхъ плоскостяхъ¹⁾, живутъ въ разныхъ мірахъ, смотрятъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія и приходятъ разными путями къ противоположнымъ выводамъ и результатамъ. Стало быть, мнѣ остается только, вспоминая о моихъ добрыхъ и честныхъ товарищахъ, послать имъ на этихъ страницахъ послѣднее, дружеское «прости» и увѣрить ихъ въ томъ, что я съ своей стороны всегда готовъ и радъ съ ними сойтись и что въ то-же время я не вижу къ тому ни возможности—теперь, ни надежды—въ будущемъ.

Общее образованіе.

I.

Намъ постоянно случается слышать, что молодые люди, неимѣющіе почти никакихъ средствъ къ существованію, приходятъ изъ отдаленныхъ губерній въ университетскіе города, чтобы

¹⁾ Тутъ плоскость употреблена въ математическомъ смыслѣ, а не въ порицательномъ.

учиться, перебиваются со дня на день во время четырехлѣтняго курса, переносятъ всевозможныя лишения, и наконецъ достигаютъ своей цѣли, то есть, благополучно, а иногда и блистательно выдерживаютъ выпускной экзаменъ. Всякому, кто бывалъ въ нашихъ университетахъ, случалось видѣть въ аудиторіяхъ молодыхъ людей бѣдно одѣтыхъ, худыхъ и блѣдныхъ, истомленныхъ бѣготнею по грошовымъ урокамъ и, несмотря на то, усердно посѣщающихъ и записывающихъ всѣ назначенныя по росписанію лекціи. Исторія Ломоносова повторяется у насъ въ Россіи каждый день, а между тѣмъ Ломоносовы такъ же рѣдки теперь, какъ были рѣдки въ прошломъ столѣтіи. Мы привыкли указывать на молодыхъ людей, приходящихъ пѣшкомъ въ университетскіе города, какъ на живыя доказательства того сильнаго стремленія къ образованію, которое существуетъ и проявляется порою въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ нашего отечества и въ самыхъ забытыхъ слюяхъ нашего общества. Существуетъ дѣйствительно, или не существуетъ это стремленіе—это такой вопросъ, за рѣшеніе котораго я не беруся, потому что судить объ этомъ дѣлѣ можетъ только тотъ, кто знаетъ наше общество вдоль и поперекъ, кто наблюдалъ его долго и внимательно и кто серьезно обдумалъ свои наблюденія. Я скажу только, что примѣры молодыхъ людей, переносящихъ тягостныя лишения во время своего университетскаго курса, оказываются при внимательномъ разсмотрѣніи доказательствами слабыми, односторонне понятыми и превратно истолкованными. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только предложить себѣ вопросъ: куда дѣваются эти молодые люди? Что съ ними дѣлается послѣ блистательнаго выпускнаго экзамена? Дѣлается то, что и со всѣми дѣлается: они идутъ въ чиновники, въ учителя, въ ученые, сливаются съ общей массой и ничѣмъ замѣчательнымъ не проявляютъ своей личности и дѣятельности. Авѣдь шла въ мѣшкѣ не утайшь. Кто прошелъ сотни верстъ и пережилъ сотни полугодныхъ дней только потому, что онъ чувствовалъ въ душѣ непреодолимое и безкорыстное стремленіе къ знанію, тотъ стоитъ цѣлой головой выше общей массы, тотъ не солется съ ея грошовыми заботами и не удовлетворится ея куриною хлопотливостью. Кто въ глуши, среди гнетущей бѣдности, искалъ безъ устали истины и свѣта, тотъ вынесетъ свои стремленія неподавленными и неуспыленными даже изъ мертвающей аудиторіи какого-нибудь Крезотова. А что эти стремленія останутся неудовлетворенными въ подобной аудиторіи и слѣдовательно будутъ искать себѣ удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ, это само собою разумѣется. Стало-быть, если исторія Ломоносова повторяется съ незначительными варіаціями каждый день, а между тѣмъ Ломоносовыхъ не является, то остается предположить, что повто-

ряется только внѣшняя сторона этой исторіи. Борьбу съ лишениями мы видимъ, энергію и терпѣніе также видимъ,—не видимъ только бездѣлицы—побудительной причины; и между тѣмъ, именно въ этой бездѣлицѣ заключаются, въ большей части случаевъ, смыслъ и разгадка всего явленія.

Если-бы молодой человѣкъ шелъ пѣшкомъ въ университетскій городъ только за образованіемъ, то у насъ уже теперь было бы много дѣйствительно образованныхъ людей, и вліяніе этихъ людей чувствовалось-бы въ общественной жизни. Но такъ какъ этого нѣтъ, то надо предположить, что дѣйствительнаго стремленія къ образованію молодой человѣкъ не чувствуетъ, или по крайней мѣрѣ это стремленіе существуетъ въ немъ съ очень значительной примѣсью посторонняго вещества. Не трудно догадаться, какое это вещество. Кромѣ знаній сомнительнаго достоинства, университеты даютъ своимъ слушателямъ еще права, которыхъ достоинство уже вовсе несомнительно. Кто не идетъ въ университетъ, какъ въ храмъ науки, тотъ идетъ въ него, какъ въ преддверіе карьеры. Для бѣднаго и незнатнаго человѣка университетъ составляетъ кратчайшую дорогу къ чинамъ, къ почестямъ, къ большому жалованью и слѣдовательно ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни. Эта кратчайшая дорога очень крута и усѣяна многими препятствіями; поступить въ уѣздный судъ писцомъ и перебиваться въ уѣздномъ городѣ копѣчнымъ жалованьемъ все-таки легче, чѣмъ идти на авось пѣшкомъ, въ неизвѣстную даль, и потомъ четыре года жить невѣрными уроками,—но за то писцу уѣзднаго суда нѣтъ перспективы въ будущемъ, а передъ кандидатомъ университета открыта жизнь съ ея опасностями, но также и съ ея заманчивыми надеждами. Чтобы пойти на встрѣчу лишениямъ и грозной неизвѣстности судьбы, чтобы изъ рѣчнаго затишя выйти въ открытое море жизни, необходимо обладать предприимчивостью и энергіей, а предприимчивость и энергія—свойства очень почтенныя; но все-таки между этими свойствами и безкорыстно сильнымъ стремленіемъ къ образованію лежитъ цѣлая бездна. Молодые люди, пробивающіе себѣ дорогу энергіей, трудолюбіемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ, заслуживаютъ полнаго уваженія, но образованіе тутъ ни при чемъ. Молодые люди идутъ завоевать себѣ счастье, но не знанія; и до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ давать своимъ слушателямъ какія-нибудь права, до тѣхъ поръ, пока университетскій дипломъ будетъ открывать дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыхъ не могутъ занять люди, не имѣющіе дипломовъ, до тѣхъ поръ всякія сладкія рѣчи и стремленія общества къ образованію будутъ относиться къ легиону нашихъ патріотическихкихъ самооболъщений.

Въ томъ обстоятельствѣ, что бѣдному молодому человѣку, старающемуся выбиться изъ бѣдности,

необходимо идти въ университетъ и добывать дипломъ, въ этомъ обстоятельствѣ, говорю я, нѣтъ ничего утѣшительнаго. Это значитъ только, что одна коронная служба считается у насъ прочнымъ обезпеченіемъ. Это значитъ, что инициатива общества крайне слаба; это значитъ дальѣе, что общество собственнымъ умомъ не умѣетъ оцѣнить силы и способности своихъ членовъ и требуетъ, чтобы эти силы и способности были оцѣнены правительствомъ и засвидѣтельствованы дипломомъ. Нанимая домашняго учителя для своихъ дѣтей, отецъ семейства не можетъ самъ испытать его познанія и потому разсматриваетъ его дипломъ или аттестатъ. Въ дѣлѣ образованія мы требуемъ отъ правительства такой же гарантіи, какой требуютъ отъ него возникающія общества желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ образованія, мы непремѣнно желаемъ, чтобы правительство платило намъ проценты съ нашего умственнаго капитала, или по крайней мѣрѣ, чтобы оно своимъ ручательствомъ рекомендовало насъ почтенной публикѣ. Я не думаю, чтобы такое положеніе дѣлъ говорило особенно убѣдительно въ пользу развитости нашего общества, или въ пользу его горячаго стремленія къ образованію.

Въ 1860 и 1861 годахъ проявилось въ столичной молодежи сильное желаніе посѣщать университетскія лекціи. Въ аудиторіяхъ петербургскаго университета стали появляться посторонніе слушатели, офицеры и дамы. Фактъ самъ по себѣ хорошъ, но надо понимать его, какъ слѣдуетъ. Въ чью пользу говорить этотъ фактъ: въ пользу ли общества, или въ пользу университета? То-есть: пробудилась ли потребность просвѣщенія въ самомъ обществѣ, или университетъ прославился настолько, чтобы разбудить общество и привлечь его въ свои аудиторіи? Стоитъ только поставить такимъ образомъ вопросъ, чтобы тотчасъ придти къ его разрѣшенію. Очевидно, что общество пробудилось совершенно независимо отъ университета, и что пробужденію общества содѣйствовали, во-первыхъ—реформы, предпринятія правительствомъ, во-вторыхъ—оживленіе журналистики, которое въ свою очередь находилось въ связи съ общими реформами. Пробудившееся общество увидѣло, что ему необходимо образованіе,—а гдѣ его искать? Въ университетѣ,—не потому, чтобы въ университетѣ слышались особенно живые и свѣжіе голоса, а потому, что больше искать негдѣ. На безрыбѣ и ракъ рыба. И общество хлынуло въ университетъ, и скоро сужѣло отличить мѣнѣе усыпительныя аудиторіи. Но эти аудиторіи (за исключеніемъ развѣ одной костомаровской) все-таки не могли удовлетворить потребностямъ общества, и оно навѣрное само отхлынуло-бы назадъ, если-бы университетъ не предупредилъ его и не отогналъ отъ своихъ дверей непосвященную и неслатающую чернь. Стало быть, тотъ фактъ, что офицеры и дамы бывали на лекціяхъ, вовсе не доказываетъ того, чтобы

между обществомъ и университетомъ существовало сознательное сочувствіе. Что университетъ вовсе не сочувствуетъ обществу, это онъ доказывалъ неоднократно словами и поступками своихъ отдѣльных членовъ и даже дѣлой корпораціи. Но и общество также не сочувствуетъ университету; оно ожидало отъ него живого и разумнаго слова и готово было полюбить его за это слово, но ожиданія не исполнились, и общество конечно будетъ искать себѣ умственной пищи за предѣлами университетовъ, въ самостоятельномъ чтеніи, точно такъ же, какъ уже всѣ дѣльные студенты работаютъ теперь надъ своимъ развитіемъ совершенно независимо отъ профессорскихъ лекцій и записокъ. Отстранивъ такимъ образомъ тѣ факты, которые люди невнимательные могли-бы принять за признаки сочувствія общества къ теперешней университетской наукѣ, я приступаю прямо къ критикѣ нашего общаго и высшаго образованія.

II.

У насъ составила привычка различать два рода образованія: общее и специальное. Эта привычка, какъ и большая часть нашихъ привычекъ, не оправдывается ничѣмъ, кромѣ давности лѣтъ, и оказывается несостоятельной при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое специальное образованіе? Ничто иное, какъ навыкъ въ какомъ-нибудь ремеслѣ, умѣнье взяться за какое-нибудь дѣло, умѣнье приложить къ этому дѣлу именно тѣ приемы, которые въ данное время признаны опытомъ наиболѣе удобными. Что такое образованный специалистъ? Если отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ здравый смыслъ и правильное пониманіе употребляемыхъ словъ, то намъ придется сказать, что образованный специалистъ есть человѣкъ, получившій общее образованіе и потомъ изучившій какое-нибудь ремесло. Если же отвѣчать на этотъ вопросъ такъ, какъ того требуетъ обыкновенное разговорное употребленіе словъ, то намъ придется сказать, что образованный специалистъ есть человѣкъ, изучившій основательно избранное имъ ремесло. Я конечно беру тутъ «ремесло» въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Подъ это понятіе подпадаютъ всѣ профессіи, требующія знаній и навыков. Ремесленниками оказываются и земледѣлецъ, и портной, и медикъ, и артиллеристъ, и законовѣдъ, и педагогъ, и литераторъ. Всѣ эти занятія требуютъ извѣстнаго напряженія мускуловъ и нервовъ; въ однихъ преобладаетъ умственный трудъ, въ другихъ—физическій; одни производительны, другія непроизводительны, но эти различія не имѣютъ для насъ въ настоящее время никакого значенія, потому что для нашего разсужденія важно только то, что всѣ они требуютъ практическаго навыка и нѣкоторыхъ знаній. Чтобы быть полезнымъ членомъ общества

необходимо работать, слѣдовательно—имѣть какое-нибудь ремесло, слѣдовательно—быть специалистомъ.

Полезь, которую я приношу обществу, а слѣдовательно и самому себѣ, будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ успѣшнѣе идетъ моя работа; а работа моя пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ основательнѣе я изучилъ свое ремесло. Общество видитъ и цѣнитъ результатъ моей работы, и если результатъ оказывается хорошимъ, то общество заключаетъ, что я знаю хорошо свое ремесло, и называетъ меня образованнымъ специалистомъ. Но общество не всегда поступаетъ такъ: если я сапожникъ и шью превосходные сапоги, то оно только заваливаетъ меня заказами и называетъ меня отличнымъ сапожникомъ, а объ образованномъ специалистѣ не говоритъ ни слова; если же я горный инженеръ и хорошо разыскиваю золотоносныя жилы, то меня производятъ въ образованные специалисты, потому что я ношу эполеты и потому что общество считаетъ невѣжливымъ называть меня хорошимъ ремесленникомъ. Если я технологъ и управляю какимъ-нибудь сахарнымъ заводомъ, то и тутъ я еще могу, по мнѣнію общества, носить титулъ образованнаго специалиста. Ну, а если я агрономъ и управляю чѣмъ-нибудь имѣніемъ, да еще небольшимъ, тогда титулъ образованнаго специалиста начинаетъ колебаться, и общество начинаетъ находить, что меня удобнѣе называть хорошимъ приказчикомъ. Разрозненность сословій и чиновная іерархія перепутали всѣ наши понятія и исказили нашъ разговорный языкъ. Очевидно, что образованный специалистъ—такой-же титулъ, какъ «ваше превосходительство», или «ваше высокоблагородіе». Но послѣдніе два титула совершенно безвредны, а первый подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и къ неясности представленія. Извѣстно, что неправильное употребленіе словъ ведетъ за собою ошибки въ области мысли и потомъ въ практической жизни. Когда мы называемъ человѣка образованнымъ специалистомъ, то намъ уже кажется неправдоподобнымъ, чтобы этотъ человѣкъ былъ неучемъ и полудикаремъ. Если мы даже видимъ факты, ясно намекающіе на эти печальныя истины, то мы стараемся перевѣсить эти факты другими фактами угѣшительнаго свойства. Конечно, разсуждаемъ мы, этотъ господинъ имѣетъ много предразсудковъ; конечно онъ имѣетъ самыя смутныя понятія о достоинствѣ человѣка, объ интересахъ общества, объ отношеніяхъ гражданина къ своимъ согражданамъ и семьянина къ своему семейству,—но за то онъ отлично умѣетъ вести корабль въ гавань, или подыскать статью въ сводѣ законовъ, или навести pontонный мостъ, или выстроить колонну къ атакъ. Мы краснорѣчиво разрабатываемъ это *но* и доходимъ до того, что основательныя ремесленныя познанія начинаютъ намъ казаться такою штукой, которая имѣетъ сходство съ образованіемъ и во многихъ случаяхъ

можетъ замѣнить его съ пользою для отдѣльнаго лица и для общества. Дойдя до такого результата, мы очевидно потеряли уже изъ виду и дѣйствительное значеніе специальности, и настоящую цѣль общаго образованія. Начинается погоня за двумя зайцами, которые уходятъ отъ насъ по двумъ разнымъ дорогамъ. Возникаютъ общеобразовательныя заведенія съ намеками на специальность; являются спеціальныя заведенія съ претензіями на общее образованіе. Наконецъ, что всего хуже, въ обществѣ укореняется мысль о томъ, что можно въ одно и то-же время. Одними и тѣми-же уроками дѣлать Васиньку или Колянъку образованнымъ человѣкомъ и напимѣръ хорошимъ морякомъ, или дѣльнымъ юристомъ. Развелась пропасть разныхъ образованій: это, говорятъ, юридическое, а вотъ это—техническое, а вотъ то—военное. Идя по этому пути, можно дойти до образованія кирасирскаго, отличающагося отъ гусарскаго и уланскаго, до образованія, свойственнаго чиновнику казенной палаты и совершенно непохожаго на образованіе сенатскаго или почтамтскаго чиновника, до образованія кожевника, не имѣющаго ничего общаго съ образованіемъ мыловара или мясника. Когда мы доведемъ свое развитіе до такого невиданнаго совершенства, то намъ останется только утѣшаться, глядя на тысячи образованныхъ специалистововъ. Радость наша будетъ такъ безпредѣльна, что мы даже не замѣтимъ того, какъ общее образованіе совершенно уничтожилось и превратилось въ мифъ, потому что сотни различныхъ образованій растащили его по кусочку. Образованныхъ людей у насъ не будетъ, а такъ какъ только образованные люди составляютъ и поддерживаютъ благоустроенное гражданское общество, то и общества не будетъ, а будутъ сотни цеховъ, находящихся между собою въ такихъ-же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся къ прусскимъ гражданамъ прусскіе офицеры, поминутно обнажающіе оружіе противъ безоружныхъ своихъ соотечественниковъ за такія обиды, которыя понятны только этимъ храбрымъ воинамъ. Къ сожалѣнію, всякій ошибочный принципъ только въ теоріи можетъ быть доведенъ до своей нелѣпой крайности: жизнь рѣдко бываетъ логична и обыкновенно сворачиваетъ въ сторону, когда наткнется на нелѣпый выводъ, прямо вытекающій изъ принятаго ею принципа. Поэтому принципъ остается необъясненнымъ, скрывается на время внутрь и притихаетъ, а потомъ опять поднимаетъ голову и производитъ разныя мелкія глупости, которыя обыкновенно зазываются такими-же мелкими палліативными средствами. Такъ и ползетъ жизнь черезъ пень-колоду, обходя нелѣпныя крайности, сражаясь ежеминутно съ крошечными аномаліями и безропотно уживаясь съ основной причиной этихъ аномалій.

Такимъ образомъ нельзя подвигаться впередъ быстро и успѣшно, но объ этомъ почти никто и не

заботится. Обь образованіи толкуютъ всё, кому только есть время и охота толковать; составляютъ прокты, измѣняются программы, увеличивается или уменьшается число учебныхъ часовъ, передвигается порядокъ занятій, чувствуется во всемъ ходѣ образованія какая-то общая нескладница, — но передѣлки производятся робко и нерѣшительно, и все въ одномъ и томъ-же узкомъ кругу идей, составившемся. Богъ знаетъ когда и охватившемъ насъ Богъ знаетъ зачѣмъ. Раздаются голоса, говорящіе рѣшительно и ясно о томъ, что слѣдуетъ формировать человѣка, а не моряка, не чиновника, не офицера. Всѣ слушаютъ — и умиляются, и начинаютъ дѣйствовать, а между тѣмъ въ результатъ оказываются только переименованія и передвиженія. Призракъ спеціальнаго образованія никакъ не рѣшается исчезнуть и до сихъ поръ мѣшаетъ нашему обществу разглядѣть дѣйствительный смыслъ и настоящую задачу образованія. вмѣсто того, чтобы съ корнемъ вырвать ошибочный принципъ, вмѣсто того, чтобы навсегда прогнать нелѣпый призракъ, мы все хлопочемъ о томъ, чтобы заключить невозможную мировую сдѣлку между призракомъ и дѣйствительностью, какъ будто возможны какія-нибудь сдѣлки между истиной и безмыслицей, между здравымъ смысломъ и предрассудкомъ. Мы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служимъ Богу и мажону; мы никогда не относимся къ образованію просто и безкорыстно; всякое знаніе мы забираемъ въ голову, какъ источникъ будущихъ доходовъ; на всякую книгу мы готовы смотрѣть, какъ на руководство къ изученію повареннаго искусства, или какъ на рецептъ для соленія грибовъ и брусники; эти корыстные цѣли конечно никогда не достигаются; каждая кухарка знаетъ, что никто еще не сдѣлался поваромъ по книжкѣ; каждая деревенская хозяйка скажетъ вамъ, что человѣкъ неопытный при самомъ подробномъ рецептѣ испортитъ грибы и бруснику. Но лукавые виды на грибы и бруснику не даютъ намъ покоя и не позволяютъ намъ дорыться до правильнаго взгляда на образованіе. Да и какъ дорыться, когда мы сваливаемъ въ одну кучу воспитаніе, образованіе и изученіе ремесла? Воспитаніемъ мы очень дорожимъ, потому что нашему сердцу безконечно отраднo видѣть въ дѣтяхъ и юношахъ благоправіе и кротость. Изученіемъ ремесла мы тоже дорожимъ по-своему, потому что жалованье и казенная квартира отыскиваютъ себѣ чувствительное мѣсто въ самомъ стоическомъ сердцѣ. А что такое образованіе — этого мы не знаемъ. Тамъ, на границѣ между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла, есть какая-то неопредѣленная амальгама, какая-то переходная тѣнь, которую мы и называемъ образованіемъ и къ которой мы, по правдѣ сказать, чувствуемъ глубочайшее равнодушіе. Но такъ какъ намъ совѣстно питать такіа не-европейскія чувства къ такому великому дѣлу, какъ образованіе, то мы, ради приличнаго замас-

кированія, и придумали назвать образованіемъ всю кучу нашихъ педагогическихъ отправленияхъ, т. е. и воспитаніе, и изученіе ремесла, и узенькую полоску неинтересной для насъ амальгамы. Тутъ дѣло не въ словахъ: можно, пожалуй, столь назвать студомъ, но зачѣмъ-же садиться на столь? Это и неудобно, и неприлично. Можно какъ угодно назвать наши педагогическія упражненія надъ дѣтьми и юношами, но зачѣмъ-же сдавливать образованіе между воспитаніемъ и изученіемъ ремесла? Зачѣмъ отодвигать образованіе на самый задній планъ и выдвигать впередъ воспитаніе и спеціальность, которыя должны имѣть второстепенное значеніе? Воспитывать вообще слѣдуетъ какъ можно менѣе, а выборъ спеціальности всегда долженъ быть безусловно предоставленъ самому молодому человѣку, получившему уже хорошее и полное образованіе. Я говорю здѣсь о такой спеціальности, которая требуетъ сильной и постоянной умственной работы и которая даетъ всей послѣдующей жизни человѣка опредѣленное направленіе. Что-же касается до простаго ручнаго ремесла, то ему можно учить ребенка съ малолѣтства, потому что такое ремесло нисколько не мѣшаетъ общеобразовательнымъ занятіямъ, не направляетъ ума въ ту или въ другую сторону и, не вредя никакимъ другимъ умственнымъ или житейскимъ успѣхамъ, развиваетъ здоровье и всегда остается запаснымъ капиталомъ, на случай нужды или неудачи.

III.

Я сказалъ, что воспитывать слѣдуетъ вообще какъ можно менѣе. Эта мысль можетъ показаться парадоксальной, а между тѣмъ она чрезвычайно проста и совершенно неопровержима. Конечно не я первый высказываю эту мысль, которая, какъ всѣ простиыя и свѣтлыя мысли, не принадлежитъ никому въ частности и непременно приходитъ въ голову каждому человѣку, задумывающемуся серьезно и добросовѣстно надъ отношеніями взрослыхъ къ подростающему поколѣнію. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ знаменитой идеей Вокля о томъ, что человѣчество подвигается впередъ при помощи знаній и открытій, и что нравственные истины не имѣютъ почти никакого вліянія на быстроту и успѣшность историческаго развитія. Приложите эту мысль къ жизни отдѣльной личности, и вы увидите ясно, что ребенокъ нуждается въ знаніяхъ, а не въ правоученіяхъ. А какъ только сообщаются какія-нибудь знанія, какимъ-бы то ни было образомъ и по какому-бы то ни было поводу, такъ уже начинается образованіе и самодѣятельное умственное развитіе будущаго человѣка. Чѣмъ раньше начинается это образованіе и развитіе, тѣмъ лучше. Воспитаніе же должно

продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не начнется образованіе. Какъ бы ни были разнообразны приемы воспитанія, но всѣ они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ типамъ: къ воспитанію розгой, или къ воспитанію авторитетомъ. Въ первомъ случаѣ воспитатель говоритъ ребенку: «дѣлай это и это, или я тебя выську. Не дѣлай того и того, или я тебя выську». Объ этомъ случаѣ распространяться нечего. Во второмъ случаѣ воспитатель приобрѣтаетъ себѣ безусловное довѣріе ребенка, и потому уже просто говоритъ ему: «дѣлай это, не дѣлай того». Ребенокъ повинуется изъ любви и уваженія къ воспитателю, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Воспитатель говоритъ: «это хорошо, а то дурно», и ребенокъ запоминаетъ это, — и въ этомъ также нѣтъ ничего хорошаго. Всевозможныя нравуоченія сводятся на послѣднюю формулу, съ той только разницей, что они бывають обыкновенно гораздо длиннѣе и утомительнѣе. Во всѣхъ этихъ нравуоченіяхъ нѣтъ ни одного аргумента, ни одного такого показательства, которое ребенокъ могъ-бы самъ провѣрить или по крайней мѣрѣ понять. Все дается на память и на вѣру. Стало быть, для мысли нѣтъ никакой пищи, и самодѣятельность будущаго человѣка остается совершенно незатронутой. Поступать такимъ образомъ съ ребенкомъ позволительно только тогда, когда онъ еще не можетъ воспринимать знаній. Если годовой ребенокъ лѣзетъ на горячій самоваръ, тогда конечно его прежде всего слѣдуетъ оттащить въ сторону, но и тутъ можно ему позволить прикоснуться къ самовару кончикомъ пальца. Опытъ не пропадетъ даромъ. Но когда ребенокъ уже говоритъ и разсуждаетъ, тогда заставлятъ его вѣрить на слово совершенно недобросовѣстно. Отцы и гувернеры, матери и гувернантки обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ, потому что имъ лѣнь объяснить ребенку причины разныхъ своихъ распоряженій или перечислить ему возможныя послѣдствія его собственныхъ поступковъ. Кромѣ лѣни есть еще причина, именно неумѣніе или даже невозможность объяснить ребенку, почему появляются приказанія или запрещенія. Въ кодексѣ нашей житейской морали почти всѣ вопросы рѣшаются безапелляціонно словами: «нравственно» или «безнравственно», «прилично» или «неприлично», «принято» или «не принято». Спросите: почему? — и вамъ не отвѣтятъ, потому что причины дѣйствительно не имѣются. Когда ребенокъ сталкивается съ однимъ изъ такихъ вопросовъ, то его осаживаютъ однимъ изъ выше приведенныхъ рѣшительныхъ словъ. Онъ это запоминаетъ, и такимъ образомъ его дрессировка подвигается по-прежнему впередъ. У насъ принято воспитывать, т. е. дѣйствовать авторитетомъ до тѣхъ поръ, пока есть какая-нибудь возможность поддер-

жать авторитетъ. Вслѣдствіе этого, даже мужья воспитываютъ своихъ женъ, т. е. читаютъ имъ нравуоченія; иногда бываетъ и наоборотъ, что также имѣетъ свою оригинальную прелесть. Теперь, я думаю, будетъ понятно, почему я говорю, что воспитывать слѣдуетъ какъ можно менѣе, и что воспитаніе уже въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ и должно уступать мѣсто образованію. Воспитаніе ставитъ воспитателя между ребенкомъ и окружающей природой, а образованіе ставитъ ребенка въ непосредственныя отношенія къ этой природѣ. Воспитаніе заставляетъ только повиноваться, а образованіе учитъ будущаго человѣка жить и распоряжаться своими силами. Я думаю, нѣтъ надобности доказывать, что образованіе можетъ и должно начинаться съ перваго проблеска мысли въ ребенкѣ, и что оно во всякомъ случаѣ, даже у насъ, начинается гораздо раньше перваго книжнаго ученія.

IV.

Я особенно настоятельно обращаю вниманіе читателя на ту мысль, что у насъ образованіе сдвлено между нравственнымъ воспитаніемъ и ученіемъ специальности. Эта мысль, къ которой мы пришли путемъ предшествующихъ разсужденій, даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ странныхъ явленій нашей педагогической практики. Когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить, то первыя старанія родителей направляются на то, чтобы покорить возникающую силу, подчинить ее посторонней волѣ, не допустить ее до сознанія того, что она сама — сила, способная крѣпнуть, развиваться, расширять свою дѣятельность и свои права. Прежде всего ребенокъ долженъ быть послушнымъ сыномъ или послушной дочерью; поэтому ему внушается ежеминутно, что онъ самъ ничтоженъ, слабъ, зависимъ, не способенъ понимать, что ему полезно и вредно; стараются даже доказать ему, что онъ не умѣетъ различать пріятное и непріятное; но этому послѣднему посягательству на его чувства и волю ребенокъ не поддается никогда. На различіи пріятнаго и непріятнаго онъ основываетъ всю свою оппозицію противъ притязаній взрослыхъ. Онъ знаетъ очень хорошо, чего ему хочется и чего не хочется; его желанія называютъ капризами, но это его не смущаетъ; въ капризахъ проявляются первые задатки характера, и эти задатки, противъ которыхъ направлены всѣ усилія воспитателей, все-таки развиваются и въ концѣ концовъ заставляютъ признать свою законность. Вѣдъ и Меттернихъ считалъ національныя стремленія итальянцевъ предосудительнымъ капризомъ, а теперь непризнание итальянскаго королевства покажется всякому здра-

вомыслящему человѣку пустымъ дипломатическимъ упорствомъ. Такъ точно бываетъ и въ частной жизни съ тѣми воспитателями, которые ведутъ ожесточенную войну съ такъ называемыми капризами своихъ питомцевъ. Эта ожесточенная война нисколько не ослабѣваетъ тогда, когда начинается книжное ученіе. Напротивъ того, книжное ученіе даетъ каждый день новые матеріалы для педагогическихъ распрій. Ребенокъ лѣнивъ, ребенокъ невнимателенъ, все это надо побуждать и искоренять; гдѣ же тутъ думать о перемиріи? Воспитаніе широкой волной врывается въ собственное поле образованія. Знанія превращаются въ правоученія. Учитель не спрашиваетъ объ умственныхъ потребностяхъ ребенка, не старается ихъ пробудить и не заботится объ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которые уже пробудились сами собой. Всякая умственная потребность, являющаяся безъ призыва, встрѣчается, какъ незваная гостыя,—а известно, что незванный гость хуже татарина. Такая нескромная потребность обыкновенно считается такимъ же капризомъ, какъ и всякое другое желаніе ребенка, не входящее въ педагогическіе расчеты воспитателя. Ученіе не отвѣчаетъ на вопросы ребенка и никогда не бываетъ расположено такъ, чтобы ребенокъ самъ понималъ его необходимость. Ребенку говорится съ самаго начала, что онъ долженъ учиться для своей же пользы. Эти сакраментальныя слова: «это, душенька, для твоей же пользы» хорошо извѣстны всякому ребенку. Эти слова всегда провозносятся въ заключеніи каждаго правоученія, каждой распечки, даже каждаго наказанія розгой или другимъ орудіемъ. Это послѣдній аргументъ—ultima ratio, послѣ котораго воспитатель говоритъ себѣ, что онъ все объяснилъ ребенку и что ребенокъ окажется благодарнымъ животнымъ, если не дастъ съ радостью завязать себѣ глаза и не побѣжитъ съ завязанными глазами, по голосу своего воспитателя, всюду, куда прикажутъ. И дѣйствительно, надо сказать правду, только особенно даровитые ребята оказываются неблагодарными животными. Большинство дѣтей такъ благовоспитано, что путешествіе съ завязанными глазами не представляетъ уже для нихъ ничего необыкновеннаго. Нельзя сказать, чтобы слова: «это, душенька, для твоей же пользы» особенно глубоко врѣзались въ ихъ умъ; они вовсе не думаютъ, что это ихъ польза; они не пылаютъ фанатической вѣрой въ непогрѣшимость своихъ учителей, потому что такую фанатическую вѣру способна возбудить только высоко даровитая личность. Они просто измяты и усыплены воспитаніемъ; они привыкли кому-нибудь повиноваться и не умѣютъ ни разсуждать, ни горячо вѣрить. Они смотрятъ на свои уроки, какъ мужики на барщину: «нельзя же безъ этого; добромъ не сдѣлаешь, такъ насильно заставить». Они и дѣлаютъ добромъ,

чтобы не вышло непріятности. Такимъ образомъ пріобрѣтается привычка, которая всегда сохраняется далеко за предѣлами дѣтства и часто сопровождаетъ человѣка до гробовой доски. Ребенокъ учитъ урокъ, потому что такъ велѣно; гимназистъ зубритъ къ экзамену, потому что такъ заведено; студентъ записываетъ безтолковую лекцію, потому что она назначена по расписанію; гимназическій учитель требуетъ отъ ученика твердаго знанія урока, потому что онъ на то поставленъ; профессоръ читаетъ безтолковую лекцію, потому что его за тѣмъ посадили на кафедру. Словомъ, одинъ толкаетъ другого, не зная, куда и зачѣмъ, и другой также не знаетъ, куда и зачѣмъ толкаетъ его одинъ,—но не спрашиваетъ объ этомъ, слѣдуетъ импульсу и зачѣмъ въ свою очередь начинаетъ толкать невиннаго третьяго. *Perpetuum mobile*, котораго тщетно ищетъ механика, блистательнымъ образомъ найдено и осуществлено въ нашей педагогической и житейской практикѣ. Такъ какъ образованіе наше нисколько не обусловливается собственными потребностями ребенка, то чѣмъ же опредѣляется кругъ предметовъ, входящихъ въ его составъ? Если ребенку слѣдуетъ поступить въ казенное заведеніе, то кругъ предметовъ опредѣляется печатной программой; а если ребенокъ—дѣвочка, и если ей предстоитъ закончить свое образованіе въ родительскомъ домѣ, то кругъ предметовъ опредѣляется тѣми требованіями, которыя возбуждаютъ неопредѣленный идеалъ *jeune personne charmante et bien élevée*. Вы видите, что къ воспитательному элементу примѣшивается элементъ специальности. Иногда примѣшивается съ первыхъ дней жизни ребенка. Бываютъ родители, которые знаютъ заранѣе, что старшій ихъ сынъ будетъ фельдмаршаломъ, второй адмираломъ, а третій—министромъ финансовъ. Сообразно съ этими предначертаніями располагается воспитаніе, но такихъ родителей уже теперь немного; кромѣ того это уже крайности, а я хочу говорить только о лучшихъ явленіяхъ нашей педагогической практики. Даже въ этихъ лучшихъ явленіяхъ элементъ специальности примѣшивается къ образованію очень рано. Что касается до женщинъ, то онѣ всѣ специалисты, потому что воспитываются или для свѣтской жизни, или для кухни, или для мѣста гувернантки. Но о женскомъ воспитаніи я говорить не буду. Посмотримъ, какой же кругъ предметовъ назначается и требуется печатными программами, которыя имѣютъ такое неострашимое влияние на ходъ образованія мальчиковъ въ достаточныхъ и просвѣщенныхъ классахъ нашего общества. Мы можемъ принять за норму—программу гимназій, потому что всѣ другія программы гражданскихъ и военно-учебныхъ заведеній представляютъ, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ, очень незначительныя отклоненія отъ программы гимназій.

V.

Перечислить отдѣльные предметы, входящіе въ гимназическую программу, очень легко, но опредѣлить, хотъ въ общихъ чертахъ, планъ и характеръ нашего гимназическаго образованія совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что плана и характера въ немъ положительно нѣтъ.

Представьте себѣ, что я держу въ рукахъ маленькую и очень простую акварельную картинку. Вы умѣете рисовать и сидите въ другой комнатѣ; передъ вами лежатъ на столѣ листъ бумаги, кисти и всѣ тѣ краски, которыми нарисована моя картинка. Я начинаю вамъ диктовать: полвершка желтой краски, три штриха зеленой, два вершка въ длину и полтора въ ширину лиловой и т. д. Я диктую совершенно вѣрно и систематически-последовательно иду сверху внизъ, и отъ лѣвой руки къ правой, но, не смотря на то и не смотря на вашъ художественный талантъ, я позволяю себѣ усомниться въ томъ, чтобы на вашей бумагѣ изобразилась моя картина, или вообще какая-нибудь другая картина. Именно такимъ образомъ диктовала намъ Европа, и особенно Германія, программы своихъ заведеній, такія программы, которыя и на своемъ-то мѣстѣ не приносили никакой пользы. А ужъ что изъ нихъ вышло у насъ—такъ этого и рассказать невозможно. Въ послѣднее время, съ легкой руки «Русскаго Вѣстника», за подобную диктовку хотѣла приняться Англія. Являлось въ журналахъ мнѣніе, что слѣдуетъ усилить у насъ классическое образованіе, потому, дескать, что оно господствуетъ въ Англіи, а Англія—держава просвѣщенная, и граждане ея пользуются всѣми благами общественной жизни, и ораторы ея очень замѣчательны, и государственные люди дальновидны, и ученые глубокомысленны. Покуда мы съ приверженцами классическаго образованія не будемъ ни спорить, ни соглашаться. Замѣтимъ только, что школьное образованіе въ Европѣ находится еще подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя вложили въ него гуманисты, жившіе въ эпоху возрожденія и во время реформаціи. Въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI столѣтія всѣ мыслящіе люди Европы были увлечены обожаніемъ классической древности, и это было хорошо, потому что лучше увлекаться идеями Цицерона и Платона, лучше восхищаться красотами Гомера и красивыми словами Виргилія, чѣмъ тупѣтъ надъ средне-вѣковой схоластической гнилью. Увлечение греками и римлянами конечно хватало черезъ край. Латинскій языкъ, постоянно оставшійся языкомъ церкви и права, вытѣснилъ народныя языки изъ литературы и науки. Даже лютеровъ переводъ библіи на нѣмецкій языкъ не положилъ предѣла тираническому господству латинскаго языка. На латинскомъ писались и стихотворенія, и богословскіе трактаты, и ученныя изслѣдованія, и политическіе памфлеты. При такомъ положеніи

дѣлъ, латинскій языкъ долженъ былъ твердо укорениться въ школахъ.

Кромѣ того все школьное образованіе должно было сложиться по образцу классической древности, съ тѣми только измѣненіями, которыхъ требовала христіанская религія. Такимъ образомъ и явилось на свѣтъ такъ называемое гуманное образованіе, которому противопоставляютъ образованіе реальное, и котораго жалкіе и искаженные лохмотья составляютъ нашъ гимназическій курсъ. Въ Греціи и въ Римѣ образованіе было исключительно словесное. Преподавались грамматика, риторика и философія. Къ этому присоединялось кое-что изъ математики и разныя гаданія объ астрономіи. Естественныхъ наукъ не было. Наука вообще въ древнемъ мірѣ не существовала, потому что соображенія Аристотеля и Платона о мірозданіи и челоуѣкѣ, правившіяся такъ сильно древнимъ и среднимъ вѣкамъ, конечно не могутъ быть названы наукой. Математика была еще мало развита, и вліяніе ея на общее образованіе было незначительно. Стало быть, грекъ или римлянинъ въ школѣ выучивался только хорошо говорить и хорошо писать. Апофеоза фразерства была доведена до такой наивной крайности, до которой она не можетъ дойти въ нашъ лицемѣрный вѣкъ. Мы фразерствуемъ стыдливо и стараемся увѣрить всѣхъ, что говоримъ просто и дѣльно, а грекъ и, глядя на него, римлянинъ фразерствовали гордо и откровенно, потому что фразерство было и наукой, и искусствомъ, и высшимъ достоинствомъ челоуѣка, и лучшей доблестью гражданина, и вѣрѣйшимъ средствомъ воротать, по своему благоусмотрѣнію, судьбой городовъ и республикъ. Фразерство пользовалось всемогуществомъ во время лучшихъ дней греческой и римской свободы, и это всемогущество фразы было конечно одной изъ мрачныхъ сторонъ этого быта. Когда пала свобода Греціи и Рима, тогда фраза потеряла свою силу, потому что эта сила перешла въ македонскую фалангу и въ преторіанскую когорту. Но въ школѣ фраза продолжала господствовать, потому что больше не на чемъ было построить обученіе. Изъ римскихъ школъ фраза, потерявшая смыслъ и силу, перешла въ средне-вѣковыя училища, потомъ въ школы гуманистовъ, гдѣ она немножко освѣжилась отъ соприкосновенія съ литературными памятниками классической древности, и наконецъ отъ гуманистовъ къ намъ, черезъ Польшу и Кіевъ, черезъ замконосную академію и бурсы; та же самая классическая фраза забралась въ гимназіи и даже въ кадетскіе корпуса. Кое-что приставили, кое-что урѣзали, и образовался гимназическій курсъ, въ которомъ, какъ я уже говорилъ, всѣ предметы враждуютъ между собой и неумоимо преслѣдуютъ и истребляютъ другъ друга. Чтобы доискаться до какого-нибудь смысла въ нашемъ гимназическомъ или общемъ образованіи, необходимо было отправиться

въ историческую экскурсію и добраться до грековъ, потому что только тамъ, въ этомъ первобытномъ источникѣ, словесное или гуманное образование имѣло смыслъ и значеніе, а мы обнаживаемъ теперь чужіе обноски, въ которыхъ уже не видно ни цвѣта, ни покроя, ни качества матеріи. Я конечно оставляю въ моемъ обзорѣ преподаваніе закона Божія въ сторонѣ; судить о томъ, хорошо или дурно ведется это преподаваніе, я предоставляю специалистамъ, какъ людямъ болѣе компетентнымъ. Но кромѣ закона Божія мы имѣемъ великое множество наукъ.

Исторія, географія, математика, физика, русская грамматика, риторика съ шиткой, носящая болѣе современное названіе теории словесности, исторія русской литературы, латинскій языкъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ греческій, языки французскій и нѣмецкій. Помилуйте! Да можетъ ли быть что-нибудь роскошнѣе этой программы, особенно если вспомнимъ, что вмѣсто греческаго языка въ большей части гимназій преподаются законовѣдніе и естественная исторія (Sic!). Но замѣчаете-ли вы странное явленіе? Математика и физика стоятъ совершенно одиночно въ этой роскошной программѣ, точно незваные гости, зашедшіе по ошибкѣ въ незнакомое общество. Онѣ такъ и жмутся другъ къ другу; обыкновенно учитель математики преподаетъ и физику. А въ тѣхъ классахъ гимназій, гдѣ еще нѣтъ физики, математика оказывается совершенной сиротой, и потому поневолѣ примѣняется къ обычаямъ и манерамъ всего остального общества. Всѣ другіе предметы обращаются къ памяти учениковъ; такое обращеніе вовсе не нравится математикѣ, но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, и она, скрѣпя сердце, покоряется господствующему порядку. Значитъ, математику и физику, какъ личности страдательныя и ни въ чемъ неповинныя, мы можемъ оставить въ сторонѣ. Онѣ бы и рады были помочь горю и предохранить гимназистовъ отъ угрожающаго имъ отупѣнія, но сила остальныхъ наукъ слишкомъ велика, такъ что противъ нихъ невозможно бороться. Вотъ напримѣръ исторія. У насъ принято думать, что это великая и прекрасная наука, что дѣти и юноши должны развивать свой умъ и облагораживать сердце, читая дѣянія патриотовъ Греціи и Рима и умиляясь думой надъ священными страницами отечественнаго бытописанія. У насъ принято даже говорить объ исторіи высокимъ слогомъ, что я и старался исполнить въ предыдущей моей фразѣ. У насъ, далѣе, принято негодовать противъ Кайданова, Смарадова, Зуева и Устрялова; принято утверждать, что эти почтенные дѣятели написали очень плохіе учебники, и что только по милости этихъ учебниковъ не достигаются тѣ возвышенныя цѣли, къ которымъ должно вести преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ. Кто только не бранилъ поименованныхъ господъ, кто не изощрялъ надъ

ними своего кофѣчнаго остроумія! «Намъ,—говорятъ эти остряки,—необходимы хорошіе историческіе учебники для гимназій. Это наша настоятельная потребность. Пора, пора обратиться на нее вниманіе». Затѣмъ слѣдуютъ знаки восклицательныя, многоточія другія печатныя выраженія взволнованныхъ чувствъ. А между тѣмъ, все это пустяки. Учебники нигуда не годятся, это правда. Но новыхъ учебниковъ совсѣмъ не нужно; они также нигуда не будутъ годиться, потому что учебникъ исторіи для гимназій—безсмыслица, невозможная книга, неосуществимая мечта. Рациональное преподаваніе исторіи въ гимназіи также мечта, которая ни при какихъ условіяхъ осуществиться не можетъ.

VI.

Мое мнѣніе объ исторіи требуетъ доказательства, и я не откажу въ нихъ читателю, но предупреждаю его, что мнѣ придется доказывать это довольно долго, и что поэтому читатель не долженъ гнѣваться на меня за отклоненіе отъ главнаго предмета статьи. Въ настоящее время исторія есть списокъ собственныхъ именъ, связанныхъ между собою разными глаголами и пересыпанныхъ цифрами годовъ: Антонъ поколотилъ Сидора въ такомъ-то году, а потомъ Сидоръ соединился съ Егоромъ и пошелъ на Антона въ такомъ-то году, и вздулъ его при такомъ-то городѣ, и выгналъ его изъ такого-то царства. Потомъ Сидоръ съ Егоромъ передрались за добычу; потомъ Егоръ женился на дочери Сидора, Феклѣ, въ такомъ-то году и получилъ за нею въ приданое такіе-то города; потомъ... Ну, и такъ далѣе,—вотъ образчикъ той исторіи, которую изучаютъ наши гимназисты. Говорятъ, это нехорошо; это, говорятъ, отъ учебниковъ; слѣдуетъ ученикамъ видѣть внутреннее развитіе народной жизни, слѣдуетъ понимать историческій колоритъ событій, слѣдуетъ постигать связь между великими причинами и великими слѣдствіями... Ну да! Малоли что слѣдуетъ! Да вѣдь все это однѣ фразы! Вы попробуйте приложить ихъ къ отдѣльному историческому эпизоду. Возьмите напримѣръ изъ римской исторіи дѣятельность Гракховъ. Гимназистъ бойко расскажетъ вамъ, что Тиверій и Кай Гракхи были украшеніемъ и гордостью матери своей Корнелии, потомъ Тиверій сдѣлался народнымъ трибуномъ и захотѣлъ раздѣлить между бѣдными гражданами общественныя земли—ager publicus, потомъ сенатъ перепугался и сталъ хитрить, наконецъ перехитрилъ Тиверія, и наконецъ—Тиверія убили въ народномъ собраніи. И это онъ вамъ расскажетъ по Смарадову, и конечно гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ я вамъ рассказалъ. Ну, чего-же вамъ больше? Какого вамъ историческаго колорита? Вѣдь все, кажется, на своемъ мѣстѣ: и сенатъ, и народное собраніе, и трибунъ, и плебенъ, и даже по-латыни

ager publicus. Вы отъ гимназиста ничего больше требовать не можете, а между тѣмъ это тоже самое, что повѣствованіе о Егорѣ, Антонѣ, Сидорѣ и дочери его Феклѣ. Гимназистъ очевидно не понимаетъ, отчего Тиверію вдругъ вздумалось оспасти бѣдныхъ, и отчего именно землею, а не деньгами, и откуда взялись эти бѣдные, и отчего сенату было выгодно, чтобы они оставались бѣдными, и отчего сенату удалось перехитрить Тиверію, и отчего все предпріятіе рухнуло, и отчего бѣдные никакъ не могли сдѣлаться землевладѣльцами. Словомъ, гимназистъ во всей дѣятельности Тиверія Гракха не понимаетъ ничего и понимаетъ ничего не можетъ. Егонисколько не удивило, если-бы вдругъ оказалось у Смарагдова, что Тиверій настроилъ кораблей, посадилъ туда всѣхъ бѣдныхъ, поѣхалъ съ ними черезъ Геркулесовы столбы, присталъ къ берегамъ Британіи, основалъ королевство и сдѣлался родоначальникомъ династии Гракховъ. Гимназистъ принялъ-бы этотъ исходъ дѣла такъ-же равнодушно и рассказалъ-бы его такъ-же краснорѣчиво, какъ онъ принимаетъ и рассказываетъ дѣйствительное событіе. Чтобы не было этого равнодушія и краснорѣчія, гимназисту слѣдуетъ знать и понимать такое множество различныхъ вещей, которое рѣдко совмѣщается въ надлежащей полнотѣ и ясности въ почтенной головѣ профессора исторіи. Ему надо знать напримѣръ что такое трудъ и капиталъ, въ какихъ отношеніяхъ они находились между собой въ древнемъ Римѣ, каково было въ римской республикѣ распредѣленіе богатства, какія причины содѣйствовали переходу имущества изъ рукъ въ руки и сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ семействъ, каково было умственное и нравственное положеніе богачей и бѣдняковъ; далѣе, такое же множество разнородныхъ знаній необходимо и для пониманія личнаго характера Тиверія, для оцѣнки интригъ сената, для разумѣнія тѣхъ мрачныхъ и разрушительныхъ страстей, которыя сенатъ умѣлъ возбуждать въ массахъ бѣдниковъ противъ того самаго человѣка, который захотѣлъ ихъ облагодѣтельствовать. Вотъ и смекайте. Въдъ чего добраго, для пониманія одного эпизода о Гракхахъ придется гимназисту прочитать нѣсколько объемистыхъ томовъ, придется заглянуть и въ политическую экономію, и въ философію исторіи, и въ римскія древности Нибура. Какъ-же вы это желаете въ учебникѣ вмѣстять? Если вы внесете вѣ учебникъ всѣ эти знанія въ видѣ краткихъ афоризмовъ, то книга значительно увеличится въ объемѣ, а гимназисту, вмѣсто одной исторіи о Сидорѣ и Егорѣ, придется заучивать десять исторій, потому что ваши краткіе афоризмы будутъ для него голыми фактами, которые онъ будетъ брать приступомъ, на память, съ равнодушіемъ и краснорѣчіемъ. Надо вообще твердо запомнить, что тысяча прочтенныхъ страницъ можетъ оставить по себѣ ясное понятіе о предметѣ, а экстрактъ изъ этихъ тысячи страницъ, заключающій въ се-

бѣ напримѣръ страницъ пятьдесятъ, не оставляетъ никакого понятія, и можетъ быть только затверженъ на память. Стало быть, приходится—или удовлетвориться рассказомъ по Смарагдову, или написать учебникъ всеобщей исторіи томовъ въ пятьдесятъ, или наконецъ прежде изученія исторіи сообщить ученику множество юридическихъ, политическихъ и экономическихъ свѣдѣній. Но Смарагдовымъ вы удовлетвориться не хотите, и я тоже не хочу. Стало быть, напишемъ учебникъ въ пятьдесятъ томовъ. Хорошо. Но это будетъ не учебникъ, а книга для чтенія. Ну, такъ начнемъ сообщать предварительныя свѣдѣнія, а потомъ уже учиться исторіи. Опять-таки хорошо. Но тогда намъ придется въ гимназіи сообщать предварительныя свѣдѣнія, а исторію отложить на будущее время, и тогда уже читать лекціи исторіи, а не задавать уроки по учебнику.

Противъ этихъ двухъ выходовъ я ровно ничего не могу возразить. Пусть гимназисты читаютъ историческія сочиненія, если они ихъ понимаютъ и находятъ ихъ занимательными. Пусть имъ преподають въ гимназіи основныя понятія о народномъ хозяйствѣ, о государственныхъ системахъ, о юридическихъ отношеніяхъ, ежели только сьумѣють преподавать эти мудренныя и шекотливныя вещи такъ, чтобы онѣ были понятны и оставались неизуродованными. Но пусть не сваливають этого разнороднаго матеріала въ одинъ общій ящикъ съ надписью «учебникъ исторіи» и пусть не требуютъ отъ этого учебника такихъ чудесъ, которыя онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершить. Въдъ исторія не наука; это — приложение всѣхъ наличныхъ знаній и всего наличнаго ума человѣка къ пониманію прошедшей жизни; поэтому два различные человѣка на основаніи однихъ и тѣхъ-же памятниковъ напишуть двѣ исторіи совершенно различнаго достоинства; поэтому пониманіе важныхъ историческихъ событій измѣняется съ каждымъ десятилѣтіемъ, хотя-бы въ это десятилѣтіе и не открылось никакихъ новыхъ памятниковъ и матеріаловъ. Самый тупой и неразвитой человѣкъ можетъ написать исторію, но она будетъ отражать въ себѣ бессмысленную фізіономію своего творца. А если напишетъ исторію гениальный и очень образованный человѣкъ, то его твореніе будетъ великолѣпно и безсмертно. Понимать исторію мы также можемъ только сообразно съ нашими умственными силами и съ шириной нашего развитія. Шекспиръ самъ по себѣ не измѣняется, но если вы читали его, когда вамъ было четырнадцать лѣтъ, и потомъ прочли его, когда вамъ минуло двадцать лѣтъ, то навѣрное первое впечатлѣніе было значительно слабѣе и смутнѣе послѣдняго. Исторія, написанная замѣчательнымъ человѣкомъ, — тотъ-же Шекспиръ; а исторія, составленная какимъ-нибудь Капфигомъ или Устряловымъ, то-же самое, что романъ Воскресенскаго или Рафаила Зотова. Перваго рода исторію слѣдуетъ понимать,

а втораго рода—совсѣмъ читать не стоитъ. А чтобы понимать, надо стоять на извѣстной степени развитія. Но если никто не принуждаетъ гимназистовъ читать историческія книги, тогда нѣтъ бѣды въ этомъ, что они возьмутъ въ руки такія сочиненія, которые еще не вполне доступны ихъ пониманію. Не поймутъ—такъ оставить, а если будутъ читать,—значитъ находять удовольствіе и стало-быть что-нибудь понимаютъ. Я возстаю только противъ обязательнаго изученія исторіи и противъ обязательнаго чтенія историческихъ книгъ. Эта обязательность прямо наваливаетъ на молодой умъ непосильный грузъ и слѣдовательно неизбѣжно ведетъ за собою оупѣвіе и упадокъ мыслительной силы.

VII.

Географія конечно можетъ и должна быть преподаваема въ гимназіяхъ, но конечно не такъ, какъ она преподается теперь. Вину плохого преподаванія сваливаютъ на учебники, и въ этомъ случаѣ крестовый походъ противъ плохихъ учебниковъ оказывается такой-же смѣшной несоборазностью, какой онъ оказался въ дѣлѣ Смагдадова и компаніи. Существенный недостатокъ въ преподаваніи географіи заключается въ томъ, что политическая географія преобладаетъ надъ физической, а этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ только тогда, когда географія будетъ преподаваться въ тѣсной связи съ геологіей, ботаникой и зоологіей. Въ нашихъ географическихъ учебникахъ стоятъ на первомъ планѣ имена горъ, рѣкъ, озеръ, мысовъ и особенно городовъ; но въ нихъ есть также замѣчанія о почвѣ, климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. На эти замѣчанія ни учитель географіи, ни его ученики не обращаютъ никакого вниманія, и дѣйствительно вниманія обращать не стоитъ, потому что замѣчанія гласятъ обыкновенно, что почва плодородная, климатъ благоуханный, или умѣренный, или холодный, произведеній много, и всѣхъ не упомянуть. Стало-быть, если о плодородіи почвы отозваться умѣренно, а о климатѣ сообразить приблизительно по градусу широты, то дѣло сойдетъ благополучно. А насчетъ произведеній учитель рѣдко спрашиваетъ; вѣдь онъ видитъ, что ученикъ запомнилъ нѣсколько десятковъ именъ, означающихъ горы, рѣки и города; къ чему-же ему гнать? я еще за дюжиной именъ вродѣ банановъ, пататовъ, баобабовъ, кокосовыхъ пальмъ, апельтанговъ, тапировъ, кенгуру, орниторинксовъ; для ученика, незнакомаго съ естественными науками, это все такія-же имена, какъ Камбоджа, Браманутра, Давалагири, Чандернагоръ и т. д. А если-бы учитель взялся объяснять каждое изъ именъ, означающихъ диковинныя растенія, или принадлежащихъ диковиннымъ животнымъ, то ему пришлось-бы сдѣлать въ преподаваніи своего предмета цѣлый переворотъ, и переворотъ этотъ

принесъ-бы очень мало пользы, потому что двѣ самостоятельныя науки, ботаника и зоологія, не могутъ быть сообщены ученикамъ между прочимъ, въ прибавленіи къ урокамъ географіи.

Ни учебники, ни учитель географіи не могутъ своими средствами исправить общій недостатокъ системы. Географія прежде всего должна быть описаніемъ земли. Она должна дать ученику рядъ картинъ, показывающихъ ему, какъ размѣщены на земномъ шарѣ минералы, растенія, животныя и люди. Она должна объяснить ему связь, существующую между этими произведеніями съ одной стороны и устройствомъ поверхности, орошеніемъ, свойствами почвы и климатическими условіями съ другой стороны. Словомъ, дѣло географіи показать общую связь отдѣльныхъ частей; ея дѣло нарисовать общія картины природы. Но исполнить эту важную и трудную задачу она можетъ только въ томъ случаѣ, если отдѣльныя части будутъ уже извѣстны учащимся. Географія можетъ и должна опираться на всѣ естественныя науки, но замѣнять ихъ собой она не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ ей пришлось бы обратиться въ необятную энциклопедию, наполниться множествомъ эпизодическихъ подробностей и слѣдовательно совершенно упустить изъ виду свою единственную законную цѣль. Стало-быть учебники наши ни въ чемъ не виноваты, они совершенно соотвѣтствуютъ общимъ требованіямъ системы, и хорошіе учебники могутъ возникнуть только тогда, когда будетъ перестроена вся система. Теперь преподаваніе географіи впадаетъ въ тѣ-же роковыя ошибки, которыя я указалъ въ преподаваніи исторіи. Въмѣсто того, чтобы описывать землю, географія старается описывать государства, или, другими словами, старается представить картину современной жизни человѣчества, точно тамъ же, какъ исторія усиливается представить картину прошлой жизни человѣчества. Старанія географіи, въ этомъ случаѣ, такъ же бесплодны, какъ усилія исторіи. Могутъ-ли ученики понять, что такое правительство монархическое неограниченное, монархическое ограниченное, республиканское? что такое религія римско-католическая, лютеранская и англиканская? что такое университеты, ученые и учебныя заведенія, заводы, фабрики и мануфактуры, гавани и крѣпости, и другія слова, которыми для разнообразія пересыпаны собственныя имена городовъ? что такое каналы, доки, верфи, таможи, биржи? что такое мѣстоорожденія замѣчательныхъ людей, которыхъ имя попадаетъ ученику въ первый разъ въ жизни, и что такое памятники, воздвигнутые въ честь этихъ людей или въ воспоминаніе событій, о которыхъ ученикъ также не слыхалъ никогда? Чтобы объяснить ученику различные образы правленія, надо прочесть ему сравнительный обзоръ европейскихъ конституцій; чтобы слова: римско-католическій, лютеранскій и т. д.

не были для него звуками, лишенными значенія, надо познакомить его съ параллельной исторіей религій; другія, приведенныя мною слова: университеты, заводы, гавани и т. д. употребляются нами такъ часто, что мы не отдаемъ себѣ отчета въ ихъ неясности; но подумайте, возбуждаютъ-ли эти слова въ умѣ ученика какія-нибудь опредѣленныя представленія? Онъ присмотрѣлся къ нимъ; слово знакомо, но о томъ предметѣ, который обозначается этимъ словомъ, онъ не имѣетъ никакого понятія. Чтобы дать ему это понятіе, надо, по поводу каждаго отдѣльнаго слова, прочесть ему нѣсколько лекцій; въ географіи надо будетъ ввести множество экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и техническихъ свѣдѣній и подробностей. А всего лучше поступитъ съ преподаваніемъ политической географіи такъ же, какъ я совѣтовалъ поступитъ съ преподаваніемъ исторіи. Политическая географія предметъ очень сложный; поэтому слѣдуетъ преподавать ее тогда, когда ученики усвоятъ себѣ понятіе о простыхъ элементахъ, входящихъ въ ея составъ. Но политическія и экономическія свѣдѣнія вообще должны быть передаваемы юношамъ, уже развитымъ и способнымъ мыслить; стало-быть всего лучше отложить о нихъ пооченіе въ гимназии и сосредоточить все вниманіе учениковъ на физической географіи, поддерживаемой основательнымъ изученіемъ естественныхъ наукъ.

Кстати о естественныхъ наукахъ. Многія замѣтятъ быть можетъ, что естественныя науки и теперь преподаются въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ нѣтъ греческаго языка. Это замѣчаніе конечно не можетъ считаться серьезнымъ. Вы можете себѣ представить, что это за преподаваніе. Припомните только, что вмѣсто одного греческаго языка вводятся два предмета: законовѣдніе и естественная исторія. Стало-быть всѣ естественныя науки, вмѣстѣ взятыя, соотвѣствуютъ половинѣ греческаго языка. Потому что это за наука «естественная исторія»? Этоvineгретъ изъ минералогіи, ботаники и зоологіи, и vineгретъ этотъ подается на столъ однимъ учителемъ. Тутъ очевидно можно ожидать только изобилія терминовъ и классификаціи, или же, для разнообразія, бюфоновскихъ разсказовъ о трогательной вѣрности собаки и объ изумительной смысленности бобра. Такія естественныя науки конечно не могутъ служить опорой для физической географіи. Но даже естественная исторія все-таки лучше всеобщей исторіи и политической географіи. Вѣрность собаки и смысленность бобра по крайней мѣрѣ понятны ученикамъ, а дѣйствія Тиверія Гракха или монархическое ограниченное правленіе Англіи оказываются для учениковъ китайской грамотой. Надо принять себѣ за неизмѣнное правило ту основную педагогическую истину, что ученику слѣдуетъ говорить только то, что его интересуетъ, или то,

что онъ можетъ въполнѣ понять. Приобрѣтаемая въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ привычка встрѣчать незнакомыя понятія и свыкаться съ ними, не проникнувъ въ ихъ смыслъ, привычка читать книги, не отдавая себѣ отчета въ ихъ содержаніи, привычка скользить надъ трудностями, не желая ихъ замѣтить, эта привычка прямо ведетъ къ расслабленію и къ вялости мысли, къ неизлечимому фразерству, къ бессознательному и безысходному шарлатанству.

VIII.

О преподаваніи русской грамматики распространяться нечего. Оно идетъ дурно и конечно оно совершенно необходимо, какъ естественное и неизбѣжное продолженіе азбуки. Остается желать ему тѣхъ улучшеній, которыя понекому проникаютъ во всякое преподаваніе, по мѣрѣ развитія и уясненія общихъ понятій о рациональныхъ педагогическихъ приемахъ. Въ грамматикѣ не можетъ быть никакихъ радикальныхъ преобразованій и поэтому я отодвигаю ее всторону.

Неудобно-ли вамъ взглянуть на теорію словесности и на исторію русской литературы, поглощающія въ жизни гимназистовъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Эти два предмета начинаются въ четвертомъ классѣ и сопровождаютъ учениковъ до седьмого включительно. Подъ именемъ теоріи словесности укрываются, съ несвойственной имъ стыдливостью, риторика и шитика,—тѣ самыя науки, которыя до сихъ поръ открыто свирѣпствуютъ въ семинаріяхъ, отравляя жизнь бурсака и наполняя его несчастную голову непроходимой чешушкой. Къ этимъ двумъ знаменитымъ наукамъ присоединяется кусочекъ формальной логики; есть даже покушенія на эстетику; впрочемъ гдѣ тотъ смертный, который отважится разграничить эти науки? Кто отличить шитику отъ эстетики? И какой здравомыслящій человѣкъ объяснитъ намъ, на что годятся всѣ эти четыре науки, вмѣстѣ взятыя? Гимназическая программа желаетъ вѣрнотню, чтобы онъ умягчали жестокія сердца буйныхъ и строптивыхъ учениковъ. Извѣстно, что изящныя искусства поселяютъ кротость и добродушіе въ суровые нравы дикарей; извѣстно, что даже животныя любятъ музыку и что камни слагались сами собой въ стѣны фиванской крѣпости подъ звуки лиры Амфіона. На основаніи всѣхъ этихъ историческихъ и зоологическихъ примѣровъ, гимназическая программа хочетъ умягчить и расстрогать юныхъ питомцевъ разсужденіями объ издѣльномъ и о различныхъ его проявленіяхъ.

Я поневолѣ долженъ предположить въ теоріи словесности скрытую нравственную цѣль, потому что отыскать въ ея преподаваніи малѣйшую долю пользы для умственного развитія нѣтъ никакой возможности. Представленія, понятія и силлогизмы, метафоры, эпитеты, синекдохи, антиге-

зы, опредѣленіе изящнаго, субъективность и объективность, пластическія и тоническія искусства, художественность и поэзія, трогательное и наивное, юморъ и иронія, дидактизмъ, драматизмъ, эпосъ, лирика—да если-бы я захотѣлъ, я могъ-бы наполнить словами десятки страницъ, и это море словъ льется сначала широкими и правильными волнами съ каѳедры къ скамейкамъ, потомъ журчитъ робкими и перемежающимися ручейками отъ скамеекъ къ каѳедрѣ; и въ подобныхъ занятіяхъ учитель и его ученики проводятъ еженедѣльно часа по три впродолженіи двухъ лѣтъ; и учитель не совѣстно глядѣтъ на своихъ учениковъ; и ученикамъ не смѣшно смотрѣть на своего учителя. Не явное-ли это доказательство того чарующаго и смягчающаго вліянія, которое разсужденія объ изящныхъ предметахъ оказываютъ на самыя разнородныя организациі? Учитель изливаетъ море словъ и, убаюканный его величественнымъ шумомъ, перестаетъ понимать то, что онъ дѣлаетъ, перестаетъ чувствовать подавляющую нелѣпность своего занятія. Ученикъ изливаетъ журчащій ручеекъ словъ и, также убаюканный его серебристымъ журчаніемъ, теряетъ свойственную гимназисту способность видѣть смѣшную сторону вещей. Учитель и ученикъ баюкаютъ другъ друга и затѣмъ расходятся, успокоенные и умиротворенные.

Я прошу читателя извинить мой шутивый отзывъ о теоріи словесности; но мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ невозможно говорить серьезно. Въдъ только тѣ остроумные люди, которые, при напряженіи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ, дошли до отрицанія учебниковъ Кайданова и Смаградова, только эти остроумные люди, говорю я, способны серьезно полемизировать противъ теоріи словесности. Я настолько уважаю моего читателя, что не причисляю его къ этимъ остроумнымъ людямъ. Поэтому я нахожу достаточнымъ напомнить читателю, что такое теорія словесности, и замѣтить ему, что этимъ предметомъ занимаются гимназисты впродолженіи двухъ лѣтъ. Этого напомнанія и замѣчанія слишкомъ достаточно для того, чтобы произнести приговоръ надъ этой умиротворящей наукой. Археологическое значеніе этой науки также заслуживаетъ вниманія: мы сохранили ее со временъ Аристотеля въ полной чистотѣ и неприкосновенности. Живучесть фразерства ясно доказывается этимъ необытнымъ обстоятельствомъ.

За теоріей словесности слѣдуетъ исторія русской литературы. Эта исторія, какъ и всѣ другія, представляетъ списокъ именъ, которыя навсегда останутся для ученика именами, ровно ничего собою незначающими. Жиль-былъ Несторъ, написалъ лѣтописи; жиль-былъ Кириллъ Туровскій, написалъ проповѣдей много; жиль-былъ Давидъ заточникъ, написалъ Слово Давида заточника; жиль-былъ Серапионъ, жиль-былъ, жиль-былъ, и всѣ они жили-были, и всѣ

они что-нибудь написали, и всѣхъ ихъ очень много, и до всѣхъ ихъ никому нѣтъ дѣла, кромѣ гимназистовъ и изслѣдователей старины. Когда дойдетъ дѣло до Ломоносова и Державина, тогда становится еще тошнѣе; приходится запоминать названія одъ и отрывки изъ нихъ, до которыхъ также дотыкаются только гимназисты и изслѣдователи. А ужъ когда доберутся до Пушкина, тогда надо свѣшнить, потому что учебный годъ приходитъ къ концу; да и кромѣ того гимназистамъ не полагается знакомиться съ новѣйшей литературой подробнѣе, чѣмъ съ словомъ Давида заточника и съ державинской Фелицей.

Читатель мой, вы—патріотъ, и я—тоже патріотъ; вы всей душой любите русскую литературу, и я тоже люблю ее всей душой. Но допустимъ на минуту предположеніе, что наши высокія чувства не помрачаютъ нашего пронизательнаго ума; въ одну изъ такихъ предполагаемыхъ свѣтлыхъ минутъ приложимъ перстъ ко лбу и подумаемъ: слѣдуетъ-ли преподавать исторію русской литературы? Отрицательный отвѣтъ не замедлитъ привести насъ въ ужасъ, потому что, пока мы будемъ размышлять, свѣтлая минута пройдетъ, и отвѣтъ врѣжется въ туманъ нашихъ чувствъ, какъ злобщая молнія. Но если настанетъ еще свѣтлая минута, тогда мы не побоямся сознаться передъ собою, что дѣйствительно сохраняемъ отъ забвенія имена такихъ людей, которыхъ идеи и поступки не имѣютъ уже никакого вліянія на нашу умственную жизнь—трудъ тяжелый, неблагодарный и кромѣ того всегда безуспѣшный. Имена эти удерживаются въ памяти учащихъ только до вожделѣннаго дня послѣдняго экзамена. Первые впечатлѣнія дѣйствительной жизни смываютъ безъ слѣда всѣ тепличныя растенія школы. Если случится, что молодой человѣкъ припомнитъ нечаянно какого-нибудь Вассана Рыло, или Сильвестра Медвѣдева, или Аблесимова, Хераскова, Кострова, или два три стиха Тредьяковскаго, Ломоносова, или Державина, то онъ только улыбнется и проговоритъ про себя или вслухъ: чортъ знаетъ, чему насъ учили! И это скажетъ молодой человѣкъ, потому что у насъ всегда случается, что юноша, окончившій курсъ ученія, становится точтася непримиримымъ врагомъ той системы преподаванія, которую онъ испыталъ на себѣ самомъ. Это враждебное отношеніе учащагося или учившагося въ школѣ составляетъ у насъ такое общее явленіе, къ которому мы совершенно приглядѣлись и въ которомъ мы не находимъ даже ничего ненормальнаго. А хорошо-ли это явленіе? Не доказываетъ-ли оно само по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ доказательствъ, что вся система нашего образованія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ, и что она можетъ освѣжиться и усовершенствоваться только вслѣдствіе радикальнаго переворота? Если-бы были недовольны теперешнимъ препо-

даваніемъ десять, сто, тысяча воспитанниковъ и учениковъ, то причины этого неудовольствія могли-бы быть случайныя, происходящія отъ собственной вины недовольныхъ. Но когда нельзя найти ни одного воспитанника, или ученика, который учился бы съ удовольствіемъ изъ одной любви къ ученію, когда эта неприязнь къ школѣ сохраняется у людей, уже вышедшихъ изъ-подъ ея вліянія, тогда дѣлается очевиднымъ, что школа не исполняетъ своего назначенія.

Однако патріотическое чувство наше все-таки оскорблено, читатель, и мы говоримъ, снова упиваясь туманомъ, что нельзя же народу забывать прошедшее своей умственной жизни. Но туманъ опять разсѣвается, и тогда мы соображаемъ, что прошедшее нашей умственной жизни всегда будетъ сохраняемо изслѣдователями. Кому надо ознакомиться со стариной русской литературы, духовной и свѣтской, тотъ найдетъ въ ней дорогу, помимо учебника Зеленецаго, утвержденного департаментомъ народнаго просвѣщенія. А кому такое знакомство не кажется необходимымъ, того не обратитъ на путь истины даже учебникъ Зеленецаго. Я думаю, не было еще примѣра, чтобы гимназическій курсъ русской литературы вселилъ въ кого-нибудь любовь къ этому предмету. Учитель русской словесности конечно можетъ поддѣйствовать такимъ образомъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ разсуждать съ учениками и слѣдовательно дѣйствовать на нихъ, какъ человѣкъ, а не какъ учитель. Наконецъ не мѣшаетъ посмотреть на дѣло слѣдующимъ образомъ: если мы будемъ думать, что наше умственное прошедшее можетъ сохраниться въ нашей памяти только при содѣйствіи обязательнаго ученія, то мы стало-быть будемъ сомнѣваться въ патріотизмъ нашего юношества. Если патріотизмъ надо втолковывать въ школѣ и поддерживать экзаменами, то какой же это патріотизмъ? Вѣдь вынужденная добродѣтель теряетъ всю свою цѣну. Патріотъ поневолѣ—*le patriote malgré lui*—сюжетъ, достойный Мольера и нисколько не уступающій въ комизмъ сюжету: врачъ поневолѣ—*le médecin malgré lui*. Стало-быть нравственная сторона въ преподаваніи русской литературы оказывается несостоятельной. Что же касается до умственной стороны этого преподаванія, то несостоятельность ея не нуждается въ доказательствахъ. А что, если-бы учитель, оставивъ въ сторонѣ теорію словесности и исторію русской литературы, началъ читать съ учениками лучшія поэмы и прозаическія сочиненія Пушкина, потомъ прочиталъ бы имъ всего Гоголя, кромѣ переписки съ друзьями, потомъ Кольцова, потомъ Тургенева и Островскаго, потомъ лучшія критическія статьи Бѣлинскаго и Добролюбова, потомъ нѣсколько народныхъ былинъ и пѣсней, нѣсколько легендъ и сказокъ? Какъ вы думаете? Вѣдь гимназисты считали бы классъ

русской словесности наслажденіемъ для себя; вѣдь они съ благодарностью вспоминали бы о такомъ учителѣ до сѣдыхъ волосъ; вѣдь пожалуй даже интересы патріотизма были бы сохраняемы; пожалуй у нѣкоторыхъ учениковъ пробудилось бы дѣйствительное желаніе узнать что-нибудь о предшественникахъ Пушкина. Пожалуй могло бы изъ этого выдти много хорошаго. Но вѣдь это неосуществимая мечта. Вѣдь ученикамъ тогда нечего было бы учить наизусть, и учителя согнали бы съ кафедры послѣ перваго экзамена въ его классѣ. Вѣдь у насъ принято измѣрять и взвѣшивать плоды ученія, а такъ какъ умственное развитіе нельзя прикинуть ни на аршинъ, ни на безмѣнъ, то оно и считается мѣломъ и роскошью. Намъ подавай знанія, чтобы ученикъ говорилъ на экзаменѣ полчаса, не переводя духа, и чтобы онъ могъ проговорить два или три часа, если только его не останавятъ. Это мы любимъ и этого мы достигаемъ.

IX.

Языки латинскій и греческій обыкновенно преподаются въ гимназіяхъ недурно. Въ той гимназіи, гдѣ я учился, эти предметы преподавались отлично. Каждымъ изъ нихъ завѣдывали по два учителя, такъ что ни одинъ день не обходился у насъ безъ эллинова или римляна. Самые дѣливые и невнимательные ученики при-нуждены были читать довольно правильно латинскіе стихи и спрягать безъ значительныхъ ошибокъ греческіе глаголы. Результатъ блестящій! Но къ чему это вело? Къ чему это могло вести? Можетъ быть къ тому, что изъ тридцати учениковъ выработается со временемъ одинъ учитель латинскаго языка и одинъ учитель греческаго языка; а изъ трехъ сотъ учениковъ, можетъ быть, одинъ сдѣлается профессоромъ римской или греческой словесности. Этотъ одинъ втеченіи своей профессорской дѣятельности образуетъ двоихъ или троихъ эллинистовъ или латинистовъ, которые потомъ, въ свою очередь, передадутъ свѣтильникъ своей науки немногимъ избраннымъ; десятилѣтія, а вѣка пройдутъ надъ нашимъ обществомъ, свѣтильникъ эллинизма или латинизма будетъ горѣть попережнему въ двухъ-трехъ кабинетахъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла: если-бы этотъ свѣтильникъ погасъ, то никто бы этого не замѣтилъ, никто бы объ этомъ не сожалѣлъ, а между тѣмъ тысячи дѣтей и юношей постоянно тратятъ силы и время надъ грамматическими и синтаксическими трудностями классическихъ писателей единственно для того, чтобы подливать въ этотъ тускло-горящій свѣтильникъ скудныя капельки масла.

Зачѣмъ гибнетъ это время? Къ чему тратятся эти силы? Задитники классическаго образованія приводятъ въ его пользу два главные аргу-

мента. Во-первыхъ, они говорятъ, что самый процессъ изученія древнихъ языковъ развиваетъ мыслительныя силы. Во-вторыхъ, они напоминаютъ о красотахъ классическихъ литературъ и говорятъ, что чтеніе въ подлинникѣ Гомера, Виргилія, Горация, Циперона, Демосфена, Тацита, Фукидида, Платона составляетъ лучшую школу для ума, для сердца и для эстетическаго чувства. Первый аргументъ вѣренъ, но его надо расширить, и тогда практическое примѣненіе его будетъ значительно измѣнено. Не изученіе древнихъ языковъ, а вообще всякое изученіе иностранныхъ языковъ развиваетъ умъ, сообщая ему гибкость и способность проникать въ чужое міросозерцаніе. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ труднѣе, чѣмъ изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, но это обстоятельство вовсе не доказываетъ того, чтобы занятія перваго рода были полезнѣе для развитія ума. Трудности классическихъ языковъ, заключающіяся въ страшномъ изобиліи грамматическихъ формъ, въ сложности склоненій и спряженій, цѣликомъ ложатся на память, и усилія, необходимыя для преодоленія этихъ трудностей вовсе не развиваютъ критическаго смысла учащагося. Обыкновенно случается такъ, что юный гимназистъ пріучается только къ мелочной внимательности и что весь его умъ уходитъ на борьбу съ удареніями и метрами, съ временами и наклоненіями, съ предлогами и союзами, съ конструкціями и поэтическими вольностями. Древніе языки сложнѣе новѣйшихъ вовсе не потому, чтобы мысли тѣхъ временъ были богаче нашихъ, а напротивъ — потому, что въ древности форма преобладала надъ мыслью. Для насъ литература есть серьезное дѣло, а для аристократовъ и патриціевъ древности она была художественной забавой. Мысль придумывала для своего выраженія сотни ненужныхъ отгѣнковъ, которыхъ мы теперь не понимаемъ. Самая простота грековъ такъ богата украшеніями, что для насъ она кажется напыщенностью. Илиада въ буквально вѣрномъ переводѣ Гвѣдича поражаетъ насъ своей двѣтностію и высокопарностію, а между тѣмъ извѣстно, что удивительная простота рѣчи составляетъ главное достоинство Гомера. Поэтому, углубляясь въ изученіе классиковъ, мы рискуемъ увлечься преимущественно формой выраженія; мы тратимъ всѣ силы своего ума, чтобы вдуматься въ такіе отгѣнки рѣчи, которые для грека или римлянина были только капризами фантазіи, требовавшей разнообразія. Мы дѣлаемся педантами чамъ, гдѣ древній человѣкъ былъ сибаритомъ, тѣжившимся звучностію и прихотливостію своихъ выраженій. Силы, издерживаемыя на изученіе древнихъ языковъ, были бы употреблены гораздо болѣе производительнымъ образомъ, если бы мы обратили ихъ на изученіе живыхъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго. Въ этихъ языкахъ нѣтъ тѣхъ бесплодныхъ, тех-

ническихъ трудностей, которыя заваливаютъ собой грамматики греческую и латинскую, а между тѣмъ, каждый изъ этихъ языковъ переноситъ насъ въ міросозерцаніе такого народа, который сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ греки и римляне, какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни.

Но намъ говорятъ о красотахъ классическихъ литературъ, и это напоминаніе составляетъ второй аргументъ защитниковъ классическаго образованія. Но правдѣ сказать, изъ всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей только Гомера и Тацита дѣйствительно стоитъ читать въ подлинникѣ. Всѣ остальные писатели древности не произвели ничего такого, чего бы мы не могли найти у современныхъ народовъ въ болѣе совершенной и сознательной формѣ. Но изучать два языка для того, чтобы прочитать въ подлинникѣ двѣ поэмы и четыре историческія сочиненія, о которыхъ все-таки можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по хорошимъ переводамъ, — это, воля ваша, слишкомъ удивительный подвигъ самоотверженія; этотъ подвигъ могутъ совершать люди по доброй волѣ, но зачѣмъ возлагать его на невинныхъ гимназистовъ? Пусть учится древнимъ языкамъ тотъ, кто желаетъ этого, но зачѣмъ же обязательное ученіе? Если каждому образованному человѣку необходимо прочитать въ подлинникѣ Гомера и Тацита, то я не вижу, почему не было бы необходимости читать Саади и Гафиза въ персидскомъ подлинникѣ, Магабарату и Сакунталу въ савскритскомъ, сочиненія Конфуція въ китайскомъ, коранъ въ арабскомъ, и т. д. Навѣрное въ каждомъ языкѣ можно было бы найти такія красоты, которыя утрачиваются или по крайней мѣрѣ блѣднѣютъ въ переводѣ. Но такъ какъ жизнь человѣческая имѣетъ предѣлы и не должна тратиться на одно преслѣдованіе различныхъ красотъ, то для образованнаго русскаго можно признать совершенно достаточнымъ, если онъ кромѣ своего роднаго языка будетъ знать языки французскій, нѣмецкій и англійскій. Можно сказать безъ преувеличенія, что на этихъ трехъ языкахъ онъ найдетъ всѣ сокровища человѣческаго ума и человѣческой фантазіи, какъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ, такъ и въ превосходныхъ переводахъ со всѣхъ остальныхъ, мертвыхъ и живыхъ языковъ. Если-бы гимназіи, обращающія такъ много вниманія на классическую древность, перенесли это вниманіе на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, то общество и учащаяся молодежь сказали бы имъ большое спасибо. Конечно многіе молодые люди употребили бы свои лингвистическія познанія только для свѣтской болтовни, но за то всѣ они имѣли бы въ рукахъ ключи отъ трехъ богатѣйшихъ литературъ. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы, тотъ могъ бы воспользоваться этими ключами, а это много значить; намъ часто случается видѣть, что самое добросовѣстное стремленіе къ

образованію остается на степени стремленія, только потому, что стремящемуся приходится начинать съ французской или нѣмецкой азбуки, чтобы добраться до серьезныхъ научныхъ сочиненій. Заниматься азбукой, вокабулами и грамматикой въ двадцать лѣтъ не всякому по силамъ, и прямая обязанность школы состоитъ въ томъ, чтобы облегчить своимъ питомцамъ дальнѣйшій ходъ занятій, сообщивъ имъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя такъ легко усваиваются дѣтьми и которыя съ трудомъ и скукой пріобрѣтаются взрослыми. Французскій и нѣмецкій языки преподаются въ гимназіяхъ плохо и небрежно; англійскій вовсе не преподается. Если-бы уничтожить въ гимназіяхъ латинскій и греческій языки, то сбереженное время могло-бы значительно усилить преподаваніе новѣйшихъ языковъ, и польза такой перемѣны была-бы очевидна. Защитники классицизма обыкновенно приводятъ въ примѣръ Англію, воспитывающую свое юношество на греческихъ и латинскихъ писателяхъ и въ то же время преслѣвующую на поприщѣ гражданской жизни. Аргументація этихъ господъ болѣе оригинальна, чѣмъ убѣдительна. Вотъ ихъ логика: Ивановъ — человекъ очень богатый. Онъ ѣздитъ обыкновенно на гнѣдыхъ лошадяхъ. Слѣдовательно, чтобы разбогатѣть, необходимо ѣздить также на гнѣдыхъ лошадяхъ. Пока мы будемъ соблазняться такой логикой, или сражаться противъ нея, до тѣхъ поръ мы навѣрное не разбогатѣемъ, на какихъ бы лошадяхъ мы не ѣздили.

IX.

Обзоръ предметовъ, входящихъ въ гимназическій курсъ, доказываетъ очень убѣдительно наше совершенное равнодушіе къ общему образованію. Воспитательный элементъ очень силенъ въ гимназіяхъ; для сохраненія благопріятія между учениками принято множество мѣръ положительныхъ и отрицательныхъ. Къ первымъ относятся различныя наказанія, о которыхъ я не считаю нужнымъ распространяться. Вторыя заключаются въ той заботливости, съ которой начальство слѣдитъ за преподаваніемъ и удаляетъ изъ него всѣ подробности, могущія повредить нравственной или умственной чистотѣ учащагося юношества. Спеціальныя элементы обнаруживаются не такъ сильно, потому что гимназіи считаются преимущественно общеобразовательными заведениями. Кто желаетъ изучить характеръ спеціальнаго элемента, тотъ долженъ обратиться къ такимъ заведениямъ, въ которыхъ къ гимназической программѣ присоединены предметы, сообщающіе всему заведенію особый колоритъ и опредѣленное познаніе. Тамъ конечно наблюдатель увидитъ, что спеціальныя предметы преподаются очень тщательно и отгѣсняются на самый задній планъ тѣ науки, которыя считаются у насъ необходимой принадлежностью общаго обра-

зованія. Даже въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ можно впрочемъ замѣтить признаки спеціализма. Они выражаются въ особенно тщательномъ преподаваніи греческаго и латинскаго языковъ.

Если-бы программа нашего общаго образованія была составлена рационально, то можно было бы пожалѣть о томъ, что это общее образованіе такъ часто приносится въ жертву спеціализму. Но теперь не о чемъ жалѣть. Воспитательный элементъ и спеціализмъ не могутъ повредить общему образованію, потому что нечему вредить; общее образованіе не можетъ пострадать, потому что оно не существуетъ; но почему оно не существуетъ, это довольно трудно объяснить. Можетъ быть потому, что наша программа спасена съ устарѣлыхъ нѣмецкихъ программъ; а можетъ быть и потому, что составители нашихъ программъ упустили изъ виду общее образованіе и заботились только о воспитаніи и о спеціальностяхяхъ. Какъ бы то ни было, общее образованіе оказывается у насъ именно въ данной формѣ, съ очень опредѣленнымъ литературно-историческимъ направленіемъ. Съ этой формой и съ этимъ направленіемъ свыклась разсуждающая часть нашего общества; свыкнувшись съ ними, она стала поддерживать ихъ своимъ мнѣніемъ и своими предразсудками, она приглядѣлась къ тому типу, который она называетъ образованнымъ человекомъ, и потому очень смѣло объявляетъ необразованными тѣхъ людей, которые отвергаютъ и этотъ типъ, и ея требованія.

Я не буду говорить о тѣхъ временахъ, когда незнаніе французскаго языка, или, вѣрнѣе, привычка говорить на этомъ языкѣ, считалась рѣшительнымъ доказательствомъ необразованія. Эти времена отживаютъ свой вѣкъ, и ратованіе противъ умирающихъ предразсудковъ — смѣшно и бесполезно. Я замѣчу, что даже лучшая часть нашего общества до сихъ поръ носится съ такими странными понятіями объ образованіи, которыя она приняла по наслѣдству, безъ малѣйшей критической повѣрки. Образованный человекъ, по господствующему мнѣнію, долженъ имѣть понятіе... На этихъ словахъ я долженъ остановиться, потому что нѣтъ никакой возможности выразить точно и опредѣлительно, о чемъ долженъ имѣть понятіе человекъ, признаваемый образованнымъ. Онъ долженъ знать, что Сервантесъ написалъ Донъ Кихота, и что Донъ Кихотъ сражался съ мельницами, что Шекспиръ написалъ Гамлета и что Гамлетъ былъ влюбленъ въ Офелію, что Беатриче была возлюбленной Данте, а Лаура возлюбленной Петрарки, что Жоржъ Зандъ проповѣдуетъ эмансипацію женщинъ, что Юлій Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ, что Байронъ хромалъ на одну ногу и сражался за свободу Греціи, что Людовикъ XIV сказалъ: «l'état — c'est moi», а потомъ сказалъ: «il n'y a plus de Pyrénées», что графъ Уголино умеръ въ башнѣ съ голода, что Лютеръ бросилъ

въ чорта чернильницей, что Маріи сидѣлъ на развалинахъ Карфагена, что губернаторомъ острова св. Елены былъ Гудзонъ Ло, что Титъ считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлалъ добраго дѣла, что «Парижскія тайны» написаны Эженемъ Сю, что... ну, все равно, довольно и этого, чтобы видѣть требованія общества. Образованный человѣкъ долженъ знать кромѣ того имена всѣхъ столичныхъ городовъ на земномъ шарѣ, а изъ математики—четыре правила ариметики и названія всѣхъ математическихъ наукъ. Нельзя сказать, чтобы требованія общества были обширны и глубоки, но зато въ предѣлахъ своихъ требованій общество очень строго. О Данте оно знаетъ напимѣръ только то, что онъ любилъ Беатриче и написалъ «Божественную комедію»; о Петраркѣ то, что онъ итальянскій поэтъ и пѣвецъ Лауры; о Титѣ—что онъ римскій императоръ и хорошій человѣкъ; о Людовикѣ XIV—что онъ le grand roi, и что при немъ былъ le siècle de Louis XIV, ну и потомъ M-me de la Vall ère, M-me de Montespan, M-me de Maintenon. Но если вы не знаете и этихъ вещей, тогда вы человѣкъ необразованный. Вы и не требуйте отъ общества отчета, почему именно необходимо знать эти вещи и къ чему ведетъ это знаніе. Вамъ или совсѣмъ не отвѣтять, или отвѣтять съ изумленіемъ и досадою: «ахъ, Боже мой, да какъ же этого не знать? Это всѣ знаютъ. Какъ, къ чему ведетъ? Но нужно же имѣть понятіе.»

Дальше этого отвѣта общество не идетъ; оно и само не знаетъ, какъ велики предѣлы этихъ обязательныхъ знаній; не знаетъ и того, почему и съ какого времени они сдѣлались обязательными; оно только чувствуетъ непріятное ощущеніе, когда кто-нибудь въ его средѣ выходитъ изъ границъ дозволеннаго невѣжества, и объявляетъ тотчасъ такого нарушителя границъ человѣкомъ необразованнымъ. Вы смѣло можете не знать ничего о физическихъ законахъ природы и можете признаваться обществу въ своемъ невѣжествѣ; но есть собственныя имена и историческія сплетни, которыя вы обязаны знать, если не желаете сдѣлаться предметомъ всеобщаго изумленія. Понятно стало-быть, что образование представляется обществу чѣмъ-то неопредѣлимымъ; этимъ именемъ называется что-то такое, а что именно—неизвѣстно; да общество никогда объ этомъ и не спрашиваетъ. Ему досталось откуда-то, когда-то, по какому-то случаю, сумма какихъ-то разрозненныхъ знаній; оно къ нимъ привыкло, назвало ихъ образованіемъ, удовлетворилось ими, и теперь только иногда, точно сквозъ сонъ, требуетъ частичныхъ усовершенствованій, новыхъ учебниковъ, нагляднаго преподаванія, улучшенія въ личномъ составѣ учителей. Ему даже въ голову не приходитъ спросить себя: да что же такое образованіе? чѣмъ оно должно быть и въ какомъ положеніи нахо-

дится оно у насъ? Молодые люди, выходящіе изъ учебныхъ заведеній, всегда недовольны школою, но всегда объясняютъ свое неудовольствіе мелкими и случайными недостатками: учебники нехороши, учителя плохи, начальство придирчиво. Потому это неудовольствіе стирается другими житейскими впечатлѣніями, и молодые люди, дѣлаясь отцами семейства, совершенно мирятся съ школьными неудобствами и безтрепетно подвергаютъ имъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ вліяніе общества на школу ограничивается только тѣмъ, что общество говоритъ: «надо имѣть понятіе...», а такъ какъ школа даетъ понятіе и о Гракхахъ, и о Несторѣ, и о синекдохгахъ, то общество оказывается совершенно довольнымъ, и отцы каждый годъ проливаютъ слезы умиленія надъ успѣхами возлюбленныхъ дѣтей. Я теперь перейду къ университету, а потомъ въ заключеніе выскажу нѣсколько мыслей о томъ, чѣмъ должно быть общее образованіе.

Х.

Лучшія надежды нашего отечества сосредоточиваются на университетахъ; университетская молодежь обыкновенно вноситъ въ практическую жизнь честность стремленій, свѣжесть взглядовъ и непримиримую ненависть къ рутинѣ всякаго рода. Обскуранты и рутинеры всегда нападали на университеты и предпочитали имъ систему закрытыхъ заведеній; но теперь эта порода обскурантовъ и рутинеровъ переводится и обращается въ палеонтологическую рѣдкость. Ихъ уже никто не боится и съ ними никто не споритъ. Теперь писатель, уважающій самаго себя, не обязанъ безусловно защищать университеты; онъ можетъ спокойно разсматривать и указывать недостатки ихъ устройства. А недостатки эти очень многочисленны и крупны.

Въ концѣ 1861 г. появилось много статей объ университетахъ. Я теперь не имѣю ихъ подъ руками и не помню ихъ выводовъ. Можетъ быть мнѣ случится въ чемъ-нибудь сойтись съ той или другой изъ этихъ статей, но я не вижу въ этомъ большой бѣды. Если мысли мои будутъ вѣрны, то онѣ ничего не потеряютъ отъ того, что будутъ высказаны во второй разъ. Если онѣ ошибочны, то повторенное вранье будетъ также безвредно для публики, какъ было безвредно вранье первобытное. То обстоятельство, что у меня нѣтъ подъ руками этихъ статей, даже благотвительно для публики; оно сокращаетъ мое разсужденіе, потому что отнимаетъ у меня возможность возражать тѣмъ писателямъ, которые раньше меня разрабатывали вопросъ объ университетахъ.

Важнѣйшее и единственное преимущество университета передъ всякими другими высшими учебными заведеніями заключается въ томъ, что учащіеся пользуются значительной степенью свободы въ выборѣ и въ направленіи своихъ за-

внѣтъ. Ни талантъ профессоровъ, ни ихъ усердіе, ни ихъ умѣнье сблизаться со студентами, ничто не можетъ возбудить въ молодомъ человѣкѣ ту энергію и самодѣятельность, которую возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ чувство собственной самостоятельности. Въ закрытомъ заведеніи молодой человѣкъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ можетъ быть только благовоспитаннымъ и прилежнымъ школьникомъ. Въ университетѣ онъ дѣлается человѣкомъ, сознательно распоряжающимся своими силами и способнымъ обращать въ свою пользу даже неблагоприятныя условія. Онъ часто увлекается, часто дѣлается глупости, но надо помнить, что переходъ отъ дѣтства къ мужеству заключается именно въ томъ, что молодой человѣкъ, путемъ собственныхъ опытовъ, ошибокъ и паденій, выучивается твердо стоять на ногахъ и твердыми шагами направляться къ сознательно-выбранной цѣли. Кого заботливая рука удерживала отъ всякихъ паденій, тотъ или въ позднѣйшемъ возрастѣ наверстаетъ потерянное время, или останется на всю жизнь благовоспитаннымъ мальчикомъ, немѣющимъ ни характера, ни оригинальности. Цѣльваніе университетовъ всегда соответствовало той степени самостоятельности, которая предоставлена была студентамъ. Дѣятельность самыхъ талантливыхъ профессоровъ никогда не могла замѣнить собой эту драгоценную самостоятельность. Умственное развитіе похоже въ этомъ отношеніи на кристаллизацию. Главное дѣло экспериментатора, желающаго добыть правильные кристаллы, заключается въ томъ, чтобы не тревожить сосуда, въ которомъ налитъ растворъ. Главное дѣло университетскаго начальства, добросовѣстно относящагося къ умственнымъ интересамъ студентовъ, не вмѣшиваться въ ходъ ихъ занятій регламентаціей и административными распоряженіями. Если бы начальство захотѣло напиривѣр ввѣсти на лекціяхъ переключки студентовъ и репетиціи, то подобное распоряженіе повредило-бы университету сильнѣе, чѣмъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ даровитѣйшихъ профессоровъ. Эта мѣра можетъ-быть принудила-бы десятокъ кутящихъ студентовъ проводить въ аудиторіяхъ часы, тратившіеся въ ресторанахъ, но за то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала-бы сотни дѣльныхъ студентовъ на такихъ лекціяхъ, которыя не приносятъ имъ пользы. А истратить часъ времени на бесполезной лекціи гораздо хуже, чѣмъ истратить часъ на болтовню или другое развлеченіе.

Студентъ возвращается съ лекціи утомленный и долженъ отдыхать, такъ что у полезной работы отнимается не часъ времени, а вдвое или втрое больше. Прибавьте къ этому постоянную досаду противъ нравственнаго насилія, и вы увидите, какъ некрасивы послѣдствія такого распоряженія, которое на первый взглядъ можетъ показаться довольно благообразнымъ.

Сол. Д. И. Исарева, т. III.

Такъ какъ преимущества университета передъ другими высшими учебными заведениями заключаются единственно въ самостоятельныхъ отношеніяхъ студентовъ къ своимъ занятіямъ, то недостатки, обнаруживающіеся въ современномъ устройствѣ университетовъ, заключаются единственно въ ограниченіи этой необходимой и во всѣхъ отношеніяхъ полезной самостоятельности. Можетъ-быть нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій неизбѣжны въ настоящее время и находятся въ связи съ общимъ положеніемъ образованія въ обществѣ; но во всякомъ случаѣ эти ограниченія оказываются недостатками, на которые должна указывать теорія, и объ исправленіи которыхъ должно заботиться общество. Если эти недостатки существуютъ сами по себѣ, то ихъ нетрудно устранить; если же они представляются только симптомами болѣе глубокаго зла, заключающагося въ образѣ мыслей и въ складѣ жизни самого общества, то мы тѣмъ болѣе не должны съ ними мириться. Какъ-бы глубоко ни укоренилось зло, оно никогда не превращается въ добро; его надо искоренить рано или поздно, и анализировать его развѣтвленія и проявленія всегда полезно и своевременно.

Основная причина всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ самостоятельность учащихся, состоитъ въ тѣхъ правахъ, которыя университетъ даетъ своимъ студентамъ, окончившимъ курсъ и выдержавшимъ выпускной экзаменъ. Кто получаетъ права, тотъ, разумѣется, несетъ обязанности. Всякая обязанность налагаетъ ирѣвѣстнаго рода заботы, а всякая забота, не относящаяся прямо къ интересамъ умственнаго развитія, мѣшаетъ этому развитію.

Права, предоставляемыя студентамъ, окончившимъ курсъ, ведутъ за собою два ближайшія послѣдствія. Во-первыхъ, университетъ раздѣляется на факультеты. Во-вторыхъ, являются обязательные экзамены. Оба эти послѣдствія вредятъ очень сильно самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ.

Раздѣленіе на факультеты обязываетъ молодого человѣка, стремящагося къ высшему образованію, выбрать тотчасъ-же одинъ изъ факультетовъ. Выборъ этотъ всегда дѣлается на авось, потому что гимназія не даетъ понятія ни объ одной наукѣ. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, не знаетъ ни силъ, ни склонностей своего ума, не знаетъ также и того, какой работы требуетъ та или другая наука, и какія умственные наслажденія она можетъ доставить. Чаще всего случается такъ, что молодой человѣкъ дѣлается математикомъ, филологомъ, или юристомъ, смотря по тому, за какіе предметы онъ получалъ въ гимназіи хорошіе баллы. Иногда онъ угадываетъ вѣрно, но это только счастливый случай. Часто бываетъ такъ, что онъ перескакиваетъ изъ одного факультета въ другой и тратитъ года два на неудачныя

пробы. Большой-же частью бываетъ и еще хуже. Поступивши на такой факультетъ, который ему не нравится, молодой человекъ остается въ немъ: «все равно, думаетъ онъ: — какъ-нибудь дотяну; стоитъ-ли кидаться изъ стороны въ сторону? Еще, богъ знаетъ, найдешь-ли на другомъ факультетѣ что-нибудь получше?» — Когда студентъ разсуждаетъ такимъ образомъ, тогда конечно нельзя ожидать, чтобы онъ занимался своимъ дѣломъ съ любовью; онъ записываетъ лекціи, выдерживаетъ экзамены и получаетъ аттестатъ, не почувствовавши ни разу въ жизни живительнаго вліянія любимаго труда. Удивительно-ли, что такой человекъ, бывши рутинеромъ на студенческой скамейкѣ, окажется рутинеромъ и въ практической жизни? Въ университетѣ онъ стремился къ аттестату, а въ жизни всегда найдутся постороннія цѣли, въ которыхъ можно стремиться и которыхъ можно приносить въ жертву интересы дѣла и собственное чело-вѣческое достоинство.

Но вы скажете, можетъ быть, что такой человекъ самъ виноватъ въ своей деморализаціи, и что эту деморализацію нельзя приписывать раздѣленію университета на факультеты. Вы скажете, что этотъ человекъ могъ перейти съ одного факультета на другой; что онъ могъ наконецъ поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ и уже потомъ, изучивъ свои силы и склонности, присмотрѣвшись къ различнымъ наукамъ, сдѣлаться студентомъ и сознательно выбрать себѣ факультетъ. Ваши разсужденія справедливы, но только до извѣстной степени. Вы берете отвлеченнаго человека, глубоко проникнутаго безкорыстнымъ и сознательнымъ стремленіемъ къ образованію; вы забываете, что эти чувства, мысли и стремленія обыкновенно приобѣтаются и очищаются только путемъ образованія и умственнаго труда; вы забываете, что въ университетъ поступаютъ не мудрецы, сознательно идущіе къ завоеванію истины, а юноши, прельщаемые всѣми искушеніями жизни. Лучшіе изъ этихъ юношей приносятъ съ собою въ университетъ только неопредѣленную любознательность, передъ которой вовсе не умолкаютъ житейскіе расчеты. Отъ университетской атмосферы зависитъ — или очистить эту любознательность отъ постороннихъ примѣсей, или, напротивъ, совершенно задуть ее подъ этими посторонними побужденіями. Если любознательный юноша сразу заинтересуется какой-нибудь наукой, онъ станетъ выше своихъ расчетовъ и будетъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ. Если же онъ ошибется въ своемъ выборѣ, то неудовлетворенія любознательность можетъ замереть; юноша можетъ подумать, что эта любознательность была мечтательнымъ стремленіемъ къ несуществующимъ благамъ; расчеты одержатъ рѣшительную побѣду, и юноша разсудитъ очень основательно, что переходить съ одного факультета на другой

значитъ терять время, затруднять себѣ дорогу къ аттестату, отнимать у самого себя такіе годы, которые могутъ быть употреблены на дѣйствительную службу, ведущую къ чинамъ, къ знакамъ отличія, къ большому окладу жалованья. А поступать въ вольные слушатели? Подобная мысль не можетъ придти въ голову юношѣ, только-что вышедшему изъ гимназіи; для этого надобно, чтобы онъ чувствовалъ недовѣріе къ своему собственному выбору. Кто-же не знаетъ, что подобное недовѣріе немислимо въ очень молодомъ и совершенно неопытномъ человекѣ? Кромѣ того поступить въ вольные слушатели значитъ также потерять нѣсколько времени на размышленіе и попытки, а молодость торопится жить. Мы должны имѣть въ виду не отвлеченную молодежь, а такую, какая дѣйствительно существуетъ. Эта молодежь черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ сама смѣяться и надъ своими расчетами, и надъ своими побужденіями; одни ей покажутся мелкими, другія — ребяческими, но и тѣ и другія въ свое время сообщали ей поступкамъ опредѣленное направленіе. Ими нельзя пренебрегать; ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, потому что отъ нихъ зависитъ часто сила и колоритъ умственной жизни цѣлаго поколѣнія. Этимъ-то мелкимъ расчетамъ и ребяческимъ побужденіямъ современное устройство университетовъ оказываетъ самую предосудительную пощажку.

Говоря поступающимъ молодымъ людямъ: «выбирайте себѣ факультетъ!» университетъ самъ примѣшиваетъ идею карьеры къ идеѣ образованія и потакаетъ такимъ образомъ житейскимъ расчетамъ будущихъ Петровъ Ивановичей Адуевыхъ. Конечно, молодой человекъ можетъ противустоять этимъ искушеніямъ; онъ можетъ сказать: «я не ищю правъ, я не хочу выбирать факультетъ. Я буду вольнымъ слушателемъ, выслушаю тѣ курсы, которые меня интересуютъ, и потомъ уйду изъ университета безъ всякихъ экзаменовъ и дипломовъ». Онъ можетъ это сказать и сдѣлать. На это нѣтъ ни физической невозможности, ни запретительной статьи закона. А между тѣмъ очень невѣроятно, чтобы онъ поступилъ такимъ образомъ. Искушенія слишкомъ сильны. Всѣ предразсудки общества поддерживаютъ права, дипломы, экзамены, студенчество, распределенное по факультетамъ. Простое слушаніе лекцій, вознаграждаемое ни чинами, ни служебными преимуществами, до сихъ поръ кажется обществу пустымъ препровожденіемъ времени. Наука величественна, образованіе полезно, но практическія выгоды болѣе осязательны. Онѣ смягчаютъ самое жестокое сердце и примираютъ съ университетами самые скептическіе умы престарѣлыхъ родителей. На основаніи всѣхъ этихъ доводовъ, мы можемъ принять за несомнѣнную истину, что покуда въ университетѣ существуютъ права и факультеты, до тѣхъ поръ большая часть молодыхъ людей будетъ бросаться въ эти

факультеты, очертя голову, и въ случаѣ ошибки, будетъ дотягивать ляжку, чтобы получить дипломъ.

Ну, хорошо, говорите вы, — молодой человѣкъ поступилъ на факультетъ. Кто-же ему мѣшаетъ слушать нѣкоторыя лекціи другого факультета. — Да, никто не мѣшаетъ; онъ слушаетъ, но изъ этого слушанія ничего не выходитъ. Онъ смотритъ на постороннюю лекцію, какъ женатый человѣкъ на легкую интрижку. Передъ нимъ лежитъ извѣстная дорога; надъ головой его висятъ извѣстные экзамены; практическое значеніе имѣютъ въ его глазахъ только труды по извѣстнымъ, факультетскимъ предметамъ. Какое же значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ посторонняя лекція? Она можетъ ему понравиться, какъ понравилась бы какая-нибудь театральная пьеса. Она можетъ возбудить въ немъ желаніе ходить для развлеченія въ аудиторію посторонняго профессора — и только. Что же тутъ за польза? Когда наука служить намъ развлеченіемъ и не возбуждаетъ въ насъ желанія трудиться, тогда она вовсе не исполняетъ своего назначенія. Комедія или концертъ всегда развлекаютъ сильнее, чѣмъ лекція, — стало быть, отъ лекціи не слѣдуетъ требовать развлеченія. Но положимъ, что лекція или рядъ лекцій посторонняго профессора заинтересовали студента очень серьезно и возбудили въ немъ желаніе познакомиться покороче съ этой наукой. Такое желаніе дѣлается для него несчастіемъ. Начинается борьба между искусственно сооруженнымъ долгомъ и естественнымъ влеченіемъ. Съ любовью заниматься посторонней наукой значитъ отнимать время у факультетскихъ занятій, значитъ измѣнять интересамъ своей будущей карьеры, значитъ предпочитать пріятное полезному. Оставаться на одномъ факультетѣ и заниматься предметомъ другого факультета значитъ дробить свои силы. Перейти на другой факультетъ? Но вѣдь тамъ кромѣ одной любимой науки придется заниматься десяткомъ наукъ, вовсе непривлекательныхъ? Что же тутъ дѣлать? Положеніе драматическое, а между тѣмъ весь драматизмъ происходитъ только отъ перегородки, поставленной между двумя факультетами и поддерживаемой обязательными экзаменами и правами. Если бы молодой человѣкъ былъ вольнымъ слушателемъ, то ему ничто бы не мѣшало слушать вмѣстѣ лекціи разныхъ факультетовъ; если бы онъ былъ вольнымъ слушателемъ, то любовь, почувствованная имъ къ какой бы то ни было наукѣ, наполнила бы его душу живѣйшей радостью и повела бы его къ серьезнымъ занятіямъ. Не было бы никакого драматическаго столкновенія. Конечно студентъ всегда можетъ сдѣлаться вольнымъ слушателемъ. Физической невозможности нѣтъ, но нравственныхъ препятствій много. «Вотъ, подумаетъ онъ, — если я останусь студентомъ и выдержу опредѣленный экзаменъ по программѣ факульте-

та, то получу дипломъ и права. А если сдѣлаюсь вольнымъ слушателемъ и буду заниматься тѣмъ, что мнѣ нравится, то ничего не получу. Это обидно». — И не только обидно, а даже глупо, говорятъ студенту родители, опекуны и всѣ опытные совѣтники. Да ты объ этомъ и думать не смѣй, подтверждаютъ раздражительная маменька. А отчего они все это думаютъ, говорятъ и подтверждаютъ? Отчего переходъ съ одного факультета на другой подастъ иногда поводъ къ семейнымъ сценамъ? Отчего такая простая вещь, какъ занятія тѣмъ предметомъ, который нравится, оказывается труднымъ подвигомъ, требующимъ отъ молодого человѣка почти ломоносовской силы характера? Все оттого, что университетъ даетъ права и составляетъ преддверіе карьеры. Если бы не было правъ, не было бы и факультетовъ. Вся учащаяся молодежь была бы вольными слушателями, посѣщала бы лекціи по собственному выбору и распоряжалась бы своимъ развитіемъ съ полной самостоятельностью.

XI.

Факультеты стараются образовать специалистовъ, и вмѣсто того образуютъ только одностороннихъ теоретиковъ. Студентъ по выходѣ изъ университета находится въ положеніи Сократа: онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, по крайней мѣрѣ, ничего такого, что приложимо къ жизни и къ какой-нибудь отрасли труда. Въ этомъ я и не упрекаю университетъ, совѣмъ не его дѣло учить молодого человѣка ремеслу; но если все устройство университета видимо направлено къ тому, чтобы образоватъ нѣсколько сортовъ ремесленниковъ, и если, при всемъ томъ, ремесленники не выходятъ изъ университетовъ, а формируются и обучаются уже послѣ выхода, подъ вліяніемъ практической дѣятельности, то очевидно, не достигается ни та широкая цѣль, къ которой долженъ бы былъ стремиться университетъ, ни та узкая цѣль, къ которой онъ направленъ въ настоящее время. Университетъ не даетъ намъ истинно образованныхъ людей, потому что его устройство ставитъ много препятствій на пути самостоятельнаго умственнаго развитія учащихся; университетъ не даетъ специалистовъ, потому что специалистъ не можетъ образоватъ школа, его образуетъ только самая работа, — что же даетъ намъ университетъ? людей, пропитанныхъ умозрѣніями, принимающихъ теоріи за аксіомы, уходящихъ отъ жизни въ книгу и сохраняющихъ въ своихъ фразахъ и разсужденіяхъ отпечатокъ того факультета, въ которомъ они были замкнуты. Я очень хорошо знаю, что многіе изъ теперешнихъ и бывшихъ студентовъ вовсе не подходятъ подъ эту характеристику; я знаю, что между ними найдется много людей, смотрящихъ на жизнь свѣтло и разумно; но я знаю также, что эти люди развиваются по-

мимо университета, и что всё неудобства современного университетскаго устройства сознательно чувствуются ими и производить на них самое тяжелое впечатлѣніе. Защитники современного университетскаго устройства очень недовольны теперешними студентами, и неудовольствіе это началось именно съ тѣхъ поръ, какъ студенты поняли неудовлетворительность однихъ профессорскихъ лекцій и начали искать собственными силами въ жизни и въ литературѣ матеріаловъ для своего развитія.

Это значитъ, что современное устройство университетовъ не удовлетворяетъ ни тѣхъ, для кого оно составлено, ни тѣхъ, кто его защищаетъ. Для первыхъ, то есть для учащихся, оно стѣснительно. Вторые, то есть заматерѣлые профессора, находятъ его слабымъ и неспособнымъ сдерживать развитіе студентовъ въ строгую—въ опредѣленныхъ границахъ. Молодая жизнь вездѣ просачивается черезъ обветшалыя плотныя, затрудненія обходятся, препятствія преодолеваются, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы затрудненія и препятствія уже теперь были безвредны. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, чтобы увидѣть въ нихъ не содѣйствіе, а помѣху, молодому человѣку нужно много остроумія и проницательности; чтобы вступить съ ними въ борьбу и одолѣть ихъ, нужно много энергіи и много драгоценнаго времени. Часто большая половина университетскихъ годовъ уходитъ у студента исключительно на то, чтобы убѣдиться въ ложности и бесплодности господствующаго направленія занятій. Конечно испытывать разочарованія полезно, но по всей вѣроятности защитники современного университетскаго устройства ожидаютъ отъ университетовъ не того, чтобы они снабжали студентовъ разочарованіями.

Не одни студенты испытываютъ на себѣ неудобства современного университетскаго устройства; эти неудобства падаютъ и на профессоровъ. Профессоръ университета по роду своихъ занятій мало отличается въ настоящее время отъ учителя гимназіи. Вся разница между ними заключается въ томъ, что учитель спрашиваетъ уроки во время каждаго класса, а профессоръ спрашиваетъ уроки за цѣлый годъ, на экзаменѣ. Отношенія учителя къ ученикамъ гораздо проще и откровеннѣе, чѣмъ отношенія профессора къ своимъ слушателямъ. Учитель очень хорошо знаетъ, что ученики сошлись къ нему въ классъ по звонку, безъ всякаго особеннаго желанія учиться; обыкновенно учитель не придаетъ никакого значенія желанію или нежеланію учениковъ, ставитъ имъ за нежеланіе плохіе баллы, оставляетъ ихъ безъ обѣда или безъ отпуска, и дѣло съ концомъ. Профессоръ также можетъ предполагать, что большая часть его слушателей сидитъ въ его аудиторіи по долгу службы и забираетъ его своимъ присутствіемъ для предстоящаго экза-

мена; но какъ убѣдиться въ этомъ? Какъ отдѣлать слушателей, любящихъ его науку и его лекціи, отъ слушателей, высиживающихъ въ его аудиторіи хорошей баллъ? Какъ узнать дѣйствительныя потребности слушателей, записывающихъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что благоудно сказать господину профессору? Какъ заговорить откровенно съ слушателемъ, который прежде всего видитъ въ профессорѣ будущаго экзаменатора? Положеніе добросовѣстнаго профессора чрезвычайно щекотливо. Добросовѣстный профессоръ знаетъ, что официальность студентовъ въ отношеніи къ нему совершенно оправдывается: во-первыхъ, общимъ устройствомъ университета, во-вторыхъ, личностью и дѣятельностью большей части другихъ профессоровъ. Онъ—добросовѣстный профессоръ, не формалистъ, но онъ знаетъ, что по настоящему онъ обязанъ быть формалистомъ; знаетъ и то, что въ сосѣдней аудиторіи сидитъ профессоръ-формалистъ, которому нѣтъ никакого дѣла до существенныхъ потребностей слушателей. Конечно, между добросовѣстнымъ профессоромъ и дѣльнымъ студентомъ могутъ установиться разумныя отношенія независимыя отъ экзаменовъ; но для этого надобно, чтобы профессоръ и студентъ узнали другъ-друга, а это вовсе не легко, потому что они поставлены другъ къ другу въ обязательныя отношенія; профессору неловко сдѣлать шагъ къ сближенію съ студентомъ, потому что онъ видитъ съ его стороны официальность и недоувѣріе; студенту также неловко, потому что профессоръ можетъ подумать, что студентъ заискиваетъ въ немъ для экзамена. Такая простая вещь, какъ доувѣрчивое сближеніе между человѣкомъ знающимъ и человѣкомъ желающимъ знать, становится затруднительною,—почему? Опять-таки потому, что существуютъ права, и вслѣдствіе того, обязательные экзамены. Эти экзамены, смотря по личности профессора, бываютъ или очень трудны, или очень легки. Если профессоръ—формалистъ, то малѣйшее отклоненіе отъ записокъ принимается въ расчетъ, какъ доказательство непосѣщенія лекцій; если профессоръ—не формалистъ, то онъ во всякомъ случаѣ и за всякій отвѣтъ ставитъ удовлетворительный баллъ. Въ первомъ случаѣ студентъ принужденъ зубрить, какъ гимназистъ, или какъ бурсакъ; во второмъ случаѣ онъ приходитъ на экзаменъ, чтобы исполнить формальность. Очевидно, что въ первомъ случаѣ экзамены вредны, а во второмъ безполезны. Но конечно полная отмѣнена всякихъ экзаменовъ, и выпускныхъ, и переходныхъ, возможна только тогда, когда университеты не будутъ давать своимъ слушателямъ никакихъ правъ. Поэтому отмѣнена правъ должна быть желаніемъ всѣхъ людей, принимающихъ къ сердцу судьбу высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

XII.

Мы рассмотрѣли такимъ образомъ недостатки нашего гимназическаго образованія и показали слабую сторону нашихъ университетовъ. Теперь нетрудно будетъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ преобразованія, въ которыхъ нуждаются гимназій и университеты. Въ гимназической программѣ нѣтъ общаго плана; собранія словъ и фразъ называются науками; рассказы и гипотезы вытѣсняють собою серьезныя знанія; память учениковъ работаетъ постоянно, а мыслительныя способности ихъ находятся въ бездѣйствіи. Конечно все это должно быть передѣлано. Въ программу должно быть внесено строгое единство общаго плана; фразы, называющіяся въ своей совокупности исторіей, политической географіей, теоріей словесности и т. д., должны быть оставлены за штатомъ; рассказы и гипотезы должны уступить мѣсто научнымъ аксиомамъ и теоремамъ; мыслительныя способности учениковъ должны вступить въ отправленіе своихъ естественныхъ обязанностей. Всѣ эти метаморфозы могутъ быть произведены только въ томъ случаѣ, когда будетъ измѣнена самая подкладка образованія. До сихъ поръ въ нашихъ школахъ изучали преимущественно человѣка и его духовныя произведенія, а теперь надобно изучать природу. Это единственное средство выдти изъ области догадокъ и предположеній, фразъ и возгласовъ, красивыхъ теорій и бессмысленнаго зубрениа. Это единственное средство ввести учениковъ въ область точнаго знанія, добросовѣстнаго изслѣдованія и живого мышленія.

Я доказалъ уже, говоря о преподаваніи исторіи и географіи въ гимназіяхъ, что изученіе человѣка и его гражданской жизни по своей сложности недоступно гимназистамъ; я доказалъ также, что изученіе это въ дѣйствительности не существуетъ, и что историческія и географическія знанія гимназистовъ составляютъ самый печальный оптический обманъ. Одного этого обстоятельства уже достаточно, чтобы навсегда отложить попеченіе о такъ называемомъ гуманномъ образованіи; объ этомъ образованіи не стоитъ жалѣть; оно кажется удовлетворительнымъ только тогда, когда нѣтъ лучшаго; оно считалось хорошимъ тогда, когда естественныя науки были въ колыбели; оно существуетъ теперь по тому же самому, почему существуютъ многіе антики, давно осужденныя на смерть наукой и здравымъ смысломъ; существуетъ потому, что рѣзка наша рутина, велико наше невѣжество, безгранично наше равнодушіе къ умственнымъ интересамъ подростящихъ поколѣній. Благодаря невѣжеству и рутинѣ, естественныя науки такъ оклеветаны въ нашемъ обществѣ, что совѣтъ положить ихъ въ основу нашего школьнаго образованія покажется многимъ про-

свѣщеннымъ педагогамъ преступнымъ посягательствомъ на умственную непорочность учащагося отрочества. За естественными науками стоитъ призракъ матеріализма, выдуманый отъ нечего дѣлать волхвами и кудесниками московской журналистики. Доказать, что матеріализмъ намъ вовсе не опасенъ, что онъ у насъ даже вовсе не существуетъ—конечно, нетрудно, но это доказываніе и къ чему не поведетъ; когда общество наслушалось нелѣпныхъ толковъ, когда оно наугуано ими, тогда оно не вѣритъ доказательствамъ. Попробуйте доказать крестьянскому мальчику, что нѣтъ на свѣтѣ домашнего, и вы увидите, какъ блистательная аргументація ваша разобьется объ укоренившійся предрасудокъ, превратившійся уже въ инстинктивное чувство. Я очень хорошо знаю, что мои мысли о гимназическомъ образованіи и о необходимости положить въ его основу естественныя науки будутъ приняты въ обществѣ очень недовѣрчиво; я знаю, что объ осуществленіи подобной мысли смѣшно даже мечтать. Но я думаю, что между журнальной статьёй и дѣловымъ проектомъ существуетъ значительная разница. Проектъ долженъ быть практиченъ и непосредственно приложимъ къ дѣлу; онъ долженъ принимать въ соображеніе взгляды, мнѣнія и даже современныя предрасудки общества. Что же касается до простой журнальной статьи, то ея дѣло просто бросить въ общество ту или другую мысль. Авторъ отвѣчаетъ только за честность этой мысли и за искренность собственнаго убѣжденія. Дѣло общества принять, или отбросить эту мысль, оспаривать ее, или оставить ее вовсе безъ вниманія. Поэтому, не случаясь добродѣтельнымъ отвращеніемъ общества къ естественнымъ наукамъ и къ матеріализму, и въ то же время не заботясь о практической приложимости моего разсужденія, я покажу, почему именно одиѣ естественныя науки, положенныя въ основу общаго образованія, могутъ развитъ умъ и сообщить учащемуся прочныя знанія.

Во-первыхъ, знанія о природѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума. Первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія. Спрашиваетъ-ли когда-нибудь ребенокъ о томъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ? Нѣтъ, онъ и представить себѣ не можетъ такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, исторія дается ребенку помимо его желанія; она не отвѣчаетъ никакой потребности его ума. Спрашиваетъ-ли ребенокъ: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картинка или игрушка, спрашиваетъ ли онъ: почему это мнѣ нравится? Конечно нѣтъ. Отвлеченіе и анализъ собственныхъ впечатлѣній—такіе процессы, которые совершенно несвойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хламъ теорій словесности дается

ребенку помимо его желанія. Но вѣдь извѣстно, что ребенокъ постоянно пристаётъ къ взрослымъ съ вопросами. О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяцъ сегодня стоитъ на небѣ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглымъ? Отчего собака ѣсть хлѣбъ, а кошка не ѣсть? Отчего бутылка съ водою лопнула на морозѣ? Отчего облака по небу ходятъ? Отчего дождь идетъ? Вотъ вопросы ребенка, и ребенокъ такъ разнообразитъ ихъ, что вамъ становится очевиднымъ, какъ они рождаются въ головѣ его подъ влияніемъ свѣжихъ и постоянно вѣняющихся впечатлѣній.

Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надоѣдаетъ спрашивать. Ему приходится думать одно изъ двухъ: или то, что на его вопросы вовсе не существуетъ удовлетворительнаго отвѣта, или то, что о ружающіе его взрослые не понимаютъ нелѣпости своихъ отвѣтовъ. Въ первомъ случаѣ онъ мирится съ незнаніемъ, и любознательность его засыпаетъ; во второмъ случаѣ онъ ищетъ отвѣта, какъ искалъ отвѣта Ломоносовъ. Конечно второй случай гораздо рѣже перваго. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ знакомство съ естественными науками должно привести ребенка въ восхищеніе. Разумный отвѣтъ на одинъ вопросъ порождаетъ въ умѣ десятокъ новыхъ вопросовъ, и ребенокъ приобретаетъ прочныя свѣдѣнія, даже не подозревая того, что онъ началъ учиться. Если естественныя науки преподаются ребенку сколько-нибудь разумно, то конечно удовольствіе, испытанное имъ при первомъ знакомствѣ съ законами природы, будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ это знакомство будетъ дѣлаться болѣе короткимъ и сознательнымъ. Знаніе природы ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ условіяхъ жизни, ни въ какомъ общественномъ положеніи не можетъ быть мертвымъ капиталомъ ни для ребенка, ни для взрослого человѣка. Всякая школьная мудрость забывается за порогомъ школы, потому что самое существованіе этой мудрости поддерживается и обуславливается только затхлою атмосферой школы; но природа окружаетъ человѣка вездѣ; стало-быть человѣкъ, однажды заинтересовавшійся изученіемъ ея силъ и законовъ, уже никогда не забудетъ того, что онъ о ней знаетъ, и всегда будетъ стремиться къ расширенію своихъ свѣдѣній. Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣятельности: только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ области не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, неподкрашеною нравоученіями, необрѣзанною системами,

несочиненной досужнымъ мышленіемъ философовъ. И между тѣмъ эти самыя естественныя науки до сихъ поръ считаются достоинствомъ заклятыхъ специалистовъ; исторію, теорію словесности должны знать всѣ образованные люди, а законы и отправления жизни, которая проявляется во всѣхъ органическихъ существахъ, начиная отъ лишаевъ и водорослей и кончая обезьяной и человѣкомъ, эти законы писаны только для двухъ-трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами. Остальному обществу, называющему себя образованнымъ, до нихъ нѣтъ никакого дѣла, — ему, по русской пословицѣ, законъ не писанъ. Конечно такое непостижимое равнодушіе къ тому, что насъ постоянно окружаетъ и постоянно дѣйствуетъ на насъ, можетъ быть объяснено только крайней неразвитостью, которую, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно назвать полной умственной слѣпотой. Лечить отъ этой слѣпоты взрослыхъ уже можетъ — быть поздно; но предохранить отъ нея дѣтей — это должно быть святой обязанностью всѣхъ отцовъ и воспитателей. Общество наше погружено въ спячку; у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ, а между тѣмъ великая книга природы открыта передъ всѣми, и въ этой великой книгѣ до сихъ поръ, трудами немногихъ замѣчательныхъ дѣятелей, прочтены только первыя страницы.

Ктѣ же виноватъ въ томъ, что наши достаточные и *soi-disant* образованные классы ничего не дѣлаютъ и ничѣмъ не интересуются? Виновато очевидно направленіе ихъ образованія; школа ничѣмъ не заинтересовала ихъ, и это обстоятельство даже дѣлаетъ честь ихъ природному уму, потому что въ нашихъ школахъ дѣйствительно заинтересоваться ничѣмъ. Если бы Александръ Гумбольдтъ учился въ русской гимназій или въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, то по всей вѣроятности онъ сдѣлался бы ревностнымъ посѣтителемъ баловъ и балетовъ, вмѣсто того, чтобы быть натуралистомъ и путешественникомъ. Вѣдь Александръ Гумбольдтъ былъ барономъ и богатымъ человѣкомъ, — стало-быть нѣтъ ничего несбыточнаго въ той мысли, что при разумномъ направленіи образованія даже высшіе классы нашего общества могутъ перейти отъ танцевъ къ другимъ занятіямъ, болѣе достойнымъ человѣка и болѣе полезнымъ для человечества. Кому же удобнѣе всего разрабатывать науку, какъ не тѣмъ людямъ, которые обезпечены въ матеріальномъ отношеніи? И эти люди дѣйствительно стали бы разрабатывать науку, если бы были заинтересованы ею съ дѣтства. А заинтересовать человѣка съ дѣтства можетъ только изученіе природы.

Говорить о практической пользѣ естественныхъ наукъ, указывать на паровыя машины, на желѣзныя дороги, на электрическіе телеграфы, на микроскопъ, химическій анализъ и успѣхи

физиологии — значило бы повторять фразы, встречающиеся в предисловіях ко всевозможным оригинальным и переводным книгам по естественным наукам. Я воздержусь отъ этого словозверженія. Читатель самъ понимаетъ, что все матеріальное благосостояніе человѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающею природою, и что это господство заключается только въ знаніи естественныхъ силъ и законовъ. Но читатель можетъ-быть не обращалъ вниманія на то обстоятельство, что эти знанія до сихъ поръ вырабатывались только десятками людей; сотни и тысячи принимали уже выработанные результаты, питались готовыми кушаньями и слѣдовательно сами нисколько не помогали страннѣ. А почему они не помогали? Неужели потому, что они всѣ были неспособны помогать? Такое предположеніе совершенно неправдоподобно. Неужели наши мужики потому неграмотны, что неспособны выучиться азбукѣ? Вѣдь то уже очевидная нелѣпость. Мужики неграмотны потому что разныя постороннія обстоятельства помѣшали имъ учиться; точно также сотни и тысячи образованныхъ людей оставались равнодушными къ изученію природы, потому что направленіе ихъ образованія не давало имъ познакомиться съ азбукою естествознанія. Но между мужиками находились и находятся люди, въ которыхъ желаніе учиться такъ сильно, что оно вырывалось даже изъ-подъ гнета неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Точно также между образованными людьми попадаются личности замѣчательныя по своей любознательности, личности умѣющія вырваться изъ того ограниченнаго круга идей и понятій, въ который ставитъ ихъ господствующее направленіе общаго образованія. Эти-то немногія личности, превращающіяся въ чудаковъ и натуралистовъ, несутъ на плечахъ своихъ весь трудъ матеріальнаго прогресса человѣчества. Если бы этихъ личностей было больше, то очевидно завоеванія человѣчества въ области естествознанія совершались бы быстрѣе; а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся жизнь человѣчества представляла бы меньше лишеній и страданій, меньше горя и бѣдности. Если бы азбука естествознанія была такъ-же распространена, какъ та азбука, по которой мы учимся читать, то число изслѣдователей природы навѣрное увеличилось бы въ нѣсколько десятковъ разъ, и труды этихъ изслѣдователей сдѣлались бы также гораздо плодотворнѣе, чѣмъ теперь, потому что всѣ результаты изслѣдованія обобщались и прилагались бы къ жи-

ни несравненно быстрѣе и полнѣе теперешняго. Рутинна и предрассудки погибли бы на вѣки, потому что они держатся теперь, только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвѣстны даже образованному обществу.

Наконечъ самый законъ умовъ сдѣлается тверже, когда естественныя науки будутъ положены въ основу общаго образованія. Естественныя науки важны и значительны не только по предмету своего изученія, но и по своему методу. Это — науки, основанныя исключительно на наблюденіи и опытѣ. Собственно говоря, только математическія и естественныя науки имѣютъ право называться науками. Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина. Эти науки сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученію, такую трезвость и неподкупность мышленія, такую требовательность въ отношеніи къ своимъ и къ чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы выбранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденія и поступки.

По всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ должно быть поставлено въ основаніе нашей гимназической программы. Кромѣ этихъ наукъ должны оставаться только законъ божій, русская грамматика и новѣйшія языки. Что касается до университета, то онъ не долженъ ограничиваться только въ отнѣніи правъ и ограниченъ. Реформа гимназій естественно отразится на университетѣ, и слушателей выразятся сами собой въ томъ обстоятельствѣ, что однѣ аудиторіи будутъ биткомъ набиты, а другія останутся пустыми. Въ гимназіяхъ должна быть произведена реформа, а университетъ самъ себя реформировать, если только будутъ устранены искусственныя препятствія. Реформа образованія должна быть начата съ низшихъ заведеній, потому что въ нихъ заключается корень нашего умственного безсилія. Все это теорія и мечта, скажетъ читатель, и я скажу тоже самое, и это нисколько не приведетъ меня въ смущеніе и въ раскаяніе. Я говорю о томъ, что должно быть, а не о томъ, что дѣлается теперь, и не о томъ, что будетъ дѣлаться въ будущемъ году.

1863 г. Іюнь.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Когда мы разсматриваемъ какой-нибудь отдѣльный поступокъ, тогда мы обыкновенно по человѣческой слабости вдаемъ въ лиризмъ и, смотря по свойствамъ даннаго поступка, чувствуемъ приливы негодованія или благоговѣнія, ужаса или восторга, огорченія или удовольствія. Всѣ эти чувства въ значительной степени ослабѣваютъ, когда мы начинаемъ принимать въ соображеніе, кромѣ голога факта, ту ближайшую причину, изъ которой развился этотъ фактъ. Если отъ ближайшихъ причинъ мы станемъ переходить къ причинамъ болѣе отдаленнымъ, то лирическіе порывы наши постоянно будутъ сгущаться болѣе и болѣе, такъ что наконецъ взволновавшій насъ фактъ будетъ интересовать насъ только какъ предметъ изученія.

Человѣкъ А въ известномъ случаѣ поступилъ хорошо или дурно. Спрашивается, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе? Потому конечно, что ему иначе было поступить. Во-первыхъ, случай былъ именно тотъ, а не другой, а во-вторыхъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ именно А, а не Б и не С. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ поступокъ, надо разсмотрѣть, во-первыхъ, обстоятельства даннаго случая, а во-вторыхъ, характеръ дѣйствующаго лица. Видя, что наши лирическія изліянія неумѣстны въ отношеніи къ отдѣльному поступку, мы обыкновенно переносимъ ихъ на характеръ самого человѣка. Но и въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ неосмотрительно. Если известный поступокъ есть неизвѣстный результатъ известнаго характера, поставленнаго въ известное положеніе, то характеръ, въ свою очередь, есть такой-же неизвѣстный результатъ многихъ физиологическихъ, климатическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ данныхъ. Если-бы мы могли прослѣдить жизнь человѣка съ минуты его рожденія до того времени, когда характеръ оказался совершенно сформированнымъ, то мы увидѣли-бы передъ собою непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Спрашивается, на какое-же звено этой цѣпи мы имѣемъ разумное основаніе изливать нашъ гнѣвъ или наше благоговѣніе? Намъ приходится или воздерживаться отъ лирическихъ увлеченій, или обращать ихъ на первое звено цѣпи, т. е. на новорожденнаго младенца. Но если даже мы способны дойти въ своемъ лиризмѣ

до такой нелѣпости, то намъ все-таки и здѣсь предстоитъ разочарованіе. Новорожденный ребенокъ совѣмъ не первое звено; онъ, въ свою очередь, слѣдствіе безчисленнаго множества причинъ. Перваго звена мы никогда не найдемъ. Метафизики были терпѣливѣе насъ, однако ничего не нашли и принуждены были кое-что выдумать. Слѣдовательно лиризму нашему окончательно приходится улетучиваться въ пространство. Это совершенно бесполезно бываетъ прогонять лиризмъ эрзевымъ размышленіемъ и основательнымъ изученіемъ причинъ. Во-первыхъ, на это занятіе пришлось-бы тратить очень много времени, а во-вторыхъ, біографія окружающихъ насъ людей очень рѣдко представляютъ что-либо интересное. Но когда мы беремъ за изученіе историческихъ явленій, тогда всякій лиризмъ долженъ быть устраненъ съ неумолимой строгостью. Присутствіе лиризма всегда, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ размышленіи, служить вѣрнѣйшимъ признакомъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Когда мы понимаемъ вполне какое-нибудь явленіе, тогда мы не можемъ въ негодованіе противъ него, ни благоговѣть впередъ нимъ.

Для потребностей практической жизни намъ достаточно знать окружающіе предметы настолько, насколько эти предметы могутъ обусловливать собою наши поступки. Если я имѣю съ А денежныя дѣла, то мнѣ необходимо знать мошенникъ-ли онъ, или не мошенникъ; но мнѣ нѣтъ никакой практической надобности размышлять о томъ, что именно сдѣлало его мошенникомъ, или помогло ему остаться честнымъ человѣкомъ.

Когда-же я пускаюсь въ теоретическія размышленія, тогда мнѣ необходимо вести изслѣдованіе такъ далеко, какъ только позволяютъ наличные матеріалы и мои собственныя умственныя силы. Кто въ теоретическихъ размышленіяхъ останавливается на половинѣ дороги, удовлетворяясь полужнаниемъ и полупониманіемъ, тому, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности заниматься такими размышленіями. Кто въ области мысли обрекаетъ себя на эту узкость поверхностности сужденій, которая господствуетъ въ нашей вседневной жизни, тому не зачѣмъ и забираться въ область мысли. Кто разбираетъ историческія событія съ тѣмъ близорукимъ пристрастіемъ, съ которымъ онъ разсуждаетъ о сво-

ихъ добрыхъ знакомыхъ, тому было бы лучше вовсе не заниматься исторіей. Исторія обогащаетъ насъ новыми идеями и расширяетъ нашъ умственный горизонтъ только въ томъ случаѣ, когда мы изучаемъ какое-нибудь событіе въ его естественной связи съ его-причинами и съ его послѣдствіями. Если мы вырвемъ изъ исторіи отдѣльный эпизодъ, то мы увидимъ передъ собою борьбу партій, игру страстей, фигуры добродѣтельныхъ и порочныхъ людей; однимъ мы станемъ сочувствовать, противъ другихъ будемъ негодовать; но сочувствіе и негодованіе будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не поставимъ вырваннаго эпизода на его настоящее мѣсто, пока мы не поймемъ той простой истины, что весь этотъ эпизодъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ совершенно логично и неизбѣжно вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ.

Какъ ни проста эта истина, однако многие писатели, разсуждающіе объ исторіи, и многие историки, пользующіеся очень громкой извѣстностью, совершенно теряютъ ее изъ виду въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Раскройте напримѣръ Маколея, и вы увидите, что онъ на каждой страницѣ кого-нибудь оправдываетъ, или кого-нибудь обвиняетъ, кому-нибудь свидѣтельствуеъ свое почтеніе, или кому-нибудь дѣлаетъ строжайшій выговоръ. Всѣ эти оправданія или обвиненія, почтенія или выговоры служатъ только признаками неяснаго или неполнаго пониманія событій. Моралисты вытѣснятъ историка, потому что у историка не хватаетъ матеріаловъ, или не достаетъ проникательности. Въ приговорахъ Маколея заключается такой смыслъ: я, говоритъ онъ, умнѣе такого-то; я понимаю политику лучше такого-то; я бы не сдѣлалъ такой-то ошибки и т. д. На это читатель имѣетъ полное право возразить, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ прекрасныхъ свойствъ ума и сердца, которыми обладаетъ Маколей; ему нѣтъ дѣла до того, какъ поступилъ бы историкъ, находясь въ такомъ или въ другомъ положеніи; ему любопытно было знать, какъ поступила дѣйствительная историческая личность, почему она поступила такъ, а не иначе, и почему ея поступки имѣли важное значеніе для ея современниковъ. Дѣло историка—разсказать и объяснить; дѣло читателя—передумать и понять предлагаемое объясненіе; когда историкъ и читатель, каждый съ своей стороны, исполняютъ свое дѣло, тогда уже не останется мѣста ни для оправданія, ни для обвиненія. Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона. Исторія до сихъ поръ не сдѣлалась наукою, но между тѣмъ только въ исторіи мы можемъ найти матеріалы для рѣшенія многихъ вопросовъ первостепенной важности. Только исто-

рія знакомить насъ съ массами; только въковые опыты прошедшаго даютъ намъ возможность познать, какъ эти массы чувствуютъ и мыслятъ, какъ онѣ измѣняются, при какихъ условіяхъ развиваются ихъ умственные и экономическія силы, въ какихъ формахъ выражаются ихъ страсти и до какихъ предѣловъ доходитъ ихъ терпѣніе. Исторія должна быть осмысленнымъ и правдивымъ разсказомъ о жизни массы; отдѣльныя личности и частныя событія должны находить въ ней мѣсто настолько, насколько они дѣйствуютъ на жизнь массы или служатъ къ ея объясненію. Только такая исторія заслуживаетъ вниманія мыслящаго человѣка, а въ такой исторіи очевидно нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, потому что хвалить или порицать массу все равно, что хвалить березу за бѣлый цвѣтъ коры или полемизировать противъ дождливой погоды. Масса есть стихія, а стихію конечно нельзя ни любить, ни ненавидѣть; ее можно только разсматривать и изучать. До сихъ поръ масса была всегда затерта и забыта въ дѣйствительной жизни; точно также затерта и забыта она была и въ исторіи. На первомъ планѣ стояла въ исторіи біографія и нравственная философія. Вся колоссальная знаменитость Маколея и всѣ успѣхи его безчисленныхъ подражателей основаны на рисованіи историческихъ портретовъ и на торжественномъ произнесеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Эти портреты и приговоры мѣшаютъ читателю додуматься до настоящаго назначенія исторіи и слѣдовательно положительно вредятъ успѣхамъ разума и плодотворнаго историческаго изученія. Нравственная философія такъ-же мало относится къ исторіи, какъ напримѣръ къ органической химіи или къ сравнительной анатоміи. Что же касается до біографіи, то она должна занимать въ исторіи очень скромное мѣсто. Частная жизнь только тогда интересна для историка, когда она выражаетъ въ себѣ особенности той коллективной жизни массъ, которая составляетъ единственный предметъ, вполне достойный историческаго изученія.

Собираясь говорить съ читателями о томъ переворотѣ, который въ концѣ прошедшаго столѣтія опрокинулъ во Франціи всѣ средневѣковыя учрежденія, я счелъ излишнимъ высказать сначала нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ изученіи. Познакомившись съ этими мыслями, читатель пойметъ заранѣе, какъ я намѣренъ вести мой разсказъ. Онъ увидитъ, что я не хочу приносить никакихъ приговоровъ, потому что всякій приговоръ надъ историческимъ событіемъ я считаю вопіющей нелѣпностью; онъ увидитъ далѣе, что я вовсе нерасположенъ впутываться въ біографическія подробности и разрывать груды тѣхъ придворныхъ и городскихъ скадаловъ, слуховъ и интригъ, которыми такъ богата эта тревожная эпоха. Меня занимаетъ исключитель-

но общая, бытовая, всемірно-историческая сторона французскаго переворота. Я не буду ни ужасаться передъ нимъ, ни оправдывать его, потому что я твердо убѣжденъ въ томъ, что всякое отдѣльное событіе, какъ-бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбежное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбежныхъ и простыхъ причинъ. Разсматривая французскій переворотъ, какъ логически-необходимый результатъ всей средневѣковой исторіи французскаго королевства, я не могу питать къ этому перевороту ни грѣховной симпатіи, ни добродѣтельнаго отвращенія. Я могу только разбирать его причины, разсматривать его развитіе и указывать на ту связь, въ которой находится самая катастрофа со всѣмъ историческимъ прошедшимъ французской націи. Мое дѣло объяснять и рассказывать, а не усыпать страницы восклицательными знаками. Руководителемъ моимъ на трудномъ и скользкомъ пути будетъ Генрихъ Зибель, опытный и серьезный историкъ, у котораго однако, не смотря на всю его серьезность, прорываются изрѣдка стремленія къ приговорамъ и желаніе заявить добродѣтельное отвращеніе. Я постараюсь быть серьезнѣе самого Зибеля и объективнѣе самого Гончарова. Постараюсь, однимъ словомъ, приблизиться къ величественному спокойствію гомеровскаго эпоса. Читатель понимаетъ, что на трудномъ и скользкомъ пути безъ гомеровскаго спокойствія нѣтъ спасенія.

II.

Всѣ французскіе короли изъ династіи Гуго Капета съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились къ тому, чтобы подчинить своей верховной власти крупныхъ и мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, господствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ и старавшихся, съ своей стороны, отстоять и упрочить за собою полную самостоятельность. Писанное право было на сторонѣ феодальныхъ владѣтелей; матеріальная сила также склонялась часто на ихъ сторону; но притязанія центральной королевской власти пользовались полнымъ сочувствіемъ задавленныхъ массъ, которыхъ жизнь ежeminутно отравлялась придирчивымъ и хищнымъ деспотизмомъ безчисленнаго множества герцоговъ, графовъ, маркизовъ и другихъ доблестныхъ и породистыхъ грабителей. Массы видѣли въ королѣ своего заступника и покровителя, и короли, понимавшіе свою выгоду, дѣйствительно часто принимали сторону городскихъ общинъ, возмущавшихся противъ феодальныхъ владѣтелей. Политика королей обыкновенно сособрадовалась съ ближайшими требованіями обстоятельствъ, имъ хотѣлось пріобрѣсти какъ можно больше власти, а для этого надо было содержать на свой счетъ такое войско, которое не зависѣло бы отъ произвола феодаловъ; на содержаніе войска были необходимы деньги, и къ день-

гамъ стремились съ незапамятныхъ временъ всѣ помыслы французскихъ королей. Имъ случалось иногда продавать за значительную сумму какому-нибудь городу льготную грамоту, предоставлявшую городской общинѣ право самоуправленія и независимость отъ феодальнаго владѣтеля; вслѣдъ за тѣмъ владѣтель, съ своей стороны, вносилъ убѣдительную сумму, и тогда льготная грамота немедленно уничтожалась. къ величайшему изумленію добродушныхъ горожанъ. Филиппъ IV Красивый съжегъ тамплиеровъ единственно для того, чтобы конфисковать ихъ имѣнія; тотъ же самый Филиппъ по нѣскольку разъ въ годъ перечеканивалъ монету, портилъ ее неумѣренной притѣсью мѣди и извлекалъ изъ этихъ операций значительныя выгоды для королевской казны. Продолжительныя войны съ Англіей, разорившія обѣ страны и подвергнувшія страшной опасности политическую самостоятельность Франціи, содѣйствовали укрѣпленію королевской власти. Собраніе государственныхъ чиновъ предоставило Карлу VII право взимать ежегодно во всемъ королевствѣ опредѣленную подать, предназначавшуюся для содержанія постоянной и правильно организованной арміи. Королевскіе чиновники получили такимъ образомъ возможность проникать въ земли владѣтельныхъ дворянъ, и понемногу стали упрочивать въ нихъ свое вліаніе, клонившееся впрочемъ исключительно къ обогащенію королевской казны, а вовсе не къ облегченію работающихъ и платящихъ сословій. Къ прямымъ налогамъ присоединились косвенные, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ былъ своей не популярностью налогъ на соль.

Королевская власть стала укрѣпляться, по мѣрѣ того, какъ увеличивались и упрочивались источники ея доходовъ. Со временъ Франциска I она успѣла пріобрѣсти уже неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными общественными силами феодальнаго государства. Дворяне оставили свои замки и стали искать себѣ придворныхъ должностей. Всѣ попытки феодальной аристократіи возвратить себѣ прежнюю самостоятельность оканчивались полнѣйшими неудачами. Волненія Лиги и Фронды были послѣдними проблесками средневѣковой строптивости. Твердыя и крутыя мѣры Генриха IV, Ришелье и Мазарини положили конецъ всѣмъ этимъ волненіямъ, и приготовили собою эпоху Людовика XIV. Въ дѣйствительности Людовикъ XIV былъ деспотомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ въ дѣлахъ управленія руководствовался только своими собственными соображеніями или фантазіями; ему иногда приходили въ голову такія мысли, которыя, по выраженію Зибеля, выходять изъ границъ европейскаго пониманія. Однажды онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ вопросъ: не долженъ-ли онъ, подобно магометанскимъ властителямъ Востока, пользоваться правомъ собственности надъ пахотною землей

своего королевства? Въ другой разъ онъ запретилъ, подъ страхомъ наказаній, всякую частную благотворительность на томъ основаніи, что никто кромѣ короля не имѣетъ права быть во Франціи заступникомъ и покровителемъ бѣдныхъ людей. Не смотря на то, Людовикъ XIV по праву оставался все-таки королемъ феодальнаго государства, въ которомъ, какъ извѣстно, центральная власть на каждомъ шагѣ встрѣчала себѣ препятствія и противодѣйствія со стороны разныхъ сословныхъ и корпоративныхъ учреждений и привилегій. Вся средневѣковая путаница властей продолжала существовать при Людовикѣ XIV и оставалась неотмѣненной до самой революціи. Духовенство завѣдывало своими дѣлами почти совершенно независимо отъ короля; колоссальныя помѣстья, принадлежащія церкви, не платили никакой подати, кромѣ такъ называемаго *don gratuit*, назначавшагося въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по расположенію духовенства къ правительству. Въ рукахъ духовенства находилось народное обученіе, въ которое вовсе не вмѣшивалась королевская власть. Дворянство имѣло свои провинціальныя собранія, въ которыхъ оно обсуживало мѣстныя потребности края, занималось раскладкой податей и иногда выдвигало противъ королевскихъ чиновниковъ упорную оппозицію. Въ отпращиваніи правосудія не было ни единства, ни цѣлесообразности: въ каждой провинціи было свое обычное право (*droit coutumier*); каждый землевладелецъ и каждая городская община имѣли свой судъ и расправу; апеллировать на ихъ рѣшенія можно было въ королевскіе президіальные суды, но кругъ дѣятельности этихъ судовъ оставался до такой степени неопредѣленнымъ, что у нихъ на каждомъ шагѣ происходили столкновенія съ другими инстанціями. Высшая судебная власть сосредоточивалась въ парламентахъ; ихъ было прежде девять, а потомъ пятнадцать, и всѣ они въ своемъ судебномъ округѣ были верховными судилищами; всѣ они гордо опирались на вѣковыя права и постоянно спорили за нихъ между собою, съ низшими инстанціями, вырывавшимися изъ-подъ ихъ контроля, и наконецъ съ королевскими министрами, старавшимися ограничить ихъ притязанія. Парламенты, и особенно важнѣйшій изъ нихъ, парижскій, утверждали постоянно, что никакое распоряженіе короля не имѣетъ законной силы, пока оно не внесено въ парламентскіе реестры; иногда, находя королевскія распоряженія несогласными съ требованіями права, или опасными для блага государства, парламенты отказывались вносить эти распоряженія въ реестръ. Иногда парламенты собственной властью отдавали приказанія по важнѣйшимъ отраслямъ полицейскаго управленія; иногда они призывали къ суду королевскихъ чиновниковъ за превышеніе власти или за какое-нибудь другое нарушеніе закона. Правительство

упорно сопротивлялось притязаніямъ парламентовъ. Отвергнутое распоряженіе короля записывалось въ реестръ насильно; приказаніе парламента по полицейскому управленію, въ случаѣ надобности, отмигивалось; обвиненные чиновники освобождались отъ судебныхъ преслѣдованій; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ парламенты принуждены были покоряться, но какъ только представлялся случай, такъ они тотчасъ начинали и съ невозмутимой стойкостью выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая кончалась торжествомъ вооруженной силы надъ вѣковыми документальными правами.

Стойкость парламентовъ основывалась преимущественно на томъ обстоятельстве, что значеніе парламентскихъ совѣтниковъ не зависѣло отъ короля. Всѣ мѣста въ парламентахъ передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, короли продавали различныя должности не только въ пожизненное, но и въ наслѣдственное владѣніе. Такимъ образомъ были проданы всѣ мѣста въ парламентахъ. Такимъ же образомъ продавались мѣста при дворѣ, въ арміи, въ лѣсномъ управленіи, въ вѣдомствѣ податныхъ сборовъ, въ городскихъ и цеховыхъ управленіяхъ. Многія должности создавались единственно для продажи; чтобы выручить за нихъ болѣе значительную сумму денегъ, правительство давало покупателямъ дворянское достоинство и уже во всякомъ случаѣ освобождало ихъ отъ многихъ тягостныхъ повинностей. Королевская власть была такимъ образомъ окружена при Людовикѣ XIV легіономъ несмѣняемыхъ чиновниковъ и цѣлыми тысячами старинныхъ правъ замкнутыхъ корпорацій, неприкосновенныхъ привилегій и разныхъ другихъ, на половину обезсмысленныхъ остатковъ и призраковъ отдаленнаго прошедшаго. Людовикъ XIV не уничтожалъ этихъ реликвій; онъ чувствовалъ, что если тронуть этотъ старый порядокъ, то придется перестраивать заново все общественное зданіе. Такая титаническая работа была ему не по силамъ и не по вкусу; не отличаясь шириною общихъ взглядовъ и не чувствуя въ себѣ призванія быть радикальнымъ реформаторомъ, онъ совершенно удовлетворялся тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старое документальное право уступало нанору его державной воли. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изворачивался мелкими средствами; онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ и, какъ человекъ практическій, вовсе не заботился о томъ, почему исполняется его воля, — потому-ли, что эта воля совпадаетъ съ принципомъ существующаго закона, или потому, что она опирается на матеріальную силу. На тѣхъ людей, которые находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ дѣйствовалъ непосредственнымъ вліяніемъ своей личности; онъ привлекалъ ихъ своей неотразимой любезностью,

или внушалъ имъ почтеніе своей поразительной величавостью: для достиженія своихъ цѣлей онъ пускалъ въ ходъ всѣ чувствительныя струны человѣческой души. Онъ эксплуатировалъ въ свою пользу тщеславіе дворянства, властолюбіе чиновничества, нетерпимость духовенства и наконецъ стремленіе къ приобрѣтенію, въ одинаковой степени свойственное аристократамъ, бюрократамъ и церковникамъ. На кого не дѣйствовали краткія ласки, на того можно было навести спасительный страхъ, и наконецъ оставались еще въ запасъ насильственные мѣры. Если въ какой-нибудь провинціи слышался ропотъ, то ропотъ этотъ умолкалъ при вступленіи въ провинцію военнаго отряда; если какой-нибудь городской магистратъ не во время вспоминалъ о своихъ неотмѣнныхъ правахъ, то въ городѣ ставились на постой войска, и магистратъ убѣждался въ томъ, что права его составляютъ анахронизмъ; наконецъ парламентскіе совѣтники и чиновники, получившіе свои должности по наслѣдству, не могли быть замѣнены другими лицами, но за то для нихъ и вообще для всякаго человѣка, изъяслявшаго притязаніе на самостоятельность, были всегда готовы въ неограниченномъ количествѣ гостепріимныя каморки Бастиліи, Венсенскаго замка и разныхъ другихъ общепользныхъ учрежденій.

Всѣми этими и многими другими средствами Людовикъ XIV пользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Его положенію завидовали и его примѣру безусловно подражали всѣ современные ему государи Европы. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ стоялъ на такой недосягаемой высотѣ, на которой слухъ его не могъ быть возмущенъ ни тихой жалобой, ни робкимъ противорѣчіемъ. Всѣ силы Франціи были въ его рукѣ и онъ расходовалъ эти силы по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Одна война быстро слѣдовала за другою: деньги и рабочія руки тратились на завоевательныя попытки, имѣвшія чисто династическій интересъ, поднимавшія на Францію оружіе почти всей остальной Европы и вслѣдствіе этого оканчивавшіяся обыкновенно неудачами и унижительными мирными трактатами. Королевская казна постоянно нуждалась въ деньгахъ, а между тѣмъ народъ постоянно платилъ такъ много что самый изобрѣтательный финансовый геній не находилъ возможности увеличивать массу налоговъ. Чтобы добывать деньги, приходилось выдумывать новыя должности и продавать ихъ частнымъ лицамъ, приходилось отдавать на откупъ всѣ отрасли частной промышленности, приходилось вводить монополіи и привилегіи во всѣ отправления народной жизни. Дошло до того, что ремесло перевозчиковъ, факельщиковъ и носильщиковъ было продано въ исключительную собственность нѣсколькимъ семействамъ. Само собою разумѣется, что монопо-

листы выручали затраченные капиталы, вытѣгивая ихъ изъ народа; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, всѣ войны Людовика XIV, всѣ его версальскіе дворцы, фонтаны и праздники всей своей тяжестью лежали на плечахъ французскихъ крестьянъ и французскихъ работниковъ, которымъ уже не на кого было сложить эту тяжесть. Голодъ и заразительныя болѣзни опустошали цѣлыя провинціи; сотни тысячъ жителей питались желудями и древесной корой, причѣмъ конечно умственное и нравственное состояніе ихъ совершенно соотвѣтствовало высотѣ ихъ матеріальнаго довольства. Въ концѣ царствованія Людовика XIV ему окончательно измѣнила даже та военная слава, которая съ незапамятныхъ временъ составляла для французовъ необходимое утѣшеніе во время неурожавъ и тяжелыхъ налоговъ. Когда исчезло это послѣднее утѣшеніе, тогда народъ понялъ, что положеніе его дѣйствительно тяжело.

III.

При такихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Людовика XV и регентство Филиппа Орлеанскаго. Регентъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ веселый и беззаботный, а король, когда выросъ и возмужалъ, сдѣлался еще веселѣе и беззаботнѣе регента. Дворъ и высшія сословія государства, подражая властелину, дышали веселостью и беззаботностью. Король былъ человѣкъ очень остроумный, и приближенные его были также по большей части люди не глупые и не лишеныя образованія; всѣ они понимали, или по крайней мѣрѣ чувствовали, что государственная машина трещитъ и расклеивается, что старому обществу приходитъ конецъ и что въ воздухѣ эпохи носятся идеи, радикально враждебныя всѣмъ средневѣковымъ учрежденіямъ и авторитетамъ. Всѣ чувствовали непрочность своего положенія, но такъ какъ положеніе само по себѣ въ данную минуту было все такъ пріятно, то они и снѣжили имъ наслаждаться, подражая мудрымъ эпикурейцамъ древности и съ полнымъ усердіемъ прогоняя всякія назойливыя мысли о завтрашнемъ днѣ и о будущемъ финансовомъ дефицитѣ. Въ эту веселую эпоху практической мудрости возникла извѣстная поговорка: «après moi le déluge» (послѣ меня хоть трава не рости); въ эту же эпоху король говорилъ съ лукавой улыбкой, что на его вѣкъ хватить, а ужъ наслѣдникъ пускай выпутывается, какъ самъ знаетъ.

Все это было очень остроумно, но все это нисколько не нравилось среднему сословію, которое постоянно поглядывало то вверхъ — на аристократію, то внизъ — на народъ, и при этомъ все о чемъ-то размышляло и весьма неодобрительно покачивало головами. Это сословіе, имѣвшее ея матеріальное обезпеченіе и свободное время для

умственныхъ занятій, было насквозь проникнуто идеями XVIII столѣтія, отвергавшими въ основныхъ принципахъ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ все міросозерцаніе средневѣковой эпохи. Средневѣковый человѣкъ за предѣлами церковнаго догмата не видѣлъ ничего, кромѣ мірской суеты, грѣховной лжи и дьявольскаго искушенія; на землю онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто изгнанія и заточенія; на всей природѣ онъ видѣлъ печать первобытнаго проклятія; себя самого онъ считалъ мерзкимъ сосудомъ всякой нечистоты; къ уму своему онъ чувствовалъ недоувѣріе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока авторитетъ католицизма оставался на высотѣ, недоступной для критической мысли. Но когда стали появляться попытки свести его съ этой высоты, и когда эти попытки стали повторяться все чаще и чаще, когда наконецъ сумма нѣсколькихъ счастливыхъ попытокъ образовала собой реформацію, тогда самые вѣрующіе католики принужденно были сознаться въ томъ, что элементъ грѣховной лжи проникъ даже въ истолкованіе церковнаго догмата; тогда исчезла граница между областью истины и областью лжи, эту границу каждому отдѣльному человѣку пришлось отыскивать силами собственнаго ума; и проклятому еретіку, и спасающемуся католику по неволѣ пришлось размышлять — сначала для того, чтобы поражать другъ друга полемическими аргументами, а черезъ нѣсколько времени уже просто потому, что размышленіе вошло въ привычку и сдѣлалось потребностью. Люди начали открывать истины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Земля завертѣлась подъ ногами такихъ людей, которые готовы были присягать и божиться, что она всегдастояла и до сихъ поръ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Солнце, которое каждый день восходитъ и садится на нашихъ глазахъ, вдругъ остановилось, или по крайней мѣрѣ было объявлено неподвижнымъ свѣтиломъ. Каждый благомыслящій человѣкъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на землѣ книзу ногами и вверхъ головой, но вдругъ обнаружилось, что земля есть шарообразное тѣло, по которому намъ или нашимъ антиподамъ приходится ходить кверху ногами, такъ, какъ мухи ходятъ по потолку. Уже однихъ этихъ открытій было совершенно достаточно для того, чтобы поставить въ тупикъ всякаго порядочнаго человѣка. Если земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то что же послѣ этого твердо и неизблемо? Если я самъ не знаю, какъ я хожу по землѣ, кверху головой, или кверху ногами, то что же я знаю? Гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Гдѣ голова, гдѣ ноги? Если меня обманываютъ зрѣніе и осязаніе, то что-же меня не обманываютъ? Существоуетъ-ли вокругъ меня что-нибудь? Существовали ли я самъ? И какъ, и зачѣмъ, и почему?

Всѣ эти вопросы кажутся намъ странными теперь, потому что мы уже привыкли къ той

мысли, что мы многого не знаемъ и что многое навсегда останется намъ неизвѣстнымъ. Мы теперь выучились терпѣливо ждать отвѣта на наши вопросы со стороны опыта и выучились вмѣстѣ съ тѣмъ, не задавать такихъ вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой опытъ. Но средневѣковые люди въ продолженіе многихъ столѣтій знали рѣшительно все, и вдругъ имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они не знаютъ рѣшительно ничего; они рѣшили всѣ вопросы, и въ одинъ прекрасный день оказалось, что всѣ ихъ рѣшенія никуда не годятся. Сотрясеніе произошло конечно такое сильное, что мыслителямъ пришлось ощущивать самихъ себя и вовсе не на шутку сомнѣваться въ собственномъ существованіи. И скептизмъ Юма, и идеализмъ Беркля, и трансцендентальный идеализмъ Канта были неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ того общаго движенія мысли, которое разрушило и стерло въ порошокъ всѣ колоссальныя построенія среднихъ вѣковъ. Проникая съ неударжимой силой во всѣ отрасли умственной дѣятельности, прокладывая себѣ новые пути по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, духъ критики и изслѣдованія создавалъ или передѣлывалъ заново философію, естествознаніе и политику. Любовь къ природѣ, уваженіе къ человѣческой личности и признаніе безусловной диктатуры человѣческаго ума сдѣлались основными элементами и руководящими принципами новаго умственнаго движенія. Во имя этихъ принциповъ стало отвергаться съ неумолимой строгостью все, что унижало и поработало человѣческую личность, и все это оказывалось несостоятельнымъ передъ судомъ человѣческаго разума.

Когда государство Людовика XV въ пѣломъ составѣ своемъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ было подвергнуто такому анализу, который не падилъ ни исторической давности, ни документальной законности, тогда все это государство передъ лицомъ анализирующей мысли оказалось безвозвратно осужденнымъ на неминуемое разрушеніе. Приговоръ теоретическаго мышленія имѣлъ въ этомъ случаѣ неотразимую силу, потому что мыслители приводили только въ научную систему или облекали въ стройную литературную форму тѣ разрозненныя идеи отрипанія которыя возбуждались въ каждомъ отдѣльномъ членѣ общества ежедневными столкновеніями съ живой дѣятельностью. Политическая тактика самого Людовика XV открывала этимъ идеямъ доступъ во всѣ сферы тогдашняго общества. Король не могъ удерживать за собою постоянный перевѣсъ надъ всѣми силами своего феодальнаго государства; у него не было ни тогоскуства, ни той настойчивости, которая обнаруживалъ во все продолженіе своего царствованія его прадѣдъ, Людовикъ XIV; не обладавъ этими личными качествами, Людовикъ XV поочередно боролся и вступалъ въ союзъ съ раз-

личными общественными силами тогдашней Франціи; сначала онъ соединился съ іезуитами прогнвъ парламентовъ, потомъ при помощи парламентовъ вступилъ въ борьбу съ вліяніемъ духовенства, а потомъ опять сдѣлался клерикаломъ для того, чтобы смирить парламенты. Когда одно изъ привилегированныхъ сословій находилось такимъ образомъ въ королевской милости, тогда другое было въ опалѣ и составляло оппозицію. Первое проникалось веселостью и беззаботностью, свойственной королю и его придворнымъ, а второе въ это время пропитывалось идеями отрицанія и, чувствуя себя обиженнымъ, старалось распространить неудовольствие въ обществѣ. Когда первое дѣлалось вторымъ, а второе первымъ, тогда веселость и беззаботность первого помрачались оппозиционными идеями отрицанія, а идеи отрицанія второго мгновенно прояснялись въ лучахъ веселости и беззаботности. Въ результатѣ оказывалось, что правительственные сословія въ совершенствѣ выучились наслаждаться жизнью и въ то же время потеряли всякое довѣріе къ своей собственной дѣятельности. Великія слова; «*apres moi le déluge*» сдѣлались девизомъ всѣхъ людей, когда либо приближавшихся къ вѣчноносной особѣ Людовика XV. Но тѣ сословія, которымъ постоянно суждено было составлять молчаливую оппозицію, не поняли великаго значенія этихъ сакраментальныхъ словъ; имъ не нравились ни веселость, ни беззаботность, ни политическая тактика короля, ни періодическая оппозиція привилегированныхъ классовъ. Имъ особенно не нравилось то, что на сторонѣ королевскій власти была вся матеріальная сила, а на сторонѣ феодальныхъ сословій все документальное право. Они спрашивали себя, на чью сторону склоняется разумъ? и отвѣчали себѣ на этотъ вопросъ, что разумъ отвергаетъ и то, и другое, и требуетъ чего-нибудь совершенно непохожаго на существующій порядокъ. Что же касается до массы простого народа, то онъ конечно не занимался теоретическими выкладками, но между тѣмъ не чувствовалъ также преобладающей наклонности къ веселости и беззаботному наслажденію. Ему казалось особенно обиднымъ то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ приходится больше работать для того, чтобы сильнѣе голодать; его смущала также та простая мысль, что въ будущемъ не предвидится ни уменьшенія налоговъ, ни увеличенія годовыхъ заработковъ. Представлялся гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? А если «быть», то какъ сводить концы съ концами? Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ представлялся людямъ, никогда не читавшимъ Шекспира и даже знакомымъ съ французской азбукой. Можно было ожидать, что они когда-нибудь рѣшатъ этотъ вопросъ довольно круто и во всякомъ случаѣ очень прямолинейно.

IV.

Важнѣйшей отраслью народнаго хозяйства во Франціи прошлаго столѣтія было земледѣліе. Изъ 25 милліоновъ жителей имъ занимались 21 милліонъ; изъ 51 милліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распаханно 35 милліоновъ. Двѣ трети этого распаханнаго пространства принадлежали крупнымъ собственникамъ, то есть церкви, дворянству и богатымъ финансистамъ и законовѣдамъ. Остальная треть составляла собственность крестьянъ и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и приносили имъ очень мало пользы. Въ сельскомъ быту встрѣчались такимъ образомъ двѣ крайности рядомъ съ обладателями сотенъ и тысячъ гектаровъ стояли владѣльцы десяти или пяти квадратныхъ сажень земли; между этими крайностями не существовало середины, не было совсѣмъ такихъ землевладѣльцевъ, которыхъ существованіе было-бы обезпечено продуктами земли и которые между тѣмъ находились-бы въ необходимости постоянно трудиться и собственноручно заниматься своимъ хозяйствомъ. Для крупнаго собственника такія занятія были невысказаны, а счастливому обладателю пяти квадратныхъ сажень надо было искать заработковъ на сторонѣ, потому что въ собственныхъ помѣстьяхъ ему не къ чему было приложить свой трудъ. Богатые землевладѣльцы перестали жить въ своихъ имѣніяхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ феодальное рыцарство превратилось въ блестящую толпу придворныхъ. Они переселились въ столицу, сгруппировались вокругъ особы короля и появлялись въ своихъ замкахъ только тогда, когда прожито было слишкомъ много денегъ, и только затѣмъ, чтобы набить потуже кошелекъ и снова ѣхать въ Парижъ, и снова платить обычную дань прелестямъ цивилизованной жизни. Земли, изъ которыхъ извлекалось содержаніе дворянскихъ кошельковъ, были раздѣлены на мелкіе участки въ 10 или въ 15 гектаровъ, и отдавались въ аренду крестьянамъ, которые были обязаны выплачивать владѣльцу половину сырого земледѣльческаго продукта. За это имъ давался отъ хозяина зерновой хлѣбъ на первое обѣщаніе полей; кромѣ того они получали также отъ хозяина рабочей скотъ и земледѣльческія орудія. Самому владѣльцу было конечно скучно возиться и разсчитываться съ мужиками, и потому онъ обыкновенно отдавалъ гуртомъ свои доходы на откупъ какому-нибудь адвокату или нотаріусу, который, какъ человѣкъ практикскій, всегда умѣлъ съ большимъ избыткомъ выручить откупную сумму и собрать обильную дань и съ земли, и съ крестьянъ, и съ самого хозяина. Крестьяне знали, что половина ихъ хлѣба неминуемо должна пойти къ владѣльцу или къ откупщику; имъ не было никакого расчета заботиться объ улучшеніи земли, и они постоянно вели спуста

рукава свое земледѣльческое хозяйство; когда надо было пахать, они нанимались въ извозъ, потому что изъ посторонняго заработка имъ ничего не приходилось отдавать хозяину; они загоняли гусей въ свои пшеничныя поля, потому что пшеница была на половину хозяйская, а гуся цѣликомъ принадлежали крестьянину *); наконецъ они старались оставлять какъ можно больше земли подъ паромъ, потому что на этой землѣ можно было кормить скотину, которая также составляла нераздѣльную собственность крестьянина.

Земледѣліе велось такимъ образомъ безъ усердія, безъ знанія, и совершенно безъ капитала. Хорошіе урожаи были невозможны: пшеница рождалась самъ-пять и самъ-шесть, а въ Англии въ то-же самое время она давала самъ-двѣнадцать. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ то время самая высокая рента Англии не превышала одной четвертой доли сырого продукта. Кромѣ того англійскіе землевладѣльцы изъ этой ренты платили церковную десятину и налогъ для бѣдныхъ, а французскіе оптиматы, отбирая въ свою пользу половину продукта, оставляли въ пользу бѣдныхъ только общественныя тягости и разнородныя повинности, отъ которыхъ высшія сословія были совершенно освобождены. Крестьяне должны были исправлять разныя обязательныя работы на господскомъ дворѣ, подъ общимъ названіемъ *соргбѣ*; они должны были выплачивать церковную десятину и они же безъ всякаго вознагражденія должны были мостить и чинить большія и проселочныя дороги. За вычетомъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей оказывалось, что крестьянинъ, бравшій на аренду 10 гектаровъ, только въ счастливый годъ могъ прокормить свою семью продуктомъ своего поля. О продажѣ хлѣба и объ удобствахъ жизни нечего было и думать. Крестьянинъ тупѣлъ отъ постоянной нужды, и хозяйство съ каждымъ годомъ велось небрежнѣе. Большія полосы пахатной земли оставались заброшенными, и поросли бурьяномъ; къ 1750 году, по словамъ Кене, около четвертой доли пахатной земли было запущено и заброшено; пространство этихъ оставленныхъ полей постоянно увеличивалось, такъ что въ 1790 году больше 9 милліоновъ гектаровъ удобной земли было превращено въ пустыню. Милліоны крестьянскихъ хижинъ стояли безъ оконъ, въ цѣлыхъ провинціяхъ народъ ходилъ босикомъ; во всякомъ случаѣ не было никакой обуви, кромѣ деревянныхъ башмаковъ. Пища состояла изъ хлѣба, изъ мучной похлебки,

и иногда изъ свиного сала; мясо и вино были почти неизвѣстны; не слѣдуетъ также обобщаться словомъ «хлѣбъ»; то, что французскій крестьянинъ называлъ хлѣбомъ, представляло мало сходства съ тѣмъ, что принято называть хлѣбомъ въ образованномъ обществѣ; крестьянскій хлѣбъ относился въ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское *patois* относилось къ языку Вольтера и Руссо; въ этотъ такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и мякина, и каштаны, и желуды, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума. Грамотность не существовала во французскихъ деревняхъ; книги или газеты были въ нихъ совершенно неизвѣстны. Проповѣдь приходскаго священника замѣняла крестьянамъ всѣ остальные источники просвѣщенія. Но сельское духовенство было почти такъ-же бѣдно и слѣдствіе этого почти такъ-же необразованно, какъ и масса прихожанъ. Религіозныя понятія крестьянъ представляли самую своеобразную мозаику, составленную изъ христіанскихъ представленій и изъ остатковъ друидизма. Пламенная и слѣпая ненависть крестьянъ къ протестантамъ представляется главнымъ и почти единственнымъ результатомъ того вліянія, которымъ сельское духовенство пользовалось въ своихъ приходахъ. Въ южной Франціи, крестьяне, благодаря своимъ пастырямъ, видѣли въ каждомъ протестантѣ опаснаго колдуна, котораго слѣдуетъ бить и убивать изъ любви къ Богу и для спасенія собственной души. О томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, за предѣлами села или прихода, крестьяне не знали ничего. Поѣздка на базаръ въ ближайшій городъ считалась путешествіемъ труднымъ и не безопаснымъ, потому что дороги находились въ первобытномъ состояніи и бродяжничество существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Если кому-нибудь изъ крестьянъ случалось отправиться въ дальній городъ на заработки, или если ему приходилось пойти въ солдаты, то онъ обыкновенно уже не возвращался на родину и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, такъ что земляки его нисколько не могли воспользоваться его житейской опытностью.

При ограниченности своихъ понятій, крестьянинъ видѣлъ въ помѣщикѣ и въ его повѣренномъ не только ближайшую, но даже единственную причину того голода и той неблагоприятной работы, изъ которыхъ состояла вся его жизнь. Крестьянинъ замѣчалъ, что помѣщикъ пріѣзжаетъ въ свой замокъ только затѣмъ, чтобы собрать побольше денегъ; пріѣздъ владѣльца сопровождался обыкновенно усиленной строгостью въ требованіи запущенныхъ недоимокъ. Ни самъ владѣлецъ, ни его повѣренный не отличались мягкостью и любезностью въ обращеніи съ простымъ народомъ. Экономическіе интересы обоихъ клас-

* Этотъ фактъ, цѣликомъ заимствованный мною у Зибеля (*Geschichte der Revolutionszeit*, Band I. 21), доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что гуся и пшеница составляли яблоко раздора между земледѣльцами и крестьянами задолго до рожденія Фета и Семена. При этомъ должно замѣтить, что гуся постоянно являются представителями демократическихъ интересовъ.

совъ населенія были діаметрально противоположны между собою; случаи мелкихъ столкновений представлялись на каждомъ шагѣ; въ понятіяхъ, въ потребностяхъ и во вкусахъ не могло быть ничего общаго; люди замка смотрѣли на хижины съ презрѣніемъ, а люди хижинъ смотрѣли на замокъ съ ненавистью и со страхомъ. «Когда крестьянину, — говоритъ Зибель, — случилось взглянуть на башни господскаго дома, то любимой мечтой его было когда нибудь съечь этотъ замокъ, въ которомъ былъ записанъ счетъ его недоимокъ.»

Провинція Анжу составляла счастливое исключеніе изъ общаго правила; въ этой провинціи крестьяне не умирали съ голоду и дворяне не были предметомъ ненависти для простаго народа. Анжуйское дворянство не увлеклось прелестями придворной жизни, не покинуло своихъ родовыхъ помѣстій и вслѣдствіе этого удержало за собою уваженіе своихъ поселянъ. Въ этой провинціи дворяне и крестьяне росли вмѣстѣ и знали другъ друга съ дѣтства; фермы переходили отъ отца къ сыну и помѣщикъ, крестившій всѣхъ дѣтей у своихъ фермеровъ, никогда не рѣшался за неаккуратность въ платежѣ или въ исполненіи повинностей прогнать съ своей земли крестьянина, выросшаго на его глазахъ и не отличавшагося особенно дурнымъ поведеніемъ. Помѣщикъ жилъ круглый годъ въ своемъ замкѣ, самъ управлялъ мѣтѣніемъ, самъ ходилъ въ поле наблюдать за ходомъ работъ, самъ вникалъ въ нужды своихъ фермеровъ, потому что разоренный фермеръ былъ бы плохимъ плательщикомъ, самъ взыскивалъ съ нихъ за несправности и самъ подавалъ имъ примѣръ дѣятельности. По праздничнымъ днямъ онъ вмѣстѣ съ крестьянами ѣздилъ на базаръ и отстаивалъ своихъ вассаловъ, когда ихъ тѣснили мелкіе чиновники. Эта патриархальная простота неизбѣжно соединялась съ патриархальной грубостью, но крестьяне ея не обижались и были очень довольны тѣмъ, что на нихъ не наваливаютъ тяжести, превышающей человѣческія силы.

Сѣверныя провинціи королевства Фландрія, Артуа, Пикардія, Нормандія и Иль-де-Франсъ) во многихъ отношеніяхъ отличались отъ другихъ частей Франціи; въ этихъ провинціяхъ крестьяне брали земли на аренду по многолѣтнимъ контрактамъ и вносили арендную плату не зерномъ, а деньгами, причемъ конечно сумма арендной платы оставалась неизмѣнной на весь срокъ контракта. Земля обрабатывалась тщательно, съ знаніемъ дѣла и съ приложеніемъ капитала. Урожай были вдвое лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства, и крестьяне, живя безбѣдно, стояли въ умственномъ отношеніи гораздо выше своихъ прочихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ тому-же сословію. Но число этихъ сравнительно счастливыхъ и просвѣщенныхъ земледѣльцевъ совершенно ис-

чезало въ общей грудѣ непроницаемаго невѣжества и безвыходной нищеты.

V.

Въ городахъ старой французской монархіи господствовала замкнутая денежная аристократія. Городскія должности, замѣщавшіяся во время среднихъ вѣковъ посредствомъ выборовъ, съ XVII столѣтія стали въ непосредственную зависимость отъ воли короля и, подобно многимъ другимъ государственнымъ должностямъ, были проданы разнымъ богатымъ людямъ въ потомственное владѣніе. Семейства, въ которыхъ такимъ образомъ попало наследственное обладаніе важными должностями, стали во главѣ городской аристократіи. Къ нимъ прикнули члены большихъ финансовыхъ компаній, откупщики косвенныхъ налоговъ, сборщики прямыхъ податей, важнѣйшіе банкиры и главные акціонеры торговыхъ обществъ, пользовавшихся различными монополіями. Этотъ кружокъ, въ который можно было попасть только по рожденію или по особому разрѣшенію правительства, съ полнымъ самовластіемъ господствовалъ на биржахъ и управлялъ движеніемъ капиталовъ во всей странѣ. Центромъ биржевыхъ спекуляцій и арендой самаго роскошнаго ажіотажа была Парижъ. Джонъ-Ло, какъ извѣстно, на вѣчныя времена обезсмертилъ свое имя той акціонерной горячкой, которую ему удалось возбудить въ Парижѣ, и чрезъ Парижъ въ цѣлой Франціи во время регентства веселаго и беззаботнаго Филиппа Орлеанскаго. Тысячи колоссальныхъ состояній возникали и исчезали въ одинъ день; бумаги переходили изъ рукъ въ руки съ невѣроятной быстротой; за приливами безграничнаго восторга слѣдовали припадки паническаго страха, и хотя дѣло кончилось тѣмъ, что Ло принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, чтобы не сдѣлаться жертвой разоренныхъ акціонеровъ, однако страсть къ биржевой игрѣ не унялась и продолжала попрежнему отвлекать капиталы отъ производительнаго приложенія, и практическіе умы — отъ полезной дѣятельности. Прелестіи игры понимали и король, и министры, и придворныя дамы, и дворянство, и духовенство, и парламенты; вѣчный финансовый дефицитъ и постоянное возрастаніе государственнаго долга наполняли и переполняли биржу бумажными цѣнностями; членамъ правительства каждый день представлялась возможность эксплуатировать въ свою пользу потребности государства и довѣріе частныхъ лицъ; и члены правительства, отличавшіеся въ то время изумительной эластичностью, нравственныхъ убѣжденій, съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовались и въ выгодами своего положенія. Парижъ до революціи не былъ фабричнымъ городомъ и оптовой торговли его была незначительна, такъ что все

его промышленное движеніе было основано на мелкой ремесленной дѣятельности и на крупной биржевой игрѣ.

Для характеристики того времени любопытно замѣтить, что тогдашніе богачи съ особеннымъ удовольствіемъ покупали пожизненныя ренты, то есть они заранѣе отнимали у своихъ наслѣдниковъ капиталъ, и за то втеченіи своей жизни получали съ своего капитала большіе проценты. Въ этомъ обстоятельстве чувствуется еще разъ вліяніе господствовавшего принципа «après moi le déluge». Тогдашніе богачи, подобно птицамъ небеснымъ, не собирали въ житницы и не заботились о завтрашнемъ днѣ, потому что завтрашній день казался имъ весьма ненадежнымъ.

Торговля и ремесленная дѣятельность во всемъ королевствѣ была подчинена строжайшему цеховому устройству. Генрихъ III произнесъ то замѣчательное сужденіе, что только король даруетъ право труда, и эти слова сдѣлались руководящимъ принципомъ французскаго правительства въ отношеніи къ ремесленному населенію королевства. Заниматься ремесломъ позволялось только тому, кто принадлежалъ къ ремесленному цеху; каждый цехъ управлялся мастерами, которые одни имѣли право принимать въ цехъ постороннія лица, а постороннее лицо, поступавшее въ цехъ, подвергалось испытанію со стороны мастеровъ, и кромѣ того должно было платить за свое принятіе и государству, и цеху, и мастерамъ. Выгода мастеровъ состояла въ томъ, чтобы удерживать за собой и за своими семействами монополію своего ремесла, потому они старались не принимать въ цехъ ни одного посторонняго лица, что имъ и удавалось въ большей части случаевъ. Часто самыя статуы цеха ограждали ихъ отъ всякихъ пришелицевъ, опредѣляя положительно, что мастерами могутъ быть только сыновья мастеровъ или вторые мужья овдовѣвшихъ мастерицъ. Такимъ образомъ столары, булочники или портные составляли такую же замкнутую аристократію, какую образовали изъ себя наслѣдственные чиновники, парламентскіе совѣтники или банкиры. Вся Франція была покрыта громадною сѣтью различныхъ аристократій, и кому не удавалось родиться въ томъ или другомъ изъ этихъ счастливыхъ кружковъ, тому почти нечего было дѣлать на земномъ шарѣ и почти нечѣмъ было отбиваться отъ голодной емерти. Ему надо было идти въ услуженіе, заниматься въ поденщики, или отдаваться въ безусловное распоряженіе мастера, который звалъ его безвыходное положеніе и слѣдовательно бралъ его въ кабалу на произвольно назначаемыхъ условіяхъ. Мужикъ, голодавшій въ деревнѣ, не находилъ себѣ облегченія и въ городѣ.

Изъ всѣхъ аристократій, отравлявшихъ жизнь французскаго пролетарія, ремесленная аристократія была, по всей вѣроятности, самую тяже-

лой; ея существованіе связывало простого чело-вѣка по рукамъ и по ногамъ и кромѣ того самымъ радикальнымъ образомъ извращало глабо-чайшія основы народнаго характера. Пролетарію приходилось чувствовать зависть и ненависть не только къ тому, кто былъ богатъ и знатенъ, но и къ своему брату бѣдняку, если только этотъ бѣднякъ имѣлъ право заниматься такой работой, которая для простого пролетарія составляла за-прещенный плодъ. Съ богатымъ и знатнымъ пролетаріемъ встрѣчался рѣдко; богатаго и знатнаго онъ видаль издала; напротивъ того, привилегированнаго бѣдняка онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, и каждая такая встрѣча растравляла его раны и подогрѣвала его враждебныя чувства. Пока пролетарій стоялъ въ тѣни, до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на его чувства и на весь складъ его характера; злоба его была смѣшна, и страданія его возбуждали только презрѣніе; не когда пролетарій подъ знаменательнымъ именемъ санкюлота въ свою очередь сдѣлался важнымъ лицомъ, тогда всплыли наверхъ всѣ чувства, посянныя въ его душѣ вѣками пора-бощенія, тогда систематически искаженный характеръ его сдѣлался двигателемъ міровыхъ событій, и тогда историкамъ пришлось ужасаться передъ тѣми результатами, которые выработала исторія въ своемъ вѣковомъ теченіи. Пролетарій явился тѣмъ, тѣмъ сдѣлалъ его весь средневѣ-ковый порядокъ вещей. Превращенный историческими обстоятельствами въ голоднаго волка, пролетарій не обнаружилъ голубиной кротости, и историки изумились и ужаснулись.

Ремесленная аристократія была, подобно чиновной аристократіи, созданіемъ королевскаго правительства; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, короли продавали цеховыя привилегіи точно такъ же, какъ они продавали общественныя должности; французскіе правители въ этомъ случаѣ дѣйствовали, какъ покупатели пожизненныхъ рентъ, или вообще какъ люди, проживающіе капиталъ. Они брали съ своего государства большіе проценты въ настоящемъ и чрезъ это готовили въ будущемъ ему и кому-нибудь изъ своихъ наслѣдниковъ неизбѣжную катастрофу.

Различныя аристократіи, выработанныя исторической жизнью, или учрежденныя волей королей, глубоко сознавали свою взаимную солидарность и ту роковую связь, въ которой находились между собой различныя камни стараго общественнаго зданія. Когда Тюрго въ 1776 году уничтожилъ замкнутые цехи, тогда со всѣхъ сторонъ поднялись яростныя вопли: парижскій парламентъ, принцы, перы, доктора правъ объявили въ одинъ голосъ, что всѣ французы, начиная отъ ступеней трона и кончая бѣднѣйшей мастерской, составляютъ и всегда должны составлять непрерывную цѣпь твердо организованныхъ корпорацій, которыхъ неирозосновенность совершенно необходима для существованія государства и ко-

торыхъ разрушеніе неминуемо повлечетъ за собой окончательную гибель всего общественнаго порядка. Противъ такихъ предвѣщаній не могъ устоять Людовикъ XVI, опасный Тюрго потерялъ министерскій портфель, и цехи были восстановлены въ прежнемъ своемъ величіи.

Фабричная промышленность со времени Кольбера пользовалась постояннымъ покровительствомъ и находилась подъ постоянной опекой центральной власти. До Кольбера Франція не производила ни тонкаго сукна, ни шелковыхъ матерій, ни стеклянныхъ издѣлій, ни мыла, ни дегтя; фабричное производство почти не существовало, такъ что Кольберу пришлось выписать мастеровыхъ изъ Германіи, изъ Швеціи и изъ Италіи. Чтобы эти иноземныя сѣмена принялись на французской почвѣ, Кольберъ взялъ на себя грудь обезпечить сбытъ фабрикуемыхъ товаровъ и защищать новорожденныя фабрики отъ иностранной конкуренціи; всѣ товары должны были производиться по назначеннымъ образцамъ; заграничные товары подвергались огромнымъ пошлинамъ; отступленіе отъ назначенныхъ образцовъ влекло за собой денежные штрафы, сожженіе изготовленныхъ товаровъ незаконной формы и часто позорныя наказанія провинившагося фабриканта. Техническія усовершенствованія сдѣлались невозможными, потому что изобрѣтательность считалась уголовнымъ преступленіемъ. При такихъ условіяхъ все развитіе мануфактурной промышленности приняло искусственное и чисто аристократическое направленіе. При Кольберѣ фабрикаціей шерстяныхъ тканей занимались 60,400 работниковъ, а выдѣлкой кружева 17,300 человекъ. Такимъ образомъ на 100 работниковъ, приготавливающихъ необходимыя вещи, приходилось больше 20 человекъ, удовлетворявшихъ требованіямъ роскоши. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кольбера мы встрѣчаемъ фактъ гораздо болѣе любопытный: оказывается, что фабрикація мыла приносила въ годъ 18 милліоновъ дохода, а производство пудры доставляло до 24 милліоновъ. Если, какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, французскій пролетарій никогда въ жизни не имѣлъ въ рукахъ куска мыла, то уже по одному этому факту можно составить себѣ понятіе объ общей высотѣ его эстетическаго развитія. Обстоятельства принуждали его быть грязнымъ циникомъ, и этотъ грязный цинизмъ въ свое время далъ себя знать всему французскому обществу и всей феодальной Европѣ. Если бы французскій пролетарій могъ умываться, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, то навѣрное не было бы ни террора 1793 г., ни завосвательныхъ шалостей великаго Наполеона.

Это можетъ показаться парадоксомъ и неумѣстной шуткой, но стоять повнимательнѣе взглянуть на дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, что тутъ парадоксальна только внѣшняя форма выраженія. А шутки тутъ и въ виду не имѣется. Кто сколько-

нибудь имѣетъ понятіе о смыслѣ событій, совершающихся во всемірной исторіи, тотъ знаетъ, что каждый голодный день пролетарія, каждая прорѣха на его рубищѣ, каждая болячка на его истомленномъ тѣлѣ составляютъ общественныя явленія колоссальной важности и ведутъ за собой такія послѣдствія, которыхъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Покровительствуя фабричной промышленности, французское правительство стѣсняло развитіе земледѣлія. Высокія таможенныя пошлины возвышали цѣну на земледѣльческія орудія и слѣдовательно принуждали массу крестьянъ работать плохими и неудобными инструментами. Сверхъ того правительство, желая искусственными средствами поддерживать въ странѣ дешевыя цѣны на хлѣбъ, для того, чтобы городскіе работники не терпѣли недостатка въ продовольствіи, запрещало вывозъ земледѣльческаго продукта за границу. Хлѣбъ былъ дѣйствительно дешевъ, вслѣдствіе этихъ распоряженій, но сельское хозяйство не имѣло возможности совершенствоваться, количество производимаго хлѣба не увеличивалось, и слѣдовательно въ общей массѣ народнаго богатства не замѣчалось никакого приращенія. Хлѣбъ былъ дешевъ, но трудъ былъ еще дешевле, такъ что рабочій человекъ все-таки продолжалъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи. За годъ до революціи, въ 1788 году, городской работникъ получалъ въ день около 26 су, а работница около 15-ти; въ 1853 году городской работникъ получалъ не менѣе 42 су, а работница не менѣе 26-ти. Въ деревнѣ рабочій день въ 1788 году стоилъ 15 су, а въ 1853 г. онъ возвысился до 25 су. До революціи было въ году по крайней мѣрѣ тридцать праздничными днями больше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы увидимъ, что фабричный работникъ стараго времени получалъ въ годъ около 350 ливровъ, между тѣмъ какъ теперь такой-же работникъ добываетъ до 630 франковъ (1 франкъ=1 ливру). Годовой заработокъ сельскаго поленщика составлялъ до революціи около 160 ливровъ, а въ наше время онъ доходитъ до 300 франковъ. Фунтъ печенаго хлѣба до 1789 года, при всѣхъ усиліяхъ правительства понизить его цѣну искусственными средствами, стоилъ въ самое дешевое время 3 су; такая цѣна держалась только въ Парижѣ, благодаря особеннымъ стараніямъ правительства и городскихъ властей, а въ провинціяхъ хлѣбъ обыкновенно стоилъ дороже; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1820 по 1840 годъ, средняя цѣна печенаго хлѣба были 17 сантимовъ за фунтъ, что равняется 3 су; а въ 1851 году фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ Парижѣ 14 сантимовъ, т. е. 2 су. Печеный хлѣбъ въ наше время такимъ образомъ оказывается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, а между тѣмъ пшеница повысилась въ цѣнѣ. Около 1780 года гектолитръ пшеницы стоилъ отъ 12 до 13 франковъ, а

около 1840 года онъ стоилъ отъ 19 до 20 франковъ.

Пониженіе цѣны на печеный хлѣбъ при возвышеніи цѣны зернового хлѣба объясняется тѣмъ, что превращеніе зерна въ муку и муки въ хлѣбъ испытало въ новѣйшее время очень значительныя усовершенствованія; теперь опредѣленное количество зернового хлѣба даетъ почти въ полтора раза больше печенаго хлѣба, чѣмъ сколько оно давало въ прошломъ столѣтіи. То количество питательнаго вещества, которое тогда терялось, вслѣдствіе несовершенства снарядовъ и неискусства рабочихъ рукъ, теперь сохраняется и приноситъ непосредственную пользу. Можно сказать безъ преувеличенія, что такого рода усовершенствованіе обогатило страну сильнѣе, чѣмъ могло бы обогатить ее открытіе неисчерпаемой золотой руды; но такія усовершенствованія возможны только тогда и тамъ, гдѣ и когда личная изобрѣтательность и промышленная дѣятельность развиваются въ массахъ вмѣстѣ съ сознаніемъ собственного достоинства. Полезныя изобрѣтенія не возникаютъ среди подавленнаго и притупленнаго народа, или если имъ даже случается возникнуть, то они не прививаются къ обыденной жизни и не приносятъ существенной пользы.

Сопоставляя цифры заработной платы съ цифрами хлѣбныхъ цѣнъ, мы видимъ, что теперешній работникъ можетъ купить почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ могъ купить работникъ временъ Людовика XVI. Точно такой-же результатъ получился-бы, если бы мы стали разсматривать цѣны другихъ съѣстныхъ припасовъ; въ отношеніи къ одеждѣ перевѣсъ настоящаго времени надъ прошедшимъ оказался-бы еще значительнѣе, потому что въ фабрикаціи тканей произведено въ послѣднее полу столѣтіе больше усовершенствованій, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли промышленности. До революціи Франція во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, а правительство ея было гораздо расточительнѣе, чѣмъ всѣ правительства, смѣнявшія другъ друга въ этой странѣ втеченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ отношеніи къ торговлѣ Франція, по вывозу и ввозу товаровъ, была въ прошломъ столѣтіи вдвое бѣднѣе, въ отношеніи къ сельскому хозяйству втрое бѣднѣе, въ отношеніи къ фабричному и ремесленному производству вчетверо бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Соображая эти обстоятельства, Зибель выводитъ заключеніе, что бюджетъ въ 500 милліоновъ составляетъ для страны въ XVIII столѣтіи такую тяжесть, какую теперь составилъ-бы бюджетъ въ 1400 милліоновъ. Финансовый дефицитъ долженъ измѣряться такимъ-же масштабомъ. Сто милліоновъ дефицита въ старой монархіи равняются 300 милліонамъ дефицита нашего времени. Встрѣчаясь съ такимъ ежегоднымъ дефицитомъ, правительство по-неволѣ должно было придти въ недоумѣніе. Государственная машина отказыва-

лась служить, и потому по-неволѣ надо было приступить за пересмотръ ея цѣлаго состава и всѣхъ отдѣльныхъ частей.

VI.

За четыре года до революціи, въ 1785 году, французское правительство собирало съ своихъ подданныхъ, прямыми и косвенными налогами, на текущіе государственные расходы 558 милліоновъ ливровъ. Кромѣ того на мѣстныхъ управленій провинцій собиралось 41 милліонъ; эта сумма расходовалась въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ она взималась, и не поступала въ государственное казначейство. Далѣе, церковь, содержащая себя до революціи совершенно независимо отъ общаго бюджета, получала 133 милліона десятинной подати и 16 милліоновъ разныхъ другихъ сборовъ. Въ пользу судебнаго сословія собиралось 29 милліоновъ; землевладѣльцы, имѣвшіе право устраивать въ своихъ земляхъ заставы, собирали на этихъ заставахъ 2½ милліона; каждая торговая сдѣлка, совершавшаяся въ помѣстьѣ, приносила землевладѣльцу опредѣленную пошлину, и сумма всѣхъ этихъ пошлинъ на всемъ пространствѣ королевства доходила втеченіи года до 37 милліоновъ. Изобрѣтательные рыцари и остроумное ихъ потомство располагали еще множествомъ другихъ замысловатыхъ способовъ эксплуатаціи. Всѣ эти способы были дозволены закономъ или по крайней мѣрѣ освящены обычаемъ; каждый изъ нихъ имѣлъ за себя неисчерпаемое количество юридическихъ и историческихъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и однако же самымъ свѣжимъ по своей убѣдительности былъ фактъ, или право, — называйте, какъ хотите, — вооруженнаго насилія. Всѣ эти способы съ блестящимъ успѣхомъ прилагались къ жизни французскаго народа до 1789 года. Вслѣдствіе этого въ общемъ результатѣ оказывалось, что кромѣ 600 милліоновъ, поступавшихъ въ государственное казначейство и въ различныя провинціальныя управленія, французскій народъ платилъ въ разныя стороны разнымъ потѣннымъ людямъ до 280 милліоновъ. Итого получается 880 милліоновъ, что, по масштабу, представленному въ концѣ предыдущей главы, равняется для настоящаго времени суммѣ въ 2400 милліоновъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что правительство Людовика-Филиппа никогда не издерживало въ годъ больше 1500 милліоновъ, и что, несмотря на то, оппозиція въ палатѣ депутатовъ и самостоятельная политическая пресса постоянно твердили министерству вплоть до февраля 1848 года о необходимости убавить расходы и сложить съ народа часть налоговъ.

Старый порядокъ въ финансовомъ отношеніи былъ для народа слишкомъ въ полтора раза

тяжелѣе администраціи іюльской монархіи, не говоря уже о томъ, что этотъ старый порядокъ парализовалъ всѣ производительныя силы народа сътѣю привилегій, монополій и запрещеній. Для народа вовсе не составляло облегченія то обстоятельство, что только двѣ трети собираемыхъ съ него денегъ шли на издержки правительства; народу было-бы легче платить правительству всѣ 880 милліоновъ и за то избавиться разъ навсегда отъ всѣхъ внутреннихъ заставъ, десятинъ, пошлинъ за продажу и покупку и отъ всѣхъ изобрѣтеній остроумнаго рыцарства. Народъ понималъ это, и потому неудовольствие его направлялось преимущественно не на центральное правительство, а на привилегированныя сословія. Народъ чувствовалъ, что его постоянно приносятъ въ жертву привилегированнымъ классамъ какъ при распредѣленіи налоговъ, такъ и при расходованіи государственныхъ суммъ. Во-первыхъ — цѣлая треть платимыхъ повинностей (280 милліоновъ) прямымъ путемъ переходила изъ рукъ работающаго пролетарія въ руки веселящагося аристократа. Во-вторыхъ — аристократы платили сполна только косвенные налоги, падающіе на предметы потребления; отъ остальныхъ налоговъ ихъ избавляло или сословное преимущество, или занимаемая должность, или какая-нибудь другая основательная причина, которую пролетарій никакъ не могъ привести въ свою пользу. Въ отношеніи къ аристократу всякій сборщикъ податей могъ быть только смиреннымъ просителемъ, а въ отношеніи къ пролетарію та-же особа была начальствомъ, которое приходилось умиловать посильными и непосильными жертвоприношеніями. Сборщикъ податей, или откупщикъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи наживалъ себѣ обыкновенно значительное состояніе, а такъ какъ всѣ эти состоянія получались все-таки изъ трудовыхъ денегъ народа, то легко сообразить, что кромя 880 милліоновъ французскій народъ платилъ еще ежегодно разными негласными путями довольно значительныя суммы, которыхъ величину нельзя опредѣлить даже круглыми цифрами. Эти сборщики и откупщики обыкновенно давали правительству займы значительныя суммы въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ; забирая такимъ образомъ свои доходы впередъ, правительство платило за нихъ большіе проценты, такъ что сборщики и откупщики, служившіе посредниками между народомъ и казначействомъ, тянули деньги и изъ народа, и изъ казначейства, разоряли по мѣрѣ силъ обѣ стороны и доводили свое собственное благосостояніе до самыхъ почтенныхъ размѣровъ. Отношенія между казначействомъ и сборщиками были до такой степени сложны, что напримѣръ въ бюджетѣ 1785 года ставятся на счетъ долги за 1781 годъ и суммы, за раныя впередъ за 1787 годъ. По всѣмъ этимъ счетамъ подводится итогъ въ 850 милліо-

новъ, а чистыхъ денегъ оказывается въ казначействѣ 327 милліоновъ. Я не берусь объяснить читателю, изъ какихъ именно элементовъ состоитъ общій итогъ въ 850 милліоновъ; этого не объясняетъ и Зибель, и вообще вопросъ этотъ имѣетъ интересъ очень спеціальный; привожу я эту цифру только для того, чтобы показать, какъ запутаны были расчеты между казначействомъ и его ближайшими агентами; вся эта запутанность конечно обращалась въ пользу сборщиковъ, которыхъ усилія постоянно направлялись къ той общей цѣли, чтобы народъ платилъ какъ можно больше, и казначейство получало какъ можно меньше.

Насколько хороша была система сбора доходовъ, настолько-же сообразно съ общественной пользой было расходование собранныхъ денегъ. На содержаніе двора полагалось по бюджету 35 милліоновъ, но тратилось до сорока, и въ эту сумму не входили расходы на королевскія охоты и путешествія, на жалованье высшихъ придворныхъ чиновниковъ и на ремонтъ королевскихъ замковъ. Военное министерство по бюджету должно было получать 114 милліоновъ, а получало 131 милліонъ; изъ этихъ денегъ 39 милліоновъ расходовалось на административную часть, 44 милліона на содержаніе солдатъ и 46 милліоновъ на жалованье офицерамъ. Въ совершенной независимости отъ соображеній министра находились личныя распоряженія короля, израсходовавшаго въ 1785 году 136 милліоновъ на «подарки придворнымъ, министру финансовъ и парламентскимъ совѣтникамъ, на уплату постороннихъ займовъ, на проценты и учеты чиновникамъ казначейства, на отпущеніе разныхъ личныхъ повинностей и на непредвидѣнные издержки всякаго рода». Въ этомъ-же году на мосты и дороги истрчено 4 милліона, на общественныя зданія меньше 2-хъ милліоновъ и на ученія и учебныя заведенія съ небольшимъ 1 милліонъ. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на эти предметы тратилось ежегодно по 59 милліоновъ, т. е. слишкомъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1785 году. Больницы и воспитательныя дома получили въ 1785 году 6 милліоновъ отъ государства, 6 милліоновъ отъ церкви, и 24 милліона собственныхъ доходовъ; въ современной Франціи благотворительныя заведенія получаютъ въ годъ до 119 милліоновъ.

Изъ всего этого видно, что старая монархія сохраняла неизмѣнную вѣрность своему феодальному происхожденію; каковы-бы ни были внутреннія противорѣчія между отдѣльными ея учрежденіями, но всѣ они съ непобѣдимой силой стремились къ тому, чтобы разорить массу и обогатить то меньшинство, для котораго существовала вся государственная машина. Но когда эта цѣль была достигнута, когда масса была разорена до послѣдней крайности, тогда стали съ

ужасающей быстротой исчезать самые источники доходов. Начались огромныя недоимки; пришлось дѣлать займы, платить большіе проценты, увеличивать платежи процентовъ дефицитъ, а потомъ замазывать дефицитъ новымъ займомъ, требовавшимъ новаго платежа процентовъ. Долгъ увеличивался вмѣстѣ съ дефицитомъ, а кредитъ уменьшался вмѣстѣ съ производительной силой страны. Министры предпринимали разныя финансовыя операціи, но такъ какъ нѣтъ такой финансовой операціи, которая изъ франка могла-бы сдѣлать лудигъ, или взять что-нибудь съ крестьянина, не имѣющаго ровно ничего, то все глубококомысліе министровъ оказывалось безсильнымъ передъ сокрушительными цифрами долговъ и ежегодныхъ дефицитовъ. Все царствованіе Людовика XVI состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ попытокъ выпутаться изъ отчаяннаго положенія финансовъ.

Изъ всѣхъ совѣтниковъ Людовика XVI одинъ Тюрго понялъ вполнѣ, что финансовую болѣзнь нельзя лечить финансовыми мѣрами, что необходимо увеличить производительную дѣятельность народа, и что причины, парализующія эту дѣятельность, заключаются въ самыхъ основаніяхъ феодальнаго государства. Распоряженія Тюрго посыпались на всѣ отрасли народной жизни. Онъ разрѣшилъ вывозъ хлѣба за границу и снялъ съ крестьянъ дорожныя повинности; онъ уничтожилъ цехи и основалъ кредитное учрежденіе подъ названіемъ учетной кассы; онъ измѣнилъ податную систему и сталъ готовить всѣхъ собственниковъ государства къ участию въ политическихъ правахъ; онъ хотѣлъ произвести сверху и постепенно тѣ реформы, которыя революціонныя собранія произвели снизу и мгновенно; но постепенность Тюрго оказалась всѣмъ привилегированнымъ классамъ, бурной и сумасбродной заносчивостью. Братъ короля, графъ Карлъ Артуа, тотъ самый, по милости котораго старшая линія Бурбоновъ въ 1830 году была окончательно лишена французскаго престола, сталъ во главѣ недовольныхъ, а недовольныя распоряженіями Тюрго были и дворъ, и вся аристократія, и духовенство, и парламенты, и цеховые мастера, и всѣ кромѣ крестьянъ и пролетаріевъ, которые въ то время еще не имѣли своего сужденія въ государственныхъ вопросахъ. Карлъ и придворные стали дѣйствовать на короля ежедневными воздыханіями о гибельныхъ преобразованіяхъ неосторожнаго министра, а другіе недовольные аристократы въ это время стали волновать народъ, чтобы показать королю, насколько дѣятельность Тюрго противна желаніямъ націи и опасна для общественнаго спокойствія. Народъ, по своей безграничной наивности, дѣйствительно сталъ шумѣть на улицахъ Парижа въ пользу тѣхъ самыхъ привилегій, которыя морили его голодомъ.

Людовику надобла вся эта тревога, и министерство Тюрго продолжалось всего полтора года; какъ только Тюрго вышелъ въ отставку, такъ воцарилась старая система управленія во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей величественной неподвижности. Неккеръ сталъ поправлять финансы займами, Каллонъ сталъ поощрять своими совѣтами придворную роскошь, говоря, что только роскошь поддерживаетъ кредитъ, а что кредитъ необходимъ для существованія государства. Неккеръ во время своего перваго министерства занялъ въ разныхъ мѣстахъ до 50 милліоновъ и наконецъ сталъ въ тушкѣ. Каллонъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что всякій кредитъ имѣетъ границы. Въ 1787 году онъ увидѣлъ передъ собой дефицитъ въ 198 милліоновъ, что составляетъ по масштабу нашего времени почти 600 милліоновъ. Покрыть этотъ дефицитъ было необходимо, а покрыть было нечѣмъ; увеличить подати не было никакой возможности; кредитъ былъ истощенъ до чиста. Тогда Каллонъ вдругъ перемѣнилъ политику и пошелъ по слѣдамъ Тюрго; началась опять скрежетъ зубовъ; противъ короля и противъ министерства зашумѣли придворные, провинціальныя дворяне, сборщики податей, суды, полицейскіе чиновники, общинныя совѣты и цеховые мастера.

Въ ряды оппозиціи попали, какъ мы видимъ, такія лица, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ имѣютъ значеніе, только какъ послушныя орудія центральной власти. Государство видимо разлагалось, потому что перестало удовлетворять существеннымъ потребностямъ общества, и во всѣхъ частяхъ своихъ оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе было въ то время уже такъ сильно, что къ нему, какъ къ высшей аппеляціонной инстанціи, обратились за разрѣшеніемъ своего спора, съ одной стороны — министерство, поневолѣ ударившееся въ прогрессъ, съ другой стороны — аристократическая оппозиція, ухватившаяся за старину со всей страстью инстинктивнаго самосохраненія и съ полнымъ сознаніемъ своего вѣкового права. Само министерство освободило прессу для того, чтобы она заклемила въ глазахъ цѣлой націи упорныхъ защитниковъ привилегій и феодальнаго быта. Парижскій парламентъ, защищавшій, подобно цеховымъ юристамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, формальную легальность аристократическихъ притязаній, потребовалъ съ своей стороны въ пику министерству, чтобы собраны были государственныя чины (*états généraux*), которыхъ Франція не видала впродолженіи двухъ столѣтій. Собраніе аристократическихъ потаблей, попытавшихся произвести реформы, не осилило этого дѣла и повторило требованіе парижскаго парламента. Между тѣмъ Калонна замѣнилъ уже Бриенъ, а Бриенна Неккеръ, но отъ этой перемѣны лицъ не перемѣнилось положеніе

финансовъ, и Неккеръ, съ удовольствіемъ изображая собой либеральнаго и просвѣщеннаго министра, ввелъ французское королевство въ новую эпоху его существованія: государственные чины были созваны къ 27 апрѣля 1789 года.

VII.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся во Франціи отъ 1789 до 1795 года, я заранѣе долженъ предупредить читателя, что онъ не найдетъ у меня описанія тѣхъ сценъ, величественныхъ или ужасныхъ, которыя происходили въ это тревожное время на площадяхъ, на улицахъ или въ залахъ національныхъ собраній. Чтобы изобразить эти сцены, надо, во-первыхъ, обладать такимъ художественнымъ талантомъ, котораго я въ себѣ не чувствую; а во вторыхъ, надо написать очень большую книгу, что совершенно неудобно по многимъ причинамъ. На этомъ основанія я постараюсь по возможности совершенно уклониться отъ рисованія историческихъ картинъ, а въ началѣ моей статьи я уже общалъ читателю уклоняться отъ біографическихъ подробностей и отъ судебныхъ приговоровъ надъ личностями и событіями. Стало-быть мнѣ остается только слѣдить за главными фазами того общественнаго движенія, о которомъ мы говоримъ; мнѣ остается выводить одну фазу изъ другой, показывать, почему движеніе приняло одно направленіе, а не другое, разсматривать общія причины, скрывающіяся за личностями выступающихъ дѣятелей и придающія этимъ личностямъ всю ихъ дѣйствительную силу; я желалъ бы представить читателю не рядъ картинъ изъ разсматриваемой нами исторической эпохи, а ландкарту, по которой онъ могъ бы ознакомиться съ мѣстными условіями, вызвавшими переворотъ и сообщавшими ему импульсъ и направленіе. Такую ландкарту, или такой анатомическій рисунокъ, можно было бы считать излишней, если-бы читающая часть нашего общества обладала большимъ запасомъ продуманныхъ и осмысленныхъ историческихъ свѣдѣній; но такъ-какъ по правдѣ сказать подобныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, ни въ большомъ, ни въ маломъ количествѣ, то я позволяю себѣ думать, что моя статья не будетъ совершенно бесполезна, и постараюсь устроить такъ, чтобы эту ландкарту особаго устройства можно было разсматривать, не проклиная составителя за сухость изложенія. Теперь мы можемъ обратиться къ собранію государственныхъ чиновъ.

Собраніе государственныхъ чиновъ, или сословій, состояло въ старой Франціи изъ представителей дворянства, духовенства и третьяго сословія (*tiers-état*), или городскихъ общинъ. Это собраніе созывалось королемъ въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда центральная власть нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія

и безъ этой поддержки не рѣшалась требовать отъ націи какихъ-нибудь необыкновенныхъ жертвованій или чрезвычайныхъ усилій. При ближайшихъ предшественникахъ Людовика XVI государственные чины не созывались ни разу, потому что Людовикъ XIV и Людовикъ XV хозяйничали въ своемъ королевствѣ совершенно безцеремонно и находили, что никакое пожертвованіе націи не можетъ быть необыкновеннымъ, и никакое усиліе не можетъ быть чрезвычайнымъ.

Когда государственные чины созывались въ былое время, тогда они разсуждали о предлагавшихся вопросахъ въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ; сообразно съ думомъ всѣхъ средневѣковыхъ учреждений, сословія оставались разьединенными даже тогда, когда обсуживали дѣла, относящіяся къ интересамъ всего государства. Въ 1789 году сословія созывались затѣмъ, чтобы спасти государство отъ банкротства; спасти государство можно было только самыми обширными реформами, и именно такихъ реформъ ожидала отъ собранія вся здравая часть общественнаго мнѣнія; на собраніе это смотрѣла вся Франція; отъ него народъ, цѣлый въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ждалъ хлѣба насущнаго, т. е. избавленія отъ тѣхъ феодальныхъ учреждений, которыя разоряли земледѣльца и ремесленника, парализируя ихъ производительный трудъ. Желанія правительства въ этомъ случаѣ не могли расходиться съ желаніями народа; правительству были необходимы реформы потому, что безъ реформъ нельзя было выпутаться изъ долговъ; безъ реформъ не на что было жить и не возможно было управлять. Реформы не нравились только духовенству, дворянству, парламентамъ, цеховымъ мастерамъ, т. е. тѣмъ людямъ, которыхъ питали и грѣли монополіи и всѣ средневѣковые порядки; только съ ихъ стороны можно было ожидать оппозиціи; эта оппозиція могла производить много шума въ залѣ тьюльерійскаго дворца, или въ аристократическомъ салонѣ, но въ общемъ голосѣ народа она совершенно терялась и переходила въ едва замѣтный ропотъ, которому нельзя было придавать никакого серьезнаго значенія. Эта оппозиція только въ томъ случаѣ могла бы сдѣлаться препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованій, когда бы она получила въ собраніи свой отдѣльный органъ. Если бы государственные чины, по старому обычаю, открыли свои засѣданія по сословіямъ, въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ, тогда можно было бы предвидѣть, что всѣ предложенія и рѣшенія третьяго сословія будутъ задерживаться, искажаться или отвергаться духовенствомъ и дворянствомъ. Слѣдовательно на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: какъ будутъ засѣдать государственные чины? Въ одномъ-ли общемъ національномъ собраніи, или въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ? Нельзя сказать, чтобы съ этимъ вопросомъ была связана судьба ожидаемыхъ преобразованій; преобразованія эти были уже неизбѣжны, потому что

ихъ необходимость сознавалась и чувствовалась всей націей; ихъ не могли уже отсрочить, ни исказить никакіе дебаты и никакіе отрицательные результаты въ подачѣ голосовъ. Но оставалось узнать, какъ произойдутъ реформы? Путемъ-ли мирныхъ преній и легальныхъ постановленій собранія, или какъ-нибудь совѣмъ иначе безъ всякой легальности и безъ малѣйшаго благообразія?

Можно было предвидѣть, что система трехъ палатъ надѣляетъ народу и правительству много хлопотъ и что при этой системѣ мудрено будетъ удержаться на путяхъ добродѣтели и легальности. Общественное мнѣніе безусловно отвергло эту систему; но правительство, отъ котораго зависѣло рѣшеніе капитальнаго вопроса, церемонилось съ аристократіей и, созывая государственные чины, не сказало ничего о томъ, какъ будутъ происходить ихъ совѣщанія. Оно опредѣляло только, что третье сословіе выставитъ вдвое больше представителей, чѣмъ выставяло два столѣтія тому назадъ. Это нововведеніе могло быть чрезвычайно важно въ случаѣ общаго собранія, потому что тогда оно упрочивало за третьимъ сословіемъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ голосовъ; но при системѣ трехъ палатъ двойное число представителей не имѣло никакого значенія, и третье сословіе оставалось совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ легальной оппозиціей духовенства и дворянства.

5-го мая 1789 года король открылъ въ Версалѣ засѣданіе государственныхъ чиновъ; онъ произнесъ рѣчь; послѣ него заговорилъ хранитель большой печати Барантенъ, и наконецъ министръ финансовъ Неккеръ; во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много добродушія, много благихъ желаній и еще больше внушительныхъ совѣтовъ, но о важнѣйшемъ вопросѣ, о томъ, какъ засѣдать государственнымъ чинамъ, не сказано ни слова. Неккеръ говорилъ три часа и отличился тѣмъ, что торжественно солгалъ передъ представителями націи насчетъ положенія финансовъ: онъ показалъ годовой дефицитъ въ 56 милліоновъ, между тѣмъ какъ со времени собранія нотаблей общество постоянно слышало о дефицитѣ въ 120 или въ 140 милліоновъ. Ложь Неккера дала ему возможность сказать, что король созвалъ государственные чины не потому, что онъ нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому, что онъ хочетъ оказать націи всякую милость. Ложь Неккера и молчаніе о существенномъ вопросѣ выходили изъ одного общаго источника, — изъ двусмысленнаго и нерѣшительнаго отношенія правительства къ націи вообще и къ представителямъ ея въ особенности. Правительство нуждалось въ деньгахъ и слѣдовательно въ реформахъ и слѣдовательно въ томъ собраніи, при содѣйствіи котораго возможно было произвести реформы; но если съ одной стороны оно нуждалось въ томъ собраніи, то съ другой стороны оно еще больше боялось его. Хорошо, если

собраніе придумаетъ такія реформы, которыя дадутъ много денегъ, и затѣмъ оставить все въ должномъ порядкѣ; а что, если оно заговоритъ о такихъ реформахъ, которыя съ должнымъ порядкомъ совѣмъ не уживаются? Что тогда дѣлать съ этимъ собраніемъ, на которое сморить вся Франція? И гдѣ останутся его реформаторскіе подвиги? И что оно считаетъ должнымъ порядкомъ? И что, если его должный порядокъ совѣмъ не похожъ на настоящей должный порядокъ? Все это были такіе вопросы, которые не могли не придти въ голову совѣтникамъ короны, и людямъ, находившимся въ ихъ положеніи, надъ этими вопросами очень стоило задуматься. Они дѣйствительно задумались, и въ этой задумчивости захватилъ ихъ день, назначенный для открытія засѣданій. Они явились передъ представителями націи, не рѣшивши въ умѣ своемъ, гдѣ заключается для нихъ настоящая опасность, — въ финансовомъ дефицитѣ, или въ ожидаемомъ всемогуществѣ созваннаго собранія. Когда Неккеръ сидѣлъ передъ пустой кассой и передъ печальными итогами предстоящихъ расходовъ, тогда онъ думалъ, что собраніе лучше дефицита; когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ собраніемъ въ 1200 человекъ и когда онъ услышалъ, какими криками восторга встрѣчаютъ и провожаютъ народъ представителей третьяго сословія, тогда онъ навѣрное подумалъ, что ужъ лучше жить съ дефицитомъ, чѣмъ съ собраніемъ. Думалъ или не думалъ Неккеръ такимъ образомъ, объ этомъ исторія молчитъ, но достоверно извѣстно то, что правительство Людовика XVI при самыхъ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ государственнымъ чинами начало бояться могущества собранія, совершенно упуская изъ виду, что именно это могущество необходимо для короля и для его министровъ, какъ единственное средство произвести реформы и реформами поправить отчаянное положеніе финансовъ.

Выслушавъ назидательныя рѣчи и не найдя въ нихъ ожидаемаго рѣшенія, сословія стали рѣшать основной вопросъ силами собственныхъ умовъ; три недѣли продолжались между ними переговоры о томъ, какъ повѣрять выборы; переговоры эти ни къ чему не повели. Неккеръ попробовалъ явиться посредникомъ между высшими сословіями, настаивавшими на отдѣльной повѣркѣ выборовъ, и депутатами общинъ, не допускавшими ничего такого, что могло-бы привести къ утвержденію трехъ-палатной системы. Но посредничество Неккера осталось безуспѣшнымъ; дворянство объявило рѣшительно, что оно само повѣрило свои выборы и уже образовало изъ себя отдѣльную палату. Увидѣвъ бесполезность переговоровъ, третье сословіе, избѣгавшее до той минуты окончательнаго разрыва съ бытовыми формами прошедшаго, сдѣлало съ своей стороны смѣлый шагъ впередъ. Къ 14 іюня оно окончило у себя повѣрку выборовъ, и въ тотъ же день

начались въ его палатѣ разсужденія о томъ, подъ какимъ именемъ оно приступить къ своей дѣятельности. Назвать себя представителями третьяго сословія было вполне легально, потому что такъ всегда дѣлалось въ старой Франціи, но поступить такимъ образомъ значило-бы отдать интересы народа въ руки дворянства и духовенства; это значило-бы подвергнуть всю Францію страшному разочарованію и поднять такую бурю народнаго гнѣва, противъ которой не устояло-бы ни собраніе государственныхъ сословій, ни верховное правительство. Объ этомъ нечего было и думать; большинство депутатовъ всѣми силами души ненавидѣло старый порядокъ, а тѣ немногіе единицы, которыя чувствовали робкое желаніе щадить остатки прошедшаго, не имѣли въ собраніи никакого вѣса и боялись обнаруживать свои тайныя влеченія. Мирабо предложилъ, чтобы депутаты третьяго сословія назвали себя представителями народа въ національномъ собраніи; эта формула давала чувствовать, что депутаты третьяго сословія не составляютъ собой полнаго національнаго собранія, но во всякомъ случаѣ служатъ представителями самой многочисленной и самой важной части націи. Сійэсъ пошелъ дальше: онъ предложилъ, чтобы третье сословіе просто и прямо объявило себя національнымъ собраніемъ. 17-го числа это предложеніе было принято, и депутаты духовенства и дворянства вслѣдствіе рѣшенія третьяго сословія оказались просто отсутствующими членами національнаго собранія. Они могли отсутствовать, сколько имъ было угодно; никто не интересовался знать причины ихъ отсутствія и никто не считалъ этого отсутствія препятствіемъ для начала работъ.

Если мы примемъ въ соображеніе, что Мирабо былъ неизмѣримо краснорѣчивѣе Сійэса, и что французы всегда были способны подкупаться краснорѣчіемъ, то побѣда Сійэса должна показаться намъ фактомъ очень выразительнымъ. Сійэсъ побѣдилъ именно потому, что предложеніе его было смѣлѣе и крайнѣе всѣхъ остальныхъ. По этому предложенію третье сословіе не только утверждало свое преобладаніе надъ остальными сословіями, но оно рѣшительно поглощало ихъ въ себя и въ сознаніи своего полновластія объявляло, что будетъ игнорировать всѣ тѣ элементы, которые осмѣлятся присвоивать себѣ отдѣльное существованіе. Не мѣшаеъ при этомъ замѣтить, что это первое собраніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ учредительнаго *) (assemblée constituante), было самымъ умѣреннымъ и консервативнымъ изъ всѣхъ

революціонныхъ собраній; кромѣ того оно было создано всего шесть недѣль тому назадъ; оно еще не знало, какъ велико его могущество и вліяніе на народъ; члены его были мало знакомы между собой; обаяніе королевской власти было еще сильно; Бастилія напоминала еще о необходимости быть осторожнымъ, и несмотря на все это, предложеніе Сійэса было принято съ восторгомъ единственно потому, что оно соответствовало простымъ требованіямъ разума и противорѣчило старой легальности.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, то изъ одного этого факта, встрѣчающагося намъ на самомъ порогѣ французской революціи, будемъ въ состояніи понять, какіе неистощимые запасы пламеннаго, безстрашнаго и безпощаднаго отрицанія накопились въ сознаніи и въ чувствѣ всего французскаго народа во время долгихъ вѣковъ безгласности и страданія. Народъ не оставался въ бездѣйствіи въ то время, когда сословія вели между собой переговоры; газеты, печатныя объявленія на стѣнахъ, рѣчи подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и въ садахъ Пале-Рояля знакомили парижанъ съ событиями дня и скрѣпляли связь ихъ съ представителями третьяго сословія; 9-го и 10-го іюля въ залу засѣданій являлись депутаціи отъ различныхъ торговыхъ и благодарили третье сословіе за то, что оно поддерживаетъ «les intérêts du peuple». А третье сословіе соображало, что если безъ всякой надобности являются десятки торговыхъ, то въ случаѣ надобности могутъ явиться тысячи работниковъ; конечно такіа соображенія не оставались безъ вліянія на ходъ совѣщаній и значительно ослабили заслуженный авторитетъ Бастиліи.

Первый декретъ національнаго собранія поставленный имъ въ тотъ самый день, когда оно приняло предложеніе Сійэса, показываетъ ясно, какое повятіе составляло себѣ третье сословіе о предѣлахъ своей власти. Собраніе объявило, что всѣ взымавшіяся до сихъ поръ подати незаконны, потому что ихъ установило правительство безъ согласія націи; къ этому рѣшенію была прибавлена оговорка, что собраніе позволяетъ продолжать взыманіе прежнихъ податей только до тѣхъ поръ, пока представители націи будутъ заниматься пересмотромъ государственныхъ учреждений; если-же собраніе, какимъ-бы то ни было образомъ, будетъ распушено, то взыманіе податей прекратится. Этотъ декретъ былъ разосланъ во всѣ провинціи, такъ что распушеніе собранія дѣйствіемъ королевской власти могло отнять у правительства всѣ денежныя средства, или въ случаѣ собранія налоговъ вооруженной силой могло повести за собой междоусобную войну и распаденіе королевства. Чѣмъ наступательнѣе дѣйствовало національное собраніе, за которымъ правительство еще не признавало этого титула, тѣмъ громче и восторженнѣе апло-

*) Его часто называютъ по-русски конституціоннымъ, но это названіе во-первыхъ—ничего не выражаетъ, потому что всякій парламентъ есть конституціонное собраніе, а во-вторыхъ—оно и невѣрно. Конституціонный по-французски—constitutionnel, а constituant—тотъ, кто организуетъ, учреждаетъ, создаетъ конституцію.

дировали посторонние зрители и слушатели, наполнявшие густыми толпами галлерей или трибуны въ залѣ засѣданій; а чѣмъ сильнѣе шумѣли галлерей, тѣмъ смѣлѣе чувствовало себя собраніе и тѣмъ несбыточнѣе казались всякія печальныя размышленія о Бастиліи.

VIII.

Невозможно было ожидать, чтобы храброе французское дворянство отступило безъ борьбы передъ завоевательными тенденціями національнаго собранія; негодованіе дворянства было очень значительно и особенно очень шумно; министры съ своей стороны находили, что депутаты третьяго сословія посягаютъ на достоинство короны; но когда зашла рѣчь о томъ, какъ поступать съ нарушителями должнаго порядка, тогда въ совѣтѣ министровъ обнаружился расколъ, и отщепенцемъ оказался тотъ самый Неккеръ, который при открытіи собранія 5-го мая, для соблюденія интересовъ короны, отважно солгалъ передъ депутатами насчетъ цифры годового дефицита. Теперь онъ заговорилъ иначе. Какъ министръ финансовъ, удрученный безденежьемъ, какъ платоническій обожатель англійской конституціи и особенно какъ большой любитель дешевой популярности, онъ рѣшился превозмочь въ себѣ антипатию къ могуществу національнаго собранія и подалъ королю совѣтъ освятить своимъ королевскимъ словомъ совершившійся фактъ, т. е. признать существованіе національнаго собранія и приказать дворянству и духовенству соединиться съ депутатами третьяго сословія. Неккеръ былъ увѣренъ, что національное собраніе во всякомъ случаѣ дастъ правительству много денегъ и устроитъ для французской націи очаровательную конституцію съ двумя палатами; имѣя въ виду такую привлекательную перспективу, можно было помириться съ тѣмъ, что на первый разъ будетъ работать только одна палата и что такимъ образомъ не будетъ соблюдена та *pondération des pouvoirs* (уравновѣшеніе властей), которая до сихъ поръ составляетъ для доктринеровъ всѣхъ націй задачу, подобную философскому камню и жизненному элексиру. Кромѣ того Неккеръ разсудилъ, что если собраніе очень сильно, то съ нимъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ ссориться и тѣмъ болѣе необходимо уступать ему съ привѣтливой улыбкой такія вещи, которыя оно по своей грубости способно взять насильно. Но остальные совѣтники короны, официальные и неофициальные, въ это время почувствовали особенно живо свое кровное родство со всѣми умиравшими привилегіями; уступка третьему сословію казалась имъ государственной измѣной, и король, въ которомъ всегда легко было возбудить сознание долга, убѣдился въ томъ, что онъ долженъ противодѣйствовать распоряженіямъ новорожденнаго національнаго собра-

нія. Начались приготовленія къ королевскому засѣданію, и 20 іюня депутаты третьяго сословія, собравшіеся для своихъ обыкновенныхъ занятій, увидѣли, что зала ихъ заперта, потому что въ ней производились эти приготовленія. Они знали по слухамъ, что королевское засѣданіе будетъ направлено противъ ихъ послѣднихъ распоряженій, и рѣшились заранѣе обязать себя къ самому энергическому сопротивленію. Отъ запертыхъ дверей залы они длинной процессіей отправились по улицамъ Версаля къ пустому дому, служившему для игры въ мячъ (*jeu de paume*), и тамъ дали клятву и подписку «не расходиться и не допускать распушенія собранія, а собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока не будетъ составлена и утверждена напрочомъ основаніи новая конституція государства». 22 числа депутатовъ, по распоряженію графа Артуа, не пустили въ *jeu de paume*, тогда они отправились засѣдать въ церковь Св. Людовика, и въ этотъ день къ нимъ присоединились 148 представителей духовенства, такъ что духовныя лица, противившіеся соединенію, остались въ меньшинствѣ. 23 числа произошло королевское засѣданіе. Король обѣщалъ самыя либеральныя реформы; завѣдываніе финансами предоставлялось сословіямъ; обременительныя подати отмѣнялись; въ юстиціи и въ военномъ вѣдомствѣ предполагалось произвести преобразованія; устраивались провинціальныя собранія, уничтожались произвольные аресты и упразднялась цензура. Обсудить всѣ эти вопросы и привести ихъ къ окончательному разрѣшенію король предоставлялъ государственнымъ сословіямъ. Разсужденія сословій должны были происходить въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ.

Рѣшительное слово королевской власти было такимъ образомъ произнесено; національному собранію приходилось существовать не только помимо королевской власти, но даже прямо наперекоръ этой волѣ. Дѣйствіе королевской рѣчи обнаружилось немедленно, какъ только Людовикъ XVI успѣлъ выйдти изъ залы. Когда оберъ-церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе короля, пригласилъ депутатовъ третьяго сословія разойтись, тогда Мирабо отвѣчалъ на это приглашеніе короткой, во очень непочтительной рѣчью, которая кончилась такъ: «идите, скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно сдвинуть отсюда только штыками». Эти слова нарушали и легальность, и этикетъ, и даже парламентскіе обычаи, потому что отъ лица собранія имѣлъ право отвѣчать только президентъ, а президентомъ былъ членъ академіи Бальи, которому конечно въ голову не пришло бы сказать важному придворному чиновнику грубость, цѣлкомъ сохранившаюся въ исторіи. Но на этомъ безчинствѣ дѣло не остановилось. Собраніе тотчасъ приняло свои мѣры для того, чтобы сдвиганіе штыками, река-

мендованное графомъ Мирабо, сдѣлалось совершенно невозможнымъ или по крайней мѣрѣ особенно затруднительнымъ. Не выходя изъ залы, оно, по предложенію Барнава, постановило рѣшеніе, что «личность каждаго изъ депутатовъ неприкосновенна», и что «всякое лицо, всякая корпорація, судъ, административное мѣсто или комиссія», которые будутъ подвергать депутата аресту, слѣдствію или суду за предложенія, совѣты, мнѣнія или рѣчи въ собраніи государственныхъ сословій, должны признаваться за людей безчестныхъ, измѣнниковъ націи и преступниковъ». Это рѣшеніе осталось бы мертвой буквой, если бы королевская власть располагала такою преданной военной силой, какая находилась въ распоряженіи генерала Бонапарте въ день 18-го брюмера; и это рѣшеніе было не пужно въ томъ случаѣ, когда собраніе было увѣрено въ поддержкѣ народа и даже въ сочувствіи солдатъ, которые въ это время, по словамъ Камилла Демулена, всѣ сдѣлались философами. Но какъ бы то ни было, это рѣшеніе, какъ громогласное выраженіе собственной храбрости, значительно возвысило энергію всего собранія. Объявивъ себя неприкосновеннымъ, оно въ самомъ дѣлѣ подумало, что ему всѣ повѣрятъ на слово, и что до него никто не посмѣетъ дотронуться.

Ходъ событій разбилъ втеченіе послѣдующихъ лѣтъ много подобныхъ иллюзій, но учредительное собраніе дѣйствительно не потеряло ни малѣйшей обиды, хотя защищалъ его конечно не декретъ о неприкосновенности депутатовъ. Защищало его преимущественно глубокое разстройство королевской арміи; каждый отдѣльный полкъ представлялъ миниатюрный портретъ феодальнаго общества; офицеры, назначавшіеся исключительно изъ дворянъ, играли роль привилегированныхъ классовъ, а солдаты изображали безправную массу народа; между офицерами и солдатами не было никакой связи, на долю первыхъ выпадали удовольствія жизни и лавры военной славы; вторымъ доставались только труды службы, палки отъ начальства, раны отъ непріятелей и подъ старость вынужденное нищенство и бродяжничество. Надежды на повышеніе по службѣ у солдата не было; привязанности къ своему дѣлу у него не могло быть, и ненависть къ старому порядку вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ была въ немъ по крайней мѣрѣ такъ же сильна, какъ и во всѣхъ другихъ непривилегированныхъ гражданахъ французскаго государства. Кромѣ того народные ораторы говорили такъ громко и такимъ простымъ языкомъ, что солдатъ слушалъ и понималъ ихъ рѣчи и пріучался смотрѣть на приближающійся переворотъ, какъ на единственное спасеніе отъ палокъ, отъ офицерскаго высокомерія и отъ безнадежно тяжелой службы. Чѣмъ ближе стоялъ полкъ къ Парижу, тѣмъ менѣе могло на него положиться ближайшее начальство и королевское

правительство. Къ этому можно прибавить, что даже многіе изъ офицеровъ, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, были увлечены идеями своего времени и считали вооруженное нападеніе на гражданъ совершенно невозможнымъ преступленіемъ.

Соображая эти обстоятельства, читатель придетъ вѣроятно къ тому заключенію, что армія, составленная изъ подобныхъ элементовъ, была гораздо опаснѣе для короля и для его министровъ, чѣмъ для непослушныхъ членовъ національнаго собранія. Въ Парижѣ народъ былъ не спокоенъ; его тревожила участь депутатовъ, и каждый день распространялись самые преувеличенные слухи о намѣреніяхъ двора и аристократіи разогнать представителей третьяго сословія и задушить всякую попытку преобразованій; считая архіепископа парижскаго однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ національнаго собранія, народъ ворвался 25 іюня въ его домъ, и отрядъ французской гвардіи, призванный для усмиренія мятежа, отказался дѣйствовать противъ народа. По случаю дороговизны хлѣба, голодный народъ ежедневно производилъ безпорядки передъ булочными, и солдаты постоянно оставались нейтральными, несмотря на приказанія и угрозы своихъ начальниковъ. Аристократическая партія при дворѣ не отказывалась однако отъ надежды направить національное собраніе на путь добродѣтели и легальности; она убѣдила короля сдѣлать еще одну энергическую попытку. Рѣшено было: призвать изъ провинцій нѣсколько свѣжихъ полковъ, не успѣвшихъ еще превратиться въ философскія школы; назначить главнокомандующимъ стараго маршала Брولли, котораго подвиги во время Семилѣтней войны должны были наполнять сердца солдатъ похвальными чувствами, несомнѣнными съ философией; уволить отъ службы Неккера за его любовь къ популярности; составить министерство изъ элементовъ строго-консервативныхъ и наконецъ поговорить тогда внушительнымъ образомъ съ версальскимъ собраніемъ и съ парижскими демагогами.

Все это было приведено въ исполненіе, заисключеніемъ послѣдней статьи: поговорить внушительнымъ образомъ не удалось ни въ Версалѣ, ни въ Парижѣ, потому что какъ только парижане узнали 12 іюля объ отставкѣ Неккера и трехъ другихъ министровъ, такъ они тотчасъ сами начали разговоръ; въ тотъ-же день тысячи ремесленниковъ разграбили нѣсколько оружейныхъ лавокъ и сожгли таможенные дома у городскихъ заставъ; войска почти вездѣ отказались сражаться противъ народа; начальники принуждены были выйти съ ними изъ города и поставить ихъ на Марсовомъ полѣ для того, чтобы они по крайней мѣрѣ не перешли на сторону возмущившихся гражданъ.

13 іюля весь Парижъ былъ во власти инсургентовъ, и для обезпеченія частной собствен-

ности въ этотъ-же день была организована національная гвардія, въ которую кромѣ горожанъ поступили сотни солдатъ французской гвардіи, рѣшительно отложившихся отъ своихъ начальниковъ и объявившихся открыто друзьями народа и врагами стараго порядка. Ратушу заняли избиратели третьяго сословія, которые уже съ первыхъ чиселъ мая постоянно собирались для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Они смѣнили городовыя власти, назначенныя самимъ королемъ, и сами составили городской совѣтъ и комитетъ безопасности, который тотчасъ дѣятельно занялся вооруженіемъ и организованіемъ національной гвардіи. Между тѣмъ движеніе въ городѣ продолжалось и усиливалось; 14 іюля народъ взялъ инвалидный домъ, нашелъ въ немъ 20 пушекъ и 28,000 ружей и, усиливши этой находкой свое вооруженіе, пошелъ на Бастилію. Она была взята приступомъ, комендантъ и офицеры перебиты, а солдаты гарнизона спасены съ большимъ трудомъ отрядомъ французской гвардіи, дѣйствовавшей заодно съ инсургентами. 15-го король явился въ національное собраніе, сказалъ, что войска отозваны изъ Парижа, обѣщалъ тотчасъ пригласить Неккера въ министерство и просилъ представителей націи успокоить волненіе въ столицѣ. 16-го депутация отъ національнаго собранія отправилась въ Парижъ, была принята съ восторгомъ и передала гражданамъ намѣренія короля; парижане такъ воодушевились, что тотчасъ безъ всякихъ формальностей въ одинъ голосъ назначили президента національнаго собранія, Вальи, — своимъ перомъ, а генерала Лафайета — начальникомъ національной гвардіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е число цѣлъ аристократической партіи, подъ предводительствомъ графа Артуа и принца Конде, отправился за границу, подавая такимъ образомъ первый сигналъ къ открытію длиннаго ряда эмиграцій. 17-го іюля король причастился святыхъ тайнъ, сдѣлалъ свое завѣщаніе и поѣхалъ въ Парижъ, подъ покровительствомъ Вальи и другихъ популярныхъ депутатовъ. Поѣздка обошлась благополучно; между королемъ и парижанами состоялось полное примиреніе, но верховная власть оказалась для короля безвозвратно потерянной. Она перешла въ руки національнаго собранія, которое однако въ значительной степени должно было раздѣлить ее съ городо-вымъ управленіемъ Парижа и съ національной гвардіей.

Парижскія событія отозвались съ изумительной быстротой и съ неотразимой силой во всѣхъ концахъ французскаго королевства. Втеченіи нѣсколькихъ дней исчезло съ лица земли все, что поддерживало старое государство. Во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія поднялись сословія, городовые магистраты, горожане, крестьяне, пролетаріи, всѣ, кто могъ найти себѣ въ революціи средство воротить старое право, завоевать по-

вое или освободиться отъ обременительной повинности, или просто вымѣстятъ зло на богатыхъ и знатныхъ баловняхъ разрушавшагося порядка вещей. Въ Бретани всѣ города назначили себѣ новые муниципалитеты и изъ королевскихъ арсеналовъ взяли оружіе для національной гвардіи. Въ Канѣ народъ взялъ приступомъ цитадель и разорилъ домъ вѣдомства солянаго налога. Королевскіе интенданты не показывались нигдѣ; парламенты не подавали признака существованія; о низшихъ судилищахъ не было ни слуха, ни духа; все, что при старомъ порядкѣ имѣло официальный санъ и величественную походку, старалось теперь скрыться отъ глазъ толпы и навсегда изгладить въ ея умѣ воспоминаніе о своемъ недавнемъ могуществѣ. Старый судъ, старая полиція, старое управленіе — все исчезло; во всѣхъ городахъ образовались для огражденія личной и имущественной безопасности гражданъ постоянные комитеты, которые, при помощи національной гвардіи, формировавшейся и вооружавшейся вездѣ чрезвычайно быстро, старались и часто успѣвали предупреждать грабежи, убійства и разныя другія быстрыя проявленія народной расправы. Национальная гвардія вооружалась всякимъ оружіемъ, какое попадалось подъ руку: ружья, пики, кинжалы, сабли — все шло въ дѣло; такъ какъ столкновеніе съ войскомъ было невозможно, потому что войско отказалось дѣйствовать противъ гражданъ, то національная гвардія своимъ солиднымъ видомъ должна была только укрощать излишнюю пылкость пламенныхъ патріотовъ, а для этой цѣли ея пестрое вооруженіе было совершенно достаточно. Конечно дѣятельность комитетовъ и національной гвардіи не могла оградить вполне безопасность гражданъ; гдѣ народу попадался сборщикъ податей, таможенный чиновникъ, нелюбимый судья или офицеръ съ аристократическими понятіями, тамъ происходило насиліе и убійство; во многихъ городахъ народъ повѣсилъ нѣсколькихъ купцовъ въ полной увѣренности, что они производятъ искусственную дороговизну хлѣба. Все это было очень недѣло, несправедливо и безобразно; но благоразумія, справедливости или изящества могъ ожидать или требовать отъ тогдашняго французскаго народа только тотъ, кто не имѣлъ понятія о средневѣковой исторіи Франціи и о томъ внутреннемъ положеніи, въ какомъ застала ее революція 1789 года. Если-бы невѣжество, нищета и угнетеніе дѣйствовали на человѣка въ ту минуту, когда онъ ихъ испытываетъ, тогда они приносили-бы нашей породѣ только незначительную долю того зла, которое приносятъ на самомъ дѣлѣ. Въ томъ то и бѣда, что невѣжество, нищета и угнетеніе отравляютъ не только настоящее, но и далекое будущее. Они не только причиняютъ человѣку страданіе, но они этими страданіями уродуютъ его умъ и характеръ: когда устранены обстоятельства, мѣшавшія развитію

развитію просвѣщенія, когда уничтожены учрежденія, стѣснявшія трудъ и разорявшія работника, когда человѣку даны человѣческія права, тогда едѣлао великое и прекрасное дѣло, но все-таки было-бы совершенно неблагоразумно ожидать, что тогда всѣ родители съ кроткой радостью пошлютъ дѣтей своихъ въ школы, что всѣ лежебоки тотчасъ примутся за работу, что всѣ пьяницы проникнутся отвращеніемъ къ кабаку и любовью къ отечеству и къ акуратности, что наконецъ всѣ люди, не знавшие до той минуты никакихъ правъ, въ одно мгновеніе поймутъ, что у нихъ есть свои права, и что слѣдовательно они должны уважать права своего сосѣда. Такихъ благодѣтельныхъ превращеній не производить никакая реформа, какъ-бы она хорошо не была задумана и съ какой-бы осторожной мудростью она не вводилась въ жизнь. Превращеніе произойдетъ, если реформа соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ людей, но произойдетъ оно не скоро; плоды благодѣтельной реформы всегда лежатъ впереди, и тѣмъ дальше отодвигаются впередъ, чѣмъ важнѣе реформа и чѣмъ упорнѣе та борьба, которую ей приходится выдержать съ укоренившимся зломъ. Можно замѣтить здѣсь мимоходомъ, что наша извѣстная теорія постепенности основана на простомъ недоразумѣніи: введенная реформа приноситъ плоды постепенно—это правда, это говоритъ самая элементарная логика здраваго смысла; но наши публицисты и мыслители, не разобравши дѣла, увидѣли только, что слова реформа и постепенно стоять рядомъ; они и связали эти два слова по своему и стали доказывать, что реформа должна вводиться въ жизнь постепенно, т. е. не въ видѣ органическаго и осмысленнаго цѣлаго, а въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, не имѣющихъ ровно никакого самостоятельнаго смысла. Зерно превращается въ растеніе не вдругъ, а постепенно: изъ этого общеизвѣстнаго факта вывели то своеобразное заключеніе, что слѣдуетъ класть гъ землю не все зерно, а сначала одинъ кусочекъ зерна, потомъ, немного погодя, другой, потомъ третій до тѣхъ поръ, пока изъ кусочковъ не составится цѣлое зерно. Можеть быть при такой методѣ сѣянія, рекомендуемой нашими публицистами, вырастетъ дѣйствительно богатая жатва. Не знаю. Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ компетентные спеціалисты.

IX.

Въ деревняхъ, гдѣ бѣдствія феодальнаго быта давали чувствовать себя всего сильнѣе, взятіе Бастили послужило знакомъ къ самому разрушительному взрыву народныхъ страстей. На сѣверѣ Франціи, тамъ, гдѣ крестьяне платили за землю деньгами и жили въ довольствѣ, отрицаніе старины выразилось въ томъ, что тотчасъ прекратились всѣ обязательныя работы, всѣ пла-

тежи десятины и всякое отправление повинностей; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне отобрали въ свою пользу ту землю, которую помещикъ обрабатывалъ для себя, но вообще жизнь мѣстнаго дворянства осталась въ безопасности, замки упѣбляли; переворотъ совершился такимъ образомъ на сѣверѣ довольно благообразно. Напротивъ того, въ центрѣ и на югѣ королевства, гдѣ народъ былъ разоренъ и голоденъ, разыгались всѣ трагическія сцены, характеризующія собой крестьянскія войны. Мужикъ тутъ еще не думалъ улучшать свой бытъ; ему хотѣлось прежде потѣшиться; у него пробудилась потребность мстить и разрушать. Въ Оверни и въ Дофинѣ крестьяне собрались сначала въ горахъ и оттуда, вооруженные всякимъ дрекольемъ, толпами спустились въ долины; замки горѣли, монастыри разрушались, дворяне истреблялись съ утонченной жестокостью въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила толпа. Въ Франшъ-Конте везульская національная гвардія попробовала остановить дѣйствія мѣстныхъ поселянъ, но поселяне разбили гвардію, загнали ее въ городъ Везуль и даже взяли приступомъ самый городъ. Въ провинціи Макоонне собралась толпа крестьянъ въ 6,000 человѣкъ; кто изъ мужиковъ не присоединился къ этой толпѣ, у того сжигали дворъ; втеченіи двухъ недѣль эти люди разграбили, разрушили и сожгли больше 70-ти дворянскихъ замковъ и убили 230 крестьянъ, не одобрившихъ ихъ движенія. Кончилось тѣмъ, что собралась національная гвардія изъ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ и разсѣяла эту толпу, разбивши ее въ настоящемъ сраженіи. Такіе же случаи, только быть можеть не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, происходили съ половиною іюля почти на всемъ пространствѣ французской территоріи; въ однихъ мѣстахъ лилась кровь, въ другихъ дѣло обходилось безъ кровопролитія, но вездѣ феодальный порядокъ исчезъ совершенно, а такъ какъ новаго горьдка еще не было, то общество, по выраженію Зибеля, вездѣ разложилось на свои естественные элементы.

Со времени взятія Бастили начинается во всей Франціи непосредственное господство народа. Национальное собраніе издаетъ законы, но его дѣятельность имѣетъ значеніе только въ той степени, въ какой она выражаетъ собой народную волю; законы, не пользующіеся сочувствіемъ народа, остаются мертвой буквой; проводить въ національномъ собраніи идеи, непопулярныя или консервативныя становится опаснымъ; пощада старины начинается считаться измѣной передъ націей; всѣмъ ходомъ событій втеченіи послѣдующихъ годовъ революціи управляютъ движенія народа, но отвѣтить на вопросъ: что такое народъ? становится довольно труднымъ. Если-бы въ половинѣ 1789 года мы могли спросить у каждаго взрослого француза отдѣльно—

чего онъ хочетъ? и если-бы было возможно расположить общественныя дѣла сообразно съ тѣмъ отвѣтомъ, который дало-бы на нашъ вопросъ большинство французскихъ гражданъ, то навѣрное получились-бы результаты, совершенно непохожіе на то, что произошло въ дѣйствительности. Навѣрное большинство не захотѣло-бы ни смерти короля, ни террора, ни республики, ни императорскихъ войнъ. Навѣрное также большинство захотѣло-бы быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ, т. е. непринужденнымъ дѣлать то, что ему не нравится. Но эти желанія всякому политику, обращающемуся къ народу посредствомъ *suffrage universel*, показали-бы навными до нелѣпости и для большинства совершенно неосуществимыми, хотя каждый человѣкъ отдѣльно лично для себя считаетъ подобныя желанія въ высшей степени скромными. Всѣ практическіе люди вообще, а политики, обращающіеся къ *suffrage universel* въ особенности, знаютъ твердо, что облагодѣтельствовать можно только избранное меньшинство и притомъ не иначе, какъ на счетъ кроткаго большинства. Большинство также знаетъ это; оно не можетъ доказать неизбѣжность этого факта экономическими выкладками и историческими примѣрами; но оно привыкло къ тому, что всегда такъ бываетъ; привычка терпѣть лишена не заглушила въ немъ потребностей, вложенныхъ природою въ каждый живой организмъ, но довела большинство до того, что оно плохо вѣритъ въ возможность когда-нибудь удовлетворять этимъ потребностямъ вполне. Бываютъ минуты, когда это привычное недовѣріе къ будущему уступаетъ мѣсто страстному взрыву надежды, но надежда не осуществляется, потому что для осуществленія ея необходимо не минутный взрывъ, а долговременная, напряженная и строго послѣдовательная дѣятельность. До сихъ поръ еще не было на свѣтѣ такого народа, въ которомъ большинство было-бы способно къ сознательной коллективной дѣятельности. За минутой надежды всегда слѣдовало горькое разочарованіе, а потомъ прежнее апатическое недовѣріе. Но кромѣ кроткаго большинства, проникнутаго непривольнымъ скептицизмомъ, въ каждомъ народѣ существуетъ обыкновенно энергическое и безпокойное меньшинство, которое ни подъ какимъ видомъ не хочетъ и даже по складу своего ума не можетъ помириться съ приговоромъ житейской мудрости, утверждающимъ, что «такъ всегда было, стало - быть такъ и быть должно». Почему должно? говорить это неугомонное меньшинство; совѣмъ не должно! Пустяки! Что люди сдѣлали, то люди могутъ пердѣлать!

Когда большинство народа относится къ своему будущему съ холодной беззаботностью привычнаго отчаянія, тогда люди меньшинства не имѣютъ вліянія ни на массу своихъ соотечествен-

никовъ, ни на общій ходъ событій, тогда событія опредѣляются въ своемъ развитіи такими случайными и мелкими причинами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ потребностями и стремленіями, съ хорошими свойствами или съ дурными страстями миллионовъ. Въ это время люди меньшинства много говорятъ и пишутъ, но на нихъ обращаютъ вниманіе только для того, чтобы преслѣдовать ихъ насмѣшками, или изъ этихъ людей вырабатываются въ такія времена неисправимые мечтатели, а въ низшихъ слояхъ общества люди такого типа легко превращаются въ энергическихъ преступниковъ, потому что неудовольствіе ихъ противъ несовершенствъ жизни выражается не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ конкретныхъ поступковъ. Когда вѣковая апатія большинства смѣняется минутнымъ пробужденіемъ лихорадочной энергіи и изступленной надежды, тогда люди меньшинства тотчасъ выдвигаются впередъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы; на нѣсколько недѣль или на нѣсколько дней они становятся оракулами и идолами толпы.

X.

Въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія съ 4 на 5 августа дворянство, соединившееся съ духовенствомъ и съ третьимъ сословіемъ послѣ взятія Бастиліи, великодушно отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, которыя въ то время опасно было предъявлять и которыми во всякомъ случаѣ невозможно было пользоваться. Декреты, изданные національнымъ собраніемъ послѣ этого ночного засѣданія, отмѣнили множество денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыми фактически уже не существовали; законодательная власть записала только на бумагѣ то, что было совершено на французской территоріи общимъ движеніемъ народа въ концѣ іюля. Отмѣнивъ феодальныя права, собраніе стало разсматривать объявленіе о правахъ чело-вѣка, представленное Лафайетомъ 11-го іюля и составившее введеніе къ новой конституціи. Идея о такомъ объявленіи была заимствована у американцевъ. Собраніе долго обсуждало проектъ Лафайета, разбирало каждый параграфъ отдѣльно, взвѣшивало каждое выраженіе и наконецъ 27-го августа утвердило окончательную редакцію, въ которой основная мысль автора осталась неизмѣнной.

Зибель—въ исторіи революціоннаго времени, и Шлоссеръ—въ исторіи XVIII столѣтія, говорятъ оба, что объявленіе о правахъ чело-вѣка было со стороны собранія дѣломъ очень неблагоприятнымъ, и что дѣйствіе этого объявленія оказалось впоследствии въ высшей степени разрушительнымъ. Читатель безъ сомнѣнія расположенъ скорѣе согласиться съ приговоромъ двухъ замѣчательныхъ историковъ, чѣмъ съ мо-

имъ личнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ за себя никакого авторитета, Несмотря на это расположеніе читателя, которое я съ своей стороны вполне понимаю и одобряю, я отважусь въ этомъ случаѣ не согласиться ни съ Зибелемъ, ни съ Шлоссеромъ. Мнѣ кажется, что оба они придаютъ слишкомъ много значенія бумажнымъ декретамъ національнаго собранія. То настроеніе умовъ, которое побуждало общество требовать объявленія о правахъ и которое заставило это общество съ восторгомъ принять произведеніе Лафайета и національнаго собранія, можетъ конечно быть названо разрушительнымъ. Но самое изданіе объявленія ничего не прибавило и не могло прибавить къ возбужденію умовъ. Оно не сказало рѣшительно ничего новаго тѣмъ французамъ, которые въ Парижѣ штурмовали Бастилію, а въ провинціяхъ разрушали феодальные замки и средневѣковыя учрежденія. Было бы странно думать, что печатная фраза, какабы она ни была задорная, можетъ развратить невинные умы тѣхъ людей, которые привыкли слушать на улицахъ такихъ ораторовъ, какъ Дантонъ и Камилъ Демуленъ, и которые кромѣ того привыкли исполнять немедленно то, о чемъ разсуждали съ ними эти господа. Политическая теорія, проведенная въ объявленіи о правахъ, была давно уже приложена къ дѣлу, и національное собраніе въ этомъ случаѣ, какъ въ отѣны феодальныхъ учрежденій, изложило только на бумагѣ то, что каждый уличный мальчишка въ Парижѣ зналъ изъ практической жизни. Объявленіе о правахъ было слѣдствіемъ и симптомомъ народнаго настроенія; пока продолжалось это народное настроеніе, сначала во всей массѣ населенія, а потомъ въ энергическомъ меньшинствѣ, до тѣхъ поръ принципы лафайетовской деклараціи воплощались въ ежедневныхъ явленіяхъ жизни; когда горячій пароксизмъ прошелъ, тогда декларація со всѣми ядовитыми съменами, которыя усматриваютъ въ ней Зибель и Шлоссеръ, оказалась такимъ же старымъ лоскутомъ бумаги, какъ большая часть изъ 2500 законовъ, изданныхъ учредительнымъ собраніемъ, и какъ множество французскихъ конституцій, возникавшихъ и погибавшихъ одна за другой. Декларация правъ была издана въ 1789 году, а спустя пятнадцать лѣтъ, благополучно царствовалъ уже императоръ Наполеонъ I, который всякія деклараціи называлъ идеологіей и который дѣйствительно имѣлъ полное основаніе презирать идеологію, потому что она не мѣшала французамъ жертвовать за его фантазіи состояніемъ и жизнью.

Гдѣ-же послѣ этого разрушительное дѣйствіе этой деклараціи? Наконецъ стоитъ только слѣдующіе вопросы: будетъ-ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или

формѣ выраженія, гораздо скромнѣе и невиннѣе тѣхъ произведеній, которыя составляли ежедневную умственную пищу французской публики. Но каждый разсудительный человѣкъ понимаетъ, что и газеты того времени только удовлетворяли существовавшимъ потребностямъ, а не создавали ихъ своимъ появленіемъ. Бриссо, Карра, Горса, Лустало, Демуленъ, Фреронъ, Мара были очень яркими значками своей эпохи, но не они создали эпоху, а напротивъ того эпоха произвела на свѣтъ ихъ литературное и политическое направленіе.

Въ общемъ результатъ можно сказать, что объявленіе о правахъ человѣка было такой же вѣвѣской революціи, какъ и знаменитая трехцвѣтная кокарда, которой Франція обязана тому же генералу Лафайету. Французы, по складу своего ума и по особенностямъ своего національнаго характера, чрезвычайно любятъ всякіе «вещественные знаки» и потому они ухватились обѣими руками и за декларацію, и за кокарду, и придали тому и другому какое-то мистическое значеніе; старые наполеоновскіе солдаты, какъ извѣстно, плакали и ругались, когда имъ приходилось снимать съ киверовъ трехцвѣтную кокарду и прикрѣплять бѣлую; они продолжали дорожить вѣвѣской, когда идея давно уже улетучилась. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности увѣрять читателя въ томъ, что ни пестрота кокарды, ни изящные періоды деклараціи не имѣли никакого вліянія на развитіе революціи. Агитаторы могли порой ссылаться на тотъ или другой параграфъ деклараціи, но если бы декларація вовсе не существовала, тогда эти агитаторы стали бы только подробно развѣивать въ своихъ рѣчахъ или статьяхъ тѣ принципы, на которые они при составленіи деклараціи могли просто указывать. Да и наконецъ надо помнить, что эти принципы были уже тогда общимъ умственнымъ достояніемъ массъ. Декларация повторила еще разъ то, что уже было всѣмъ извѣстно и затвержено наизусть. Народъ желалъ только, чтобы собраніе произнесло ту мысль, которая нравится ему, народу, точно такъ же, какъ онъ желалъ потомъ, чтобы собраніе принимало участіе въ той или другой патриотической процессіи. Это пристрастіе къ знаменательнымъ штучкамъ составляетъ очень любопытную черту французскаго національнаго характера, и историкъ безъ сомнѣнія долженъ ее отмѣтить и принять въ соображеніе. Но это пристрастіе дѣйствуетъ разумѣется только на декоративную сторону событій, а не на общее ихъ направленіе, которое всегда зависитъ отъ общихъ и великихъ причинъ.

Окончивъ обсужденіе деклараціи, національное собраніе стало разсматривать основныя положенія будущей конституціи. На очереди стояли слѣдующіе вопросы: будетъ-ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или

иѣсколькимъ? будутъ-ли промежутки между засѣданіями законодательнаго корпуса? будетъ-ли король имѣть участіе въ законодательной власти? зависитъ-ли отъ короля утвердить или отвергнуть статьи той конституціи, которая вырабатывается теперешнимъ національнымъ собраніемъ? Всѣ эти вопросы, послѣ болѣе или менѣе предолжительныхъ и упорныхъ преній, были рѣшены въ такомъ смыслѣ, что надежды Неккера пересадить на французскую землю англійскую конституцію оказались совершенно несбыточными мечтами. Законодательная власть была предоставлена одному собранію выборныхъ депутатовъ. Промежутковъ между его засѣданіями не допускалось. Король долженъ былъ безусловно принять составленную конституцію. Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти послѣующихъ собраній былъ рѣшенъ посредствомъ компромисса между требованіями лѣвой стороны и желаніями монархистовъ. Положили, что король можетъ отсрочивать предлагаемый законъ, но что онъ обязанъ утвердить его, если два слѣдующія собранія также признаютъ отсроченный законъ необходимымъ.

Пока національное собраніе разсуждало въ Версалѣ о высшихъ вопросахъ философской политики и государственнаго права, простой народъ въ Парижѣ былъ одержимъ двумя такими заботами, которыхъ конечно не могла устранить въ данную минуту никакая конституціонная система. Во-первыхъ—народу мерещились вездѣ заговоры аристократовъ; во-вторыхъ,—хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ былъ увѣренъ, что дороговизну производятъ купцы, которыхъ слѣдуетъ перевѣшать. Каждый день разыгрывались на эти двѣ неистощимыя темы самыя разнообразныя траги-комедіи; общія основы этихъ эпизодовъ тогдашней уличной жизни проникнуты глубокимъ трагизмомъ: гнетущая бѣдность народа и непобѣдимое недовѣріе его ко всему, что держитъ въ рукахъ общественную власть, лежать въ основаніи ежеди вныхъ парижскихъ событий; развязка этихъ событий была обыкновенно ужасна, но тотъ отдѣльный поводъ, который въ одну минуту поднималъ дѣльную бурю, та народная логика, которая обнаруживалась въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ толпы, были обыкновенно нелѣпы до крайнихъ предѣловъ смѣшного. Не было того слуха, не было той басни, которые не подхватывались бы массою и не облетали бы въ одну минуту цѣлыя кварталы, если только этотъ слухъ и эта басня попадали въ тонъ господствующему настроенію, т. е. если они говорили о коварствѣ двора и корыстолюбіи барышниковъ, или объ ошибкахъ городского управленія. Городско управленіе съ половины іюля находилось въ рукахъ избирателей, т. е. имущихъ гражданъ столицы; они назначали посредствомъ выборовъ большой контролирующей совѣтъ изъ трехъ-сотъ членовъ; а этотъ совѣтъ

выбралъ изъ среды себя городской совѣтъ въ шестьдесятъ членовъ, который, подъ предѣтельствомъ выборнаго мэра, сталъ заниматься текущими дѣлами управленія. Мэрѣмъ былъ сдѣланъ, какъ я уже говорилъ, президентъ національнаго собранія Балли, человекъ пользовавшійся популярностью и уваженіемъ. Избиратели и члены городского управленія дѣйствовали заодно съ народомъ при штурмѣ Бастиліи и вообще при борьбѣ съ старымъ правительствомъ; но когда третье сословіе одержало рѣшительную побѣду въ собраніи, въ столицѣ и во всемъ государствѣ, когда предводители вооруженной уличной оппозиціи въ свою очередь сдѣлались начальствомъ, тогда между новымъ начальствомъ и народомъ тотчасъ начались неудовольствія. Начальство, какъ начальство, старалось водворить порядокъ, но такъ какъ порядокъ, при разгоряченномъ состояніи умовъ, при застоѣ всѣхъ работъ и при всеобщей нищетѣ, былъ рѣшительно невозможенъ, то популярность новаго начальства утратилась въ первые же дни его господства среди безплодныхъ попытокъ укротить народную тревогу. Пролетарій увидѣлъ съ наивнымъ изумленіемъ и съ комическимъ или вѣрнѣе опять-таки траги-комическимъ гнѣвомъ, что побѣда третьяго сословія къ нему, пролетарію, совсѣмъ не относится, и что всякія политическія права существуютъ и имѣютъ значеніе только для людей состоятельныхъ, т. е. для тѣхъ людей, которымъ при всякомъ порядкѣ вещей живется не совсѣмъ плохо. Пролетарій, несмотря на свою неразвитость, или, какъ говорятъ другіе писатели, по причинѣ своей неразвитости, смекнулъ въ одну минуту, что кромѣ родовой аристократіи есть еще аристократія денежная, и что этой послѣдней аристократіи онъ, пролетарій, доставилъ надъ первой полную побѣду, отъ которой ему, пролетарію, не досталось ничего, кромѣ горячихъ подзатыльниковъ. Избиратели третьяго сословія, одержавшіе побѣду и овладѣвшіе городской властью, находили, что это превосходно, и Балли говорилъ: «превосходно», и Лафайетъ съ національной гвардіей говорилъ: «превосходно», но пролетарій, опять-таки по своей неразвитости, совсѣмъ не могъ взять въ толкъ, что тутъ превосходнаго? Но такъ какъ начальству толковать съ пролетаріемъ было некогда и такъ какъ кромѣ того не было надежды, чтобы они до чего-нибудь могли дотолковаться, то городскія власти и національная гвардія, состоявшая изъ имущихъ горожанъ, въ августѣ и въ сентябрѣ стали дѣйствовать противъ демократической прессы и противъ уличныхъ ораторовъ, которымъ они весьма горячо сочувствовали въ іюнѣ и въ іюлѣ, т. е. тогда, когда они еще не были городскими властями и національными гвардейцами. Начальственные распоряженія городскихъ властей повели только къ тому результату, что простой народъ, про-

клинавшій до того времени аристократовъ и барышниковъ, сталъ проклинать еще и буржуазію и сталъ ненавидѣть послѣднюю тѣмъ сильнѣе, что до того времени онъ считалъ ее своей естественной союзницей и будущей спасительницей. Однимъ предметомъ ненависти у пролетарія стало больше, и это обстоятельство не содѣйствовало ни къ просвѣщенію его ума, ни къ смягченію его характера.

Положеніе буржуазіи вообще и городскихъ властей въ особенности было затруднительно и тяжело до послѣдней степени. Буржуазія могла ежеминутно ожидать, что народъ обратится противъ собственности съ той же разрушительной энергіей, съ какой буржуазія обратилась противъ аристократическихъ привилегій породы. Городскимъ властямъ приходилось еще круче: имъ надо было, во что бы то ни стало, добывать для Парижа достаточное количество продовольствія: годъ былъ неурожайный; провинція и города удерживали свои запасы хлѣба для самихъ себя, надо было закупать большія партіи хлѣба за границей по дорогой цѣнѣ, потомъ давать бѣднякамъ деньги, чтобы имъ было на что купить себѣ хлѣба. Послѣдняя часть программы была необходима, потому что при началѣ волнений большая часть ремесленныхъ заведеній Парижа закрылась; капиталы попрятались; роскошь сдѣлалась опасной, а такъ какъ промышленность Парижа была основана преимущественно на удовлетвореніи требованіямъ аристократической роскоши, то огромное число работниковъ осталось на улицѣ, безъ хлѣба и безъ занятій. Городскія власти придумали открыть общественныя мастерскія; тысячи пролетаріевъ стали стекаться въ нихъ въ тотъ день, когда раздавалась недѣльная плата, и только сотни приходили работать. Слухи о легкихъ заработкахъ разнеслись по окрестностямъ, и Парижъ сталъ наполняться тысячами пришлаго населенія, такъ что чѣмъ больше городскія власти старались объ устраненіи голода, тѣмъ труднѣе становилась ихъ задача. Средства городской казны были совершенно недостаточны для того, чтобы кормить все бѣдное населеніе Парижа; но Балли объявилъ Неккеру, что если въ Парижѣ хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, то изъ этого получится новая революція; стало-быть пусть Неккеръ беретъ денегъ, откуда хочеть, и пусть прокармливаетъ этими деньгами Парижъ. Дѣлать было нечего, Неккеръ доставалъ денегъ, и одинъ миллионъ за другимъ исчезалъ въ парижскихъ желудкахъ. Новой революціи не произошло, но спокойствіе не возстановлялось; пролетаріи хотѣли, чтобы имъ было хорошо, а имъ все-таки было дурно, хотя городъ и государство раззорялись на покупку хлѣба для ихъ продовольствія; надежда на лучшее была пробуждена, и нужно было много передрагъ для того, чтобы надежда эта опять заглохла, и все-таки она можетъ заглохнуть только на время,

и періодическія пробужденія ея всегда будутъ сопровождаться страшными потрясеніями, до тѣхъ поръ, пока люди не захотятъ и не сьумѣютъ осуществить ее тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ началѣ октября народъ вообразилъ себѣ, что дороговизна прекратится, и что всѣ его дѣла пойдутъ превосходно, если онъ убѣдитъ или заставитъ короля и національное собраніе переѣхать изъ Версаля въ Парижъ; какими соображеніями руководствовался тутъ самъ народъ, этого отгадать невозможно, потому что у него была своя собственная логика; но тѣ люди, которые натолкнули народъ на эту идею, имѣли свои причины желать присутствія короля въ Парижѣ. Городское управленіе съ наслажденіемъ думало о королевскихъ суммахъ (liste civile), которыя король, послѣ пріѣзда въ Парижъ, по волѣ долженъ будетъ отдавать на продовольствіе города для поддержанія спокойствія. Лафайетъ понималъ, что начальникъ парижской національной гвардіи будетъ господствовать надъ королемъ и надъ собраніемъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго кліенты интриговали во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія, хотѣлъ посредствомъ популярности добыть себѣ регентство, а со временемъ можетъ быть и корону; ему не хотѣлось, чтобы король пріѣхалъ въ Парижъ, но онъ желалъ, чтобы народъ, отправившись за королемъ въ Версаль, заставилъ его бѣжать оттуда куда-нибудь подальше; его-бы не огорчило также то обстоятельство, если-бы король и дофинъ погибли въ мятежѣ. Словомъ, съ разныхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ обнаружилось въ различныхъ коноводахъ желаніе натравить народъ на Версаль, а народъ, по своему обыкновенію, разыгралъ роль увѣситаго орудія. 5-го октября совершилось нашествіе народа на королевскую резиденцію, а 6-го короля и его семейство привели въ Парижъ. Я говорю, что его привезли, потому что тутъ о свободномъ актѣ воли его не могло быть и рѣчи. Съ минуты своего отъѣзда изъ Версаля до самой своей смерти Людовикъ XVI постоянно находился въ плѣну и въ опасности. 19 октября національное собраніе также переѣхало въ Парижъ.

XI.

Ни побѣда третьяго сословія въ національномъ собраніи, ни волненія пролетаріевъ въ Парижѣ, ни возстанія крестьянъ во всѣхъ провинціяхъ государства не могли содѣйствовать управленію финансовъ. Бѣдность французскаго народа и велѣдствіе этого бѣдность государства, прямымъ или косвеннымъ образомъ, составляетъ основу всѣхъ трагическихъ событій французской революціи. Непосредственная нужда въ денежныхъ средствахъ, нужда, не терпящая отлагательства, постоянно вовлекала всѣ различныя министерства и законодательныя со-

брація революціонной эпохи въ такія финансовыя и политическія мѣры, которыя немедленно вели за собой безчисленныя затрудненія и complicации. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей и эмансипація всѣхъ различныхъ отраслей труда непременно должны были современемъ удвоить и утроить массу народнаго богатства, но послѣдствія этихъ преобразованій могли обозначиться не раньше, какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ пролетарію хотѣлось ѣсть сегодня, а правительству необходимо были деньги на текущіе расходы; надо было дѣйствовать такъ или иначе, чтобы выпутываться изъ ежедневныхъ затрудненій.

10 октября епископъ отенскій, знаменитый Талейранъ, предложилъ въ національномъ собраніи воспользоваться церковными имуществами для потребностей государства. 12 октября Мирабо предложилъ обвинить церковныя имущества собственностью націи. 2 ноября національное собраніе приняло предложеніе Мирабо. Отбирая въ свою пользу имѣнія духовенства, государство вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя обязанность оплачивать расходы богослуженія и выдавать жалованье священникамъ. Вся эта операція казалась чрезвычайно выгодной по слѣдующему расчету: имѣнія духовенства приносили ему до 70 милліоновъ годового дохода, а доходъ съ поземельной собственности въ то время равнялся обыкновенно во Франціи одной тридцать-третьей части продажной цѣны; слѣдовательно, помножая 70 на 33, мы получаемъ цифру 2310, и такимъ образомъ оказывается, что продажей церковныхъ имуществъ можно выручить сумму въ 2310 милліоновъ. Эту сумму слѣдуетъ употребить на выкупъ шести-процентныхъ и семи-процентныхъ государственныхъ бумагъ; когда это выкупъ будетъ произведенъ, тогда государство освободится отъ 150 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; если изъ этихъ остающихся въ экономіи 150 милліоновъ, государство будетъ употреблять на содержаніе церкви даже 100 милліоновъ, то все-таки государство будетъ имѣть каждый годъ 50 милліоновъ чистаго барыша.

Цифры были заманчивы, но расчетъ былъ невѣренъ въ основаніи. Во-первыхъ—въ общую сумму доходовъ, равнявшуюся 70 милліонамъ, входили доходы съ имѣній мальтійскаго ордена и съ имуществъ, принадлежавшихъ школамъ и госпиталямъ; за исключеніемъ этихъ имѣній и имуществъ, которыя, по мнѣнію всего собранія, должны были оставаться неприкосновенными, церковныя имущества давали не 70, а 50 милліоновъ дохода. Во-вторыхъ—не всѣ церковныя имущества состояли въ поземельныхъ владѣніяхъ; у духовенства было много городскихъ домовъ, государственныхъ бумагъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ; всѣ эти предметы не могли принести при продажѣ сумму, равняв-

шуюся тридцати тремъ годовымъ доходамъ. Кромѣ того продажа огромныхъ поземельныхъ владѣній неизбежно должна была понизить цѣну на земли, потому предложеніе непременно оказалось бы сильнѣе запроса. Стало-быть даже для земель духовенства нельзя было рассчитывать на ту продажную цѣну, которая въ то время давалась во Франціи при нормальныхъ условіяхъ продажи. На основаніи этихъ соображеній, надо было вмѣсто цифры 33 поставить цифру 25, а такъ какъ и другой множитель 70 понизился до 50, то и произведеніе окажется не 2310, а всего только 1250. Получивши такимъ образомъ отъ продажи церковныхъ имуществъ 1,250 милліоновъ, можно было освободить государство только отъ 80 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; стало-быть, чтобы получить отъ всей этой колоссальной операціи барышъ, надо было устроить такъ, чтобы содержаніе церкви стоило въ годъ меньше 80 милліоновъ. Но устроить это, не измѣняя внутреннихъ учрежденій церковнаго управленія, было невозможно. Крайняя лѣвая сторона собранія и радикалы въ обществѣ и въ народѣ радовались этой необходимости внести волю націи въ церковныя учрежденія. Но легко можно было предвидѣть, что столкновеніе законодательной власти съ древними статутами католической церкви приведетъ въ волненіе всѣ клерикальныя инстинкты страны. Инстинкты эти не были достаточно сильны для того, чтобы одержать перевѣсъ надъ революціоннымъ движеніемъ, но, при крайней необразованности сельскаго населенія, они легко могли выразиться въ противуреволюціонныхъ возстапіяхъ, могли положить основаніе междуособной войнѣ и послужить современемъ исходной точкой для будущей католической реакціи.

Надъ подобной перспективой государственные люди учредительнаго собранія могли бы задуматься, если бы вообще они имѣли возможность сдѣлать свободный выборъ; но именно свободо-наго-го выбора у нихъ и не было; оставить государство безъ денегъ было невозможно; стало-быть надо было продавать церковныя имущества и утѣшать себя тѣмъ, что утро вечера мудренѣе, и что когда представится затрудненіе, тогда можно будетъ придумать какую-нибудь спасительную мѣру.

Поддерживая 12 октября свое предложеніе о церковныхъ имуществахъ, Мирабо дѣйствовалъ подъ влияніемъ своихъ особенныхъ расчетовъ, которыми онъ до поры до времени не считалъ нужнымъ дѣлиться съ остальными членами учредительнаго собранія. Онъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ дворомъ, получалъ отъ него деньги, старался усилить правительство и имѣлъ въ виду стать во главѣ министерства, или по крайней мѣрѣ сдѣлаться его руководителемъ. Много и часто было говорено о томъ, что Мирабо продалъ свои убѣжденія и измѣнилъ на-

родному дѣлу; если негодующіе противъ него историки имѣютъ въ виду его личный характеръ, то я конечно не стану его оправдывать и даже не возьму на себя труда объяснять его поступки, потому что мнѣ въ этой статьѣ до отдѣльных личностей имѣть никакого дѣла. Принимая деньги отъ двора, Мирабо поступалъ во всякомъ случаѣ какъ взяточникъ, причемъ конечно, величина взятки соответствовала силѣ его ораторскаго таланта и могуществу его популярности. Но о продажѣ убѣжденных и объ измѣнѣ народному дѣлу здѣсь не можетъ быть и рѣчи: Мирабо съ начала до конца своей дѣятельности оставался вѣренъ себѣ; онъ никогда не поворачивалъ назадъ, а онъ просто, дойдя до извѣстной точки, сказалъ, что дальше идти не слѣдуетъ; сказалъ не потому, что былъ подкупленъ, а потому что всегда считалъ эту извѣстную точку тѣмъ предѣломъ, на которомъ должно остановиться.

Этотъ фактъ важенъ и любопытенъ для насъ, потому что Мирабо является самымъ даровитымъ представителемъ и самымъ крупнымъ воплощеніемъ тѣхъ идей и стремленій, которыя, выдвинувшись впередъ въ самомъ началѣ революціи, скоро должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе яркимъ и рѣзко обозначеннымъ направленіямъ. Политическая программа Мирабо осталась невыполненной не потому, что его личность перестала пользоваться довѣріемъ честныхъ гражданъ, а потому, что требованія партій и массы, еще неутомленныхъ революціонной борьбой, были въ то время безпредѣльно широки; ихъ не могла ни примирить, ни удовлетворить никакая отдѣльная система. Въ перепискѣ своей съ графомъ Ламаркомъ, довѣреннымъ лицомъ королевы, Мирабо развиваетъ свои политическія убѣжденія, стараясь доказать королю и его приближеннымъ, что, только дѣйствуя сообразно съ этими убѣжденіями, можно спасти государство отъ окончательной катастрофы. Въ этихъ письмахъ, посредствомъ которыхъ Мирабо велъ свои переговоры съ дворомъ, очевидно должно было бы выразиться съ полной рельефностью отступничество Мирабо отъ интересовъ народа, если бы только это отступничество вообще когда-нибудь существовало. Но Мирабо разсуждаетъ здѣсь о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ разсуждалъ о нихъ всегда и вездѣ. Онъ конституціонную монархію считаетъ лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ системъ, причемъ онъ однако придаетъ особенную важность не внѣшнимъ формамъ управленія, а тѣмъ основнымъ началамъ, которыхъ держится правительство въ своихъ отношеніяхъ къ народной жизни; онъ хочетъ, чтобы не было частныхъ привилегій, чтобы трудъ оставался свободнымъ отъ помѣщичьяго и цехового гнета, чтобы капиталъ былъ освобожденъ отъ монополіи столичной биржи, чтобы судопроизводство не находилось въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и отъ парламентскихъ

фамилій, чтобы государственные финансы не разстраивались придворными прихотями, чтобы національное единство не ослаблялось внутренними таможенными и провинціальными привилегіями. Словомъ, онъ хочетъ, чтобы правительство было сильно и популярно, т. е. чтобы оно пользовалось своей силой только для народного блага; для этого онъ находитъ необходимымъ, чтобы король былъ независимъ отъ фантазій парижскаго пролетаріата, но чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно и добросовѣстно, заодно съ національнымъ собраніемъ и чтобы онъ былъ связанъ съ этимъ собраніемъ самымъ неразрывнымъ союзомъ. Фактическую возможность такого союза Мирабо видитъ въ томъ, что совѣтниками короны должны быть постоянно самые вліятельные предводители парламентскаго большинства. Такъ какъ Мирабо никогда не стремился къ республикѣ и такъ какъ онъ всегда пользовался волненіями пролетаріата только какъ орудіемъ противъ феодальной оппозиціи, то въ письмахъ своихъ къ графу Ламарку онъ остается совершенно вѣренъ политическимъ идеямъ всей жизни.

Чтобы привести эти идеи къ осуществленію, ему дѣйствительно необходимо было быть министромъ. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, въ то время была неисполнима даже для него, но уже всякому другому человѣку за нее нечего было и браться. Чтобы заранѣе избавить свое будущее министерство отъ гнетущаго безденежья, Мирабо пустилъ въ ходъ предложеніе о церковныхъ имуществахъ. Какъ только предложеніе это было принято, такъ Мирабо тотчасъ двинулъ впередъ рядъ новыхъ проектовъ. Онъ предложилъ обезпечить спокойствіе Парижа закупкой большихъ запасовъ хлѣба, поручить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому вѣдомству, независимому отъ министерства финансовъ, дозволить этому вѣдомству пустить въ обращеніе кредитные билеты, обезпеченные церковными имуществами, и наконецъ представить министрамъ короля совѣщательный голосъ въ національномъ собраніи. Последнее предложеніе, которое Мирабо дѣлалъ уже одинъ разъ въ концѣ сентября, прямо клонилось къ министерской кандидатурѣ самого оратора. Но въ собраніи господствовало такое настроеніе отдѣльныхъ партій, при которомъ составленіе сильнаго министерства было совершенно невозможно. Можетъ быть такое министерство было-бы чрезвычайно благотѣльно для Франціи, если бы оно составилось и начало дѣйствовать, но вся бѣда заключалась въ томъ, что оно не могло при тогдашнихъ обстоятельствахъ ни составиться, ни удержаться. Оппозиція противъ правительства была безконечно сильна и въ національномъ собраніи, и на улицахъ, и въ провинціяхъ; въ оппозиціи собранія соединялись самые разнообразные элементы, которые только въ оппозиціи и могли соединиться между собой, потому что

всѣ были недовольны настоящимъ и между тѣмъ всѣ хотѣли совершенно различныхъ вещей въ будущемъ. Республиканцы крайней лѣвой стороны и аристократы крайней правой стороны сходились между собой на томъ пунктѣ, что Мирабо не долженъ быть министромъ; и тѣ, и другіе хотѣли, чтобы правительство было слабо, потому что и тѣ, и другіе хотѣли произвести переворотъ въ свою пользу, а между тѣмъ въ то время еще ни тѣ, ни другіе не были въ силахъ образовать правительство изъ самихъ себя. Что же касается до умѣренныхъ членовъ собранія, то между ними господствовало личное влияние Неккера и Лафайета, которые видѣли въ Мирабо опаснаго соперника, способнаго отнять у нихъ могущество и затмить ихъ популярность.

Изъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ партій и кружковъ составлялось въ общей сложности огромное большинство, и собраніе отвѣчало на предложеніе Мирабо такимъ объявленіемъ, которое попало не въ бровь, а въ глазъ; оно объявило 7 ноября, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть членомъ министерства. Весь политическій планъ Мирабо разрушился окончательно; остались только предложенія его насчетъ церковныхъ имуществъ и на счетъ покупки хлѣба для Парижа; и то, и другое было необходимо во всякомъ случаѣ и не зависѣло ни отъ какихъ политическихъ комбинацій. Втеченіи всей зимы, съ 1789 на 1790 годъ, различные комитеты учредительнаго собранія изучили во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ. 19 декабря собраніе рѣшило, что слѣдуетъ на первый разъ продать изъ нихъ на сумму 400 милліоновъ. 6 февраля, выслушавъ докладъ своего комитета, собраніе рѣшило, что прежде всего должно упразднить монастыри и продать ихъ земли. По этому случаю было произнесено насчетъ монашества много непочтительныхъ рѣчей, въ которыхъ присутствовавшіе аббаты и епископы съ ужасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ усмотрѣли духъ Дидро и Вольтера. Епископъ нансійскій заблагоразсудилъ даже спросить, продолжаетъ-ли католическое вѣроисповѣданіе считаться государственной религіей Франціи. Собраніе оставило этотъ язвительный вопросъ безъ отвѣта и настояло на упраздненіи монастырей. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы всѣ епископы и аббаты, сидѣвшіе въ собраніи, были подвержены приливамъ ужаса и сердечнаго сокрушенія. Въ числѣ епископовъ былъ Талеранъ, котораго ничто не сокрушало и не ужасало и которому принадлежала даже инициатива въ дѣлѣ церковныхъ имуществъ; а въ числѣ аббатовъ сидѣли: Сийесъ, сдѣлавшій первый рѣшительный шагъ въ борьбѣ третьяго сословія съ привилегированными классами, и Грегуаръ, не уступавшій въ радикализмѣ своему другу, Робеспьеру.

Тлетворный духъ времени проникалъ такимъ образомъ даже въ ряды того сословія, которое было связано съ средневѣковымъ прошедшимъ всѣми своими воспоминаніями и всѣми интересами своего могущества. Стонали католическіе пастыри, сохранившіе чистоту сердца, сохранились великія тѣни Григорія VII, Иннокентія III и Игнатія Лойолы, а монастырскія помѣстья все-таки пошли въ продажу и пошли тѣмъ скорѣе, что въ дѣло вмѣшался парижскій городской совѣтъ, которому забота о насущномъ хлѣбѣ, по очень понятнымъ причинамъ, не оставляла ни минуты покоя. Балль постоянно убѣждалъ Неккера однимъ и тѣмъ-же разсужденіемъ, которое отъ повторенія не становилось избитымъ и не теряло своей силы. «Если, говоритъ онъ, прелатаріямъ нечего будетъ ѣсть, они все поставятъ вверхъ дномъ; не хотите революціи, такъ давайте денегъ». Въ первые два зимніе мѣсяца у Неккера забрали на покупку хлѣба 17 милліоновъ, да кромѣ того на общественныя мастерскія уходило по 360,000 ливровъ въ мѣсяць. Для Парижа не было ничего завѣтнаго; со времени пріѣзда короля на продовольствіе столицы тратились и королевскія суммы, и все это поѣдалось съ необыкновенной быстротой.

Когда въ національномъ собраніи покончилось дѣло о монастыряхъ, тогда городской совѣтъ рѣшился отломить для своихъ питомцевъ кусокъ предстоящей добычи. 10 марта Балль явился къ рѣшеткѣ національнаго собранія, изобразилъ бѣдственное состояніе государственнаго кредита, выразилъ необходимость поскорѣе продать церковныя помѣстья и объявилъ собранію, что парижская коммуна готова взять на себя продажу своихъ монастырскихъ имуществъ, оцѣненныхъ въ 150 милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы ей за хлопоты уступили четвертую часть тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены. «А за это, прибавилъ Балль, городъ выстроитъ собранію прекрасный дворецъ». Какъ ни оригинально то обстоятельство, что одно общественное учрежденіе публично предлагаетъ другому такому-же учрежденію магарычъ, и какъ не соблазнительна была для собранія, засѣдавшаго въ манежѣ, перспектива имѣть собственный «прекрасный дворецъ», однако представители націи устояли противъ искушеній лукаваго Балля и нашли, что заплатить за комсію почти 40 милл. будетъ чрезчуръ роскошно. Балль смягчился, просилъ 16 милліоновъ. Собраніе согласилось.

Этотъ эпизодъ изображаетъ очень картинно то безвыходное отчаяніе, въ которое постоянное безденежье погружало всѣ общественныя вѣдомства. Понятно, что наивныя слова Балля о прекрасномъ дворцѣ были просто судорожнымъ усиленіемъ утопающаго схватиться за соломинку. Несчастнаго старика затронули съ тѣхъ поръ,

какъ онъ былъ мѣромъ. Городской совѣтъ дѣлалъ ему замѣчанія, большой контролирующей совѣтъ присылалъ ему выговоры; въ каждомъ парижскомъ кварталѣ былъ свой совѣтъ, который о дѣйствіяхъ мэра отзывался неодобрительно, и всѣ требовали денегъ, и всѣмъ деньги были дѣйствительно необходимы, а Балльи, узнавъ это, сообщалъ свое знаніе Неккеру, и обоимъ имъ приходилось отчаяваться. Тутъ поневолѣ договорились до прекраснаго дворца.

17-го марта собраніе положило поручить продажу монастырскихъ имѣній городскимъ общинамъ королевства и предоставить послѣднимъ опредѣленную долю чистой выручки. Затѣмъ опредѣлено было выпустить 400 милл. ассигнацій, присвоить имъ внутри государства курсъ паравнѣ съ звонкой монетой, и потомъ принять ихъ обратно въ казну, какъ уплату отъ покупателей монастырскихъ имуществъ. Въ это самое время комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ собранію докладъ, который окончательно озадачилъ все благочестивое духовенство. По проекту комитета, духовенство устранялось отъ управленія церковными имуществами, и управленіе передавалось свѣтскимъ вѣдомствамъ. Нація принимала на себя долги духовенства, доходившіе до 149 милліоновъ, и обязывалась выдавать на содержаніе церкви 133 милліона вмѣсто прежнихъ 170, составлявшихся изъ десятиной подати и изъ доходовъ. Но такъ какъ и эта сумма, по мнѣнію комитета, была слишкомъ велика, то предлагалось дать церкви на будущее время совершенно новое устройство, при которомъ оно ежегодно обходилось-бы государству въ 65 милліоновъ. Съ 170 милліоновъ перейти на 65 для всѣхъ благочестивыхъ людей было чрезвычайно обидно, и потому намъ совершенно понятны тѣ крики негодованія, которыми истинные столпы католичества встрѣтили мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи. Но собраніе не обратило вниманія на эти жалобы и очень серьезно стало разсматривать и обсуживать проектъ комитета.

ХII.

Въ ту самую зиму, въ которую національное собраніе завоевало въ пользу націи церковныя имущества, оно также положило основаніе новому административному раздѣленію и устройству французской территоріи. Старое историческое раздѣленіе на провинціи было отмѣнено, и вся Франція распалась на 83 департамента, которые подраздѣлялись на 574 округа и 4730 кантоновъ. На всемъ пространствѣ французскаго королевства существовало въ время около 44000 городскихъ и сельскихъ общинъ, которыя всѣ получили новое устройство по одному общему образцу. Каждая община должна была управ-

ляться выборнымъ совѣтомъ, и всѣ должности въ общинѣ должны были замѣщаться по непосредственнымъ выборамъ гражданъ безъ всякаго вѣшатательства или вліянія сверху. Округомъ управлялъ совѣтъ изъ 12 лицъ, а департаментомъ совѣтъ изъ 36 лицъ. Члены того и другого совѣта выбирались на два года коллегіями избирателей, составлявшимися непосредственнымъ выборомъ гражданъ cadaго отдѣльнаго кантона. Департаментскій совѣтъ раскладывалъ подати по округамъ и общинамъ, наблюдалъ за исправностью сбора и препровождалъ собранныя суммы въ государственную казну. Онъ заведывалъ мѣстными путями сообщенія и заботился о полицейскомъ благочиніи. Въ его распоряженіи находились департаментскія суммы; ему довѣренъ былъ надзоръ за общепольными учрежденіями и ему принадлежало также начальство надъ мѣстнымъ отрядомъ жандармовъ. Округной совѣтъ подчинялся департаментскому и заведывалъ тѣми мѣстными подробностями администраціи, въ которыя неудобно было вникать департаментскому начальству. Впрочемъ окружные совѣты съ самаго своего происхожденія на свѣтъ считались совершенно излишней инстанціей, которая только замедляла теченіе дѣлъ, не принося взаимъ этого неудобства никакой осязательной пользы. Всѣ должностныя лица въ департаментѣ, въ округѣ и въ общинѣ только по приговору суда могли быть отрѣшены отъ должности до истеченія того срока, на который они были выбраны. Они были обязаны исполнять законныя приказанія короля, но король собственной властью не могъ ни награждать, ни наказывать ихъ. Если какое-нибудь изъ этихъ мѣстныхъ вѣдомствъ совершало противузаконный поступокъ, или обнаруживало небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, то вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли распустить это вѣдомство и предать его членовъ суду, разрѣшался въ національномъ собраніи. Королю предоставлялось впрочемъ право пріостановить дѣятельность провинившагося вѣдомства въ то время, пока національное собраніе будетъ разсматривать вопросъ о его виновности. Вся система была, какъ мы видимъ, основана на всеобщемъ приложеніи выборнаго начала. Въ выборахъ участвовали отъ 4 до 9 милліоновъ гражданъ, называвшихся полноправными или активными; они должны были быть совершеннолѣтними, должны были прожить по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ томъ округѣ, въ которомъ они подавали голосъ, и наконецъ должны были вносить сумму подати, равную подневной платѣ трехъ дней. Эти активныя граждане не выбирали прямо депутатовъ національнаго собранія, а назначали посредствомъ выборовъ коллегіи избирателей, которыя выбирали какъ депутатовъ, такъ и членовъ департаментскихъ окружныхъ совѣтовъ. Чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть

въ собственности или въ пользованіи землю, которая-бы равнялась въ богатыхъ провинціяхъ двѣмъ четырехсотъ, въ среднихъ—двухсотъ, а въ бѣдныхъ—ста-пятидесяти рабочихъ дней. Депутатомъ могъ быть человѣкъ; не имѣющій никакой собственности.

Мнѣніе о томъ, что декларація правъ человека и гражданина не имѣла въ себѣ той разрушительной силы, которую приписываютъ ей Зибель и Шлоссеръ, находитъ себѣ довольно сильное подтвержденіе въ этомъ бѣгломъ очеркѣ выборной системы, установленной національнымъ собраніемъ. То самое собраніе, которое съ величайшимъ воодушевленіемъ пустило въ свѣтъ декларацію, отклонилось отъ основныхъ принциповъ этой деклараціи на первомъ-же шагѣ своей законодательной дѣятельности. Декларация, составляющая введеніе въ конституцію, говорить, что всѣ граждане равны, а первыя страницы конституціи противорѣчатъ введенію и говорить, что есть граждане активныя и граждане пассивныя, и что различіе между тѣми и другими основывается на различіи имущества. Потомъ оказывается, что есть избиратели и неизбиратели, которые опять-таки различаются между собой по имуществу. Если сами творцы деклараціи такъ развязно уклоняются въ сторону отъ своего политическаго исповѣданія вѣры, то очевидно, что исповѣданіе не имѣетъ въ себѣ такой чудодѣйственной силы, которая сама по себѣ могла-бы покорять себѣ умы и направлять ихъ къ разрушенію красивыхъ политическихъ системъ.

Низшіе классы, несмотря на декларацію, увидѣли себя въ числѣ пассивныхъ гражданъ; тогда они нашли себѣ предводителей и обнаружили вскорѣ очень значительную степень активности. Печать оставалась совершенно свободной; національная гвардія срывала иногда со стѣн плакарды, а парижскій городской совѣтъ требовалъ иногда, чтобы каждый печатный листокъ выставлялъ ния отвѣтственнаго издателя, но подобныя распоряженія были совершенно случайны и произвольны, всегда вызывали противъ себя сильный отпоръ и никогда не достигали евой общей дѣли, т. е. не могли ни запугать радикальныхъ писателей, ни ослабить ихъ вліянія на массу пролетаріата. Право ассоціаціи также не было ограничено никакимъ закономъ, и пассивныя граждане, которымъ отказано было въ голосѣ на выборахъ, приобрѣли себѣ, благодаря праву ассоціаціи и указаніямъ радикальной прессы, такую организацию, которая въ скоромъ времени сдѣлалась сильнѣе всѣхъ официальныхъ властей государства.

При самомъ началѣ засѣданій національнаго собранія нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны образовали клубъ, называвшійся бретанскимъ и собиравшійся въ Пуасси. Сначала въ этотъ клубъ принимались только депутаты, а потомъ, когда

собраніе вслѣдъ за королемъ перѣхало въ Парижъ, въ клубъ стали допускать всѣхъ людей подходящаго образа мыслей. Засѣданія клуба стали происходить въ якобинскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ члены этого общества стали называться якобинцами. Число ихъ разрослось очень быстро; весной 1791 года ихъ было уже 1800 человѣкъ въ одномъ Парижѣ; во всѣхъ провинціяхъ сформировались якобинскіе клубы, находившіеся въ постоянной перепискѣ между собой и съ центральнымъ парижскимъ обществомъ. Въ концѣ 1790 года всѣхъ якобинскихъ клубовъ во Франціи было до двухсотъ, и нѣкоторые изъ нихъ считали въ себѣ болѣе 1000 членовъ; конечно, очень многіе изъ этихъ членовъ не были ни фанатиками, ни демагогами; многіе записывались въ клубъ изъ подражанія другимъ, а послѣдствіи для того, чтобы оградить себя отъ подозрѣній въ недостаткѣ патріотизма, но ядро каждаго клуба состояло изъ горячихъ демократовъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за парижскими событіями и готовыхъ, по первому сигналу со стороны вождей центральнаго общества произвести народное движеніе въ своемъ городѣ или въ своей провинціи. Эти ревностныя якобинцы находились въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ массами пассивныхъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ, которые вполне вѣрили этимъ вождямъ и легко поднимались на ноги при первомъ требованіи.

Когда на всю Францію раскинулась такимъ образомъ стѣ демократическихъ обществъ, проповѣдовавшихъ съ неукротимымъ жаромъ истребительную войну противъ королевской власти, противъ аристократовъ, противъ духовенства, противъ капиталистовъ, словомъ, противъ всего, что стояло выше пролетарія, когда въ каждой провинціи голодная масса нашла себѣ коноводовъ, неразрывно связанныхъ съ ней и между собой единствомъ надеждъ и стремленій, тогда пассивныя граждане сдѣлались неизмѣримо сильнѣе активныхъ.

Но здѣсь я опять долженъ повторить тумель, которая не разъ находила себѣ приложение въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Не отдѣльныя единицы и не частныя явленія создаютъ общія положенія, а на оборотъ общія положенія сообщаютъ единицамъ и явленіямъ всю ихъ силу и весь ихъ смыслъ. Не клубы, не рѣчи ораторовъ, не газеты Демулена и Марата производили въ низшихъ слояхъ французскаго общества немолемое озлобленіе, а напротивъ существовавшее озлобленіе порождало и поддерживало и клубы, и яростныя рѣчи, и неистовыя газеты. Вожди и агитаторы давали существующей силѣ организацію и единство общаго направленія, но эта сила существовала совершенно независимо отъ нихъ и часто толкала ихъ впередъ тогда, когда они считали удобнымъ приостановиться.

Ораторы и журналисты могли разработывать въ отдѣльныхъ приложеніяхъ общіе мотивы народнаго настроенія, но чуть только они пробовали услониться отъ этихъ мотивовъ, — тотчасъ масса кричала ямъ, что они измѣнники и что ихъ немедленно потащатъ къ фонарному столбу. Исторія революціи переполнена трагическими эпизодами, въ которыхъ вчерашній любимецъ массы погибаетъ сегодня отъ рукъ этой массы въ ту самую минуту, когда онъ, полагаясь на свою популярность, пробуетъ внести въ движеніе свои личные взгляды, несомнѣнные съ общими стремленіями его недавнихъ восторженныхъ обожателей. Такъ погибли жирондисты. Но, чтобы не забѣгать впередъ, я приведу въ примѣръ Мирабо, который въ 1789 году казался французскому народу воплощеніемъ революціи, и котораго жизнь была однако въ опасности впродолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ онъ совѣтовалъ въ національномъ собраніи предоставить королю право безусловно отвергать проекты законовъ. Самая исторія парижскаго Якобинскаго клуба показываетъ, что не клубъ распался страсти народа, а наоборотъ распаленное состояніе народныхъ страстей находило себѣ въ клубѣ одно изъ своихъ проявленій. Въ началѣ существованія Якобинскаго клуба въ немъ господствовали своимъ краснорѣчіемъ жирондисты, поэты и романтики революціи, мечтавшіе объ античныхъ республиканскихъ добродѣтеляхъ, чувствовавшіе глубокое отвращеніе къ тѣмъ коммунистическимъ стремленіямъ, которыя шевелились въ голодной толпѣ людей безъ панталонъ (sans culottes). Еслибы можно было предположить, что раздраженіе массъ производится рѣчами ораторовъ и статьями журналистовъ, то надо было-бы ожидать, что жирондисты, какъ люди превосходно владѣвшіе словомъ и перомъ, навсегда сохранять за собой господство въ клубѣ, въ столицѣ и во Франціи; надо было-бы ожидать, что они обратятъ пролетарія къ добру и къ красотѣ и наложатъ на всю общественную жизнь печать своего эстетическаго вліянія. На повѣрку же оказывается напротивъ того, что реальный элементъ безпанталонности выгналъ въ очень короткое время поэзію античной добродѣтели изъ клуба, изъ столицы и изъ Франціи. Стало-быть мы видимъ, что окружающіе элементы передѣлали на свой образецъ Якобинскій клубъ; слѣдовательно дѣйствующая сила лежала и лежитъ всегда и вездѣ — не въ единицахъ, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ общихъ и преимущественно — въ экономическихъ условіяхъ существованія народныхъ массъ.

Покончивъ съ пассивными и активными гражданами, я могу сказать нѣсколько словъ о судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для Франціи національнымъ собраніемъ втеченіи зимы 1789 года.

Господскіе суды, королевскіе трибуналы, пар-

ламенты, вообще всѣ судебныя учрежденія старой монархіи были уничтожены; послѣ іюльскихъ дней 1789 года и послѣ ночнаго засѣданія съ 4 на 5 августа эти учрежденія, тѣсно связанныя съ общимъ строемъ феодальнаго государства, потеряли всю свою силу, но такъ какъ національное собраніе успѣло создать новую систему судоустройства и судопроизводства только въ октябрѣ 1790 года, то Франція больше года оставалась фактически безъ судовъ, и это обстоятельство конечно не могло содѣйствовать водворенію спокойствія и законности. Уничтоженіе парламентовъ и введеніе новыхъ судовъ обременило государство новыми, значительными расходами и увеличило сумму государственнаго долга. Такъ какъ мѣста въ парламентахъ были проданы старой монархіей въ вѣчное и потомственное владѣніе, то, уничтожая парламенты, надо было выкупить эти мѣста, и сумма, которую приходилось уплатить по расчету парламентскимъ совѣтникамъ и владѣльцамъ наследственныхъ мѣстъ въ другихъ судахъ, доходила до 350 милліоновъ. Кромѣ того новые суды по самой умѣренной смѣтѣ должны были стоить дороже старыхъ; парламентскій совѣтникъ удовлетворялся очень незначительнымъ жалованьемъ, потому что онъ имѣлъ въ виду во-первыхъ — наследственность своей должности, во вторыхъ, — ея политическое вліяніе и въ третьихъ, — тѣ значительныя суммы денегъ, которыя, по средневѣковымъ обычаямъ и законамъ, взимались въ пользу судей съ тяжущихся сторонъ. Новый судья не долженъ былъ пользоваться ни одной изъ этихъ трехъ выгодъ; слѣдовательно за всѣ эти выгоды его надо было вознаграждать жалованьемъ; поэтому уничтоженіе старыхъ судовъ и устройство новыхъ прибавляло по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ къ суммѣ ежегодныхъ государственныхъ расходовъ.

Необходимость правосудія для развитія народнаго благосостоянія такъ очевидна и такъ значительна, что за полезную реформу въ судебныхъ учрежденіяхъ можно, не колеблясь, платить ежегодно болѣе 20 милліоновъ; эти деньги не пропадаютъ, и соблюдать экономію въ ущербъ правосудію было-бы во всякомъ случаѣ не позволительно и нерасчетливо. Но любопытно замѣтить, что въ тогдашней Франціи всѣ отрасли общественной жизни требовали радикальныхъ реформъ, а всѣ реформы требовали затратъ денегъ, и чѣмъ радикальнѣе и полезнѣе были реформы, чѣмъ больше онѣ могли обогатить государство въ будущемъ, тѣмъ дороже онѣ обходились въ настоящемъ. И всѣ онѣ скопились къ одному времени, такъ что не законодатели управляли ходомъ преобразованій, а напротивъ общее положеніе дѣлъ увлекало за собой и постоянно насилывало волю законодателей. Старина падала отъ своей собственной ветхости и падала разомъ повсемѣстно, не дожидаясь того, чтобы ее

отмѣнили декретомъ и не спрашивая о томъ, есть-ли чѣмъ замѣнить ее. Но такъ или иначе замѣнять чѣмъ-нибудь разрушившееся учрежденіе было необходимо, а на это требовались деньги, средства же государства были забраны впередъ и истрачены правительствами прежнихъ столѣтій, тѣми правительствами, которыя продавали общественныя должности и оставили потомству въ знакъ памяти безсилную администрацію, слѣбую аристократію, возвращенный судъ, неоплаченный государственный долгъ и озлобленіе массъ, заглушающее въ нихъ всякое пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Тѣ представительныя собранія, которымъ доброе старое время завѣщало такое роковое наслѣдство, находились въ самомъ трагическомъ положеніи. Дорога легальности и осторожной послѣдовательности въ пересмотрѣ и въ обновленіи отдѣльных частей государственнаго механизма была имъ отрѣзана. Легальность была невозможна отчасти потому, что оппозиція привилегированныхъ классовъ уступала только дѣйствию силы, отчасти потому, что долги государства превышали его средства, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда дѣйствовали революціонныя собранія. Осторожная послѣдовательность была невозможна, потому что вся старина обрушивалась разомъ, такъ что надо было все отмѣнять и все создавать заново. Между тѣмъ каждое нарушеніе легальности заключало въ себѣ зародышъ будущей борьбы и насилій; каждое отступленіе отъ осторожности и послѣдовательности вело къ ошибкамъ и запутывало еще болѣе страшно запутанное положеніе дѣлъ.

«Какое управленіе, говорилъ однажды Мирабо, какая эпоха! Всего надо опасаться и на все надо отказываться. Создается возмущеніе тѣми средствами, которыя употребляются для его предупрежденія. Постоянно необходима умѣренность, и всякій разъ умѣренность кажется медлительностью и малодушіемъ. Постоянно необходима сила, и каждое приложеніе силы кажется тираніей. Со всѣхъ сторонъ сыпятся совѣты, а довѣрять приходится только самому себѣ. Приходится бояться людей благомыслящихъ, потому что ихъ безпокойство и увлеченіе опаснѣе всякихъ заговоровъ. Изъ благоразумія приходится уступать, становиться во главѣ волненія, чтобы умѣрять его и при всѣхъ страшнѣйшихъ затрудненіяхъ надо еще сохранять на лицѣ веселое выраженіе».

Мирабо былъ достаточно уменъ и достаточно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и умовъ, чтобы предчувствовать въ будущемъ необходимость государственнаго банкротства, произвольныхъ конфискацій и длиннаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Но самъ Мирабо, умершій весной 1791 года, и учредительное собраніе, отошедшее отъ дѣлъ правленія осенью того-же года, были все-таки гораздо счастливѣе національнаго кон-

вента. Учредительному собранію досталось на долю провозгласить принципы революціи, а конвенту пришлось вбивать эти принципы въ жизнь, бороться съ той реакціей, которую раздражило первое собраніе, расплачиваться по тѣмъ счетамъ, которые оставила старая монархія, покрывать тѣ издержки, которыхъ требовали новыя учрежденія, и наконецъ принимать на себя отвѣтственность за всѣ тѣ неизбѣжныя насилія, до которыхъ учредительному собранію удалось не дожить. Весь блескъ гражданскихъ доблестей, все благозвучіе либеральныхъ словъ остались собственностью учредительнаго собранія, а вся злокачественная грязь черной исполнительской работы, безъ которой всѣ либеральныя слова остались-бы словами, великодушно предоставлены національному конвенту. Поэтому французскіе либералы до сихъ поръ съ пафосомъ превозносятъ «les grands principes de 1789» и вслѣдъ за тѣмъ казнятъ своимъ негодованіемъ «les excès de 1793».

Такъ какъ роль учредительнаго собранія состояла преимущественно въ томъ, чтобы провозгласить принципы революціи, то и на судебную реформу его слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія принципа, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя подробности должны были измѣняться, и дѣйствительныя измѣнились современнымъ сообразно съ указаніями опыта. Главныя основанія новаго судоустройства заключались въ томъ, что всѣ судьи выбирались активными гражданами изъ числа образованныхъ юристовъ; судъ присяжныхъ прилагался къ уголовнымъ дѣламъ; гражданскіе процессы рѣшались безъ участія присяжныхъ, несмотря на то, что демократы національнаго собранія сильно настаивали на введеніи присяжныхъ во всѣ отрасли судопроизводства. (Здѣсь можно замѣтить, что въ Америкѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовныя, такъ и гражданскіе процессы; Токвилль, котораго еще ни одинъ чело-вѣкъ въ мірѣ не обвинялъ въ яростномъ демократизмѣ, находитъ, что участіе присяжныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ процессовъ очень сильно содѣйствуетъ развитію юридическаго смысла въ американскомъ народѣ). Судьи выбирались гражданами на шесть лѣтъ; для гражданскаго процесса устраивался въ каждомъ округѣ трибуналъ первой инстанціи и одинъ изъ этихъ трибуналовъ долженъ былъ служить другому апелляціонной инстанціей. Третью и послѣднюю инстанцію составлялъ высшій апелляціонный судъ, который долженъ былъ засѣдать въ Парижѣ. Для уголовныхъ дѣлъ учреждалось въ каждомъ департаментѣ судебное мѣсто, а въ Парижѣ кассационный судъ, изъ котораго по жребію должны были назначаться члены національнаго суда, чтобы судить преступленія противъ націи (crimes de lèse-nation). Когда въ національномъ собраніи разсматривался вопросъ объ учрежденіи этого національнаго суда, Казалестъ, одинъ

изъ депутатовъ правой стороны, потребовалъ, чтобы были точно опредѣлены тѣ преступленія, которыя оскорбляютъ націю и подлежатъ вѣдѣнію исключительнаго трибунала. На это отвѣчалъ депутатъ крайней лѣвой стороны, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса; онъ сказалъ, что національный судъ долженъ поражать знатныхъ вельможъ, враждебныхъ народу и искажающихъ его нравственное развитие; главное дѣло, по его мнѣнію, состояло въ томъ, чтобы въ этомъ судѣ засѣдали искренніе друзья революціи.

Въ этихъ словахъ ясно заключался тотъ смыслъ, что революція для своего самосохраненія и для своихъ дальнѣйшихъ побѣдъ надъ старымъ обществомъ нуждается въ послушномъ орудіи и что право судьи должно подчиниться политикѣ. Несмотря на то, что Робеспьеръ не пользовался сильнымъ вліяніемъ въ учредительномъ собраніи, его мнѣніе было принято; предложеііе Казалеса оставлено безъ вниманія; и собраніе рѣшило, что члены національнаго суда будутъ назначаться не по жребію, какъ предполагалось прежде, а по выбору активныхъ гражданъ всѣхъ департаментовъ.

Чтобы покончить съ судебными реформами, достаточно будетъ упомянуть, что судопроизводство сдѣлалось гласнымъ, подсудимые получили защитниковъ, пытка и произвольные аресты отиѣнены; наконецъ учреждены мирные судьи, коммерческіе трибуналы и семейные суды.

XIII.

Разговоры опечаленнаго духовенства о мученическихъ вѣнцахъ и хищныхъ посягательствахъ національнаго собранія стали обнаруживать свое вліяніе. Народъ, оставшіяся единодушнымъ въ то время, когда шло дѣло о борьбѣ противъ феодализма, раздѣлился на партіи, когда идеи XVIII столѣтія коснулись церковной іерархіи, и вопіющія потребности государства принудили національное собраніе наложить руку на церковныя имущества. Католицизмъ, не имѣвшій уже для жителей Парижа ни малѣйшей прелести, оказался сильнымъ и живучимъ въ городахъ и селахъ отдаленныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ агитація въ пользу католическаго духовенства находила себѣ пищу не столько въ религиозныхъ чувствахъ народа, сколько въ его экономическихъ интересахъ; дѣло въ томъ, что духовенство содержало свои имѣнія въ большомъ порядкѣ и не страдало тѣми спазматическими припадками безденежья, которые часто удручали дворянство. Вслѣдствіе этого духовенство не отдавало своихъ доходовъ на откупъ разнымъ аферистамъ, не притѣсняло своихъ фермеровъ неумѣренными требованіями и вообще вело свои денежные дѣла ровно, спокойно и правильно, такъ что крестьяне, находившіеся

съ ними въ сношеніяхъ, благословляли свою судьбу и очень дорожили своими арендами.

Когда разнесся слухъ о предстоящей продажѣ церковныхъ имуществъ, тогда всѣ арендаторы этихъ помѣстій, не бывшіе въ состояніи купить себѣ ту ферму, которую они нанимали, пришли въ смятеніе, боясь, что будущій владѣлецъ окажется притѣснителемъ, или согнать ихъ прочь съ своей земли. Въ Эльзасѣ составилось за неприкосновенность католической религіи прошеніе, и въ три недѣли набралось 21000 подписей; съ одинаковымъ усердіемъ подписывались католики, протестанты и евреи, потому что всѣ они были арендаторами церковныхъ имѣній и слѣдовательно, всѣ связаны между собой единствомъ интересовъ; въ Бретани началась противу-революціонная движенія, во главѣ которыхъ появились католическіе священники. На югѣ королевства дѣло дошло до кровопролитныхъ схватокъ между патриотами и клерикалами. Въ Нимѣ національная гвардія и пролетаріи, принадлежавшіе къ католической партіи, поколотили армейскій полкъ, шывавшій патриотизмомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ томъ-же городѣ составилось католическое общество изъ 4000 человекъ, которые немедленно пригласили сосѣдніе департаменты соединиться съ ними въ братскій союзъ за христіанскую религію. Эта мысль нашла себѣ отголосокъ, и въ религіозное братство вступили немедленно города Перпиньянъ, Тарнъ и Тулуза. Въ городѣ Але народъ прогналъ за городскія ворота войска, державшіяся революціонныхъ принциповъ; въ Монтанбанѣ національная гвардія сразилась съ католическимъ пролетаріатомъ, который побѣдилъ и разогналъ нечестивыхъ друзей прогресса. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ учредительное собраніе усматривало, что *le peuple souverain* (властительный народъ) часто противорѣчитъ самому себѣ, и что его въ большей части случаевъ мудрено урезонить. Во всей Франціи не было той деревни, въ которой народъ согласился-бы платить десятину послѣ іюльскихъ событій 1789 года, а между тѣмъ когда отсутствіе десятинной подати вело за собой необходимость преобразовать внутреннее устройство церкви, тогда *le peuple souverain* во многихъ мѣстахъ переполнялся католическимъ восторгомъ и не хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ; я, — говорить *le peuple souverain* — платить не желаю, а въ церкви пускай остается все по-старому; а откуда взять денегъ — это дѣло правительства; на то оно правительство. Такъ какъ не было возможности пригласить народъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ отчетовъ и убѣдить его цифрами и фактами въ неисполнимости его требованій, то національное собраніе рѣшилось поскорѣе окончить церковныя преобразованія и утвердить ихъ силой въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ зашевелится католическая реакція. Приступая къ такому образу дѣйствій,

національное собраніе очевидно вступало въ борьбу съ проявленіемъ народной воли, но такъ какъ эта воля оказывалась раздвоенной, то законодателямъ по-неволѣ надо было примкнуть рѣшительно къ одной изъ двухъ партій и объявить другую партію толпой мятежниковъ, хотя, разумѣется странно было ругать людей мятежниками въ такой странѣ, въ которой вся нація считала июльскіе мятежи славнѣйшими подвигами своей исторіи.

Впрочемъ въ революціяхъ дѣло обыкновенно идетъ не о томъ, чтобы убѣдить противника, а о томъ, чтобы побѣдить и уничтожить его; здѣсь, какъ и вообще въ практической дѣятельности, послѣдовательность часто становится невозможной и отступаетъ далеко на задній планъ передъ неотразимой необходимостью. Собираясь дѣйствовать энергическими мѣрами противъ католическихъ реакцій, національное собраніе не нарушило однако принципа религиозной свободы; собраніе видѣло въ ожесточенныхъ аббатахъ и въ ихъ восторженныхъ послѣдователяхъ только политическихъ враговъ революціи, и всѣ позднѣйшія распоряженія его по этому предмету вытекали исключительно изъ этого основнаго взгляда.

29-го мая 1790 года комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ учредительному собранію проектъ новаго устройства церкви. По этому проекту, избиратели каждого округа назначаютъ себѣ приходскихъ священниковъ, а избиратели департамента — мѣстнаго епископа. Каждый избранный даетъ присягу въ вѣрности націи, королю и конституціи. Капитулы и духовное судопроизводство уничтожаются, потому что преступления противъ религіи становятся невозможными съ этой стороны, когда официально признанъ принципъ религиозной свободы со всѣми своими послѣдствіями. Папа теряетъ, по проекту комитета, право давать диспенсаціи и утверждать духовныхъ сановниковъ въ ихъ званіи. При этомъ должно замѣтить, что папа уже давно имѣлъ основаніе гнѣваться на свою галликанскую паству, потому что уже знаменитая ночь 4-го августа, уничтожая десятинную подать, отмѣнила декретомъ ежегодное препровожденіе денегъ въ Римъ.

Легко можно вообразить себѣ, что весь проектъ комитета долженъ былъ казаться истиннымъ католикамъ непрерывнымъ рядомъ святотатствъ; граждане, которые согласились-бы войти въ эту перестроенную церковь, должны были-бы считаться еретиками, а духовныя лица, которыя дали-бы требуемую присягу, — богохульниками, безбожниками и, хуже того, ересіархами.

Чѣмъ должны были-бы считаться члены собранія и комитета — я и выразить не умѣю, но во всякомъ случаѣ такъ какъ папа очевидно не могъ утвердить нововведенія, то религиозная война противъ нечестивыхъ соотечественниковъ

становилась для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи первѣйшей изъ священныхъ обязанностей. Видно было, что духовенство смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія: когда въ собраніи происходили пренія о церковныхъ преобразованіяхъ, тогда вѣрующіе епископы и аббаты не говорили ни слова; отвергая весь проектъ отъ начала до конца, они не хотѣли разсматривать его въ подробностяхъ и были намѣрены во всякомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ требуемой присяги. Споръ поддерживался центромъ собранія и лѣвой стороной; онъ относился къ частностямъ; шла рѣчь о величинѣ жалованья, о капитулахъ, о томъ, кому выбирать епископовъ, — народу или духовенству. Политики собранія были равнодушны къ этому спору, въ которомъ горячились и торжествовали одни яansenисты, видѣвшіе наконецъ осуществленіе своей задушевной мысли о самостоятельности галликанской церкви и о побѣдѣ надъ ультрамонтанскими тенденціями. Робеспьеръ попробовалъ провести мысль объ уничтоженіи безбрачія духовенства, но собранію показалось, что это ужъ чрезчуръ смѣло, и попытка эта осталась безуспѣшною.

15-го іюня когда тянулись эти пренія, въ національное собраніе былъ представленъ отъ нимскаго католическаго союза адресъ, требовавшій повелительнымъ тономъ благоговѣнія передъ церковью и полного возстановленія королевской власти. Католичество шло такимъ образомъ, въ руку съ роялизмомъ, и учредительное собраніе, враждовавшее съ послѣднимъ, рѣшилось разорвать всякія дружжелюбныя отношенія и съ первымъ. Адресъ Нима былъ признанъ преступнымъ дѣйствіемъ мятежа. Въ это время на югѣ ежеминутно можно было ожидать сильнаго столкновенія между цѣлыми городами. Бордо выставилъ отрядъ патриотовъ противъ Монтобана, въ которомъ господствовали католики, и обѣ партіи долго стояли лагеремъ другъ противъ друга, но на этотъ разъ усилія министерства и національнаго собранія отклонили, или, вѣрнѣе, отсрочили кровопролитіе.

Разсужденія о церковныхъ преобразованіяхъ продолжались въ національномъ собраніи до 12 іюля и окончились тѣмъ, что проектъ комитета былъ утвержденъ съ тѣми частными измѣненіями или дополненіями, которыя были внесены въ него во время преній. Духовенство, какъ отдѣльная корпорація, перестало существовать. Около того-же времени прекратилось существованіе дворянства. 19-го іюня прусскій баронъ Клоотсъ, большой любитель либеральныхъ эффектовъ, ввелъ въ залу національнаго собранія толпу людей, наряженныхъ въ костюмы разныхъ народовъ, и, отъ имени всего человечества, произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ собраніе за его подвиги и умолялъ Францію подать знакъ къ освобожденію всего земного шара. Президентъ отвѣчалъ на эту общечеловѣческую рѣчь серьез-

но и торжественно, а члены собранія воспользовались присутствіемъ челоѣчества, чтобы уничтожить послѣдніе остатки аристократизма. Объ этомъ особенно усердно хлопотали либералы изъ дворянъ Ламетъ, Лафайетъ, Эгильонъ, Сень-Фарже, которые, не шутя, воображали себѣ, что, отрекаясь отъ своихъ титуловъ, они совершаютъ подвигъ самопожертванія и оказываютъ любезному отечеству безсмертную услугу. Правая сторона поспорила и пошумѣла, но по обыкновенію на ея оппозицію никто не обратилъ вниманія, и въ тотъ-же день составленъ былъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ титуловъ и всѣхъ орденовъ.

Любопытно замѣтить, что эта законодательная мѣра, не заключавшая въ себѣ ничего осязательнаго и существеннаго, причинила дворянству гораздо больше огорченія, чѣмъ тѣ декреты, которые послѣ ночного засѣданія 4-го августа уничтожили феодальныя привилегіи и отняли у дворянства всѣ связанные съ ними доходы. Потерю денегъ можно было перенести изъ любви къ отечеству, но потеря дворянской чести была слишкомъ чувствительна, такъ что эмиграція стала значительно усиливаться послѣ декрета объ уничтоженіи титуловъ. Если Лафайетъ, Ламетъ и другіе либералы того-же сорта видѣли въ этомъ декретѣ великій подвигъ законодательной мудрости, то дворяне стараго закала видѣли въ немъ великое поруганіе родовой святости. Либералы и консерваторы изъ дворян сходились между собой на томъ, что тѣ и другіе придавали этой законодательной мѣрѣ мировое значеніе, а Мирабо отъ души смѣялся надъ обѣими сторонами, которыя конечно стояли другъ друга.

Долго-ли еще придется Франціи въ самыя серьезныя и торжественныя минуты своей исторіи украшать себя сусальнымъ золотомъ ложноклассическихъ сценъ и театрально-героическихъ движеній—это такой вопросъ, на который можетъ отвѣтить только будущее; что-же касается до первой революціи, то въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ рядомъ съ потрясающей наготой дѣйствительности, встрѣчается много мишуры, и народъ восхищается этой мишурой, добродушно упуская изъ виду, что всѣ его бѣдствія ведутъ свое начало отъ мишурнаго блеска ея историческихъ свѣтилъ...

Потѣшивши себя остроумной интермедіей барона Клоотса и насладившись самоотверженіемъ либеральныхъ дворянъ, собраніе обратило свое вниманіе на предметы серьезные. Надо было заняться преобразованиемъ арміи, въ которой съ самаго начала революціи офицеры и солдаты открыто враждовали между собой и постоянно тянули въ разныя стороны. Чѣмъ полнѣе и шире развертывалась реформаторская дѣятельность учредительнаго собранія, тѣмъ сильнѣе становилось неудовольствіе офицеровъ и тѣмъ

страстнѣе выражалась привязанность солдатъ къ дѣлу революціи. Многіе изъ офицеровъ эмигрировали, а солдаты устроили себѣ во всѣхъ полкахъ клубы и требовали, чтобы имъ увеличили жалованье, облегчили производсто въ офицерскіе чины, предоставили контроль надъ полковыми суммами и отмѣнили тѣлесныя наказанія. Полковые клубы отправляли свои депутаціи къ полковникамъ, а иногда и прямо къ военному министру или къ національному собранію.

Депутаціи эти объявляли часто, что солдаты не желаютъ повиноваться аристократамъ и врагамъ свободы. Во многихъ провинціяхъ армейскіе полки соединялись съ національной гвардіей и праздновали вмѣстѣ союзы братства, давая клятву защищать общими силами націю, короля и конституцію. Национальное собраніе постоянно ободряло составленіе этихъ союзовъ, называвшихся федераціями, но такъ какъ большинство офицеровъ вовсе не было расположено служить націи и защищать конституцію, то союзы эти увеличивали вражду между начальниками и подчиненными, вслѣдствіе чего необходимость преобразованій по арміи съ каждымъ днемъ становилась болѣе настоятельной.

Прежде всего національное собраніе опредѣлило, что на будущее время всѣ вопросы, относящіяся къ величинѣ и къ устройству арміи, къ порядку ея пополненія, къ употребленію ея въ государствѣ, къ жалованью всѣхъ чиновъ, къ принятію на службу иностранныхъ солдатъ и къ военнымъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ,—подлежать рѣшенію законодательныхъ собраній. Потомъ слѣдовали самыя преобразования: жалованье рядовыхъ увеличено, доступъ къ офицерскимъ чинамъ открытъ всѣмъ способнымъ людямъ, солдату предоставлены въ мирное время всѣ права гражданина. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ тогдашней государственной жизни, старина разваливалась сама собой прежде, чѣмъ можно было обновить, замѣнить или уничтожить ее мѣрами законодательства. Во всѣхъ полкахъ происходили уже частныя волненія, тѣмъ болѣе, что декретъ, уничтожившій дворянскіе титулы, превратилъ офицеровъ въ рѣшительныхъ враговъ революціи и довелъ до крайнихъ предѣловъ недовѣріе солдатъ къ ихъ ближайшему начальству.

Въ началѣ августа Мирабо предложилъ собранію распустить всю армію и сформировать ее заново, но Маратъ, питавшій къ солдатамъ большую нѣжность за ихъ радикальный образъ мыслей, вслѣдъ за тѣмъ посовѣтовалъ въ своей газетѣ парижанамъ поставить восемьсотъ висѣлицъ и на первую изъ нихъ повѣсить подлаго измѣнника Мирабо, а на остальныхъ—всѣхъ тѣхъ, кто подастъ голосъ за его предложеніе. Маратъ, какъ извѣстно, никогда не подавалъ другихъ совѣтовъ, и, что всего удивительнѣе, эти однообразные совѣты всегда приводили пролетаріевъ

въ восторгъ, хотя разумѣется они почти никогда не исполнялись. Въ настоящемъ случаѣ національное собраніе побоялось раздражить людей крайней партіи, и предложеніе Мирабо было отвергнуто.

Въ послѣднихъ числахъ августа произошла наконецъ серьезная тревога. Въ Нанси взбунтовались три полка, овладѣли городомъ и соединились съ вооруженными пролетаріями; къ чему клонилось возстаніе нансійскихъ солдатъ—неизвѣстно, потому что это возстаніе очень скоро было задавлено; генераль Булье собралъ небольшой отрядъ надежнаго войска, пошелъ на Нанси, и произвелъ такое кровопролитіе, что въ одномъ изъ возмущившихся полковъ осталось всего 40 человекъ. Национальное собраніе, серьезно перепуганное нансійскимъ бунтомъ, публично выразило генералу Булье свою признательность. Робеспьеръ возражалъ противъ этого рѣшенія, но его не послушали. Въ Парижѣ нансійскія событія отозвались сильнымъ раздраженіемъ умовъ противъ министровъ, которыхъ народъ считалъ первыми виновниками кровопролитія. Въ сентябрѣ собраніе опредѣлило для арміи порядокъ производства въ чины. Королю предоставлялось назначать только маршаловъ и отрядныхъ генераловъ; офицеры должны были производиться по старшинству службы; въ унтеръ-офицеры должны были производиться способнѣйшіе солдаты, по представленію старыхъ унтеръ-офицеровъ роты. Наконецъ, къ военному судопроизводству былъ примѣненъ институтъ присяжныхъ.

XIV.

Католическія волненія, дворянская эмиграція, солдатскіе мятежи—все это конечно тревожило и огорчало національное собраніе, но всѣ эти тревоги и огорченія были незначительны, въ сравненіи съ гнетущей и неотвратимой заботой о финансахъ. Уходили дни и недѣли; пришла и прошла годовщина взятія Бастиліи; отпраздновали въ этотъ день на Марсовомъ полѣ торжество федерации для всей Франціи; все это было красиво и трогательно; но вмѣстѣ съ днями и недѣлями быстро, незамѣтно и неудержимо уходили изъ государственнаго казначейства недавно отпечатанныя ассигнаціи. Къ концу августа изъ 400 милліоновъ, выпущенныхъ въ апрѣлѣ, не оставалось уже ничего. Въ концѣ сентября, когда министерство Некьера упало и когда на его мѣсто стало другое министерство, такое-же неспособное, Мирабо предложилъ въ собраніи—выпустить еще 800 милліоновъ ассигнацій и употребить ихъ на погашеніе государственнаго долга съ тѣмъ, чтобы въ обращеніи никогда не было болѣе 1,200 милліоновъ бумажныхъ денегъ. За мнѣніе Мирабо стояли якобинцы; на-

селеніе Парижа также желало новаго выпуска ассигнацій, потому что обиліе денежныхъ знаковъ облегчало процессъ обмѣна и на первое время оживляло промышленность. Но такъ какъ законодатели не могли смотрѣть на вопросы государственнаго хозяйства съ той добродушной беззаботностью, которую обнаруживали въ этомъ случаѣ парижане, то члены національнаго собранія преимущественно утѣшали себя тѣмъ ображеніемъ, что съ 1 января 1791 года начнется для финансовъ новый періодъ существованія. Поэтому рѣшено было—должное количество ассигнацій выпустить, но вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно принять за основательный пересмотръ государственнаго бюджета и за преобразование податной системы.

Устанавливая цифры бюджета, члены собранія усердно вели дѣло къ тому, чтобы доказать экономическую благотѣльность революціи; если бы они имѣли въ виду только то обстоятельство, что декреты 4 августа 1789 года значительно увеличили народную производительность, то мнѣніе ихъ было-бы безошибочно; но они думали, что народъ этого расчета не пойметъ, и что, на этомъ основаніи, необходимо показать ему, какъ непосредственный результатъ революціи, прямое уменьшеніе въ общей суммѣ податей. Чтобы придти къ этому результату, члены собранія были принуждены прибѣгать ко многимъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя своей утѣшительностью могли произвести пріятное впечатлѣніе на публику, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были надолго упрочить путаницу въ финансахъ. Во всѣхъ статьяхъ расхода были произведены значительныя сокращенія, но можно было опасаться того, что эти сокращенія по необходимости останутся только на бумагѣ. Такъ напримѣръ на расходы по сбору податей положено 8 милліоновъ, между тѣмъ какъ по умѣренному расчету, надо было-бы положить на это дѣло около 30 милліоновъ. Церкви, стоившей 170 милліоновъ, отведено 67. Армія съ 99-ти посажена на 89. На пенсіи вмѣсто 29-ти назначено 12 милліоновъ. Хорошо, если этого достанетъ; но достанетъ-ли?

При всѣхъ этихъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ сокращеніяхъ получился общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ въ 580 милліоновъ для государства и въ 60 милліоновъ для мѣстныхъ потребностей департаментовъ. Кромѣ того, предвидѣлось въ 1791 году экстраординарныхъ расходовъ на 76 милліоновъ. Эту послѣднюю статью бюджета оставили со всѣмъ въ сторонѣ. Теперь надо было ухитриться, чтобы какъ-нибудь разложить эти 640 милліоновъ (580 и 60) на народъ. Какъ ихъ собрать? Какія преобразования ввести въ податную систему? При опредѣленіи расходовъ депутаты были расположены предполагать ихъ естественно скромными, а при вычисленіи дохо-

довъ они, по тому-же самому побужденію, старались выводить цифры невѣроятно крупныя. Они разсчитывали напримѣръ, что національныя имущества (бывшія церковныя) дадутъ 60 милліоновъ дохода; нѣкоторые пессимисты возражали имъ, что эти имущества управляются городскими общинами дурно и что они, по приблизительному разсчету, дадутъ не больше 40 милліоновъ. Пессимистовъ не слушали, и разсчетъ продолжался въ томъ-же идеальномъ направленіи. Такимъ образомъ нашли, что государство можетъ получить 448 милліоновъ дохода помимо податей—гуть считались доходы съ національныхъ имуществъ, съ государственныхъ лѣсовъ, съ соляныхъ источниковъ и т. д. Стало-быть народъ долженъ былъ уплатить 492 милліона, т. е. слишкомъ на 100 милліоновъ меньше, чѣмъ онъ платилъ въ послѣдній годъ стараго порядка, не считая десятинъ и феодальныхъ повинностей. Стало-быть главная цѣль національнаго собранія была достигнута; пріятное впечатлѣніе было произведено, и дѣло революціи еще разъ было зарекомендовано народу съ самой привлекательной стороны. Но все-таки надо было разложить эти 492 милліона, и тутъ опять пошли затрудненія.

Народонаселеніе Парижа, имѣвшее ближайшее и сильнѣйшее вліяніе на всѣ распоряженія собранія, сурово отрицало большую часть косвенныхъ налоговъ. Забѣчено вообще, что косвенные налоги бываютъ особенно значительны въ тѣхъ странахъ и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда преобладаетъ аристократическій элементъ. По мѣрѣ того, какъ низшіе и бѣднѣйшіе классы народа, живущіе трудомъ, приобрѣтаютъ себѣ значеніе въ общественномъ организмѣ,—косвенные налоги замѣняются прямыми; наконецъ когда демократическій элементъ становится преобладающимъ, тогда прямыя налоги дѣлаются прогрессивными, т. е. богатые граждане не только платятъ абсолютно большую сумму денегъ, но они даже платятъ болѣйшій процентъ съ своего большаго дохода, чѣмъ бѣдные—съ своего малаго дохода. Почему усиленіе демократіи ведетъ за собой систему прогрессивныхъ налоговъ—это понятно безъ объясненій; замѣна косвенныхъ налоговъ прямыми основана на той-же общей причинѣ. Прямой налогъ падаетъ преимущественно на тотъ капиталъ, который легко опредѣлить; ему подвергаются землевладѣльцы, чиновники, получающіе определенное жалованье, капиталисты, живущіе процентами съ государственныхъ бумагъ; люди, живущіе собственнымъ трудомъ, могутъ въ этомъ случаѣ платить только подушную подать, да еще пошлину за какой-нибудь патентъ или билетъ; опредѣлить величину ихъ годового заработка и брать съ нихъ извѣстный процентъ этого заработка нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно прямой налогъ падаетъ больше на капиталъ, чѣмъ на па-

трудъ. Косвенные налоги напротивъ того падаютъ съ одинаковой силой на всѣхъ людей, нуждающихся въ тѣхъ предметахъ, которые обложены пошлиною. А такъ какъ средневѣковыя правительства съ особенной изобрѣтательностью умѣли облагать пошлинами предметы первой необходимости, то косвенные налоги падали всей своей тяжестью на все населеніе страны, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Для бѣдныхъ они разумѣется были тяжелѣе, чѣмъ для богатыхъ. Человѣкъ, получающій въ годъ 100000 рублей годового дохода, никакъ не съѣстъ въ 1000 разъ больше соли, чѣмъ работникъ, добывающій себѣ въ годъ 100 рублей; первый не съѣстъ даже вдвое больше послѣдняго; оба они съѣдятъ одинаковое количество соли и заплатятъ за нее одинаковую сумму налога, изъ чего прямо слѣдуетъ заключеніе, что работникъ относительно платитъ въ 1,000 разъ больше, чѣмъ милліонеръ. Если-же работникъ не съѣстъ въ годъ того количества соли, которое необходимо для организма, то онъ разстроитъ свое здоровье. Поэтому ненависть народа противъ косвенныхъ налоговъ вообще и противъ солянаго налога въ особенности объясняется очень удовлетворительно.

Послѣ іюльскихъ дней 1789 года о взиманіи солянаго налога нечего было и думать. Въ августѣ того-же года національное собраніе объявило уничтожить этотъ налогъ, но выразило ту мысль, что его необходимо взимать до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена на его мѣсто другая подать. Въ отвѣтъ на это мнѣніе провинція Анжу объявила, что она противъ сборщиковъ солянаго налога выставитъ въ поле 60000 вооруженныхъ людей; другія провинціи обнаружили такія-же воинственныя наклонности, и соляной налогъ исчезъ безъ слѣда. Изъ государственныхъ доходовъ вышло такимъ образомъ, 60 милліоновъ. Табачная регалія въ 27 милліоновъ и питейный акцизъ въ 50 милліоновъ отправились вслѣдъ за солянымъ налогомъ. Налоги на пудру, кожу и желѣзо, всего на 9 милліоновъ, пошли по тому-же пути.

Въ старой Франціи, на городскихъ заставахъ, собирались, подъ названіемъ *octrois*, пошлины за ввозъ различныхъ припасовъ; эти пошлины, падавшія преимущественно на вино и мясо, давали въ годъ 70 милліоновъ, изъ которыхъ 46 поступали въ государственное казначейство, а 24 шли въ пользу городовъ и мѣстныхъ больницъ. Въ одномъ Парижѣ *octrois* приносили въ годъ государству 24, а городу 13 милліоновъ. Втеченіи 1789 и 1790 годовъ эту пошлину продолжали собирать по-прежнему, преимущественно потому, что парижскій городской совѣтъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ обойтись безъ этой статьи дохода; а національное собраніе всегда старалось поддержать хорошія отношенія съ городскимъ совѣтомъ и все

не желало посягать на его финансовыя средства, тѣмъ болѣе за всякое денежное затрудненіе въ городской кассѣ всей своей тяжестью обрушивалось на государственное казначейство, которое подъ страхомъ революціи должно было выдавать деньги и кормить пролетаріевъ. Но весною 1791 года *ostrois* должны были уничтожаться; народъ давно сообразилъ, что отъ этого *ostrois* вино становится дороже, и требованія его по этому случаю сдѣлались до такой степени настоятельными, что городской совѣтъ и національное собраніе принуждены были уступить; *ostrois* были отмѣнены во всей Франціи, и вслѣдствіе этого пришлось прибавить еще 46 милліоновъ къ той массѣ налоговъ, которая лежала на поземельной собственности; кромѣ того государство стало платить городской кассѣ Парижа по 3 милліона въ годъ, чтобы хоть отчасти вознаградить городъ за потерю этой важной статьи дохода: эти 4 милліона конечно упали также на сельское хозяйство. Изъ косвенныхъ налоговъ удержались только тѣ, которые не отягощали рабочаго населенія; остались такимъ образомъ въ прежней силѣ почтовые доходы, дававшіе до 12 милліоновъ; пошлыны за внесеніе процентовъ въ реестры были увеличены съ 40 милліоновъ на 51 милліонъ; введена новая пошлына въ 22 милліона за гербовую бумагу; удержаны таможенные доходы въ 22 милліона, хотя внутренніе таможины были уничтожены, а тарифъ заграничной торговли передѣланъ по новому плану; осталась въ прежней силѣ государственная лотерея, приносящая 10 милліоновъ; законодатели понимали, что это учрежденіе вовсе не полезно для общественной нравственности, но Парижъ, любившій дешевое вино и требовавшій вслѣдствіе этого отмѣны *ostrois*, любилъ также сильныя ощущенія азартной игры и желалъ на этомъ основаніи удержать лотерею.

Когда впродолженіи многихъ вѣковъ накоплялись всевозможныя соціальныя неурядицы, развращавшія народъ, тогда всѣ Солоны и Конфуціи прошедшихъ и настоящихъ временъ при всей добросовѣстности своихъ усилій не сумѣютъ въ два-три года исправить народную нравственность, точно такъ-же, какъ никакіе философы не сумѣютъ вдругъ рассяять густые туманы народныхъ предрассудковъ. Что портилось вѣками, то поправляется по меньшей мѣрѣ десятилѣтіями. Поэтому, если благосклонному читателю не понравится что-нибудь въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонныхъ событій, онъ твердо долженъ помнить—и я сто разъ готовъ повторять ему—что за все надо говорить спасибо доброму старому времени. Члены конвента опустили только тотъ топоръ, который повѣсило надъ государствомъ старое время, и первые 75 лѣтъ прошлаго вѣка въ особенности... Если виноватъ палачъ, то еще болѣе виноватъ судья,

хотя вообще искать въ исторіи виноватыхъ—занятіе столько-же наивное, сколько и безплодное.

Всѣ удѣлѣвшіе косвенные налоги давали въ общей сложности 110 милліоновъ; оставалось набрать еще 282 милліона; для этого было опредѣлено, чтобы каждый ремесленникъ бралъ себѣ ежегодно патентъ; эта мѣра дала 22 милл.; потомъ наложена подушная подать, и выручено 60 милліоновъ; затѣмъ остальные 300 милліоновъ упали на поземельную собственность. Разсчеты по бюджету были окончены; на бумагѣ все обстояло красиво и благополучно; но въ дѣйствительности предвидѣлось мало отраднато. 76 милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ можно было игнорировать при разсчетѣ; но они отъ этого не теряли своей силы; смѣта обыкновенныхъ расходовъ была, по крайней мѣрѣ на 50 милліоновъ ниже дѣйствительныхъ потребностей государства. Опытные и знающіе люди говорили, что при собираніи прямыхъ налоговъ окажется не менѣе 100 милліоновъ недоимки. $50 + 76 + 100 = 226$; такимъ образомъ при бюджетѣ въ 716 милліоновъ (640 обыкновенныхъ и 76 экстраординарныхъ расходовъ) оказывается дефицитъ въ 226 милліоновъ, почти одна треть. Только очень упорные оптимисты могли думать серьезно, что съ 1-го января 1791 года начинается для государственныхъ финансовъ періодъ благоденствія и порядка.

ХV.

Государственный долгъ, переданный національному собранію старой монархіей, оставался непогашеннымъ; революція была поставлена въ необходимость увеличить этотъ долгъ значительной суммою; реформируя всѣ отрасли управленія, надо было вездѣ уничтожать наслѣдственные должности, а владѣльцамъ этихъ должностей надо было выдавать денежное вознагражденіе, потому что должности были, какъ намъ уже извѣстно, куплены у прежнихъ правительствъ на чистыя деньги. Весь капиталъ, который слѣдовало израсходовать на это исправленіе старыхъ шалостей, доходилъ до 1430 милліоновъ и слѣдовательно равнялся суммѣ всѣхъ государственныхъ расходовъ за два года. Уплатить такой капиталъ было совершенно невозможно; оставалось только причислить его къ утвержденному государственному долгу и платить за него вѣчные проценты; такъ и сдѣлали: къ суммѣ ежегодно платимыхъ процентовъ прибавилось вслѣдствіе этого еще 70 милліоновъ.

Ассигнаціи, которыя предположено было употребить на погашеніе государственнаго долга, составляли единственную поддержку казначейства и по горькой необходимости тратились на текущіе расходы; въ іюнѣ 1791 года были издержаны всѣ 1200 милліоновъ первыхъ

двухъ выпусковъ; изъ нихъ на уплату долгового капитала употреблено 108 милліоновъ, на уплату залущенныхъ процентовъ и забранныхъ впередъ доходовъ—416 милліоновъ; на текущіе расходы—676 милліоновъ. Эти 676 милл. были обезпечены національными имуществами; но продать эти имущества можно было только одинъ разъ; стало-быть издерживая цѣну этихъ имуществъ на текущіе расходы, государство съѣдало свой капиталъ, а всякому извѣстно, что тратить на житье капиталъ вмѣсто того, чтобы жить процентами съ капитала, значить быстрыми шагами идти къ разоренію. Въ сентябрѣ 1790 года національное собраніе опредѣлило декретомъ, что въ обращеніи никогда не должно быть болѣе 1200 милліоновъ ассигнацій. Въ іюнь 1891 года тому-же самому собранію пришлось нарушить свое собственное приказаніе и выпустить еще 600 милліоновъ. Тутъ уже и не пробовали опредѣлить заранѣе ту цифру бумажныхъ милліоновъ, на которой слѣдуетъ остановиться; всѣ знали въ національномъ собраніи и всѣ предчувствовали въ обществѣ, что остановиться невозможно и что за неимѣніемъ настоящихъ милліоновъ государство будетъ постоянно создавать бумажные. А что будетъ дальше, того никто не могъ рѣшить опредѣленно. Послѣ новаго выпуска ассигнаціи потеряли въ своемъ курсѣ отъ 8 до 10 процентовъ. Чтобы облегчить мелкія операціи обмѣна, правительство выпустило 100 милліоновъ пяти-лировыми билетами (1 руб. 25 коп. с.), между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ выпускахъ не было билетовъ мельче 50 ливровъ. Ассигнаціи проникали такимъ образомъ въ бѣднѣйшіе классы народа и вовлекли въ ажіотажъ работниковъ и крестьянъ. Принимая какой-нибудь заказъ, ремесленникъ долженъ былъ рассчитывать на предстоящее пониженіе курса; продавая возъ хлѣба, крестьянинъ могъ ожидать, что въ ближайшей лавкѣ у него примутъ вырученныя деньги не иначе, какъ съ значительнымъ учетомъ.

Можно себѣ представить, сколько тревоги вносили подобныя обстоятельства во всѣ крупныя и мелкія сдѣлки; не трудно также понять, какого рода вліяніе эта промышленная тревога должна была оказывать на общее настроеніе умовъ въ народныхъ массахъ. Гдѣ богатый человѣкъ рисковалъ частью своего капитала, тамъ поденщикъ поневолѣ рисковалъ кускомъ своего обѣда; когда богатъ разорялся, тогда бѣднякъ страдалъ отъ голода; а между тѣмъ новыя выпуски ассигнацій были неизбѣжны и дѣйствительно быстро слѣдовали одинъ за другимъ; съ каждымъ новымъ выпускомъ увеличивалось колебаніе въ курсѣ; вмѣстѣ съ колебаніемъ въ курсѣ возрастало безпокойство и неудовольствіе массъ; отвращеніе къ правильному и постоянному труду увеличивалось, потому что правильный и постоянный трудъ возможенъ только тогда, когда

онъ можетъ рассчитывать на правильное и постоянное вознагражденіе.

Безпокойство, неудовольствіе, шаткость ежедневныхъ расчетовъ, отсутствіе правильныхъ заработковъ, отвращеніе къ труду—всѣ эти моменты составляли ту общую канву, на которой революціонное движеніе могло рассыпать щедрой рукой самыя роскошныя и причудливыя узоры. Все дѣйствовало за одно съ революціей, и все предвѣщало ей въ будущемъ много фазъ тревожнаго и неудержимо-стремительнаго развитія. Усилія правительства и національнаго собранія остановить революцію не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, потому что и правительство, и собраніе, стараясь одной рукой обезоружить народныя страсти, другой рукой, сами того не замѣчая, увеличивали раздраженіе умовъ и заготовляли матеріалы для новаго взрыва. И новая революція дѣйствительно приближалась съ неумолимой быстротой, приближалась независимо отъ единичныхъ желаній или опасеній, приближалась, какъ громадное и неизбѣжное явленіе природы, вытекающее изъ данныхъ условій по слѣпымъ и безжалостнымъ законамъ необходимости. Средневѣковое ярмо было разбито и сброшено; несмотря на это, въ сельскомъ и городскомъ населеніи Франціи лежали еще неисощимыя запасы матеріаловъ для самыхъ всеобъемлющихъ переворотовъ.

Посмотримъ, что дѣлалось въ деревняхъ. Въ іюль и въ августѣ 1789 года крестьяне почти во всѣхъ провинціяхъ королевства принудили бывшихъ феодаловъ спасаться бѣгствомъ; вмѣстѣ съ феодалами бѣжали и укрылись въ городахъ или за-границей капиталы; это обстоятельство могло-бы принести сельскому хозяйству много вреда, если-бы капиталы въ прежнее время были прилагаемы къ улучшенію почвы и земледѣльческихъ пріемовъ; но такъ какъ этого въ большей части случаевъ не бывало, то отсутствіе господъ и ихъ капиталовъ выразилась для крестьянъ только въ томъ, что они, крестьяне, избавились отъ многихъ неприятныхъ столкновеній. Законъ отмѣнилъ десятинные подати. Тогда крестьянинъ вспомнилъ, что многія пашни были превращены у него въ луга собственно потому, что лугъ былъ обложенъ менѣе значительной десятинной податью; вспомнивъ это, онъ тотчасъ распахалъ и засѣялъ лугъ, чтобы выручить хорошей денежный кушъ за пшеницу, бывшую въ то время въ цѣнѣ. Отмѣнили пшеничную подать. Французскій крестьянинъ, любящій вообще заниматься винодѣліемъ, насадилъ тогда виноградныхъ лозъ во многія такія земли, которыя были несовсѣмъ удобны для такого рода обработки. Превращеніе луговъ въ пашни должно было ослабить скотоводство; превращеніе пахатныхъ земель въ виноградники должно было ослабить земледѣліе; въ томъ и въ другомъ случаѣ прочное благосостояніе хозяйства приносилось

въ жертву болѣе прибыльному, но болѣе рискованному промыслу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ неудача происходитъ отъ непривычки пользоваться свободой въ сферѣ своего труда, крестьянинъ, нестѣсняемый внѣшними препятствіями, съумѣетъ скоро освободиться отъ своихъ убиточныхъ предразсудковъ и поведетъ свое хозяйство разсчетливо и благоразумно; колебанія и неудачи не пропадутъ даромъ; но такъ какъ эти первыя попытки совпадаютъ съ началомъ революціи, и такъ какъ онѣ вносятъ тревогу и волненіе почти въ каждую крестьянскую хижину, то мы видимъ, что и здѣсь существуютъ задатки, изъ которыхъ можетъ развиться симпатія къ дальнѣйшему общественному движенію. Французское крестьянство укрѣпилось и разбогатѣло, несмотря на всю тяжесть общественнаго кризиса; многіе изъ беспорядковъ тревожной эпохи послужили ему въ пользу; государство бѣднѣло, потому что не было въ состояніи собрать необходимое количество податей, но такъ какъ подати эти оставались въ домѣ крестьянина, то хозяйство его могло совершенствоваться и развиваться. Въ первыя времена революціи въ рукахъ крестьянъ оставалось ежегодно около 170 милліоновъ податей, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣхамъ французскаго земледѣлія. Немногіе крестьяне во Франціи владѣли землей, и то, что я говорилъ до сихъ поръ, относится только къ этимъ немногимъ. Для того большинства, которое пробавлялось фермерствомъ и, по недостатку средствъ нанимало себѣ крошечныя кусочки земли, отдавая за наемъ половину сырого продукта, для этого большинства, составляющаго сельскій пролетаріатъ, устраненіе феодальныхъ повинностей оказалось незначительнымъ облегченіемъ. Съ этихъ неимущихъ людей нельзя было ничего взять кромѣ повинности трудомъ; когда обязательный трудъ былъ уничтоженъ, тогда у этихъ людей остался досугъ, но съ этимъ досугомъ нечего было дѣлать; при низкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, при бѣдности крестьянъ-собственниковъ, при отсутствіи всякой сельской промышленности, крестьяне-пролетаріи рѣдко могли пристроить себя къ какому-нибудь производительному занятію; конечно свобода труда не можетъ на вѣчныя времена остаться мертвымъ капиталомъ, но не можетъ она также въ одно мгновеніе устранить ту глубокую нищету и вынужденную праздность, которая обыкновенно тяготѣютъ надъ рабами, только что выпущенными на волю.

Крестьяне-пролетаріи были друзьями того общественнаго движенія, которое уничтожило барщину, но они по своей простотѣ, воображали себѣ, что настоящее движеніе еще впереди; они видѣли, что ихъ сосѣди, крестьяне-собственники, извлекали изъ движенія такія выгоды, ко-

торыя имъ, крестьянамъ-пролетаріямъ, остались недоступными; тогда они, опять-таки по своей простотѣ, стали воображать, что и имъ надо-же когда-нибудь пользоваться этими выгодами и что къ этому пользованію должно привести неизбежно дальнѣйшее развитіе революціи. Каждый просвѣщенный либераль могъ-бы поразить этихъ глупыхъ крестьянъ безчисленнымъ множествомъ аргументовъ, взятыхъ изъ всѣхъ областей права, исторіи, нравственной философіи и политической экономіи. Онъ могъ-бы сказать имъ въ общемъ результатѣ: «глупые друзья мои! Какъ вы этого не понимаете? Они собственники, а вы не собственники. У васъ нѣтъ совсѣмъ ничего, и потому вы никакъ не можете получить отъ революціи тѣ удовольствія, которыя пріобрѣли отъ нея люди, имѣющіе что нибудь. Революція можетъ измѣнить законы и учрежденія, но если она посягнетъ на священную собственность, тогда это будетъ уже не революція, а одно безобразіе».

Національное собраніе подумало, что продажа церковныхъ имуществъ можетъ принести французской націи двойную пользу: во-первыхъ—дать казначейству золотыя горы, а во-вторыхъ—превратить глупыхъ пролетаріевъ въ счастливыхъ собственниковъ и слѣдовательно въ просвѣщенныхъ либераловъ, противъ которыхъ не нужно будетъ употреблять никакихъ героическихъ лекарствъ. Поэтому, когда въ половинѣ іюня 1790 года рѣшено было пустить въ продажу всю массу церковныхъ имуществъ, тогда національное собраніе приказало продавать ихъ мелкими кусками. Мѣра была превосходная, но на землѣ не бываетъ полнаго совершенства, и не можетъ его быть, прибавляетъ солидный читатель *). У глупаго пролетарія совсѣмъ ничего не было, такъ что если-бы земля продавали не десятнами, а цѣточными горшками, то и тутъ онъ могъ-бы только украсть себѣ такой горшокъ земли, а никакъ не купить его. Если-бы государство захотѣло подарить землю своему убогому дѣтищу, то и тогда этотъ блудный сынъ могъ-бы пахать эту землю только собственными ногтями, потому что у него не было даже своей лопаты; я говорилъ уже въ одной изъ предыдущихъ главъ, что большая часть фермеровъ работали хозяйскими орудіями и хозяйскимъ рабочимъ скотомъ; стало-быть, сдѣлавшись собственникомъ, такой фермеръ все еще не превращался въ просвѣщеннаго либерала и все еще искалъ себѣ въ революціи недозволенныхъ удовольствій.

Ну, однако, спрашиваетъ наконецъ разсодованный читатель, что-же вы съ нимъ прикажете дѣлать? И какъ-же его наконецъ пристроить такъ, чтобы онъ не кричалъ и не лѣзъ

*) И даже совсѣмъ не должно быть, прибавляю я и оказываюсь такимъ образомъ солиднѣе всякаго читателя.

на стѣны? И чѣмъ-же тутъ виновато національное собраніе?

Ахъ вы, мой читатель! ахъ вы, мой гнѣвный читатель! неужели вы не знаете, что въ жизни бывають такія положенія, въ которыхъ рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь и рѣшительно ничего нельзя сдѣлать путнаго? Куда ни кинь, все клинь. Въ подобныхъ случаяхъ частной жизни русскій человѣкъ угѣшается последицей: «перемелется—мука будетъ». Перемелется-то оно точно, и мука будетъ непременно; но ужъ за-то не взыщите: что попадетъ подъ жерновъ и изъ чего выдѣлается мука—этого никто не знаетъ заранее. Вотъ въ такомъ-то положеніи и находились дѣла во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. И если-бы они находились не въ такомъ положеніи, тогда во Франціи не было-бы революціи, а совершалось-бы любовное размежеваніе заинтересованныхъ сторонъ. Но ни одна попытка подобнаго размежеванія въ тогдашней Франціи не удалась, и между заинтересованными сторонами не оказалось ни малѣйшей любвиности; обнаружилось, что всѣ интересы противорѣчатъ другъ другу и всѣ перепутаны между собой до послѣдней крайности. Со всѣхъ сторонъ заговорили страсти, и каждая изъ этихъ страстей сама по себѣ была вполнѣ естественна, а между тѣмъ каждая изъ нихъ для своего удовлетворенія должна была тѣснить и истреблять другія страсти. Люди разгнѣвались другъ противъ друга и сначала стали шумѣть, а потомъ передрались. И больно передрались. И долго продолжалась ихъ драка. И все это вовсе не хорошо, и вовсе не нравится ни мнѣ, ни моему читателю. Но мало-ли что намъ не нравится. Многое, другъ Горацио, очень много дѣлается въ этомъ мірѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ тобой того желаемъ. Этимъ печальнымъ размышленіемъ, изумительнымъ по своей новизнѣ, я заканчиваю эту XV главу, которая, по какому-то необъяснимому капризу судьбы, пропиталась небывалымъ легкомысліемъ и зложеніемъ. Въ оправданіе этого легкомыслія я могу впрочемъ поставить на видъ читателю, что я все-таки тѣмъ или другимъ тономъ выразилъ все то, и только то, что я хотѣлъ выразить, а это во всякомъ случаѣ заслуга немало-важная, за которую многое можетъ мнѣ быть прощено.

XVI.

Въ странѣ, населенной полудикими пролетаріями, каждый неурожае производитъ такія страданія, о которыхъ не имѣють понятія жители богатыхъ и промышленныхъ земель. Каждый неурожае во Франціи XVIII столѣтія приводилъ за собой голодъ и общественныя волненія, потому что большинство сельскаго населенія не имѣло никогда никакихъ запасовъ и, живя со дня на день, тотчасъ встрѣчалось лицомъ къ лицу съ

голодной смертью, какъ только погода въ какомъ-нибудь отношеніи переставала благоприятствовать успѣшному созрѣванію жатвы. Въ историческихъ сочиненіяхъ упоминается часто о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, которыя, совпадая съ общественной нескладницей, увеличивають тревожное настроеніе умовъ и усиливають разнообразныя безпорядки. Говоря о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, историки обыкновенно смотрятъ на нихъ, какъ на явленіе совершенно самостоятельное и не имѣющее ни малѣйшей связи съ общественнымъ положеніемъ той страны, надъ которой они разражаются. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, историки обнаруживаютъ трогательное отсутствіе обобщаемаго пониманія.

Объяснить и доказать это вовсе не трудно. Представьте себѣ, что васъ застигаетъ въ дорогѣ наша отечественная мятежь, украшенная 20-тиградуснымъ морозомъ; вы, какъ человѣкъ, одаренный енотовой шубой, остаетесь здоровы и невредимы, а ямщикъ вашъ, благодаря своему зипуну*), отмораживаетъ себѣ руки и ноги, приобрѣтаетъ антоновъ огонь**) и умираетъ. Мятежь для васъ обихъ была одна и та-же, и морозъ одинъ и тотъ-же, но оборонительное оружіе противъ того и другого было у насъ различное, а потому и результаты получились совершенно несходные.

Размѣры моей притчи о мятели и ея послѣдствіяхъ могутъ быть увеличены въ миллионы разъ, и притча не потеряетъ отъ этого своей вѣрности. Мы увидимъ тогда, что богатый, промышленный и образованный народъ, счастливый по условіямъ своего гражданскаго быта***), переноситъ естественныя бѣдствія совсѣмъ не такъ, какъ переноситъ его народъ бѣдный, производящій мало земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, погруженный въ невѣжество и доведенный своими историческими несчастіями до неизбѣжной и подавляющей апатіи. В о п е р в ы хъ—многія, если не всѣ, естественныя бѣдствія поражаютъ бѣдный и невѣжественный народъ гораздо чаще, чѣмъ богатый и образованный. Понятно также, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго совершенства предохранительныхъ мѣръ, а количество и качество этихъ мѣръ очевидно обуславливается общимъ положеніемъ народа. Голодъ также посягаетъ всего чаще тѣ мѣста, въ которыхъ искусство человѣка слабо и

*) Зипунъ одежда честная“ и т. д. (Объявленіе въ изданіи „Времени“ въ 1863 году.)

**) Его должно утѣшить, что, благодаря тому-же зипуну, онъ кромѣ антонова огня приобрѣлъ себѣ еще чувство либеральныхъ журналистовъ.

***). Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти привлекательныя эпитеты имѣють только относительное значеніе. Англичане счастливѣе и т. д. въ сравненіи съ индусами, но абсолютно счастливыхъ народовъ до сихъ поръ еще не бывало.

въ которыхъ хлѣбныя зерна совершенно предоставляются на волю естественныхъ силъ земли и атмосферы; чѣмъ безобразнѣ земледѣльческія орудія, чѣмъ допотопнѣ системы хозяйства, тѣмъ хуже родится хлѣбъ и тѣмъ чаще происходятъ неурожаи. Морозная язва и разныя другія повальные болѣзни идутъ обыкновенно вслѣдъ за голодомъ и раздражаются съ особенной силой въ военныхъ лагеряхъ или въ городахъ, въ которыхъ чистый воздухъ составляетъ роскошь, доступную только для самаго ограниченнаго меньшинства. Извѣстно, что холера, лихорадки, тифы появляются сначала въ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, а потомъ изъ лачугъ переходятъ въ роскошные отели, напоминая обитателямъ послѣднихъ, что въ лачугахъ прозябаютъ и дышатъ животныя совершенно одинаковой съ ними организаціи. Извѣстно, что голодъ и язва постоянно работаютъ на Востокахъ, гдѣ массы подавлены нищетою и рабствомъ; извѣстно, что англичане своимъ управленіемъ производятъ въ Остѣ-Индіи голодъ и повальные болѣзни, которыя не были извѣстны тамошнимъ жителямъ до тѣхъ поръ, пока Остѣ-Индская компанія не приняла на себя челоуѣколюбивый трудъ обирать индуса до послѣдней нитки и называть это обирание распространеніемъ европейской цивилизаціи между грубыми варварами. Все это во-первыхъ. А во-вторыхъ, надо взять въ расчетъ, что если надъ богатымъ и образованнымъ народомъ страдется такая бѣда, которую нельзя отратить никакими предосторожностями, то богатство, образованность и вытекающая изъ нихъ неутомимая дѣятельность даютъ народу возможность перенести это бѣдствіе безъ большихъ потерь и потомъ съ изумительной быстротой исправить понесенные убытки. Случилось, положимъ, землетрясеніе или наводненіе; тотчасъ появляются со всѣхъ сторонъ вспомошествованія и пожертвованія; но они даже и не нужны, потому что всѣ погибшія зданія были застрахованы; кто изъ жителей разорился, тотъ можетъ найти себѣ работу и находить ее въ промышленной странѣ несравненно легче, чѣмъ могъ бы сдѣлать это въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царствуетъ невозмутимый застой.

Все это отступленіе отъ главнаго предмета клонилось къ тому, чтобы показать, что отношенія челоуѣка къ явленіямъ природы подчинены тѣмъ отношеніямъ, которыя установились втеченіи вѣковъ между челоуѣкомъ и челоуѣкомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что счастье челоуѣка зависитъ исключительно отъ особенностей его общественной жизни. Когда каждый челоуѣкъ будетъ относиться къ каждому другому челоуѣку совершенно разумно, тогда изъ этихъ разумныхъ отношеній вырабатывается такая сила, которая побѣдитъ навсегда всякія враждебныя вліянія природы. Въ подтвержденіе этой мысли достаточно будетъ привести одинъ круп-

ный примѣръ. Сравните южныя части Европы съ сѣверными и вы увидите, на какой сторонѣ находится перевѣсъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Народъ счастливѣе на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ на Пиринейскомъ; счастливѣе въ Даніи, чѣмъ въ Италіи; въ Англии, чѣмъ въ Турціи; и именно во столько разъ счастливѣе въ первыхъ странахъ, чѣмъ во вторыхъ, во сколько разъ климатическія условія благоприятнѣе во вторыхъ, чѣмъ въ первыхъ.

Окончательный выводъ нашъ, парадоксальный по своей формѣ, будетъ тотъ, что не природа, а исторія производитъ неурожаи, пожары и повальные болѣзни. Этотъ выводъ уже прямо относится къ нашему главному предмету. Во Франціи въ 1788 году былъ неурожай, и послѣдствія этого неурожая во многихъ отношеніяхъ содѣйствовали усилію революціи. Для насъ все не интересно то обстоятельство, что солнечные и дождливые дни слѣдовали въ этомъ году одинъ за другимъ въ томъ или въ другомъ порядкѣ; но для насъ уже интересно и важно то, что неблагоприятная погода испортила жатву на значительномъ пространствѣ французской территоріи. Для насъ еще важнѣе и еще интереснѣе то, что одна испорченная жатва произвела во Франціи сильныя народныя страданія и такія волненія, которыя заняли свое мѣсто въ исторіи. Конечно всѣ прежніе правители Франціи своими совокупными усиліями не могли навлечь на свою родину градовую тучу, или отклонить отъ ея засыхающихъ полей благотворное дождевое облако; однако не подлежитъ сомнѣнію, что самый климатъ страны можетъ быть испорченъ напримѣръ неразсчетливымъ вырубаніемъ лѣсовъ, — или улучшенъ напримѣръ осушкой болотъ. Если прежніе правители Франціи по незнанію или по небрежности упускали изъ виду лѣса и болота, то даже въ дѣлѣ погоды эти прежніе правители являются виновниками позднѣйшихъ бѣдствій.

Если мы перейдемъ къ вопросу о томъ, почему люди подѣйствовали разрушительно на жатву, то тутъ участіе прежнихъ правителей въ бѣдствіяхъ настоящей эпохи сдѣлается еще ощутительнѣе; если-бы поля были вспаханы глубже, если-бы они были орошены каналами, если-бы между нивами были разсажены разсчитливымъ образомъ деревья, то вліяніе засухи было бы ослаблено въ значительной степени. А почему земля была дурно вспахана, почему не было каналовъ, почему не было аллей? Да потому, что у крестьянъ не было ни хорошихъ орудій, ни раціональныхъ познаній; а этого не было, потому что народъ вообще былъ бѣденъ до послѣдней степени и задавленъ самымъ глубокимъ невѣжествомъ. А почему одна испорченная жатва производила въ тогдашней Франціи голодъ, опасный для самой жизни цѣлыхъ милліоновъ людей? Очевидно потому, что народъ жилъ почти такъ, какъ живутъ теперь остяки, не оставляя

ничего про запасъ, съѣдая въ одинъ годъ все, что неотнято изъ ихъ рукъ сборщиками податей и господскихъ повинностей, и находясь такимъ образомъ постоянно въ безусловной зависимости отъ ежегодныхъ щедротъ земли и благоприятной погоды. А если земля ничего не даетъ и если погода окажется неблагоприятной, тогда дѣлать нечего, хоть съ голоду умирай.

Такимъ образомъ миллионы французскаго народа до минуты собиранія жатвы находились каждый жадъ въ положеніи игрока, поставившаго на карту свою жизнь и жизнь своего семейства и обязавшагося въ случаѣ проигрыша умирить голодной смертью себя и своихъ домашнихъ. Въ случаѣ же выигрыша счастливому игроку дается отсрочка, и ему позволено быть увѣреннымъ, что онъ не умретъ съ голода раньше будущаго года. Этой годовой отсрочкой исчерпываются всѣ счастливые шансы, которые могъ извлечь французскій крестьянинъ-пролетарій изъ блестящаго выигрыша. И каждый годъ возобновляется та-же игра съ тѣми же пріятными шансами. Хочешь не хочешь, а играй, пока тебя таскаютъ ноги, и пока дѣйствуютъ у тебя руки.

Я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ объ ажіотажѣ, проникнувшемъ въ народныя массы вслѣдствіе выпуска мелкихъ ассигнацій, постоянно колебавшихся въ своемъ курсѣ. Я выставилъ вредныя послѣдствія этого ажіотажа; но спрашивается, какой же ажіотажъ, по своему потрясающему дѣйствию на человѣческіе нервы и по своему вредному вліянію на общественную нравственность, можетъ сравниться, хотя въ самой отдаленной степени, съ этой колоссальной и вѣчной игрой, составлявшей собой всю жизнь огромнаго большинства французскихъ крестьянъ. Эта колоссальная и вѣчная игра выдумана и привита къ жизни французскаго народа старой монархіей. Въ эту игру входятъ самые разнообразные ингредиенты: тутъ занимаетъ первое мѣсто громкая слава французскаго оружія; тутъ бросается въ глаза блескъ французскаго двора; тутъ сіяютъ великолѣпныя любезности (*galanteries*) Франциска I, Людовика XIV и Людовика XV; тутъ ласкаютъ зрѣніе парки, дворцы и фонтаны разныхъ королевскихъ резиденцій; тутъ мы съ глубокимъ уваженіемъ преклоняемся передъ картинными галереями и мраморными статуями, свидѣтельствуящими о просвѣщенномъ вкусѣ и о весьма понятной щедрости прежнихъ правителей; тутъ придворные поэты, придворные костюмы, придворные лакеи, придворные шуты и придворныя животныя; тутъ рябитъ въ глазахъ отъ золота и пестроты; тутъ, однимъ словомъ, собрано все, что довело государственныя финансы Франціи до неотразимой катастрофы; тутъ все, что виродоженіемъ тысячелѣтій уведало въ свой широкий и глубокой потокъ трудовыя коѣйки всякой негодной и оборванной сволочи; и это все,—этотъ блескъ, этотъ

потокъ, эта причина финансовой катастрофы,—лишивъ земледѣльца всякой собственности, уничтожило наконецъ самую возможность труда и засушило такимъ образомъ послѣдній источникъ, изъ котораго простой человѣкъ могъ извлекать себѣ средства къ существованію.

Я говорю, что уничтожена была самая возможность труда, и говорю это потому, что трудъ и азартная игра—двѣ вещи совершенно различныя. Трудомъ можетъ называться только тотъ процессъ, въ которомъ извѣстному напряженію мускуловъ и нервовъ соотвѣтствуютъ извѣстные, т. е. точно опредѣленные результаты. Чѣмъ болѣе это соотвѣтствіе между напряженіемъ и результатами подтверждено колебаніямъ, тѣмъ сильнѣе самая сущность труда отравляется элементомъ риска. Мы видѣли, какъ силенъ былъ элементъ риска въ жизни и ежедневной дѣятельности французскаго крестьянина прошлаго столѣтія; поэтому насъ не должно изумлять то выраженіе, что хозяйство старой монархіи уничтожило для огромной массы французскихъ гражданъ самую возможность труда. Крестьянинъ работаетъ одинъ годъ и сытъ; работаетъ другой годъ точно такъ-же усердно и умираетъ съ голода. На что же это похоже? Вѣдь это вотъ что значитъ: я ставлю одну карту, — мнѣ ее даютъ, а ставлю другую—ее бьютъ; а для того, чтобы не умереть съ голода, мнѣ необходимо, чтобы мнѣ дали подрядъ пятьдесятъ или шестьдесятъ картъ; сколько лѣтъ я проживу, столько картъ; каждый годъ по картѣ. Спрашивается, трудъ-ли это, или игра? Спрашивается кромѣ того: что составляетъ при подобныхъ условіяхъ нормальный уровень моего благосостоянія? Для того, чтобы я былъ постоянно сытъ, мнѣ необходимъ невозможный рядъ постоянныхъ удачъ. По теоріи вѣроятностей, я могу только ожидать, что количество счастливыхъ картъ будетъ равняться количеству несчастныхъ. Стало-быть одинъ годъ я сытъ, а другой годъ умираю съ голода, потомъ опять сытъ и опять голодаю; въ среднемъ выводѣ оказывается, что я постоянно нахожусь впроголодь, потому что занимаюсь не трудомъ, а игрой.

Мы встрѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ французскаго революціоннаго движенія, дороговизну хлѣба, произведенную неурожаемъ 1788 года. Встрѣчался съ этимъ фактомъ, мы сначала можемъ подумать, что революція произведена отчасти средневѣковымъ прошедшимъ, а отчасти неодушевленными силами природы. Мы можем отнести голодъ и дороговизну къ такому порядку фактовъ, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствіями и ошибками людей. Но все это мы сдѣлаемъ только сначала. Вглядѣвшись внимательно въ причинную связь событій, мы тотчасъ сообразимъ, что рабская зависимость сильнаго и даровитаго народа отъ переменъ погоды со-

ставляетъ быть можетъ самое замѣчательное проявленіе той безпомощности и искусственной хилости, до которой этотъ народъ былъ доведенъ блестящими подвигами своихъ предводителей. «Quand un francais a la colique, il dit que c'est la faute du gouvernement» (Когда у француза болить животъ, онъ говоритъ, что въ этомъ виновато правительство). Этими словами сами французы превосходно характеризуютъ свою привычку сваливать на правительство всякую заботу и упрекать правительство за всё несовершенство жизни. Эта привычка сама по себѣ вовсе не полезна, но она не даромъ укоренилась во французскомъ народѣ; она составляетъ неизбежный выводъ изъ безконечно-длиннаго ряда пережитыхъ опытовъ; правительство старой монархіи особенно сильно содѣйствовало развитію этой привычки; мѣшая всякой инициативѣ, путаясь во все, извлекая деньги изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ источниковъ, не дѣлая на эти деньги ничего полезнаго для общества, правительство старыхъ королей должно было нести ужасную отвѣтственность за все зло, которое совершалось на французской территоріи, и за всё препятствіе, которыя сознательно или безсознательно подавляли возникновеніе и развитіе всякаго добра. Когда у французскаго мужика въ прошломъ столѣтіи болѣлъ животъ отъ древесной коры и отъ разныхъ другихъ изыщныхъ веществъ, исправляющихъ должность муки, тогда этотъ французъ имѣлъ полное основаніе сказать, «что въ этомъ виновато правительство». *Ancien régime*, державшійся по милости этихъ правительствъ впродолженіи многихъ столѣтій, испортилъ во Франціи все, начиная отъ народной логики и кончая народными желудками, начиная отъ государственныхъ финансовъ и кончая формой костюмовъ. Все было перековеркано исторіей, и всѣ результаты этого хроническаго коверканія обрушились на людей старой монархіи тогда, когда имъ пришлось сводить счеты за себя и за своихъ великолѣпныхъ предшественниковъ. Природа тутъ не при чемъ. Неурожай голодъ, волненіе — все это произведено не природой, а исторіей. Вездѣ и на всемъ лежала во Франціи мертвящая рука *ancien régime*; нѣтъ того климата, котораго бы онъ не испортилъ, нѣтъ той почвы, которой бы онъ не истощилъ.

XVII.

Неурожай 1788 года произвелъ дороговизну хлѣба во время 1789 года; различныя провинціальныя и городскія управленія, заботясь о продовольствіи своихъ жителей, перебывали другъ у друга существующіе запасы и своимъ соперничествомъ еще болѣе поднимали цѣны, которыя и безъ того были очень высоки. Эти торговля операціи городскихъ и провинціальныхъ управленій были вызваны необходимостью и конечно

не заключали въ себѣ ни малѣйшаго лукаваго умысла; но народъ страдалъ; его тревожили различныя зловѣщія слухи, ему было неудобно и невозможно разсуждать благо разумно и спокойно о причинахъ дороговизны; онъ зналъ, что ему въ прошедшемъ дѣлали много зла аристократы и купцы; понятіе объ этихъ двухъ классахъ людей тѣсно связывалось въ умѣ его съ ощущеніемъ боли; народу было больно; значить, разсуждалъ народъ, тутъ дѣйствуютъ купцы и аристократы; не трудно было найти, какъ они дѣйствуютъ. Аристократы, думалъ народъ, скупаютъ хлѣбъ изъ злости, чтобы отомстить мужикамъ за низверженіе феодализма, а купцы дѣлаютъ тоже самое изъ корыстолюбія, чтобы набить себѣ карманы, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. А правительство слабо, правительство этого не знаетъ, правительство обмануто врагами народа.

Рядъ подобныхъ разсужденій, вытекающихъ прямо и непосредственно изъ чувства страданія, долженъ былъ неизбежно привести къ тому практическому выводу, что народу слѣдуетъ самому взяться за свое дѣло, самому расправиться съ своими обидчиками, самому прекратить гнетущую дороговизну. Примѣры народной расправы встрѣчаются въ это время вездѣ, гдѣ только встревоженному народу попадаетъ подозрительное лицо, а кого именно народъ считалъ подозрительнымъ, это было также трудно опредѣлить, какъ и то, кого именно онъ считалъ неподозрительнымъ. Народъ дѣйствовалъ по вдохновенію, и порывы этого вдохновенія были всегда довольно разрушительны и часто попадали туда, куда имъ совсѣмъ не резонъ было попадать. Случалось не рѣдко, что какой-нибудь несчастный агентъ городского или провинціальнаго вѣдомства, отправленный своимъ начальствомъ для закупки хлѣба, попадался въ руки вдохновенной толпы патриотовъ, которые, не выслушавъ никакихъ оправданій, вѣшали усерднаго чиновника, какъ злонамѣреннаго барышника, производящаго искусственную дороговизну хлѣба. Всякій хлѣбный торговецъ находился въ постоянной опасности, всякій булочникъ могъ ежеминутно ожидать, что лавка его будетъ разграблена голоднымъ народомъ; въ городахъ мѣстное начальство принимало свои мѣры для того, чтобы хлѣбъ постоянно оставался доступнымъ по своей цѣнѣ бѣднѣйшему классу жителей; но въ деревняхъ дороговизна была такъ обременительна, что толпы крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ предпринимали нашествіе на сосѣдніе города, грабили амбары и булочныя, сталкивались съ отрядами національной гвардіи и нерѣдко побѣждали блюстителей порядка и защитниковъ собственности.

Лѣтомъ 1790 года эти крестьянскія волненія стали принимать очень серьезныя размѣры. Тѣ провинціи, которыя въ прошломъ 1789 году отличались особенной яростью въ возстаніи противъ дворянскихъ правъ, отпраздновали годов-

щину этого первого возстанія новымъ движеніемъ, направленнымъ сначала противъ дороговизны хлѣба, а потомъ противъ привилегій богатства вообще. Центральныя провинціи королевства: Бурбонне, Верри, Ниверне, Шароле, покрылись вооруженными толпами сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ требованія стали дѣлаться обширнѣе и настоятельнѣе по мѣрѣ того, какъ они сами стали чувствовать свою силу и свою многочисленность. Сначала поднявшіеся крестьяне требовали отъ правительства, чтобы оно установило таксу на хлѣбъ и прекратило дѣйствіемъ своей власти преступныя продѣлки аристократовъ и барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ и производящихъ искусственный голодъ; это требованіе было совершенно неисполнимо, потому что преступныя продѣлки существовали только въ воображеніи народа; но на этомъ дѣло не остановилось. Крестьяне взяли приступомъ городъ Дезизъ и потребовали себѣ общаго пониженія арендной платы; вслѣдъ за тѣмъ явилась идея, что арендную плату можно совершенно отменить; пролетаріи захотѣли сдѣлаться собственниками, и по волнуемымъ провинціямъ пробѣжала съ изумительной быстротой мысль о поземельномъ законѣ, т. е. о такомъ раздѣлѣ полей, при которомъ уничтожились бы какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и колоссальная поземельная собственность.

Аграрный законъ составляетъ краеугольный камень всякой коммунистической системы; это любимый конекъ всѣхъ коммунистовъ со временъ Ликурга, а пожалуй и раньше. Каждый разъ, когда втеченіи вѣковъ происходились серьезно эти два слова: «аграрный законъ», — они дѣлались сигналомъ самой неумолимой борьбы между достаточными гражданами и оборванной эволюціею, между правами собственности и посягательствами коммунизма, между практикой и развратительной утопіею. До сихъ поръ побѣда постоянно оставалась на сторонѣ историческаго права; такъ точно случилось и въ 1790 году. Въ національномъ собраніи партія коммунистовъ почти не существовала; напротивъ того собственники пользовались въ немъ всеильнымъ вліяніемъ; поэтому тенденціи сельскихъ пролетаріевъ произвели въ собраніи величайшій ужасъ и возбудили противъ себя сильнѣйшее отвращеніе. Рѣшено было всякія подобныя тенденціи подавлять вооруженной силой и всякую мысль объ аграрномъ законѣ считать возмутительнымъ преступленіемъ. Національная гвардія съ удвоенной энергіею стала дѣйствовать противъ самородныхъ коммунистовъ, и къ зимѣ 1790 года движеніе пролетаріевъ противъ собственности совершенно утраило свой грозный характеръ и опять раздробилось на разединенные и отрывочные акты народной расправы съ амбарами, булочными и такъ-называемыми барышниками. Но всякій разъ какъ собраніе начинало разсуждать о необходи-

мости строгихъ мѣръ, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса вставалъ съ своего мѣста, отправлялся на трибуну и начиналъ говорить; краснорѣчіе этого оратора не поражало слушателей; тема его рѣчей въ подобныхъ случаяхъ была постоянно одна и та-же; но именно это однообразіе составляло силу этого человѣка и постепенно неизгладимыми чертами врѣзывало его образъ и весь строй его идей въ умъ тѣхъ слушателей, которые толпились на галереяхъ. Робеспьеръ постоянно говорилъ о страданіяхъ народа, постоянно выводилъ изъ этихъ страданій всѣ безпорядки и постоянно всѣми силами сопротивлялся приложенію строгихъ мѣръ. Ему рѣдко удавалось доставить своему мнѣнію побѣду въ собраніи, но народъ твердо помнилъ имя, наружность и идеи своего неутомимаго защитника. Въ собраніи Робеспьеръ оставался дюжиннымъ ораторомъ, но въ Парижѣ и во Франціи онъ былъ уже сильнѣйшимъ человѣкомъ. Въ характерѣ своихъ рѣчей Робеспьеръ прижился къ требованіямъ обстоятельности и къ понятіямъ своихъ товарищей-депутатовъ, на которыхъ онъ старался дѣйствовать; ни республиканскихъ, ни коммунистическихъ идей не встрѣчалось въ его разсужденіяхъ; единственнымъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго выводились всѣ варіанці, было для Робеспьера уваженіе къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ, стремленіе возвысить его благосостояніе кроткими и гуманными распоряженіями. Такія тенденціи не могли никого озадачить въ національномъ собраніи, а между тѣмъ когда другіе депутаты говорили о необузданномъ своеволіи крестьянъ, объ ихъ жестокой дикости и необходимости дѣйствовать противъ нихъ штыками національной гвардіи, тогда практическое различіе между рѣчами Робеспьера и произведеніями другихъ ораторовъ обозначалось очень явственно, и народъ въ Парижѣ и въ департаментахъ вѣроятно по извѣстной уже намъ простотѣ своей находилъ, что одинъ Робеспьеръ говоритъ настоящее дѣло.

Другой любимецъ французскаго пролетаріата, Маратъ не умѣлъ или не хотѣлъ держаться осторожной и выжидательной политики Робеспьера; пренебрегая всякими приличіями, отбрасывая сторону всякую дипломатическую мягкость выраженій, Маратъ неутомимо проповѣдывалъ въ своей газетѣ: «Ami du peuple» истребительную войну неимущихъ гражданъ противъ аристократовъ, противъ купцовъ, противъ богачей, противъ собственниковъ, противъ національной гвардіи, противъ учредительнаго собранія, противъ всѣхъ и противъ всего, кто и что отдѣляло пролетаріевъ отъ верховной власти въ государствѣ и отъ полнаго наслажденія благами жизни. Маратъ не смущался даже той мыслью, что пролетаріи быть можетъ не останутся побѣдителями въ этой борьбѣ со всѣми властями и высшими классами общества; Маратъ не хотѣлъ и

не могъ сообразить, что на сторонѣ высшихъ классовъ находится въ данную минуту несомнѣнный перевѣсъ вооруженія и организаци; онъ не хотѣлъ понять, что собственникъ будетъ сражаться за свою собственность съ мужествомъ отчаянія.

Быль-ли Маратъ въ полномъ умѣ, или страдалъ онъ разстройствомъ мозга, это—такой вопросъ, который можетъ быть очень интересенъ для спеціалиста по части душевныхъ болѣзней; я замѣчу только, что его пламенный протестъ неотразимо увлекалъ толпу. Масса, пошла за людьми, подобными Марату и Робеспьеру; прежніе кумиры, Бальи, Лафайетъ, Мирабо стали казаться массѣ измѣнниками и врагами; тѣ классы общества, которые группировались вокругъ этихъ бывшихъ кумировъ, стали также считаться притѣснителями народа и прямыми преемниками уничтоженныхъ аристократовъ. Между буржуазіей и низшими слоями народа произошелъ окончательный разрывъ. Этотъ разрывъ обнаружился въ самомъ Парижѣ тотчасъ послѣ побѣды третьяго сословія, послѣ взятія Бастиліи и послѣ сформированія національной гвардіи. Буржуазія хотѣла водворить порядокъ, а народъ хотѣлъ продолжать безпорядки; буржуазія хотѣла охранять собственность, а народъ, которому нечего болѣе охранять, хотѣлъ завоевать собственность; на сторонѣ буржуазіи находились всѣ кроткія добродѣтели человека и гражданина; на сторонѣ народа—всѣ буйные пороки голодной собаки и отверженнаго каторжника. Все это прекрасно. Но именно потому между народомъ и буржуазіей не могло быть ни союза, ни примиренія. Борьба между ними была такъ-же неизбежна, какъ борьба между свѣтомъ и тьмой, между Ормуздомъ и Ариманомъ. Парижане давно поняли это, но провинциалы, которымъ всегда суждено получать и носить парижскія моды годомъ позднѣе, сообразили это обстоятельство только во время крестьянскихъ волненій 1790 года.

Тутъ дѣйствительно мудро было не сообразить. Единственная вооруженная сила, которую встрѣчали сельскіе пролетаріи, называлась національной гвардіей и состояла изъ горожанъ, обязавшихся защищать конституцію и охранять тишину и спокойствіе. При каждой встрѣчѣ національной гвардіи съ крестьянами штыкъ національнаго гвардейца попадалъ крестьянину либо въ животъ, либо въ грудь, и такъ какъ эти опыты втеченіи лѣта 1790 года производились во многихъ мѣстностяхъ Франціи чуть-ли не каждый день, то самая упорная вѣра въ единоподушіе французской націи должна была наконецъ поколебаться, совершенно независимо отъ декламаци демократическихъ ораторовъ и отъ газетныхъ статей демократическихъ журналовъ. Каждая старуха и каждый ребенокъ увидѣли и поняли наконецъ, что люди хорошо одѣтые и хорошо вооруженные враждуютъ съ санкилами, вооруженными разнымъ дрекольемъ; и

враждуютъ эти двѣ партіи не въ одномъ мѣстѣ и не при какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ, а враждуютъ вездѣ и при каждой встрѣчѣ; стало-быть одни хотятъ такъ, а другіе совсѣмъ иначе; чтобы дойти до такого заключенія, надо было только видѣть и слышать то, что дѣлалось въ каждомъ городкѣ и въ каждомъ селеніи тогдашней Франціи; можно было не слышать ни одной рѣчи Робеспьера и не читать ни одной статьи Марата, и все-таки понимать, что буржуазія и пролетаріатъ не ладятъ между собою и что примиреніе между ними затруднительно. Проявленіе этого рѣшительнаго разлада между приличными гражданами съ одной и людьми безъ панталонъ съ другой стороны составляетъ самый важный результатъ крестьянскихъ волненій 1790 года. Аграрный законъ конечно остался неосуществленной мечтой сельскихъ пролетаріевъ, но зато ненависть къ буржуазіи, таившаяся до сихъ поръ въ парижскихъ предмѣстьяхъ, разлилась по всѣмъ департаментамъ и просочилась въ самый темный и грубый классъ пассивныхъ гражданъ. Эта ненависть положила широко основаніе будущему господству санкилотизма.

XVIII.

Продажа церковныхъ имуществъ, которая, по соображеніямъ добродушныхъ законодателей, должна была уничтожить пролетаріатъ и осчастливить бывшихъ пролетаріевъ, начала обнаруживать свое вліяніе въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года. Продажей завѣдывали мѣстные муниципалитеты, которымъ предоставлена была за хлопоты шестнадцатая доля выручки; продавать велѣно было мелкими кусками; формальная сторона дѣлопроизводства была упрощена до послѣдней возможности; задатки были назначены самые умѣренные, остальная часть суммы разсрочивалась на долгіе сроки; уплата принималась не только звонкой монетой и ассигнаціями, но и разными другими государственными бумагами. Словомъ, были приняты всѣ мѣры для того, чтобы привлечь покупателей и сдѣлать пріобрѣтеніе земель доступнымъ для простыхъ и бѣдныхъ людей. Покупателей дѣйствительно явилось очень много, такъ что въ концѣ сентября 1791 года цѣнность проданныхъ имуществъ доходила уже до 964 милліоновъ. Общій результатъ былъ утѣшительнъ, и подробности отличались также самой пріятной наружностью, потому что покупателями являлись большей частью крестьяне, которые, пріобрѣтая себѣ недвижимую собственность, навсегда должны были разстаться съ гибельными тенденціями, свойственными пролетарію и самородному коммунисту. Такъ по крайней мѣрѣ можно было думать. Но здѣсь случилось то, что случается почти вездѣ и почти всегда. Вся выгода операціи досталась не государству и не трудящемуся классу гражданъ, а разнымъ крупнымъ и мел-

кимъ аферистамъ и спекуляторамъ. Спекулировать въ тогдашней Франціи было конечно все равно, что курить сигару, сидя на раскрытой бочкѣ пороха; взрывъ народныхъ страстей могъ ежеминутно разнести въ дребезги всякую спекуляцію и стереть въ порошокъ самого спекулятора; каждая спекуляція могла показаться подозрительной какой-нибудь группѣ патріотовъ, и тогда никто не могъ-бы поручиться за безопасность предприимчиваго гражданина; но такъ какъ неразборчивый гнѣвъ патріотовъ поражалъ одинаково часто и одинаково сильно и честныхъ людей, и безсовѣстныхъ мошенниковъ, то для челоуѣка, любящаго пускаться въ рискованныя и не совсѣмъ чистыя предпріятія, не было побудительныхъ причинъ обуздывать свои размахистыя наклонности. А если оставить въ сторонѣ опасность, которая впрочемъ была одинаково сильна для спекуляторовъ и для неспекуляторовъ, то конечно придется сознаться, что тогдашняя Франція представляла необъятно широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ проявленій финансовой гениальности со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Политическое и социальное броженіе, колеблющійся курсъ ассигнацій, продажа огромной массы имуществъ, неопытность огромнаго количества крестьянъ, стремившихся къ быстрому обогащенію, безсиліе судебной власти, равнодушіе общественнаго мнѣнія къ гражданскимъ и коммерческимъ процессамъ и вообще ко всему, что не входило въ сферу животрепещущихъ политическихъ вопросовъ— все это вмѣстѣ со многими другими мѣстными и временными условіями создавало въ тогдашней Франціи такой океанъ мутной воды, въ которомъ каждый опытный и смѣлый рыбакъ могъ наловить себѣ пропасть крупной и мелкой рыбы. Продажа церковныхъ имуществъ подала поводъ къ устройству очень простого рыболовнаго снаряда, который, несмотря на свою простоту, дѣйствовалъ въ этихъ департаментахъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Рыбакъ или иначе спекуляторъ давалъ подставному лицу изъ крестьянъ небольшую сумму денегъ; подставное лицо это являлось на торги, покупало на свое имя участокъ земли и отдавало врученную ему сумму въ задатокъ; тогда спекуляторъ въ кушленномъ имѣніи начиналъ хозяйничать по своему; лѣсъ вырубался, строенія продавались на сломъ, и вообще изъ имѣнія выжималось на скорую руку возможно большее количество денегъ; данный задатокъ конечно возвращался въ карманъ спекулятора съ тройной или четверною прибылью; затѣмъ никто не думалъ о томъ, чтобы вносить въ положенные сроки остальные доли покупной суммы; когда всѣ сроки были такимъ образомъ пропущены, тогда муниципалитеты конечно объявляли продажу недѣйствительной и отбирали имѣнія у несостоятельныхъ покупателей, но въ это время дѣло

уже было сдѣлано и пойманная рыба находилась въ полной сохранности. Государство получало обратно только то, что спекуляторъ не могъ унести въ своемъ бумажникѣ; прежнее число гектаровъ оставалось на мѣстѣ; но въ какомъ положеніи были эти гектары, объ этомъ уже лучше было и не спрашивать; имѣніе было превращено въ пустыню и едва стоило половины прежней своей цѣны; отвѣтственнымъ лицомъ за произведенное опустошеніе оказывался безграмотный и нищій крестьянинъ, съ котораго нечего было взять, а настоящій рыбоволовъ со всей собранной добычей былъ въ это время уже далеко и прилагалъ свои капиталы и свое искусство къ какому-нибудь другому общепольному предпріятію.

Кромѣ такихъ подвиговъ чистаго мошенничества во время продажи церковныхъ имуществъ совершались многія другія спекуляціи гораздо болѣе невинныя, возникавшія единственно потому, что финансовая предприимчивость носилась въ воздухѣ эпохи. Обильный поводъ къ разнообразнѣйшимъ биржевымъ фокусамъ и продѣлкамъ подавали ассигнаціи, которыя правительство обязалось принимать въ уплату за продаваемые имуществы наравнѣ съ звонкой монетой. Тогдашнія ассигнаціи, какъ извѣстно, не имѣли обязательнаго курса; ихъ принимало по нарицательной цѣнѣ только правительство, связанное своими обѣщаніями; при всѣхъ сдѣлкахъ между частными людьми ассигнаціи всегда стояли ниже звонкой монеты, и курсъ ихъ колебался сообразно съ биржевыми извѣстіями и смотря по общей фізіономіи политическихъ обстоятельствъ. При каждомъ новомъ выпускѣ ассигнаціи падали въ цѣнѣ, такое-же пониженіе происходило при каждомъ слухѣ о воинѣ, о реакціи, о грозныхъ замыслахъ эмигрантовъ и вообще при каждомъ вѣрномъ или выдуманномъ извѣстіи о такомъ событіи, которое, угрожая всему дѣлу революціи, могло превратить всѣ ассигнаціи революціоннаго правительства въ негодные и бессмысленные лоскутки бумаги. Каждое чувствительное пониженіе въ курсѣ ассигнацій было жестокимъ и раззорительнымъ ударомъ для государственнаго казначейства; при каждомъ такомъ положеніи оно теряло милліоны; вознаградить эту потерю можно было только новымъ выпускомъ ассигнацій, а новый выпускъ неизбѣжно велъ за собой новое пониженіе, новую потерю, опять новый выпускъ, и т. д. до безконечности, вродѣ того, какъ въ періодической дроби первая цифра періода неизбѣжно ведетъ за собой всѣ остальные.

Искреннимъ друзьямъ революціи слѣдовало желать, чтобы ассигнаціи возвышались въ цѣнѣ и сравнились-бы наконецъ съ звонкой монетой, потому что только при этомъ условіи могли поправиться государственные финансы, составляющіе важнѣйшую опору возникшаго общественнаго зданія. Но послѣ продажи церковныхъ имуществъ оказалось, что у многихъ искреннихъ

друзей революціи частный экономической интерес совершенно расходуется съ общимъ политическимъ и что при этомъ разладѣ между интересами близорукое стремленіе къ личной выгодѣ удерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дальновидной политической тенденціей. Покупатели церковныхъ имуществъ изъ чувства личнаго самосохраненія должны были всѣми силами защищать дѣло революціи, потому что всякая реакція непременно возстановила-бы старое устройство церкви, отобрала-бы назадъ всѣ проданныя помѣстья и быть можетъ, уничтожая совершившуюся продажу, не возвратила-бы даже покупателямъ заплаченныхъ денегъ на томъ основаніи, что покупать церковныя земли свойственно только нечестивымъ негодяямъ, которые должны быть наказаны за свою революціонную безнравственность. Это вѣроятіе не было упущено изъ вида покупателями, которые вообще ожидали отъ всякой реакціи еще гораздо больше ужасовъ и нелѣпостей, чѣмъ сколько она могла натворить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ не только всѣ симпатіи покупателей были на сторонѣ революціи, но даже и правильное пониманіе собственныхъ выгодъ обязывало ихъ поддерживать горячо и добросовѣстно общее дѣло всего французскаго народа. Они были искренними друзьями революціи, но, подобно многимъ искреннимъ друзьямъ, они при случаѣ, по прототѣ или по практической сметливости, были вовсе не прочь попользоваться на счетъ возлюбленнаго друга и съ большимъ удовольствіемъ поносили громадныя убытки государственнымъ финансамъ, чтобы увеличить свое частное благосостояніе копѣчной поживой. Такъ какъ правительство принимало въ уплату ассигнаціи по нарицательной цѣнѣ, то покупателю имущество было очень выгодно, чтобы ассигнаціи понижались; при пониженіи курса покупатель имущество могъ пріобрѣсти ассигнаціи дешево, отдать ихъ правительству не по своей цѣнѣ, а по нарицательной, получивъ такимъ образомъ приличный барышъ и оставивъ за собой имѣніе за половинную цѣну. Но покупателей было очень много; желанія ихъ всѣ клонились къ тому, чтобы понизить курсъ ассигнацій; въ числѣ покупателей были такіе ловкіе люди, которые, не ограничиваясь одними желаніями, умѣли и старались дѣйствовать въ этомъ направленіи; усилія однихъ и желанія другихъ оказывали чувствительное давленіе на общественное мнѣніе, и ассигнаціи падали, и казначейство теряло миліоны, и тревога распространялась въ обществѣ, и биржевая игра окончательно сбивала съ толку все населеніе французскаго королевства, начиная отъ банкира, властвующаго на биржѣ, и кончая сельскимъ пролетаріемъ, для котораго удачная спекуляція воплощалась въ лишней лувковнѣ, прибавленной къ обѣду.

При такомъ положеніи дѣлъ продажа церковныхъ имуществъ не могла принести чувствительной пользы классу безземельныхъ крестьянъ. Эти люди, привыкшіе смотрѣть на поземельную собственность, какъ на магическій талисманъ, открывающій доступъ ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни, стали напрягать всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти себѣ при продажѣ уголокъ земли. Уступая ихъ пламеннымъ желаніямъ, муниципалитеты крошили помѣстья на мельчайшіе участки и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что такая мелочная продажа давала въ общей суммѣ самыя значительныя выгоды, далеко превышающія тотъ результатъ, котораго можно было-бы ожидать отъ продажи гуртомъ. Крестьяне были также въ восторгѣ и, стремясь къ великому званію собственниковъ, обирали себя до послѣдней нитки, чтобы внести требуемый задатокъ. А потомъ? Потомъ крестьянинъ оказывался самъ другъ съ землей, безъ орудій, безъ рабочаго скота, безъ денегъ и даже иногда безъ хозяйственныхъ построекъ, потому что муниципалитеты крошили участки безъ милосердія и въ однѣ руки продавали усадьбу съ огородамъ, а въ другія кусокъ полевой земли. Могло-ли изъ всего этого произойти въ ближайшемъ будущемъ какое-нибудь дѣйствительное улучшеніе въ матеріальномъ благосостояніи французскихъ поселянъ? Не обладавъ особой дальновидностью, можно было предвидѣть и предсказать заранѣе, что пролетаріи, ухлопавшіе свою послѣднюю копѣйку на уплату задатка, не получаютъ отъ своей возлюбленной собственности никакого удовольствія и ни за что не пріобрѣтутъ въ ближайшемъ будущемъ тѣхъ утонченныхъ инстинктовъ консерватизма, которыми кроткий собственникъ отличается отъ буйнаго коммуниста.

Надежды національнаго собранія на продажу церковныхъ имуществъ, какъ на средство поправить финансы и умиротворить безземельныхъ крестьянъ, не осуществились; желаніе остановить революціонное движеніе оказалось неисполнимымъ; стремленіе успокоить народъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ господство буржуазнаго либерализма находилось въ явномъ противорѣчіи съ матеріальнымъ положеніемъ и съ умственнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Единственную силу буржуазной политики составляли штыки національной гвардіи и рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ національномъ собраніи. Рѣчи были убѣдительны, а штыки были еще убѣдительнѣе; но съ одной стороны у эмигрантовъ и у католиковъ, а съ другой стороны у якобинцевъ и у пролетаріевъ не было тоже недостатка ни въ рѣчахъ, ни въ оружіи. Если мы вспомнимъ, что перевѣсъ числа и отчаянной энергіи былъ на сторонѣ пролетаріата, то намъ не трудно будетъ сообразить, кому изъ трехъ партій принадлежало ближайшее будущее.

XIX.

Со времени взятія Бастиліи городское управление Парижа находилось въ рукахъ революціонныхъ властей, установившихся въ день возстанія; положительный законъ о городскомъ управленіи состоялся лѣтомъ 1790 г., и обсужденіе этого закона въ національномъ собраніи подало поводъ къ горячимъ столкновеніямъ между двумя главными лагерями политиковъ. Либералы изъ буржуазіи хотѣли, чтобы исполнительная власть принадлежала мэрѣ и его комитету, а законодательныя распоряженія и контролы были раздѣлены между большимъ и малымъ съѣздомъ. Чистымъ демократамъ это не понравилось: они хотѣли, чтобы собранія секцій засѣдали постоянно, чтобы эти собранія обсуждали каждый день текущіе вопросы и чтобы мэръ приводилъ въ исполненіе приказанія, отданныя въ секціяхъ большинствомъ голосовъ.

Не трудно понять, какіе послѣдствія должны были выйти изъ такого устройства: въ постоянныхъ собраніяхъ секцій могли-бы участвовать только тѣ граждане, которые дѣлали изъ текущей политики занятіе всей своей жизни; кто имѣлъ хозяйство, свои торговля дѣла, свою промышленность, тотъ не могъ просиживать цѣлые дни и повторять эти засѣданія каждый день. Такимъ образомъ предводителями и главными членами секціонныхъ собраній должны были сдѣлаться самые заклятые агитаторы, для которыхъ революція только что начиналась и которые считали измѣнникомъ каждаго гражданина, способнаго утомиться тревогами общественной дѣятельности. Планъ чистыхъ демократовъ не могъ послужить основаніемъ для прочнаго и постоянного устройства городского управленія; было-бы нелѣпо устраивать управленія такъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія полезные и трудящіеся граждане, которые по всѣмъ вопросамъ городского благосостоянія были заинтересованы гораздо сильнѣе и были гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ политическіе ораторы всевозможныхъ цѣтговъ и оттѣнковъ. Демократы понимали это не хуже своихъ противниковъ и именно потому-то они и настаивали на примѣненіи своего плана, что видѣли его непрочность. Самое существенное различіе между умѣренными либералами и чистыми демократами заключалось въ то время именно въ томъ, что первые хотѣли уже строить и утверждать прочный порядокъ, а вторые хотѣли еще разрушать и покуда увеличивать беспорядокъ.

Смѣшно было-бы предположить въ чистыхъ демократахъ безпричинную любовь къ беспорядку ради самого беспорядка; они тоже хотѣли въ будущемъ и спокойствія, и тишины, и личной безопасности, и порядка, но они думали, что всѣ эти прекрасныя вещи будутъ дѣйствительно прекрасны для всѣхъ французскихъ гражданъ только

тогда, когда не только государство, но и общество будетъ сначала разобрано по кусочкамъ до самаго основанія, а потомъ опять сложено по совершенно новому рисунку. Трудно сказать, чтобы для кого-нибудь изъ тогдашнихъ демократовъ этотъ новый рисунокъ былъ ясенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; они не знали хорошенко, къ чему именно они придуть, но они безгранично вѣрили въ народъ и надѣялись, что его живыя силы выработаютъ что-нибудь превосходное, если только силы эти будутъ взволнованы во всей своей глубинѣ и если броженіе, необходимое для этого народнаго творчества, будетъ постоянно поддерживаться въ полномъ своемъ могуществѣ. Но если народъ обнаруживалъ какія-нибудь консервативныя наклонности или реставраціонныя стремленія, тогда демократы смѣло противодействовали народу, говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сбивается съ дороги и объясняли себѣ это заблужденіе народа именно тѣмъ, что силы его еще не довольно глубоко взволнованы и что броженіе начинаетъ ослабѣвать вслѣдствіе преступныхъ происковъ двора, аристократіи, собранія, буржуазіи, клерикаловъ или какихъ-нибудь другихъ измѣнниковъ и оскорбителей народной святости. Значитъ демократамъ въ тогдашнее время надо было во всякомъ случаѣ усиливать броженіе и особенно всѣми мѣрами противодействовать всякой попыткѣ прочной организаціи.

Добиваясь постоянныхъ собраній въ парижскихъ секціяхъ, демократы конечно заботились не о томъ, чтобы произвести какія-нибудь улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ; имъ до городского хозяйства не было рѣшительно никакого дѣла; они хотѣли только имѣть въ секціонныхъ собраніяхъ надежное орудіе, которымъ въ случаѣ надобности можно было въ нѣсколько часовъ взволновать весь Парижъ и слѣдовательно произвести переворотъ въ цѣлой Франціи. Предводители буржуазіи хорошо понимали, къ чему клонилось дѣло, и разумѣется употребили всѣ усилія, чтобы не дать демократамъ этого орудія и чтобы сдѣлать всякій дальнѣйшій переворотъ совершенно невозможнымъ. За постоянныя засѣданія секцій стоялъ въ національномъ собраніи Робеспьеръ; въ городѣ агитировалъ въ томъ же направленіи Дантонъ, пользовавшійся уже сильнымъ вліяніемъ въ клубѣ кордельеровъ, въ которомъ засѣдали самые крайніе якобинцы. Марать по своему обыкновенію разсыпалъ по этому поводу въ своей газетѣ проклятія и угрозы. Но и между демократами начали обнаруживаться несогласія. Бриссо, бывший въ то время членомъ общиннаго совѣта и сдѣлавшійся внослѣдствіи однимъ изъ предводителей жиронды, сталъ говорить и писать противъ постоянныхъ засѣданій секцій. Это перессорило его съ чистыми демократами, и съ тѣхъ поръ демократы рѣшительно перестали считать его своимъ союзникомъ. На

этотъ разъ буржуазія одержала полную побѣду, потому что въ національномъ собраніи демократическая партія была очень слаба, а въ городѣ агитаторы еще не успѣли придать своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ единство организациі, необходимое для успѣха насильственного переворота. Городское управленіе было расположено по плану либераловъ *), и постоянныя засѣданія въ секціяхъ были устранены. Выборы городскихъ властей также доставили полное торжество либераламъ: Балли были снова избраны мэромъ, а Лафайетъ — начальникомъ національной гвардіи; но популярности того и другого классы столичнаго населенія отдѣлялись отъ буржуазіи и начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и ненавистью на красивые мундиры и блестящіе штыки национальныхъ гвардейцевъ.

Въ Парижѣ движеніе народныхъ умовъ противъ богатства и собственности было чрезвычайно сильно, такъ что окончательный разрывъ между національной гвардіей и пролетаріатомъ былъ неизбеженъ и недалекъ. На это было много мѣстныхъ причинъ. При старой монархіи Парижъ, какъ мѣстопробываніе богатаго двора, кормилъ свое промышленное населеніе почти исключительно той работой, которую задавало ему удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ капризовъ и фантазій аристократической роскоши. Парижъ былъ переполненъ такими ремесленниками, которые работали и могли работать только для богатыхъ господъ, потому что среднему сословію и тѣмъ болѣе простому народу чудеса ихъ технического искусства были во-первыхъ недоступны по цѣнѣ, а во-вторыхъ совершенно бесполезны. Когда аристократы потянулись за границу и когда капиталисты, напуганные уличнымъ шумомъ, стали съживаться, прятать деньги въ иностранные банки и во избѣжаніе грѣха умѣрять свою обиденную роскошь, тогда тысячи рафинированныхъ ремесленниковъ остались безъ работы и тогда послышался въ Парижѣ плачъ и скрежетъ зубовъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій.

По здоровой экономической теоріи слѣдуетъ конечно считать благодѣтельной такую переменную, которая насильно перебрасываетъ тысячи людей изъ бесполезныхъ отраслей производства въ полезныя, но при этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни никакія благодѣтельныя переменныя не обходятся даромъ и не совершаются въ одно мгновеніе ока, безъ ломки, безъ борьбы и безъ индивидуальныхъ страданій. Франція несомнѣнно осталась-бы въ барышахъ, если-бы

*) Слово либераль въ концѣ прошлаго столѣтія не было употребительно, но я позволю себѣ называть такимъ образомъ политиковъ буржуазіи, чтобы отличать ихъ отъ якобинцевъ, кордельеровъ и другихъ предводителей пролетаріата, которыхъ я буду называть демократами.

всѣ парикмахеры, украшавшіе втеченіи многихъ десятковъ лѣтъ очаровательныя головы графовъ и графинь, маркизовъ и маркизъ, во все это время пахали-бы землю или вырывали-бы каналы для осушенія болотъ или для орошенія полей; но когда соотни парикмахеровъ остались безъ работы, тогда ихъ довольно мудро было повернуть къ земледѣлію; прошу покорно пріучить къ сохѣ и къ заступу, и къ тогдашней деревенской жизни такого артиста en cheveux, у котораго были совершенно дворянскія руки, совершенно утонченныя манеры и совершенно эпикурейскія привычки. Богатство и роскошь всегда создаютъ вокругъ себя и подъ собой очень многочисленный классъ паразитовъ. Къ числу такихъ паразитовъ надо причислить не только приживальцевъ и нахлѣбниковъ, не только лакеевъ, но и тѣхъ ремесленниковъ, которые живутъ по милости барскихъ прихотей, и тѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія сбываются въ барскія гостиныя и галереи, и тѣхъ сочинителей стиховъ и прозы, которыхъ читаютъ, хвалятъ и кормятъ богатые и вельможные меценаты. Всѣ эти люди цѣной самыхъ незначительныхъ усилій добываютъ себѣ такія удобства жизни, которыя навсегда остаются недоступными крестьянину и фабричному работнику. Всѣ эти люди питаются подачками аристократовъ и въ то-же время обыкновенно ненавидятъ аристократію.

Старая французская аристократія въ отношеніи къ паразитамъ вела себя вполне исправно: во-первыхъ размножила ихъ цѣлыя легіоны, а во-вторыхъ всѣмъ имъ внушила къ себѣ чувство глубочайшей ненависти. Вышло то, что паразиты съ величайшимъ усердіемъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ стали рубить тотъ сукъ, на которомъ сами сидѣли; съ самаго начала революціи паразиты постоянно составляли главную силу уличной арміи, слѣдовавшей за агитаторами; парикмахеры участвовали во всѣхъ волненіяхъ; да и наконецъ намъ не зачѣмъ называть отдѣльныя профессіи, потому что большая часть тогдашнихъ парижскихъ ремесленниковъ въ большей или меньшей степени можетъ быть отнесена къ разряду паразитовъ. Когда сукъ, надъ которымъ трудились паразиты, упалъ подъ ихъ ударами, тогда и сами паразиты, падая вмѣстѣ съ этимъ сукомъ, потерпѣли при своемъ паденіи болѣе или менѣе значительныя ушибы.

Оставляя въ сторонѣ метафоры, я могу сказать, что большая часть парижскихъ ремесленниковъ послѣ паденія аристократіи и послѣ исчезновенія прежней роскоши осталась безъ работы, т. е. безъ крова и безъ хлѣба. Въ Парижѣ вдругъ оказались десятки тысячъ нищихъ, о которыхъ въ прежнее время никто не имѣлъ понятія, потому что прежде революціи они и не были нищими. Они питались грѣхами стараго порядка; когда грѣхи эти исчезли, тогда для нихъ прекратились источники продовольствія, и рево-

люція здѣсь, какъ и вездѣ, пришлось расплачиваться за старыя шалости, въ которыхъ она, революція, была совершенно неповинна. Начало революціи оставило этихъ людей безъ хлѣба; теперь имъ хотѣлось и имъ было необходимо продолжать революцію, чтобы такъ или иначе добыть себѣ и хлѣба, и денегъ, и власти, и всякихъ другихъ удовольствій, которыхъ жаждетъ натура всякаго человѣка вообще и впечатлительнаго француза въ особенности. Отказаться отъ продолженія революціи эти обнищавшіе паразиты не хотѣли и не могли ни подъ какимъ видомъ; но такъ какъ каждый намекъ о продолженіи революціи для властвующей и богатой буржуазіи былъ личнымъ оскорбленіемъ и прямой угрозой, то городскія власти и національное собраніе истощили все свое административное и законодательное искусство, чтобы сдѣлать это неприятое продолженіе невозможнымъ и безплоднымъ.

Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, принявшихся собраніемъ и городскими властями, занимаетъ особенно видное мѣсто кормленіе пролетаріевъ, производившееся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ общественныхъ мастерскихъ, заведенныхъ единственно для того, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ давать пролетаріямъ деньги на покупку хлѣба, государство платило ежедневно каждому работнику по 20 су за какія-то земляныя работы, въ которыхъ никто не нуждался. Число работниковъ, посѣщавшихъ эти мастерскія, постоянно доходило до 12000, и понизить эту цифру не было никакой надежды тѣмъ болѣе, что надзоръ за работами былъ чисто-формальный и что пролетарію представлялось такимъ образомъ привлекательная возможность получать за совершенное бездѣйствіе высшую поденную плату тогдашняго франц. работника. Хорошо еще, если-бы бездѣйствіе пролетарія было дѣйствительно прочно и надежно; за это бездѣйствіе правительство съ удовольствіемъ соглашалось платить ежедневно по 20 су на человѣка; но лукавый пролетарій на эту штуку не поддавался; сегодня онъ смиренно получалъ свою плату въ общественной мастерской, а на другой день онъ по условному сигналу выходилъ на улицу и кричалъ, и махалъ пикой, и дѣлалъ всякое безобразіе, и готовъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ огорчить то самое правительство, которое на свою бѣду кормило его даровымъ хлѣбомъ во время антрактовъ между отдѣльными сценами длинной революціонной трагедіи.

Пролетарій очень хорошо понималъ, почему его такъ заботливо лелѣетъ правительство; о благодарности съ его стороны не было и рѣчи; онъ принималъ даровой хлѣбъ за неимѣніемъ лучшаго и пользовался имъ только въ ожиданіи тѣхъ будущихъ благъ, которыя должно было принести ему неизбежное продолженіе начавшейся

революціи. А правительство между тѣмъ кромѣ расходовъ на мастерскія тратило еще милліоны на огромныя закладки зернового хлѣба, который потомъ въ видѣ муки продавался булочникамъ за половинную цѣну для того, чтобы парижане не гнѣвались на дороговизну продовольствія. Къ концу 1790 года оказалось, что на закупки хлѣба для Парижа истрачено 75 милліоновъ, а если вычислить всѣ суммы, которыя израсходовало государство для поддержанія спокойствія въ столицѣ въ первые двадцать мѣсяцевъ революціи, то получится въ итогѣ болѣе 100 милліоновъ. Эти 100 милліоновъ были съѣдены, и взамѣнъ ихъ не было произведено ничего и даже спокойствіе не было упрочено.

Громадность и бесполезность этихъ издержекъ объясняется преимущественно тѣмъ, что Парижъ былъ биткомъ набитъ отставными паразитами, негодными ни на какую производительную работу. Вѣрность этого объясненія сдѣлается совершенно несомнѣнной, какъ только мы взглянемъ на общее состояніе французской промышленности въ первые годы революціи. Промышленность не только не находилась въ застоѣ, но она напротивъ того была приведена въ состояніе лихорадочнаго возбужденія. Это состояніе не могло быть продолжительнымъ и должно было повести за собой промышленный кризисъ, но пока оно продолжалось, до тѣхъ поръ могли жаловаться на недостатокъ работы только парижмахиры и другіе подобные имъ артисты, созданные барскими прихотями и неспособные къ настоящему труду. Фабрики работали на всю силу на всей французской территоріи и едва успѣвали удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ заказчиковъ; промышленныя предпріятія возникали сотнями съ изумительной быстротой; строенія, машины, товары изготовлялись вновь и переходили изъ рукъ въ руки; промышленная горячка находилась въ полномъ развитіи, и существованіе этой горячки объясняется тремя главными причинами.

Во-первыхъ—благодаря выпускамъ ассигнацій, рынокъ былъ переполненъ денежными знаками, и притомъ такими знаками, къ которымъ никто не чувствовалъ безусловнаго довѣрія. У кого было въ рукахъ много бумажныхъ денегъ, тотъ старался, какъ можно скорѣе, спустить ихъ съ рукъ на какое-нибудь предпріятіе, чтобы не потерять убытка при пониженіи курса. Расчетъ былъ простой и вѣрный. Домъ, фабрика, партія товаровъ всегда сохраняютъ какую-нибудь цѣнность, а ассигнаціи сегодня могутъ быть денежными знаками, а завтра—простыми лоскутками бумаги. При такихъ условіяхъ очень осторожные люди могли пускаться въ довольно рискованныя предпріятія, отъ которыхъ они навѣрное воздержались-бы въ обыкновенное время. Рискъ былъ по крайней мѣрѣ одинаково великъ въ обоихъ случаяхъ: если опасно было пустить ка-

питалъ въ предпріятіе, то оставить его въ шка-тулкѣ было также опасно; кромѣ того самое рискованное предпріятіе все-таки въ случаѣ успѣха давало барышъ, а ужъ ассигнаціи въ самомъ счастливомъ случаѣ не могли дать ничего кромѣ медленнаго пониженія.

Во-вторыхъ—при торговыхъ сношеніяхъ съ чужими краями вексельный курсъ вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ былъ въ то время неблагопріятенъ для Франціи. Если напримѣръ французъ былъ долженъ англичанину 30 фунтовъ стерлинговъ, то при переводѣ денегъ на Лондонъ французу приходилось платить въ Парижѣ не 740 франковъ, а 880. И наоборотъ, когда англичанину надо было заплатить своему парижскому кредитору 880 франковъ, то англичанинъ въ Лондонѣ вынималъ изъ своего бумажника 30 фунтовъ стерлинговъ, а не 34, какъ слѣдовало-бы по нарицательной цѣнѣ при равновѣсіи вексельнаго курса. Вслѣдствіе этого иностраннымъ купцамъ выгодно было дѣлать французскимъ фабрикамъ большіе заказы, за которые имъ приходилось платить дешевле, чѣмъ сколько они заплатили-бы у себя дома. И заказы дѣйствительно дѣлались чрезвычайно много, такъ что фабриканты едва управлялись съ ними, но разумѣется такой приливъ работы могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлено равновѣсіе вексельнаго курса.

Въ третьихъ—ночное засѣданіе 4 августа 1789 года уничтожило цехи и освободило такимъ образомъ ремесленный трудъ. Съ этого дня каждый французъ занимался, чѣмъ ему было угодно, не выпрашивая себѣ никакого позволенія у замкнутыхъ корпорацій и не руководствуясь въ процессѣ своей работы ничѣмъ, кромѣ своего личнаго вкуса и требованій своихъ покупателей. Эта радикальная реформа въ области ремесленнаго производства особенно сильно содѣйствовала оживленію промышленности, и эта третья причина отличалась отъ двухъ первыхъ въ томъ отношеніи, что только отъ этой третьей причины можно было ожидать въ будущемъ прочныхъ и дѣйствительно благотѣльныхъ результатовъ. Въ мартѣ 1791 года національное собраніе закрѣпило дѣло 4 августа положительнымъ закономъ, по которому каждому французу предоставлялось право заниматься любымъ ремесломъ съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно платилъ государству опредѣленную подать за патентъ.

По поводу этого закона Маратъ съ горькой укоризной замѣтилъ въ своей газетѣ, что свободная конкуренція поведетъ за собой промышленную анархію, систематическое плуготство и всеобщее раззореніе. Предсказанія эти не сбылись во всемъ своемъ объемѣ, потому что уничтоженіе цеховъ было во всякомъ случаѣ значительнымъ шагомъ впередъ, но темныя стороны свободной конкуренціи были дѣйствительно подмѣ-

нены вѣрно, и надъ устраненіемъ этихъ темныхъ сторонъ до нашего времени безуспѣшно хлопотуютъ многіе передовые мыслители, которыхъ идеи долго еще будутъ стоять выше казеннаго уровня общественнаго пониманія. Свободная конкуренція вела за собой деспотическое господство капитала надъ трудомъ; это положеніе дѣлъ можно было назвать прогрессомъ, если сравнивать его съ прежнимъ господствомъ привилегій и монополій, но участь работниковъ все-таки осталась очень тяжелой. Началась безконечная борьба между хозяевами и мастерами по вопросамъ о числѣ рабочихъ часовъ и о задѣльной платѣ. Работники скоро поняли, что, дѣйствуя въ разсыпную, они всегда будутъ терпѣть пораженія отъ капиталистовъ и никогда не выбьются изъ своей новой крѣпостной зависимости. Необходимость научила работниковъ составлять общества и товарищества для улучшенія своей участи. Прежде другихъ составилось въ Парижѣ общество плотниковъ, принявшее названіе общества обязанностей. Важнѣйшей изъ обязанностей, лежащихъ на этомъ обществѣ, была обязанность воздерживаться по взаимному согласію отъ работы для того, чтобы прекращеніемъ работъ склонять хозяина или подрядчика къ возвышенію задѣльной платы. Такимъ образомъ парижскіе плотники подчинили правильной организаціи тѣ случайныя и разрозненныя явленія, которыя называются обыкновенно стачками рабочихъ и часто сопровождаются во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Европы сценами произвола и насилія. Примѣру плотниковъ послѣдовали наборщики и печатники; число обществъ увеличилось; изъ Парижа они распространились по департаментамъ и завели между собой правильную переписку для того, чтобы въ случаѣ надобности поддерживать другъ друга и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ. Главная цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій оставалась однако недостигнутой, потому что хозяева и подрядчики находили себѣ работниковъ на сторонѣ, изъ людей, не признававшихъ обязанностей и соглашавшихся продавать свой трудъ за такую цѣну, которую общества рѣшили не принимать. Тогда ассоціаціи попробовали дѣйствовать на этихъ индпендентовъ сначала увѣщаніями, а потомъ угрозами; вѣроятно дѣло дошло-бы и до насилій, потому что членамъ ассоціацій было разумѣется очень обидно видѣть, какъ ихъ всѣ старанія пропадаютъ даромъ и какъ отдѣльные работники, измѣняя интересамъ всего своего сословія, доставляютъ побѣду капиталистамъ. Но тутъ вступило національное собраніе. Какъ только послышались со стороны рабочихъ ассоціацій первыя угрозы противъ постороннихъ работниковъ, ладившихъ съ хозяевами, такъ законодатели тотчасъ воспользовались этими угрозами, какъ превосходнымъ оружіемъ противъ самаго принципа рабочихъ ассоціацій. 14 іюня 1791 года

національное собраніе закономъ запретило всѣмъ работникамъ одного ремесла составлять между собой общества, заводить списки членовъ, устраивать кассы и вообще предпринимать какія-бы то ни было попытки организаціи. Все это запрещалось на томъ основаніи, что подобныя попытки клонятся къ восстановленію уничтоженныхъ цеховъ и къ стѣсненію промышленной дѣятельности.

Здѣсь я еще разъ попрошу читателя вспомнить то, что я говорилъ о деклараціи правъ чловѣка и гражданина. Большинство почетныхъ членовъ знаменитаго учредительнаго собранія, провозгласившаго на всю Францію «*les grands principes de 1789*», было самымъ надежнымъ образомъ застраховано противъ того разрушительнаго дѣйствія, которое добродушные нѣмецкіе историки стараются увидать въ параграфахъ деклараціи. Великіе законодатели Франціи были прежде всего представителями дворянства, духовенства и особенно, особенно — буржуазіи. Обожая священные кошелки и бумажки этого послѣдняго, кроткаго и почтеннаго сословія, члены собранія готовы были совершать и дѣйствительно совершали во имя своихъ кумировъ высокіе и удивительные подвиги гражданской доблести законодательнаго героизма. Они отдавали своихъ соотечественниковъ въ кабалу капиталистамъ и съ полнымъ жаромъ убѣжденія говорили объ истинной свободѣ и о благоденствіи великой французской націи. Виданное-ли дѣло, чтобы такіе титаны законодательной мудрости и ораторской діалектики когда-нибудь стали въ тушику надъ какимъ-нибудь параграфомъ своего политическаго исповѣданія вѣры? Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ такой параграфъ, который титанъ не сможетъ перешагнуть, — котораго діалектикъ не ухитрится обойти, — о которомъ разогорченный патріотъ не сдумѣетъ искусно забыть въ минуту своего горестнаго волненія? Къ тому-же параграфы деклараціи были написаны такъ давно, почти два года тому назадъ, и помѣщены во введеніи къ той конституціи, которая уже приближалась къ своему окончанію.

Поставьте себя, мой читатель, на мѣсто французскихъ законодателей. Неужели вы, дочитывая какую-нибудь книгу, помните отъ слова до слова первую страницу? Когда вы пишете длинную статью, вы навѣрно забываете подъ конецъ тѣ обороты и даже тѣ отдѣльныя мысли, которыя вы помѣстили въ самомъ началѣ. Отчего-же и національному собранію было не забыть той первой страницы, которая возбудила во французскомъ народѣ столько надеждъ и столько восторга? Національное собраніе забыло, и этотъ фактъ забвенія послужилъ французскому народу полезнымъ и необходимымъ урокомъ житейской мудрости. Такие уроки сильно подвигаютъ впередъ политическое воспитаніе неопытныхъ націй. Французы въ 1789 году вообразили себя по

своей политической незрѣлости, что они уже въ самомъ дѣлѣ люди и граждане и что у нихъ въ самомъ дѣлѣ есть какія-то естественныя и неотъемлемыя права. Теперь имъ и показали, что неотъемлемымъ называется только такое право, котораго нельзя отнять, а естественнымъ считается только то, чего нельзя запретить закономъ. Французы, какъ народъ незрѣлый, но догадливый, разсудили тогда по-своему. Значить, подумали они, надо устроить такъ, чтобы нельзя было отнимать и запрещать. А если отнимаетъ и запрещаетъ національное собраніе, то оно дѣлается врагомъ націи, перестаетъ существовать. Дѣйствительно этотъ процессъ мысли съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникалъ въ массы и обрывалъ послѣднія нити, связывавшія національное собраніе и его возлюбленную буржуазію съ огромнымъ большинствомъ французской націи. Закономъ 14 іюня представители навлекли на себя ненависть всѣхъ производительныхъ работниковъ. Черезъ два дня собраніе приказало къ 1 іюлю закрыть въ Парижѣ всѣ общественныя мастерскія. Этимъ распоряженіемъ оно привело въ отчаяніе всѣхъ бывшихъ паразитовъ и всѣхъ вообще безпріютныхъ пролетаріевъ. Всѣ эти мѣры превосходнѣйшимъ образомъ выполняли самыя задушевыя желанія чистыхъ демократовъ. Все, что инстинктивно или сознательно негодовало противъ политики буржуазнаго либерализма, все, что было раздражено и озлоблено законодательными подвигами собранія, сдвигалось въ тѣсныя и рѣшительныя группы, для которыхъ бѣшенныя выходы Марата казались простымъ и очень естественнымъ выраженіемъ патріотическихъ чувствъ, обязательныхъ для каждаго порядочнаго гражданина. Буржуазія довершала такимъ образомъ дѣло народнаго воспитанія, начатое феодальными властями. Старый порядокъ вмѣстѣ съ аристократіей раззорилъ и развратилъ французскаго пролетарія. Буржуазія употребляла теперь всѣ усилія, чтобы довести его до послѣдней степени озлобленія. Усилія буржуазіи увѣнчались въ свою очередь такимъ-же блестящимъ успѣхомъ, какого достигли въ свое время старанія аристократіи и феодальной власти. Пролетарій воспользовался всѣми уроками и развернулъ всѣ свои благопріобрѣтенныя качества и способности. Воспитатели его до сихъ поръ не могутъ понять, что все это ихъ собственная работа. Понять не трудно, но иногда бываетъ разсчетливо и выгодно не понимать и сваливать вину на людей постороннихъ. Виновные разысканы, историкъ удовлетворенъ, и читатель погружается въ размышленія о суетѣ мірской премудрости.

XX.

Въ апрѣлѣ 1791 года умеръ Мирабо. Однимъ великимъ ораторомъ на свѣтѣ стало меньше. Блескъ и красота засѣданій національнаго со-

бранія поубавились. Съ эстетической точки зрѣнія потеря была незамѣнима, и французы, всегда расположенные къ эстетическимъ взглядамъ на вещи, вообразили себѣ, что они дѣйствительно осиротѣли. Но мировыя событія развиваются всегда изъ такихъ общихъ и великихъ причинъ, передъ которыми совершенно ступеваются и исчезаютъ не только отдѣльныя личности, но даже эстетическіе взгляды цѣлаго народа. На дальнѣйшее развитіе революціи не подѣйствовали ни смерть Мирабо, ни даже то обстоятельство, что тогдашніе французы преувеличивали политическое значеніе этой крупной и эффектной личности. Смерть Мирабо, о которомъ горевала вся Франція, была утратой только для королевскаго семейства и произвела вліяніе только на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Мирабо въ послѣдній годъ своей жизни игралъ трудную и неблагодарную роль: съ одной стороны онъ постоянно изъ расчета поддерживалъ свою популярность громовыми рѣчами противъ различныхъ остатковъ старины; съ другой — онъ келейно уцѣплялъ всѣ усилія, чтобы изъ этихъ самыхъ остатковъ сдѣлать прочную плотину, которая остановила-бы дальнѣйшія завоеванія революціи. Онъ господствовалъ въ національномъ собраніи силой своего краснорѣчія, но ему плохо довѣряли тѣ самые люди, которые съ восторгомъ слушали его рѣчи; король и придворная партія также не вполне вѣрили ему, потому что ихъ пугали эти самыя рѣчи, служившія въ это время широкой для его настоящихъ намѣреній. Мирабо думалъ, что онъ стумѣетъ совершенно приковать къ своей личности любовь народа и что потомъ, когда онъ, Мирабо, прямо вступить въ борьбу съ чистой демократіей, — народъ пойдетъ за нимъ противъ демократовъ. Смерть отняла у него возможность произвести этотъ опытъ и избавила его такимъ образомъ отъ тяжелаго разочарованія. Впрочемъ такъ какъ Мирабо не былъ ни фантазеромъ, ни оптимистомъ, такъ какъ онъ умѣлъ смотрѣть на вещи трезвыми и непредубѣжденными глазами и такъ какъ наконецъ онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать въ важныхъ и серьезныхъ дѣлахъ, очертя голову, — то по всей вѣроятности онъ обнаруживалъ-бы свои настоящія намѣренія только въ томъ случаѣ, когда можно было бы рассчитывать на успѣхъ. Въ ожиданіи этихъ благоприятныхъ шансовъ и симтомовъ, онъ безъ сомнѣнія продолжалъ-бы вести рядомъ двѣ политики, одну — на показъ народу для поддержанія популярности, составлявшей въ то время во Франціи единственную силу государственнаго чловека; другую — въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ приближенными короля для спасенія королевской власти и для утвержденія такой конституціи, въ которой либеральная буржуазія видѣла и философскій камень, и жизненный элексиръ, и пожалуй даже *perpetuum mobile*. Эта двой-

ственная политика для революціи была-бы безвредна, а королю могла-бы принести много пользы; она во всякомъ случаѣ не возвратила-бы королю ни одного изъ потерянныхъ правъ, но она по крайней мѣрѣ могла-бы предохранить короля отъ всѣхъ бесплодныхъ попытокъ, возбуждавшихся въ народѣ подозрѣнія и ненависть; она могла-бы устранить множество политическихъ ошибокъ и осторожно, шагъ за шагомъ свести Людовика XVI съ того престола, съ котораго такъ грубо и безжалостно сбросило его совокупное дѣйствіе революціонныхъ страстей и антиреволюціонныхъ интригъ.

Мирабо могъ-бы быть очень полезнымъ совѣтникомъ для Людовика XVI, не потому, что онъ, Мирабо, успѣлъ бы осуществить свои намѣренія, а потому, что онъ умѣлъ-бы всегда отличать возможное отъ невозможнаго и слѣдовательно не впутывалъ-бы короля въ такія предпріятія, которыя компрометировали его, не представляя ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но все это было-бы возможно только въ томъ случаѣ, если-бы Людвику былъ способенъ, во-первыхъ оцѣнить умственное превосходство Мирабо и вторыхъ — подчинившись этому превосходству, держаться неуклонно той политической программы, которую предписывалъ ему великій ораторъ. Къ сожалѣнію у Людовика не было ни сильнаго ума, ни твердой воли; у него было только очень искреннее желаніе исполнить свои обязанности и уклониться отъ грѣховныхъ поступковъ. По люди втеченіи своей исторической жизни такъ огуминили себя искусственными понятіями и довели свою логику до такой изумительной гибкости, что въ распознаваніи обязанности и грѣховъ могутъ сбиться съ толку и запутаться въ противорѣчійхъ даже умы довольно сильныя и самостоятельныя. Людовикъ XVI, поставленный судьбой въ самое исключительное положеніе и жившій въ такое время, въ которомъ всѣ трудности этого исключительнаго положенія сдѣлались неизмѣримыми, — Людовикъ XVI, окруженный множествомъ совѣтниковъ, вѣчно блуждалъ въ безконечномъ хаосѣ неизвѣстныхъ величинъ, по поводу которыхъ одни голоса громко выговаривали слово «обязанность», между тѣмъ какъ другіе голоса то отчаяннымъ крикомъ, то повелительнымъ шепотомъ произносили слово «грѣхъ». Людовикъ XVI постоянно находился въ трагическомъ положеніи гоголевскаго почтмейстера; если одинъ голосъ говорилъ «не распечатывай», то другой непременно твердилъ: «распечатай», и притомъ ни одинъ изъ этихъ двухъ голосовъ не былъ для Людовика голосомъ личнаго искушенія, а оба выдавали себя за чистѣйшее выраженіе нравственнаго закона. И Людовикъ обыкновенно устраивалъ такъ, что обѣ стороны оставались имъ недовольны и укоряли его то за небрежное исполненіе обязанности, то за совершеніе какого-нибудь грѣха. И

Людовикъ недоумѣвалъ и мучился и еще болѣе сбивался съ толку. Онъ выслушивалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ и съ каждымъ изъ нихъ отъ души соглашался, но такъ какъ для дѣйствія надо было выбрать только какой-нибудь одинъ планъ, то и выбирался обыкновенно самый послѣдній по времени, т. е. тотъ, который былъ всего свѣжѣе въ умѣ короля.

Именно такимъ процессомъ мысли и воли объясняются поступки Людовика XVI въ отношеніи къ собранію государственныхъ сословій, тѣ поступки, которые повели за собой штурмъ Бастиліи и которые могутъ быть названы первымъ шагомъ короля съ престола къ гильотинѣ. Если бы такъ поступили Карлъ I Стюартъ или Карлъ X французскій, то тутъ не было-бы ничего удивительнаго; оба они были одарены широкими натурами, неспособными ужиться съ какимъ-бы то ни было уступками. Но Людовикъ всегда съ удовольствіемъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, всегда радъ былъ оставлять имъ всю славу и всю отвѣтственность управленія и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ желалъ, чтобы подданные его устроили себѣ такое счастье, какого они сами желаютъ или могутъ достигнуть. И вдругъ такой честный, мягкій и добродушный человѣкъ ни съ того, ни съ сего затѣваетъ ссору съ тѣмъ самымъ собраніемъ, которое онъ создалъ и которое именно ему самому совершенно необходимо. Этотъ человѣкъ вдругъ начинаетъ поступать совершенно противно собственнымъ выгодамъ, собственному характеру и собственнымъ желаніямъ. И все это происходитъ отъ того, что его въ эту минуту окружаетъ со всѣхъ сторонъ аристократическая партія; ему жужжать и кричать, и шепчуть въ уши, что слѣдуетъ «распечатать»; онъ и самъ знаетъ, что ему не слѣдуетъ этого дѣлать, и ему самому не хочется такъ распорядиться, и онъ даже не чувствуетъ особенной привязанности къ тѣмъ аристократическимъ личностямъ, которыя суетятся въ его дворцѣ; а между тѣмъ сознаніе его начинаетъ колебаться отъ шума фразъ и аргументовъ, воля слабѣетъ, и рѣшительный шагъ дѣлается медленно, съ неохотой, но все-таки дѣлается, и всѣ послѣдствія, связанные съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, развиваются изъ него такъ-же неизбежно и въ такомъ же полномъ комплектѣ, какъ будто бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ желаніемъ и съ самымъ лукавымъ умысломъ. Даже хуже. При желаніи и при умыслѣ, человѣкъ обыкновенно принимаетъ уже всѣ мѣры и въ предосторожности, которыя могутъ обезпечить успѣхъ предпріятія, или въ случаѣ неудачи прикрывать отступленіе. Когда же человѣкъ поступаетъ противъ своего желанія, повинувшись постороннему внушенію, тогда онъ дѣйствуетъ спустя рукава, не надѣясь на успѣхъ и не заботясь о послѣдствіяхъ; онъ производитъ опытъ и самъ относится къ своему дѣлу равнодушно и

недовѣрчиво. Кромѣ того поступки такого человѣка всегда непослѣдовательны; но такъ какъ нашъ умъ настойчиво ищетъ въ человѣческихъ поступкахъ послѣдовательности и руководящей идеи, то мы, глядя со стороны на вереницу этихъ безсвязныхъ поступковъ, бываемъ часто расположены видѣть въ нихъ скрытую связь и заатаенную тенденцію. Человѣкъ колеблется, а намъ кажется, что онъ хитритъ; человѣкъ вчера говорилъ такъ, а сегодня поступаетъ иначе, просто потому, что у него въ головѣ плохо вяжутся мысли, но мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ не съ проста, что онъ и вчера, и сегодня руководствовался обдуманымъ планомъ и что онъ играетъ свою роль съ искусствомъ замѣчательнаго актера. Мы начинаемъ бояться и ненавидѣть такого человѣка, котораго даже не за что презирать.

Такія недоразумѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, даже при сношеніяхъ между частными лицами, которыя могутъ видѣть другъ друга вблизи во всякое время и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ отношеніи къ лицу, мало доступному и облеченному въ ослѣпительный блескъ официальности, такое недоразумѣніе становится совершенно неизбежнымъ. Для историка характеръ Людовика XVI совершенно понятенъ; историкъ не увидитъ въ этомъ характерѣ ни глубокаго коварства, ни затаенныхъ стремленій къ деспотизму; историкъ съумѣетъ распутать ту сѣть разнородныхъ вліяній, которая тяготѣла надъ всѣми намѣреніями и поступками этого человѣка; историкъ оцѣнитъ честность его побужденій и слабость воли; такимъ образомъ человѣческая личность Людовика XVI получитъ въ исторіи свои настоящіе размѣры и свой дѣйствительный колоритъ. Но то, что возможно для историка, то было совершенно невозможно для подданныхъ и современниковъ Людовика XVI, если-бы даже эти подданные и современники имѣли твердое намѣреніе и искреннее желаніе отложить всторону всякое личное увлеченіе и всякое политическое пристрастіе. Подданные и современники Людовика XVI видѣли только внѣшнюю и официальную сторону его дѣятельности; они не имѣли возможности доискиваться до тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось рѣшеніе короля; они не имѣли возможности пускаться въ психологическій анализъ, потому что во-первыхъ — для этого анализа не было достаточныхъ матеріаловъ; а во-вторыхъ — каждое рѣшеніе Людовика могло быть опаснымъ для такихъ вещей, которыя тогдашнимъ французамъ были очень дороги и совершенно необходимы; стало-быть тутъ некогда было думать о психологическихъ анализахъ. Каждое колебаніе въ политикѣ Людовика XVI казалось тогдашнимъ французамъ разсчитанной измѣной; каждое внутреннее противорѣчіе въ этой политикѣ объяснилось глубокимъ ковар-

ствомъ короля или его совѣтниковъ. Когда король утверждалъ такое предложеніе національнаго собранія, которое пользовалось сочувствіемъ народа, тогда народъ былъ расположенъ думать, что король хитритъ и старается выиграть время; когда король отказывалъ какому-нибудь популярному декрету въ своемъ утвержденіи, тогда народъ былъ увѣренъ, что король сбрасываетъ маску и что начинается выполнение обширнаго заговора, составленнаго противъ французской свободы дворянъ, эмигрантами и иностранными правительствами; тогда народъ готовился къ борьбѣ на жизнь и на смерть, и хотя борьба не оказывалась въ дѣйствительности, однако всѣ горькія чувства, возбужденныя постояннымъ ожиданіемъ рѣшительной катастрофы, естественнымъ образомъ направлялись противъ короля и направлялись противъ него за то, что онъ не могъ и не умѣлъ внушить народу довѣріе въ честность своихъ намѣреній и въ твердость своего личнаго характера.

Историкъ можетъ считать Людовика XVI за очень честнаго человѣка, но судъ историка не имѣетъ никакого вліянія на жизнь исторической личности; Людовикъ дѣйствительно былъ очень честенъ и добродушенъ, но онъ не казался такимъ человѣкомъ; современники не могли считать его честнымъ и не могли чувствовать къ нему довѣрія; но такъ какъ Людовикъ дѣйствовалъ въ исторіи революціи только тѣмъ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое его личность производила на умы его народа, то для исторіи, въ обширномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, личныя добродѣтели Людовика имѣютъ такъ-же мало значенія, какъ наприимѣръ его замѣчательное искусство въ дѣлѣ слесарной работы. Людовикъ былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ слесаремъ, но современники его не оцѣнили ни того, ни другого. Для нихъ существовала только одна черта въ характерѣ Людовика, именно его нерѣшительность, выражавшаяся въ непослѣдовательности поступковъ и постоянно принимавшаяся современниками за проявленіе глубокаго коварства. Когда Мирабо сталъ хлопотать о томъ, чтобы помирить короля съ народомъ, то всѣ старанія знаменитаго оратора направлялись къ тому, чтобы внести въ политику Людовика твердость и послѣдовательность; по личный характеръ короля и разнокалиберность его обстановки дѣлали эту задачу неисполнимой; Людовикъ слушалъ и Мирабо, и королеву, и Бретейля, и Булье, и императора Леопольда, и своего духовника, и всякаго, кто только имѣлъ возможность и охоту разсуждать въ тюильрійскомъ дворцѣ или писать изъ прекраснаго далека о вопросахъ текущей политики; при такихъ условіяхъ вліяніе Мирабо было совершенно парализовано; Мирабо, какъ единственный совѣтникъ, былъ почти бесполезенъ, потому что его совѣты имѣли свою цѣну только въ общей связи, только тогда,

когда они исполнялись всѣ вмѣстѣ и когда они такимъ образомъ составляли руководящую политическую программу. Но все-таки смерть Мирабо была утратой для королевскаго семейства, потому что Мирабо зналъ свою эпоху, не смотрѣлъ на нее глазами придворнаго, умѣлъ выпутываться изъ затрудненій и слѣдовательно въ минуту опасности могъ-бы подать Людовику такой совѣтъ, до котораго никогда-бы не додумались остальные совѣтники короны.

XXI.

Смерть Мирабо подѣйствовала на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Нѣкоторые изъ предводителей лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, подумали, что теперь настало ихъ время, что они должны сдѣлаться руководителями исполнительной власти и что министерскія мѣста должны быть заняты ихъ приверженцами и друзьями; они стали сближаться съ правительствомъ, и съ ними произошло то, что до сихъ поръ происходило вездѣ съ каждой оппозиціонной партіей, овладѣвающей господствомъ. Всякая оппозиція говоритъ очень много о существующихъ злоупотребленіяхъ и о настоятельной необходимости преобразованій; когда эта оппозиція становится правительствомъ, тогда обыкновенно лиры настраиваются на другой тонъ: тѣ-же самые ораторы начинаютъ доказывать, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что злоупотребленія по большей части составляютъ просто оптический обманъ, что въ стремленіи къ преобразованіямъ есть много опасныхъ и разрушительныхъ элементовъ и что осторожная медленность должна быть первой обязанностью государственнаго человѣка.

Въ тогдашней Франціи конечно нельзя было говорить о злоупотребленіяхъ и преобразованіяхъ, потому что все было преобразовано и потому что злоупотребленія не могли еще завестись въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ такой конституціей, которая еще не была даже закончена. Но во Франціи оппозиція говорила о свободѣ, а правительственная партія о порядкѣ; это именно переходъ отъ защищенія свободы къ отстаиванію порядка совершили послѣ смерти Мирабо предводители лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ и ихъ ближайшіе друзья. Это сдѣлалось послѣ смерти Мирабо, потому что при жизни этого оратора никто изъ членовъ національнаго собранія не могъ перевѣсить его вліянія на дѣла правленія. Смерть крупной личности очистила мѣсто, на которое тотчасъ нашлись претенденты. Приближался къ правительственнымъ сферамъ, вожди лѣвой стороны произвели расколъ въ своей собственной партіи и чрезъ это потеряли значительную долю своего прежняго вліянія; отъ нихъ совершенно отдѣ-

лилась крайняя лѣвая сторона, къ которой принадлежали между прочими Петіонъ и Робеспьеръ и которая ни подъ какимъ видомъ, ни на какихъ условіяхъ не соглашалась перемѣнить наступательное положеніе оппозиціи на оборонительную роль правительственной партіи. Въмѣстѣ съ крайней стороной отдѣлился отъ Барнава и компанія якобинскій клубъ, который былъ основанъ именно Дюпоромъ и Ламетомъ, но въ скоромъ времени далеко обогнали своихъ основателей на пути къ радикализму и къ демократіи. Когда якобинцы стали въ скептическія отношенія къ бывшимъ вождямъ лѣвой стороны, тогда и массы народа охладѣли къ нимъ и перенесли все свое довѣріе и всю свою любовь на ораторовъ крайней лѣвой и въ особенности на Робеспьера. Это обстоятельство произвело полный разладъ между національнымъ собраніемъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ національномъ собраніи партія Робеспьера была очень слаба по числу своихъ членовъ и ничтожна по своему вліянію; въ столицѣ, въ клубахъ и черезъ посредство клубовъ во всей Франціи одна только крайняя сторона, партія Робеспьера, партія непреклонной оппозиціи—пользовалась силой и вліяніемъ. Движеніе зашло такъ далеко и развивалось такъ быстро, что національное собраніе уже не успѣвало за нимъ и служило ему тормазомъ въ то время, когда нація желала имѣть въ собраніи органъ для выраженія своихъ потребностей. Ясно было, что тѣ люди, которые были достойными представителями третьяго сословія въ 1789 году, уже не могли быть представителями французскаго народа въ 1791 году. Самъ народъ понялъ это вполне, и Робеспьеръ, выражая это общее мнѣніе, предложилъ въ половинѣ мая 1791 года, чтобы ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не могъ баллотироваться въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что это предложеніе не представляло особенной важности и что оно должно было имѣть вліяніе только на личный составъ слѣдующаго собранія, а не на расположеніе и сравнительную силу политическихъ партій въ этомъ слѣдующемъ собраніи. Если нельзя будетъ выбрать Барнава, Ламета, Дюпора, Робеспьера, Лафайета, Ланжюине, Бюзо, Грегуара, то выберутъ кого-нибудь изъ друзей и приверженцевъ этихъ господъ, выберутъ такихъ людей, которые держатся одинаковыхъ съ ними политическихъ мнѣній, и новое собраніе представитъ слѣдовательно ту-же группировку и ту-же сравнительную силу партій, которую можно было видѣть въ старомъ собраніи. Если же политическія мнѣнія той или другой стороны учредительнаго собранія не пользуются сочувствіемъ избирателей, тогда все равно не выберутъ вновь членовъ этой стороны, хотя бы они и имѣли право баллотироваться.

Противъ такого разсужденія въ области чи-

стой теоріи нельзя представить никакого уважительнаго возраженія. Но Робеспьеръ зналъ, что выборы будутъ происходить не въ области чистой теоріи, а на почвѣ практической дѣятельности, гдѣ вопросы ставятся и рѣшаются совсѣмъ не такъ просто. Примѣняясь къ особенностямъ этой практической дѣятельности, Робеспьеръ понималъ, что его предложеніе измѣнить радикально не только личный составъ, но и политическій цѣль національнаго собранія. Къ этой именно цѣли онъ и стремился. Дѣло въ томъ, что многіе изъ членовъ учредительнаго собранія втеченіи своей двухлѣтней дѣятельности составили себѣ очень громкую извѣстность, которая во всякомъ случаѣ была для нихъ сильной рекомендаціей передъ каждою коллегіей избирателей. Только для членовъ крайней правой стороны громкая извѣстность могла быть помѣхой, потому что извѣстность эта была приобретена ими въ бесплодной борьбѣ съ желаніями націи; что же касается до представителей буржуазнаго либерализма, содѣйствовавшихъ побѣдѣ третьяго сословія и опрокинутыхъ феодальныхъ учрежденій, то ихъ извѣстность составляла въ то время гордость французской націи и открывала имъ широкую дорогу къ депутатскому мѣсту въ будущемъ національномъ собраніи. Но эта извѣстность открыла дорогу имъ самимъ, а вовсе не ихъ приверженцамъ и не ихъ идеямъ. Если бы передъ коллегіей избирателей явился съ одной стороны—знаменитый ораторъ, подобный Дюпору или Барнаву, а съ другой стороны—неизвѣстный юноша, отличающійся самымъ пылкимъ радикализмомъ, то первый по всей вѣроятности побѣдилъ бы послѣдняго. Когда же всѣ знаменитые ораторы будутъ устранены отъ выборовъ, тогда избиратели, имѣя дѣло съ простыми смертными, обратятъ все свое вниманіе на убѣжденія кандидатовъ и выберутъ тѣхъ людей, которые, не успѣвши прославиться на всю Францію, выразили однако въ кругу своихъ ближайшихъ соотечественниковъ искреннюю и горячую привязанность къ свободѣ и къ революціи. Почти въ каждомъ городѣ существовали якобинскіе клубы, а въ каждомъ клубѣ было нѣсколько личностей, пользовавшихся въ цѣломъ околоткѣ репутаціей отличныхъ патриотовъ и дѣльныхъ людей; эти провинціальныя свѣтила гражданской доблести и политической мудрости непремѣнно должны были восторжествовать на выборахъ послѣ устраненія парижскихъ и общепарижскихъ знаменитостей. Но всѣ провинціальныя якобинцы питали глубочайшее благоговѣніе къ парижскому клубу, а въ этомъ парижскомъ клубѣ уже господствовалъ въ это время Робеспьеръ; стало-быть Робеспьеръ могъ разсчитывать, что онъ съ трибуны якобинскаго клуба будетъ управлять дѣйствіями новаго собранія; имѣя въ виду такую заманчивую диктатуру, онъ съ удовольствіемъ могъ отказаться за себя и за своихъ ближайшихъ друзей отъ вся-

ких притязаній на мѣсто депутата; эта ожидаемая диктатура должна была сдѣлаться особенно обширной вслѣдствіе того обстоятельства, что въ новомъ собраніи будутъ засѣдать совершенно новые люди, незнакомые ни съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, ни съ закулисными тайнами различныхъ партій, ни съ внѣшней стороной парламентской процедуры. Если бы въ это новое и неопытное собраніе могли проникнуть нѣсколько старыхъ депутатовъ, то эти депутаты сразу приобрѣли бы себѣ авторитетъ, сдѣлались бы центрами и предводителями кружковъ и захватили бы въ свои руки управленіе дѣлами. Но предложеніе Робеспьера исключало всѣхъ старыхъ депутатовъ; какъ только эти старые депутаты переставали быть членами официального собранія, такъ они тотчасъ теряли всякое значеніе и всякую возможность управлять общественнымъ мнѣніемъ; только люди крайней лѣвой стороны и больше всѣхъ другихъ самъ Робеспьеръ имѣли вѣсь сами по себѣ, независимо отъ своей официальной должности; только эти люди, опираясь на якобинскій клубъ и на парижское населеніе, могли сохранять и увеличивать свою силу послѣ выхода своего изъ учредительнаго собранія.

Новое собраніе должно было подчиниться центральному свѣтилу якобинскаго клуба, во-первыхъ—потому, что оно должно было состояться преимущественно изъ провинціальныхъ якобинцевъ, а во-вторыхъ—потому, что оно непременно должно было на первыхъ порахъ отличаться неопытностью, искать совѣта старшихъ и не встрѣчать вокругъ себя никого изъ старшихъ, кромѣ Робеспьера и его партіи. Была еще третья причина. Можно было предполагать, что Франція выслала въ учредительное собраніе всю свою науку, весь свой умъ, всѣ свои таланты; когда этотъ верхній слой знанія, ума и таланта будетъ снятъ и отложенъ въ сторону, тогда окажутся на поверхности второстепенные умы и посредственныя дарованія; новое собраніе составитъ такимъ образомъ изъ людей средняго разбора, и это отсутствіе сильныхъ талантовъ положить самое прочное основаніе предполагаемой диктатурѣ. Къ этому послѣднему соображенію Робеспьеръ, какъ человѣкъ очень самолюбивый и чрезвычайно тщеславный, не могъ быть равнодушенъ, тѣмъ болѣе что въ первые полтора года своей дѣятельности онъ былъ совершенно задавленъ ораторскими талантами учредительнаго собранія: его долго не слушали, и надъ нимъ перестали смѣяться только тогда, когда начали его бояться; теперь онъ съ удовольствіемъ могъ сказать себѣ, что такихъ оскорбительныхъ спенъ для него по всей вѣроятности уже не будетъ.

Однако надежды на безпѣвствость будущаго собранія не оправдались. Въ собраніи явилась горячая молодежь, составившая партію Жиронды; талантливые ораторы этой партіи, Верньо,

Инаръ, Гюаде, стали бороться съ Робеспьеромъ въ самомъ центрѣ его могущества, въ собраніи якобинскаго клуба. Впрочемъ эта борьба не входитъ уже въ предѣлы теперешней моей статьи. Вполнѣ-ли сбылись расчеты Робеспьера, или осталась часть этихъ расчетовъ неосуществленною, во всякомъ случаѣ Робеспьеру выгодно было представить собранію свое предложеніе, выгодно было уже потому, что онъ такимъ образомъ являлся еще разъ въ очень важномъ вопросѣ проводникомъ народныхъ желаній. Но если Робеспьеру выгодно было представить собранію это предложеніе, то всѣмъ значительнымъ членамъ собранія не очень выгодно было принять его и совершить такимъ образомъ надъ собой политическое самоубійство. Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты стали горячо возражать и ничего не успѣли сдѣлать своими возраженіями, потому что предложеніе Робеспьера пришлось по душѣ не только народу, но и большинству депутатовъ. Въ учредительномъ собраніи, какъ и вообще во всѣхъ собраніяхъ, большинство состояло изъ людей безгласныхъ и бездѣльныхъ; этимъ людямъ мудрено было разсчитывать на вторичный выборъ, потому что помолчать, какъ выражается Фамусовъ, не велика услуга, и на избирателей такая услуга не могла подѣйствовать; слѣдовательно этой массѣ сомнительныхъ кандидатовъ пріятно было отказаться красиво и великодушно отъ такой чести, которую у нихъ и безъ того бы отняли. Это обстоятельство тогда же было подмѣчено Камилемъ Демуленомъ, который съ свойственной ему веселостью и откровенностью тотчасъ тиснулъ по этому поводу статью въ своей газетѣ. Кромѣ того предложеніе Робеспьера очень понравилось аристократамъ и реакціонерамъ правой стороны; эти господа особенно сильно боялись и ненавидѣли людей умѣренныхъ партій; они думали, что умѣренные партіи могутъ основать прочный порядокъ, который навсегда положить конецъ господству привилегій, а на крайнихъ якобинцевъ аристократы смотрѣли, какъ на невозможныхъ людей, которые поцумять, покричать, подурчатся и потомъ будутъ оставлены народомъ, что ихъ съ полнымъ удобствомъ можно будетъ въ урочное время перевѣшать и переколесовать по всѣмъ правиламъ старой уголовной техники. Руководствуясь этими привлекательными соображеніями, правая сторона всегда готова была поддерживать чистыхъ демократовъ противъ либераловъ, всегда радовалась каждой сорѣ между тѣми и другими и горячо сочувствовала каждой побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними. Это настроеніе усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у абсолютистовъ и аристократовъ были личные враги между либералами, а между крайними якобинцами у нихъ не было и не могло быть враговъ, потому что эти два класса людей слишкомъ далеко отстояли другъ отъ друга по своему общественному положенію.

Всѣ эти причины привели къ тому результату,

что Дюпоръ, Ламетъ и Барнавъ оказались почти единственными противниками Робеспьера. Предложеніе его было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Его защищали даже нѣкоторыя знаменитости собранія; видно было, что всѣ утомлены напряженной дѣятельностью, всѣ тяготеютъ своими натянутыми отношеніями къ народу и всѣ, кромѣ немногихъ неугомонныхъ честолюбцевъ, хотѣтъ отдохнуть и сложить на другія плечи отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Такимъ образомъ за четыре мѣсяца до закрытія своихъ засѣданій учредительное собраніе признало себя устарѣлымъ и рѣшилось передать новымъ людямъ судьбу Франціи, конституціи и всѣхъ революціонныхъ приобретеній, оторванныхъ народомъ отъ королевской власти и отъ аристократическихъ привилегій. Но послѣднія недѣли учредительнаго собранія были ознаменованы еще двумя чрезвычайно важными событіями, первымъ изъ нихъ было неудавшееся бѣгство короля, вторымъ — кровопролитное столкновение народа съ національной гвардіей.

XXII.

Между Франціей и всей монархической Европой не могло быть искренняго и прочаго мира съ той самой минутой, какъ парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилю и передалъ верховную власть въ руки своихъ представителей. Не могло быть мира по многимъ причинамъ. Во-первыхъ — всѣ европейскіе государи и всѣ европейскія аристократіи чувствовали свою солидарность съ Людовикомъ XVI, съ французскимъ дворянствомъ; во-вторыхъ революція съ своей стороны вовсе не заботилась о томъ, чтобы успокоить и смягчить своихъ взволнованныхъ враговъ; она вовсе не хотѣла замыкаться въ предѣлы своего отечества, ея ораторы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорили о міровой задачѣ революціи, о ея космополитическомъ значеніи, объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о естественномъ братствѣ всѣхъ людей и о разныхъ другихъ вѣщахъ, которыя всякій благоразумный человѣкъ могъ-бы теперь называть недѣлностями, потому что со времени французской революціи прошло слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ. всѣ эти либеральныя шалости такъ и остались ораторскими фіоритурами и притомъ фіоритурами не только для Европы, но и для самой Франціи. Но тогда въ эти либеральныя шалости крѣпко вѣрили сами шалуны. Революціонеры угрожали, консерваторы хмурились; ясно было, что рано или поздно дойдетъ до драки и что перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая лучше выберетъ время для того, чтобы нанести первый ударъ.

Это воинственное расположеніе, господствовавшее естественнымъ образомъ въ обоихъ политическихъ лагеряхъ Европы, усиливалось въ аристократическомъ лагерѣ криками и жалобами

французскіхъ эмигрантовъ, передавшихъ всѣмъ европейскимъ дворамъ такія подробности о революціи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ; сообщая эти подробности, французскіе эмигранты обнаруживали щедрость, достойную ихъ высокаго званія; они, не запинаясь ни на одномъ словѣ, пересыпали чистую правду поэтическими украшениями и чистѣйшей ложью. Ими вѣрили, во-первыхъ — потому что пріятно и полезно было вѣрить; а во-вторыхъ — потому что нестоимыя импровизаторы были несчастными мучениками, пострадавшими за правду, испытывшими на себѣ тяжесть людской неблагодарности и слѣдовательно достойными всякаго сочувствія, уваженія и разумѣется довѣрія. Благодаря своимъ изобрѣтательнымъ мученикамъ, далеко превосходившимъ Павла Ивановича Чичикова въ любви къ добру и къ истинѣ, Франція превратилась въ страну легендъ, въ родину мифическихъ чудовищъ, способныхъ въ одну минуту разнести свое заразительное безобразіе по всѣмъ городамъ и селамъ Европы и солиднаго земного шара. Надо было прежде всего посадить Францію въ карантинъ, оцѣнить ее санитарнымъ кордономъ, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ незараженной частью человѣчества. Потомъ надо было употребить въ дѣло увѣщанія, потомъ пустить въ ходъ угрозы и наконецъ обуздать неукротимое безуміе мѣрами кротости.

Все это въ порядкѣ вещей, и все это безъ сомнѣнія превосходно, но любопытно было-бы спросить, каково дѣйствовали подобныя демонстраціи на судьбу Людовика XVI и его семейства, желавшаго сохранить феодальную власть, какъ зеницу ока. Положеніе короля было въ высшей степени оригинально; во всей всемірной исторіи врядъ-ли найдется другое такое положеніе. Людовикъ былъ въ плѣну въ той самой фантастической странѣ чудовищъ, о которой трубили эмигранты. Но это еще ничего, что онъ былъ въ плѣну. Свообразность положенія заключалась въ томъ, что онъ не могъ признать себя плѣнникомъ; ему надо было прикидываться патриотическимъ вождемъ пылкаго народа и заклятымъ врагомъ тѣхъ элементовъ и тѣхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ наибольшую симпатію и въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ будущихъ избавителей; какъ только французскій народъ замѣчалъ, что король тяготеетъ своей неестественной ролью, такъ показывались немедленно всѣ признаки приближающейся бури, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей Людовикъ XVI поневолѣ долженъ былъ поспѣшно прижимать къ своему лицу ту ненавистную маску, которая мѣшала ему дышать, но въ то-же время представляла единственную возможность отсрочивать неизбѣжную катастрофу. Катастрофа была неизбѣжна, и политическій маскарадъ въ сущности былъ бесполезенъ, во-первыхъ — потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ король не могъ выдержать его до конца, а во-вторыхъ потому, что мифическія чудовища, на-

селявшія Францію, нисколько не были расположены къ довѣрчивости и очень хорошо знали, что такое лицо и что такое маска.

Король старался выиграть время, надѣясь на реакцію внутри государства и на помощь со стороны Европы; народъ съ своей стороны смутно чувствовалъ неискренность короля и постоянно тревожился неопредѣленными слухами объ австрійскомъ комитетѣ, который будто-бы работаетъ въ тюильрійскомъ дворцѣ подъ предѣлательствомъ королевы Маріи-Антуанеты и замышляетъ предать Францію въ руки иностранцевъ и эмигрантовъ. Война между Франціей и Европой казалась неизбежною; и точно также неизбежнымъ казался рѣшительный и окончательный разрывъ между идеями революціи и принципомъ королевской власти. Самъ Людовикъ увидѣлъ и понялъ наконецъ неизбежность этого разрыва тогда, когда національное собраніе принялось за преобразованія въ устройствѣ церкви. Разрушеніе Бастиліи, уничтоженіе дворянства, ограниченіе монархической власти, учрежденіе національной гвардіи, свобода печати—все это было грустно и тягостно, но, скрѣпя сердце, можно было еще кое-какъ перенести всѣ эти страданія; когда же зашла рѣчь о духовенствѣ, о монастыряхъ, о церковныхъ помѣстьяхъ, о назначеніи священниковъ по выбору прихожанъ, тогда истощилоса дипломатическое терпѣніе плѣнаго короля. Людовикъ былъ прежде всего католикъ; надъ нимъ господствовали его духовники, и съ той минуты, какъ революція коснулась церковной іерархіи, Людовикъ XVI съ мужествомъ отчаянія рѣшился во что-бы то ни стало сбросить маску и бѣжать въ тотъ лагерь, въ которомъ были всѣ его друзья.

Я оставляю въ сторонѣ фактическія подробности: какъ было задумано бѣгство, какъ измѣнялся планъ этого бѣгства, какія сношенія поддерживала по этому поводу королева Марія-Антуанета съ своимъ братомъ, Леопольдомъ Австрійскимъ, какъ королевское семейство тронулось въ путь, какъ происходило это опасное путешествіе—все это имѣетъ анекдотическій и біографическій интересъ и все это совсѣмъ не относится къ историческому развитію революціи. Достаточно замѣтить, что король съ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Парижа въ ночь на 21 іюня, а въ тотъ же день поздно вечеромъ его задержали въ провинціальномъ городкѣ Вареннѣ. Тамъшнія городскія власти тотчасъ дали знать объ этомъ національному собранію. Национальное собраніе прислало въ Вареннѣ своихъ комиссаровъ, и короля съ семействомъ привезли обратно въ Парижъ. Эта неудавшаяся поѣздка короля нанесла послѣдній ударъ монархическому принципу во Франціи. Его убили не нападенія его враговъ, а ошибки представителей и защитниковъ.

Первая причина революціи заключалась, какъ мы видѣли, въ экономическомъ истощеніи народа и государства; это истощеніе разумѣется было

произведено не философами XVIII вѣка, а администраторами, любившими старый порядокъ вещей всѣми силами своего организма. Первый поводъ къ вооруженному возстанію былъ поданъ, какъ мы также видѣли, попыткой короля парализовать съ самаго начала дѣятельность національнаго собранія; эта попытка очевидно была сдѣлана друзьями стараго порядка, а не агитаторами народа и не фанатиками революціи. Теперь мы опять встрѣчаемся съ такимъ-же фактомъ. Втеченіи 1789 и 1790 года республиканскихъ стремленій нельзя было замѣтить ни въ народѣ, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національномъ собраніи, ни въ якобинскомъ клубѣ. Народъ хотѣлъ только прочнаго уничтоженія феодальныхъ повинностей, а къ вопросамъ высшей политики оставался совершенно равнодушнымъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на своихъ возлюбленныхъ представителей и законодателей. Образованное общество и національное собраніе состояли изъ чистыхъ роялистовъ, обожавшихъ старый порядокъ, и изъ конституціоналистовъ, разыгравшихъ разныя варіаціи, болѣе или менѣе смѣлыя, на одну основную тему англійскаго самоуправленія. Якобинцы сами называли свой клубъ—обществомъ друзей конституціи и не терпѣли на своей трибунѣ ни одного слова противъ монархическаго начала. Необходимость королевской власти для всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей того времени составляла неприкосновенный догматъ политическаго вѣроисповѣданія. Та мысль, что республиканское правленіе годится только для отдѣльныхъ городовъ и мелкихъ областей, находилась тогда въ общемъ ходу и считалась неопровержимой истиной, не требующей доказательствъ. Ввести республиканское правленіе во Францію значило-бы превратить ее въ федерацію, состоящую изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ республикъ; о федераціи такого рода никто не хотѣлъ слышать, потому что привилегіи отдѣльныхъ провинцій только что были уничтожены, внутреннія заставы и таможи были сняты и отмѣнены, единство было основано, и все, что могло мѣшать укрѣпленію этого единства и водворенію сильной централизаціи, казалось всѣмъ тогдашнимъ публицистамъ тяжельмъ преступленіемъ противъ націи и отечества. Ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Маратъ, никто изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ обыкновенно опаснѣйшими демократами и злѣйшими революціонерами, не заикался о республикѣ втеченіи 1789 и 1790 года. Одинъ только Демуленъ написалъ въ то время политическій памфлетъ съ республиканскими тенденціями, но Демуленъ въ началѣ революціи такъ часто кидался изъ стороны въ сторону, отъ Лафайета къ Робеспьеру, отъ Марато къ Дантону, что всѣ партіи считали его талантливымъ и остроумнымъ повѣсой, котораго съ удовольствіемъ можно читать и слушать, но на котораго не стоитъ обращать вниманія въ серьезномъ дѣлѣ. Республиканскій пам-

флетъ Демулена остался безъ вліянія, и то-же самое произошло-бы даже въ томъ случаѣ, если-бы вмѣсто Демулена заговорилъ въ то время о республикѣ какой-нибудь сильный предводитель политической партіи. Республиканцы конечно существовали и тогда; но одни молчали, другіе притворялись приверженцами конституціи; всѣ считали себя мечтателями, далеко опередившими свой вѣкъ; всѣ были увѣрены въ неспособности французскаго народа къ самоуправленію и всѣ любили восхищаться античными доблестями грековъ и римлянъ, которые были извѣстны тогдашнему обществу по трагедіямъ Корнелія и Расина, да еще по жизнеописаніямъ Плутарха и Корнелія Непота, переведеннымъ на французскій языкъ.

Всѣ эти безвредныя занятія тогдашнихъ республиканцевъ могли-бы продолжаться втеченіи неопредѣлимо-долгого времени и могли-бы кончиться ничѣмъ, могли-бы не дойти до свѣдѣнія французскаго народа, если-бы только представитель и защитники стараго порядка имѣли возможность удержаться отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Но обстоятельство было расположено такимъ образомъ, что каждое дѣйствіе Людовика XVI превращалось въ ошибку и, подрывая монархію, закладывало основанія будущей республики. Когда по городамъ и селамъ королевства разнесся слухъ, что король попробовалъ убѣжать за-границу, тогда во всей Франціи произошелъ такой единодушный взрывъ народнаго негодованія, что послѣ этого взрыва всякое примиреніе между королемъ и народомъ сдѣлалось невозможнымъ. Король дѣйствуетъ заодно съ иностранцами! Король дѣйствуетъ заодно съ эмигрантами! Эти двѣ мысли были безсильны и безвредны, пока онѣ встрѣчались только на столбцахъ демократическихъ газетъ и въ декламацияхъ яростныхъ ораторовъ; но когда каждый горожанинъ, каждый мужикъ и каждый поденщикъ самъ додумался до этихъ двухъ мыслей, самъ разобралъ ихъ значеніе, самъ возводилъ ихъ возможными послѣдствіями и наконецъ самъ громко произнесъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, тогда эти двѣ мысли разорвали всякую связь между королемъ и народомъ и съ неудержимой силой бросили всю массу народа въ руки крайней демократической и республиканской партіи, которая тотчасъ ободрилась, отложила въ сторону Плутарха и Корнелія Непота и съ восхищеніемъ принялась хозяйничать въ дѣлахъ современной дѣйствительности.

Король дѣйствуетъ заодно съ иностранцами, думалъ народъ, услышавъ о поѣздкѣ въ Вареннъ, — стало-быть онъ продаетъ иностранцамъ честь и благосостояніе Франціи; онъ хочетъ привести во Францію нѣмецкія арміи, онъ хочетъ выжечь города и села, вытоптать поля, обломать виноградники, опустошить цѣлыя провинціи голодомъ и моровой язвой. Король дѣйствуетъ заодно съ эмигрантами, рассуждали всѣ классы народа, воспользовавшіеся различными выгодами революціи. Втеченіи своей двухлѣтней дѣя-

тельности революція пустила въ народную жизнь такіе глубокіе корни, произвела такіе радикальныя и разнообразныя измѣненія во всѣхъ между-человѣческихъ отношеніяхъ и заинтересовала въ свою пользу такое неизмѣримое большинство французскихъ гражданъ, что при первомъ намекѣ на возможность реакціи вся Франція съ низу и до верху, отъ одной границы до другой, встрепнулась отъ ужаса и негодованія. Въ это время революція была уже непобѣдимо сильна, именно потому, что она успѣла уже дать всѣмъ классамъ народа осязательныя доказательства своего существованія и своей дѣятельности. Пока революція была чистой идеей, отвлеченнымъ приговоромъ мыслителей надѣе существоющими бытовыми формами, до тѣхъ поръ ее можно было задержать, отсрочить или поворотить назадъ; но когда она проложила себѣ дорогу въ міръ матеріальныхъ интересовъ, когда она передѣлала по-своему весь строй экономическихъ отношеній, тогда возвращеніе стараго порядка вещей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Тогда дѣло революціи стали защищать не одни мыслители, писатели, ораторы и утопсты; вмѣстѣ съ идеологами поднялись за общее дѣло и городскіе собственники, и крестьяне, и солдаты, и ремесленники. Всѣ неопредѣленные декламации объ австрійскомъ комитетѣ, о вѣроломствѣ двора, о кровожадныхъ замыслахъ аристократовъ, о враждебныхъ тенденціяхъ самого короля, всѣ журнальныя утки и ораторскія импровизаціи превратились передъ глазами испуганнаго народа въ самую осязательную, неопровержимую и сокрушительную истину. Творцы утокъ и импровизацій сдѣлались мудрецами и пророками; отъ нихъ народъ сталъ ожидать спасенія; за ними онъ готовъ былъ идти всюду, куда они захотятъ повести его; отъ нихъ зависѣло произнести слово «республика», и если-бы это слово не тотчасъ перешло въ дѣло, то по крайней мѣрѣ послѣ вареннскаго путешествія никто не подумалъ бы называть адвокатовъ республики мечтателями и утопистами. Словомъ, до поѣздки короля въ Вареннъ народъ подозрѣвалъ короля въ неискренности и чувствовалъ неопредѣленное безпокойство; послѣ этой поѣздки не осталось никакихъ подозрѣній, и неопредѣленное безпокойство смѣнилось твердой увѣренностью. Весь народъ пережилъ въ нѣсколько часовъ цѣлыя десятилѣтія исторической опытности; онъ увидѣлъ, что надо выбирать одно изъ двухъ: или революцію, или старый порядокъ. Рубиконъ былъ перейденъ, и Людовикъ XVI, привезенный изъ Варенна въ Парижъ, сдѣлался во всѣхъ отношеніяхъ плѣнникомъ своихъ политическихъ противниковъ.

XXIII.

Короля привезли въ Парижъ 25 іюня 1791 года, а королевская власть была уничтожена во Франціи 10 августа 1792 года. Между этими

двумя событиями прошло больше года, и король считался въ этотъ промежутокъ времени тотъ же Людовикъ XVI, который уже однажды попробовалъ убѣжать съ своего престола. На первый взглядъ иному недогадливому читателю могутъ показаться непонятными двѣ вещи: почему Людовикъ XVI самъ не отказался въ это время отъ своего престола, на которомъ онъ съднута своего бѣгства могъ ожидать только неприяностей и оскорбленій? И далѣе, почему національное собраніе не объявило престола вакантнымъ и не созвало національнаго конвента, т.-е. почему оно послѣ вареннской исторіи не поступило такъ, какъ поступило законодательное собраніе послѣ возмущенія 10 августа 1792 года?

Отвѣта на эти два вопроса надо искать въ характерѣ Людовика XVI и въ характерѣ коллективной личности, называвшейся національнымъ ведительнымъ собраніемъ. Во-первыхъ—Людовикъ по своему темпераменту не былъ способенъ на энергическіе поступки; онъ могъ съ христинскимъ терпѣніемъ переносить оскорбительныя неприяности своего положенія, но выйти изъ этого положенія рѣшительнымъ и необычнымъ шагомъ онъ былъ не въ состояніи. Только упая вліянію королевы, онъ попробовалъ жать за-границу, и эта попытка, удавшаяся съ плохо, надолго истощила въ немъ запасъ ательной энергіи; онъ подумалъ, что всего лше съ полнымъ смиреніемъ ожидать, что будетъ. Во вторыхъ—Людовикъ XVI былъ воспитанъ своими наставниками и своей вседневной альской жизнью такъ, что онъ не зналъ о цествованіи и не понималъ значенія тѣхъ вьвыхъ силъ, которыя копошились подъ его предломъ: что такое народъ, чего онъ хочетъ, тѣ-ли онъ, голоденъ ли и что такое значить ить голоднымъ,—все это и многое другое въ ить же родѣ были такіе вопросы, которыхъ же не могли задавать себѣ обитатели версаль-го дворца. О правильномъ рѣшеніи подобныхъ дросовъ смѣшно было бы и думать. Всей верльской публикѣ революція казалась интри-ікакихъ-нибудь мошенниковъ, которые сегодня модѣ, а завтра будутъ заброшены и забыты ѣстѣ съ своими задорными фразами. Революцію ааетъ герцогъ орлеанскій, или Мирабо, или фаецъ, или Барнавъ, или Дантонъ, или всѣ и вмѣстѣ, или каждый изъ нихъ порознь, по ому особенному расчету, noneпремѣнно кто-буда да дѣлаетъ революцію: не можетъ же гь, чтобы революція сама себя дѣлала *).

Никто изъ роялистовъ не могъ рассуждать че, а рассуждая такимъ образомъ, Людовикъ I, который конечно былъ самъ роялистомъ, не могъ отказаться отъ престола. Онъ такъ ма-

ло считалъ свое положеніе отчаяннымъ, что да-же послѣ вареннской исторіи продолжалъ бо-аться успѣха эмигрантовъ больше, чѣмъ успѣха демократовъ. Онъ боялся, что его братья, графъ Прованскій и графъ Артуа, зададутъ революцію, возьмутъ его, Людовика, подъ свою опеку, а королеву подвергнуть скандальному процессу и заточенію. Людовику въ голову не приходило бо-яться за свою жизнь, и онъ до послѣдней мину-ты своего царствованія былъ увѣренъ, что Фран-ція не можетъ и никогда не захочетъ быть рес-публикой. Стало-быть отказываться отъ престо-ла значило-бы открывать дорогу принцамъ-эми-грантамъ. Вообще можно сказать одно: если-бы Людовикъ XVI былъ способенъ отказаться отъ престола, т.-е. если-бы онъ понималъ глуби-ну и обширность революціоннаго движенія, если-бы онъ предвидѣлъ, какъ оно разгряется, если-бы онъ, понимая и предвидя все это, могъ посту-пать твердо и рѣшительно, то онъ еще гораздо раньше 1789 года отыскалъ и поддержалъ-бы людей, подобныхъ Тюрго, и повелъ-бы необходи-мыя реформы мирнымъ путемъ, осторожно, пол-слѣдовательно, но безъ уклончивости, безъ усту-покъ старинѣ и безъ боязни передъ новыми идеями. Реформа была необходима и неизбѣжна, но самъ Людовикъ, смотря по особенностямъ своего характера и умственнаго развитія, могъ примкнуть къ той или другой сторонѣ; если-бы онъ примкнулъ къ партіи будущаго вмѣсто того, чтобы присоединиться къ партіи прошедшаго, тогда его личная судьба во многомъ-бы измѣни-лась, и внѣшнія формы французской революціи также испытали-бы многія измѣненія, но проч-ные результаты всего движенія оказались-бы совершенно такими-же, какими мы ихъ видимъ теперь. Читатель вѣроятно знаетъ уже, что прочными результатами я называю въ этомъ слу-чаѣ экономическія и социальныя преобразования.

Национальное собраніе, по своимъ отношеніямъ къ массѣ народа, было заранѣе осуждено на без-дѣйствіе. Съ одной стороны оно не могло при-нять рѣшительную инициативу и объявить пре-столъ вакантнымъ; съ другой стороны, если-бы оно захотѣло защищать и прикрывать Людовика XVI своимъ авторитетомъ, защита эта оказалась-бы очень недостаточною, потому что авторитетъ собранія былъ уже въ значительной степени по-дорванъ. При началѣ своихъ засѣданій націо-нальное собраніе было составлено на половину изъ депутатовъ отъ дворянства и отъ духовен-ства. Эти депутаты, которыхъ народъ не хотѣлъ и не могъ считать своими представителями, со-ставили правую сторону собранія и почти всѣ держали себя во все время засѣданій, какъ яв-ные враги революціи и какъ безусловные при-верженцы стараго порядка. Многіе изъ этихъ де-путатовъ уѣхали за-границу, когда эмиграція стала усиливаться и вошла въ моду. Когда дво-рянство и духовенство были уничтожены, какъ отдѣльныя сословія, тогда депутаты отъ этихъ

*) Это только унтеръ-офицерская жена сама себя вы-; да и то показаніе Сквозника-Дмухановскаго въ этомъ случаѣ можетъ удовлетворить только Хлестакова.

несуществующихъ сословій очевидно потеряли всякій смыслъ и превратились въ ходячій анахронизмъ. Несмотря на это, анахронизмъ продолжалъ засѣдать въ собраніи, произносить рѣчи и подавать голоса. Въ половинѣ 1791 года правая сторона собранія состояла еще изъ трехсотъ человекъ, которые, производя много шума, заявляя торжественные протесты и безпристрастнѣйшимъ образомъ балансируя между различными отгѣнками центральной партіи и лѣвой стороны, развлекали силы собранія и отнимали у него возможность дѣйствовать рѣшительно. Впрочемъ центръ и лѣвая сторона сами по себѣ находились въ постоянномъ колебаніи. Если они боялись эмигрантовъ и чистыхъ роялистовъ, которые до того времени были ихъ постоянными врагами, то еще сильнѣе боялись они чистыхъ демократовъ и революціонеровъ, которые до того времени были ихъ постоянными союзниками. Чтобы сдержатъ въ границахъ благопристойности этихъ опасныхъ союзниковъ, они готовы были пойти на мировую сдѣлку съ своими врагами, но враги ни на какую сдѣлку не поддавались, имѣя въ виду соблазнительную надежду, что революція погибнетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ собственныхъ ошибокъ и увлеченій.

Конституціонная партія, сжатая такимъ образомъ между слишкомъ извѣстными людьми прошедшаго и страшными по своей неизвѣстности силами будущаго чувствовала шаткость своего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла за собой численный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Отъ нея зависѣло рѣшить вопросъ: какъ выпутать короля и собраніе изъ неприятныхъ послѣдствій вареннской исторіи? При рѣшеніи этого вопроса она конечно постаралась сохранить золотую середину и устроила дѣло такъ, что не удовлетворила ни роялистовъ, ни революціонеровъ. Роялисты смотрѣли на варенское дѣло, какъ на законный протестъ угнетеннаго короля противъ посягательствъ зазнавшихся подданныхъ; въ этомъ дѣлѣ для нихъ не могло быть и рѣчи о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ; виновными они считали только тѣхъ людей, которыхъ неслыханная дерзость понудила короля искать себѣ безопасности внѣ Парижа и можетъ быть внѣ Франціи; для роялистовъ эмиграція принцевъ и дворянства было дѣломъ совершенно законнымъ, и такъ какъ король, по ихъ мнѣнію, былъ первымъ принцемъ и первымъ дворяниномъ во Франціи, то онъ также могъ эмигрировать, если находилъ это удобнымъ для сохраненія своего достоинства и необходимымъ для своей личной безопасности. Но гдѣ король, тамъ и отечество, — говорили далѣе роялисты; поэтому всѣ честные французы, не желающіе оставить свое отечество, должны слѣдовать за королемъ на край свѣта; слѣдовательно генералъ Булье, приготовившій бѣгство короля, и офицеры, отправившіеся въ путь вмѣстѣ съ королемъ, оказываются лучшими патриотами во всей Франціи и

достойны полнаго уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей.

Такъ думали роялисты, хотя конечно на трибунѣ національнаго собранія они уже не могли высказываться вполне откровенно; общество XVIII вѣка было уже слишкомъ развращено для того, чтобы понимать идеи и цѣнить чувства времени Людовика XIV, Генриха IV и Франциска I. На трибунѣ эти тенденціи выражались осторожно и уклончиво, съ различными примѣненіями къ языку и понятіямъ испорченной эпохи. Но во всякомъ случаѣ у роялистовъ былъ свой взглядъ на вещи очень опредѣленный и вполне послѣдовательный, т. е. вполне вѣрный основной идеѣ.

У революціонеровъ былъ также свой взглядъ, не менѣе опредѣленный и не менѣе послѣдовательный. Они думали и говорили, что король и всѣ соучастники вареннской экспедиціи виновны въ измѣнѣ противъ націи; короля слѣдуетъ объявить лишеннымъ престола, а всѣхъ остальныхъ предать суду и наказатъ по всей строгости законовъ. Конституціоналисты попались въ тиски между этими двумя противоположными взглядами; они стали лавировать изъ стороны въ сторону, изобрѣтать несуществующіе факты и соглашать несогласимыя понятія. Увѣзая изъ Парижа, король оставилъ письменный протестъ противъ всѣхъ узаконеній, выработанныхъ національнымъ собраніемъ и получившихъ уже королевское утвержденіе; въ этомъ протестѣ король очень подробно излагаетъ свои жалобы противъ французовъ вообще и парижанъ въ особенности; онъ объясняетъ очень обстоятельно причины своего бѣгства; національное собраніе получило эту бумагу въ тотъ самый день, въ который оно узнало о бѣгствѣ короля. Но, несмотря на положительныя увѣренія самого Людовика XVI, собраніе, слѣдуя внушенію конституціонной партіи, выдумало, что король не бѣжалъ, а сдѣлался жертвой насильственного или коварнаго похищенія. Эта выдумка отодвигала самого короля въ сторону, а всю отвѣтственность обрушивала на его коварныхъ и злоумышленныхъ похитителей.

Такое замысловатое рѣшеніе не могло удовлетворить ни роялистовъ, ни демократовъ; кромѣ того оно оскорбляло здравый смыслъ и нравственное чувство всѣхъ честныхъ людей безъ различія политическихъ партій. Никто не могъ обмануться выдумкой національнаго собранія; всѣ знали, что бѣгство короля было вполне добровольно и преднамѣренно. Если это бѣгство составляетъ преступленіе, то всѣ участники этого предпріятія преступны; если же не существуетъ преступленія, то не за что губить тѣхъ людей, которые были простыми исполнителями и вѣрными слугами. Такъ говорилъ здравый смыслъ, но конституціонная теорія, сплетенная изъ множества политическихъ и юридическихъ фикцій, находилась на такомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ простаго и скрепнаго здраваго смысла, что не могла обращать на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ

конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходной точкой произвольную импровизацію; она кромѣ того съумѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этой самой импровизаціей: предполагая, что король былъ похищенъ, она однако ухитрилась наложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена и пока король не приметъ и не утвердить ее своей торжественной клятвой.

Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто трудами Дюпора, Барнава, Ламетта и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, втеченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о варенской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себя противъ королевской власти; Марать въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военного трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le République»; Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ говорилъ объ осторожности и уваженіи въ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что короля слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба, — Ламетъ, Дюпоръ и Барнавъ, — увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ-подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 10 іюля они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь фельяновъ; за ними послѣдовали почти всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальныя клубовъ не признали этого настоящаго «общества» и попрежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный beau-monde, но это изысканное общество, существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ.

Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новые люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Анти-роялистское движеніе въ клубахъ и въ газе-

тахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адреса, совершенно враждебные Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе.

Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о варенской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію, подписанную многими тысячами именъ и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля нѣсколько гражданъ, принадлежавшихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочитать и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни вокругъ алтаря отечества собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то вродѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумасброды, совѣтовавшіе публикѣ взять штурмомъ собраніе и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ, какъ на забавный аксессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петиціи набралось уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее неприятное направленіе этой бумаги, пожелало уничтожить ее и задавить все движеніе мѣрами спасительной строгости. Собраніе приказало парижскому мэру разогнать толпу бунтовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Вальи и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ окнѣ ратуши красное знамя и пошли на Марсово поле съ пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ атаку и только артиллерія не удалось принять участіе въ поразеніи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. Затѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ.

Собраніе было такъ великодушно, что не воспользовалось своею побѣдой надъ злоумышлен-

никами. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и пугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились и совершенно пересилили фельяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господ-

ствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Бальи осталась убитой на Марсовомъ полѣ. 14 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милліоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

ЦВѢТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА.

1. Сатиры въ прозѣ. Н. Щедрина.

2. Невинные рассказы. Н. Щедрина.

I.

Плохо приходится въ наше время поэтамъ; кредитъ ихъ быстро понижается; безчувственные критики и бездушные свистуны подрываютъ въ публикѣ всякое уваженіе къ великимъ тайнамъ безсознательнаго вѣрчества. Прежде говорили о вдохновеніи поэта, прежде поэта считали любимцемъ боговъ и интимнѣе собесѣдникомъ музъ; хотя эти мифологическія метафоры грѣшно было принимать буквально, однакожъ за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату вахлаку должно оставаться навсегда недоступнымъ; объ этомъ нашему брату позволялось узнавать только по неяснымъ рассказамъ художниковъ, которые, «какъ боги, входятъ въ зевесовы чертоги», гдѣ имъ показываютъ весьма интересныя и часто нескромныя картинки. Теперь все это перемѣнилось; нашъ братъ вахлакъ большую силу забралъ и обо всемъ разсуждать беретъ; и вдохновенія не признаетъ, и въ зевесовы чертоги не желаетъ забираться, несмотря на то, что поэтъ весьма наглядно разсказываетъ, какъ въ этихъ чертогахъ показывали одному художнику въ «вѣчныхъ идеалахъ» «волнистость спинки бѣлой» и вообще разныя такія вещи, которыя «божество открываетъ смертнымъ въ доляхъ малыхъ» (А. Майковъ). Все это нашъ братъ отрицаетъ съ свойственной ему грубостью чувствъ и дерзостью выраженій; это, говоритъ, все цвѣты фантазіи, а вы намъ вотъ что скажите: какова у поэта сила ума? и широко-ли его развитіе? и основательно-ли его образованіе? — Ну, что-жь это за вопросы? Умѣтны-ли они? Деликатны-ли они? Позвоительно-ли ставить передъ собой любимца боговъ и допрашивать его, какъ провинившагося гимназиста? Когда уже дѣло дошло до такихъ неслыханныхъ вопросовъ, когда утрачена вѣра въ божественность вдохновенія, когда журналы находятъ болѣе интереснымъ держать корреспондентовъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, въ Саратовѣ или Иркутскѣ, чѣмъ на Парнасѣ или въ

чертогахъ Зевеса, тогда, конечно, мирному поэту остается только повѣсить свою голубушку-лиру на гвоздикъ и поступить на дѣйствительную службу или обратиться къ мрачнымъ заботамъ сельскаго хозяйства. Если такъ пойдетъ дальше, то наступитъ современемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею къ послѣднему эстетикѣ и, рыдая, скажетъ ему: «другъ мой, мы съ тобой одни. Міръ прокисъ и развратился. Микроскопъ и скалшель не даютъ намъ покоя. Если мы не спрячемся или не притворимся натуралистами, то насъ съ тобой могутъ посадить за-живо въ спиртъ, чтобы сохранить въ полной цѣлости послѣдніе экземпляры исчезнувшей породы, имѣвшей удивительное внѣшнее сходство съ человѣкомъ. Другъ мой, когда мы умремъ, тогда послѣдняя калитка, ведущая въ зевесовы чертоги, будетъ заколочена и на глухо заложена не кирпичами, а всѣми нераспроданными экземплярами моихъ стихотвореній и всѣми неразрѣзанными листами твоихъ критическихъ статей». Ну, скажетъ эстетикъ, если такъ, то все кончено. Калитка навсегда сдѣлается неприступной! Сквозь мою критику и твою поэзію ни человѣкъ не пролѣзетъ, ни звѣрь не проскочитъ. И, обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могиканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты, какъ маскарадныя принадлежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго и произвольнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, занимающихся медицинской практикой и приво-дившихъ въ бывшее время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ женственной граціи, т. е. слабости, глупости и жеманства. Дѣти этихъ двухъ счастливыхъ паръ услышатъ еще кое-какіе

темные толки объ эстетикахъ и поэтахъ, а внуки и того не услышатъ. Обѣ породы сдѣлаются совершенно неизвѣстными, какъ неизвѣстны намъ теперь многіе слезники первобытнаго міра, не оставившіе послѣ себя ни костей, ни раковинъ, ни другихъ слѣдовъ своего брэннаго существованія.

По многимъ отдѣльнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ моей пророческой импровизаціи, читатель можетъ замѣтить, что осуществленіе ея принадлежитъ еще весьма отдаленному будущему; по всей вѣроятности прадѣдушки и прабабушки послѣдняго эстетика и послѣдняго поэта въ настоящую минуту еще не находятся въ угробахъ своихъ матерей; но, несмотря на отдаленность рѣшительной катастрофы, зловѣщіе признаки показываются уже и въ наше время. Такъ напримѣръ Фетъ, рѣшившись посвятить всѣ свои умственные способности неутомимому преслѣдованію хищныхъ гусей, сказалъ въ прошломъ 1863 году послѣднее прости своей литературной славы; онъ самъ отиѣлъ, самъ похоронилъ ее и самъ поставилъ надъ свѣжей могилой величественный памятникъ, изъ-подъ котораго покойница уже никогда не встанетъ; памятникъ этотъ состоитъ не изъ гранита и мрамора, а изъ печатной бумаги; воздвигнуть онъ не въ обширныхъ сердцахъ благородныхъ россянъ, а въ тѣсныхъ кладовыхъ весьма неблагодарныхъ книгопродавцевъ; монументъ этотъ будетъ конечно несокрушимѣе бронзы (*aere perenni*), потому что бронза продается и покупается, а стихотворенія Фета, составляющія вышеупомянутый монументъ, въ наше время уже не подвергаются этимъ не эстетическимъ операціямъ. Эта незбываемая прочность монумента весьма огорчаетъ книгопродавцевъ вообще, а издателя стихотвореній, купца Солдатенкова, въ особенности; эти господа не понимаютъ трагическаго величія этого монумента и готовы роптать на его несокрушимость; поэтому-то я и назвалъ ихъ неблагодарными; неблагодарность ихъ, мнѣ кажется, можетъ дойти до того, что они современемъ сами разобьютъ монументъ на куски и продадутъ его пудами для оклеиванія комнатъ подъ обои и для завертыванія салыныхъ свѣчей, мецкерскаго сыра и копченой рыбы. Фетъ унижится такимъ образомъ до того, что въ первый разъ станетъ причислить своими произведеніями въ некоторую долю практической пользы. Согласитесь, что для вѣчнаго поклонника чистой красоты такое «порабощеніе искусства», не снившееся даже Ахшарумову, должно казаться невыносимо обиднымъ.

Я вижу, какъ растроганы всѣ мои чувствительные читатели, и сиѣшу отвратить ихъ взоры, отуманенные слезами, отъ этихъ печальныхъ и зловѣщихъ явленій, исподволь подготовляющихъ для нашего потомства окончательное паденіе чистаго искусства. Сиѣшу даже утѣшить моихъ стихолюбивыхъ читателей. Мы вѣдь не потомство, мы не люди будущаго. На нашъ вѣкъ хва-

титъ и лирической поэзіи, и кулачныхъ подвиговъ, и темнаго суетвѣрія, и бурныхъ таракановъ, и всякаго другого снадобья, въ которомъ выражаются даже до сего дня нашъ отечественный бытъ, нашъ доморощенный умъ и наше народное самосознаніе. Чтобы утѣшить читателя еще болѣе, я кромѣ того попрошу его замѣтить, что въ наше время чистое искусство еще чрезвычайно сильно и отдѣлаться отъ него почти невозможно, тѣмъ болѣе что оно до безконечности измѣняетъ свои наружныя формы и иногда появляется въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ видѣ, въ которомъ чрезвычайно трудно вывести его на свѣжую воду. Вы не думайте, что чистое искусство проявляется только въ пѣсенкахъ «о серебрѣ и колыханіи соннаго ручья», или «о волнахъ ликующаго звука». Не думайте также, что въ одинъ рядъ съ этими пѣсенками слѣдуетъ поставить только тѣ романы и повѣсти, которые изслѣдуютъ невысказанныя чувства и неразъясненные недоуразумѣнія, растерзавшія два нѣжныхъ сердца, изъ которыхъ одно принадлежало существу мужскаго пола, а другое такому же существу пола женскаго. Это самыя невинныя видоизмѣненія чистаго искусства; ихъ уже давно взяли на замѣчаніе, и кто попадется на эту удочку, тотъ обличитъ уже или крайнюю неопытность, или неисправимую закоснѣлость. Но развѣ мало другихъ видоизмѣненій, болѣе утонченныхъ? Вотъ напримѣръ исполнѣ-ловець, неутомимо преслѣдующій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» всякую умственную ересь, толкуетъ горячо и пространно о «пляшущихъ блудницахъ», о «головкахъ и хвостикахъ недоузданной мысли», о томъ, что онъ, московскій Немвродъ, часто превращающійся въ мычащаго Навуходоносора, всѣхъ умнѣе, честнѣе и благонадежнѣе, и что онъ всякому честному чельвѣку будетъ смотрѣть прямо въ глаза до тѣхъ поръ, пока тотъ отвернется, или сморгнетъ. Что долженъ думать читатель, при которомъ производятся такія конфиденціальныя бесѣды, пересыпанныя столь загадочными выраженіями и столь неожиданными эксцентричностями? Онъ долженъ думать, что читаетъ лирическую пѣсню, и долженъ жалѣть о томъ, что эта пѣсня такъ длинна и притомъ написана прозой, а не убажкивающимъ стихомъ Фета. А вотъ напримѣръ платоническій любитель славянскихъ идей въ сотый разъ повторяетъ въ своей газеткѣ, что наша цивилизація есть ложь и что свѣдѣнія о самой настоящей правдѣ слѣдуетъ собирать въ самыхъ пыльныхъ архивахъ и въ самыхъ завалиющихъ пещерахъ; и все-таки онъ не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и не собираетъ никакихъ матеріаловъ, а только, бія себя въ перси, лепечетъ и выкликаетъ слово «ложь», какъ всеильное заклинаніе противъ всѣхъ неблаголѣпнѣй любезнаго отечества. Очевидно, что онъ изъ любви къ искусству пишетъ дифирамбъ, и читателю опять-таки прихо-

дится пожалѣть, что онъ пишетъ его не стихами; во-первыхъ— онъ въ такомъ случаѣ писалъ бы не такъ быстро и слѣдовательно не такъ много; во-вторыхъ—его читали бы еще меньше и осмѣивали бы больше, чѣмъ читаютъ и осмѣиваютъ теперь. А вотъ напримѣръ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» ежемѣсячно производитъ инспекторскій сморгъ прекраснымъ качествамъ своей собственной великой души, и также ежемѣсячно проливаетъ горькія слезы надъ печальными заблужденіями и чернило-пролитными ссрами своихъ журнальныхъ собратовъ. Какъ жаль, скажетъ всякій безпристрастный читатель, что этотъ добрый человѣкъ не пишетъ элегій. Его произведенія можно было бы положить на ноты, и ему сказали бы большое спасибо всѣ уѣздныя барышни, находяція, что «Черная шаль» конечно романъ неподобный, но что въ немъ, къ сожалѣнію, недостаетъ современнаго колорита гражданской скорби. А весь легионъ сотрудниковъ «Времени», всѣ эти Григорьевы, Страховы, Косицы и всѣ, «ихъ же имена Богъ вѣсть», развѣ можно не признать ихъ жрецами чистаго искусства и развѣ можно не поставить ихъ въ этомъ отношеніи гораздо выше Фета, Случевского, Майкова и Крестовскаго? Вся политика, наука и критика «Времени» составляютъ очевидно одну длинную, сладкую-пресладкую, нѣжную-пренѣжную идиллію, написанную въ прозѣ Аванасіемъ Ивановичемъ собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерію Ивановну въ день ея шестьдесятъ-седьмаго *) тезоименитства. Собственно, одна Пульхерія Ивановна только и должна была бы читать эту идиллію, а если у «Времени» было, какъ оно говорить, 4000 подписчиковъ, то это доказываетъ только, что Пульхерія Ивановна у насъ на Руси составляетъ лицо не одиночное, а въ нѣкоторомъ смыслѣ коллегіальное. Да, чистое искусство, вытѣсенное задорными отрицателями изъ области «сладкихъ звуковъ и молитвъ», немедленно влетѣло въ міръ «корысти и битвъ» и на этой новой почвѣ разрослось съ такой силой и быстротой, какой никто не могъ бы въ немъ предположить.

Читатель вѣроятно понимаетъ уже теперь, что я называю чистымъ искусствомъ, и посему я считаю несправедливымъ ограничивать область этого чужаеяднаго растенія тѣмъ крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ разводятся для барской потѣхи эстетическія рецензіи, розовые

*) Цифра 67 не имѣетъ здѣсь никакого таинственнаго значенія. Она означаетъ только, что Пульхерія Ивановна была уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда сожитель ея поднесъ ей идиллію. Старый дѣдушка писалъ эту идиллію для старой бабушки. Каждый догадливый читатель вѣроятно давно уже замѣтилъ это обстоятельство по смиренному тону изложенія и по сладкой неопредѣленности умствованій. Такъ и слышится въ каждой строчкѣ: «охъ-охъ-охъ! Всѣ-то мы люди, всѣ человѣки!»

романы и благоухающія стихотворенія. Какъ-бы это было хорошо, кабы чистое искусство процвѣтало въ одномъ этомъ палисадникѣ; тогда можно было-бы уговорить и уприсить всѣхъ задорныхъ критиковъ, чтобъ они совѣмъ и не заглядывали въ этотъ палисадничекъ; пускай себѣ растутъ и цвѣтутъ всѣ эти зеленныя милашки; они никого не трогаютъ, и ихъ пускай не трогаютъ. А теперь нельзя. Претъ чистое искусство во всѣ стороны, и поневолѣ приходится изъ чувства самосохраненія преслѣдовать его въ томъ самѣмъ убіжищѣ, въ которомъ оно съ незапамятныхъ временъ устроило себѣ теплое гнѣздышко.

Итакъ, что же такое чистое искусство? А вотъ видите ли, человѣкъ пользуется своимъ языкомъ для того, чтобы выражать свои мысли, чувства и потребности; когда онъ дѣйствуетъ такъ, тогда разговоръ приноситъ пользу или удовольствіе ему, или его слушателю, или тому и другому вмѣстѣ. Тутъ разговоръ служитъ средствомъ, а цѣль разговора лежитъ внѣ его предѣловъ; стало-быть тутъ нельзя сказать, что разговоръ производится для разговора. Но въ большей части случаевъ человѣкъ пользуется языкомъ для того, чтобы убить время. Разговоръ самъ себѣ становится цѣлью. Французы съ гордостью говорятъ о себѣ, что они создали искусство разговора— *l'art de la causerie*. Зато Базаровъ умоляетъ Аркадія не говорить красиво и по своей медвѣжьей грубости увѣряетъ, что говорить красиво свойственно только людямъ совершенно пусто-головымъ. Если мы припомнимъ, что искусство *de la causerie* процвѣтало при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI, и что оно воздѣлывалось маркизами и графинями, систематически притуплявшими свои умственные способности съ самой ранней молодости, то мы принуждены будемъ сознаться, что нашъ грубый землякъ Базаровъ разсуждаетъ весьма непочтительно, но довольно основательно. Примѣненіе чистаго искусства къ человѣческому разговору оказывается вѣрнѣйшимъ средствомъ развратить и ослабить умственные способности и вселить въ лукавое сердце человѣка непобѣдимую любовь къ извивающейся фразѣ и neodолжное отвращеніе ко всякому серьезному труду мысли. Вообразимъ себѣ теперь, что искусство салонной бесѣды успѣло развиться во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; очевидно, могло и должно было случиться, что изъ общей массы бесѣдующихъ выдѣлились бы спеціалисты своего дѣла, художники-болтуны, которымъ стали бы платить деньги, по столько-то за часъ или за вечеръ, какъ платятъ таперу, пѣвцу или чтецу: поговори только, отецъ родной, побесѣдуй! Этого не случилось въ отношеніи къ разговору даже во Франціи прошлаго столѣтія; но въ отношеніи къ письменному изложенію мыслей это случилось во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы. Всякій умѣетъ говорить, но не всякій

умѣть писать; поэтому и платять литературѣ деньги, не только за мысль, за изслѣдованіе, за умственный трудъ, а сверхъ всего этого за то еще, что вотъ ты, дескать, соколъясный, съумѣлъ связать слова въ предложенія и предложенія въ періоды. И это совершенно справедливо, потому что не всѣ умѣютъ это сдѣлать; самыя хорошія и оригинальныя мысли часто становятся для общества недоступнымъ сокровищемъ единственно оттого, что онѣ разбросаны въ такомъ безпорядкѣ и покрыты такимъ туманомъ, въ которомъ безхитростный читатель не видитъ ни начала, ни конца, ни середины, а видитъ только «хаоса бытность довременну». Когда принимается за дѣло какойнибудь умный и трудолюбивый человекъ, не имѣющій однако малѣйшаго притязанія на гениальность, онъ разсѣиваетъ туманъ и превращаетъ хаосъ въ прекрасный садъ, въ которомъ растетъ древо познанія добра и зла. Онъ овладѣваетъ тѣми матеріалами, которые даны ему въ хаотическихъ твореніяхъ оригинальнаго генія; онъ перерабатываетъ чужія мысли, но если-бы онъ ихъ не перерабатывалъ, то онѣ остались бы мертвымъ капиталомъ и не обнаружили бы ни малѣйшаго вліянія на умственную жизнь остальныхъ людей. За подобный трудъ стоитъ платить деньги и кромѣ того стоитъ удѣлять популяризатору часть того уваженія, которое достается оригинальному гению. Но въ каждомъ обществѣ бываютъ между писателями люди неглупые и нелишенные дарованій, а между тѣмъ питающіе глубочайшее отвращеніе ко всякому упорному и тяжелому труду. Оригинальными гениями, бросающими въ міръ новыя идеи, эти люди не могутъ быть: силъ не хватаетъ. Терпѣливыми популяризаторами они не хотятъ быть: лѣнь одоѣла. Читая эти люди только то, что доведено предварительной обработкой до послѣдней степени ясности мысли и взгляды свои они почерпаютъ изъ популярныхъ книгъ и статей; такимъ образомъ они учатся въ одной школѣ со всей массой читающаго общества; между тѣмъ въ этихъ господахъ бодрствуетъ безсмертный духъ Петра Ивановича Бобчинскаго; съ одной стороны, имъ хочется заявить о своемъ существованіи, а съ другой стороны, имъ желательно приобрести по больше денегъ легкой работой литературнаго перетряхиванья изъ кульба въ рогожку. Тогда они начинаютъ перефразировать мысли, полученныя ими изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; мысль, вволю разясненная первымъ популяризаторомъ, становится для этихъ милыхъ умственныхъ паразитовъ основнымъ мотивомъ, на который разыгрываются десятки вариаций; если вы сравните вариацию съ мотивомъ, то увидите, что вариация нисколько не яснѣе самаго мотива и что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельную работу мысли. Вся работа паразита состоитъ въ томъ, что онъ

измѣнилъ слова и обороты. Такъ какъ о мысли уже заботиться нечего, то все вниманіе паразита сосредоточивается на формѣ; онъ не убѣждаетъ читателя, онъ ничего не доказываетъ, онъ просто повторяетъ то, что уже доказано другими и что уже проведено этими другими въ сознаніе читателя; поэтому паразиту надо устроить только такъ, чтобы читатель не замѣтилъ избитости той мысли, которую ему подносить; надо прикрыть убожество паразитизма эффектностью внѣшней формы; надо и соловьемъ свистать, и лягушкой квакать, и въ грудь себя колотить, и слезами обливаться, и конструкціи необыкновенныя употреблять, и главное—трещать, трещать и трещать такъ, чтобы у читателя въ ушахъ зазвенѣло. Ну, читатель и ротъ разинетъ; бѣдность и безсиліе мысли, взятой съ барскаго плеча, проскользнутъ незамѣченными, и счастливый паразитъ получитъ большія деньги и приобрететъ репутацію блестящаго писателя и полезнаго двигателя общественнаго прогресса.

II.

Литературныхъ паразитовъ чрезвычайно много, но изъ темной и жалкой толпы умственнаго пролетаріата выдвигаются только тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ усвоить себѣ гибкую и разнообразную форму выраженія. Эти блестящіе паразиты дѣйствительно доводятъ форму до невѣроятнаго совершенства. Они выдѣлываютъ на своемъ языкѣ такіе-же изумительныя уклады, какія Контекій выдѣлываетъ на скрипкѣ или Рубинштейнъ на фортепьяно. Когда эта виртуозность приобретена навыкомъ и практикой, тогда разумѣется слѣдуетъ ею пользоваться; это капиталъ, съ котораго надо брать проценты. И вотъ гдѣ всякому простодушному читателю приходится только глазами хлопать и диву даваться! Приходится присутствовать при сотвореніи міра въ малыхъ размѣрахъ: все творится изъ ничего; пустота прикидывается полнотой и такъ натурально прикидывается, что остается только плечами пожимать: художникъ, артистъ, профессоръ бѣлой магіи, Боско и даже Михайла Васильевичъ! Разумѣется публика ахаетъ и восхищается, да и нельзя не восхищаться, когда чудеса во-очію совершаются!

Когда паразитъ начинаетъ брать проценты съ своего капитала, тогда онъ просто и рѣшительно творить для того, чтобы въ чему-нибудь прикладывать свою техническую ловкость. Онъ вовсе не имѣетъ потребности высказывать обществу какія-нибудь идеи; у него нѣтъ такого чувства, которое настоятельно искало бы себѣ выхода и проявленія; онъ вовсе не желаетъ сознательно дѣйствовать на развитіе общества въ томъ или въ другомъ направленіи; онъ не мыслитель, не общественный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь значеніи этого слова; онъ статейныхъ, романыхъ, или стиховныхъ дѣлъ

мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы его умѣнье пропало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда выучился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавровыхъ вѣнковъ, когда есть добрые люди, разсыпавшіе въ приличномъ изобиліи то и другое?

Разсужденіе безукоризненно вѣрно, и это разсужденіе ведетъ прямымъ путемъ къ полному торжеству и безграничному господству чистаго искусства. Одни люди пишутъ, потому что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чувства; ясно, что мысль и чувство ихъ, служація причиной творческаго процесса, возбуждены впечатлѣніями, независимыми отъ этого процесса. Другіе люди пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на общество; цѣль дѣятельности независима отъ процесса, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго, Добролюбова и автора «Что дѣлать?». Третьи пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать и могутъ писать безъ малѣйшаго труда, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ; у нихъ творчество безпричинно и безцѣльно; то-есть, если хотите, причина и цѣль есть, но онѣ не могутъ имѣть вліянія на направление творческаго процесса; положимъ, что стиходѣлателью хочется пришить къ своему теплomu пальто бобровый воротникъ; вотъ побудительная причина, заставляющая его обмокнуть перо въ чернильницу; между тѣмъ онъ по всей вѣроятности станетъ писать не о бобровыхъ воротникахъ, а о превратностяхъ судьбы, достигшихъ трехъ древнихъ мудрецовъ, или о несчастіяхъ бѣдной дѣвочки, умершей весной подъ звуки отцовской скрипки, или вообще о чемъ-нибудь высокомъ и прекрасномъ, не имѣющемъ ничего общаго съ обворожительной выставкой сосѣдняго мѣховщика. Цѣль также есть, стиходѣлатель желаетъ продать свое стихотвореніе въ журналъ, да взять подороже, да прихватить, коли дадутъ, хорошій задатокъ; несмотря на то, Сенека, Лукавъ и Люцій разсуждаютъ весьма горячо о безсмертіи души, а совѣтъ не о томъ, гдѣ больше дадутъ, въ «Современникѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ»; и умирающая Маня также интересуется въ свои послѣднія минуты весенней зеленью, вмѣсто того, чтобы смущать себя щекотливымъ вопросомъ: отпустить ли, моль, изъ «Русскаго Слова» рублей пятьдесятъ впередъ? Ясно стало-быть, что причина и цѣль не проникаютъ въ святинище творчества; святинище остается неоскверненнымъ, и люди, тоскующіе о бобровомъ воротникѣ и мечтающіе о плѣнительномъ задаткѣ, могутъ быть признаны достойными жрецами чистаго искусства. Вопросъ конечно нисколько не измѣнится, если вмѣсто боброваго воротника я поставлю стремленіе къ литературной славѣ, а вмѣсто задатка въ 50 рублей—рукопесканина на публичномъ чтеніи. Жрець чистаго искусства въ томъ или въ другомъ случаѣ останется вѣрнъ своему призванію и въ томъ

или въ другомъ случаѣ останется великолѣпнѣйшимъ экземпляромъ породы паразитовъ.

Если читателю не совсѣмъ ясно, почему наши лирическіе поэты, представляющіе полное отсутствіе мысли, могутъ быть включены въ разрядъ паразитовъ, похищающихъ чужую мысль, то я немедленно разрѣшу это недоумѣніе. Лирическіе поэты наши питаютъ свое убожество тѣми мельчайшими крупичами мысли и чувства, которыя составляютъ всеобщее достояніе всѣхъ людей, глухихъ и умныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, честныхъ и подлыхъ. Всякій человѣкъ ощущаетъ что-нибудь, когда смотритъ на красивую женщину, и всякій знаетъ это ощущеніе и понимаетъ, что оно и другимъ извѣстно, и что стало быть о немъ разсказывать бесполезно и не интересно. Но лирики, подобно птицѣ колибри, питаются цвѣточной пылью; они даже это мельчайшее и извѣстнѣйшее чувство обратили въ свою собственность и стали извлекать изъ него доходъ, благодаря своему умѣнію творить все изъ ничего и надѣвать на неосязаемую пыль леготканья и весьма пестрая одежда изъ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и амфибрахеевъ. Лирики, какъ мелкія пташки въ великой семьѣ паразитовъ, пробавляются тѣмъ, что уже всѣ знаютъ и чѣмъ никто кромѣ лирика не можетъ и не хочетъ пользоваться. Другіе паразиты, болѣе крупныя, эксплуатируютъ въ свою пользу не крупныя чувства и не зародыши мысли, а цѣлыя большія чувства и цѣлыя разившіяся мысли. Этими жрецами чистаго искусства поглощаются замѣчательныя теоріи и величественныя міросозерцанія. Есть между этими жрецами воробьи, но есть и слоны, и такъ какъ большому кораблю и большое плаваніе, то слоны разумѣется овладѣваютъ самыми широкими и самыми смѣлыми міросозерцаніями. Они толкуютъ съ чужого голоса о самыхъ важныхъ и великихъ вопросахъ жизни; они разыгрываютъ своя варіаціи съ такимъ апломбомъ и съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что читатель робѣетъ и почтительно склоняетъ передъ ними голову. Но храмъ чистаго искусства одинаково отворенъ для всѣхъ своихъ настоящихъ поклонниковъ, для всѣхъ жрецовъ, чистыхъ сердцемъ и невинныхъ въ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому обстоятельству, читатель, изумляясь и не вѣря глазамъ своимъ, увидитъ за однимъ и тѣмъ-же жертвенникомъ съ одной стороны—нашего маленькаго лирика, Фета, а съ другой стороны—нашего большаго юмориста, Щедрина. Это съ непривычки столь удивительно, что надо начать новую главу.

III.

Да, Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полною справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣя-

тельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватить его обличительная стрѣлка—въ своихъ или въ чужихъ, «въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ» *). Онъ пишетъ рассказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и съ гигиенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезные ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя и вообще всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца и смѣется не столько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ рассказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ окончательно выдохнется и ослабѣетъ. Чтобы разсмѣшить читателя, Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе *s lto-mortale*, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ рассказовъ; главное дѣло—ракету пустить и смѣхъ произвести; эта цѣль оправдываетъ всѣ средства узаконяетъ собой всякія натяжки и разумѣется, достигается, потому что все остальное безъ малѣйшаго колебанія приносится ей въ жертву.

Эта особенность въ литературной дѣятельности Щедрина объясняетъ въ значительной степени постоянный успѣхъ его произведеній. Когда мы были расползены воркованію по голубиному, тогда мы уивались Фетомъ; когда мы пожелали смѣяться, тогда мы стали обожать Щедрина; смѣхъ во всякомъ случаѣ представляетъ собой болѣе нормальное отправленіе человѣческаго организма, тѣмъ воркованіе, и потому переходъ отъ Фета къ Щедрину, обозначаетъ собой нѣкоторый прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанию и нашему человѣческому совершенствованію такъ же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣль-

ное воркованіе Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло идемъ за вѣнкомъ и обновляемъ нашимъ невиннымъ смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ Щедрина убавливаетъ и располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собой этотъ серебристый смѣхъ, все тяжелое безобразіе нашей жизни производитъ на насъ легкое и отрадное впечатлѣніе. Мы смѣемся и теряемъ силу негодовать; личность веселого рассказчика и неистощимаго балагура заслоняетъ отъ насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій; мы смѣемся и склоняемъ голову на подушку и тихо засыпаемъ съ дѣтской улыбкой на губахъ. Вотъ тутъ мы и можемъ измѣрить громадное разстояніе, отдѣляющее людей, дѣйствительно чувствующихъ, отъ тѣхъ людей, которые служатъ съ безукоризненнымъ усердіемъ чистому искусству. Сравните напримѣръ Писемскаго съ Щедринымъ. Щедринъ—писатель, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогрессистовъ, сегодня съ «Русскимъ Вѣстникомъ», завтра съ «Современникомъ», послѣ завтра еще съ кѣмъ-нибудь, но непремѣнно въ первомъ ряду; для того, чтобы удерживать за собой это лестное положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя маленькія передвиженія, приводящія незамѣтнымъ образомъ къ полному новороту налѣво кругомъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружаетъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, авторъ «Губернскихъ очерковъ» не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ, котораго наши добрые соотечественники сначала на рукахъ носили, а потомъ разумѣется осмѣяли. Когда великосвѣтскій литераторъ такимъ образомъ опростоволосился, когда идеальный чиновникъ былъ доведенъ до послѣднихъ границъ картонности трудами чувствительныхъ писателей, подобныхъ Львову, тогда г. Щедринъ, счастливо выбравшійся изъ этого кораблекрушенія, тотчасъ началъ растирать въ порошокъ фигуру Надимова и притомъ растирать ее тѣмъ же самымъ отрицаніемъ, которымъ онъ ее соорудилъ. Изъ тона Каткова онъ перешелъ въ тонъ Добролюбова. Держась постоянно хорошаго общества, то-есть общества прогрессистовъ, Щедринъ постоянно велъ себя «чинно, благопрістойно и вѣжливо», соблюдая «чистоту и опрятность въ одеждѣ», то-есть онъ никогда не огорчалъ своихъ товарищей по прогрессу какой-нибудь рѣзкой выходкой, хотя случалось нерѣдко, что онъ не попадалъ въ тактъ людей, къ образу мыслей которыхъ онъ пристраивался съ боку. Формулярный списокъ Щедрина, какъ литератора, совершенно чистъ; литературная служба его безпорочна; служилъ

*) Сія послѣдняя острота, побывающая разомъ и титулярныхъ совѣтниковъ, и нигилистовъ, украшаетъ собой страницы «Современника» (см. «Наша общественная жизнь») 1864 г., январь.

въ «Русскомъ Вѣстникѣ», служить теперь въ «Современникѣ»; удовлетворялъ прежде однимъ требованіямъ, теперь также хорошо и отчетливо удовлетворяетъ другимъ; ни тогда, ни теперь онъ не произвелъ такого скандала, который-бы изумилъ читателей и привелъ въ негодованіе лучшихъ представителей нашего общественнаго сознанія. Писемскаго напротивъ того нельзя назвать даже просто пріятнымъ писателемъ; сходится онъ съ людьми самыхъ сомнительныхъ убѣжденій и ведетъ себя часто совершенно «безчинно, неблагопристойно и невѣжливо»; скандалы производитъ на каждомъ шагу, и упреки въ обскурантизмъ сыпятся на него со всѣхъ сторонъ; онъ не развитъ и не образованъ и вполнѣ заслуживаетъ эти упреки своей грубой безтактностью. Но вотъ что любопытно замѣтить. Щедринъ, какъ дѣйствительно статскій прогрессистъ, долженъ очевидно осуждать нашу родимую безалаберницу гораздо строже и сознательнѣе, чѣмъ Писемскій, котораго образъ мыслей загроможденъ предрасудками, противорѣчіями и разлагающимися остатками котошинской старины. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что произведенія Писемскаго каждому не предубѣжденному читателю внушаютъ гораздо болѣе осмысленной ненависти и серьезнаго отвращенія къ безобразію нашей жизни, чѣмъ сатиры и рассказы Щедрина. Критикъ «Современника» въ ноябрьской книжкѣ 1863 года, разбирая «Горькую Судьбину» Писемскаго, жалуется на то, что произведенія этого писателя производятъ невыносимо тяжелое впечатлѣніе и заставляютъ читателя испытывать чувство нестерпимой духоты; причину этого обстоятельства критикъ ищетъ въ томъ, что у Писемскаго нѣтъ идеала; объясненіе это кажется мнѣ довольно страннымъ; жалоба также очень оригинальная. Проще было-бы сообразить, что романъ или драма даютъ читателю тѣ-же впечатлѣнія, какія дала автору сама жизнь. Вѣроятно «Современникъ» не рѣшится отвергать присутствіе духоты въ нашей жизни, а если она существуетъ въ жизни, то я не вижу резона, зачѣмъ ее выкуривать изъ романовъ и драмъ. Писемскому душно и больно, когда онъ берется за перо, и оттого каждый фактъ, изображаемый имъ, бьетъ читателя, какъ обухомъ по головѣ, а совокупность картины потрясаетъ всю нервную систему читателя неотразимымъ впечатлѣніемъ ужасающей дѣйствительности. А тамъ ужъ ваше дѣло осмысливать себѣ испытанное ощущеніе и отыскивать причины тѣхъ духоты и того мрака, которые охватили васъ во время чтенія. Авторъ заставилъ васъ прочувствовать то, что онъ чувствуетъ самъ, и вы можете быть на него въ претензіи только въ томъ случаѣ, если вы полагаете, что наша жизнь свѣтла, прекрасна и богата разнаными наслажденіями, доступными для каждой человѣческой личности. Если-же вы этого не

думаете, тогда вы должны согласиться, что романы и повѣсти непріятнаго обскуранта Писемскаго дѣйствуютъ на общественное сознаніе сильнѣе и живительнѣе, чѣмъ сатиры и рассказы пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ и прогрессивнаго Щедрина. Когда Писемскій начинаетъ разсуждать, тогда хоть святыхъ вонъ носи, но когда онъ даетъ сырые матеріалы, тогда читателю приходится задумываться надъ нимъ очень глубоко. Щедринъ напротивъ того очень отчетливо и благообразно разсуждаетъ по Добролюбову, очень мило смѣшитъ читателя до упаду своей простодушной веселостью; но вы можете прочитать отъ доски до доски всѣ его сатиры и рассказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ будто-бы вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ и посмотрѣли извѣстный французскій водевиль: «L'Amour qu'e qu'est qu'ça?». Писемскій способенъ написать романъ съ самыми не-позволительными тенденціями, и онъ вполнѣ обнаружилъ эту способность въ своемъ послѣднемъ, отвратительномъ произведеніи, но зато онъ способенъ написать и такую вещь, которая, какъ его «Тюфякъ», характеризуетъ грязь нашего провинціального общества гораздо полнѣе и ярче, чѣмъ всѣ юмористическія диссертациі Щедрина о «нашихъ глуховскихъ дѣлахъ»; зато онъ создалъ «Горькую Судьбину» и «Вальку» и въ этихъ произведеніяхъ очертилъ трагическую сторону крѣпостного права съ такой страшной силой, которая останется навсегда недоступной для Щедрина. Писемскаго вы сегодня можете ненавидѣть и ненавидѣть за дѣло, но вчера вы его любили и любили также за дѣло; что-же касается до Щедрина, то его не за что ни любить, ни ненавидѣть; въ его книгѣ нельзя видѣть ни друга, ни врага; его книга ничто иное, какъ веселый собесѣдникъ, съ которымъ пріятно бываетъ побалагурить часъ-другой послѣ хорошаго обѣда или на сонъ грядущій.

Зная беззаботные нравы нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ и принимая въ расчетъ невниманіе щедринскаго юмора и заразительную веселость его добродушнаго смѣха, мы съ читателемъ въ одну минуту сообразимъ, почему Щедринъ съ перваго появленія своего на литературномъ поприщѣ вошелъ во вкусъ нашей читающей публики и преимущественно тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые сатира его преслѣдуетъ съ неумолимымъ постоянствомъ. Конечно провинціальныя чиновники съ самаго начала было переконфузились, полагая, что сатира служить предвѣстницей грома; но такъ какъ громъ не грянулъ, то догадливые провинціалы скоро успокоились, возлюбили веселаго Щедрина всѣмъ сердцемъ своимъ и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. Оно и естественно. Въ томъ обществѣ, въ

которомъ «Сынъ Отечества» имѣть десятки тысячъ читателей, Щедринъ неизбѣжно долженъ считать десятки тысячъ поклонниковъ. Легкая наука «Сына Отечества», легкой смѣхъ Щедрина и легкая мечтательность Фета связаны между собой тѣсными узами умственного родства. Всѣ эти писатели пишутъ для процесса писанія, а публика всѣхъ ихъ читаетъ для процесса чтенія. Изъ этого происходитъ удовольствіе взаимное, безгрѣшное и преперочное.

IV.

Но читатель мнѣ не вѣрить; читатель убѣжденъ, что я преувеличиваю. Я съ своей стороны совершенно одобряю недовѣріе читателя, потому что терпѣть не могу, чтобы мнѣ вѣрили на слово. Я тотчасъ выдвину впередъ доказательства; я выберу изъ сочиненій Щедрина нѣсколько смѣхотворныхъ пассажей, и мы съ читателемъ посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ юмористическая соль. Предупреждаю, что выписокъ будетъ много, потому что коли доказывать, такъ ужъ доказывать неотразимо. Вотъ напримѣръ Щедринъ рассказываетъ, что одинъ губернаторъ имѣлъ привычку повторять по цѣлымъ днямъ какое-нибудь слово; вздумаетъ говорить: *законъ тутъ*, такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарпортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона».

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный! — замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! — возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона», начинаетъ пилить: «ахъ, матушка».

«Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями подвергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жалованья, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка», и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже, — сказывалъ онъ мнѣ: — у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Не правда ли, читатель что это замысловатая выдумка сатирика по своему остроумію и по своей безобидности не уступить лучшимъ карикатурамъ «Сына Отечества»? Это мѣсто находится въ книжкѣ «Сатиры въ прозѣ», на страницѣ 286—287; исторія о губернаторскихъ поговоркахъ этимъ еще не оканчивается, но слѣдить за ея продолженіемъ я считаю дѣломъ роскоши. Перейдемъ къ другимъ забавамъ.

Говорится напримѣръ о провинціальныхъ

сплетняхъ, и сатирикъ, обаятый веселымъ волненіемъ, восклицаетъ: «Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиной племянницей черезъ плетень нюхался? Ахъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять порослячю безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные порослячьи амуръ». — *A la bonne heure*, вотъ это сатира! Каковъ великодушный пылъ негодованія! Какова возвышенная смѣлость рѣчи! А главное, каково остроуміе и какова неистощимая веселость въ самомъ разгарѣ душевнаго волненія! Что Ювональ! Ему и не грезились такіе обороты. Свиныя, говорятъ, вы провинціалы! но говорить не просто, а съ тонкими намеками, указывая на порослячю «безнравственность» и «порослячьи амуръ».

Мягко, а между тѣмъ язвительно! — Одинъ изъ героевъ Щедрина, Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда Глупова, говорить ради остроты: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше замъ-съ» и потомъ спрашиваетъ на счетъ своей выдумки: «*joli*? Но до тайныхъ порослячьихъ амуровъ» самъ Пьеръ Уколкинъ никогда не возвысится; зато Щедринъ постоянно мигаетъ своему читателю и, подобно Пьеру Уколкину, постоянно спрашиваетъ насчетъ своихъ остротъ: «*joli*? Вопросы и миганія не выражены въ печати, но они живо чувствуются въ архитектурѣ самыхъ остротъ. Порослячье мѣсто смотри на страницѣ 372. — Рассказывается эпизодъ изъ политической исторіи Глупова: «Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли; самый что называется горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуце прочихъ. — Скажите, что жъ вы желали бы? настаивала Минерва и даже топнула ножкой отъ нетерпѣнья. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда Богъ въсть откуда раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачекъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросомъ» (стр. 407). Это забавное мѣсто заключаетъ въ себѣ философію исторіи, популярно изложенную Щедриннымъ для порослячьихъ братьевъ и для свиныхъ племянницъ. Изъ этого мѣста мы можемъ извлечь кое-какія поучительныя размышленія: во-первыхъ — мы усматриваемъ, что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ, который вѣроятно очень значительно отличается отъ смѣха Ще-

дринна; во-вторыхъ, — мы видимъ, что Минерва отличалась безконечною благостью и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, но теперь будемъ знать и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты, что вырочемъ говорить уже намъ Гончаровъ, создавшій Обломова и выдумавшій Обломовщину, какъ болѣзнь, и Штольца, какъ лекарство; а въ-третьихъ — мы замѣчаемъ, что повѣствовать о губернаторскихъ поговоркахъ и разоблачать тайные пороссячи амуры легче и безопаснѣе, чѣмъ пускаться на утлой ладѣ сатирическаго ума въ неизвѣстное и непонятное море историческихъ и политическихъ соображеній; ну, а въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ — мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ не всегда вывозитъ и что Щедринъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, разсуждаетъ о высокихъ матеріяхъ не столько благоразумно и основательно, сколько развязно, игриво и просто-душно. Но такъ какъ поросенковы братья и свиньины племянницы хохочутъ надъ потѣющими глуповцами, то цѣль великаго сатирика очевидно достигнута. «Joli»? — спрашиваетъ онъ и мигаетъ.

Описываются глуповскія губернскія власти: «Въ то счастливое время, когда я провѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная фізіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется бывало губернской синклятъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать — даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!» (Стр. 410). — Здѣсь сатирикъ нашъ очевидно находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять состязается въ остроуміи и невинности съ «Сыномъ Отечества» и опять одерживаетъ блистательную побѣду надъ своимъ опаснѣйшимъ конкурентомъ. Всѣ плѣшивые — ахъ, забавникъ! А управляющей палатой кажется плѣшивымъ — каково? и *учнетъ* толковать, и *мухи умрутъ*, и *таково оно тошно!* Ну, можно-ли въ двухъ строкахъ собрать столько аттической соли: вѣдь явно посягаетъ человекъ на жизнь своихъ глуповскихъ читателей; вѣдь уморить со смѣху хочетъ! Просто приходится пощады просить. А фантазія какова: «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ». Этого и Державинъ-бы не выдумалъ, а ужъ на что кажется былъ проказникъ. Оно, положимъ, понятно: какъ это мухи умрутъ. Оно, положимъ, и смысла нѣтъ; но развѣ Державинъ могъ-бы писать, если-бы отъ писателя всегда требовался смыслъ? Да и что такое смыслъ? Лукавый врагъ пріятныхъ и величественныхъ иллюзій. Прочъ здравый смыслъ, и да здравствуютъ иллюзіи, начиная отъ державинскихъ и кончая щедринскими! «Умъ молчить, а

сердцу ясно». Ну, значить милые глуповцы, принимающіе сердцемъ стихи Державина, будутъ также сердцемъ хохотать надъ сатирами Щедрина, потому что уму и здравому смыслу нечего дѣлать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Читателя изумляетъ, почему это я вдругъ Державина потревожилъ; а вотъ видите ли, юмористическія фантазіи Щедрина на счетъ мухъ напомнили мнѣ другія фантазіи тождественнаго свойства, менѣе забавныя, но еще болѣе нелѣпыя; ну, и тутъ конечно представился мнѣ самый торжественный изъ нашихъ одоѣвцевъ, а такъ какъ я очень люблю и уважаю Державина, то я не утерпѣлъ, чтобы не приласкать его мимоходомъ, при семъ удобномъ случаѣ. Къ тому же Щедринъ, какъ новѣйшій жрець чистаго искусства, болѣе или менѣе приводитъ мнѣ на память всѣхъ своихъ товарищей и предшественниковъ на поприщѣ этого великаго служенія.

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: «Въ это хорошее, старое время, когда собирались гдѣ либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлець, такъ смотришь? говорилъ одинъ «хорошій» человекъ другому.

— Помилуйте... отвѣчалъ другой «хорошій» человекъ, нравомъ помирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте», а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый «хорошій» человекъ.

— Да помилуйте-съ...

...И баць въ рыло!...

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань (такъ въ просторѣчи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался случившійся тутъ, третій «хорошій» человекъ!

И выходило здѣсь нѣчто вродѣ свѣтопрезавленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ, и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя... (Стр. 418).

Вы смѣетесь, читатель, и я тоже смѣюсь, потому что нельзя не смѣяться. Ужъ очень большой артистъ Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужъ такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена-то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и пріятное, потому что вы видите передъ собой только смѣшныя слова, а не грязные поступки; вы думаете только о затѣяхъ Щедрина и совершенно забываете глуповскіе нравы. Я знаю, что эстетическіе критики называютъ это просвѣтляющимъ и примиряющимъ дѣйствіемъ искусства, но я въ этомъ просвѣтленіи и примиреніи не вижу ничего, кромѣ одуряющаго. Рассказъ долженъ производить на насъ то-же впечатлѣніе, какое производитъ живое явленіе; если же жизнь тя-

жеда и безобразна, а рассказ заставляет насъ смѣяться пріятнѣйшимъ и добродушнымъ смѣхомъ, то это значить, что литература превращается въ щекотаніе пятокъ и перестаетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Чтобы предлагать людямъ такое чтеніе, не стоить отрывать ихъ отъ карточныхъ столовъ. Здѣсь я опять укажу на Писемскаго. «Взбаломученное море» при всей затхлости своихъ тенденцій представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ. Припомните напримѣръ дѣянія Ионы-дьявика; тутъ ужъ не засмѣетесь; тутъ за человѣка страшно дѣлается, а между тѣмъ Иона-дьявикъ вовсе не хуже щедринскихъ героевъ; среда та-же самая, и порожденія ея одинаковы; да манеры-то у писателей бываютъ различныя: одинъ чувствуетъ, что калѣки и изверги нашей общественной жизни все-таки люди, которыхъ можно ненавидѣть, презирать, отвергать, но къ которымъ невозможно относиться, какъ къ маріонеткамъ, созданнымъ нашими руками для нашей забавы; а другой ищетъ только случая посмѣяться, водить передъ читателями своихъ глуповцевъ, какъ медвѣдей на цѣпи, и заставляетъ ихъ показывать почтеннѣйшей публикѣ, «какъ малые ребята горюхъ воруютъ» и «какъ старыя бабы на барщину ходятъ». Если Писемскій своими грубыми хватками оскорбляетъ наши временныя симпатіи, то Щедринъ своимъ юмористическимъ добродушіемъ обнаруживаетъ непониманіе вѣчныхъ интересовъ человѣческой природы. Есть язвы народной жизни, надъ которыми мыслящій человѣкъ можетъ смѣяться только желчнымъ и саркастическимъ смѣхомъ; кто въ подобныхъ случаяхъ смѣется ради пищеваренія, тотъ сбиваетъ съ толку общественное сознаніе, тотъ усыпляетъ общественное негодованіе, тотъ ругается надъ священной личностью человѣка и, стоя въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ, юрдуется хуже всякаго обскуранта. Но зато выходитъ jolі, и даже très-jolі.

Гегемоніевъ преподаетъ наставленіе Потапчикову: «А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потапчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало ни много, не-вещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка!» (Невинные рассказы. Стр. 8). Ну, объ этомъ распросграняться нечего; это очевидно «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ»; шутка эта даже не отличается самостоятельностью; она заимствована изъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова, гдѣ Александръ Адуевъ говоритъ о «вещественныхъ знакахъ невещественныхъ отношеній»; тамъ это выраженіе умѣстно, а здѣсь поставлено ни къ селу, ни къ городу; конечно Щедринъ можетъ сказать, что онъ не заимствовалъ и что гениальные умы, идя самостоятельными путями, часто встрѣчаются между собой на

одномъ и томъ же открытіи, но это возраженіе мало поможетъ нашему балагуру, потому что открытіе все-таки приписывается обыкновенно тому, кто первый его обнаружилъ; стало-быть въ этомъ случаѣ честь изобрѣтенія останется неотъемлемой принадлежностью Гончарова. А вѣдь много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная Щедрина, какъ весьма передового прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого-нибудь высшаго и таинственнаго смысла; они даже не повѣрятъ заглавію книжки: «Невинные рассказы». Скажутъ: знаемъ мы тебя, какой ты невинный, и все-таки будутъ искать, и разумѣется каждый найдетъ все, что захочетъ найти. Въ бессмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего собственнаго, яснаго и опредѣленнаго смысла. И когда каждый найдетъ все, что захочетъ найти. то конечно слава Щедрина, какъ передового прогрессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца и давая чувствовать что и радъ-бы, да нельзя, потому что не время, потому что не поймутъ. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить ее и дразнить ея ребяческое любопытство гіероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которой Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться мировыми гениями. Для этого не надо обладать даже той дозой дешеваго ума, которой обладали Меттернихъ и Талейранъ; для этого достаточно усвоить себѣ извѣстнаго рода сларовку и жаргонъ. Какъ просто-душна и довѣрчива наша публика, это можно видѣть на самомъ Щедринѣ; нашъ сатирикъ ухитрился самого себя обморочить жаргономъ и сларовкой своего собственнаго изобрѣтенія; онъ не шутя принимаетъ себя за глубокомысленнаго прогрессиста, соединяющаго кротость голубя съ мудростью змія; въ своемъ заглавіи «Невинные рассказы» онъ думалъ затаить глубокую и горькую иронію; онъ думалъ, что невинность будетъ только вѣшнимъ лакомъ, сообщающимъ его рассказамъ необходимое благообразіе; но соскоблите этотъ лакъ, и подъ нимъ вы опять увидите невинность; скоблите дальше, скоблите до самой сердцевины, и вездѣ одно и то-же, невинность да невинность, можетъ быть угнетенная, но угнетенная чисто по недоразумѣнію, угнетенная потому, что угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и сларовки. А то и угнетать было-бы нечего.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая-бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому

пятнадцатилѣтнему гимназисту и кадету; но такъ какъ эта идея показывается изъ-подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую повѣйшую диковинку и какъ вѣрнѣйшій талисманъ противъ всякаго умственного недуга. Конечно публика разочаровалась-бы, увидавши, что ей всучили мѣдную копѣечку вмѣсто червонца, но ей не даютъ всмотрѣться въ дѣло; ее смѣшатъ до упаду, и она остается совершенно довольной, закрывая книгу въ полной увѣренности, что она и либерализмомъ побаловалась, и душу свою натѣшила. Ну, значить сдѣлала дѣло, и спать ложись. Тактика хорошая и плоды приносить обильные. Публикѣ весело, а Щедрина и подавно.

Приведу еще три примѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая повинность и несложность тѣхъ пружинъ, которыми Щедринъ надрываетъ животики почтеннѣйшей публикѣ. Его Сивушество Князь Полугаровъ (смѣйтесь-же, добрые люди!) всѣхъ кабаковъ, выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель, говорить рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужъ не то, что «илевъ сто рублей», тутъ пахветъ милліонами, а запахъ милліоновъ — сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти милліоны? Какой новой заткнутастью заткнути эту старую поглощаемость?» Что можетъ сказать читатель, прочитавши это удивительное мѣсто? Можетъ сказать совершенно справедливо: «Кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь?» Эта фраза будетъ заимствована читателемъ у самого Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственного остроумія. Забудьте еще, что исторія о князѣ Полугаровѣ, растянутая на нѣсколько страницъ, предлагается публикѣ въ то время, когда откупа уже не существуютъ; забудьте, что, по рассказамъ самого Щедрина, шалимовскій гимназистъ, процвѣтающій въ городѣ Глузовѣ, уже отвертывается съ презрѣніемъ отъ администратора, желающаго поддержать откупную систему; сообразите-ка эти обстоятельства и поставте себѣ тогда вопросъ: не есть-ли смѣхъ Щедрина безплодное проявленіе чистаго искусства, подобное лирическимъ воздыханіямъ Фета, Крестовскаго и Майкова? Посмотримъ, какъ-то вы на этотъ вопросъ отвѣтите. Положимъ, Щедринъ можетъ возразить, что онъ писалъ тогда, когда откупа еще существовали, и что въ 1863 году выходятъ только въ свѣтъ отдѣльной книжкой тѣ сатирическіе рассказы, которые печатались прежде въ журналѣ и имѣли нѣкогда животрепещущій интересъ современности. Но это возраженіе ни къ чему не ведетъ, потому что тутъ возникаетъ тотчасъ новый во

просъ: съ какой-же стати вторично угощать публику объѣдками? Она, наша матушка, разумѣется все съѣсть, да еще и второго изданія попросить, но не мѣшаетъ нашему брату, писателю, и честь знато, особенно когда писатель стоитъ въ первомъ ряду прогрессистовъ. Тутъ не душно было-бы и самому писателю относиться къ себѣ критически и до нѣкоторой степени оберегать публику отъ ея собственной довѣрчивости и неразборчивости. Возрѣнія на публику, какъ на дойную корову, надо предоставить въ нераздѣльную собственность юродствующему лагерю обскурантовъ. Идея наши только тогда будутъ дѣйствительно сильны, когда отношенія наши къ обществу будутъ строго безкорыстны и до послѣдней степени деликатны. Кто думаетъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, тотъ не прогрессистъ, а эксплуататоръ прогрессивной идеи, паразитъ и откупщикъ умственного міра. Если-же Щедринъ погрѣшилъ здѣсь по необдуманности, то онъ можетъ принести покаяніе и позаботиться объ исправленіи.

Въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ невинность смѣхотворныхъ пружинъ доходитъ до такого великаго совершенства, что она должна даже возбуждать умиленіе читателя.

Ходить по комнатамъ Кондратій Тихоничъ, «и ходить, и ходить по своимъ сараямъ, ходить до того, что и поль-то словно жалутется и стонетъ подъ ногами его: да сидь-же ты, ради Христа!» Читатель смѣется, а чему тутъ смѣяться?

Чиновникъ играетъ въ ералашъ противъ своего начальника; вслѣдствіе этого обстоятельства онъ вовсе не радуется своимъ хорошимъ картамъ, которыя заставляютъ его волей-неволей обыгрывать и огорчать великаго патрона. Положеніе дѣйствительно характеристическое и комизма въ немъ много; но Щедринъ здѣсь, какъ и вездѣ, вызываетъ смѣхъ читателя не самымъ положеніемъ, а неожиданно брошенной эксцентричностью. «Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ-бы говоря: вѣдь лѣзетъ-же такое дурацкое счастье! дѣлая ходы, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ-бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Еще-бы тутъ читатель не расхохотался; но ясно, что онъ будетъ смѣяться надъ «сукинымъ сыномъ тузомъ», а не надъ мелочными слабостями начальника и подчиненнаго. Смѣхъ будетъ безгрѣшный.

Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глузовскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человекъ Трефандось! — восклицаетъ онъ (нѣхотный командиръ), выходя съ трэфъ. Мы всѣ хотимъ, хотя Трефандось этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва-ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, — выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань-же, пострѣль! — говоритъ генераль Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: — вѣдь такъ я всю игру съ тобой перепутаю».

Не кажется-ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что Щедринъ говоритъ вамъ: «Трефандось» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смѣху, кричите безслышнымъ голосомъ: «ой, да перестань-же, пострѣль! Всю игру перепутаю»... Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, то-есть сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно «тайные пороссячи амуры», «новая затыкаемость старой поглощаемости» и особенно «сукинъ сынъ тузъ» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты Щедрина смѣлы, неожиданныѣ и замысловатѣ шутокъ нѣхотнаго командира, но зато и смѣется надъ островами Щедрина не одинъ глуповскій генераль Голубчиковъ, а вся наша читающая публика, и въ томъ числѣ даже наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь. А ужъ это дѣло пора-бы и бросить. Развращать умъ нашей молодежи «нутрянымъ смѣхомъ Иванушки-дурачка» такъ-же предосудительно, какъ щекотать ея нервы звучными безмыслицами лирической поэзи. Первое опаснѣ послѣдняго: надъ лириками молодежь уже смѣется, а сатирикамъ она еще довѣряетъ, особенно тѣмъ изъ сатириковъ, которымъ удалось прикрыться почтенной фирмой замѣчательнаго журнала, который еще долго будетъ представляться высокой силой его прошлаго дѣятеля. Какъ эти патентованные сатирики пользуются выгодами своего положенія, какъ они эксплуатируютъ довѣріе публики вообще и молодежи въ особенности — это мы съ читателемъ уже отчасти видѣли и увидимъ еще впереди.

V.

Щедрину приходится иногда изображать трагическія происшествія: у него въ разсказахъ втрѣчаются два сумасшествія и одно самоубійство. Но Щедринъ твердо убѣжденъ въ томъ, что глуповскаго чиновника всегда слѣдуетъ обличать и осмѣивать; поэтому онъ не разсказываетъ о помѣшательствѣ Зубатова и Голубчикова, а язвительно обличаетъ того и другого въ этомъ непрогрессивномъ поступкѣ. Трагическія происшествія передаются такимъ образомъ читателю весело и игриво, а читатель разумѣется принимаетъ ихъ съ благодарностью, какъ новую юмористическую интермедію. Что касается до самоубійства, но тутъ дѣло совсѣмъ другое; такъ какъ дѣйствующими лицами являются въ этомъ случаѣ два крѣпостныхъ мальчика, то Щедринъ, желая разыграть самымъ блистательнымъ образомъ роль гуманнаго прогрессиста, натяги-

ваетъ трагическія струны своего повѣствовательнаго таланта такъ туго, что онѣ обрываются до конца разсказа; видя, что эпическая сила измѣняется ему и что изъ нея ужъ не выжмешь больше никакого раздрательнаго эффекта, Щедринъ смѣло кидается въ лирическое юродство и буквально начинаетъ голосить и выкликать надъ несчастными ребятами, которымъ и безъ того тошно на свѣтѣ жить. Дѣло доходитъ до того, что юмористъ нашъ обращается съ воззваніемъ сначала къ жестокой помѣщицѣ, Катеринѣ Афанасьевнѣ, а потомъ къ нашей планетѣ. Не вѣрите, такъ читайте: «Катерина Афанасьевна! если-бы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ набѣленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскопили-бы съ постели, вы выбѣжали-бы безъ кофты на улицу и огласили-бы ее неслышанными, раздрающими душу воплями».

«Земля мать! Если-бы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала-бы, ты всколыхалась-бы всѣми твоими морями, ты заговорила-бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла-бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла-бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала-бы всѣми твоими горами! («Невинные разсказы», стр. 168—169).

Ахъ, мой батюшки! Страстикакая! Не жирно-ли будетъ, если земля-мать станетъ производить всѣ предписанныя ей эволюціи по поводу каждаго страшнаго дѣла, совершающагося въ оврагѣ. Вѣдь ее, я думаю, трудно удивить; видала она на своемъ вѣку всякіе виды; не осталось на ней ни одного квадратнаго аршина, на которомъ ея возлюбленный сынъ не совершилъ-бы надъ собою или надъ другими какой-нибудь невообразимой гадости; такъ ужъ гдѣ ей, старухѣ, возмущаться такимъ дѣломъ, которое даже въ слабomъ человѣкѣ, въ гуманномъ русскомъ прогрессистѣ, въ самомъ Щедринѣ не можетъ возбудить ни одной искры неподдѣльнаго чувства. Вѣдь не выражается-же въ самомъ дѣлѣ истинное чувство въ этомъ завываніи, въ которомъ такъ мало смысла и такъ много риторства. Вѣдь это все подѣлка съ начала до конца; вѣдь это плаксивая гримаса, это слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханія хрѣна; это какая-то плохо-устроенная мистификація, которая была-бы возмутительна, если-бы она не была такъ плоско смѣшна. «И кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?» въ раздумьи повторяетъ читатель и потомъ усмѣхается, пожимая плечами, но на этотъ разъ усмѣхается конечно не шуткамъ сатирика, а тому печально-комическому положенію, въ которое попалъ самъ сатирикъ. Но допустимъ невозможное предположеніе: положимъ, что Щедринъ былъ потрясенъ дѣйствительно сильнымъ приливомъ чувства въ ту минуту, когда онъ создавалъ свое воззваніе къ землѣ и

къ Катеринѣ Афанасьевнѣ; тогда тѣмъ хуже для него; въ такомъ случаѣ онъ несетъ заслуженное наказаніе за хроническую невинность своего бесплоднаго смѣха; это значитъ, что человѣкъ можетъ превратить себя въ вертлявую куклу; это значитъ, что вся нервная система человѣка можетъ быть безвозвратно исковеркана постояннымъ и одностороннимъ употребленіемъ умственныхъ способностей на мелкое и пустое увеселеніе публики; когда приходится выразить истинное чувство, тогда истасканные нервы отказываются служить и подъ перомъ писателя не оказывается ни одного образа, ни одного выраженія, соотвѣтствующаго этой непривычной потребности. И выходитъ вслѣдствіе этого такая неестественная кислотина, что читатель не знаетъ, что ему дѣлать: жалѣть-ли бѣднаго художника, продавашаго свой душевный жаръ въ мелочную лавочку, смѣяться-ли надъ его тщетными усиліями, или просто отвернуться и плюнуть отъ негодованія.

Но это еще не все. Желая во весь духъ ударить кулакомъ по лирическимъ струнамъ, Щедринъ не только риторствуетъ, но даже совершаетъ надъ самимъ собой нѣчто вродѣ литературнаго самоубійства; онъ умышленно искажаетъ въ своемъ воззваніи къ Катеринѣ Афанасьевнѣ тотъ характеръ, который онъ самъ очертилъ довольно тщательно на предыдущихъ страницахъ. Если-бы Катерина Афанасьевна зимой выбѣжала изъ дому «безъ кофты», не боясь простуды, и стала-бы оглашать улицы города «неслыханными воплями», не боясь скандала и всѣхъ его непріятныхъ послѣдствій, тогда это значило-бы, что она женщина вбалмошная, вспыльчивая, но при всемъ томъ способная почувствовать себя виноватой, способная подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія придти въ себя и отбросить въ сторону систему своего хозяйственнаго терроризма. Между тѣмъ предыдущія страницы говорятъ намъ совсѣмъ другое; изъ нихъ мы видимъ, что Катерина Афанасьевна совершаетъ свои жестокости очень хладнокровно и съ значительной примѣсью рабовладѣльческаго остроумія; мы видимъ, что строй нравственныхъ понятій, вытекающихъ изъ крѣпостнаго права, ограждаетъ ее самымъ надежнымъ и непроницаемымъ оплотомъ противъ всякихъ непослѣдовательныхъ припадковъ состраданія и человѣколюбія. Мы узнаемъ кромѣ того, что Катерина Афанасьевна—стрѣлянная ворона: ей уже не въ первый разъ приходится переживать, что люди по ея милости рѣшаются на самоубійство; сестра одного изъ мальчиковъ утопалась вслѣдствіе жестокаго обращенія, а стоицизмъ помѣщицы не поколебался; помѣщица увѣрила себя и другихъ, что «поганка-Ольгушка» утопилась «для того, чтобы скрыть свой стыдъ», то-есть беременность. Потомъ, когда тѣло не было найдено и когда исправникъ укрѣпилъ естественный стоицизмъ

помѣщицы своей дѣловой опытностью, тогда Катерина Афанасьевна смѣло стала отрицать самый фактъ самоубійства и подала объявленіе о побѣгѣ «дѣвки Ольги Никандровой», которая не только бѣжала сама, но, усугубляя свою вину воровствомъ, «унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платьѣ, въ которое и была въ тотъ день одѣта». Возьмите въ расчетъ, что наша бойкая помѣщица—женщина необразованная и суевѣрная, и тогда вы поймете, какую силу характера обнаружила Катерина Афанасьевна, взводя поклепъ въ побѣгѣ и въ воровствѣ на такую покойницу, которую она, Катерина Афанасьевна, почти собственноручно спровадила на тотъ свѣтъ. Правда, «поганка Ольгушка» явилась своей барынѣ во снѣ, и барыня выскочила изъ спальни, какъ полоумная; но во-первыхъ—это видѣла только ключница Матрена, а во-вторыхъ—что-же изъ этого слѣдуетъ? Помѣщица набивала свой желудокъ особенно плотно, потому что больше и дѣлать нечего было; а извѣстно, что переполненный желудокъ награждаетъ человѣка разнообразными и эксцентрическими сновидѣніями; это и случилось съ Катериной Афанасьевной; привидѣлась ей «поганка Ольгушка», но могъ привидѣться и чертъ съ рогами; тутъ не было-бы ничего удивительнаго, и оба сновидѣнія заставили-бы ее выскочить изъ спальни съ одинаковой стремительностью. Гораздо характернѣе то обстоятельство, что на глазахъ Катерины Афанасьевны росъ маленький братъ утопившейся дѣвушки и что барынѣ не только не было тяжело смотрѣть на этого ребенка, который долженъ былъ ежеминутно напоминать ей совершившееся преступленіе, но что напротивъ того барыня имѣла даже храбрость мучить этого мальчика наравнѣ съ другими домочадцами и ежедневными мученіями постоянно толкать его къ тому оврагу, въ которомъ должно было произойти новое самоубійство. И вдругъ эта практическая женщина станетъ бѣгать по улицамъ въ одной рубашкѣ и раздирать уши городскихъ обывателей неслыханными воплями. И отчего? Отъ того, что мальчишки, которыхъ она вѣроятно иначе и не называла, какъ «мерзавцами» и «паршивыми», вздумали полоснуть себя ножомъ по горлу. Да ей-то какое дѣло? Она постарается схоронить концы въ воду, она подаритъ кому слѣдуетъ, сколько будетъ необходимо, и потомъ попрежнему будетъ наѣдаться до отвала и въ случаѣ переполненія желудка будетъ видѣть во снѣ не одну Ольгу, а цѣлую компанію знакомыхъ мертвецовъ. Велика важность—нечего сказать! Ѳедору Бергу или неизвѣстному поэту, воспѣвавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Слезы кукушки», позволительно не знать этихъ особенностей человѣческаго организма, а со стороны Щедрина такое незнаніе не только поприлично, но и невѣроятно. Всякій здравомыслящій читатель хорошо понимаетъ, что это игнорированіе

такъ-же искусственно, какъ и самое чѣство, породившее лирическое обращеніе къ землѣ и къ помѣщицѣ. Надъ подобной искусственностью всегда слѣдуетъ смѣяться, и чѣмъ дороже вамъ тотъ предметъ, по поводу котораго она пускается въ ходъ, тѣмъ громче и рѣзче долженъ быть вашъ карающій смѣхъ, потому что искусственность унижаетъ и опошляетъ все то, къ чему она прикасается.

Но и это еще не все. У читателя давно уже вертится на языкѣ мысль: да развѣ есть теперь крѣпостные мальчики? — Нѣтъ, нѣту. — Такъ какъ-же это они себя убивать могутъ? — Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно. — А если прежде, во время оно, то съ какой-же стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время *sic*? — Не знаю. Должно быть Щедринъ позавидовалъ литературной славѣ нашего Вальтеръ-Скотта, графа А. Толстого, описавшаго съ такой наглядностью всѣ кущаны, подававшіяся на столъ Ивана Грознаго? Или онъ хотѣлъ состязаться съ нашимъ Шекспиромъ, Островскимъ, изобразившимъ съ такимъ счастливымъ успѣхомъ Козьму Минина и всѣ его видѣнія? Или онъ боялся, что вновь возстановится крѣпостное право, и пожелалъ противодѣйствовать такому пассажи кроткими мѣрами литературнаго увѣщанія? Или-же онъ постарался поразить своимъ перомъ прошедшее, чтобы сдѣлать пріятный и любезный сюрпризъ настоящему? Последнее предположеніе кажется мнѣ всего болѣе правдоподобнымъ, потому что всякому жрецу чистаго искусства должно быть чрезвычайно лестно соединить въ своей особѣ блестящую репутацію русскаго Аристофана съ полезными достоинствами современнаго Державина, который, какъ извѣстно, говорилъ истину съ улыбочкой самого обезоруживающаго и обворожительнаго свойства.

Щедринъ прекрасно сдѣлаетъ, если пойдетъ впередъ по этому пути, но, становясь на чисто эстетическую точку зрѣнія и заботясь о чистотѣ нашего литературнаго вкуса, я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время Щедринъ, слагая свои оды, построже придерживался литературныхъ преданій и пріемовъ чисто-классической школы. Я возмю для примѣра отношеніе литературы къ нашему молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго находятся всѣ мои личныя симпатіи, тѣмъ болѣе, что и самъ я принадлежу къ нему тѣломъ и душой. Лучшіе органы нашей періодической литературы начали защищать умственные интересы молодого поколѣнія противъ нападений дряхлой и озлобленной бездарности, съ той самой минуты, какъ только въ нашемъ обществѣ обнаружился тотъ повсемѣстный разладъ, который всегда бываетъ неразлученъ съ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Междусобная борьба въ литературѣ по поводу молодежи продолжается до сихъ поръ и

вѣроятно протянется еще довольно долго, хотя строгіе обличители юношества уже значительно послабили тону. Мыслящіе представители свѣжаго направленія въ нашей литературѣ защищаютъ до сихъ поръ молодыхъ людей противъ медоточивой клеветы и противъ грубаго непониманія. Защищеніе это вовсе на нанегирикъ и оно еще необходимо, во-первыхъ — потому что нельзя же оставлять общество въ печальномъ заблужденіи, во-вторыхъ — потому что чловѣкъ все-таки не камень и что самаго хладнокровнаго писателя все-таки вѣтъ, нѣтъ, да и взбѣсится, когда онъ услышитъ черезъ-чуръ нелѣпую исторію вродѣ «Взбаламученнаго моря». А между тѣмъ, несмотря на полную законность и разумность этого защищенія, надо сказать правду, что для молодежи всего бесплоднѣе именно тѣ страницы нашихъ журналовъ, въ которыхъ всего больше толкуютъ о ней и всего сильнѣе выражаютъ ей сочувствіе. Эти горячія и благородныя страницы не даютъ ей никакого новаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаютъ изъ нихъ молодые люди? Что они — хорошіе люди? Это они сами знаютъ. Что имъ сочувствуетъ честное меньшинство литературы? Экое, подумаешь, благодареніе оно имъ оказываетъ. Да и потомъ, само собою разумѣется. Какъ бы ухитрилось это меньшинство, оставаясь честнымъ, не сочувствовать тому, что также честно? Что они, молодые люди, думаютъ такъ и такъ? Да ужъ навѣрное сами-то молодые люди знаютъ это еще лучше, чѣмъ тѣ литераторы, которые объ этомъ пишутъ.

Такимъ образомъ всего бесполезнѣе для молодого поколѣнія оказывается именно то, что всего ближе подходитъ къ восхваленію этого самого молодого поколѣнія. Чѣмъ больше вы хотите принести пользы молодымъ людямъ, тѣмъ меньше толкуйте объ ихъ достоинствахъ и тѣмъ больше думайте объ ихъ умственныхъ потребностяхъ. Старайтесь помогать вашими статьями ихъ развитію, старайтесь давать имъ матеріалы для размышленія, старайтесь, чтобы молодой чловѣкъ, берущій въ руки журнальную книжку для развлеченія, постоянно находилъ бы въ ней вмѣстѣ съ развлеченіемъ полезныя и основательныя знанія, свѣжія и живыя идеи, разумную ширину взглядовъ и сознательную гуманность направленія; дѣлайте все это, посвящайте вашу жизнь этому дѣлу и вы увидите, что молодежь будетъ считать васъ своимъ истиннымъ другомъ, хотя бы вамъ ни разу не пр.шлось сказать ни одного слова въ ея похвалу. Такимъ образомъ гораздо лучше выражать свою любовь полезнымъ дѣломъ, чѣмъ пріятной похвалой.

Въ настоящее время чисто отрицательныя отношенія литературы къ молодежи еще невозможны, потому что молодежь находится еще въ пассивномъ положеніи. Литература не можетъ поставить себѣ задачей постоянно указывать на недостатки и ошибки такого элемента, который

еще въ значительной степени неизвѣстенъ и во всякомъ случаѣ только что начинаетъ заявлять о своемъ существованіи. Но и теперь уже возможны нѣкоторыя частныя попытки въ отрицательномъ родѣ, попытки, которыя разумѣется не могутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ слѣдующимъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ свирѣпствующихъ старцевъ. Мнѣ кажется, что эти попытки принесутъ молодежи гораздо больше пользы, чѣмъ защитительныя статьи ея частныхъ адвокатовъ. Къ числу подобныхъ попытокъ въ отрицательномъ родѣ я отношу мою теперешнюю рецензію. Я знаю, что Щедринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые до поры до времени пользуются сочувствіемъ молодежи, но съ которой у нихъ нѣтъ ничего общаго; мнѣ кажется, что сочувствіе это не обдуманно и не проверено критическимъ анализомъ; молодежь смѣется, читая Щедрина, молодежь привыкла встрѣчать имя этого писателя на страницахъ лучшаго изъ нашихъ журналовъ и молодежь поддается веселымъ впечатлѣніямъ, потому что ей не приходится въ голову отнестись къ этимъ впечатлѣніямъ съ недовѣріемъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Но мнѣ кажется, что вліяніе Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно, и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить пьедестальчикъ этого маленькаго кумира и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи. Я хочу уничтожить эти симпатіи, и если онѣ дѣйствительно приносятъ молодымъ людямъ только вредъ, то уничтоженіе ихъ и слѣдовательно попытка въ отрицательномъ родѣ будетъ полезнѣе для нашего поколѣнія, чѣмъ самая горячая похвала Базарову и Лопухову и самая ѣдкая полемика противъ Каткова. Такимъ образомъ, рассмотрѣвши отношенія журналистики къ молодежи, я показалъ на этомъ примѣрѣ, какимъ образомъ дѣльное отрицаніе приноситъ обществу гораздо больше пользы, чѣмъ справедливая похвала, воздаваемая существующимъ фактамъ. Щедринъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ.

VI.

Если мы съ высоты птичьяго полета бросимъ общій взглядъ на рассказы Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день и на переходъ къ нынѣшнему дню; хотя этотъ переходъ совершился очень недавно, но онъ очевидно составляетъ для насъ прошедшее, совершенно законченное и имѣющее чисто историческій интересъ; а исторію эту писать еще слишкомъ рано, да и совсѣмъ это не щедринское дѣло. Конечно крѣпостное право такъ глубоко отравило всѣ отравленія нашей народной жизни,

что тяжелая старина долго еще будетъ давать себя чувствовать въ разныхъ воспоминательныхъ ощущеніяхъ весьма неприятнаго свойства; конечно и чиновничество долго еще будетъ жить старинными преданіями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно съ требованіями новѣйшей моды; все это такъ, но всѣ эти отпрыски срубленныхъ деревьевъ надо изучать именно въ ихъ теперешнихъ видоизмѣненіяхъ; и чтобы изучать ихъ, нѣтъ никакой необходимости восходить ни къ тѣмъ вѣкамъ, когда деревья стояли на корню, ни къ тѣмъ минутамъ, когда деревья стали трещать подъ топоромъ. Прошедшее само по себѣ, переходъ самъ по себѣ, а настоящее тоже само по себѣ. Въ исторіи всѣ эти моменты разумѣется связаны между собой и объясняютъ другъ друга, какъ необходимое сѣяніе причинъ и слѣдствій, но опять-таки никому въ голову не приходитъ требовать и ожидать отъ Щедрина исторіи, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мнѣ за охота и за интересъ смѣяться надъ тѣмъ, что не только осмѣяно, но даже уничтожено законодательнымъ распоряженіемъ правительства. «Довлѣетъ днѣви злоба его», и «пускай мертвецъ сами хоронятъ своихъ мертвецовъ».

Но Щедринъ игнорируетъ это простое требованіе здраваго смысла, и потому почти всѣ дѣйствующія лица ея рассказовъ смотрятъ мертвецами, выкопанными изъ могилъ, нарочно для того, чтобы повеселить читателя. Ретрограды, перепуганные зловѣщими слухами, чиновники, перепуганные невиданными предписаніями, и кромѣ того глуповцы, плюющие другъ другу въ лохань, выпивающіе «по маленькой» и каждый вечеръ потѣшающіеся «Трефондосами» — вотъ и все; а все содержаніе сатирическихъ рассказовъ. Глуповъ, блаженствующій въ своемъ нетронутомъ спокойствіи, и Глуповъ, только что взбодуренный слухами о преобразованіяхъ — вотъ и все; а вѣдь кажется пора бы это бросить, потому что вся наша журналистика молотила, молотила эту тошную кошку плохой ржи, да и молотить устала. Всѣмъ надоѣло — и писателямъ и читателямъ; да и наконецъ, кромѣ соломы, тутъ ничего больше и не осталось. Такъ ужъ это избито, что можно измѣнять только слова, а новой, нетронутой черты не отыщеть самый проницательный сатирикъ. Поэтому бросьте прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной фizioноміи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ выработываются эти новыя черты, то бросьте сатиру, бросьте совсѣмъ нашу истрепавшуюся беллетристику, обратившуюся съ нѣкотораго времени для нашихъ писателей въ какую-то казенную или барщинную работу. — Эти слова обращены не къ Щедрину, а вообще ко всѣмъ нашимъ второстепеннымъ беллетристамъ. А кто же теперь не второ-

стенный? Чернышевскій, Тургеневъ, можетъ быть Островскій—и только. Разъ, два — да и обчелся. Но ясно, что сила Чернышевскаго заключается не въ самородномъ художественномъ талантѣ, а въ широкомъ умственномъ развитіи; ясно, что Тургеневъ и Островскій приближаются къ концу своей литературной карьеры; ясно, что разстроенная печень Писемскаго будетъ портить каждое новое произведеніе этого сильнаго таланта и превращать каждый новый романъ его въ «Взбаломученное море» авторской желчи. Ну, стало быть

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики и вижу въ ней очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственного развитія. Поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться въ упадку со временъ Пушкина; при Гоголѣ романисты или вообще прозакки заняли въ литературѣ то высшее мѣсто, которое занимали поэты; съ этого времени стихотворцы сдѣлались чѣмъ-то вродѣ литературныхъ башибузуковъ, плохо вооруженныхъ, бессильныхъ и неспособныхъ оказывать регулярному войску никакого серьезнаго содѣйствія; теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и конечно этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ужъ ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на пронизываніе чувствительныхъ сердецъ убійственными ямбами и апапестами. А кто знаетъ, какое великое дѣло — экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди берегли себя въ чѣлости и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. Но, одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій; глядя на него, Русь православная начала понимать, что можно быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни поэмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ, потому что добрые земляки наши выучились читать критическія статьи и повемногу приготовились такимъ образомъ понимать разсужденія по вопросамъ науки и общественной жизни. Когда эти разсужденія сдѣлались возможными, тогда Добролюбовъ и Чернышевскій стали продолжать дѣло Бѣлинскаго; въ это же время «Русскій Вѣстникъ» проторилъ себѣ свою особенную дорожку, на которой онъ до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ виляетъ; но какъ ни предосудительна его дѣятельность съ гражданской точки зрѣнія, однако надо отдать ему справедливость; своими статьями объ Англіи и своими политическими обозрѣніями онъ также со-

дѣйствовалъ тому общему движенію мысли, которое постепенно оттѣсняло на задній планъ беллетристику и искусство вообще. Теперь это оттѣсненіе произведено: въ послѣднее пятилѣтіе не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была прислониться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращающія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: «Подводный Камень» романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣть громкій успѣхъ, а «Дѣтство, отрочество и юность» графа Л. Толстого, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно и проходитъ почти незамѣченной.

Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: недурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ этотъ шагъ сдѣлается самъ собой, и можетъ быть онъ уже наполовину сдѣланъ. Разумѣется здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ риторизмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не сдумали бы развить съ надлежащей полнотой и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика сдумаетъ отыскать, а общество сдумаетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она не была выражена. Если Некрасовъ можетъ высказываться только въ стихахъ, пусть пишетъ стихи; если Тургеневъ умѣетъ только изобразить, а не объяснить Базарова, пусть изображаетъ; если Чернышевскому удобно писать романъ, а не трактатъ по физиологіи общества, пусть пишетъ романъ; этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ и не остается въ накладъ. Это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей, и особенно читателейницъ, все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола.

Но если въ рукахъ писателей, имѣющихъ свои собственныя идеи, беллетристическая форма можетъ еще приносить обществу пользу, то напротивъ того, попадая въ руки писателей, ни-

щихъ духомъ, эта форма становится положительно вредной. Она превосходно маскируетъ ихъ бѣдность, вводитъ читателей въ ошибку и, что всего хуже, возбуждаетъ въ рядахъ молодежи охоту подражать такимъ произведеніямъ, которыя составляютъ пустоцвѣтъ и сорную траву нашей умственной жизни. Щедринъ взялъ изъ Добролюбовскаго «Свистка» манеру относиться недовѣрчиво къ нашему официальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-сознательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, къ кокарду, которую онъ пришилываетъ къ своимъ рассказамъ для того, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Если-бы Щедринъ писалъ не рассказы, а научныя или критическія статьи, то эта форменная безукоризненность очень скоро надѣла бы всѣмъ читателямъ, и Щедринъ не былъ бы метеоромъ, а занялъ бы ту скромную роль, которую занимаетъ напримѣръ нашъ почтенный и возлюбленный сотрудникъ, В. П. Поповъ. Тогда онъ поневолѣ былъ бы полезенъ, потому что ему уже нельзя было бы ограничивать свою дѣятельность производствомъ безконечныхъ варіацій на весьма извѣстныхъ темы. Ему пришлось бы за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія, а дѣйствительные факты. Ему пришлось бы побольше читать, а это принесло бы ему не малую пользу, потому что тогда бы онъ не сталъ намъ рассказывать мнѣю о Минервѣ и постарался бы поосновательнѣе обдумать вопросъ, отчего эти глуповцы спятъ такимъ глубокимъ сномъ и показываютъ другъ другу «невозможныя свѣтила небесныя». Теперь онъ по видимому убѣжденъ въ томъ, что рыться въ глуповскомъ навозѣ полезно, что *молодое поколѣніе* ради своего умственного совершенствованія *должно* внимательно вглядываться въ каждую частичку этого вещества, каждую изъ нихъ должно *осмѣивать* и спасительнымъ смѣхомъ своимъ должно ограждать себя отъ опозоренія и отъ возвращенія къ глуповской старинѣ. Если-бы Щедринъ не былъ блестящимъ беллетристомъ и если-бы вслѣдствіе этого онъ былъ принужденъ побольше читать и размышлять, тогда онъ не питалъ бы вышеозначеннаго убѣжденія и понималъ бы нѣкоторыя вещи, которыхъ онъ теперь не понимаетъ и которыя поэтому я постараюсь ему объяснить.

Смѣяться надъ безобразіемъ глуповца все равно, что смѣяться надъ уродствомъ калѣки, или надъ дикостью дикаря, или надъ неопытностью ребенка; всѣ эти смѣхи не даютъ рѣшительно ничего ни тому, кто смѣется, ни тому, кого осмѣиваютъ. Смѣяться полезно только надъ идеями, потому что въ этомъ случаѣ смѣхъ есть самъ по себѣ новая идея, отрицающая старую

и становящаяся на ея мѣстѣ. Осмѣивать идею значить доводить ее до абсурда и показывать такимъ образомъ ея несостоятельность, но показывать такъ живо и такъ ясно, чтобы аргументація не утомляла читающую массу, чтобы эта аргументація иногда сосредоточивалась вся въ одномъ эпитетѣ, въ одномъ намекѣ, въ одной веселой шуткѣ; такой смѣхъ дѣйствительно способенъ выворачивать на изнанку дѣлья тысячеклѣтнія міросозерцанія; стоитъ назвать только два имени, Вольтеръ и Гейне. Не всякій—Вольтеръ и Гейне, но всякій человекъ, обладающій свѣтлымъ умомъ и сатирическимъ талантомъ, можетъ и долженъ пристраивать свой смѣхъ туда, гдѣ онъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. А если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, то вѣдь его никто и не принуждаетъ смѣяться публично. Пусть смѣется надъ глуповскими «Трефандосами» съ добрыми друзьями въ тиши своего уютнаго кабинета. Что же касается до огражденія молодежи отъ возвращенія къ старинѣ, то и тутъ смѣхъ Щедрина равняется нулю. Насъ ограждаетъ отъ пошлости не смѣхъ надъ пошлостью, а то внутреннее содержаніе, которое даетъ намъ чтеніе и размышленіе. Чтобы человекъ не ѣлъ испорченной пищи, надо дать ему свѣжую пищу; а если вы ему не дадите свѣжей, онъ будетъ ѣсть испорченную, потому что не умирать-же ему съ голоду изъ любви къ свѣжести. У насъ есть теперь это содержаніе, и есть основаніе думать, что оно у насъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться; это содержаніе заключается въ изученіи природы и въ изученіи человека, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ. Мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую грудку фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время исторія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы и постоянно очищаются отъ примеси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и пріемы опытныхъ наукъ проникли и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшавшаяся отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства: она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человека; она закаляетъ умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной его жизни; она входитъ въ общество и въ семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь, че-

ловѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ и у которыхъ полнѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. Я исчезаю, потому что для этого я жить и любить есть одно и то-же; а если оно живеть и любить, то оно стало-быть живеть миллионами жизней, живеть въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлью той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчить страданія всемірныя.

И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая предъ человѣкомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма и историческую жизнь человѣческихъ обществъ. Все это она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность необходимую для его счастья и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ привычное отправление организма, позволяетъ ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обоживаніе и совершенствованіе всѣхъ между-человѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образомъ перевоспитываетъ человѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую кафедру, на фабрику и къ постели больного, въ стѣнную деревню и въ уѣздный городъ, то безъ сомнѣнія скромное изученіе химическихъ силъ и органической клѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно — и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно — должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальные силы. Это уже и теперь замѣтно. Скромное изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ маперомъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая бы не подольщала къ естествознанію и не отчавалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?

Наша русская цивилизація находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того, чтобы принять въ себя эти обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство, что она находится еще въ

колыбели или даже въ утробѣ матери; у ней нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городкѣ логіона филистеровъ; нѣтъ фантастической рутинѣ средневѣковой науки; передъ нами лежитъ вся европейская наука: переводи, читай и учись! Но будемъ же мы въ самомъ дѣлѣ такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за погодностью? Нѣтъ, не будемъ. Это мы доказываемъ каждый день, потому что постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ и выбираемъ все, что поновѣе и получше. Если-бы Добролюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый понялъ и оцѣнилъ это явленіе. Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризованіе европейскихъ идей естествознанія и антропологии. Въ его время интересъ еще не былъ пробужденъ, и такія статьи рисковали остаться непрочитанными; теперь дѣло пошло на ладъ, и сообразно съ обстоятельствами должна измѣниться задача прогрессивнаго литератора; но Щедринъ разумѣется этого не понимаетъ и все тянетъ по-прежнему старую ноту, завѣщанную ему его молодымъ учителемъ; и не замѣчаетъ онъ того, что его однообразное и невнятное хихиканье отвлекаетъ только отъ настоящаго дѣла нѣкоторую часть нашей свѣжей и умной молодежи.

Можетъ быть мое благоговѣніе передъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книжки по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, издаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книжекъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книжекъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ.

Если естествознаніе обогащаетъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собой; поймутъ, что выгодиѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ трагиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на бесполезныя сооруже-

нія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ дѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ точно такъ же, какъ сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ. Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вносятъ къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственные силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда разумѣется дѣятельность нашего народа усилится чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ каждымъ десятилѣтіемъ. А если народъ будетъ дѣятеленъ, богатъ и уменъ, то что же можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Конечная цѣль лежитъ очень далеко, и путь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ; быстро успѣха ожидать невозможно; но если этотъ путь къ счастью, путь умственного развитія, оказывается

необходимымъ, единственно вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы слѣдовало исключить изъ исторіи всѣ двигатели событій кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остаются при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести къ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ ни при чемъ: она ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства; журналистика старается обыкновенно попадать въ тонъ общаго настроенія, но это попаданіе содѣйствуетъ только успѣху журнала, но вовсе не приноситъ пользы важному и общему дѣлу. Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей; это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. Если даже чувство и энтузіазмъ приведутъ къ какому-нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющіе мыслить. Стало-быть размножать мыслящихъ людей—вогъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Стало-быть естествознаніе составляетъ въ настоящее время самую живогрешущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньи владѣть русскимъ языкомъ и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глушовъ давно пора бросить.

1864 г. Февраль.

МОТИВЫ РУССКОЙ ДРАМЫ.

I.

Основываясь на драматическихъ произведеніяхъ Островскаго, Добролюбовъ показалъ намъ въ русской семьѣ то «темное царство», въ которомъ вянутъ умственные способности и истощаются свѣжія силы нашихъ молодыхъ поколѣній. Статью прочли, похвалили и потомъ отложили всторону. Любители патріотическихъ иллюзій, не сумѣвшіе сдѣлать Добролюбову ни одного основательнаго возраженія, продолжали упиваться своими иллюзіями и вѣроятно будутъ продолжать это занятіе до тѣхъ поръ, пока будутъ находить себѣ читателей. Глядя на эти

постоянныя колѣнопреклоненія передъ народной мудростью и передъ народной правдой, замѣчая, что довѣрчивые читатели принимаютъ за чистую монету ходячія фразы, лишенная всякаго содержанія, и зная, что народная мудрость и народная правда выразились всего полнѣе въ сооруженіи нашего семейнаго быта,—добросовѣстная критика поставлена въ печальную необходимость повторять по нѣскольку разъ тѣ положенія, которыя давно уже были высказаны и доказаны. Пока будутъ существовать явленія «темнаго царства» и пока патріотическая мечтательность будетъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, до тѣхъ поръ намъ постоянно придется напоминать

читающему обществу вѣрныя и живыя идеи Добролюбова о нашей семейной жизни. Но при этомъ намъ придется быть строже и послѣдовательнѣе Добролюбова; намъ необходимо будетъ защищать его идеи противъ его собственныхъ увлеченій; тамъ, гдѣ Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства, мы постараемся разсуждать хладнокровно и увидимъ, что наша семейная патріархальность подавляетъ всякое здоровое развитіе. Драма Островскаго «Гроза» вызвала со стороны Добролюбова критическую статью подъ заглавіемъ: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіей къ характеру Катерины и принялъ ея личность за свѣтлое явленіе. Подробный анализъ этого характера покажетъ нашимъ читателямъ, что взглядъ Добролюбова въ этомъ случаѣ невѣренъ и что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго.

II.

Катерина, жена молодого купца, Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дети старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно прислушались къ этому брюзжанію и умиютъ его «мимо ушей пропускать» на томъ основаніи, что «ей вѣдь что-нибудь надожъ говорить». Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови и постоянно страдаетъ отъ ея разговоровъ. Въ томъ же городѣ, въ которомъ живутъ Кабановы, находится молодой человѣкъ, Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ глядявается на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина съ своей стороны влюбляется въ него, но желаетъ сохранить въ цѣлости свою добродѣтель. Тихонъ уѣзжаетъ куда-то на двѣ недѣли; Варвара по добродушію помогаетъ Борису видѣться съ Катериной, и влюбленная чета наслаждается полнымъ счастьемъ въ продолженіи десяти лѣтнихъ ночей. Пріѣзжаетъ Тихонъ; Катерина терзается угрызеньями совѣсти, худѣетъ и блѣднѣетъ; потомъ ее пугаетъ гроза, которую она принимаетъ за выраженіе небеснаго гнѣва; въ это же время смущаютъ ее слова полоумной барыни о гееннѣ огненной; все это она принимаетъ на свой счетъ; на улицѣ при народѣ она бросается передъ мужемъ на колѣни и признается ему въ своей винѣ. Мужъ, по приказанію своей матери, «побилъ ее неможно», послѣ того какъ они воротились домой; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаявшуюся грѣшницу упреками и нравоченіями; къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ, однако ей удалось убѣжать изъ дома: она встрѣтилась

съ своимъ любовникомъ и узнала отъ него, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Кяхту;—потомъ тотчасъ послѣ этого свиданія она бросилась въ Волгу и утонула. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ понятіе о характерѣ Катерины. Я далъ моему читателю голый перечень такихъ фактовъ, которые въ моемъ разсказѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, безсвязными и въ общей совокупности даже неправдоподобными. Что это за любовь, возникающая отъ общія нѣсколькихъ взглядовъ? Что это за суровая добродѣтель, сдающаяся при первомъ удобномъ случаѣ? Наконецъ что это за самоубійство, вызванное такими мелкими непріятностями, которыя переносятся совершенно благополучно всѣми членами всѣхъ русскихъ семействъ.

Я передалъ факты совершенно вѣрно, но разумѣется я не могъ передать въ нѣсколькихъ строкахъ тѣ оттѣнки въ развитіи дѣйствія, которыя, смягчая вѣшнюю рѣзкость очертаній, заставляютъ читателя или зрителя видѣть въ Катеринѣ не выдумку автора, а живое лицо, дѣйствительно способное сдѣлать всѣ вышеозначенныя эксцентричности. Читая «Грозу», или смотря ее на сценѣ, вы ни разу не усомнитесь въ томъ, что Катерина должна была поступать въ дѣйствительности именно такъ, какъ она поступаетъ въ драмѣ. Вы увидите передъ собой и поймете Катерину, но разумѣется поймете ее такъ или иначе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія вы на нее посмотрите. Всякое живое явленіе отличается отъ мертвой отвлеченности именно тѣмъ, что его можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, и, выходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ фактовъ, можно приходиться къ различнымъ и даже къ противуположнымъ заключеніямъ. Катерина испытала на себѣ много разнообразныхъ приговоровъ; нашлись моралисты, которые обличили ее въ безнравственности; это было всего легче сдѣлать: стоило только сличить каждый поступокъ Катерины съ предписаніями положительнаго закона и подвести итоги; на эту работу не требовалось ни остроумія, ни глубокомыслія, и поэтому ее дѣйствительно исполнили съ блестящимъ успѣхомъ писатели, не отличающіеся ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ достоинствъ; потомъ явились эстетики и рѣшили, что Катерина—свѣтлое явленіе; эстетики разумѣются стояли неизмѣримо выше неумолимыхъ поборниковъ благочивія, и поэтому первыхъ выслушали съ уваженіемъ, между тѣмъ какъ послѣднихъ тотчасъ же осмѣяли. Во главѣ эстетиковъ стоялъ Добролюбовъ, постоянно преслѣдовавшій эстетическихъ критиковъ своими итѣнками и справедливыми насмѣшками. Въ приговорѣ надъ Катериной онъ сошелся съ своими всегдашними противниками и сошелся потому, что, подобно имъ, сталъ восхищаться общими впечатлѣніемъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть

это впечатлѣніе спокойному анализу. Въ каждомъ изъ поступковъ Катерины можно отыскать привлекательную сторону; Добролюбовъ отыскалъ эти стороны, сложилъ ихъ вмѣстѣ, оставилъ изъ нихъ идеальный образъ, увидалъ вслѣдствіе этого «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и, какъ человѣкъ, полный любви, обрадовался этому лучу чистой и святой радостью гражданина и поэта. Если-бы онъ не поддавался этой радости, если-бы онъ на одну минуту попробовалъ взглянуть спокойно и внимательно на свою драгоцѣнную находку, то въ его умѣ тотчасъ родился бы самый простой вопросъ, который немедленно привелъ бы за собой полное разрушеніе привлекательной иллюзіи. Добролюбовъ спросилъ бы самаго себя: какъ могъ сложиться этотъ свѣтлый образъ? Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, онъ прослѣдилъ бы жизнь Катерины съ самаго дѣтства, тѣмъ болѣе, что Островскій даетъ на это нѣсколько матеріаловъ; онъ увидѣлъ бы, что воспитаніе и жизнь не могли дать Катеринѣ ни твердаго характера, ни развитога ума; тогда онъ еще разъ взглянулъ бы на тѣ факты, въ которыхъ ему бросилась въ глаза одна привлекательная сторона, и тутъ вся личность Катерины представилась бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Грустно разставаться съ свѣтлой иллюзіей, а дѣлать нечего; пришлось бы и на этотъ разъ удовлетвориться темной дѣйствительностью.

III.

Во всѣхъ поступкахъ и ощущеніяхъ Катерины замѣтна прежде всего рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ; самое ничтожное событіе, самый пустой разговоръ производятъ въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ цѣлые перевороты. Кабаниха ворчитъ — Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ Григорьевичъ бросаетъ нѣжные взгляды — Катерина влюбляется; Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ — Катерина заранѣе считаетъ себя погибшей женщиной, хотя она до тѣхъ поръ даже не разговаривала съ своимъ будущимъ любовникомъ; Тихонъ отлучается изъ дома на нѣсколько дней — Катерина падаетъ передъ нимъ на колѣни и хочетъ, чтобы онъ взялъ съ нея страшную клятву въ супружеской вѣрности. Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ калитки, — Катерина, подержавшись за этотъ ключъ въ продолженіи пяти минутъ, рѣшается, что она непременно увидитъ Бориса, и кончаетъ свой монологъ словами: «ахъ, какъ-бы ночь поскорѣе!» А между тѣмъ даже и ключъ-то былъ данъ ей преимущественно для любовныхъ интересовъ самой Варвары, и въ началѣ своего монолога Катерина находила даже, что ключъ жжетъ ей руки и что его непременно слѣдуетъ бросить. При свиданіи съ Борисомъ конечно повторяется

та-же исторія; сначала «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ затѣмъ на шею кидается. Пока продолжаются свиданія Катерина думаетъ только о томъ, что «погуляемъ»; какъ только пріѣзжаетъ Тихонъ и вслѣдствіе этого почныя прогулки прекращаются, Катерина начинаетъ терзаться угрызеніями совѣсти и доходитъ въ этомъ направленіи до полусумасшествія; а между тѣмъ Борисъ живетъ въ томъ-же городѣ, все идетъ по-старому, и, прибѣгая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было-бы кое-когда видѣться и наслаждаться жизнью. Но Катерина ходитъ, какъ потерянная, и Варвара очень основательно боится, что она бѣхнетъ мужу въ ноги, да и расскажетъ ему все по порядку. Такъ оно и выходитъ, и катастрофу эту производитъ стеченіе самыхъ пустыхъ обстоятельствъ. Грянулъ громъ, Катерина потеряла послѣдній остатокъ своего ума, а тутъ еще прошла по сценѣ полоумная барыня съ двумя лакеями и произнесла всенародную проповѣдь овѣчныхъ мученіяхъ; а тутъ еще на стѣнѣ въ крытой галереѣ нарисовано адское пламя и все это одно къ одному — ну, посудите сами, какъ-же въ самомъ дѣлѣ Катеринѣ не рассказать мужу тутъ-же при Кабанихѣ и при всей городской публикѣ, какъ она провела во время отсутствія Тихона всѣ десять ночей. Окончательная катастрофа, самоубійство, точно также происходитъ экспромптомъ. Катерина убѣгаетъ изъ дому съ неопредѣленной надеждой увидать своего Бориса; она еще не думаетъ о самоубійствѣ; она жалѣеть о томъ, что прежде убивали, а теперь не убиваютъ; она спрашиваетъ: «долго-ли еще мнѣ мучиться?» Она находитъ неудобнымъ, что смерть не является; «ты, говоритъ, ее кличешь а она не приходитъ». Ясно стало-быть, что рѣшенія на самоубійство еще нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не о чемъ было-бы и толковать. Но вотъ, пока Катерина разсуждаетъ такимъ образомъ, является Борисъ; происходитъ нѣжное свиданіе. Борисъ говоритъ: «ѣду». — Катерина спрашиваетъ: куда ѣдешь? — Ей отвѣчаютъ: «далеко, Катя, въ Сибирь». — Возьми меня съ собой отсюда! — «Нельзя мнѣ, Катя». Послѣ этого разговоръ становится уже менѣе интереснымъ и переходитъ въ общій взаимныхъ нѣжностей. Потомъ, когда Катерина остается одна, она спрашиваетъ себя: «куда теперь? домой идти?» и отвѣчаетъ: «нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу — все равно». Потомъ слово «могила» наводитъ ее на новый рядъ мыслей, и она начинаетъ разсматривать могилу съ чисто-эстетической точки зрѣнія, съ которой впрочемъ людямъ до сихъ поръ удавалось смотрѣть только на чужія могилы. «Въ могилѣ, говоритъ, лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочить... весной на ней травка вырастаетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ нѣтъ,

дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтѣнкіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе, всякіе». Это поэтическое описаніе могилы совершенно очаровываетъ Катерину, и она объявляетъ, что «объ жизни и думать не хочется». При этомъ, увлекаясь эстетическимъ чувствомъ, она даже совершенно упускаетъ изъ виду геену огненную, а между тѣмъ она вовсе равнодушна къ этой послѣдней мысли, потому что въ противномъ случаѣ не было-бы сцены публичнаго покаянія въ грѣхахъ, не было-бы отъѣзда Бориса въ Сибирь, и вся исторія о почныхъ прогулкахъ оставалась-бы шитой и крытой. Но въ послѣднія свои минуты Катерина до такой степени забываетъ о загробной жизни, что даже складываетъ руки крестъ на крестъ, какъ въ гробу складываютъ, и, дѣлая это движеніе руками, она даже тутъ не сближаетъ идеи о самоубійствѣ съ идеей о геенѣ огненной. Такимъ образомъ дѣлается прыжокъ въ Волгу, и драма оканчивается.

IV.

Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій; она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаявается въ томъ, что дѣлала вчера, и между тѣмъ сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагѣ пугаетъ и свою собственную жизнь и жизнь другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрубаетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ, самоубійствомъ, да еще такимъ самоубійствомъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой. Эстетики не могли не замѣтить того, что бросается въ глаза во всемъ поведеніи Катерины; противорѣчія и нелѣпости слишкомъ очевидны, но зато ихъ можно назвать красивымъ именемъ: можно сказать, что въ нихъ выражается страстная, нѣжная и искренняя натура. Страстность, нѣжность, искренность—все это очень хорошія свойства, по крайней мѣрѣ все это очень красивые слова, а такъ какъ главное дѣло заключается въ словахъ, то и нѣтъ резона, чтобы не объявить Катерину свѣтлымъ явленіемъ и не придти отъ нея въ восторгъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что всѣ противорѣчія и нелѣпости ея поведенія объясняются именно этими свойствами. Но что-же это значитъ? Значитъ, что поле моего анализа слѣдуетъ расширить; разбирая личность Катерины, слѣдуетъ имѣть въ виду страстность, нѣжность и искренность вообще и кромѣ того тѣ понятія, которыя господствуютъ въ обществѣ и въ литературѣ на счетъ этихъ свойствъ человѣческаго организма. Если-бы я не зналъ заранѣе, что задача моя расширится такимъ образомъ, то я и не принялся-бы за эту статью. Очень нужно въ самомъ дѣлѣ драму, написанную слишкомъ три года тому назадъ, разбирать для того, чтобы доказать публикѣ, какимъ образомъ Добролю-

бовъ ошибся въ оцѣнкѣ одного женскаго характера. Но тутъ дѣло идетъ объ общихъ вопросахъ нашей жизни, а о такихъ вопросахъ говорить всегда удобно, потому что они всегда стоятъ на очереди и всегда рѣшаются только на время. Эстетики подводятъ Катерину подъ извѣстную мѣрку, и я вовсе не намѣренъ доказывать, что Катерина не подходитъ подъ эту мѣрку; Катерина-то подходитъ, да мѣрка-то никуда не годится, и всѣ основанія, на которыхъ стоитъ эта мѣрка, тоже никуда не годятся; все это должно быть совершенно передѣлано, и хотя разумѣется я не справлюсь одинъ съ этой задачей, однако ленту свою внесу.

Мы до сихъ поръ при оцѣнкѣ явленій нравственнаго міра ходимъ ощупью и дѣствуемъ наугадъ; по привычкѣ мы знаемъ, что такое грѣхъ; по уложенію о наказаніяхъ мы знаемъ, что такое преступленіе; но когда намъ приходится ориентироваться въ безконечныхъ лѣсахъ тѣхъ явленій, которыя не составляютъ ни грѣха, ни преступления, когда намъ приходится разсматривать напримѣръ качества человѣческой природы, составляющія задатки и основанія будущихъ поступковъ, тогда мы идемъ всѣ въ разсыпную и аukaемъ изъ разныхъ угловъ этой дубравы, т. е. сообщаемъ другъ другу наши личные вкусы, которые чрезвычайно рѣдко могутъ имѣть какой-нибудь общій интересъ. Каждое человѣческое свойство имѣетъ на всѣхъ языкахъ по крайней мѣрѣ по два названія, изъ которыхъ одно порицательное, а другое хвалительное,—скупость и бережливость, трусость и осторожность, жестокость и твердость, глупость и невинность, вранье и поэзія, дряблость и нѣжность, взбалмошность и страстность и такъ далѣе до безконечности. У каждаго отдѣльнаго человѣка есть въ отношеніи къ нравственнымъ качествамъ свой особенный лексиконъ, который почти никогда не сходится вполне съ лексиконами другихъ людей. Когда вы напримѣръ одного человѣка называете благороднымъ энтузіастомъ, а другого безумнымъ фанатикомъ, то вы сами конечно понимаете вполне, что вы хотите сказать, но другіе люди понимаютъ васъ только приблизительно, а иногда могутъ и совсѣмъ не понимать. Есть вѣдь такіе озорники, для которыхъ коммунистъ Бабефъ былъ благороднымъ энтузіастомъ, но зато есть и такіе мудрецы, которые австрійскаго министра Шмерлинга назовутъ безумнымъ фанатикомъ. И тѣ, и другіе будутъ употреблять одни и тѣ-же слова, и тѣми-же самыми словами будутъ пользоваться всѣ люди безчисленныхъ промежуточныхъ отгѣнковъ. Какъ вы тутъ поступите, чтобы открыть живое явленіе изъ-подъ груды набросанныхъ словъ, которыя на языкѣ каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ свой особенный смыслъ? Что такое благородный энтузіазмъ? Что такое безумный фанатикъ? Это пустые звуки, не соотвѣтствующіе никакому опредѣленному пред-

ставленію. Эти звуки выражают отношеніе говорящаго лица къ неизвѣстному предмету, который остается совершенно неизвѣстнымъ во все время разговора и послѣ его окончанія. Чтобы узнать, что за человѣкъ былъ коммунистъ Бабефъ и что за человѣкъ Шмерлингъ, надо разумѣется отодвинуть въ сторону всѣ приговоры, произнесенные надъ этими двумя личностями различными людьми, выразившими въ этомъ случаѣ свои личные вкусы и свои политическія симпатіи. Надо взять сырые факты во всей ихъ сырости, и чѣмъ они сырѣе, чѣмъ меньше они замаскированы хвалительными или порицательными словами, тѣмъ больше мы имѣемъ шансовъ уловить и понять живое явленіе, а не безцвѣтную фразу. Такъ поступаетъ мыслящій историкъ. Если онъ, располагая обширными свѣдѣніями, будетъ избѣгать увлеченія фразами, если онъ къ человѣку и ко всѣмъ отраслямъ его дѣятельности будетъ относиться не какъ патріотъ, не какъ либераль, не какъ энтузіастъ, не какъ эстетикъ, а просто какъ натуралистъ, то онъ навѣрное сумѣетъ дать опредѣленные и объективныя отвѣты на многіе вопросы, рѣшавшіеся обыкновенно красивымъ волненіемъ возвышенныхъ чувствъ. Обиды для человѣческаго достоинства тутъ не произойдетъ никакой, а польза будетъ большая, потому что вмѣсто ста возовъ вранья получится одна горсть настоящаго знанія. А одна остроумная поговорка утверждаетъ совершенно справедливо, что лучше получить маленькій деревянный домъ, чѣмъ большую каменную болѣзнь.

V.

Мыслящій историкъ трудится и размышляетъ конечно не для того, чтобы приклеить тотъ или другой ярлыкъ къ тому или другому историческому имени. Стоить-ли въ самомъ дѣлѣ тратить трудъ и время для того, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ назвать Сидора мошенникомъ, а Филимона добродѣтельнымъ отцомъ семейства? Историческія личности любопытны только, какъ крупныя образчики нашей породы, очень удобныя для изученія и очень способныя служить матеріалами для общихъ выводовъ антропологии. Разматривая ихъ дѣятельность, измѣряя ихъ влияние на современниковъ, изучая тѣ обстоятельства, которыя помогали или мѣшали исполненію ихъ намѣреній, мы изъ множества отдѣльныхъ и разнообразныхъ фактовъ выводимъ неопровержимыя заключенія объ общихъ свойствахъ человѣческой природы, о степени ея измѣняемости, о влияніи климатическихъ и бытовыхъ условій, о различныхъ проявленіяхъ національныхъ характеровъ, о зарожденіи и распространеніи идей и вѣрованій и наконецъ, что всего важнѣе, мы подходимъ къ рѣшенію того вопроса, который въ послѣднее время блистательнымъ образомъ поставилъ знаменитый Бокль. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ: какая

сила или какой элементъ служить основаніемъ и важнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса? Бокль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и рѣшительно. Онъ говоритъ: чѣмъ больше реальныхъ знаній, тѣмъ сильнѣе прогрессъ; чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ видимыя явленія и чѣмъ меньше предается фантазіямъ, тѣмъ удобнѣе онъ устраиваетъ свою жизнь и тѣмъ быстрѣе одно усовершенствованіе быта смѣняется другимъ.—Ясно, смѣло и просто! Такимъ образомъ дѣльные историки путемъ терпѣливаго изученія идутъ къ той-же цѣли, которую должны имѣть въ виду всѣ люди, рѣшающіеся заявлять въ литературѣ свои сужденія о различныхъ явленіяхъ нравственной и умственной жизни человѣчества.

Каждый критикъ, разбирающій какой-нибудь литературный типъ, долженъ въ своей ограниченной сферѣ дѣятельности прикладывать къ дѣлу тѣ самыя приемы, которыми пользуется мыслящій историкъ, разматривая мировыя событія и разставляя по мѣстамъ великихъ и сильныхъ людей. Историкъ не восхищается, не умиляется, не негодуетъ, не фразерствуетъ, и всѣ эти патологическія отклоненія такъ же неприличны въ критикѣ, какъ и въ историкѣ. Историкъ разлагаетъ каждое явленіе на его составныя части и изучаетъ каждую часть отдѣльно, и потомъ, когда извѣстны всѣ составныя элементы, тогда и общій результатъ оказывается понятнымъ и неизбѣжнымъ; что казалось раньше анализа ужаснымъ преступленіемъ или непостижимымъ подвигомъ, то оказывается, послѣ анализа простымъ и необходимымъ слѣдствіемъ данныхъ условій. Точно такъ-же слѣдуетъ поступать критику; вмѣсто того, чтобы плакать надъ несчастіями героевъ и героинь, вмѣсто того, чтобы сочувствовать одному, негодовать противъ другого, восхищаться третьимъ, лѣзть на стѣны по поводу четвертаго, критикъ долженъ сначала проплакаться и пробѣсноваться про себя, а потомъ, вступая въ разговоръ съ публикой, долженъ обстоятельно и разсудительно сообщить ей свои размышленія о причинахъ тѣхъ явленій, которыя вызываютъ въ жизни слезы, сочувствіе, негодованіе или восторги. Онъ долженъ объяснять явленія, а не воспѣвать ихъ; онъ долженъ анализировать, а не лицедействовать. Это будетъ болѣе полезно и менѣе раздрачительно.

Если историкъ и критикъ пойдутъ оба по одному пути, если оба они будутъ не болтать, а размышлять, то оба придутъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Между частной жизнью человѣка и исторической жизнью человѣчества есть только количественная разница. Одни и тѣ же законы управляютъ обоими порядками явленій точно такъ-же, какъ одни и тѣ же химическіе и физическіе законы управляютъ и развитіемъ простой кѣлочкы, и развитіемъ человѣческаго

организма. Прежде господствовало мнѣніе, будто общественный дѣятель долженъ вести себя совсѣмъ не такъ, какъ частный человѣкъ. Что въ частномъ человѣкѣ считалось мошеничествомъ, то въ общественномъ дѣятелѣ называлось политической мудростью. Съ другой стороны то, что въ общественномъ дѣятелѣ считалось предосудительной слабостью, то въ частномъ человѣкѣ называлось трогательной мягкостью души. Существовало такимъ образомъ для однихъ и тѣхъ же людей два рода справедливости, два рода благоразумія, — всего по два. Теперь дуализмъ, вытѣсняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ, не можетъ удержаться и въ этомъ мѣстѣ, въ которомъ нелѣпость его особенно очевидна и въ которомъ онъ надѣлалъ очень много практическихъ гадостей. Теперь умные люди начинаютъ понимать, что простая справедливость составляетъ всегда самую мудрую и самую выгодную политику; съ другой стороны они понимаютъ, что и частная жизнь не требуетъ ничего кромѣ простой справедливости; потоки слезъ и конвульсий самоистязанія такъ же безобразны въ самой скромной частной жизни, какъ и на сценѣ всемірной исторіи; и безобразны они въ томъ и другомъ случаѣ единственно потому, что вредны, то-есть доставляютъ одному человѣку или многимъ людямъ боль, невыкупаемую никакимъ наслажденіемъ.

Искусственная грань, поставленная человѣческимъ невѣжествомъ между исторіей и частной жизнью, разрушается по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ невѣжество со всѣми своими предразсудками и нелѣпыми убѣжденіями. Въ сознаніи мыслящихъ людей эта грань уже разрушена, и на этомъ основаніи критикъ и историкъ могутъ и должны приходить къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Историческія личности и простые люди должны быть измѣряемы одной мѣркой. Въ исторіи явленіе можетъ быть названо свѣтлымъ или темнымъ не потому, что оно нравится или не нравится историку, а потому, что оно ускоряетъ или задерживаетъ развитіе человѣческаго благосостоянія. Въ исторіи нѣтъ бесплодно-свѣтлыхъ явленій; что бесплодно, то не свѣтло, — на то не стоитъ совсѣмъ обращать вниманія; въ исторіи есть очень много услужливыхъ медвѣдей, которые очень усердно били муху на лбу спящаго человѣчества увѣсистыми булыжниками; однако смѣшонъ и жалокъ былъ бы тотъ историкъ, который сталъ бы благодарить этихъ добросовѣстныхъ медвѣдей за чистоту ихъ памфлений. Встрѣчаясь съ примѣромъ медвѣжьей нравственности, историкъ долженъ только замѣтить, что лобъ человѣчества оказался раскроеннымъ, и долженъ описать, глубока ли была рана и скоро ли зажила, и какъ подѣйствовало это убіеніе мухи на весь организмъ пациента, и какъ обрисовались вслѣдствіе этого дальнѣйшія отношенія между пустыннокомъ и медвѣдемъ. Ну,

а что такое медвѣдь? Медвѣдь ничего; онъ свое дѣло сдѣлалъ. Хватилъ камнемъ по лбу — и успокоился. Съ него взятки гладки. Ругать его не слѣдуетъ — во-первыхъ потому, что это ни къ чему не ведетъ; а во-вторыхъ, не за что: потому — глупъ. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резонъ; во-первыхъ, — не стоитъ благодарности: вѣдь лобъ-то все-таки разбитъ; а во-вторыхъ — опять-таки онъ глупъ, такъ на какого же чорта годится его непорочность сердца.

Такъ какъ я случайно попалъ на басню Крылова, то мимоходомъ любопытно будетъ замѣтить, какъ простой здравый смыслъ сходитъ иногда въ своихъ сужденіяхъ съ тѣми выводами, которые даютъ основательное научное изслѣдованіе и широкое философское мышленіе. Три басни Крылова, о медвѣдѣ, о музыкантахъ, которые «немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хлѣбного не берутъ», и о судѣ, который попадетъ въ рай за глупость, — три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнѣе, чѣмъ безукоризненная нравственность. Видно, что эта мысль была особенно мила Крылову, который разумѣется могъ замѣчать вѣрность этой мысли только въ явленіяхъ частной жизни. И эту же самую мысль Бокль возводитъ въ міровой историческій законъ. Русскій баснописецъ обзававшійся на мѣдныя деньги и навѣрное считавшій Карамзина величайшимъ историкомъ XIX вѣка, говоритъ по своему то-же самое, что высказалъ передовой мыслитель Англіи, вооруженный наукой. Это я замѣчаю не для того, чтобы похвастаться русской смѣтливостью, а для того, чтобы показать, до какой степени результаты разумной и положительной науки соответствуютъ естественнымъ требованіямъ неиспорченнаго и незасореннаго человѣческаго ума. Кромѣ того эта неожиданная встрѣча Бокля съ Крыловымъ можетъ служить примѣромъ того согласія, которое можетъ и должно существовать, во-первыхъ — между частной жизнью и исторіей, а вслѣдствіе этого, во-вторыхъ — между историкомъ и критикомъ. Если добродушный дѣдушка Крыловъ могъ сойтись съ Боклемъ, то критикамъ, живущимъ во второй половинѣ XIX вѣка и обнаруживающимъ притязанія на смѣлость мысли и на широкое развитіе ума, такимъ критикамъ, говорю я, и подавно слѣдуетъ держаться съ непоколебимой послѣдовательностью за тѣ приемы и идеи, которые въ наше время сближаютъ историческое изученіе съ естествознаніемъ. Наконецъ, если Бокль слишкомъ умень и головоломень для нашихъ критиковъ, пусть они держатся за дѣдушку Крылова, пусть проводятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о нравственныхъ достоинствахъ человѣка простую мысль, выраженную такими незатѣйливыми словами: «услужливый дуракъ опаснѣе врага». Если бы только одна эта мысль, понятная пятилѣтнему

ребенку, была проведена въ нашей критикѣ съ надлежащей послѣдовательностью, то во всѣхъ нашихъ воззрѣніяхъ на нравственные достоинства произошелъ бы радикальный переворотъ, и пристрастная эстетика давнымъ-давно отправилась-бы туда-же, куда отправились алхимія и метафизика.

VI.

Наша частная жизнь заурядна до нельзя красивыми чувствами и высокими достоинствами, которыми всякій порядочный человѣкъ старается записаться для своего домашняго обихода и которымъ всякій свидѣтельствуетъ свое вниманіе, хотя никто не можетъ сказать, чтобы они когда-нибудь кому-бы то ни было доставили малѣйшее удовольствіе. Было время, когда лучшими атрибутами физической красоты считалась въ женщинѣ интересная блѣдность лица и непостижимая тонкость талии; барышни шли укусъ и перетягивались такъ, что у нихъ трещали ребра и спиралось дыханіе; много здоровья было уничтожено по милости этой эстетики и по всей вѣроятности эти своеобразныя понятія о красотѣ еще не вполне уничтожились и теперь, потому что Льюисъ возражаетъ противъ корсетовъ въ своей физиологій, а Чернышевскій заставляетъ Вѣру Павловну упомянуть о томъ, что она, сдѣлавшись умной женщиной, перестала шнуроваться. Такимъ образомъ физическая эстетика очень часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла, съ предписаніями элементарной гигиены и даже съ инстинктивнымъ стремленіемъ человѣка къ удобству и комфорту. «Il faut souffrir pour être belle», говорила въ былое время молодая дѣвушка, и всѣ находили, что она говоритъ святую истину, потому что красота должна существовать сама по себѣ ради красоты, совершенно независимо отъ условій, необходимыхъ для здоровья, для удобства и наслажденія жизнью. Критики, не освободившіеся отъ вліянія эстетики, сходятся съ обожателями интересной блѣдности и тонкости талии вмѣсто того, чтобы сходить съ естественными критеріями и мыслящими историками. Надо сознаться, что даже лучшіе изъ нашихъ критиковъ, Вѣлинскій и Добролюбовъ, не могли оторваться окончательно отъ эстетическихъ традицій. Осуждать ихъ за это было-бы нелѣпо, потому что надо-же помнить, какъ много они сдѣлали для уясненія всѣхъ нашихъ понятій, и надо-же понимать, что не могутъ два человѣка отработать за насъ всю нашу работу мысли. Но, не осуждая ихъ, надо видѣть ихъ ошибки и прокладывать новые пути въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старыя тропинки уклоняются въ мушъ и въ болото.

Относительно анализа «свѣтлыхъ явленій» насъ не удовлетворяетъ эстетика ни своимъ красивымъ негодованіемъ, ни своимъ искусственно подогрѣтымъ восторгомъ. Яя блѣдила и румяна тутъ остаются не при чемъ. Натуралистъ, гово-

ря о человѣкѣ, назоветъ свѣтлымъ явленіемъ нормально развитый организмъ; историкъ дастъ это названіе умной личности, понимающей свои выгоды, знающей требованія своего времени и вслѣдствіе этого работающей всѣми силами для развитія общаго благосостоянія; критикъ имѣетъ право видѣть свѣтлое явленіе только въ томъ человѣкѣ, который умѣетъ быть счастливымъ, т. е. приносить пользу себѣ и другимъ, и, умѣя жить и дѣйствовать при неблагоприятныхъ условіяхъ, понимаетъ въ то же время ихъ неблагоприятность и по мѣрѣ силъ своихъ старается переработать эти условія къ лучшему. И натуралистъ, и историкъ, и критикъ согласятся между собой въ томъ пунктѣ, что необходимымъ свойствомъ такого свѣтлаго явленія долженъ быть сильный и развитый умъ; тамъ, гдѣ нѣтъ этого свойства, тамъ не можетъ быть и свѣтлыхъ явленій. Натуралистъ скажетъ вамъ, что нормально развитый человѣческой организмъ необходимо долженъ быть одаренъ здоровымъ мозгомъ, а здоровый мозгъ также неизбѣжно долженъ мыслить правильно, какъ здоровый желудокъ должнъ переваривать пищу; если-же этотъ мозгъ разслабленъ отсутствіемъ упражненія и если такимъ образомъ человѣкъ, умный отъ природы, притупленъ обстоятельствами жизни, то весь разсматриваемый субъектъ уже не можетъ считаться нормально развитымъ организмомъ, точно такъ-же, какъ не можетъ имъ считаться человѣкъ, ослабившій свой слухъ или свое зрѣніе. Такого человѣка натуралистъ не назоветъ свѣтлымъ явленіемъ, хотя-бы этотъ человѣкъ пользовался жгѣтзнымъ здоровьемъ и лошадиной силой. Историкъ скажетъ вамъ... но вы и сами знаете, что онъ вамъ скажетъ; ясное дѣло, что умъ для исторической личности такъ-же необходимъ, какъ жабры и плавательныя перья для рыбы; ума гуть не замѣнить никакими эстетическими ингредиентами; это можетъ быть единственная истина, неопровержимо доказанная всѣмъ историческимъ опытомъ нашей породы. Критикъ докажетъ вамъ, что только умный и развитой человѣкъ можетъ оберегать себя и другихъ отъ страданій при тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, при которыхъ существуетъ огромное большинство людей на земномъ шарѣ; кто не умѣетъ сдѣлать ничего для облегченія своихъ и чужихъ страданій, тотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ свѣтлымъ явленіемъ; тотъ — трутень, можетъ быть очень милый, очень граціозный, симпатичный, но все это такія неосязаемыя и невѣсомныя качества, которыя доступны только вниманію людей, обожаящихъ интересную блѣдность и тонкія талии. Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ не ограничивается этимъ; онъ кромѣ того въ большей или меньшей степени, сознательно или неволью перерабатываетъ эту жизнь и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и раз-

злая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость, — все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умной и развитой личностью, можетъ быть начать новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ приемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта» — не Катеринѣ чета.

VII.

«Яйца курицу не учать», — говоритъ нашъ народъ, — и такъ эта поговорка ему по душѣ приплась, что онъ твердитъ ее съ утра до вечера, словами и поступками, отъ моря и до моря. И передаетъ онъ ее потомству, какъ священное наслѣдство, и благодарное потомство, пользуясь ею, въ свою очередь созидаетъ на ней величественное зданіе семейнаго чинопочитанія. И поговорка эта не теряетъ своей силы, потому что она всегда употребляется кстати; а кстати потому, что ее употребляютъ только старшіе члены семейства, которые не могутъ ошибаться, которые всегда оказываются правыми и которые слѣдовательно всегда дѣйствуютъ благодѣтельно и разсуждаютъ поучительно. Ты — яйцо безсознательное и долженъ пребывать въ своей безотвѣтной невинности до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлаешься курицей. Такимъ образомъ пятидесятилѣтнія куры разсуждаютъ съ тридцатилѣтними яйцами, которыя съ пеленокъ выучились понимать и чувствовать все, что такъ коротко и такъ величественно внушаетъ имъ безсмертная поговорка. Великое изреченіе народной мудрости дѣйствительно выражаетъ въ четырехъ словахъ весь принципъ нашей семейной жизни. Принципъ этотъ дѣйствуетъ еще съ полной силой въ тѣхъ слояхъ нашего народа, которые считаются чисто-русскими.

Только въ молодости человѣкъ можетъ развернуть и воспитать тѣ силы своего ума, которыя потомъ будутъ служить ему въ зрѣломъ возрастѣ; что не развилось въ молодости, то остается неразвитымъ на всю жизнь; слѣдовательно если молодость проводится подъ скорлупой, то и умъ, и воля человѣка остаются навсегда въ положеніи замороженнаго зародыша; и наблюдателю, смотрящему со стороны на этотъ курятникъ, остается только изучать различныя проявленія человѣческаго уродства. Каждый новорожденный ребенокъ втискивается въ одну и ту же готовую форму, а разнообразіе результатовъ происходитъ, во-первыхъ отъ того, что не всѣ дѣти рождаются одинаковыми, а во-вторыхъ отъ того, что для втискиванія употребляются различныя приемы. Одинъ ребенокъ ложится въ форму тихо и благопривно, а другой барахтается и кричитъ благимъ матомъ; одного ребенка бросаютъ въ форму со всего размаху, да еще потомъ держать въ формѣ за вихорь; а другого кладутъ помаленьку, полегоньку и при этомъ поглаживаютъ по головкѣ и прияникомъ обольщаютъ. Но форма все-таки одна и та же, и не въ укоръ будь сказано искателямъ свѣтлыхъ явленій — уродованіе идетъ всегда надлежащимъ порядкомъ; такъ какъ жизнь не шевелитъ и не развиваетъ ума, то человѣческія способности глхнутъ и искажаются какъ при воспитаніи палкой, такъ и при воспитаніи лаской. Въ первомъ случаѣ получается типъ, который я для краткости назову карликами, во второмъ получаютъ также уроды, которыхъ можно назвать вѣчными дѣтьми. Когда ребенка ругаютъ, поряютъ и всячески огорчаютъ, тогда онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ начинаетъ чувствовать себя одинокимъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ понимать себя, такъ онъ приучается надѣяться только на свои собственные силы; онъ находится въ постоянной войнѣ со всѣмъ, что его окружаетъ; ему дремать нельзя; чуть оплошаешь, тотчасъ лишишься всякаго удовольствія, да еще налетятъ на тебя со всѣхъ сторонъ ругательства, затрепичины и даже весьма серьезныя неприятели въ видѣ многочисленныхъ и полновѣсныхъ ударовъ розгами. Гимнастика для дѣтскаго ума представляется постоянная, и каждый безграмотный мальчишка, выдержанный въ ежовыхъ рукавицахъ свирѣпымъ родителемъ, удивитъ своими дипломатическими талантами любого благовоспитаннаго мальчишка, способнаго уже восхищаться, по Корнелію Непоту, доблестями Аристиды и непреклоннымъ характеромъ Катона. Умъ разовьется на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы обдѣлывать практическія дѣлишки: тамъ надутъ, тутъ поклониться въ поясъ, здѣсь прижать, въ другомъ мѣстѣ въ амбіцію вломиться, въ третьемъ — добрымъ малымъ прикинуться, — все это будетъ исполнено самымъ отчетливымъ манеромъ, по-

тому что вся эта механика усвоена во времена пѣжнаго дѣтства. Но выйти изъ колеи этой механики умъ уже не можетъ; надуеть онъ десять разъ, проведетъ и выведетъ, будетъ лгать и вывѣрчиваться, будетъ постоянно обходить препятствія, на которыя постоянно будетъ наткаться; но обдумать заранѣе планъ дѣйствій, рассчитать вѣроятности успѣха, предусмотрѣть и устранить препятствія заблаговременно, словомъ, связать въ головѣ длинный рядъ мыслей, логически вытекающихъ одна изъ другой, — этого вы отъ нашего субъекта не ждите. Умственного творчества вы въ немъ также не найдете; практическое изобрѣтеніе, созданіе новой машины или новой отрасли промышленности возможно только тогда, когда у человѣка есть знанія, а знаній у нашего карлика нѣтъ никакихъ; онъ не знаетъ ни свойствъ того матеріала, который онъ обрабатываетъ, ни потребностей тѣхъ людей, для которыхъ онъ работаетъ. Шить онъ, положимъ, чемоданъ изъ кожи; кожа скверно выдѣлана и трескается; ну, значитъ чемоданъ надо вычернить, чтобы подъ краской трещины были незаметны; и рѣшительно ни одному карлику въ голову не придетъ: а нельзя-ли какъ-нибудь такъ выдѣлывать кожу, чтобы она не трескалась? Да и не можетъ придти; чтобы замазать трещину черной краской, не нужно ровно никакихъ знаній и почти никакого труда мысли; а для того, чтобы сдѣлать малѣйшее усовершенствованіе въ выдѣлкѣ кожъ, надо по крайней мѣрѣ всматриваться въ то, что имѣешь подъ руками, и обдумывать то, что видишь. Но мы никогда не были заражены такими мыслительными слабостями; поэтому мы разработали у себя барышничество и надувательство до высокой степени художественности, а всѣ науки мы принуждены приводить къ себѣ изъ-за границы; другими словами, мы постоянно обирали удобства жизни другъ у друга, по производительности нашей земли мы не сумѣли увеличить ни на одинъ мѣдный грошъ. Не зная свойствъ предметовъ, карликъ не знаетъ и самого себя: онъ не знаетъ ни своихъ силъ, ни своихъ склонностей, ни своихъ желаній; поэтому онъ цѣнитъ себя только по вѣншему успѣху своихъ предпріятій; онъ мѣняется въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ акція сомнительнаго достоинства, которой курсъ колеблется на биржѣ; штука удалась, барышъ въ карманѣ, — тогда онъ великій человѣкъ, тогда онъ возносится выше нарицательной цѣны и даже выше облака ходячаго; штука лопнула, капиталъ улетучился, — тогда онъ червь, подлецъ, поношеніе человѣковъ; тогда онъ умоляетъ васъ, чтобы вы на него плюнули, да только оказали бы ему участіе. И хоть-бы это было по крайней мѣрѣ притворство, хоть бы онъ прикидывался несчастнымъ для того, чтобы разжалобить васъ, все было бы легче; а то вѣдь нѣтъ — дѣйствительно раздавленъ и уничтоженъ, дѣйствительно

паль въ своихъ собственныхъ глазахъ оттого, что потерпѣлъ убытокъ или другую неудачу; не мудрено, что карликъ отвертывается отъ друзей своихъ, когда они въ несчастіи; онъ и отъ самого себя радъ былъ-бы отвернуться, да жаль, некуда.

Все это понятно; только сознательное уваженіе человѣка къ самому себѣ даетъ ему возможность спокойно и весело переносить всѣ мелкія и крупныя непріятности, которыя не сопровождаются сильной физической болью; а чтобы сознательно уважать самого себя и чтобы находить въ этомъ чувствѣ высшее наслажденіе, человѣку надо предварительно поработать надъ собой, очистить свой мозгъ отъ разнаго мусора, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ своего внутренняго міра, обогатить это міръ кое-какими знаніями и идеями и наконецъ, изучивши самого себя, найти себѣ въ жизни разумную, полезную и пріятную дѣятельность. Когда все это будетъ сдѣлано, тогда человѣку будетъ понятно удовольствіе быть самимъ собой, удовольствіе класть на каждый поступокъ печать своей просвѣтленной и облагоустроенной личности, удовольствіе жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ и постоянно увеличивать богатство и разнообразіе этого міра. Тогда человѣкъ почувствуетъ, что это высшее удовольствіе можетъ быть отнято у него только сумасшествіемъ или постояннымъ физическимъ мученіемъ; и это величественное сознаніе полной независимости отъ мелкихъ огорченій въ свою очередь сдѣлается причиной гордой и мужественной радости, которую опять-таки ничто не можетъ ни отнять, ни отравить. Сколько минутъ чистѣйшаго счастья пережилъ Лопуховъ въ то время, когда, отрываясь отъ любимой женщины, онъ собственноручно устраивалъ ей счастье съ другимъ человѣкомъ? Тутъ была обаятельная смѣсь тихой грусти и самого высокаго наслажденія, но наслажденіе далеко превѣшивало грусть, такъ что это время напряженной работы ума и чувства навѣрное оставило послѣ себя въ жизни Лопухова неизгладимую полосу самаго яркаго свѣта. А между тѣмъ какъ все это кажется непонятнымъ и неестественнымъ для тѣхъ людей, которые никогда не испытали наслажденія мыслить и жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Эти люди убѣждены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что Лопуховъ — невозможная и неправдоподобная выдумка, что авторъ романа «Что дѣлать?» только прикидывается, будто понимаетъ ощущенія своего героя, и что всѣ пустозвоны, сочувствующіе Лопухову, морочатъ себя и стараются обморочить другихъ совершенно бессмысленными потоками словъ. И это совершенно естественно. Кто способенъ понимать Лопухова и сочувствующихъ ему пустозвоновъ, тотъ самъ — и Лопуховъ, и пустозвонъ, потому что рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

Замѣчательно, что высокое удовольствіе самоуваженія въ большей или меньшей степени доступно и понятно всѣмъ людямъ, развившимъ въ себѣ способность мыслить, хотя бы эта способность привела ихъ потомъ къ чистымъ и простымъ истинамъ естествознанія; или напротивъ того къ туманнымъ и произвольнымъ фантазіямъ философскаго мистицизма. Матеріалисты и идеалисты, скептики и догматики, эпикурейцы и стоики, рационалисты и мистики—всѣ сходятся между собой, когда идетъ рѣчь о высшемъ благѣ, доступномъ человѣку на землѣ и независимомъ отъ вѣщныхъ и случайныхъ условий. Всѣ говорятъ объ этомъ благѣ въ различныхъ выраженіяхъ, всѣ подходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ, всѣ называютъ его разными именами, но отодвиньте въ сторону слова и метафоры и вы вездѣ увидите одно и то же содержаніе. Одни говорятъ, что человѣкъ долженъ убить въ себѣ страсти, другіе — что онъ долженъ управлять ими, третьи — что онъ долженъ облагородить ихъ, четвертые — что онъ долженъ развить свой умъ и что тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Пути различные, но дѣль вездѣ одна и та же, — чтобы человѣкъ пользовался душевнымъ миромъ, какъ говорятъ одни, — чтобы въ его существѣ царствовала внутренняя гармонія, какъ говорятъ другіе, чтобы совѣсть его была спокойна, какъ говорятъ третьи, — или наконецъ, если взять самую простую слова, — чтобы человѣкъ постоянно былъ доволенъ самимъ собой, чтобы онъ могъ сознательно любить и уважать самого себя, чтобы онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни могъ положиться на самого себя, какъ на своего лучшаго друга, всегда неизмѣннаго и всегда правдиваго.

Если всѣ мыслители понимаютъ и цѣнятъ чувство самоуваженія, то мы въ этомъ отношеніи никакъ не должны считать мыслителями всѣхъ людей, читающихъ и пишущихъ философскія сочиненія. Рутинеръ, буквоѣдъ и филлистеръ, къ какой-бы школѣ онъ не принадлежалъ и какой-бы наукой онъ не занимался, всегда будетъ работать по обязанности службы, никогда не почувствуетъ наслажденія въ процессѣ мысли и поэтому никогда не составитъ себѣ понятія о чарующей прелести самоуваженія. Дѣло въ томъ, что все можно обратить въ механику. У насъ обращено въ механику искусство надувательства, а въ Западной Европѣ со временъ средневѣковой схоластики въ механику превратилось искусство писать ученые трактаты, рыться въ фоліантахъ и получать самымъ добросовѣстнымъ образомъ докторскіе дипломы, не переставая вѣрять въ колдовство или въ алхимию. Заваска рутини такъ сильна, что многіе нѣмцы и англичане находятъ возможнымъ заниматься естественными науками, не переставая быть по своему міросозерцанію чисто средневѣковыми субъектами. Отъ этого выходятъ презабавные эпи-

зоды. Напримѣръ знаменитый англійскій анатомъ Ричардъ Оуэнъ (прошу не смѣшивать съ социалистомъ Робертомъ Оуэномъ) упорно не желаетъ видѣть въ мозгу обезьяны одну особенную штучку (аммоніевы рога), потому что существованіе этой штучки у обезьяны кажется ему оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Ему показываютъ, Гексли изъ себя выходитъ, а тотъ такъ и остается при своемъ. Не вижу, да и только. Любопытно также послушать, какъ Карлъ Фохтъ бесѣдуетъ съ Рудольфомъ Вагнеромъ, чрезвычайно замѣчательнымъ физиологомъ и въ то же время еще болѣе замѣчательнымъ филлистеромъ. Но Оуэнъ и Вагнеръ во всякомъ случаѣ превосходные изслѣдователи; они смотрятъ во всѣ глаза и сильно работаютъ мозгомъ, когда вопросъ не слишкомъ близко подходитъ къ ихъ сердечнымъ симпатіямъ. Напряженное вниманіе и размышленіе все-таки могутъ расшевелить и развить умъ настолько, что чувство самоуваженія сдѣлается понятнымъ и драгоцѣннымъ. А есть и второстепенные Оуэны и Вагнеры; во всѣхъ философскихъ и научныхъ лагеряхъ есть мародеры и паразиты, которые не только не создаютъ мыслей сами, но даже не передумываютъ чужихъ мыслей, а только затверживаютъ ихъ, чтобы потомъ разбавлять готовые темы ушатами воды и составлять такимъ образомъ статьи или книги. Этими людямъ чувство самоуваженія разумѣется останется навсегда неизвѣстнымъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что мыслители всѣхъ школъ понимаютъ одинаково высшее и неотъемлемое благо человѣка; мы видимъ кромѣ того, что это благо дѣйствительно доступно только тѣмъ изъ мыслителей, которые въ самомъ дѣлѣ работаютъ умомъ, а не тѣмъ, которые повторяютъ съ тупымъ уваженіемъ слѣпыхъ адептовъ великія мысли учителей. Выводъ простъ и ясенъ. Не школа, не философскій догматъ, не буква системы, не истина дѣлаютъ человѣка существомъ разумнымъ, свободнымъ и счастливымъ. Его облагораживаетъ, его ведетъ къ наслажденію только самостоятельная умственная дѣятельность, посвященная безкорыстному исканію истины и неподчиненная рутиннымъ и мелочнымъ интересамъ ежедневной жизни. Чѣмъ-бы не пробудили вы эту самостоятельную дѣятельность, чѣмъ-бы вы ни занимались — геометрией, филологіей, ботаникой, все равно — лишь-бы только вы начали мыслить. Въ результатѣ все-таки получится расширеніе внутренняго міра, любовь къ этому міру, стремленіе очистить его отъ всякой грязи и наконецъ незамѣнимое счастье самоуваженія. Значитъ, все-таки умъ дороже всего, или вѣрнѣе умъ — все. Я съ разныхъ сторонъ доказывалъ эту мысль и можетъ быть надобѣль читателю повтореніями, но вѣдь мысль-то ужъ больно драгоцѣнная. Ничего въ ней нѣтъ новаго, но если бы

только мы провели ее въ нашу жизнь, то мы всё могли-бы быть очень счастливыми людьми. А то вѣдь мы всё куда какъ не далеко ушли отъ тѣхъ карликовъ, отъ которыхъ совершенно отвлекло меня это длинное отступленіе.

VIII.

По тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми я обрисовалъ карликовъ, читатель видитъ уже, что они вполнѣ заслуживаютъ свое названіе. Всѣ способности ихъ развиты довольно равномѣрно: у нихъ есть и умшико, и кое-какая волишка, и миниатюрная энергія, но все это чрезвычайно мелко и прилагается конечно только къ тѣмъ микроскопическимъ цѣлямъ, которыя могутъ представиться въ ограниченномъ и бѣдномъ мірѣ нашей вседневной жизни. Карлики радуются, огорчаются, приходятъ въ восторгъ, приходятъ въ негодованіе, борятся съ искушеніями, одерживаютъ побѣды, терпятъ пораженія, влюбляются, женятся, спорятъ, горячатся, интригуютъ, мятятся, словомъ все дѣлаютъ точно настоящіе люди, а между тѣмъ ни одинъ настоящій человѣкъ не сдумаетъ имъ сочувствовать, потому что это невозможно; ихъ радости, ихъ страданія, ихъ волненія, искушенія, побѣды, страсти, споры и разсужденія — все это такъ ничтожно, такъ неуловимо мелко, что только карликъ можетъ ихъ понять, оцѣнить и принять къ сердцу. Типъ карликовъ или, что то-же, типъ практическихъ людей чрезвычайно распространенъ и видоизмѣняется сообразно съ особенностями различныхъ слоевъ общества: этотъ типъ господствуетъ и торжествуетъ; онъ составляетъ себѣ блестящія карьеры, важиваетъ большія деньги и самовластно распоряжается въ семействахъ; онъ дѣлаетъ всёхъ окружающимъ людямъ много неприятностей, а самъ не получаетъ отъ этого никакого удовольствія; онъ дѣятеленъ, но дѣятельность его похожа на бѣганіе бѣлки въ колесѣ.

Литература наша давно уже относится къ этому типу безъ всякой особенной нѣжности и давно уже осуждаетъ съ полнымъ единодушіемъ то воспитаніе палкой, которое выработываетъ и формируетъ плотоядныхъ карликовъ. Одинъ только Гончаровъ пожелалъ возвести типъ карлика въ перлъ созданія; вслѣдствіе этого онъ произвелъ на свѣтъ Петра Ивановича Адуева и Андрея Ивановича Штольца; но эта попытка во всѣхъ отношеніяхъ похожа на поползновеніе Гоголя представить идеальнаго помѣщика Костанжогло и идеальнаго откупщика Муразова. Типъ карликовъ повидимому уже не опасенъ для нашего сознанія; онъ не прельщаетъ насъ больше, и отвращеніе къ этому типу заставляетъ даже нашу литературу и критику бросаться въ противоположную крайность, отъ которой также не мѣшаетъ поостеречься; не умѣя остановиться на чистомъ отрицаніи карликовъ, наши писате-

ли стараются противопоставить торжествующей силѣ угнетенную невинность; они хотятъ доказать, что торжествующая сила нехороша, а угнетенная невинность напротивъ того прекрасна; въ этомъ они ошибаются; и сила глупа, и невинность глупа, и только отъ того, что онѣ обѣ глупы, сила стремится угнетать, а невинность погружается въ тупое терпѣніе; свѣту нѣтъ и оттого люди, не видя и не понимая другъ друга, дерутся въ темнотѣ; и хотя у поражаемыхъ субъектовъ часто сыплются искры изъ глазъ, однако это освѣщеніе, какъ извѣстно по опыту, совершенно не способно разсвѣять окружающій мракъ; и какъ-бы ни были многочисленны и разноцвѣтны подставляемые фонари, но всё они въ совокупности не замѣняютъ самаго жалкаго салнаго огарка.

Когда человѣкъ страдаетъ, онъ всегда дѣлается трогательнымъ; вокругъ него разливается особенная мягкая прелесть, которая дѣйствуетъ на васъ съ неотразимой силой; не сопротивляйтесь этому впечатлѣнію, когда оно побуждаетъ васъ въ сферѣ практической дѣятельности заступиться за несчастнаго или облегчить его страданіе; но если вы въ области теоретической мысли разсуждаете объ общихъ причинахъ разныхъ специфическихъ страданій, то вы непременно должны относиться къ страдальцамъ такъ же равнодушно, какъ и къ мучителямъ, вы не должны сочувствовать ни Катеринѣ, ни Кабаничѣ, потому что въ противномъ случаѣ въ вашъ анализъ ворвется лирическій элементъ, который перелутаетъ все ваше разсужденіе. Вы должны считать свѣтлымъ явленіемъ только то, что въ большей или меньшей степени можетъ содѣйствовать прекращенію или облегченію страданія, а если вы расчувствуетесь, то вы назовете лучезъ свѣта — или самую способность страдать, или ослнну кротость страдальца, или нелѣпыя порывы его безсильнаго отчаянія, или вообще что-нибудь такое, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ образумить плотоядныхъ карликовъ. И выйдетъ изъ этого, что вы не скажете ни одного дѣльнаго слова, а только обольете читателя ароматомъ вашей чувствительности; читателю это можетъ быть и понравится; онъ скажетъ, что вы человѣкъ отиѣнно хорошій; но я съ своей стороны, рискуя прогнѣвать и читателя, и васъ, замѣчу только, что вы принимаете синія пятна, называемыя фонарями, за настоящее освѣщеніе.

Страдательныя личности нашихъ семействъ, тѣ личности, которымъ порывается посочувствовать наша критика, болѣе или менѣе подходятъ подъ общій типъ вѣчныхъ дѣтей, которыхъ формируетъ ласковое воспитаніе нашей безтолковой жизни. Нашъ народъ говоритъ, что «за битаго двухъ не битыхъ даютъ». Имѣя понятіе о дикости семейныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, мы должны сознаться, что это изреченіе совершенно справедливо и проникнуто

глубокой практической мудростью. Пока въ нашу жизнь не проникнет настоящій лучъ свѣта, пока въ массахъ народа не разовьется производительная дѣятельность, разнообразіе занятій, новельство и образованіе, до тѣхъ поръ битый непрѣмѣнно будетъ дороже двухъ небитыхъ, и до тѣхъ поръ родители въ простомъ быту постоянно будутъ принуждены бить своихъ дѣтей для ихъ же пользы. И польза эта вовсе не воображаемая. Даже въ наше просвѣщенное время дѣтямъ простолюдина полезно и необходимо быть битыми, иначе они будутъ современемъ несчастнѣйшими людьми. Дѣло въ томъ, что жизнь сильнѣе воспитанія, и если послѣднее не подчиняется добровольно требованіямъ первой, то жизнь насильно схватываетъ продуктъ воспитанія и спокойно ломаетъ его по своему, не спрашивая о томъ, во что обходится эта ломка живому организму. Съ молодымъ человѣкомъ обращаются такъ же, какъ и со всѣми его сверстниками; другихъ ругаютъ, и его ругаютъ, — другихъ бьютъ, и его бьютъ. Привыкъ или не привыкъ онъ къ этому обращенію — кому до этого дѣло? Привыкъ — хорошо, значить выдержать; не привыкъ — тѣмъ хуже для него, пусть привыкаетъ. Вотъ какъ разсуждаетъ жизнь, и отъ нея невозможно ни ожидать, ни требовать, чтобы она дѣлала какія-нибудь исключенія въ пользу деликатныхъ комплекцій или нѣжно-воспитанныхъ личностей. Но такъ какъ всякая привычка пріобрѣтается всего легче въ дѣтствѣ, то ясно, что люди воспитанные лаской, будутъ страдать въ своей жизни отъ одинаково-дурного обращенія гораздо сильнѣе, чѣмъ люди, воспитанные палкой. Воспитаніе палкой нехорошо, какъ нехорошо напримѣръ повсемѣстное развитіе пьянства въ нашемъ отечествѣ; но оба эти явленія составляютъ только невинные и необходимые аксессуары нашей бѣдности и нашей дикости; когда мы сдѣлаемся богаче и образованнѣе, тогда закроется по крайней мѣрѣ половина нашихъ кабаковъ, и тогда родители не будутъ бить своихъ дѣтей. Но теперь, когда мужикъ дѣйствительно нуждается въ самозабвеніи и когда водка составляетъ его единственную отраду, было-бы нелѣпо требовать, чтобы онъ не ходилъ въ кабакъ; съ тоски онъ могъ-бы придумать что-нибудь еще болѣе безобразное, вѣдь есть и такія племена, которыя ѣдятъ мухоморъ. Теперь и палка приноситъ свою пользу, какъ приготовленіе къ жизни; уничтожьте палку въ воспитаніи, и вы приготовите только для нашей жизни огромное количество безслынныхъ мучениковъ, которые, потерпѣвшіе на своемъ вѣку, или помрутъ отъ чахотки, или превратятся по-немногу въ ожесточенныхъ мучителей. Въ настоящее время вы имѣете въ каждомъ русскомъ семействѣ два воспитательные элемента: родительскую палку и родительскую ласку; и то, и другой безъ малѣйшей примѣси разумной идеи.

И то, и другое изъ рукъ вонъ скверно, но родительская палка все-таки лучше родительской ласки.

Я знаю, чѣмъ я рискую; меня назовутъ обскурантомъ, а заслужить въ наше время это названіе почти то же самое, что было въ средніе вѣка прослыть еретикомъ и колдуномъ. Я очень желаю сохранить за собой честное имя прогрессиста, но, разсчитывая на благоразуміе читателя, надѣюсь, что онъ понимаетъ общее направленіе моей мысли, и, вооружившись этимъ упованіемъ, осмѣливаюсь уклоняться отъ общепринятой рутинны нашего, дешеваго либерализма. Палка дѣйствительно развиваетъ до нѣкоторой степени дѣтскій умъ, но только не такъ, какъ думаютъ суровые воспитатели; они думаютъ, что коли постычь ребенка, такъ онъ запомнитъ и приметъ къ сердцу спасительные совѣты, раскается въ своемъ легкомысліи, пойметъ заблужденіе и исправитъ свою грѣховную волю; для большей вразумительности воспитатели даже сѣкутъ и приговариваютъ, а ребенокъ кричитъ: «никогда не буду!» и значить изъясляетъ раскаяніе. Эти соображенія добрыхъ родителей и педагоговъ неосновательны; но въ высѣченномъ субъектѣ дѣйствительно происходитъ процессъ мысли, вызванный именно ощущеніемъ боли. Въ немъ изоцрѣяется чувство самосохраненія, которое обыкновенно дремлетъ въ дѣтяхъ, окруженныхъ нѣжными заботами и постоянными ласками. Но чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго человѣческаго прогресса; это чувство, и только оно одно, заставляетъ дикаря переходить отъ охоты къ скотоводству и земледѣлію; оно кладетъ основаніе всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ, всякому комфорту, всѣмъ промысламъ, наукамъ и искусствамъ. Стремленіе къ удобству, любовь къ изящному и даже чистая любознательность, которую мы въ простотѣ души считаемъ безкорыстными порывомъ человѣческаго ума къ истинѣ, составляютъ только частныя проявленія и тончайшія видоизмѣненія того самаго чувства, которое побуждаетъ насъ избѣгать боли и опасности. Мы чувствуемъ, что нѣкоторыя ощущенія освѣжаютъ и укрѣпляютъ нашу нервную систему; когда мы долго не получаемъ этихъ ощущеній, тогда организмъ нашъ разстраивается, сначала очень легко, однако такъ, что это разстройство заставляетъ насъ испытать какое-то особенное ощущеніе, извѣстное подъ названіемъ скуки или тоски. Если мы не хотимъ или не можемъ прекратить это непріятное чувство, т. е. если мы не даемъ организму того, что онъ требуетъ, тогда онъ разстроивается сильнѣе, и чувство дѣлается еще непріятнѣе и томительнѣе. Для того, чтобы постоянно чѣмъ-нибудь затыкать ротъ нашему организму, когда онъ такимъ образомъ начинаетъ скрипѣть и пищать, мы, т. е. люди вообще, стали смотрѣть вокругъ себя, стали вглядываться и прислушиваться, стали двигать са-

мымъ усиленнымъ образомъ и руками, и ногами, и мозгами. Разнообразное движеніе совершенно соотвѣтствовало самымъ прихотливымъ требованіямъ неутомимой нервной системы; это движеніе такъ завлекло насъ и такъ полюбили насъ, что мы занимаемся имъ теперь съ самымъ страстнымъ усердіемъ, совершенно теряя изъ виду исходную точку этого процесса. Мы серьезно думаемъ, что любимъ изящное, любимъ науку, любимъ истину, а на самомъ дѣлѣ мы любимъ только цѣлость нашего хрупкаго организма; да и не любимъ даже, а просто повинемся слѣпо и невольно закону необходимости, дѣйствующему во всей цѣпи органическихъ созданій, начиная отъ какого-нибудь гриба и кончая какимъ-нибудь Гейне или Дарвиномъ.

IX.

Если чувство самосохраненія, дѣйствуя въ нашей породѣ, вызвало на свѣтъ всѣ чудеса цивилизаціи, то разумѣется это чувство, возбужденное въ ребенкѣ, будетъ въ малыхъ размѣрахъ дѣйствовать въ немъ въ томъ-же направленіи. Чтобы привести въ движеніе мыслительныя способности ребенка, необходимо возбудить и развить въ немъ ту или другую форму чувства самосохраненія. Ребенокъ начнетъ работать мозгомъ только тогда, когда въ немъ проснется какое-нибудь стремленіе, которому онъ пожелаетъ удовлетворить, а всѣ стремленія безъ исключенія вытекаютъ изъ одного общаго источника, именно изъ чувства самосохраненія. Воспитателю предстоитъ только выбрать той формы этого чувства, которую онъ пожелаетъ возбудить и развить въ своемъ воспитаниикѣ. Образованный воспитатель выберетъ тонкую и положительную форму, т. е. стремленіе къ наслажденію; а воспитатель полудикій поневолѣ возьметъ грубую и отрицательную форму, т. е. отвращеніе къ страданію; второму воспитателю нѣтъ выбора; стало-быть очевидно надо или сѣчь ребенка, или помириться съ той мыслью, что въ немъ всѣ стремленія останутся непробужденными и что умъ его будетъ дремать до тѣхъ поръ, пока жизнь не начнетъ толкать и швырять его по своему. Ласковое воспитаніе хорошо и полезно только тогда, когда воспитатель умѣетъ возбудить въ ребенкѣ высшія и положительныя формы чувства самосохраненія, т. е. любовь къ полезному и къ истинному, стремленіе къ умственнымъ занятіямъ и страстное влеченіе къ труду и къ знанію. У тѣхъ людей, для которыхъ эти хорошія вещи не существуютъ, ласковое воспитаніе есть не что иное, какъ медленное развращеніе ума посредствомъ бездѣйствія. Умъ спитъ годъ, два, десять лѣтъ и наконецъ доспится до того, что даже толчки дѣйствительной жизни перестаютъ возбуждать его. Человѣку не все равно, когда начать развиваться съ пятилѣтія или съ двадцати лѣтъ. Въ двадцать лѣтъ и обстоятельства встрѣчаются

не тѣ, да и самъ человѣкъ уже не тотъ. Не имѣя возможности справиться съ обстоятельствами, двадцатилѣтній ребенокъ поневолѣ подчиняется имъ, и жизнь начнетъ кидать это пассивное существо изъ стороны въ сторону, а ужъ тутъ плохо развиваться, потому что когда на охоту вдутъ, тогда собакъ поздно кормить. И выйдетъ изъ человѣка ротозѣй и тряпка, интересный страдалецъ и невинная жертва. Когда ребенокъ не затронутъ никакими стремленіями, когда дѣйствительная жизнь не подходитъ къ нему ни въ видѣ угрожающей розги, ни въ видѣ тѣхъ обязательныхъ и серьезныхъ вопросовъ, которые она задаетъ человѣческому уму,—тогда мозгъ не работаетъ, а постоянно играетъ разными представленіями и впечатлѣніями. Эта безцѣльная игра мозга называется фантазіей и кажется даже считается въ психологіи особенной силой души. На самомъ-же дѣлѣ эта игра есть просто проявленіе мозговой силы, непристроенной къ дѣлу. Когда человѣкъ думаетъ, тогда силы его мозгасосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ и слѣдовательно регулируются единствомъ цѣли; а когда нѣтъ цѣли, тогда готовой мозговой силѣ все-таки надо-же куда-нибудь дѣваться; ну, и начинается въ мозгу такое движеніе представленій и впечатлѣній, которое относится къ мыслительной дѣятельности такъ, какъ на свистывашіе какого-нибудь мотива относится къ оперному пѣнію передъ многочисленной и взыскательной публикой. Размысленіе есть трудъ, требующій участія воли, трудъ невозможный безъ опредѣленной цѣли; а фантазія есть совершенно невольное отравленіе, возможное только при отсутствіи цѣли. Фантазія—сонъ на яву; поэтому и существуютъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія этого понятія такія слова, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ понятіемъ о снѣ; по-русски—греза, по-французски—*gêverie*, по-нѣмецки—*Träumen*, по-английски—*day dream*. Очень понятно, что спать днемъ и притомъ спать на яву можетъ только такой человѣкъ, которому нечего дѣлать и который не умѣетъ употребить свое время ни на то, чтобы улучшить свое положеніе, ни на то, чтобы освѣжить свои нервы дѣятельнымъ наслажденіемъ. Чтобы быть фантазеромъ, вовсе не нужно имѣть темпераментъ особеннаго устройства; всякій ребенокъ, у котораго нѣтъ никакихъ заботъ и у котораго очень много досуга непременно дѣлается фантазеромъ; фантазія родится тогда, когда жизнь пуста и когда нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ интересовъ; эта мысль оправдывается какъ въ жизни цѣлыхъ народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей. Если эстетика будутъ превозносить развитіе фантазіи, какъ свѣтлое и отрадное явленіе, то этимъ они обнаружатъ только свою привязанность къ пустотѣ и свое отвращеніе къ тому, что дѣйствительно возвышаетъ человѣка; или еще проще, они докажутъ

намъ, что они чрезвычайно лѣнны и что умъ ихъ уже не переноситъ серьезной работы. Впрочемъ это обстоятельство уже ни для кого не составляетъ тайны.

Х.

Наша жизнь, предоставленная своимъ собственнымъ принципамъ, вырабатываетъ карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Первые дѣлаютъ зло активное, вторые — пассивное; первые больше мучаютъ другихъ, чѣмъ страдаютъ сами, вторые больше страдаютъ сами, чѣмъ мучаютъ другихъ. Впрочемъ съ одной стороны карлики вовсе не наслаждаются безмятежнымъ счастьемъ, а съ другой стороны вѣчные дѣти причиняютъ часто другимъ очень значительныя страданія; только дѣлаютъ они это не нарочно по трогательной невинности или, что тоже, по непроходимой глупости. Карлики страдаютъ узкостью и мелкостью ума, а вѣчные дѣти — умственной спячкой, и вслѣдствіе этого совершеннымъ отсутствиемъ здраваго смысла. По милости карликовъ наша жизнь изобилуетъ грязными и глупыми комедіями, которыя разыгрываются каждый день, въ каждомъ семействѣ, при всѣхъ сдѣлкахъ и отношеніяхъ между людьми; по милости вѣчныхъ дѣтей, эти грязныя комедіи иногда заканчиваются глупыми трагическими развязками. Карликъ ругается и дерется, но соблюдаетъ при этихъ дѣйствіяхъ благородную расчеловѣчивость, чтобы не надѣлать себѣ скандала и чтобы не вынести сора изъ избы. Вѣчный ребенокъ все терпитъ и все печалится, а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужъ такъ хватитъ, что или самого себя, или своего собесѣдника уложитъ на мѣстѣ. Послѣ этого завѣтный соръ разумѣется не можетъ оставаться въ избѣ и препровождается въ уголовную палату. Простая драка превратилась въ драку съ убійствомъ, и трагедія вышла такая же глупая, какая была предшествовавшая ей комедія.

Но эстетики понимаютъ дѣло иначе; въ ихъ головы засѣла очень глубоко старая пѣтушка, предписывающая писать трагедіи высокимъ слогомъ, а комедіи — среднимъ и, смотря по обстоятельствамъ, даже низкимъ; эстетики помнятъ что герой умираетъ въ трагедіи насильственной смертью; они знаютъ, что трагедія непременно должна производить впечатлѣніе возвышенное, что она можетъ возбуждать ужасъ, но не прерѣніе, и что несчастный герой долженъ приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе зрителей. Вотъ эти-то предписанія пѣтушки они и прикладываютъ къ осужденію тѣхъ словесныхъ и рукопашныхъ схватокъ, которыя составляютъ мотивы и сюжеты нашихъ драматическихъ произведеній. Эстетики отрешиваются и отплеиваются отъ преданій старой пѣтушки; они не упускаютъ ни одного случая посмѣяться надъ Аристотелемъ и Буало и заявить свое собствен-

ное превосходство надъ ложно-классическими теоріями, а между тѣмъ именно эти одряхлѣвшія преданія составляютъ до сихъ поръ все содержаніе эстетическихъ приговоровъ. Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ такъ же глупо, какъ и комическое, и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Какъ только дѣло переходитъ отъ простой бесѣды къ уголовному преступленію, такъ эстетика тотчасъ приходятъ въ смущеніе и спрашиваютъ себя, кому-жъ они будутъ сочувствовать, и какое выраженіе изобразятъ они на своихъ фізіономіяхъ — ужасъ или негодованіе, или глубокую задумчивость, или торжественную грусть? Но вообще надо имъ найти, во-первыхъ, предметъ для сочувствія, а во-вторыхъ, — возвышенное выраженіе для собственной фізіономіи. Иначе нельзя и говорить о трагическомъ происшествіи.

Однако, что же въ самомъ дѣлѣ, думаетъ читатель, вѣдь не смѣяться-же, когда люди лишаютъ себя живота или перегрызаютъ другъ другу горло? О, мой читатель, кто васъ заставляетъ смѣяться? Я такъ-же мало понимаю смѣхъ при видѣ нашихъ комическихъ глупостей, какъ и возвышенныя чувства при видѣ нашихъ трагическихъ пошлостей; совсѣмъ не мое дѣло, и вообще не дѣло критика предписывать читателю, что онъ долженъ чувствовать; не мое дѣло говорить вамъ: позвольте, сударь, улыбнуться, — потрудитесь, сударыня, вздохнуть и возвести очи къ небу. Я беру все, что пишется нашими хорошими писателями, — романы, драмы, комедіи, что угодно, — я беру все это, какъ сырые матеріалы, какъ образчики нашихъ нравовъ; я стараюсь анализировать всѣ эти разнообразныя явленія, я замѣчаю въ нихъ общія черты, я отыскиваю связь между причинами и слѣдствіями, и прихожу такимъ путемъ къ тому заключенію, что всѣ наши тревоженія и драматическія коллизіи обуславливаются исключительно слабостью нашей мысли и отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ знаній, то есть, говоря короче, глупостью и невѣжествомъ. Жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, воспитательная розга, воспитательная ласка, тихая мечтательность, восторженная чувствительность — вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, возбуждающихъ въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній, вся эта смѣсь сводится, по моему мнѣнію, къ одному общему источнику, который, сколько мнѣ кажется, не можетъ возбуждать въ насъ ровно никакихъ ощущеній, ни высокихъ, ни низкихъ. Все это различныя проявленія неисчерпаемой глупости.

Добрые люди будутъ горячо спорить между собою о томъ, кто въ этой смѣси хорошо и что дурно; вотъ это, скажутъ, добродѣтель, а вотъ это пороки; но безплоденъ будетъ весь споръ добрыхъ людей: нѣтъ тутъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, нѣтъ ни звѣрей, ни ангеловъ. Есть только хаосъ и темнота, есть непониманіе и неумѣнье понимать. Надъ чѣмъ-же тутъ смѣяться, противъ чего тутъ негодовать, чему тутъ сочувствовать? Что тутъ долженъ дѣлать критикъ? Онъ долженъ говорить обществу и сегодня, и завтра, и послѣ-завтра, и десять лѣтъ подрядъ, и сколько хватитъ его силъ и его жизни, — говорить, не боясь новтोरений, говорить такъ, чтобы его понимали, говорить постоянно, что народъ нуждается только въ одной вещи, въ которой заключаются уже всѣ остальные блага человѣческой жизни. Нуждается онъ въ движеніи мысли, а это движеніе возбуждается и поддерживается пріобрѣтеніемъ знаній. Пусть общество не сбивается съ этой прямой и единственной дороги къ прогрессу, пусть не думаетъ, что ему надо пріобрѣсти какія-нибудь добродѣтели, привить къ себѣ какія-нибудь похвальные чувства, застаться тонкостью вкуса, или вытвердить кодексъ либеральныхъ убѣжденій. Все это мыльные пузыри, все это дешевая водѣлка настоящаго прогресса, все это болотные огоньки, заводящіе насъ въ трясины возвышеннаго краснорѣчія, все это бесѣды о честности зицупа и о необходимости почвы, и ото всего этого мы не дождемся ни одного луча настоящаго свѣта. Только живая и самостоятельная дѣятельность мысли, только прочныя и положительныя знанія обновляютъ жизнь, разгоняютъ темноту, уничтожаютъ глупые пороки и глупыя добродѣтели и такимъ образомъ выметають соръ изъ избы, не переноса его въ уголовную палату. Но не думайте пожалуста, что народъ найдетъ свое спасеніе въ тѣхъ знаніяхъ, которыми обладаетъ наше общество и которыя рассыпають щедрой рукой книжки, продающіяся теперь для блага младшихъ братьевъ по пятаку и по гривнѣ. Если вѣсто такого просвѣщенія мужикъ купитъ себѣ калачъ, то онъ докажетъ этимъ поступкомъ, что онъ гораздо умнѣ составителя книжки и самъ могъ-бы многому научить послѣдняго.

Дерзость наша равняется только нашей глупости, и только глупостью нашей можетъ быть объяснена и оправдана. Мы — просвѣтителі народа?!. Что это — невинная шутка, или ядовитая насмѣшка? Да сами-то мы что такое? Неправда-ли, какъ мы много знаемъ, какъ мы основательно мыслимъ, какъ превосходно мы наслаждаемся жизнью, какъ умно мы установили наши отношенія къ женщинѣ, какъ глубоко мы поняли необходимость работать на пользу общую? Да можно-ли перечислить всѣ наши достоинства? Вѣдь мы такъ безподобны, что, когда намъ покажутъ издали, въ романѣ, поступки и размыш-

ленія умнаго и развитогаго чловѣка, тогда мы сейчасъ въ ужасъ придемъ и глаза замуримъ, потому что примемъ неискаженный чловѣческій образъ за чудовищное явленіе. Вѣдь мы такъ чловѣколюбивы, что, великодушно забывая свою собственную неумытость, лѣземъ непременно умывать нашими грязными руками младшихъ братьевъ, о которыхъ болитъ наша нѣжная душа и которые, само собою разумеется, выначканы также до помраченія чловѣческаго образа. И усердно мажемъ мы грязными руками до грязнымъ лицамъ, и велики наши труды, и пламенна наша любовь, во-первыхъ — къ чумазымъ братьямъ, а во-вторыхъ — къ ихъ пятакамъ и гривнамъ, и чловѣколюбивые подвиги темныхъ просвѣтителі могутъ съ величайшимъ удобствомъ продолжаться вплоть до второго пришествія не нанося ни малѣйшаго ущерба тому надежному слою грязи, который съ полными безпристрастіемъ украшаетъ какъ хлопотливыя руки учителей, такъ и неподвижныя лица учениковъ. Глядя на чудеса нашего народолюбія, поневолѣ прибѣгнешъ къ языку боговъ и произнесешь стихъ Полонскаго:

Тебѣ ли съ рыломъ
Суконнымъ да въ гостинный рядъ.

Лучшіе наши писатели очень хорошо чувствуютъ, что рыло у насъ дѣйствительно суконное и что въ гостинный рядъ намъ покуда ходить не зачѣмъ. Они понимаютъ, что имъ самимъ слѣдуетъ учиться и развиваться и что вмѣстѣ съ ними должно учиться то русское общество, которое для красоты слога называетъ себя образованнымъ. Они видятъ очень ясно двѣ вещи: первое — то, что наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно безсильно и слѣдовательно неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія ни въ дурную, ни въ хорошую сторону, а второе — то, что еслибы даже, по какому-нибудь необъяснимому стеченію случайностей, теперешнему обществу удалось переработать народъ по своему образу и подобию, то это было-бы для народа истиннымъ несчастіемъ.

Чувствуя, понимая и видя все это, лучшіе наши писатели, люди, дѣйствительно мыслящіе, обращаются до сихъ поръ исключительно къ обществу, а книжки для народа пишутся тѣми литературными промышленниками, которые въ другое время стали-бы издавать сонники и новыя собранія пѣсенъ московскихъ цыганъ. Даже такое чистое и святое дѣло, какъ воскресныя школы, оказывается еще сомнительнымъ. Тургеневъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ, что мужикъ говорилъ съ Базаровымъ, какъ съ несмыслящимъ ребенкомъ, и смотрѣлъ на него, какъ на шута гороховаго. Пока на сто квадратныхъ миль будетъ приходится по одному Базарову, да и то врядъ ли, до тѣхъ поръ всѣ, и сермяжники, и

дженгельмэны, будутъ считать Базаровыхъ вздорными мальчишками и смѣшными чудаками. Пока одинъ Базаровъ окруженъ тысячами людей, неспособныхъ его понимать, до тѣхъ поръ Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ и рѣзать лягушекъ, и печатать книги и статьи съ анатомическими рисунками. Микроскопъ и лягушка — вещи невинныя и занимательныя, а молодежь — народъ любопытный; ужь если Павелъ Петровичъ Кирсановъ не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть на инфузорію, глотавшую зеленую пылинку, то молодежь и подавно не утерпитъ, и не только взглянетъ, а постарается завести себѣ свой микроскопъ и незамѣтно для самой себя проникнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ. А только это и нужно. Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ-то, и заключаются спасеніе и обновленіе русскаго народа. Ей-Богу, читатель, я не шучу и не потѣшаю васъ парадоксами. Я выражаю только безъ торжественности такую истину, въ которой я глубоко убѣжденъ и въ которой гораздо раньше меня убѣдились самыя свѣтлыя головы въ Европѣ и слѣдовательно во всемъ подлунномъ мірѣ. Вся сила здѣсь въ томъ, что по поводу разрѣзанной лягушки чрезвычайно мудро приходитъ въ восторгъ и говоритъ такія фразы, въ которыхъ понимаешь одну десятую часть, а иногда и еще того меньше. Пока мы, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, спали невиннымъ сномъ грудного ребенка, до тѣхъ поръ фразерство не было для насъ опасно; теперь, когда наша слабая мысль начинаетъ понемногу шевелиться, фразы могутъ на долго задержать и изуродовать наше развитіе. Стало быть, если наша молодежь съумѣетъ вооружиться непримиримой ненавистью противъ всякой фразы, кѣмъ-бы она ни была произнесена, Шатобрианомъ или Прудономъ, если она выучится отыскивать вездѣ живое явленіе, а не ложное отраженіе этого явленія въ чужомъ сознаниі, то мы будемъ имѣть полное основаніе рассчитывать на довольно нормальное и быстрое улучшеніе нашихъ мозговъ. Конечно эти расчеты могутъ быть совершенно перепутаны историческими обстоятельствами, но объ этомъ я не говорю, потому что тутъ голосъ критики совершенно безсиленъ. Но придетъ время, — и оно уже вовсе недалеко, — когда вся умная часть молодежи, безъ различія сословія и состоянія, будетъ жить полной умственной жизнью и смотрѣть на вещи разсудительно и серьезно. Тогда молодой землевладелецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ; и этого довольно; хорошая ферма и хорошая фабрика, при рациональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственную возможную школу для

народа, во-первыхъ потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а во-вторыхъ потому, что она сообщаетъ знаніе не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣйствительности. Книга придетъ въ свое время, устроитъ школы при фабрикахъ и при фермахъ будетъ такъ легко, что это уже сдѣлается само собою.

Вопросъ о народномъ трудѣ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные вопросы и самъ не заключается ни въ одномъ изъ нихъ; поэтому надо постоянно имѣть въ виду именно этотъ вопросъ и не развлекаться тѣми второстепенными подробностями, которыя всѣ будутъ устроены, какъ только подвинется впередъ главное дѣло. Не даромъ Вѣра Павловна заводитъ мастерскую, а не школу, и не даромъ тотъ романъ, въ которомъ описывается это событіе, носить заглавіе: «Что дѣлать?» Тутъ дѣйствительно дается нашимъ прогрессистамъ самая вѣрная и вполнѣ осуществимая программа дѣятельности. Много-ли, мало-ли времени придется намъ идти къ нашей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы обогатить и просвѣтить нашъ народъ, — объ этомъ бесполезно спрашивать. Это — вѣрная дорога, и другой вѣрной дороги нѣтъ. Русская жизнь, въ самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія; въ ней лежатъ только сырые матеріалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны вліяніемъ общечеловѣческихъ идей; русскій человѣкъ принадлежитъ къ высшей, кавказской расѣ; стало-быть, всѣ миллионы русскихъ дѣтей, неискалѣченныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Разуздѣтся, такой колоссальный умственный переворотъ требуетъ времени. Онъ начался въ кругу самыхъ дѣльных студентовъ и самыхъ просвѣщенныхъ журналистовъ. Сначала были свѣтлыя личности, стоявшія совершенно одиноко; было время, когда Бѣлинскій воплощалъ въ себѣ всю сумму свѣтоносныхъ идей, находившихся въ нашемъ отечествѣ; теперь, испытавши по дорогѣ много видоизмѣненій, одинокая личность русскаго прогрессиста разрослась въ цѣлый тишь, который нашелъ уже себѣ свое выраженіе въ литературѣ и который называется или Базаровымъ, или Лопуховымъ. Дальѣйшее развитіе умственнаго переворота должно идти такъ-же, какъ шло его начало; оно можетъ идти скорѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ, но оно должно идти все одной и той-же дорогой.

XI.

Не ждите и не требуйте отъ меня, читатель, чтобы я теперь сталъ продолжать начатый анализъ характера Катерины. Я такъ откровенно и такъ подробно высказалъ вамъ свое мнѣніе о

цѣломъ порядкѣ явленій «темнаго царства» или, говоря проще, семейнаго курятника,—что мнѣ теперь осталось-бы только прикладывать общія мысли къ отдѣльнымъ лицамъ и положеніямъ; мнѣ пришлось-бы повторять то, что я уже высказалъ, а это была-бы работа очень не головоломная, и вслѣдствіе этого очень скучная и совершенно бесполезная. Если читатель находитъ идеи этой статьи справедливыми, то онъ вѣроятно согласится съ тѣмъ, что всѣ новые характеры, выводимые въ нашихъ романахъ и драмахъ, могутъ относиться или къ базаровскому типу, или къ разряду карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Отъ карликовъ и отъ вѣчныхъ дѣтей ждать нечего; новаго они ничего не произведутъ; если вамъ покажется, что въ ихъ мірѣ появился новый характеръ, то вы смѣло можете утверждать, что это—оптический обманъ. То, что вы въ первую минуту примите за новое, скоро окажется очень старымъ; это просто—новая помѣсь карлика съ вѣчнымъ ребенкомъ, а какъ ни смѣшивайте эти два элемента, какъ ни разбавляйте одинъ видъ тупоумія другимъ видомъ тупоумія, въ результатѣ все-таки получите новый видъ стараго тупоумія.

Эта мысль совершенно подтверждается двумя послѣдними драмами Островскаго: «Гроза» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Въ первой—русская Офелія, Катерина, совершивъ множество глупостей, бросается въ воду и дѣлаетъ такимъ образомъ послѣднюю и величайшую нелѣпность. Во второй—русскій Отелло, Красновъ, во все время драмы ведетъ себя довольно сносно, а потомъ сдуру зарѣзываетъ свою жену, очень ничтожную бабенку, на которую и сердиться не стоило. Можетъ-быть русская Офелія ничѣмъ не хуже настоящей и можетъ-быть Красновъ ни въ чемъ не уступить венеціанскому мавру, но это ничего не доказываетъ: глупости могли такъ-же удобно совершаться въ Даніи и въ Италіи, какъ и въ Россіи; а что въ средніе вѣка онѣ совершались гораздо чаще и были гораздо крупнѣе, чѣмъ въ наше время, это уже не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средневѣковымъ людямъ, и даже Шекспиру, было еще извинительно принимать большія человѣческія глупости за великія явленія природы, а намъ, людямъ XIX столѣтія, пора же называть вещи ихъ настоящими именами.

Есть правда и у насъ средневѣковые люди, которые увидятъ въ подобномъ требованіи оскорбленіе искусства и человѣческой природы, но вѣдь на всѣ вкусы мудрено угодить; такъ пускай ужъ эти люди гнѣваются на меня, если это необходимо для ихъ здоровья.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о двухъ другихъ произведеніяхъ Островскаго, о драматической хроникѣ «Козьма Мининъ» и о сценѣхъ «Тяжелые дни». По правдѣ сказать, я хорошенько не вижу, чѣмъ «Козьма Мининъ» отличается отъ драмы Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». И Кукольникъ, и Островскій рисуютъ историческія событія такъ, какъ наши доморожденные живописцы и граверы рисуютъ доблестныхъ генераловъ; на первомъ планѣ огромный генералъ сидитъ на лошади и машетъ какимъ-нибудь дрекольемъ; потомъ—клубы пыли или дыма—что именно не разберешь; потомъ—за клубами крошечные солдатики, поставленные на картину только для того, чтобы показать наглядно, какъ великъ полковой командиръ и какъ малы въ сравненіи съ нимъ нижніе чины. Такъ, у Островскаго на первомъ планѣ—колоссальный Мининъ, за нимъ—его страданія на яву и видѣнія во снѣ, а совсѣмъ назади два-три карапузика изображаютъ русскій народъ, спасающій отечество. По настоящему слѣдовало-бы всю картину перевернуть, потому что въ нашей исторіи Мининъ, а во французской—Иоанна д'Аркъ понятны только какъ продукты сильнѣйшаго народнаго воодушевленія. Но наши художники разсуждаютъ по своему, и урезонить ихъ мудрено. Что касается до «Тяжелыхъ дней», то это ужъ и Богъ знаетъ что за произведеніе. Остается пожалѣть, что Островскій не украсилъ его куплетами и переодѣваніями, вышелъ-бы премиленкій водевилъ, который съ большимъ успѣхомъ можно было-бы давать на сценѣ для съѣзда и для разъѣзда театральной публики. Сюжетъ заключается въ томъ, что добродѣтельный и остроумный чиновникъ съ безкорыстіемъ, достойнымъ самаго идеальнаго становаго, устраняетъ счастье купеческаго сына Андрея Брускова и купеческой дочери Александры Кругловой. Дѣйствующія лица пьютъ шампанское, занавѣсъ опускается, и статья моя оканчивается.

Прогрессъ въ міръ животныхъ и растений.

I.

Введение.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ естественными науками, не можетъ даже приблизительно представить себѣ, до какой степени разнообразны произведенія природы. Натуралисты до сихъ поръ не могутъ справиться съ этимъ разнообразіемъ и до сихъ поръ постоянно строятъ различныя классификаціи, которыя постоянно приходится передѣлывать то въ самомъ основаніи, то въ многочисленныхъ подробностяхъ.

Во-первыхъ, всю природу нашей планеты дѣлятъ на три царства: минеральное, растительное и животное; но съ одной стороны, Жоффруа-Сентъ-Илеръ и Катрфажъ желаютъ, чтобы для человѣка было отведено четвертое царство, а съ другой стороны, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что между растениями и животными нельзя провести рѣзкую границу, потому что между ними существуетъ множество переходныхъ формъ. Разногласіе начинается такимъ образомъ съ перваго шага; затѣмъ царства раздѣляются на отдѣлы; царство животныхъ, которое я постоянно буду имѣть въ виду въ этомъ очеркѣ, раздѣляется на два *отдѣла*—позвоночныя и безпозвоночныя. Къ первому принадлежатъ четыре класса: млекопитающія, птицы, земноводныя и рыбы; ко второму—четырнадцать различныхъ классовъ, изъ которыхъ я назову здѣсь насѣкомыхъ, моллюсковъ, полиповъ и микроскопическихъ инфузорій. Потомъ классы распадаются на *порядки*, порядки—на *группы*, группы—на *семейства*, семейства—на *роды*, роды—на *виды*, и наконецъ въ каждомъ видѣ различается по нѣскольку породъ, расъ или разновидностей. Вотъ тутъ-то въ самомъ концѣ классификаціи натуралисты-систематики испытываютъ постоянныя огорченія. Возьмемъ, на примѣръ, барана. Принадлежитъ онъ, по учебнику Григорьева, къ царству животныхъ, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитаю-

щихъ, къ порядку двукопытныхъ, къ семейству полорогихъ, къ роду—*ovis*, видъ—*ovis agies*.

Пока идетъ дѣло о высшихъ инстанціяхъ, отъ царства до порядка и даже до семейства, до тѣхъ поръ все обстоитъ благополучно; что баранъ—животное, что у него есть позвоночный хребетъ, что его самка питаетъ дѣтей молокомъ, что у него раздвоенныя копыта и полые рога—все это неопровержимыя истины. Но произносится родовое названіе *ovis* и начинается рядъ недоразумѣній; вы не знаете, на что указываетъ это названіе—на сходство признаковъ или на единство происхожденія. Что за слово *ovis*? Похоже-ли оно на слово *блондинъ* или *брюнетъ*, или, напротивъ того, фамилію *Петровъ* или *Ивановъ*? Вы предлагаете этотъ вопросъ натуралисту, и онъ вамъ отвѣчаетъ, что различные члены одного рода соединены между собою только сходствомъ признаковъ. А члены одного вида? спрашиваете вы дальше. Это другое дѣло, отвѣчаетъ натуралистъ, тѣ связаны между собой единствомъ происхожденія. «Тѣ животныя,—говоритъ вамъ учебникъ,—которыя сходны между собой во всѣхъ своихъ признакахъ (въ строеніи своихъ органовъ, въ наружной формѣ тѣла, въ образѣ жизни и проч.) и которыя *происходятъ отъ совершенно подобнаго себѣ родителей*,—соединяются при описаніяхъ вмѣстѣ въ одинъ *видъ*.»

Чудесно, думаете вы. Вотъ у меня *ovis agies*; стало быть, и сынъ его будетъ *ovis agies*, и внукъ, и правнукъ, и такъ далѣе до свѣтопреставленія. Если-же я обращу взоръ свой въ прошедшее, то увижу за своимъ *ovis agies* необозримо длинный рядъ предковъ, которые всѣ точь-въ-точь похожи другъ на друга и на своего общаго родоначальника, на перваго *ovis agies*, явившагося на свѣтъ безъ отца и безъ матери. Понимаю. Успокоившись такимъ образомъ, вы продолжаете читать исторію о баранѣ, но вдругъ оказывается, что вы совсѣмъ ничего не понимаете. Вамъ объявляютъ, что баранъ «представляетъ множество разновидностей, какъ-то: меринсы изъ Испаніи,

съ тонкой курчавой шерстью; англійская овца, безрогая, съ тонкой шерстью; венгерскій баранъ со спирально закрученными рогами и грубой шерстью; курдючныя и жирнохвостыя овцы, замѣчательныя скопленіемъ жира въ хвостѣ и въ задней части тѣла, съ хвостомъ длиннымъ, толстымъ и съ повислыми ушами». А куда же дѣвался настоящій представитель вида? Гдѣ ващъ неизмѣнный *ovis aries*, на котораго вы надѣялись, какъ на каменную гору, и который долженъ былъ происходить «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей»? Онъ васъ обманулъ, онъ растаялъ у насъ въ рукахъ и превратился во «множество разновидностей», съ которыми вы опять не знаете, чѣмъ дѣлать. Вамъ представляются два возможныя объясненія, и оба они одинаково губительны для вида *ovis aries*. Во-первыхъ, вы можете держаться того принципа, что каждое животное происходитъ «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей». Тогда вы должны будете допустить, что всѣ меринсы происходятъ отъ меринсы, венгерскіе бараны — отъ венгерскаго барана, курдючныя овцы — отъ курдючной овцы, и такъ далѣе. Но вѣдь разновидностей дѣйствительно существуетъ великое множество. Въ одной Англии разводятся столько различныхъ породъ барановъ, что одинъ натуралистъ печатно высказалъ предположеніе, будто эти породы должны происходить отъ одиннадцати сортовъ дикихъ барановъ. Стало быть, вамъ придется вмѣсто одной формы *ovis aries* представить себѣ безчисленное множество самостоятельныхъ формъ, вышедшихъ изъ нѣдръ земли въ полномъ всеоружіи своихъ отгѣнковъ и атрибутовъ, точно такъ, какъ Минерва вышла изъ головы Зевеса. Очевидно, что понятіе *ovis aries* окажется совершенно неуловимымъ миеомъ. Во-вторыхъ, вы можете отбросить въ сторону тотъ принципъ, что дѣти совершенно подобны родителямъ. Тогда вы увидите, что и меринсы, и венгерскіе бараны, и англійскіе, и курдючныя могли произойти отъ одной общей формы, которую пожалуй можно будетъ назвать *ovis aries*. Но если эта общая форма распозлзлась такимъ образомъ въ разныя стороны и испытала на себѣ множество превращеній, то кака-я же она послѣ этого неизмѣнная? А если *ovis aries* измѣнился и вчера, и третьего дня, и въ прошломъ столѣтіи и въ зашрошломъ, то гдѣ же основаніе думать, что онъ когда-нибудь былъ совершенно неизмѣненнымъ? Если меринсы, курдючныя, венгерскіе, англійскіе составляютъ развѣтвленія одной общей формы, то эта общая форма въ свою очередь представляется отросткомъ другой формы, еще болѣе общей напрімѣръ такой, которая въ глубинѣ вѣковъ соединяла въ себѣ всѣхъ теперешнихъ представителей рода *ovis*. Еслибы вмѣсто барана мы взяли какое-нибудь другое животное, то намъ во всякомъ случаѣ представились-бы то-же самое затрудненіе и та-же дилемма; встрѣ-

чаясь съ разновидностями, намъ пришлось-бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной общей формы, способной измѣняться.

Большинство натуралистовъ постоянно уклонялось отъ прямого разрѣшенія этого неизбѣжнаго вопроса. Они отвѣчали такъ, что въ отвѣтъ ихъ всегда заключалось глухое внутреннее противорѣчіе, котораго они сами не хотѣли почувствовать. Они говорили, что земля испытала во время своего существованія нѣсколько такихъ геологическихъ переворотовъ, которые всякій разъ истребляли до-тла всю органическую жизнь. Вся наша планета перепахивалась такимъ образомъ за-ново и послѣ каждого подобнаго паханія засѣвалась совершенно новыми и небывалыми видами растений и животныхъ. Эти новые виды являлись совершенно готовыми и тотчасъ принимались за свойственныя имъ занятія. Дубъ покрывался зелеными листьями и въ надлежащее время ронялъ свои жолуди, которые въ значительномъ количествѣ истребляла дикая свинья; баранъ щипалъ траву и пережевывалъ жвачку; волкъ съѣдалъ барана; щука глотала карасей; кукушка клала свои яйца въ чужія гнѣзда; словомъ, послѣ послѣдняго геологическаго переворота все пошло тотчасъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно идетъ въ настоящее время. Но натуралисты никакъ не рѣшались утверждать, что изъ нѣдръ земли вышли готовыми не виды, а разновидности. Идеальный баранъ могъ выдти готовымъ; на то онъ идеальный, на то онъ представитель неизмѣннаго типа, на то онъ родоначальникъ всей бараньей породы; но крымскій баранъ, рѣшетилловскій, калмыцкій, одиннадцать англійскихъ, меринсы, и такъ далѣе — все это мелкія и частныя явленія, и о нихъ никакъ не могло быть рѣчи послѣ такого великаго событія, какъ геологическій переворотъ. Это — разновидности, представляющія большія или меньшія уклоненія отъ оригинальнаго и неизмѣннаго типа. Это — игра природы, это — случайное явленіе, а типъ все-таки сохраняется, и баранъ все-таки остается бараномъ, и всегда былъ таковымъ, съ той самой минуты, какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ земли. Тутъ натуралисты попадали очевидно въ безвыходное противорѣчіе, и такія слова, какъ игра природы или случайное уклоненіе, разумѣется, ничего не объясняли и даже не представляли рѣшительно никакого ручательства въ пользу неизмѣнности основнаго типа. Поэтому уже въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторые натуралисты стали догадываться, что виды могутъ перерождаться, и что во всей органической природѣ по всей вѣроятности нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, которыми управляется вся матерія.

Однимъ изъ первыхъ выразилъ эту мысль поэтъ Гёте, который, какъ извѣстно, былъ очень

замѣчательнымъ естествоиспытателемъ. Но пока господствовала теорія геологическихъ переворотовъ, до тѣхъ поръ должна была держаться вѣра въ самостоятельное значеніе видовыхъ типовъ. Когда натуралисты думали, что земля нѣсколько разъ заселялась за-ново, тогда трудно было допустить предположеніе, что органическая жизнь всякій разъ начинала свое развитіе съ самыхъ простыхъ формъ и всякій разъ путемъ медленнаго и естественнаго совершенствованія доходила до болѣе сложныхъ явленій. Если стихіи могли производить геологическіе перевороты, подобныя перемѣнамъ декорацій въ волшебномъ балетѣ, то и всѣ остальные процессы природы могли также совершаться необъяснимымъ путемъ мгновенныхъ возникновеній, исчезаній и превращеній. При такомъ взглядѣ на прошедшую жизнь нашей планеты прямыя наблюденія надъ законами природы, какъ они обнаруживаются въ настоящее время, оказывались почти безнолезными для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершались въ далекія геологическія эпохи. Почему вы знаете, какъ дѣйствовали эти законы тогда? — можно было сказать такому наблюдателю. Теперь жизнь природы идетъ такъ, а тогда шла совсѣмъ иначе. Теперь въ природѣ нѣтъ скачковъ, а тогда были. Разсуждая такимъ образомъ, можно было писать великолѣпнѣйшіе геологическіе романы, и прошедшая жизнь нашей планеты долго казалась намъ длиннымъ рядомъ чудесъ и колоссальной борьбой такихъ титаническихъ силъ природы, которыя теперь улеглись и успокоились на время или навсегда. Но понемногу въ нѣкоторыхъ пытливыхъ умахъ стало возникать сомнѣніе: нельзя ли, думали они, объяснить всѣ явленія различныхъ геологическихъ эпохъ постояннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя до сихъ поръ медленно, но безостановочно, каждый день и каждую минуту, измѣняютъ видъ земной поверхности. Оказалось, что можно. Теорія волшебныхъ переворотовъ стала ослабѣвать и клониться къ упадку. Наконецъ знаменитый англійскій геологъ, Чарльзъ Ляйелль, окончательно уложилъ въ могилу эту старую теорію и доказалъ, что законы, управляющіе матеріей теперь, управляли ею, безъ малѣйшаго перерыва, втеченіи тѣхъ длинныхъ періодовъ, которыхъ неизмѣримый рядъ называется прошедшей жизнью нашей планеты. Море медленно разрушаетъ берега свои; рѣка медленно наноситъ иль въ своемъ устьѣ; атмосфера медленно разбѣдаетъ гранитныя вершины горныхъ хребтовъ; остатки мертвыхъ растений и животныхъ медленно разлагаются и еще медленно образуютъ на землѣ новые слои почвы; полипы медленно строятъ коралловые рифы; подземныя вулканическія силы дѣйствуютъ правда мгновенно, но дѣйствіе ихъ всегда частично и никогда не производитъ такого переворота, ко-

торый могъ бы распространиться на всю поверхность нашей планеты. Такимъ образомъ измѣняется видъ земли теперь; такимъ образомъ формируются новыя напластованія и точно такимъ же образомъ совершалось это дѣло тогда, когда на землѣ жили только колоссальныя ящеры, и тогда, когда существовали только низшія формы моллюсковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ расплавленное ядро земли покрылось твердой корой, съ тѣхъ поръ, какъ образовались на нашей планетѣ вода и атмосфера, — словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ существованіе растительныхъ и животныхъ организмовъ, — съ этихъ поръ земля не испытала ни одного такого переворота, который разомъ взбудоражилъ бы всю ея поверхность и слѣдовательно истребилъ бы на ней всѣ проявленія органической жизни. Когда перевороты удалились такимъ образомъ въ область поэтическаго творчества, тогда натуралистамъ представилась необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ громаднѣйшаго вопроса.

Если разные трилабиты, белемниты, ихтиозавры, мастодонты и тому подобныя исчезнувшія животныя не были истреблены мгновенной перемѣной декорацій, то почему же они исчезли? Если хвощи и папоротники каменноугольной эпохи не были выворочены съ корнями дѣйствіемъ разыгравшихся стихій, то почему же они уступили мѣсто другимъ растительнымъ формамъ, которыя потомъ въ свою очередь были вытѣснены новой флорой? Если идеальный баранъ не вышелъ изъ нѣдръ земли послѣ послѣдняго геологическаго переворота, то откуда же взялись крымскіе, венгерскіе, англійскіе и всякіе другіе бараны? Если органическая жизнь не обрывалась на землѣ съ той самой минуты, какъ она возникла, то, стало быть, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ея исторіи существованіе необъяснимыхъ скачковъ; если нѣтъ скачковъ, — стало быть, есть послѣдовательное развитіе; если есть послѣдовательное развитіе, стало быть, есть постоянные законы; а если есть законы, то надобно до нихъ добраться, не удовлетворяя своей любознательности такими удобными выраженіями, какъ игра природы или случайное уклоненіе отъ неизмѣннаго типа. Если природа играетъ сегодня, то она, значитъ, играла и вчера; стало быть, она имѣетъ свойство играть, и натуралистамъ надо изучить это свойство, какъ и всякое другое. Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона и когда мы не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его всегда некстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ.

Ляйелль очистилъ науку отъ геологическихъ чудесъ; другимъ натуралистамъ надо было сдѣ-

дать то-же самое въ отношеніи къ исторіи органической жизни; надо было, чтобы идеальныи баранъ не изображалъ собою Венеру, выходящую изъ морской пѣны въ полномъ сіяніи развити красоты, и надо было, чтобы простые бараны не дѣлались венгерскими или курдючными вслѣдствіе случайной игры природы. Словомъ, надо было понять существующіе законы и такимъ образомъ устранить, по мѣрѣ слабыхъ человѣческихъ силъ, случай. Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живого организма; но процессъ развитія и перерожденія органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе: «On the origin of species» («О происхожденіи видовъ»). Этого гениальныи мыслитель, обладающій колоссальными знаніями, взглянулъ на всю жизнь природы такимъ широкимъ взглядомъ и такъ глубоко вдумался во всѣ ея разрозненныя явленія, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое быть можетъ не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи естественныхъ наукъ. Онъ открываетъ не единичный фактъ, не железку, не жилку, не отправление того или другаго нерва, — онъ открываетъ цѣлый рядъ тѣхъ законовъ, которыми управляется и видоизмѣняется вся органическая жизнь нашей планеты. И рассказываетъ онъ ихъ такъ просто, и доказываетъ такъ неопровержимо, и выходитъ при своихъ разсужденіяхъ изъ такихъ очевидныхъ фактовъ, что вы, простой человѣкъ, профанъ въ естественныхъ наукахъ, удивляетесь постоянно только тому, какъ это во сами давнымъ давно не додумались до тѣхъ же самыхъ выводовъ.

Да, не велика мудрость Америку открыть, однако все-таки, кромѣ Колумба, никто не догадался, какъ это сдѣлать. Великое открытіе и умная загадка всегда просты, когда первое сдѣлано, а вторая разгадана; но чтобы разгадать загадку, надо обладать извѣстной дозой остроумія, а чтобы сдѣлать великое открытіе, надо быть гениальнымъ человѣкомъ. Для насъ, для простыхъ и темныхъ людей, открытія Дарвина драгоценны и важны именно тѣмъ, что они такъ обаятельно просты и понятны; они не только обогащаютъ насъ новымъ знаніемъ, но они освѣщаютъ весь строй нашихъ идей и раздвигаютъ во всѣ стороны нашъ умственный горизонтъ. Благодаря имъ, мы понимаемъ связь такихъ явленій, которыя мы видѣли каждый день, на которыя мы смогрѣли безмысленными глазами и которыя однако такъ легко было понять и объяснить себѣ. Почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія идеи Дарвина производятъ совершенный

переворотъ; ботаника, зоологія, антропология, палеонтологія, сравнительная анатомія и физиологія, и даже опытная психологія получаютъ въ его открытіяхъ ту общую руководящую нить, которая свяжетъ между собою множество сдѣланныхъ наблюденій и направитъ умы изслѣдователей къ новымъ плодотворнымъ открытіямъ.

Значеніе идей Дарвина такъ обширно, что въ настоящее время даже невозможно предусмотрѣть и вычислить тѣ послѣдствія, которыя разовьются изъ нихъ, когда онѣ будутъ приложены къ различнымъ областямъ научнаго изслѣдованія. Лучшіе европейскіе натуралисты давно поняли ихъ важность, и весь ученый міръ раздѣлился на двѣ партіи; съ одной стороны стоятъ глубоко убѣжденные защитники новой теоріи; съ другой стороны — ея противники, научные предразсудки которыхъ ожидаютъ себѣ неизбѣжной гибели.

Старыя методы и старыя классификаціи непременно должны будутъ сойти со сцены, а такъ какъ человѣку больно разставаться съ заблужденіями цѣлой жизни, то, разумѣется, противники Дарвина всѣми силами будутъ защищать свои разбитыя позиціи. Но свѣтлые умы тотчасъ становятся горячими приверженцами истины, въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчьи она ни находилась съ ихъ прежними понятіями. Карлъ Фохтъ въ лекціяхъ своихъ о человѣкѣ^{*}), изданныхъ въ 1863 г., объявляетъ себя послѣдователемъ Дарвина и признается, что онъ въ молодости своей держался теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которой, какъ мы видѣли, была связана теорія неизмѣнныхъ типовъ.

Книга Дарвина переведена уже въ настоящее время на нѣмецкій, французскій и на русскій языки; каждому образованному человѣку необходимо познакомиться съ идеями этого мыслителя, и поэтому я считаю умѣстнымъ и полезнымъ дать нашимъ читателямъ ясное и довольно подробное изложеніе новой теоріи. Въ этой теоріи читатели найдутъ и строгую опредѣленность точной науки, и беспредѣльную ширину философскаго обобщенія, и наконецъ ту высшую и незамѣнимую красоту, которая кладетъ свою печать на всѣ великія проявленія сильной и здоровой человѣческой мысли. Когда читатели познакомятся съ идеями Дарвина, даже по моему слабому и блѣдному очерку, тогда я спрошу у нихъ, хорошо или дурно мы поступали, отрицая метафизику, осмѣивая нашу поэзію и выражая полное презрѣніе къ нашей казенной эстетикѣ. Дарвинъ, Ляйель и подобныи имъ мыслители — вотъ философы, вотъ поэты, вотъ эстетика нашего времени. Когда человѣчскій умъ, въ лицѣ своихъ гениальныхъ представителей, сумѣлъ подняться на такую высоту, съ которой онъ обо-

^{*}) «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ», лекціи К. Фохта (переведены на русскій языкъ).

зрѣваетъ основные законы міровой жизни, тогда мы, обыкновенные люди, неспособные быть творцами въ области мысли, обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ возвыситься по крайней мѣрѣ на столько, чтобы понимать передовыхъ гениевъ, чтобы цѣнить ихъ великіе подвиги, чтобы любить ихъ, какъ украшеніе и гордость нашей породы, чтобы жить нашей мыслью въ той свѣтлой и безграничной области, которую гени открываютъ для каждаго мыслящаго существа. Мы богаты и сильны трудами этихъ великихъ людей, но мы не знаемъ нашего богатства и нашей силы, мы ими не пользуемся, мы не умѣемъ даже пересчитать и измѣрить ихъ, и поэтому, проводя нашу жалкую жизнь въ бѣдности, въ глупости и въ слабости, мы потѣшаемъ свое младенческое невѣдѣніе разными золочеными грошами, вродѣ діалектическихъ мудрствованій, лирическихъ воздыханій и эстетическихъ умиленій. И живутъ люди, и умираютъ люди, и считаютъ себя развитыми и образованными, и толкуютъ о музыкѣ и о поэзій, и ни разу, вѣдь ни одного разу не удается этимъ людямъ даже мелькомъ взглянуть на то, что составляетъ и богатство, и силу, и высшее изящество человѣческой личности. А то и взглянуть, да не поймутъ. Нечего дѣлать, надо объяснять, разбавлять мысль водой, вдаваться въ лирическое восторги, чтобы показать, что вещь дѣйствительно хороша, и что ею въ самомъ дѣлѣ можно и должно любоваться. По настоящему, идеи Дарвина слѣдовало-бы передавать просто, ровно, спокойно, такъ, какъ излагаетъ ихъ самъ Дарвинъ, но для насъ это еще не годится, потому что нашу публику слѣдуетъ заманивать, ее слѣдуетъ покуда подкупать въ пользу дѣльныхъ мыслей разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства. Поэтому, если кому нибудь изъ моихъ читателей не понравится что нибудь въ изложеніи моей статьи, то я умоляю его обратить все его негодованіе исключительно противъ меня, а никакъ не противъ Дарвина. Я именно того и хочу, чтобы моя статья возбудила въ читателѣ любознательность, но не удовлетворила бы ее вполне; пусть онъ увидитъ, какъ уменъ Дарвинъ, пусть почувствуетъ, что я не въ силахъ передать то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе самой книги великаго натуралиста, и пусть вслѣдствіе этого обругаетъ меня и возьмется за сочиненіе самого Дарвина. Цѣль моя будетъ въ такомъ случаѣ вполне достигнута. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личномъ характерѣ Дарвина, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его введенія.

«Я находился, — говоритъ онъ, — въ качествѣ натуралиста на кораблѣ ея британскаго величества — «Бигль», когда меня въ первый разъ сильно поразили нѣкоторые факты въ распредѣленіи органическихъ существъ, населяющихъ южную Америку, и геологическія отношенія, су-

ществующія между прежними и теперешними обитателями этого материка. Эти факты, какъ видно будетъ въ послѣднихъ главахъ этого сочиненія, бросаютъ повидному нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, «эту тайну тайнъ», какъ выражается одинъ изъ величайшихъ нашихъ философовъ (Гумбольдтъ въ «Космосѣ»). Послѣ моего возвращенія, въ 1837 году, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть есть возможность подвинуть впередъ этотъ вопросъ, если собирать и обдумывать всѣ различныя наблюденія, которыя такъ или иначе могутъ содѣйствовать разрѣшенію задачи. Только послѣ пятилѣтняго труда я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя наведенія и составилъ краткія замѣтки. Не раньше какъ въ 1844 году я набросалъ тѣ заключенія, которыя казались мнѣ наиболѣе правдоподобными. Съ этого времени до нынѣшняго дня (т. е. до конца 1859 года) я постоянно занимался тѣмъ же самымъ предметомъ. Мнѣ извинять эти личныя подробности, въ которыя я пускаюсь только для того, чтобы доказать, что у меня не было излишней поспѣшности въ разрѣшеніи вопросовъ. Моя работа уже далеко подвинулась впередъ; однако мнѣ понадобится еще года два или три для ея окончанія, а такъ какъ здоровье мое вовсе не отличается крѣпостью, то я и поторопился выпустить въ свѣтъ это извлеченіе. Меня преимущественно побудило поступить такимъ образомъ то обстоятельство, что мистеръ Уэллсъ, изучающій въ настоящее время природу Малайскаго архипелага, почти совершенно сошелся со мною въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи видовъ. Въ 1858 году онъ прислалъ мнѣ мемуаръ по этому предмету, съ просьбой сообщить его сэру Чарльзу Ляйеллю, который послалъ его Линнеевскому обществу (Linnean Society). Онъ напечатанъ въ третьемъ томѣ журнала этого общества. Сэръ Чарльзъ Ляйелль и докторъ Гукеръ, знавшіе мою работу, сдѣлали мнѣ честь подумать, что было бы хорошо издать въ одно время съ превосходнымъ мемуаромъ мистера Уэллеса нѣкоторые отрывки изъ моихъ рукописей. Это извлеченіе, которое я издаю теперь, необходимо оказывается неполнымъ. Я принужденъ излагать въ немъ мои идеи, не подкрѣпляя ихъ обильнымъ запасомъ фактовъ или цитатами писателей, и я поставленъ въ необходимость разсчитывать на то довѣріе, которое читателямъ угодно будетъ питать къ вѣрности моихъ сужденій».

Приведенное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и характерныхъ подробностей. Во-первыхъ, мы видимъ, что Дарвинъ посвятилъ всю свою жизнь разрѣшенію того вопроса, который заинтересовалъ его во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ «Бигль»; онъ работаетъ надъ этимъ вопросомъ болѣе 25 лѣтъ (съ 1837 по 1864) и все еще не считаетъ свой трудъ оконченнымъ; когда гениальный умъ со-

единяется съ такимъ упорствомъ въ преслѣдованіи цѣли и съ такой требовательностью и строгостью въ отношеніи къ собственному труду, тогда дѣйствительно человѣкъ совершаетъ чудеса въ области мысли и тогда онъ смѣло можетъ приниматься за разрѣшеніе такой задачи, которая до него считалась «тайною тайнъ». Во-вторыхъ, Дарвинъ называетъ свою теперешнюю книгу извлеченіемъ и очень скромно и добродушно извиняется передъ читателемъ, говоря, что онъ принужденъ былъ поторопиться, и что извлеченіе конечно вышло очень не полное, потому что настоящая книга, капитальная часть труда, еще впереди. До такой изумительной и совершенно безыскусственной скромности могутъ возвышаться только очень замѣчательные люди; поторопился — а работалъ двадцать два года (до 1859 года); извлеченіе — а въ немъ больше пятисотъ страницъ; не полное — а весь ученый міръ приходитъ отъ него въ волненіе; извиняется передъ читателями — а самъ производитъ небывалый переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Это было бы просто смѣшно, это было бы даже неприлично со стороны Дарвина, еслибы въ этой скромности можно было предположить хоть малѣйшую тѣнь искусственности. Но такъ какъ вся книга Дарвина носитъ на себѣ печать глубочайшей искренности и добросовѣстности, и такъ какъ отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, то эта скромность, которая при другихъ условіяхъ могла бы сдѣлаться смѣшной, въ настоящемъ случаѣ остается цѣликомъ въ предѣлахъ великаго. Въ-третьихъ, любопытно замѣтить, какъ равнодушно Дарвинъ относится къ своему собственному здоровью; ему остается до окончанія громаднаго труда всего два, три года, но онъ предвидитъ тотъ шансъ, что ему можетъ-быть и не удастся дожить до этого времени; и возможность близкой смерти вовсе не смущаетъ его, а только побуждаетъ его выпустить въ свѣтъ извлеченіе, въ которомъ заключались бы добытые имъ результаты. Это спокойствіе, это умѣнье умирать безъ жалобы и безъ боязни, это высшее проявленіе человѣческаго героизма совершенно понятны со стороны тѣхъ людей, которые умѣли наполнить свою жизнь разумнымъ наслажденіемъ, то-есть умѣли полюбить полезную дѣятельность больше собственного существованія. Дарвинъ такъ слился съ своей двадцатипятилѣтней работой, онъ такъ постоянно жилъ высшими интересами всего человѣчества, что ему некогда и незачѣмъ думать и горевать объ упадкѣ собственныхъ силъ. Лишь бы работу кончить, лишь бы отдать людямъ съ рукъ на руки добытыя сокровища, а тамъ и умереть не бѣда. Кто не понимаетъ такого обожанія идеи и такой любви къ людямъ, тотъ говорить, что личности, подобныя Дарвину, совершаютъ подвиги самоотверженія, а кто понимаетъ, тотъ скажетъ, что это — исполнѣ практическіе

люди и что они превосходно умѣютъ наслаждаться жизнью. Ихъ расчетъ оказывается вѣрнымъ во всякомъ случаѣ и во всякую данную минуту; какъ ни прожить жизнь, а умирать все равно надо; ну, стало-быть, всего лучше жить такъ, чтобы въ минуту смерти не было больно и совѣстно оглянуться назадъ; приятно подумать передъ смертью, что жизнь прожита не даромъ и что она цѣликомъ положена въ тотъ капиталъ, съ котораго человѣчество будетъ постоянно брать проценты; а если приятно, то и слѣдуетъ жить въ томъ мірѣ мысли и труда, въ которомъ распоряжаются Дарвинъ, Ляйелль, Фохтъ, Бокль и другіе люди такого же разбора. Наконецъ, въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на тѣ честныя, дружескія отношенія, которыя существуютъ между лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Ляйелль и Гукеръ постоянно слѣдятъ за процессомъ работы Дарвина; Дарвинъ совѣтуется съ ними, и они ему помогаютъ; Гукеръ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ постоянно сообщаетъ ему то новыя факты, то свои критическія замѣчанія. Уэллессъ, близко подошедшій къ самымъ выводамъ Дарвина, съ полнымъ довѣріемъ присылаетъ послѣднему свой мемуаръ, а Дарвинъ съ своей стороны отзывается объ этомъ мемуарѣ съ полнымъ уваженіемъ. Видно, однимъ словомъ, что всѣ эти люди работаютъ объ успѣхѣ общаго дѣла, а совсѣмъ не о томъ, чтобы высунуть впередъ собственную личность и подставить ногу опасному сопернику. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, ихъ общее дѣло идетъ хорошо, а во-вторыхъ, каждому изъ нихъ достается на долю столько ученой знаменитости, сколько они не могли бы приобрести, еслибы работали въ разсыпную, завистливо скрывая другъ отъ друга добываемые факты и не обмѣниваясь между собою мыслями и замѣчаніями.

Широкое умственное развитіе этихъ превосходныхъ людей дѣлаетъ ихъ особенно способными къ свободной ассоціаціи, а ассоціація съ своей стороны придаетъ имъ новыя силы и еще болѣе расширяетъ горизонтъ ихъ мысли. До сихъ поръ добровольная и совершенно естественная ассоціація нашла себѣ приложеніе только во высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Тамъ нѣтъ истребительной войны между конкурентами; тамъ всѣ честные люди идутъ къ одной цѣли и дружелюбно онираются другъ на друга; зато мы и видимъ, что высшія сферы научной дѣятельности до сихъ поръ представляютъ единственное мѣсто, въ которомъ человѣкъ можетъ развернуть, сохранить и облагородить всѣ свои истинно-человѣческія качества и способности; зато мы видимъ также, что наука, въ настоящемъ значеніи этого слова, развивается съ вѣроятной быстротой и оставляетъ далеко позади себя всѣ остальные отрасли человѣческой дѣятельности. Но если люди, развернушіе, сохранившіе и облагородившіе свои человѣческія

способности, оказываются особенно расположенными къ коллективному труду, если у нихъ образуется ассоціація совершенно естественно, помню всякихъ предвзятыхъ теорій, то, мнѣ кажется, не трудно понять, что добровольная ассоціація и развитіе индивидуальности не только не представляютъ собою двухъ непримиримыхъ крайностей, а, напротивъ того, совершенно необходимы другъ для друга и не могутъ существовать безъ взаимной поддержки. А теперь пора кончить это длинное введеніе и отъ личности мыслителя перейти къ его теоріи.

II.

Домашнія животныя.

Многія растенія, размножающіяся быстро и успѣшно въ естественномъ состояніи, перестаютъ приносить сѣмена, какъ только начинаютъ испытывать на себѣ заботливыя попеченія человѣка; они повидимому благоденствуютъ, покрываются свѣжими листьями и цвѣтами, но ихъ цвѣточная пыль совершенно теряетъ свою оплодотворяющую силу; многія животныя также не могутъ размножаться подъ властью человѣка; они иногда совокупаются, но не производятъ дѣтей; такъ напримѣръ, хищныя птицы, находясь въ неволѣ, кладутъ иногда яйца; но изъ этихъ яицъ почти никогда не выводятся птицы. Тѣ животныя и растенія, которыя съ незапамятныхъ временъ подчинились нашему господству, представляютъ также замѣчательную особенность въ своемъ размноженіи: дѣти ручныхъ животныхъ больше отличаются отъ своихъ родителей и больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ дѣти дикихъ животныхъ; то-же самое можно сказать и о растеніяхъ; поэтому напримѣръ пшеница до сихъ поръ производитъ еще новыя разновидности; поэтому георгины, тюльпаны, гвоздики до сихъ поръ даютъ садовникамъ небывалыя формы, разрисованныя самыми блестящими красками; поэтому также лошади, бараны, быки, свиньи постоянно совершенствуются и крупнѣютъ или мельчаютъ и портятся, то-есть вообще обнаруживаютъ способность и стремленіе измѣняться, и дѣйствительно измѣняются въ ту или въ другую сторону, смотря по тому, умѣетъ или не умѣетъ человѣкъ пользоваться этой измѣнчивостью сообразно съ своими выгодами. Бесплодіе однихъ растеній и животныхъ и измѣнчивость другихъ органическихъ существъ выходитъ изъ одного общаго источника. Когда растеніе или животное попадаетъ въ руки человѣка, и когда человѣкъ, сознательно или невольно, измѣняетъ въ большей или въ меньшей степени тѣ условія, при которыхъ это растеніе или животное существовало на свободѣ, — тогда эта перемѣна въ образѣ жизни производитъ особенно сильное

вліяніе на всю систему половыхъ отправленій. Если вліяніе это очень сильно, то половая система совершенно отказывается дѣйствовать, и животныя даже не совокупаются; если оно менѣе сильно — совокупаются, но не рожаютъ дѣтей; еще менѣе сильно — рожаютъ уродовъ; еще менѣе сильно — рожаютъ здоровыхъ дѣтей, но такихъ, у которыхъ индивидуальныя отклоненія отъ фигуры родителей оказываются болѣе значительными, чѣмъ это могло бы произойти въ дикомъ состояніи. Такимъ образомъ дѣти выходятъ не совсѣмъ похожими на своихъ родителей; внуки также получаютъ свои личныя особенности; правнуки также, и такъ далѣе; измѣнчивость и индивидуальное разнообразіе становятся прочными свойствами цѣлой породы, и это случилось именно съ большей частью нашихъ домашнихъ животныхъ. Корова не такъ похожа на свою родную сестру и жеребецъ не такъ похожъ на своего папеньку, какъ напримѣръ медвѣдь — на посторонняго медвѣдя или заяцъ — на совершенно неродственного зайца. Существованіе этихъ индивидуальныхъ особенностей никакъ не можетъ быть приписано прямому дѣйствию образа жизни; дѣвѣ коровы, принадлежащія одному хозяину, съ самаго своего рожденія живутъ на одномъ скотномъ дворѣ, пасутся на одномъ лугу, получаютъ одинаковое количество сѣна, муки, соли и всякаго другого снадобья; напротивъ того, два медвѣдя, не принадлежащіе никому, живутъ въ двухъ различныхъ берлогахъ, ѣдятъ, что Богъ пошлетъ, иногда голодаютъ, иногда шируютъ, но дѣлаютъ и то, и другое не вмѣстѣ, а порознь, въ различное время, съ различнымъ успѣхомъ, такъ что тутъ очевидно представляется гораздо болѣе разнообразія, чѣмъ въ жизни коровъ или лошадей. Ясно, стало-бытъ, что индивидуальныя особенности послѣднихъ могутъ быть объяснены только тѣми измѣненіями, которыя испытала въ глубинѣ вѣковъ половая система домашнихъ животныхъ; эти измѣненія съ тѣхъ поръ уже постоянно переходятъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому и такимъ образомъ постоянно даютъ каждому зародышу возможность довольно замѣтно отклоняться въ своемъ развитіи отъ фигуры родителей. Но если каждая корова или лошадь получаетъ свою индивидуальную физиономію, то изъ этого никакъ не должно заключать, что она не наслѣдуетъ отъ своихъ родителей многихъ важнѣйшихъ особенностей ихъ организаціи. Въ человѣческомъ семействѣ сынъ обыкновенно бываетъ похожъ и на отца, и на мать, и въ то-же время у него есть свои личныя свойства какъ въ чертахъ лица, такъ и въ складѣ тѣла, такъ и въ устройствѣ темперамента, ума и характера. Совершенно подобныя явленія мы замѣчаемъ и въ домашнихъ животныхъ. Поэтому, если образъ жизни подѣйствовалъ въ томъ или въ другомъ направленіи на здоровье или на тѣлосложеніе

животнаго, то произведенная такимъ образомъ перемѣна передается обыкновенно дѣтямъ и становится болѣе или менѣе прочнымъ свойствомъ породы. Напримѣръ, если свѣсить скелетъ дикой утки и скелетъ домашней утки и если потомъ сравнить въ обоихъ случаяхъ вѣсъ костей крыла и вѣсъ костей ноги съ вѣсомъ цѣлага скелета, то окажется, что у домашней утки кости крыла сравнительно легче, а кости ноги сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у дикой. Происхожденіе домашней утки отъ дикой не подлежитъ сомнѣнію; слѣдовательно, измѣненіе въ вѣсѣ и величинѣ костей объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что домашняя утка постоянно ходитъ и почти совсемъ не летаетъ. Нога укрѣпляется, а крыло слабѣетъ; эта особенность, сначала незамѣтная, передается отъ матери къ дѣтямъ, и у дѣтей становится сильнѣе, потому что продолжается дѣйствіе тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя дѣйствовали на мать; у внуковъ еще сильнѣе, и такъ далѣе; наконецъ, передаваясь изъ поколѣній въ поколѣнія и постоянно усиливаясь, эта перемѣна организаціи доходитъ до такихъ значительныхъ размѣровъ, что выражается уже не въ однихъ мускулахъ крыла и ноги, а даже въ соответствующихъ частяхъ самаго скелета. Такимъ образомъ превращеніе дикой утки въ домашнюю оказывается конченнымъ, и приобретенныя особенности дѣлаются прочнымъ и наследственнымъ достояніемъ новой породы. Огромное вымя дойныхъ коровъ образовалось также вслѣдствіе особенныхъ условий жизни и также передается по наследству. Многія домашнія животныя отличаются отъ своихъ дикихъ сродниковъ висячими ушами, и это обстоятельство, по мнѣнію дѣльныхъ наблюдателей, объясняется тѣмъ, что домашнее животное рѣже дикаго чувствуетъ себя въ опасности и слѣдовательно рѣже навостряетъ уши, такъ что мускулы уха, оставаясь въ бездѣйствіи, слабѣютъ и ухо отвисаетъ.

Но тѣ законы, по которымъ развивается живой организмъ, отличаются такой сложностью, что они до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Къ области этихъ неизслѣдованныхъ законовъ относится то обстоятельство, что если въ организмѣ проявляется какая-нибудь особенность, то она обыкновенно не ограничивается одной частью организма, а производитъ перемѣны въ нѣсколькихъ органахъ, и притомъ часто въ такихъ, которые *повидимому* не имѣютъ между собой тѣсной анатомической связи. Такъ напримѣръ, у голубей величина клюва находится въ прямомъ соответствіи съ величиной ногъ. Чѣмъ меньше клювъ, тѣмъ меньше нога. Голубоглазья кошки обыкновенно бываютъ глухи. Лысыя собаки отличаются неполнымъ развитіемъ зубовъ. Бѣлые бараны и бѣлыя свиньи страдаютъ отъ нѣкоторыхъ растений, которыя не приносятъ никакого вреда баранамъ и свиньямъ другого цвѣта. Въ Флоридѣ растетъ въ большомъ

изобиліи растеніе *laehnanthes*; черныя свиньи ѣдятъ его совершенно безнаказанно; но какъ только поѣсть его свинья другого цвѣта, такъ у нея краснѣютъ кости и отваливаются копыта. Тамашніе сельскіе хозяева знаютъ очень хорошо это обстоятельство и потому держатъ у себя только черныхъ свиней, а остальныхъ постоянно убиваютъ, чтобы онѣ не пропадали даромъ. Эти изумительныя соотношенія между развитіемъ отдѣльныхъ частей организма до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, и причины ихъ остаются совершенно неизвѣстными, но необходимо имѣть постоянно въ виду эти соотношенія, когда дѣло идетъ о различныхъ перерожденіяхъ органическихъ формъ. Если у дѣлой породы животныхъ измѣняется такой органъ, на который внѣшнія условія жизни не имѣютъ непосредственнаго вліянія, то такое измѣненіе можетъ быть объяснено соотношеніемъ развитія. Условія жизни измѣнили, положимъ, клювъ голубя, а измѣненіе этого органа уже потянуло за собой перемѣну въ формѣ и въ величинѣ ногъ, на которыя жизнь не оказывала прямого дѣйствія.

Изъ всего, что было говорено съ самаго начала этой главы, мы можемъ вывести то заключеніе, что наши домашнія животныя и растенія измѣняютъ свою организацію подъ вліяніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ; между этими причинами особенно замѣчательны слѣдующія: во-первыхъ, то измѣненіе въ половой системѣ, которое усиливаетъ индивидуальное разнообразіе дѣтей; во-вторыхъ, прямое вліяніе условій жизни на различныя органы животныхъ и растеній; въ-третьихъ, соотношеніе развитія, то-есть то свойство живого организма, вслѣдствіе котораго измѣненіе, происшедшее въ одномъ органѣ, ведетъ за собою, при развитіи зародыша, измѣненіе въ другихъ частяхъ тѣла. Наконецъ, въ-четвертыхъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что особенности родителей передаются дѣтямъ и что вслѣдствіе этого закона наследственности разныя, едва замѣтныя уклоненія отъ прежнихъ свойствъ породы могутъ упрочиваться и усиливаться въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. Безъ этого закона наследственности происхожденіе новыхъ разновидностей и породъ было бы совершенно невозможно, потому что индивидуальныя особенности, приобретенныя и благопріобрѣтенныя, погибали бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ субъектомъ, у котораго онѣ проявились.

Дѣйствіемъ этихъ четырехъ главныхъ причинъ объясняются въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія животныхъ и растеній, поавшихъ въ руки человека. Какъ ни разнообразны различія породы лошадей, куръ, утокъ или кроликовъ, но есть основаніе думать, что все это разнообразіе выработалось уже подъ вліяніемъ человека, и что всѣ наши лошади произошли отъ одной дикой породы, всѣ наши куры, утки и кролики—также.

Чтобы доказать возможность такихъ обширныхъ развѣтвленій, Дарвинъ беретъ отдѣльный примѣръ; онъ изучаетъ всѣ различныя породы голубей и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ эти породы произошли отъ дикаго голубя (*Columba livia*) и переродились въ разныя стороны уже подъ руками человѣка.

III.

О голубяхъ.

«Чтобы разрѣшить какой-нибудь вопросъ по естественной исторіи, — говоритъ Дарвинъ, — лучше всего изучить какую-нибудь отдѣльную группу. Обдумавъ основательно это дѣло, я выбралъ группу голубей и сдѣлалъ ее специальнымъ предметомъ моихъ наблюдений. Я собралъ всѣ породы, какія только могъ достать. Кромѣ того мнѣ помогали самымъ любезнымъ образомъ господа Эллиотъ и Мёррей (Murray), приславшіе мнѣ чучела изъ разныхъ странъ земного шара, а преимущественно изъ Персіи и изъ Индіи. Сверхъ того я досталъ себѣ большое число сочиненій, написанныхъ о голубяхъ на разныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ большое значеніе по своей древности. Наконецъ я вступилъ въ сношеніе со многими знаменитыми любителями голубей и присоединился къ двумъ голубинымъ клубамъ (*pigeons-clubs*) въ Лондонѣ.

Что вы скажете о такомъ изслѣдователѣ, мой читатель? Кажется, онъ шутить не любитъ, когда принимается за какое-нибудь изученіе; придется потратить на голубей пять лѣтъ жизни — онъ такъ и сдѣлаетъ; понадобится десять — онъ и десять положить; а вѣдь не только голуби, но даже и всѣ домашнія животныя составляютъ только крошечный уголокъ того громаднаго міра явленій, который охваченъ и въ значительной степени разъясненъ свѣтлыми идеями Дарвина. Но сила этого гениальнаго человѣка заключается именно въ томъ, что, обобщая явленія, онъ не теряетъ въ отвлеченностяхъ, не впадаетъ въ диллетантизмъ, а постоянно упирается ногой въ твердую почву собственныхъ наблюдений и такою изслѣдованію, которое своей основательностью и усидчивостію привело бы въ трепетъ любого изъ нашихъ буквоѣдовъ. Широкихъ-то теоретиковъ много найдется, но зато теоріи ихъ подбиты вѣтромъ и лопаются, какъ мыльные пузыри. А кто такимъ образомъ изучаетъ голубей, тотъ ужъ ни одного слова не говоритъ на вѣтеръ.

Разнообразіе голубиныхъ породъ оказалось изумительнымъ. Не говоря уже о томъ, что этихъ породъ чрезвычайно много, мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ отличаются другъ отъ друга необыкновенно рѣзкими и очень своеобразными признаками и особенностями. Напримѣръ у *англійскаго гонца* (*english carrier, Colum-*

ba tabellaria) длинный клювъ съ широкими ноздрями, у *курносаго турмана* клювъ такой, какъ у воробья, у *римскаго голубя*, при значительной величинѣ всего тѣла, клювъ толстый и ноги большія, а у *варварійскаго голубя*, похожаго по фигурѣ на *гонца*, клювъ очень короткій и очень широкій. *Обыкновенный турманъ* (*C. gularatrix*) имѣетъ привычку взлетать цѣлой толпой на значительную высоту и потомъ, спускаясь внизъ, по три или по два раза куврыкаться на воздухѣ. *Толстогормый голубь* (*C. gutturosa*) изъ гордости или по какому нибудь другому неизвѣстному побужденію постоянно раздуваетъ свой зобъ и доводитъ его до такихъ размѣровъ, что, по словамъ Дарвина, «даже смѣшно смотрѣть». А *Columba turbita* такимъ же образомъ раздуваетъ заднюю часть своего пищевода. *Якобинцевъ* (*C. cucullata*) замѣчательнѣе тѣмъ, что у него на шеѣ перья заворочены кверху и образуютъ надъ его головой что-то вроде капюшона; поэтому онъ и названъ якобинцемъ, въ честь тѣхъ монаховъ, которые носили капюшоны и которые подарили свое имя не только кроткимъ голубямъ, но и лукавымъ членамъ знаменитаго революціоннаго клуба. *Голубь-навлинъ* (*C. laticauda*) отличается необыкновенно широкимъ хвостомъ; у него въ хвостѣ отъ тридцати до сорока перьевъ, между тѣмъ какъ у другихъ голубей бываетъ ихъ отъ 12 до 14; и эти тридцать или сорокъ перьевъ всѣ торчатъ кверху вѣромъ и даже наклоняются впередъ, такъ что у нѣкоторыхъ субъектовъ хвостъ сходится съ головой.

Этихъ примѣровъ разнообразія будетъ достаточно; къ этому можно прибавить, что въ самомъ скелетѣ обнаруживаются очень важныя различія; вмѣстѣ съ формой и размѣромъ клюва измѣняется все строеніе черепа, число позвонковъ въ хвостѣ и къ крестцѣ, и число реберъ у различныхъ породъ бываетъ не одинаково; длина крыльевъ и хвоста сравнительно съ величиной тѣла и относительная величина различныхъ частей ноги подвергаются очень сильнымъ измѣненіямъ. Форма и размѣры яицъ, полетъ, голосъ и инстинкты — все это расходится въ разныя стороны. Наконецъ въ нѣкоторыхъ породахъ семяць и самка значительно отличаются другъ отъ друга. Можно подобрать такую коллекцію голубей, что орнитологъ, специалистъ въ дѣлѣ изученія птицъ, непременно отнесетъ ихъ къ различнымъ видамъ, и даже посоветится назвать ихъ представителями одного рода. А между тѣмъ всѣ эти разнокалиберныя птицы произошли отъ одного вида, который подъ названіемъ *дикаго голубя* (*rock-pigeon, Columba livia*) до сихъ поръ живетъ и размножается во многихъ странахъ земного шара. Если мы предположимъ, что различныя породы нашихъ домашнихъ голубей произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, то, чтобы согласить это предположеніе съ суще-

ствующими фактами, намъ придется зацѣпаться въ безвыходную стѣту самыхъ рискованныхъ и несостоятельныхъ гипотезъ. Если мы не захотимъ допустить, что особенности различныхъ голубиныхъ породъ выработались медленнымъ путемъ постепенныхъ измѣненій, то намъ придется предположить, что въ дикомъ состояніи существовало по крайней мѣрѣ семь или восемь отдѣльных видовъ, изъ которыхъ одинъ отличался напримѣръ воробьинымъ клювомъ курносаго турмана, другой — стоячимъ хвостомъ голубя-павлина, третій — колоссальнымъ зобомъ толстогорлаго голубя, и такъ далѣе. Отчего не предположить? Предположимъ.. Но спрашивается, существуютъ-ли теперь эти виды въ дикомъ состояніи? Нѣтъ, не существуютъ. А куда же они дѣвались? Отвѣтъ: исчезли, вымерли. Это уже начинаетъ быть неправдоподобнымъ. Голубь гнѣздится на скалистыхъ обрывахъ и обладаетъ очень сильнымъ полетомъ; эти два обстоятельства такъ хорошо ограждаютъ его отъ естественныхъ враговъ, что полное истребленіе восьми голубиныхъ видовъ представляется дѣломъ чрезвычайно сомнительнымъ. Естественная исторія не знаетъ ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что дикій голубь былъ истребленъ въ такой странѣ, гдѣ онъ прежде водился. Голуби сдѣлались домашними птицами въ глубокой древности; о нихъ упоминается въ исторіи Египта слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно, намъ придется предположить, что полудикіе люди сумѣли приручить нѣсколько породъ голубей, что они сумѣли соблюсти всѣ условія, необходимыя для того, чтобы эти различныя породы плодились въ неволѣ, что они выбрали для прирученія самыя странныя и причудливыя формы этихъ птицъ, и наконецъ, что всѣ выбранныя ими породы вымерли и исчезли съ лица земли, оставляя на бѣломъ свѣтѣ только свое ручное потомство. Каждое изъ этихъ предположеній порознь оказывается неправдоподобнымъ, но когда мы собираемъ всѣ эти предположенія въ одинъ букетъ, тогда неправдоподобіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что превращается въ очевидную невозможность и нелѣпность. А между тѣмъ именно весь букетъ этихъ предположеній необходимъ для того, чтобы произвести различныя породы домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ.

Но кромѣ отрицательныхъ доказательствъ есть и положительныя. Во-первыхъ, голубиныя породы, отличающіяся рѣзкими особенностями, нигдѣ и никогда не обращались въ дикое состояніе, несмотря на то, что европейцы перевозили ихъ за собой во всѣ части свѣта; напротивъ того, простой домашній голубь, очень похожій на дикаго, довольно часто возвращается къ образу жизни своихъ предковъ и умѣетъ обходиться безъ попеченій человѣка. Это доказываетъ, что рѣзкія особенности этихъ птицъ выработались

подъ вліяніемъ людей, потому что въ противномъ случаѣ эти особенности не отнимали бы у данныхъ субъектовъ возможности жить на свободѣ. Попадая въ свое отечество, курносый турманъ или голубь-павлинъ долженъ былъ бы почувствовать себя дома и при первомъ удобномъ случаѣ устроить себѣ самостоятельное житье. Но если онъ до сихъ поръ никогда не попадалъ въ свое отечество, то слѣдуетъ думать, что у него и у всей его породы нѣтъ и не было другого отечества, кромѣ голубятника. Во-вторыхъ, случается часто, что помѣсь двухъ отдѣльныхъ голубиныхъ породъ принимаетъ цвѣтъ дикаго голубя, хотя этого цвѣта не было ни у отца, ни у матери. Дарвинъ скрестилъ бѣлаго голубя-павлина съ чернымъ *барбомъ* (варварійскимъ голубемъ); метисы получились черные, коричневые и пестрые. Скрестилъ онъ другого чернаго барба съ *спотомъ* *) (*Spot*); метисы вышли пестрые. Тогда онъ скрестилъ двухъ метисовъ, т. е. барбо-павлина съ барбо-спотомъ, и родился голубь прекраснаго сизаго цвѣта, съ бѣлымъ зобомъ, съ черными полосками на крыльяхъ и на хвостѣ и съ бѣлымъ окаймленіемъ перьевъ на этихъ двухъ частяхъ тѣла. Словомъ, по цвѣту эта помѣсь двухъ метисовъ оказалась совершенно похожей на чистую *Columba livia*.

Во всей цѣпи органическихъ существъ случаются такія возвращенія къ характеру предковъ; въ человѣческихъ семействахъ замѣчаютъ очень часто, что ребенокъ похожъ не на отца или на мать, а на дѣда или на бабу; вѣроятно случается часто, что онъ бываетъ похожъ на болѣе отдаленныхъ предковъ, но это обстоятельство, разумѣется, можетъ быть замѣчено только въ тѣхъ немногихъ семействахъ, въ которыхъ сохраняются фамиліные портреты. Что касается до голубей, то случай, подмѣченный Дарвиномъ, очень знаменателенъ. И барбъ, и спотъ, и павлинъ были очень чистой породы; ни у кого изъ нихъ не было ни одной крапинки сизаго цвѣта; слѣдовательно, откуда же этотъ цвѣтъ взялся у метисовъ второго поколѣнія? Если вы хотите во что бы то ни стало произвести домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ породъ, то вамъ придется еще предположить, что всѣ эти разныя породы были окрашены, какъ дикій голубь, потому что только этимъ предположеніемъ объяснится стремленіе метисовъ къ сизому цвѣту. Но такъ какъ съ васъ должно быть довольно и тѣхъ неправдоподобныхъ предположеній, которыя я вамъ представилъ выше, то вы вѣроятно кладете оружіе, миритесь съ единствомъ происхожденія всѣхъ голубиныхъ породъ и требуете только, чтобы я вамъ объяснилъ въ общихъ чертахъ, какъ выработалось теперешнее разнообразіе

*) *Spot* значитъ пятно. Этимъ именемъ называется бѣлая порода голубей съ краснымъ пятномъ на головѣ и съ краснымъ хвостомъ.

зіе, и какимъ манеромъ потомки дикаго голубя приобрѣли различныя уродливыя особенности. Объясненіе будетъ представлено, какъ для голубей, такъ и для другихъ животныхъ, покорившихся человѣку.

IV.

Сознательное вліяніе человѣка.

Я уже замѣтилъ выше, что голуби съ незапамятныхъ временъ сдѣлались домашними птицами. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ видно, что они постоянно пользовались благоклоннымъ расположеніемъ человѣка, а иногда дѣлались предметомъ особеннаго вниманія. Являлась мода на голубей, являлось множество любителей, и между ними завязывалось горячее соперничество. Римскій натуралистъ Плиній говорить, что въ его время голуби были въ большомъ почетѣ; за инныя породы платились большія деньги, и чистота такихъ любимыхъ породъ хранилась такъ тщательно, что каждый голубь имѣлъ свое генеалогическое древо. Въ Индіи великій моголь Акбаръ-Ханъ, около 1600 года, былъ великимъ охотникомъ и специалистомъ по части голубей. Властители Ирана и Турана присылали къ нему самыхъ рѣдкихъ и отличныхъ птицъ голубиной породы. У него было до двадцати тысячъ штукъ голубей, и придворный лѣтписецъ замѣчаетъ съ благоговѣніемъ, что его величество изволили избрѣсти особую методу скрещиванія, посредствомъ которой породы голубей улучшились изумительнымъ образомъ. Въ то время, какъ Акбаръ-Ханъ предавался своимъ невиннымъ забавамъ, страсть къ голубямъ свирѣпствовала также на другой оконечности стараго свѣта; голландцы, которымъ впоследствии суждено было предаться обожанію тюльпановъ, бредили въ то время голубями. Конечно въ исторіи встрѣчается много другихъ примѣровъ голубеманія, и, разумѣется, во всякое время существовало еще больше такихъ любителей, о которыхъ никогда не упомянуть никакая исторія. Мы видѣли выше, что и теперь есть въ Англіи знаменитые любители голубей, составляющіе голубиные клубы.

Этихъ условій совершенно достаточно, чтобы объяснить самое пестрое разнообразіе и самыя эксцентрическія особенности въ различныхъ породахъ домашнихъ голубей. Голубей человѣкъ измѣнялъ по своему капризу, а другихъ домашнихъ животныхъ онъ измѣнялъ и до сихъ поръ измѣняетъ сообразно съ своими выгодами. Это дѣлается вотъ какъ: рождается напримѣръ голубь, у котораго зобъ немного больше, чѣмъ у его сродникова; любителю эта особенность кажется оригинальной и прелестной; мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что то человѣческіе вкусы гораздо болѣе разнообразны и эксцентричны, чѣмъ голубиныя породы; любитель подыскиваетъ

зобастому голубю подругу, у которой зобъ также побольше, чѣмъ у другихъ; посмотримъ, думаетъ онъ, что выйдетъ. Выходятъ зобастые птенцы. Онъ выбираетъ изъ нихъ самыхъ зобастыхъ и спариваетъ ихъ съ другими зобастыми; ну, и является наконецъ, послѣ многихъ систематическихъ спариваній и послѣ тщательнаго избранія самыхъ характерныхъ субъектовъ, такая птица, на которую смѣшно смотрѣть и для которой надо выдумать особенное названіе *columba guttata*, а по англійски *pouter*.

Такія особенности, которыми отличаются многія породы голубей и которыя не доставляютъ никакой пользы ни человѣку, ни самому животному, дѣйствительно могли развиваться только тѣмъ путемъ, который показанъ въ предыдущихъ строкахъ. Только прихоть любителей произвела эти особенности, и только та-же самая прихоть поддерживаетъ ихъ. Можно сказать навѣрное, что каждая очень эксцентричная порода голубей очень немногочисленна сравнительно съ какой-нибудь простой породой; люди, держащіе голубей для стола, не станутъ выбирать нарочно голубей съ стоячими хвостами или съ якобинскими капюшонами, а если имъ попадутся такіе голуби, то никто не станетъ заботиться о сохраненіи этихъ характеристическихъ признаковъ; птицы будутъ совокупляться по собственному благоусмотрѣнію; вся генеалогія перепутается, и черезъ нѣсколько поколѣній стоячіе хвосты и капюшоны совершенно пропадутъ, потому что эти эксцентрическія особенности очень непрочны. Гораздо прочнѣе тѣ особенности въ складѣ животныхъ, которыя приносятъ человѣку дѣйствительную пользу, и прочнѣе онѣ именно потому, что объ ихъ поддержаніи и совершенствованіи заботятся сознательно или невольно всѣ люди, и не двѣ, три дюжины прихотливыхъ знатоковъ любителей. Наконецъ всего прочнѣе тѣ особенности, которыя полезны самому животному; эти особенности поддерживаются и развиваются постояннымъ вліяніемъ всей природы, неудержимымъ дѣйствіемъ той общей и роковой силы вещей, которая всегда и вездѣ оказывается неизмѣримо сильнѣе всякихъ человѣческихъ сознательностей.

Но объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ и объ этой силѣ вещей у насъ будетъ рѣчь впереди, — тогда, когда мы отъ домашнихъ животныхъ перейдемъ къ дикимъ, то-есть изъ скотнаго двора выйдемъ въ лѣсъ, въ степь, въ море, въ различныя части свѣта и въ глубину геологическаго прошедшаго. Покуда потолкуемъ о скотномъ дворѣ и объ огородѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ скромныхъ областяхъ сельскаго хозяйства мы найдемъ чрезвычайно много поучительнаго и интереснаго. Дарвинъ не даромъ началъ свою книгу съ домашнихъ животныхъ; ему было необходимо разсмотрѣть и изучить сначала дѣйствіе законовъ природы въ малыхъ размѣрахъ, въ

упрошенных формахъ и въ ограниченныхъ сферахъ. Превращенія домашнихъ породъ относятся къ превращеніямъ дикихъ породъ, какъ искры электрической машины относятся къ ударамъ наступающаго грома. Изучать различныя свойства электричества гораздо удобнѣе въ физическомъ кабинетѣ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, во-первыхъ потому, что не мокнешь подъ дождемъ, а во-вторыхъ потому, что не рискуешь подвергнуться участи профессора Рихмана, который, какъ извѣстно, былъ убитъ громомъ въ прошломъ столѣтіи во время своихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ Дарвина. Тутъ даже нѣтъ никакой возможности дѣлать прямыя наблюденія надъ дикими породами. Надо имѣть постоянно передъ глазами изучаемую породу, надо слѣдить за ея видоизмѣненіями втеченіи нѣсколькихъ и даже многихъ поколѣній; а какъ только вы поставите дикое животное въ такое положеніе, въ которомъ можете постоянно слѣдить за нимъ, такъ оно очевидно перестанетъ быть дикимъ и сдѣлается или плѣннымъ животнымъ, или ручнымъ. Левъ въ клѣткѣ — что-жъ это за левъ? И какіе-же общіе выводы можно основать на такихъ наблюденіяхъ, при которыхъ наблюдаемый предметъ насильственно вырванъ изъ своей естественной сферы и поставленъ въ совершенно ненормальное положеніе? Да еслибы даже вы и захотѣли дѣлать тутъ какіе-нибудь выводы, такъ и дѣлать-то ихъ не изъ чего, потому что запасъ фактовъ будетъ очень скуденъ. Поэтому, если натуралистъ хочетъ изучать вопросъ о типахъ, о разновидностяхъ, о законахъ наследственности, о возможныхъ размѣрахъ индивидуальнаго разнообразія, то онъ долженъ съ полнымъ смиреніемъ обратиться къ тому богатому запасу практическаго опыта, который собранъ у скотоводовъ, у заводчиковъ, у садовниковъ, у огородниковъ и у разныхъ другихъ скромныхъ двигателей матеріальнаго благосостоянія. У этихъ людей нѣтъ обобщающаго взгляда, но сырыхъ фактовъ пропасть, и умѣнье ихъ обращаться съ живымъ матеріаломъ доходитъ до изумительнаго совершенства, конечно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское населеніе не задавлено бѣдностью и гдѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства не ведутся на авось. Въ Англіи и въ Германіи есть знаменитые скотоводы, которые втеченіи одной человѣческой жизни, произвели очень обширныя измѣненія въ нѣкоторыхъ породахъ быковъ и барановъ. «Можно подумать, — говоритъ лордъ Сомервилль, — что они нарисовали идеальную форму и потомъ дали ей жизнь». Они дѣйствительно смотрятъ на животное, какъ на кусокъ глины, изъ которой, при нѣкоторомъ умѣнн, можно вылѣпить самую красивую, самую полезную или самую уродливую статуя. И этотъ взглядъ основанъ дѣйкомъ на практическомъ опытѣ, потому что, какъ только эти господа пускаются въ теорію,

такъ они становятся чрезвычайно робкими. Они сами измѣняютъ фигуру своихъ животныхъ, но въ то-же время они рѣшительно отказываются вѣрить, что напримѣръ короткорогіе быки произошли отъ длиннорогихъ. Они видятъ и понижаютъ только то, что сами дѣлаютъ; поэтому когда эти невѣрующіе практики говорятъ о превращеніяхъ, то имъ уже можно вѣрить безусловно. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Джонъ Себрайтъ, говоритъ, что онъ въ три года беретъ создать для голубя какой угодно цвѣтъ перьевъ; а въ шесть лѣтъ онъ можетъ переработать голову и клювъ. Вся хитрость состоитъ тутъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать самца и самку и чтобы повторять эту операцію съ одинаковымъ искусствомъ для второго, для третьяго поколѣнія, и такъ далѣе.

Этотъ принципъ систематическаго выбора произвелъ и до сихъ поръ производитъ всѣ превращенія нашихъ домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растений. Но выбирать вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Видъ тутъ дѣло не въ томъ, чтобы распознать и отдѣлать одну отъ другой, двѣ явственно обозначенныя породы; и не въ томъ, чтобы отстранить отъ завода уродливыхъ субъектовъ; это только самая простая и чисто отрицательная часть задачи, и Дарвинъ, не имѣющій понятія о тайнахъ нашего русскаго скотоводства, утверждаетъ, даже съ полнымъ убѣжденіемъ, что не существуетъ такихъ безалаберныхъ людей, которые позволили-бы размножаться самымъ плохимъ экземплярамъ своего стада. Но положительная сторона дѣла оказывается несравненно болѣе трудной. Глазъ скотовода долженъ подмѣтить каждую зарождающуюся особенность, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, если она можетъ сдѣлаться вредной, или чтобы развить и воспитать ее въ будущихъ поколѣніяхъ, если она можетъ принести пользу. Въ Саксоніи, гдѣ процвѣтаетъ тонкорунное овцеводство, умѣнье изучать и разсматривать барановъ превратилось въ науку и въ искусство. Есть тамъ такіе специалисты по части барановѣднія, которыхъ владѣльцы стадъ приглашаютъ на консультаціи и которымъ платятъ за совѣты очень порядочныя деньги. Три раза въ годъ каждаго барана ставятъ на столъ, барановѣдъ изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ, какъ картину, отмѣчаетъ и записываетъ его въ особенную категорію, и затѣмъ только самые безукоризненные бараны признаются достойными наслаждаться счастьемъ взаимной любви. Несмотря на всѣ эти хлопоты и издержки, хозяинъ остается въ большомъ барышѣ, потому что бараны дѣйствительно воплощаютъ въ себѣ идеалъ бараньяго совершенства, а всякое совершенство, при умѣнн имъ пользоваться, даетъ значительный доходъ. Но не всякій желающій можетъ сдѣлаться барановѣдомъ или быковѣдомъ; Дарвинъ всѣми силами старался разсмотрѣть

такія особенности, о которыхъ разсуждали и спорили спеціалисты, и ничего не могъ увидать. «Врядъ-ли, — говоритъ онъ, — одинъ человѣкъ изъ тысячи обладаетъ той вѣрностью глаза и сужденія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ скотоводомъ». «Немногіе люди повѣрятъ, — говоритъ онъ далѣе, — сколько требуется природныхъ способностей и опытности для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ любителемъ голубей». Впрочемъ, повѣрить этому вовсе не трудно; индивидуальныя особенности обыкновенно бывають едва замѣтны, а только постоянное накопленіе этихъ незамѣтныхъ особенностей въ извѣстномъ направленіи можетъ современемъ повести къ замѣтному совершенствованію породы, или къ образованію новой разновидности. Если вы побываете въ хорошемъ цвѣтникѣ, въ хорошемъ огородѣ, и въ хорошемъ фруктовомъ саду, то вы непременно замѣтите очень любопытное явленіе; въ цвѣтникѣ вы увидите положимъ множество различныхъ георгинъ; разнообразіе будетъ заключаться въ цвѣтахъ, между тѣмъ какъ стебель и листья этихъ растений будутъ очень похожи другъ на друга; въ огородѣ вы увидите много сортовъ капусты; здѣсь листья будутъ разнообразны, а цвѣты почти одинаковы; въ фруктовомъ саду вы увидите всевозможныя виды крыжовника; на одномъ кустѣ будутъ крупныя ягоды, на другомъ мелкія, на третьемъ зеленыя, на четвертомъ желтыя, на пятомъ — красныя, здѣсь — мохнатая, тамъ — гладкія, здѣсь — продолговатыя, тамъ — круглыя; но посмотрите на самыя кусты, на листья, на цвѣты, и вы едва отличите одинъ сортъ отъ другого. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, разнообразіе, какъ видите, проявляется именно въ тѣхъ частяхъ растенія, на которыя обращено вниманіе человѣка. Понятно почему. Занимаясь георгинами, садовникъ выбираетъ сѣмяна тѣхъ растений, которыя даютъ особенно яркіе и красивые цвѣты; если какая нибудь новая форма проявится въ цвѣтахъ этихъ растений, то садовникъ замѣтитъ и воспитаетъ ее; если же эта новая форма обнаружится въ стеблѣ или въ листьяхъ, то на нее даже никто и не посмотритъ. Цвѣты георгинъ измѣняются такимъ образомъ подъ вліяніемъ человѣка, а стебли и листья измѣняются уже только вслѣдъ за цвѣтами по соотношенію въ развитіи, и эти второстепенныя измѣненія бывають обыкновенно незначительны. Въ капустѣ и въ крыжовникѣ дѣло устривается точно также, съ той только разницей, что вниманіе человѣка обращается тутъ, въ первомъ случаѣ, на листья, а во второмъ, — на ягоды. То же самое явленіе можно замѣтить и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя человѣкъ производитъ надъ животными. Что онъ измѣняетъ, напримѣръ, въ баранѣ? Ростъ, фигуру тѣла, рога, шерсть, величину ногъ — вообще то, что бросается въ глаза, или что можно, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть. Никому въ голову не

приходило измѣнить желудокъ или печень барана да и никому бы не удалось сдѣлать такую штуку, потому что, въ большей части случаевъ, нѣтъ возможности подмѣнить у живаго существа, въ устройствѣ внутренняго органа, такую индивидуальную особенность, которую можно было бы развить посредствомъ систематическаго выбора. Но, когда устройство внутренняго органа проявляется въ какомъ нибудь внѣшнемъ признакѣ, тогда человѣкъ можетъ измѣнить и внутренній органъ. Напримѣръ, величина зоба выразилась у голубя въ привычкѣ раздвигать эту часть тѣла; человѣкъ замѣтилъ и развилъ какъ зобъ, такъ и привычку. У свиней особое устройство пищеварительнаго канала или особыя химическія свойства крови выражаются внѣшнимъ образомъ въ черномъ цвѣтѣ; обитатель Флориды замѣтилъ это обстоятельство, и, выбирая постоянно черныхъ свиней, упрочилъ за своими свиньями тѣ особенности, которыя позволяютъ имъ ѣсть корень *laenanthes*, не расплачиваясь за это удовольствіе своими копытами. Наконецъ, коннозаводство, выбирая постоянно для своихъ заводовъ самыхъ быстрыхъ скакуновъ, несомнѣнно упрочиваетъ за своими лошадьми, кромѣ крѣпости ногъ, особое устройство легкихъ, потому что простая лошадь задохнется отъ того быстрого движенія, которое безъ малѣйшаго труда вынесетъ англійскій рысакъ. Такимъ образомъ человѣкъ, посредствомъ цѣлесообразнаго выбора производителей, можетъ измѣнить всю организацію животныхъ и растений; но обыкновенно, онъ измѣняетъ только внѣшніе органы, или какую нибудь отдѣльную группу органовъ, а внутренніе или вообще другіе органы, не интересующіе человѣка, измѣняются уже помимо его воли, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, по неизслѣдованнымъ законамъ соотношенія въ развитіи.

V.

Невольное вліяніе человѣка.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скотоводы стали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе породъ посредствомъ систематическаго выбора производителей. До сихъ поръ скотоводство обращено въ науку и въ искусство только въ немногихъ странахъ Европы; гдѣ существуетъ національное скотоводство, тамъ оно съ изумительной быстротой доставило уже блистательные результаты, но результаты эти не могутъ имѣть обширнаго значенія по той простой причинѣ, что всякое рациональное занятіе еще надолго будетъ оставаться доступнымъ только для самаго незначительнаго меньшинства нашей великой и прославленной породы. Большинство людей, вслѣдствіе печальной необходимости, живетъ и дѣйствуетъ ошупью, по силѣ

инерціи, безъ всякаго плана жизни и безъ всякой цѣли. Какъ оно живетъ вообще, такъ точно оно дѣйствуетъ и на тотъ міръ животныхъ и растеній, отъ котораго оно зависитъ съ своимъ пропитаніемъ. Вліяніе этого безсознательнаго большинства обнаруживается медленно, неясно и безтолково, но зато кругъ дѣйствій этого большинства чрезвычайно обширенъ. Во-первыхъ, большинство есть все-таки стихійная сила, и въ сравненіи съ нею всякіе индивидуальныя труды оказываются крошечными песчинками; во-вторыхъ, это большинство дѣйствуетъ не какихъ нибудь восемьдесятъ лѣтъ, какъ просвѣщенные скотоводы, а нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что большинство, или человѣчество вообще, съ начала своего существованія невольно и безсознательно произвело въ животныхъ и въ растеніяхъ множество чрезвычайно важныхъ и обширныхъ измѣненій. Всякій разъ, какъ только человѣкъ имѣлъ возможность выбрать изъ нѣсколькихъ предметовъ одинъ, онъ выбиралъ непременно тотъ, который доставлялъ ему больше пользы или удовольствія. Если онъ напримѣръ могъ прокормить только одну собаку, то онъ конечно пришибалъ не ту, которая отличалась особенной вѣрностью и смысленностью. Если у него была одна кобыла, то онъ, разумеется, не отыскивалъ для нея нарочно самаго уродливаго и дряхлаго жеребца. Когда арабы, застигнутые голодомъ въ пустынь, бѣгаютъ принуждены зарѣзать и съѣсть верблюда, то они никакъ не распорядятся такимъ образомъ съ самымъ лучшимъ и съ самымъ крѣпкимъ верблюдомъ. Дикіе обитатели Огненной Земли такъ дорожатъ своими собаками, что во время голодныхъ мѣсяцевъ или годовъ, которые для всѣхъ дикарей вообще повторяются очень часто, — они убиваютъ и сѣдаютъ своихъ старухъ, а собакъ не трогаютъ, потому, говорятъ они, что собака полезнѣе. Когда людямъ, не питающимся въ обыкновенное время человѣческимъ мясомъ, приходится побѣдить своихъ близкихъ родственницъ, тогда, разумеется, бываетъ уже съѣдено все, что только можно было съѣсть. Собаку можно съѣсть, а если ея не съѣсть, то ее надо кормить, а это очень мудро сдѣлать въ такое время, когда люди ѣдятъ другъ друга, и все-таки умираютъ съ голоду. Понятно, что послѣ такой передраги уцѣлѣютъ только тѣ собаки, которыя, во-первыхъ, особенно драгоценны для своихъ владѣльцевъ какими нибудь отлѣнными достоинствами и, во-вторыхъ, умѣютъ переносить голодь лучше другихъ. Выборъ будетъ сдѣланъ такимъ образомъ не по рациональной методѣ, но зато чрезвычайно строго.

И въ древности, и во время среднихъ вѣковъ люди голодали очень часто, нѣсколько не хуже теперешнихъ обитателей Огненной Земли или Гренландіи. А что въ доисторическія времена такія голодные полосы находили на людей еще

гораздо чаще и поражали ихъ гораздо сильнѣе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ мрачнѣе становится картина человѣческаго существованія или прозябанія. Голодь обрушивался и на людей, и на домашнихъ животныхъ; животныя травоядныя могли-бы прокормиться сами, но ихъ сѣдали голодные люди, и конечно оставалось въ живыхъ только то, что было всего крѣпче, всего лучше и всего необходимѣе. Эти періодическія пощенія голода сдѣлались гораздо рѣже или совершенно прекратились только тогда, когда люди, размножившись, стали вести образъ жизни вполне приличный осѣдлому и земледѣльческому племени. Тутъ уже «табуны его коней» не могли пастись «вольны, нехранимы», потому что это возможно только тогда, когда «его луга необозримы», а необозримость луговъ существуетъ тогда, когда народъ находится въ переходномъ состояніи отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Когда же кони и всякій другой скотъ стали обитать въ покрытыхъ строеніяхъ, тогда вмѣсто вліянія періодическаго голода домашнія животныя стали испытывать на себѣ видоизмѣняющее дѣйствіе хозяйственныхъ распоряженій. Всякій крестьянинъ, вовсе не разчитывая усовершенствовать породу и вовсе не зная, что такія усовершенствованія возможны, старался по крайней мѣрѣ, чтобы его корова или кобыла не производила на свѣтъ уродовъ. Для этого онъ напримѣръ держалъ молодыхъ самцовъ отдѣльно отъ молодыхъ самокъ. Если представлялась возможность случить корову съ хорошимъ быкомъ, или кобылу съ хорошимъ жеребцомъ, то крестьянинъ, разумеется, пользовался этой возможностью, потому что важное значеніе хорошей породы понятно самымъ необразованнымъ людямъ и было имъ извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Они не умѣли ни произвести, ни даже поддержать въ полной чистотѣ хорошую породу, но все-таки, по мѣрѣ своихъ силъ и своей сообразительности, они старались сдѣлать получше, а не похуже. То, что было очевидно дурно, — отбрасывалось въ сторону; то, что было очевидно хорошо, — сохранялось; и такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствовали не десятки людей, а миллионы, то и результаты получились очень значительныя, хотя въ большей части случаевъ никакое научное изслѣдованіе не можетъ показать намъ, каковы были первобытныя формы домашнихъ животныхъ, и чрезъ какія постепенныя видоизмѣненія они должны были пройти, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго положенія.

Исторія разныхъ животныхъ хозяйственныхъ растеній не сохранилась и не могла сохраниться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, начало земледѣлія и скотоводства относится къ такому далекому прошедшему, о которомъ говорятъ не лѣтописи и даже не преданія, а только кое-какіе,

самые скудные геологическіе остатки; жили люди, были у нихъ прирученныя животныя, остались отъ тѣхъ и другихъ кое-какія кости, — вотъ и все, что можно узнать о доисторическихъ тысячелѣтнѣхъ, да и эти небогатыя свѣдѣнія мы стали прибрѣтать только въ самое новѣйшее время. Стало быть, возстановить типъ домашнихъ животныхъ и растений, какъ они были въ минуту перваго своего соприкосновенія съ человѣкомъ, и потомъ сравнить этотъ типъ съ тѣми формами, которыя живутъ теперь подъ нашей властью, — это такая работа, которую изслѣдователи наши по всей вѣроятности никогда не будутъ въ состояніи выполнить.

Не зная исходной точки, мы точно также не знаемъ и тѣхъ переходныхъ ступеней, черезъ которыя прошли наши животныя и растенія. Теперь, когда на этотъ предметъ обращено вниманіе мыслящихъ людей, теперь, когда существуютъ выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній, когда о скотѣ, объ огородахъ и о поляхъ пишутся научныя сочиненія съ самыми отчетливыми рисунками, чертежами и таблицами, теперь, разумѣется, можно замѣтить всякую перемѣну въ быкахъ, въ баранахъ, въ капустахъ, въ пшеницѣ, въ георгинахъ или въ крыжовникѣ. Но въ былое время, въ то время, которое собственно для насъ не составляетъ даже прошедшаго, — никто не обращалъ вниманія на эти перемѣны, никому не приходило въ голову рисовать портретъ съ капусты или измѣрять быка вдоль и поперекъ. Теперь въ образованныхъ государствахъ измѣненія органическихъ формъ рѣзче бросаются въ глаза, потому что, благодаря трудамъ дѣльныхъ специалистовъ, они совершаются очень быстро, то есть втеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, на глазахъ одного поколѣнія. Въ былое время они совершались чрезвычайно медленно, и людямъ было такъ же невозможно замѣтить эти измѣненія, какъ невозможно напримѣръ замѣтить глазами движеніе часовой стрѣлки. О движеніи часовой стрѣлки человѣкъ, незнающій внутренняго устройства часовъ, заключаетъ потому, что поинтить, на какомъ мѣстѣ она стояла нѣсколько времени тому назадъ, и видить, гдѣ она очутилась въ данную минуту. Въ вопросѣ объ органическихъ формахъ мы обыкновенно не знаемъ, гдѣ стояла стрѣлка лѣтъ пятьсотъ или семьсотъ тому назадъ; но въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ есть указанія на прошедшее положеніе стрѣлки, мы постоянно видимъ, что она съ тѣхъ поръ подвинулась впередъ. Напримѣръ, англійская лягавая собака привезена въ Англію изъ Испаніи; между тѣмъ въ Испаніи новѣйшіе путешественники ни разу не видали ни одной собаки, похожей на теперешнюю англійскую; испанскія лягавыя собаки хуже теперешнихъ англійскихъ, и послѣднія были усовершенствованы тѣмъ, что каждый охотникъ старался прибрѣсти себѣ собаку какъ

можно получше, хотя ни одинъ охотникъ не заботился положительно о томъ, чтобы реформировать всю породу. Англійскія лошади происходятъ отъ арабскихъ, но онѣ теперь настолько лучше послѣднихъ, что на нѣкоторыхъ скачкахъ существуютъ постоянныя правила, по которымъ арабскіе скакуны во время состязаній должны нести на себѣ меньше тяжести, чѣмъ англійскіе. По описаніямъ Плинія можно заключить, что груши у древнихъ римлянъ были очень дурного качества, а между тѣмъ вѣдь никто-же не рѣшится предположить, что лучшіе сорта нашихъ теперешнихъ грушъ найдены готовыми гдѣ-нибудь въ лѣсу во время среднихъ вѣковъ. Въ лѣсу, разумѣется, находились всегда только такія яблоки и груши, которыя мы и теперь называемъ дикими и которыми никто не пожелаетъ лакомиться. Теперешнія груши произошли прямымъ путемъ отъ дрянныхъ грушъ времени Плинія и усовершенствовались постепенно вліяніемъ тщательной обработки; а главнымъ средствомъ улучшенія былъ выборъ сѣмянъ; всякій садовникъ, какъ-бы онъ ни былъ неразвитъ, все-таки старается посѣять самыя крупныя, самыя зрѣлыя сѣмена, происходящія изъ тѣхъ плодовъ, которые отличались особенной сочностью и особенно хорошимъ вкусомъ. Даже гоголевскій Иванъ Никифоровичъ, и тотъ навѣрное собиралъ въ бумажку сѣмена тѣхъ только дынь, которыя ему нравились. А если такимъ образомъ втеченіи другихъ столѣтій постоянно накапливаются только самыя легкія и незамѣтныя индивидуальныя особенности, то въ общемъ итогѣ непремѣнно получаютъ наконецъ новыя породы и цѣлыя новыя виды. Пока эти разновидности, породы и виды вырабатываются, ихъ никто не замѣчаетъ; когда-же они окончательно готовы и когда нельзя ихъ не замѣтить, тогда никто не знаетъ, откуда они взялись и какъ они сформировались. Отсюда и возникаетъ мнѣніе, что они, дескать, всегда существовали. Если человѣкъ чего-нибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что-нибудь, или увѣритъ себя, что тутъ и знать нечего. Не знаетъ происхожденія породы, значить и не было никакого происхожденія: всегда была порода съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; не знаетъ развитія породы, значить и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ же и прихлопнетъ человѣка и уличитъ его въ безтолковомъ и самонадѣянномъ враньѣ неопровержимыми фактами. Окажется напримѣръ, что породы чрезвычайно подвижны, и что онѣ часто измѣняются передъ самыми глазами человѣка, помимо и даже вопреки его воли. Жили-были два англичанина, Берджесъ и Беклей; завели они себѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ по стаду лейстерскихъ барановъ съ бекуэлевскаго завода; заводъ этотъ знаменитый, и оба англичанина старались только о томъ, чтобы сохранить въ

чистотѣ породы своихъ стадъ и всѣ ихъ превосходныя качества. Бараны какъ были отличные, такъ и остались отличными. Но какъ ни строги были консервативныя тенденціи господъ Берджеса и Беклея, однако въ результатѣ все-таки получился прогрессъ, а если не прогрессъ, такъ во всякомъ случаѣ переиѣна. У Берджеса—одни бараны, а у Беклея—другіе, точно двѣ разныя породы, и обѣ породы отличаются отъ чистыхъ бекулевскихъ барановъ. И жили оба стада въ одномъ климатѣ, и мѣстоположеніе одинаковое, и пища та-же самая, и хозяева оба консерваторы, а все-таки такой грѣхъ случился. Чѣмъ-же это объяснить? Все-таки выборомъ производителей. Берджесъ и Беклей хотѣли придти къ одной цѣли, или, вѣрнѣе, оба хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, но такъ какъ одинъ человѣческой взглядъ никогда не сходилъ вполнѣ съ другимъ, то и наши англичане навѣрное чуть-чуть, но расходились между собой въ манерѣ прикладывать общую методу къ дѣлу. Берджесъ обращалъ наприѣтъ немножко больше вниманія на одну сторону бараняго идеала, а Беклей на другую. И изъ этого «немножко», и изъ этого «чуть - чуть» втеченіи пятидесяти лѣтъ, при полномъ сходствѣ важнѣйшихъ условій жизни, выработалась очень замѣтная разница въ результатахъ.

Послѣ этого надо быть очень яростнымъ классификаторомъ и очень непреклоннымъ обожателемъ неуловимаго понятія *ovis aries*, чтобы отрицать измѣняемость органическихъ формъ и чтобы не видѣть въ каждомъ измѣненіи исключительное дѣйствіе человѣческаго искусства. Если челоѣкъ не хочетъ измѣнять, а между тѣмъ все-таки измѣняетъ, то очевидно, что его самого увлекаетъ непобѣдимая и роковая сила вещей. А эта сила вездѣ одна и та-же; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣткѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ-же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляютъ нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни; только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнее перваго и гораздо менѣе изслѣдованы. Но все-таки законы природы, простые и сложные, изслѣдованные и неизслѣдованные, физическіе и психическіе, одинаково непоколебимы, одинаково обязательны; однаково не терпятъ исключеній, потому что все они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ и вѣчныхъ свойствъ безпредѣльнаго міроваго вещества.

VI.

Борьба за жизнь.

Каждое растеніе производитъ втеченіи своей жизни нѣсколько зеренъ; каждая самка, къ какому-бы классу животнаго царства она ни принадлежала, производитъ, при нормальныхъ условіяхъ, нѣсколько яицъ или нѣсколько живыхъ дѣтенышей. Каждая порода органическихъ существъ стремится такимъ образомъ размножаться по геометрической прогрессіи, которая возрастаетъ болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, много или мало птенцовъ рождаетъ самка. Если мы возьмемъ ту геометрическую прогрессію, которая возрастаетъ въ такомъ видѣ: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., то и тутъ получатся изумительные результаты. Линней предположилъ, что какое-нибудь однолѣтнее растеніе даетъ втеченіи своей годовой жизни только два зерна, и что эти два зерна на будущей годъ взойдутъ благо-творно, и въ свою очередь принесутъ по два зерна; продолжая этотъ расчетъ съ тѣми же предположеніями, онъ нашелъ, что на двадцать-первый годъ получится больше милліона растений. Но такихъ растений, которыя приносили бы въ годъ по два зерна, не существуетъ; всѣ приносятъ больше; а у нѣкоторыхъ органическихъ существъ быстрота размноженія доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Самка налива кладетъ въ годъ до 130 тысячъ яичекъ; самка окуня—до 300,000; треска—до 4 милліоновъ; если приложить расчетъ Линнея къ трескѣ, то есть, если предположить, что каждое изъ 4 милліоновъ яичекъ благополучно разовьется и произведетъ также 4 милліона яичекъ, и если продолжать этотъ расчетъ до двадцать-перваго поколѣнія, то, разумеется, получится такой рядъ цифръ въ нулей, котораго никто не счуметь произнести, а треска такъ сопрется въ морѣ, что ей негдѣ будетъ повернуться и уже во всякомъ случаѣ нечѣмъ будетъ питаться. Но такое несчастье возможно только въ теоретическомъ расчетѣ; въ природѣ оно невозможно, именно потому, что всѣ органическія формы размножаются не по геометрической прогрессіи; всѣ онѣ производятъ столько дѣтей, яицъ или сѣмянъ, что еслибы всѣ дѣти, яйца и сѣмена, произведенныя только втеченіи одного года, достигли полнаго своего развитія, то всѣ эти ровесники не могли бы умѣститься на всей поверхности земнаго шара. Но это предположеніе опять-таки не только неосуществимо въ дѣйствительности, а даже немыслимо въ теоріи; то есть, оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если вы предположите, что всѣ сѣмена растеній достигнутъ полнаго своего развитія, то вы осудите на вѣрную смерть весь животный міръ безъ исключенія, потому что нѣтъ ни одного животнаго, которое питалось-бы неорганическими веществами. Если вы захотите,

чтобы группа травоядныхъ животныхъ развилась совершенно безпрепятственно, то въ дѣйствіи нѣкоторой степени обидите растительный міръ и совершенно погубите плодоядныхъ.

Словомъ, органическая жизнь немислима безъ постоянного и ежеминутнаго истребленія живыхъ существъ; органическая жизнь есть вѣчная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стѣсняется въ своемъ размноженіи всеми остальными формами. Борьба эта не можетъ прекратиться ни на одно мгновеніе, потому что каждый шагъ въ жизни есть актъ борьбы. Борьба приходится за все: за пищу, за пространство, за горсть земли, за глотокъ воздуха, за частицу воды, за лучъ свѣта, за неприкосновенность собственнаго тѣла, короче сказать, — за жизнь, въ самомъ обширномъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого страшнаго слова. Кто оплошалъ въ этой борьбѣ, тотъ погибъ, того тотчасъ отдають въ ломъ, какъ серьги или булавку стараго фасона; онъ умираетъ и его немедленно самымъ веселымъ и добродушнѣйшимъ образомъ поѣдаютъ другія растенія и животныя; то растеніе или животное, которому удалось оторвать себѣ кусокъ мертваго тѣла, одержало побѣду надъ тѣми, кому это не удалось; кто часто одерживаетъ такіа побѣды, тотъ усиливается и получаетъ возможность еще съ большимъ успѣхомъ одолѣвать своихъ конкурентовъ; кто часто терпитъ такіа пораженія, тотъ, напротивъ того, слабѣетъ, умираетъ и своей смертью открываетъ поле для новыхъ схватокъ, которыя кончаются новыми побѣдами однихъ и новыми пораженіями другихъ. Если напримѣръ ястребъ поймалъ и задушилъ голубя, то онъ одержалъ побѣду не только надъ голубемъ, но и надъ другими ястребами. Какъ ни могучъ полетъ ястреба и какъ ни многочисленны тѣ птицы, которыя могутъ служить ему добычей, однако число этихъ послѣднихъ не можетъ считаться неограниченнымъ на томъ пространствѣ земли, которое ястребъ можетъ облетѣть, не отдыхая. Стало быть, всякій голубь, съѣденный однимъ ястребомъ, есть кусокъ пищи, отнятый имъ у другихъ хищныхъ птицъ. Слѣдовательно, между этими птицами происходитъ постоянная борьба даже тогда, когда у нихъ и не доходитъ дѣла до открытой драки. Если люди ищутъ грибовъ въ одномъ лѣсу, то они очевидно борются между собою, хотя и не наносятъ другъ другу ударовъ. Если растеніе производитъ въ годъ сотню зеренъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ только одно успѣваетъ пустить корень, то разумѣется это растеніе борется со всеми своими сосѣдями за кусокъ земли и за необходимую порцію воздуха и солнечнаго свѣта. Или оно должно задушить кого-нибудь изъ сосѣдей, или сосѣди его задушатъ. Середины нѣтъ и нейтрализети невозможно. На дубѣ, на яблонѣ и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ растетъ чужеродное растеніе *viscum aucasium*; оно борется за

жизнь, какъ съ другими подобными себѣ растеніями, такъ и съ тѣми деревьями, изъ которыхъ оно тянетъ питательные соки; если этихъ растеній на одномъ деревѣ разведется слишкомъ много, то дерево зачахнетъ и умретъ, а вслѣдъ за нимъ умрутъ и его паразиты. Птицы клюютъ ягоды этого растенія и потомъ разсѣваютъ его сѣмена въ своихъ испражненіяхъ; для *viscum* выгодно, чтобы птицы клевали его плоды; для другихъ растеній того-же вида или другихъ видовъ и родовъ — это также выгодно, по тѣмъ-же самымъ причинамъ; стало быть, и здѣсь завязывается борьба въ самой своеобразной формѣ; одна ягода говоритъ птицѣ: «съѣшь-меня!» и другая тоже проситъ: «пожалуйста, съѣшь меня!» Очевидно, побѣда остается за тѣмъ сортомъ ягодъ и за тѣми отдѣльными ягодами каждаго сорта, которыя оказываются самыми вкусными для приглашаемой птицы. Результатъ борьбы здѣсь, какъ и вездѣ, выразится въ томъ, что число побѣдителей увеличится, а число побѣжденных уменьшится.

Жить на бѣломъ свѣтѣ значить постоянно бороться и постоянно побѣждать; растеніе борется съ растеніемъ, травоядное животное борется съ растеніемъ и съ травоядными, плотоядное — съ травояднымъ и съ плотояднымъ, крупныя животныя — съ мелкими, напримѣръ: быкъ съ какой-нибудь мухой, которая кладетъ ему свои яйца въ ноздри и разводитъ у него въ носу цѣлую губительную колонію, или человѣкъ съ крошечной американской блохой, которая поселяется вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ подъ ногтемъ его ноги и производитъ такимъ образомъ смертельное воспаленіе, или вообще всѣ высшія животныя — съ мельчайшими паразитами, живущими въ ихъ внутренностяхъ и причиняющими очень часто опасныя болѣзни. Оттѣнки этой всемірной борьбы безконечно разнообразны; каждому недѣльному приходится постоянно и нападать, и защищаться; и только тотъ, кто отстоялъ свое тѣло отъ гастрономическихъ покушеній разнокалиберныхъ враговъ и кто самъ поѣлъ достаточное количество другихъ враговъ, только тотъ, говорю я, можетъ оставить послѣ себя потомство, которому предстоитъ тотчасъ-же послѣ рожденія начать ту же самую астребительную борьбу.

Родиться на свѣтѣ — самая простая штука, но прожить на свѣтѣ — это уже очень мудрено; огромное большинство органическихъ существъ вступаетъ въ міръ, какъ въ громадную кухню, гдѣ повара ежеминутно рубятъ, потрошатъ, варятъ и поджариваютъ другъ друга; попавши въ такое странное общество, юное существо прямо изъ утробы матери переходитъ въ какой-нибудь котелъ и поглощается однимъ изъ поваровъ; но не успѣвъ еще поваръ проглотить свой обѣдъ, какъ онъ уже самъ, съ недожеваннымъ кускомъ во рту, сидитъ въ котлѣ и обнаруживаетъ уже чисто пасивныя достоинства, свойственныя хо-

ршей котлетѣ. И идетъ эта удивительная работа день и ночь безъ малѣйшаго перерыва съ тѣхъ поръ, какъ «солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ». Сколько миллионъ птицъ питаются напримѣръ зернами и насѣкомыми! Каждой птицѣ надо съѣсть въ день сотни мошекъ или сѣмячекъ, и слѣдовательно каждый разъ, какъ она разѣваетъ свой клювъ, однимъ органическимъ существомъ становится меньше.

Сила размноженія у всѣхъ органическихъ существъ очень велика, но конечный результатъ зависитъ не отъ этой силы, а отъ величины препятствій, лежащихъ на пути этого размноженія, и отъ могущества тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ размножающаяся порода для борьбы съ этими препятствіями. Препятствія заключаются въ напорѣ другихъ органическихъ существъ, которыя также размножаются, а оборонительныя и наступательныя средства заключаются въ условіяхъ организаціи той породы, о которой идетъ рѣчь. Когда выгодное устройство этой организаціи перевѣшиваетъ препятствія, тогда порода размножается, и если перевѣсъ очень значителенъ, то и размноженіе идетъ очень быстро. Напримѣръ, въ Южной Америкѣ и въ Австраліи лошади и быки, привезенные европейцами, возвратились къ дикому состоянію и размножились съ невѣроятной быстротой. Сила размноженія не увеличилась, потому что складъ коровъ и кобылъ не измѣнился, но уменьшились препятствія, существовавшія въ Европѣ; человекъ уже не рѣзалъ телятъ и быковъ для своего стола и не отвлекалъ лошадей отъ дѣтороженія своими хозяйственными распоряженіями; а еще важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ новомъ отечествѣ эти одичавшія животныя не встрѣтили себѣ ни многочисленныхъ и опасныхъ враговъ между плотоядными звѣрями и чужездными насѣкомыми, ни многочисленныхъ и опасныхъ конкурентовъ между туземными формами травоядныхъ. Въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ Ла-Платы цѣлыя квадратныя мили почти исключительно покрыты однимъ видомъ репейника, завезеннаго изъ Европы, слѣдовательно попавшаго въ Америку послѣ Колумба. Въ Остѣ-Индіи живутъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ Америки, и эти растенія въ большомъ изобиліи распространены отъ Гималайскихъ горъ до мыса Коморина, то-есть до самой южной оконечности полуострова. Ясно, что европейскій репейникъ, завозившій Ла-Плату, и американское растеніе, водворившееся въ Индію, покрыли такія обширныя пространства въ такое короткое время не потому, что они размножаются особенно быстро, а потому, что они по своей организаціи оказались сильнѣе представителей туземной флоры. Кондоръ кладетъ пару яицъ, а страусъ—штуку двадцать, но въ нѣкоторыхъ странахъ кондоровъ больше, чѣмъ страусовъ, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: страусъ кладетъ свои

яйца въ землю, гдѣ ихъ расхищаютъ и люди, и животныя, а кондоръ устраиваетъ свое гнѣздо на неприступныхъ скалахъ, куда никому не захочется отправляться за добычей; затѣмъ важно то обстоятельство, что у страуса нѣтъ того страшнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія, которымъ обладаетъ кондоръ; наконецъ можно замѣтить, что страусу вредятъ его красивыя перья, изъ за которыхъ онъ терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ неугомонныхъ людей. Буревѣстникъ кладетъ только по одному яйцу, а между тѣмъ это самая многочисленная порода птицъ. И немудрено. Это единственное яйцо кладется на скалѣ, у самаго моря; буревѣстникъ постоянно летаетъ надъ океаномъ, очень далеко отъ берега; крылья у него сильныя, питается онъ рыбою, и не полетитъ за нимъ въ открытое море никакая хищная птица, ни для того, чтобы съѣсть его самого, ни для того, чтобы отбивать у него добычу. Но конечно тѣ породы органическихъ существъ, которыя не имѣютъ возможности защитить свое потомство противъ многочисленныхъ враговъ, ограждаютъ себя отъ совершеннаго истребленія только своей непомѣрной плодовитостью, напримѣръ: рыбы большей частью бросаютъ свою икру въ воду, не принимая никакихъ предосторожностей; животныя истребляютъ ежегодно билліоны яичекъ и маленькихъ рыбокъ, только что выглянувшихъ на свѣтъ; люди ежегодно ловятъ и съѣдаютъ миллионы рыбъ всякой породы и всякаго возраста; разумѣется, всѣ рыбы давно были-бы истреблены, если-бы онѣ не размножались съ неистощимой быстротой; если изъ 4 миллионъ яичекъ трески выведется только 40 рыбокъ, если изъ этихъ сорока доживутъ до зрѣлаго возраста только двѣ рыбы, и если этотъ процессъ будетъ повторяться каждый годъ, то и тогда треска будетъ размножаться, потому что она живетъ гораздо больше одного года, и слѣдовательно втеченіи своей жизни самецъ и самка успѣютъ произвести себѣ на смѣну больше одной пары. Стало-быть, для того, чтобы количество трески не увеличивалось и не уменьшалось, надо жожеть-быть, чтобы изъ десятика миллионъ яичекъ выводилась и доживала до совершеннолѣтія только одна рыба; и конечно трудно себѣ представить, чтобы изъ десяти миллионъ случаевъ не выдалось ни одного совершенно счастливаго. Почти то-же самое мы видимъ въ нашихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя спасаются отъ совершеннаго истребленія единственно тѣмъ, что огромное количество отдѣльных растеній собрано на одномъ мѣстѣ. Если-бы мы захотѣли посѣять не сотни десятинъ ржи или пшеницы, а одну грядку, то птицы небесныя съѣли-бы все до послѣдняго зерна; но такъ какъ количество хлѣбныхъ колосьевъ, созрѣвающихъ въ одномъ околоткѣ, несоразмѣрно велико въ сравненіи съ количествомъ зерноядныхъ птицъ, водящихся въ томъ-же околоткѣ, то кое-что

остается и на долю людей. Птицы наѣдаются до отвалу, жирѣютъ, портятъ еще больше хлѣба, чѣмъ сколько сѣѣдаютъ, и все-таки не могутъ уничтожить всего, потому что на такой подвигъ способна только саранча, да и то на очень ограниченномъ пространствѣ.

VII.

Сложныя отношенія между органическими существами.

Такъ какъ органическія существа или поѣдаютъ другъ друга, или отбиваютъ другъ у друга пищу, или борятся между собою за порцію земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, то, разумеется, они всѣ связаны между собою самыми сложными и перепутанными отношеніями. Нѣтъ и не можетъ быть ни одного органическаго существа, которое не зависѣло-бы въ своемъ существованіи отъ множества различныхъ животныхъ и растений, и притомъ часто отъ такихъ, съ которыми оно даже не имѣетъ ни малѣйшихъ непосредственныхъ отношеній. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаний мы ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, ни для одного животнаго или растенія не можемъ указать точно и подробно на всѣ нити, связывающія его по разнымъ направленіямъ со всей цѣпью другихъ созданій. Важно и превосходно уже то, что современные натуралисты поняли сложность этихъ взаимныхъ отношеній между органическими существами; убѣдившись въ этой сложности и въ своемъ собственномъ невѣдѣніи, натуралисты поставили себя лицомъ къ лицу со своей настоящей задачей; они вглядѣлись въ ея трудности и сообразили также, что эти трудности, которыя вовсе не могутъ считаться непобѣдимыми, преодолеваются только терпѣливымъ, внимательнымъ и совершенно непредубѣжденнымъ наблюденіемъ мельчайшихъ подробностей органической жизни. Чѣмъ больше фактическихъ наблюденій, тѣмъ ближе рѣшеніе великихъ задачъ; а для мыслящаго натуралиста поводы къ наблюденіямъ представляются на каждомъ шагѣ, и манера осмысливать эти наблюденія съ каждымъ годомъ становится болѣе рациональной и болѣе свободной отъ теоретическихъ предубѣжденій. Будущее разрѣшить множество великихъ вопросовъ, но въ настоящее время можно только сказать, что между самыми разнородными формами органическаго міра существуютъ чрезвычайно сложныя и совершенно неизслѣдованныя отношенія. Кромѣ того можно представить два, три примѣра, которые покажутъ читателю, какое множество еще неразрѣшенныхъ вопросовъ задаетъ мыслящему человѣку самый простой и обыкновенный эпизодъ изъ жизни природы.

Въ Англии, въ одномъ помѣстьѣ графства Стаффордъ, лежитъ большой пустырь, поросшій бурьяномъ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ

часть этого пустыря, въ нѣсколько сотъ акровъ величиной, обнесли заборомъ и засадили шотландскими соснами. Появленіе сосенъ произвело совершенный переворотъ въ природѣ засаженнаго участка; количество бурьяна значительно убавилось, и въ молодой сосновой рощѣ поселилось двѣнадцать сортовъ растений, не встрѣчающихся на этомъ остальномъ пространствѣ пустыря; на всѣхъ растеніяхъ завелись тѣ насѣкомыя, которыя живутъ на нихъ обыкновенно, а вслѣдъ за насѣкомыми появились такія насѣкомоядныя птицы, которымъ прежде не зачѣмъ было залетать въ голій пустырь. Изъ этого примѣра мы видимъ, что, во-первыхъ, растенія тѣсно связаны между собой и что, во-вторыхъ, каждое растеніе связано съ тѣми группами животныхъ, которымъ оно служитъ пищею. А такъ какъ одинъ сортъ животныхъ идетъ на пропитаніе другого сорта, то растеніе, черезъ группу травоядныхъ или зерноядныхъ, связывается также съ опредѣленной группой хищныхъ животныхъ, которыя въ свою очередь тянутъ за собой какихъ нибудь паразитовъ, и наконецъ, рано или поздно, эта цѣпь запутанныхъ отношеній обрывается въ рукахъ изслѣдователя, но онъ никакъ не имѣетъ права утверждать, что прослѣдилъ ее до конца, и что она дѣйствительно оборвалась въ живой природѣ. Какимъ образомъ связываются между собой отдѣльныя кольца этой огромной цѣпи, этого изслѣдователь также не знаетъ въ большей части случаевъ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы даже не можемъ сказать положительно, что именно произвело переимѣну въ растительности: сосна или заборъ. Заборъ могъ имѣть очень сильное вліяніе: онъ ограждалъ растительность отъ скота, а скотъ обыкновенно производитъ въ распредѣленіи растеній самыя значительныя переимѣны. Положимъ напримѣръ, что скотъ постоянно пасется на какой нибудь лужайкѣ, на которой растетъ двадцать сортовъ различныхъ травъ; если вы удалите скотъ, то можетъ случиться, что изъ этихъ двадцати сортовъ девять совершенно пропадутъ; скотъ, пощипывая траву, постоянно держитъ всѣ сорта ея на одномъ уровнѣ, такъ что всѣмъ достается и свѣтъ, и воздухъ; какъ только прекращаются эти уравнительныя распоряженія скота, такъ немедленно поднимаются кверху тѣ травы, которыя посылнѣе; остальнымъ становится темно и душно, и онѣ повенному умираютъ. Но если скотъ является невольнымъ покровителемъ слабыхъ, то онъ оказывается также опаснѣйшимъ врагомъ сильныхъ растеній, которыхъ развитіе онъ обыкновенно дѣлаетъ совершенно невозможнымъ.

Въ графствѣ Сѣррей тянутся на большое пространство сухіе пустыри, покрытые бурьяномъ; кое-гдѣ разбросаны по этимъ пустырямъ небольшія группы старыхъ шотландскихъ сосенъ; втеченіи послѣдняго десятилѣтія

значительная часть этих пустырей обнесена заборами, и всё обнесенныя мѣста поросли сами собой такимъ густымъ соснякомъ, что множество молодыхъ деревьевъ задохнулись въ чащѣ отъ тѣсноты и темноты. Въ это же время на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного дерева, кромѣ тѣхъ вѣковыхъ сосенъ, которыя стояли кое-гдѣ отдѣльными кучками. Но Дарвинъ сталъ всматриваться внимательнѣе, и раздвигая верхушки бурьяна, замѣтилъ возлѣ самой земли множество сосенокъ, которыя были до-чиста объѣдены скотомъ; на одномъ изъ этихъ несчастныхъ деревьевъ Дарвинъ насчиталъ двадцать-шесть годовыхъ колецъ; втеченіи двадцати-шести лѣтъ эта сосенка старалась подняться выше бурьяна, и всякій разъ какое нибудь животное отгрызало ея молодой побѣгъ. Какъ только прекратились нашествія четвероногихъ распорядителей, такъ и поднялись сосновые роци, и если присутствіе этихъ деревьевъ дѣйствительно ведетъ за собой рядъ существенныхъ измѣненій въ группированіи растительныхъ и животныхъ формъ, то, разумѣется, на серрейскихъ пустыряхъ должны были повториться тѣ же самыя явленія, которыя мы видѣли въ графствѣ Стаффордъ. А исходной точкой всѣхъ этихъ переворотовъ оказывается такой простой и ничтожный фактъ, какъ удаленіе нѣсколькихъ головъ рогатаго или безрогаго скота.

Но я опять долженъ напомнить читателю, что мы здѣсь видимъ только, въ какомъ порядкѣ крупныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Какъ связываются между собой эти явленія, и какіе мелкіе и мельчайшіе факты образуютъ между ними эту связь—объ этомъ мы еще ничего не можемъ сказать. Сосна измѣняетъ вокругъ себя растительность—хорошо!—но какимъ же образомъ это дѣлается? Дѣйствуетъ-ли сосна своею тѣнью, какъ всякое другое дерево, или своимъ хвоемъ, который она каждый годъ роняетъ на землю, или своими корнями, которыми она разрыхляетъ почву, или своими смолистыми испареніями, которыми наполняется окружающій воздухъ? Вѣроятно всѣ эти свойства сосны ведутъ за собой какія нибудь послѣдствія, вѣроятно эти послѣдствія перекрещиваются между собой и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, а мы видимъ только отдаленные и послѣдніе результаты, которыхъ внутренняя и необходимая связь до поры до времени ускользаетъ отъ нашего пониманія. Травоядный скотъ дѣйствуетъ на растительность, но самъ онъ въ свою очередь подчиняется вліянію насѣкомыхъ. Въ Парагваѣ ни быкъ, ни лошадь не могутъ жить въ дикомъ состояніи, потому что тамъ водится особая порода мухъ, которая губитъ телятъ и жеребятъ, устраивая въ ихъ поздрахъ гнѣздо для своихъ яичекъ. Муху эту истребляютъ хищныя насѣкомыя другого рода; этихъ хищныхъ насѣкомыхъ поѣдаютъ птицы; положимъ теперь, что по какой нибудь при-

чинѣ число насѣкомоядныхъ птицъ уменьшилось въ Парагваѣ; тогда число хищныхъ насѣкомыхъ быстро увеличится; эти насѣкомыя будутъ поѣдать большее количество вредныхъ мухъ; мухи, становясь менѣе многочисленными, не будутъ въ состояніи истреблять все молодое поколѣніе травоядныхъ породъ; быкъ и лошадь разведутся въ Парагваѣ; ихъ вліяніе произведетъ кое-какія перемены въ растительномъ мірѣ; эти перемены отзовутся на распредѣленіи насѣкомыхъ, а насѣкомыя подѣйствуютъ на тѣхъ птицъ, которымъ они служатъ пищей. Какъ только въ какой нибудь странѣ происходитъ перемена въ числѣ или свойствахъ одной группы, такъ эта перемена тотчасъ даетъ себя чувствовать по всѣмъ направленіямъ. До этой перемены различныя группы держали другъ друга въ равновѣсіи, то есть каждая группа отстаивала свое собственное существованіе и каждая, по мѣрѣ силъ своихъ, мѣшала своимъ сосѣдямъ, родственникамъ, конкурентамъ или врагамъ размножаться далѣе извѣстнаго предѣла. Когда происходитъ перемена, то это равновѣсіе въ одномъ мѣстѣ оказывается нарушеннымъ и тотчасъ начинается во всей необозримой цѣпи органическихъ формъ волнообразное колебаніе, которое черезъ нѣсколько времени приводитъ къ новому равновѣсію. Но будетъ-ли новое равновѣсіе совершенно похоже на старое—это невозможно сказать заранѣе. Самая незначительная перемена можетъ доставить нѣкоторымъ породамъ перевѣсъ надъ противниками; однѣ породы сдѣлаются многочисленнѣе, а другія начнутъ ослабѣвать; борьба между этими породами будетъ продолжаться, но ослабѣвшая сторона уже будетъ не въ состояніи выдерживать натискъ размножившихся враговъ или конкурентовъ; ослабѣвая болѣе и болѣе, она наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, а замѣтное уменьшеніе или окончательное истребленіе цѣлой породы тотчасъ поведетъ за собою новыя колебанія, которыя могутъ опять уничтожить новыя породы животныхъ или растений. Словомъ въ экономіи природы, каждое нарушеніе установившагося равновѣсія можетъ повести за собой такіе-же передвиженія и перевороты, какіе напримѣръ производитъ въ коммерческомъ мірѣ банкротство какого нибудь одного незначительнаго банкирскаго дома. Здѣсь также банкротство одной породы потрясаетъ существованіе многихъ другихъ, и никто не можетъ предвидѣть, куда распространится это потрясеніе и въ какихъ предѣлахъ оно разыграется. Но потрясенія въ экономіи природы совершаются обыкновенно медленно и безъ шума; породы не даютъ другъ другу генеральныхъ сраженій; нѣтъ ни громкой радости со стороны побѣдителей, ни стоновъ отчаянія со стороны побѣжденных; породы торжествуютъ или вымираютъ, сами того не сознавая, и даже для мыслящаго наблюдателя это торжество или вымирание становится

замѣтными не въ исходной своей точкѣ, а уже тогда, когда они почти совершились. Переворотъ тянется цѣлыми вѣками, и наблюдатель никогда не можетъ сказать рѣшительно или даже приблизительно, что переворотъ закончился и что вотъ въ эту минуту всѣ породы извѣстной страны держатъ другъ друга въ равновѣсіи.

Въ природѣ ежеминутно совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя то здѣсь, то тамъ доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другой; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться безъ значительныхъ послѣдствій, но зато вѣкторыя изъ этихъ явленій могутъ сдѣлаться первыми звеньями такой цѣпи событій, которая потянется черезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожитъ множество существующихъ породъ и создастъ на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій. Геологъ, разсматривающій окаменѣлыя остатки животныхъ и растений, видитъ въ нихъ разрозненные листы изъ архива органической природы за цѣлые миллионы вѣковъ; онъ видитъ, что жила порода и что она исчезла, но онъ не можетъ ни видѣть, ни возсоздать силой своего научнаго анализа ту безконечно длинную вереницу мелкихъ причинъ и мелкихъ послѣдствій, которая незамѣтно измѣнила всѣ условія существованія данной природы и понемногу довела данную органическую форму до совершеннаго исчезновенія. Геологъ этого не можетъ видѣть, потому что этого не видитъ даже натуралистъ, изучающій живую природу; но такъ какъ очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: «не знаю», и такъ какъ эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ самое недавнее время, то геологи былыхъ годовъ, видя уничтоженіе органическихъ породъ, немедленно пускались въ геологическую философію и въ геологическую беллетристику, то-есть строили системы и писали романы, въ которыхъ являлись катастрофы, катаклизмы, кризисы, переороты, разыгравшіяся волны шаловливыхъ морей и оглушительный грохотъ совершенно неумѣстныхъ порывовъ центрального огня. И вся эта роскошь научнаго романтизма тратилась на то, чтобы стереть съ лица земли какую нибудь дюжину, или сотню, или тысячу ящеровъ, птицъ или звѣрей, которые, правда, были очень велики, но у которыхъ было все-таки множество мелкихъ враговъ и крупныхъ конкурентовъ, множество мелкихъ преслѣдователей и паразитовъ, и которые вообще могли сойти со сцены такъ-же тихо, благопрістойно и вѣжливо, какъ сошла наприимѣръ въ половинѣ прошлаго столѣтія толстая и глупая птица додо, или какъ сошеть-бы зубръ, если-бы его не берегли ради рѣдкости въ Вѣловѣжской пушчѣ.

Историческая память человѣчества простирается всего на какія-нибудь пять тысячъ лѣтъ, да и то врядъ-ли, потому что кто-же рѣшится сказать, что мы знаемъ хорошо все, что дѣлалось на земномъ шарѣ за 3000 лѣтъ до начала нашей эры. Если-бы даже мы могли утверждать, что втеченіи этихъ пяти тысячъ лѣтъ вымерли только двѣ породы животныхъ— додо и зубръ, то и тогда мы совершенно смѣло могли-бы предполагать, что всѣ животныя и растенія геологическихъ эпохъ вымерли такимъ-же естественнымъ и неэффектнымъ образомъ, какъ толстая птица и теперешній обитатель Вѣловѣжской пушчи. Стало-быть, сколько-бы тысячъ породъ ни отыскалось въ различныхъ пластахъ земной коры, для всѣхъ найдется достаточно времени; всѣ онѣ могли развиваться, бороться между собой, побѣждать противниковъ, и потомъ въ свою очередь ослабѣвать, уменьшаться въ числѣ и вымирать, уступая натиску другихъ, болѣе развитыхъ враговъ, которые по всей вѣроятности находились съ ними въ болѣе или менѣе тѣсномъ, кровномъ родствѣ. Всѣ эти процессы должны были продолжаться для каждой породы десятки и сотни вѣковъ, и все-таки природа ни разу не была принуждена и не могла поторопиться прибавить шагу—произвести мгновенную переимѣну декорацій или вообще какимъ-нибудь образомъ отступить отъ того рокового и необходимаго хода событій, который изучаютъ современные натуралисты путемъ непосредственнаго наблюденія.

Въ природѣ нѣтъ и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій. Громаднѣйшіе результаты достигаются всегда совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ миллионныхъ мельчайшихъ силъ и причинъ, точно такъ, какъ громаднѣйшій организмъ весь состоитъ изъ накопленія микроскопическихъ клѣточекъ. Мы обыкновенно видимъ громадные результаты и не видимъ мелкихъ причинъ, но величайшая заслуга современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ, что лучшіе изслѣдователи постигли вполне несуществованіе крупныхъ явленій и всеобъемлющую важность мелкихъ. Микроскопъ и химическій анализъ проникли въ самое мышленіе натуралистовъ, и поэтому всякій крупный результатъ или разложенъ уже на мелкія составныя части, или будетъ разложенъ тогда, когда усовершенствуются орудія изслѣдованія и увеличится запасъ собранныхъ наблюденій. То, что представляется крупнымъ и цѣльнымъ, все-таки не признается мыслящими натуралистами за крупное и цѣльное явленіе; оно считается только неразложеннымъ и неизслѣдованнымъ и до поры до времени отодвигается въ сторону, въ ту грудку нетронутаго матеріала, которая еще ожидаетъ себѣ мыслящихъ работниковъ и архитекторовъ. Для вопроса объ органическихъ породахъ наступаетъ, кажется, рѣшительная минута. Если изслѣдователи обратятъ все свое вниманіе на разнообразныя проявленія

того процесса, который называется у Дарвина борьбой за жизнь (*struggle for life*), и если они посвящать все свои силы на изучение той безконечно запутанной связи отношений, которая развивается из этой борьбы и охватывает собой весь органический мир, то они навѣрное, рано или поздно, разъяснятъ фактическими наблюдениями все причины, видоизмѣненія, колебанія и вымиранія органическихъ породъ.

Можно утверждать рѣшительно, что для каждого органическаго существа его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ составляютъ самый важный элементъ жизни, безусловно подчиняющей себя все остальные. Даже климатическія условія всегосильнѣе дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ не прямымъ и непосредственнымъ образомъ, а черезъ посредство другихъ растений и животныхъ.

Въ этихъ словахъ заключаются повидимому неясность и противорѣчіе, но я сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло. Если вы, переходя изъ холодной страны въ умѣренную, будете замѣчать, что какая-нибудь порода животныхъ или растений становится рѣдкой и наконецъ исчезаетъ, то вы никакъ не должны думать, что эта органическая форма исчезла оттого, что ей въ этомъ мѣстѣ было-бы слишкомъ тепло жить. Климатъ подѣйствовалъ преимущественно тѣмъ, что онъ измѣнилъ условія борьбы за жизнь. Положимъ, что растеніе *A* успѣшно выдерживаетъ легкіе морозы, а растеніе *B*, неспособное переносить морозы, растетъ гораздо быстрѣе и роскошнѣе предыдущаго. Легкіе морозы не составляютъ для *A* необходимости и ничѣмъ не содѣйствуютъ его благосостоянію, но они убиваютъ или ослабляютъ опаснаго конкурента *B*. Стало быть, въ нашемъ полушаріи, къ сѣверу отъ извѣстнаго градуса широты, перевѣсъ въ борьбѣ будетъ постоянно на сторонѣ *A*; можетъ быть морозы такъ легки, что *B* не умираетъ отъ нихъ, а только теряетъ извѣстную долю своей растительной силы; если-бы надо было бороться съ однимъ климатомъ, то *B* могло-бы передвинуться немного за извѣстный градусъ широты, но такъ какъ за этимъ предѣломъ его ждетъ не одинъ морозъ, а морозъ + конкурентъ *A*, то борьба уже становится не подъ силу, и *B* удаляется въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ морозовъ. *A*, какъ самонадѣянный побѣдитель, пускается догонять своего врага, но тутъ дѣло принимаетъ совершенно новый оборотъ. Растеніе *B*, не ослабленное морозомъ, сильнѣе растенія *A*, и потому побиваетъ его на каждомъ шагу. Съ одной стороны *B* могло-бы подвинуться немного къ сѣверу, а съ другой стороны *A* навѣрное могло-бы подвинуться довольно далеко къ югу; климатъ самъ по себѣ не помѣшалъ-бы ни тому, ни другому, и во второмъ случаѣ онъ можетъ еще менѣе помѣшать, чѣмъ въ первомъ; да конкуренты помѣшаютъ, и вслѣдствіе этого растенія *A* и *B* остаются

каждое въ своей области, несмотря на постоянныя попытки выйти за ея предѣлы. Если мы еще возьмемъ въ расчетъ, что и *A*, и *B* терпятъ горькія обиды отъ разныхъ грызуновъ, насѣкомыхъ, травоядныхъ и зерноядныхъ, и если мы сообразимъ, что все эти животныя также измѣняются вмѣстѣ съ градусомъ широты, то мы вполне поймемъ, что прямое дѣйствіе климата на *A* и на *B* играетъ очень незначительную роль въ массѣ тѣхъ причинъ, которыя привязываютъ эти два растенія къ опредѣленному мѣсту.

Безъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью каждой отдѣльной органической формы нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что именно благоприятствуетъ ей въ одномъ мѣстѣ и мѣшаетъ ей жить въ другомъ. Произнести въ этомъ случаѣ «климатъ» очень легко; сказать «климатъ мѣшаетъ», «климатъ содѣйствуетъ» — тоже не велика хитрость; но климатъ — это огромное явленіе, которое кажется цѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока вы его не разложите на части. Нѣтъ, вы намъ покажите, что именно дѣйствуетъ, морозъ, сырость, вѣтеръ, непостоянство погоды, и т. д., да потомъ покажите, какъ именно дѣйствуетъ, прямо или черезъ другія существа. Вѣдь пожалуй можно сказать, что климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ, и это, строго говоря, не будетъ ошибкой. Положимъ, что быкъ живетъ и къ югу, и къ сѣверу отъ Парагвая: положимъ, что ему не мѣшаютъ жить въ Парагваѣ ни морозы, ни жары, ни дожди, ни вѣтры; все это такъ; но вѣдь та муха, которая заводитъ у него колоніи въ поздрыхъ, живетъ въ Парагваѣ потому, что климатъ позволяетъ ей жить тамъ; вѣдь если-бы ее пристукнулъ морозъ, такъ не жила бы она въ Парагваѣ, ну, стало-быть, и можно сказать, что климатъ виноватъ. Но читатель конечно понимаетъ, что если мы скажемъ: «климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ», то мы этими словами ровно ничего не выразимъ, а только повторимъ уже извѣстный фактъ: «быкъ не живетъ въ Парагваѣ», — фактъ, которому мы должны были искать объясненіе. Если же мы скажемъ: «быку мѣшаетъ жить такая-то муха, и мѣшаетъ именно вотъ тѣмъ», то мы дѣйствительно объяснимъ разсматриваемый фактъ, и докажемъ такимъ образомъ еще разъ, что объяснить — значитъ именно разлагать крупныя, сложное явленіе на мелкія и простыя составныя части. А какъ только начинается разложение или анализъ, такъ непосредственное наблюденіе и прямой опытъ являются единственными возможными орудіями изслѣдованія. Никакой человѣческой умъ не выдумаетъ тѣхъ неожиданныхъ изворотовъ и перепутанныхъ комбинацій, которые обнаруживаются на каждомъ шагу въ отношеніяхъ между органическими существами. Вотъ вамъ примѣръ. Пчелы, бабочки и разныя другія насѣкомыя, добывая себѣ изъ цвѣтовъ сладкіе соки, постоянно уносятъ на своемъ тѣлѣ

частицы цвѣточной пыли; перелетая съ одного цвѣтка на другой, они совершенно невольно и безсознательно переносятъ эту пыль съ тычинокъ, или мужскихъ половыхъ органовъ, на пестики, или женскіе половые органы; такимъ образомъ насѣкомыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтовъ, и для нѣкоторыхъ растений это содѣйствіе такъ необходимо, что для нихъ оплодотвореніе становится невозможнымъ безъ вмѣшательства той или другой группы насѣкомыхъ. Къ числу такихъ зависимыхъ растений относятся *viola tricolor* и различные виды *trifolium*. Двадцать цвѣтковъ *trifolium repens*, при содѣйствіи насѣкомыхъ, дали 2250 сѣмянъ, а двадцать такихъ же цвѣтковъ, защищенныхъ отъ всякихъ посѣтителей, не дали ни одного сѣмьчка. Сто цвѣтковъ *trifolium pratense*, посѣщаемыхъ насѣкомыми, произвели 2700 сѣмянъ, а сто защищенныхъ цвѣтковъ того же сорта не произвели ни одного сѣмьчка. Но не всё крылатая насѣкомыя могутъ быть полезными посредниками для *trifolium pratense*. Бабочка такъ легка, что не можетъ расправитъ своей тяжестью листки вѣнчика, и поэтому она не прикасается своимъ тѣломъ къ тѣмъ мѣстамъ цвѣтка, въ которыхъ находится цвѣточная пыль. Пчела не посѣщаетъ этого цвѣтка, потому что сладкій сокъ его лежитъ слишкомъ глубоко внутри вѣнчика, такъ что пчела не можетъ добраться до него своимъ хоботкомъ. Только шмели, пользуясь сладкимъ сокомъ этого цвѣтка, помогаютъ его оплодотворенію. Если-бы какая-нибудь причина уменьшила въ извѣстной странѣ количество шмелей, то это обстоятельство непременно повело бы за собой уменьшеніе въ количествѣ растений *trifolium pratense*. Шмелей преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ полевые мыши, разоряющія ихъ гнѣзда и питающіяся ихъ медомъ. Полевыхъ мышей истребляютъ кошки, стало-быть, цѣпь отношеній между этими органическими формами представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: чѣмъ больше кошекъ, тѣмъ меньше полевыхъ мышей, тѣмъ больше шмелей и тѣмъ больше цвѣтовъ *trifolium pratense*. Читатель конечно не воображалъ никогда, что кошка имѣетъ значительное вліяніе на судьбу шмелей и помогаетъ оплодотворенію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ непосредственное наблюденіе показало намъ, какимъ образомъ связываются между собой кошка, мышь, шмель и *trifolium pratense*. Тысячи и миллионы другихъ сложныхъ отношеній остаются до сихъ поръ неразъясненными, но мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній или отрицать ихъ громадную важность.

Растенія и животныя размножаются въ геометрической прогрессіи; растенія и животныя постоянно истребляютъ и поѣдаютъ другъ друга; эти два ряда фактовъ очевидны для всякаго ребенка и для всякаго дикаря; изъ этихъ очевид-

ныхъ и общезвѣстныхъ фактовъ вытекаетъ необходимость всемірной борьбы; а если тысячи и миллионы организмовъ ежеминутно борются между собою, то, разумѣется, между ними должны существовать самыя сложныя и запуганныя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ мы въ настоящее время не имѣемъ почти никакого понятія, но безъ этихъ отношеній вся органическая жизнь была бы невозможна и даже немыслима. Каждый организмъ живетъ только потому, что самъ поѣдаетъ что нибудь, и только до тѣхъ поръ, пока его самого не съѣстъ какой-нибудь другой организмъ. Стало-быть, каждый организмъ зависитъ, во-первыхъ—отъ того, что ему служить пищей, и во-вторыхъ—отъ того, что его самого можетъ обратить въ пищу. Въ этой зависимости мы не можемъ себѣ представить ни одного организма, и поэтому очевидно благосостояніе и размноженіе той или другой породы организмовъ зависятъ отъ того, какъ будутъ расположены ея отношенія, во-первыхъ, — къ пищѣ, а во-вторыхъ—къ врагамъ. Чѣмъ больше пищи, тѣмъ лучше; чѣмъ больше враговъ, тѣмъ хуже. Но эти два ряда отношеній зависятъ отъ устройства самаго организма. Если организмъ требуетъ мало пищи, то у него больше шансовъ быть постоянно сытымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы онъ требовалъ много пищи; если организмъ одаренъ въ значительной степени оборонительнымъ оружіемъ, то для него не страшны враги. Можно было бы представить еще много другихъ условий, но достаточно и этого, чтобы показать читателю, какимъ образомъ устройство организма можетъ быть и дѣйствительно бываетъ то помѣхой, то содѣйствіемъ въ общей борьбѣ за существованіе. Не трудно понять, что всего долѣе долженъ продержаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и на этомъ-то очевидномъ положеніи основывается весь прогрессъ животныхъ и растений и вся теорія Дарвина.

VIII.

Естественный выборъ.

Индивидуальное разнообразіе бываетъ особенно сильно у домашнихъ животныхъ и у тѣхъ растений, которыя подчинены вліянію человѣка. У дикихъ животныхъ и растений это разнообразіе также существуетъ, хотя выражается обыкновенно менѣе рѣзко. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности могутъ быть вредны для животнаго или для растенія, другія могутъ быть ему полезны, третьи наконецъ могутъ быть безразличны. Напримѣръ, одинъ волкъ одаренъ особенно острымъ обоняніемъ, другой отличается слабымъ развитіемъ мускуловъ, а у третьяго цвѣтъ шерсти немного потемнѣе или посвѣтлѣе,

чѣмъ у товарищей. Первому волку острое обоняніе будетъ въ жизни большой подмогой; оно дастъ ему возможность съ особеннымъ успѣхомъ хотѣться за разной добычей и во-время убѣгать отъ всякихъ преслѣдователей. Второй волкъ, отличающійся слабыми мускулами, будетъ особенно часто подвергаться голоду и разнымъ опасностямъ; захочетъ онъ утащить къ себѣ въ лѣсъ овцу и не одолѣетъ этого дѣла — его застигнутъ люди на мѣстѣ преступления, и онъ или будетъ убитъ, или будетъ принужденъ бросить свою добычу и бѣжать въ лѣсъ съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ третій волкъ будетъ жить счастливо или несчастливо, смотря по обстоятельствамъ, но цвѣтъ его шерсти по всей вѣроятности не будетъ для него ни помѣхой, ни нособиемъ въ жизни. Первый волкъ вѣроятно проживетъ дольше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно оставитъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Второй волкъ вѣроятно погибнетъ раньше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно или умретъ безъ потомства, или оставитъ послѣ себя немногихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ дѣтей перваго волка получаютъ отъ отца его острое обоняніе; эти субъекты будутъ имѣть шансы пережить своихъ братьевъ и передать свою наследственную особенность своимъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ немногихъ дѣтей второго волка получаютъ отъ отца его слабую мускулатуру, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть очень мало шансовъ прожить долго и передать свой наследственный порокъ будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ острое обоняніе будетъ постоянно укореняться въ волчьей породѣ сильнѣе и сильнѣе, а ненормальная слабость мускуловъ будетъ постоянно выбрасываться вонъ. Что же касается до темныхъ или свѣтлыхъ отгѣнковъ шерсти, то они, какъ безразличныя качества, будутъ постоянно подвергаться колебаніямъ и измѣненіямъ.

То, что мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ, можетъ быть обобщено и распространено на весь органическій міръ. Всякая полезная особенность прививается къ породѣ и удерживается въ ней, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всякая вредная особенность уничтожается. Безразличныя особенности колеблются и мѣняются. Если мы вдумаемся только въ смыслъ словъ «полезный» и «вредный», и если мы припомнимъ, что, по закону наследственности, качества родителей обыкновенно передаются или всѣмъ дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что наше обобщеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего натянутого или произвольнаго. Полезно то, что даетъ организму возможность одолѣвать противниковъ въ борьбѣ за жизнь; вредно то, что отнимаетъ у него эту возможность; слѣдовательно, полезная особенность, по самой сущности своей, придаетъ отдѣльному

организму прочность, а вредная, также по самой сущности своей, сообщаетъ ему хрупкость. Прочный организмъ живетъ долго и, стало-быть, успѣваетъ породить много другихъ организмовъ, также прочныхъ; а хрупкій организмъ ломается скоро и стало-быть не успѣваетъ населить міръ новыми хрупкими организмами. Поэтому прочность организма и все, что содѣйствуетъ этой прочности, принимаетъ характеръ устойчивости и долговѣчности; а хрупкость и всѣ ея отдѣльные атрибуты, то-есть всѣ вредныя особенности, непременно должны быть явленіями временными и мимолетными.

Природа ежеминутно въ громадныхъ размѣрахъ производитъ надъ всѣми органическими существами ту операцію выбора, которую опытные заводчики производятъ надъ своими ручными животными. Но человѣкъ выбираетъ въ животныхъ и въ растеніяхъ тѣ особенности, которыя нравятся или приносятъ пользу ему, человѣку, а природа, то-есть совокупность естественныхъ законовъ, выбираетъ и упорочиваетъ только то, что полезно самому животному или растенію; заводчикъ обыкновенно обращаетъ вниманіе только на то, что бросается въ глаза, а для природы не существуетъ никакого различія между внѣшними и внутренними органами; если проявилась у животного индивидуальная особенность въ печени или въ легкихъ, и если эта особенность полезна, то она будетъ сохранена и упорочена, точно такъ же, какъ могла бы сохраниться и упорочиться совершенно очевидная особенность, проявившаяся въ устройствѣ ногъ, роговъ или ушей. Человѣкъ не позволяетъ быкамъ или жеребцамъ драться между собою за обладаніе самками, а въ природѣ самцы дерутся, побѣда остается за самыми сильными, и слѣдовательно качества сильныхъ побѣдителей упорочиваются въ потомствѣ. Жизнь человѣка коротка и вкусы его измѣнчивы, а природа дѣйствуетъ на органическій міръ въ продолженіи безконечнаго ряда вѣковъ и постоянно дѣйствуетъ по одному направленію, то-есть уничтожаетъ все, что слабо и хрупко, и поддерживаетъ все, что крѣпко и прочно.

Этотъ законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго выбора. Вопросъ о томъ, что полезно, что вредно и что безразлично, рѣшается для каждаго отдѣльнаго случая прямымъ опытомъ жизни; тутъ не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ; все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ живетъ данный организмъ, какую пищу ему приходится добывать и отъ какихъ враговъ онъ терпитъ преслѣдованія. Для волка цвѣтъ шерсти не составляетъ никакой важности. Его преслѣдуютъ люди, которымъ обыкновенно помогаютъ собаки; собаки отыскиваютъ волка чутьемъ, а не зрѣніемъ, стало-быть, какъ-бы цвѣтъ волка,

ни сливался съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, его все-таки отыщутъ и затравятъ; но для многихъ птицъ цвѣтъ перьевъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ. Соколы, ястребы и другіе хищники съ высоты своего полета высматриваютъ себѣ добычу, и конечно имъ бросаются въ глаза преимущественно тѣ птицы, которыя своимъ цвѣтомъ рѣзко отдѣляются отъ окружающихъ предметовъ. Бѣлые голуби такъ часто дѣлаются жертвой хищныхъ птицъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ любители или хозяева совсѣмъ не держатъ бѣлыхъ голубей. Многимъ породамъ дикихъ птицъ чрезвычайно полезно то обстоятельство, что онѣ по цвѣту своихъ перьевъ совершенно сливаются съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ постоянно живутъ. Альпійская куропатка зимой становится совершенно бѣлой, и этотъ цвѣтъ приноситъ ей пользу, потому что она постоянно держится на снѣжныхъ вершинахъ. Шотландскій тетеревъ, живущій среди бурьяна, отличается тѣмъ буроватымъ цвѣтомъ, который свойственъ этимъ растеніямъ. Другая порода тетерева держится на торфяникахъ и сливается съ ними чернымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ. Многія насѣкомыя, живущія на листьяхъ, отличаются зеленымъ цвѣтомъ; другія, живущія на древесной корѣ, принимаютъ бурый или сѣрый цвѣтъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цвѣтъ составляетъ для животнаго одно изъ важнѣйшихъ оборонительныхъ средствъ, и чѣмъ онъ важнѣе для животнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него естественный выборъ. По всей вѣроятности было время, когда черныи и бурый тетерева не составляли двухъ отдѣльныхъ породъ; тогда тетерева рождались и черные, и бурные, и пестрые, и быть можетъ даже бѣлые; водились они и на торфяникахъ, и въ бурьянѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но на торфяникахъ хищныя птицы истребляли почти всѣхъ тетеревовъ, кромѣ черныхъ, а въ бурьянѣ — почти всѣхъ, кромѣ бурыхъ; такимъ образомъ случайное и легкое индивидуальное свойство, заключавшееся въ цвѣтъ перьевъ, сдѣлалось, путемъ естественнаго выбора, постояннымъ отличительнымъ признакомъ бѣлой породы. И такимъ образомъ изъ одной породы выработались двѣ, три или больше, смотря по обстоятельствамъ жизни. Когда за нѣсколькими породами птицъ окончательно упрочился цвѣтъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ проводятъ свою жизнь, тогда это обстоятельство должно было въ свою очередь подѣйствовать на зрѣніе хищниковъ, также посредствомъ естественнаго выбора. Бурого тетерева труднѣе разглядѣть въ бурьянѣ, чѣмъ чернаго, или пестраго, или бѣлаго; поэтому, когда остались въ бурьянѣ только одни бурные тетерева, тогда стали находить себѣ добычу только тѣ соколы или ястребы, у которыхъ зрѣніе было особенно сильно. Остальнымъ хищникамъ приходилось часто голодать; ну, стало-быть понятно, что особенно

зоркіе хищники получили перевѣсъ надъ менѣе зоркими, оставили послѣ себя болѣе многочисленное потомство, передали нѣкоторымъ изъ своихъ потомковъ свое исключительно острое зрѣніе и наконецъ мало-по-малу обратили эту высшую степень зоркости въ постоянное свойство цѣлыхъ видовъ и родовъ.

Такъ могли воспитываться, и дѣйствительно воспитывались втеченіи вѣковъ и тысячелѣтій всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что свойства родителей обыкновенно наследуются дѣтьми именно въ томъ возрастѣ, въ какомъ эти свойства обнаружались у родителей. Если въ какомъ-нибудь семействѣ существуетъ наследственная болѣзнь, напримѣръ сумасшествіе, или падучая, или подагра и т. п., то эта болѣзнь проявляется обыкновенно у всѣхъ членовъ семейства въ одномъ и томъ-же возрастѣ. То-же самое замѣчается во всемъ органическомъ мірѣ. Если у насѣкомаго проявляется какая-нибудь особенность въ личинкѣ, въ куколкѣ или въ бабочкѣ, то и у дѣтей этого насѣкомаго особенность эта проявится въ той-же самой фазѣ развитія. Если у птицы обнаружилась особенность въ формѣ яицъ или въ цвѣтѣ того пуха, которымъ покрываются птенцы, то особенность эта такъ и будетъ обнаруживаться у слѣдующихъ поколѣній въ тѣ-же самые періоды жизни.

Когда я говорилъ о домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, то я обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, какимъ образомъ проявляется разнообразіе въ различныхъ сортахъ георгины, капусты и крыжовника. Мы видѣли тамъ, что систематическій выборъ челоуѣка можетъ дѣйствовать или на цвѣты растенія, или на его листья, или на его плоды. То же самое можно сказать и объ естественномъ выборѣ. Если для растенія полезно имѣть напримѣръ такія сѣмена, которыя вѣтеръ уноситъ бы на далекія разстоянія и которыя вслѣдствіе этого имѣли бы больше шансовъ упасть на незанятой клочекъ земли, то именно такія сѣмена и выработаются путемъ естественнаго выбора. Это и случилосъ съ сѣменами тѣхъ желтыхъ цвѣтовъ, которые называются одуванчиками и которые дѣйствительно обдуваются вѣтромъ въ концѣ лѣта и въ началѣ осени.

Такъ какъ процессъ естественнаго выбора вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, совершается точь въ точь такъ, какъ я объяснилъ его въ трехъ примѣрахъ, — о волкѣ, о тетеревѣ и о хищныхъ птицахъ, — то я ужъ больше не буду распространяться объ этомъ процессѣ по поводу каждаго отдѣльнаго примѣра. Я просто буду говорить: «путемъ естественнаго выбора», и надѣюсь, что читатель не будетъ затрудняться этими словами, которыя теперь уже должны быть для него совершенно понятны.

У нѣкоторыхъ животныхъ есть такіе органы, которые являются имъ необходимыми только одинъ разъ въ жизни. У молодыхъ птицъ клювъ оканчивается твердой роговой частицей, которой птица продавливаетъ скорлупу своего яйца и которая въ послѣдствіи отваливается прочь. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ остаются на всю жизнь большія и крѣпкія челюсти, которыми насѣкомое разорвало свой коконъ и которыя послѣ этого не приносятъ уже никакой пользы. Хотя эти органы дѣйствуютъ только одинъ разъ въ жизни, однако они также подчиняются естественному выбору, потому что тотъ моментъ, когда они дѣйствуютъ, рѣшаетъ всю судьбу животнаго, то-есть даетъ ему возможность жить или осуждаетъ его на смерть. Птичка съ мягкимъ клювомъ не можетъ пробить скорлупу своего яйца, а насѣкомое, лишенное крѣпкихъ челюстей, не можетъ прогрызть свой коконъ; такая птичка и такое насѣкомое непременно погибнутъ до выхода своего на свѣтъ, и слѣдовательно они никакъ не могутъ передать свою индивидуальную особенность слѣдующимъ поколѣніямъ.

Здѣсь представляется намъ любопытный примѣръ того главнаго различія, которое существуетъ между вліяніемъ природы и дѣйствіемъ человѣка. Курносый турманъ, отличающійся отъ другихъ голубей своимъ воробьинымъ клювомъ, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ короче его клювъ. Выбирая постоянно самыхъ курносыхъ субъектовъ, любители довели эту породу до такой крайности, что нѣкоторые изъ самыхъ чистѣйшихъ ея представителей уже не могутъ вылупливаться изъ яйца. Клювъ такъ коротокъ и его роговая частица такъ слаба, что курносой птичкѣ нечѣмъ продавить яичную скорлупу. Птицѣ пришлось бы погибать, и природа очень быстро уничтожила бы неумѣренную курносость, но любители этого не допускаютъ. Они стерегутъ ту минуту, когда птица должна выходить изъ яйца, и потомъ сами осторожно продавливаютъ скорлупу. Дѣйствуя такимъ образомъ, любители сформируютъ современемъ такую породу птицъ, которая уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ выдѣлаться изъ яйца безъ посторонней помощи. Разумѣется, такая порода животныхъ безъ вмѣшательства человѣка не могла бы образоваться; какъ только вліяніе человѣка прекратилось бы, такъ чистѣйшіе представители этой породы погибли бы немедленно, и характерная особенность утратилась бы черезъ нѣсколько поколѣній, потому что эта особенность не могла бы поддерживаться естественнымъ выборомъ. Естественный выборъ можетъ развить и сохранить только тѣ особенности, которыя полезны самой породѣ, а никакъ не тѣ, которыя приносятъ выгоду или удовольствіе другому ряду животныхъ. Въ естественномъ состояніи только тотъ организмъ живетъ долго и размножается сильно, который самъ по себѣ здоровъ и крѣпокъ, а вовсе не тотъ, который одаренъ

вкуснымъ мясомъ, тонкой шерстью, звучнымъ голосомъ или пріятной наружностью. Но когда организмъ попадаетъ подъ власть человѣка, тогда конечно выдвигаются на первый планъ и получаютъ первостепенную важность именно тѣ впечатлѣнія, которыя этотъ организмъ производитъ на своего владѣльца. Оставляется на заводъ не тотъ баранъ, который всѣхъ крѣпче, а тотъ, у котораго шерсть особенно тонка. Оставляется на заводъ не тотъ голубь, который всѣхъ нормальнѣе, а напротивъ того, часто именно тотъ, который всѣхъ уродливѣе. Оттого-то мы и видимъ почти во всѣхъ породахъ нашихъ животныхъ и растений разныя приспособленія къ выгодамъ и прихотямъ человѣка. Эти приспособленія не могли возникнуть и развиться во время дикой жизни нашихъ домашнихъ породъ; они сформированы уже послѣ ихъ прирученія, сформированы путемъ систематическаго или безсознательнаго вліянія человѣка, а это вліяніе часто расходитъ съ естественнымъ выборомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ ему наперекоръ, какъ мы это видимъ въ дѣлѣ курносыхъ турмановъ.

Этимъ разладомъ между частными интересами человѣка и общими интересами всей органической жизни объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что ни въ Австраліи, ни на мысѣ Доброй Надежды не нашлось ни одного растенія, которое стоило бы обрабатывать въ огородѣ или въ фруктовои саду. Дѣло въ томъ, что наши домашнія растенія испытываютъ на себѣ вліяніе человѣка въ продолженіи многихъ тысячелѣтій; поэтому они значительно уклонились отъ своего первоначальнаго типа, и уклонились именно въ ту сторону, въ которую гнутъ ихъ выборъ человѣка. Что же касается до туземныхъ растеній Австраліи и Калскаго Земли, то они постоянно подчинялись только естественному выбору; дикари, жившіе въ этихъ земляхъ, не имѣли на нихъ никакого вліянія, и поэтому въ нихъ не существуетъ тѣхъ приспособленій, которыми мы дорожимъ въ нашихъ овощахъ или садовыхъ ягодахъ. Эти приспособленія могли бы выработаться черезъ нѣсколько столѣтій, но кому же охота начинать работу съ начала, когда мы имѣемъ уже готовые продукты, то-есть хорошую капусту, морковь, горохъ, землянику, малину, крыжовникъ, и вообще все, что въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ пользу или удовольствіе?

Выводъ тотъ, что каждая порода дѣйствуетъ постоянно только сама для себя, и что полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основной законъ жизни для всего органическаго міра. Человѣкъ можетъ передѣлать капусту для себя, но сама капуста ни подъ какимъ видомъ не будетъ передѣлывать себя для человѣка. Сохраняться и размножаться въ естественномъ состояніи будутъ тѣ экземпляры, которые особенно хорошо защищены своей организаціей отъ враждебныхъ вліяній, а не тѣ, которые особенно сочны и вкусны для человѣка.

IX.

Половые отношенія.

Случается иногда, что какая нибудь особенность проявляется и становится наследственной у однихъ самоцовъ или у однихъ самокъ. Если такая особенность помогаетъ акту дѣтворенія, или вообще доставляетъ данному субъекту какой нибудь перевѣсъ надъ другими животными той же породы, то она можетъ быть сохранена и усовершенствована вліаніемъ естественнаго выбора. Сохраненіе и усовершенствованіе такихъ полезныхъ половыхъ особенностей объясняетъ намъ то обстоятельство, что во многихъ породахъ животныхъ самцы одарены такимъ специальнымъ оружіемъ, котораго нѣтъ у самокъ. Самцы обыкновенно дерутся между собой за обладаніе самками, и въ этой дракѣ одерживаютъ побѣду тѣ субъекты, которые вооружены лучше другихъ. Для этой борьбы такое оружіе, какъ рогъ оленя или крючковатая челюсть самца семги, или шпора пѣтуха, оказывается полезнѣе, чѣмъ общая крѣпость тѣлосложенія. Крѣпкій и здоровый субъектъ имѣетъ шансы пережить своихъ сверстниковъ, но, чтобы оставить послѣ себя потомство и передать этому потомству свои личныя особенности, этому субъекту необходимо еще обладать хорошимъ оружіемъ, неукротимой храбростью и задорнымъ характеромъ. Такимъ образомъ борьба за самокъ вводитъ въ дѣло естественнаго выбора новый элементъ, который никакъ нельзя считать маловажнымъ, потому что эта борьба существуетъ, какъ постоянное правило, почти во всѣхъ высшихъ областяхъ животнаго царства.

У млекопитающихъ задоръ самоцовъ такъ великъ, что, при малѣйшемъ недосмотрѣ со стороны человѣка, быки, бараны или жеребцы вступаютъ между собой въ сраженіе, хотя повидимому спокойная и однообразная жизнь скотнаго двора или конюшни должна была бы значительно ослабить у нашихъ домашнихъ животныхъ первобытную пылкость характера. Драки между самцами домашнихъ птицъ также случаются каждый день, и при этомъ любопытно замѣтить напримѣръ разительную противоположность между смиреннымъ нравомъ курицы и неукротимой свирѣпостью пѣтуха. Это свойство характера такъ же точно выработалось путемъ естественнаго выбора, какъ фигура и оружіе пѣтуха, потому что храбрый и задорный пѣтухъ имѣлъ значительные шансы побѣдить и отогнать прочь отъ самокъ своего трусливаго или уступчиваго противника. Изъ пресмыкающихся, аллигаторы сильно дерутся между собой за самокъ; при этомъ они мычатъ и кружатся съ возрастающей быстротой, какъ индѣйцы, танцующіе свою военную пляску. Изъ рыбъ, семги дерутся по цѣлымъ днямъ. Даже многія насѣкомыя придерживаются этого обычая. Нѣкоторыя породы птицъ вносятъ въ эту борьбу

мирный элементъ артистическихъ состязаній. Самцы стараются привлечь къ себѣ самокъ мелодическимъ пѣніемъ, и это имъ удается, потому что въ противномъ случаѣ не за чѣмъ было бы соловью, канарейкѣ и многимъ другимъ пѣвчимъ птицамъ надсаживать себѣ горло именно въ то время, когда наступаетъ для нихъ пора любви. Здѣсь побѣда достается лучшему пѣвцу; естественный выборъ дѣйствуетъ на музыкальныя способности птицъ, и его дѣйствіемъ, продолжающимся цѣлыя тысячелѣтія, объясняется, во-первыхъ, необыкновенное развитіе голоса у нѣкоторыхъ породъ, а во-вторыхъ—то обстоятельство, что поютъ преимущественно, а можетъ быть даже исключительно, одни самцы. Другія птицы обольщаютъ легкомысленныхъ самокъ красотой своего оперенія. *Каменные птутушки*, живущіе въ Гвианѣ, и райскія птицы производятъ бала или турнира, единственно для того, чтобы показать своимъ дамамъ всю свою ловкость и всю блестящую красоту своихъ перьевъ. Они распускаютъ поочереди хвостъ и крылья, принимаютъ самыя необыкновенныя позы, вертятся, пляшутъ и наконецъ, очаровавши присутствующихъ зрителей, предоставляютъ имъ выбирать того или тѣхъ, кто умѣлъ имъ понравиться сильнѣе прочихъ. Здѣсь естественный выборъ очевидно направляется на цвѣтъ и пестроту перьевъ, и его постоянное дѣйствіе объясняетъ намъ также, почему у самоцовъ опереніе бываетъ обыкновенно красивѣе и ярче, чѣмъ у самокъ той же породы.

Въ мірѣ растений конечно не можетъ быть ни борьбы между самцами, ни выбора со стороны самки; у очень многихъ растений женскіе и мужскіе органы соединены въ одномъ цвѣткѣ; мужскіе органы вырабатываютъ цвѣточную пыль, роняютъ ее на женскій органъ и совершаютъ такимъ образомъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго цвѣтокъ оканчиваетъ свое существованіе и превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ сѣмена. Здѣсь половыя отношенія, разумѣется, гораздо проще, чѣмъ въ мірѣ высшихъ животныхъ. У простѣйшихъ животныхъ и у тайнобрачныхъ растений они еще проще, но объ нихъ намъ не за чѣмъ говорить. У многихъ изъ высшихъ растений половыя органы находятся на разныхъ цвѣткахъ, такъ что одинъ цвѣтокъ имѣетъ въ себѣ только пестикъ, или женскій половой органъ, а другой—только тычинки, или мужскіе органы, вырабатывающіе цвѣточную пыль. Такое раздѣленіе органовъ выгодно для растенія, несмотря на то, что оплодотвореніе при этихъ условіяхъ не можетъ совершаться безъ посторонней помощи. Обыкновенно помогаютъ вѣтеръ и насѣкомыя. Выгода для растенія заключается тутъ въ томъ, что всѣ силы каждаго отдѣльнаго цвѣтка устремляются на одно отправленіе, вѣсте того чтобы дробиться между двумя различ-

ными занятіями. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ великій принципъ раздѣленія труда, который сохраняетъ всю свою силу во всѣхъ отдѣлахъ растительнаго и животнаго царства, начиная отъ экономической дѣятельности человѣка и кончая прозябаніемъ грибовъ и водорослей. Современные натуралисты признали важное значеніе этого принципа и, приложивъ его къ объясненію многихъ явленій органической жизни, назвали его *раздѣленіемъ физиологическаго труда*. У растений, соединяющихъ оба пола въ одномъ цвѣткѣ, случается иногда, что нѣкоторые субъекты представляютъ одностороннее развитіе, то-есть одинъ изъ половых органовъ развивается въ ущербъ другому. Такой цвѣтокъ очевидно не можетъ оплодотворять самого себя, но зато въ своей специальности онъ сильнѣе своихъ нормально сложившихся сверстниковъ, то-есть или его тычинки развиты особенно хорошо и вырабатываютъ цвѣточную пыль отличнаго качества, въ обыкновенномъ изобилии, или его пестикъ отличается особенно крѣпкой организаціей. Въ первомъ случаѣ нашъ субъектъ съ большимъ успѣхомъ можетъ оплодотворить другой цвѣтокъ; во второмъ случаѣ онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ принять отъ другого оплодотворяющую пыль; въ обоихъ случаяхъ нашъ ненормальный цвѣтокъ, именно вслѣдствіе своей ненормальности, исполнитъ свое специальное дѣло отлично; онъ оставитъ послѣ себя многочисленное и крѣпкое потомство, то-есть произведетъ много сѣмянъ, а изъ этихъ сѣмянъ выростутъ при благоприятныхъ условіяхъ здоровыя растенія, и между этими растеніями нѣкоторыя наследуютъ по всей вѣроятности ту односторонность, которою отличался папаша или отличалась мамаша. Эти растенія опять произведутъ здоровое и многочисленное потомство; дѣло пойдетъ вообще обыкновеннымъ путемъ естественнаго выбора, и такимъ образомъ рядомъ съ растеніями, соединяющими въ одномъ цвѣткѣ оба половые органа, возникнетъ и упрочится новая порода такихъ растеній того же сорта, у которыхъ мужской и женскій органы будутъ находиться отдѣльно, на разныхъ цвѣткахъ. Ботаника дѣйствительно знаетъ довольно много такихъ примѣровъ. Помѣщеніе половых органовъ на двухъ различныхъ цвѣткахъ выгодно для растеній въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе раздѣленія физиологическаго труда, а во-вторыхъ—потому, что на весь органическій міръ распространяется одинъ общій законъ, который повидимому также находится въ связи съ принципомъ раздѣленія труда. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что для поддержанія плодovitости необходимо совокупленіе двухъ различныхъ индивидуумовъ. У высшихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, у которыхъ половые органы раздѣлены, совокупленіе необходимо предъ каждымъ дѣторожденіемъ. Напротивъ того, у гермафродитовъ животнаго и расти-

тельного царства, то-есть у тѣхъ породъ, у которыхъ оба органа принадлежатъ одному субъекту, дѣтороженіе производится обыкновенно безъ совокупленія. Каждый субъектъ самъ себя оплодотворяетъ и самъ родитъ. Но если этотъ процессъ продолжается черезъ нѣсколько поколѣній гермафродитовъ, то наконецъ ихъ производительная сила слабѣетъ и истощается, такъ что для восстановленія этой силы необходимо, чтобы два гермафродита одной породы взаимно оплодотворили другъ друга. Послѣ этого гермафродитъ опять можетъ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній обходиться безъ посторонней помощи. Такъ это и дѣлается. Гермафродиты изъ класса моллюсковъ иногда совокупляются, а гермафродиты растительнаго царства оплодотворяютъ другъ друга при содѣйствіи вѣтра и насѣкомыхъ, которые переносятъ цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой и даже очень часто производятъ помѣсь между различными породами растеній, находящихся между собой въ близкомъ родствѣ. Если два растенія принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ семействамъ, то цвѣточная пыль одного вовсе не подѣйствуетъ на женскій органъ другого. Если два растенія принадлежатъ къ одному роду, но къ двумъ различнымъ видамъ, тогда они произведутъ помѣсь, которая называется *гибридомъ* и которая будетъ такъ же бесплодна, какъ напримѣръ бесплодны въ животномъ царствѣ мулы и лошаки, составляющіе помѣсь лошади съ осломъ. Если два растенія принадлежатъ къ одному виду, но къ двумъ различнымъ породамъ или разновидностямъ, то помѣсь ихъ будетъ называться *метисомъ* и будетъ способна размножаться. Наконецъ, если два растенія принадлежатъ къ одной породѣ, то они, оплодотворивши другъ друга, произведутъ такое потомство, которое будетъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ потомство гермафродита, оплодотворившаго себя своей собственной цвѣточной пылью. Короче сказать, для успѣшнаго дѣтороженія *) необходимо различіе между содѣйствующими сторонами, но только до извѣстныхъ предѣловъ. Когда различіе слишкомъ мало или совсѣмъ не существуетъ, тогда производительная сила слабѣетъ и исчезаетъ. Когда различіе слишкомъ велико, тогда производительная сила тоже слабѣетъ и исчезаетъ. Если мы взглянемъ на высшихъ животныхъ, то увидимъ тутъ съ одной стороны, что совокупленія между очень близкими родственниками портятъ породу, а съ другой стороны, что совокупленія между различными видами или совершенно невозможны, или даютъ бесплодное потомство. Теперь понятно почему для растенія выгодно раздѣленіе поло-

*) Я употребляю для краткости это выраженіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, прилагая его и къ моллюскамъ, и къ растеніямъ, и къ высшимъ животнымъ, и вообще ко всему органическому міру.

выхъ органовъ:—потому, что такое раздѣленіе непременно требуетъ для дѣторожденія совокупнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ субъектовъ, а это совокупное дѣйствіе ведетъ за собой улучшение и укрѣпленіе породы. Почему именно существуетъ этотъ общій законъ, и изъ какихъ основныхъ свойствъ органической жизни онъ вытекаетъ, этого натуралисты еще не знаютъ, и, стало быть, до поры, до времени намъ приходится только отмѣтить здѣсь его дѣйствительное существованіе, доказанное множествомъ отдѣльныхъ наблюдений.

У нѣкоторыхъ растений—гермафродитовъ половые органы, соединенные на одномъ цвѣткѣ, устроены такъ, что цвѣтокъ самъ себя оплодотворять не можетъ, и слѣдовательно или умираетъ безъ потомства, или обмѣнивается услугами со своими сверстниками и сосѣдями. Такъ напримѣръ у *Lobelia fulgens* тычинки цвѣтка созрѣваютъ и выдѣляютъ цвѣточную пыль тогда, когда пестикъ того же цвѣтка еще не созрѣлъ и не можетъ воспользоваться оплодотвореніемъ. Ясно, стало-быть, что выработанная пыль или пропадаетъ даромъ, или достается пестику другого цвѣтка, развившагося раньше перваго. Когда же разовьется въ свою очередь пестикъ перваго цвѣтка, тогда оказывается, что тычинки уже отжили и прекратили свою дѣятельность. Тутъ, значитъ, пестику приходится или увядать безъ потомства, или принимать цвѣточную пыль отъ другого, младшаго цвѣтка. Такимъ образомъ выходитъ, что *Lobelia fulgens* въ молодости своей бываетъ мужчиной, а подлѣ старость становится женщиной. Настоящимъ же гермафродитомъ, то-есть мужчино-женщиной, она никогда не бываетъ. Тутъ очевидно есть противорѣчіе между конструкціей цвѣтка и его дѣятельностью. По конструкціи—онъ настоящій гермафродитъ, а по дѣятельности—однополое растеніе. Это противорѣчіе было бы необъяснимо, если-бы мы предположили, что *Lobelia fulgens* вышла изъ земли съ готовой конструкціей и съ готовой дѣятельностью, подобно тому, какъ нашъ давнишній знакомый, идеальный баранъ, неизмѣнный *ovis aries* (смотри *введеніе*), вышелъ изъ земли во всеоружіи своихъ атрибутовъ. Но противорѣчіе объяснится, если мы предположимъ, что естественный выборъ уже переработалъ дѣятельность цвѣтка и еще не успѣлъ переработать его конструкцію.

Вотъ какъ было дѣло. У нѣкоторыхъ экземпляровъ *Lobelia fulgens* тычинки созрѣли чуть чуть пораньше пестика; это индивидуальное уклоненіе такъ же возможно, какъ и всякое другое: оно было выгодно для цвѣтка, потому что вся масса его цвѣточной пыли устремлялась по необходимости на другіе цвѣты, то-есть туда, гдѣ она могла принести величайшее количество пользы; ни одна частица этой пыли не тратилась за свой пестикъ, и, стало-быть, пестикъ, не за-

соренный своей собственной пылью, былъ въ высшей степени способенъ принять ту пыль, которая вызвала къ дѣятельности всѣ его производительныя силы. Значитъ, и пыль, и пестикъ этихъ цвѣтковъ дѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ тѣ же органы другихъ, совершенно нормальныхъ субъектовъ. Ну, а послѣдствія давно извѣстны читателю: крѣпкое потомство, сохраненіе выгодной особенности, сохраненіе тѣхъ субъектовъ, у которыхъ эта особенность сильнѣе развита, чѣмъ у другихъ, усиленіе особенности посредствомъ постоянного выбора, превращеніе особенности въ постоянное и коренное свойство, образованіе новой видоизмѣненной породы рядомъ со старой и наконецъ совершенная побѣда новой породы надъ старой,—побѣда, приводящая за собой медленное и полное вымираніе старой породы—черезъ эти фазы проходитъ всегда естественный выборъ и черезъ эти же фазы прошелъ онъ тогда, когда измѣнилъ дѣятельность цвѣтка *Lobelia fulgens*. Точно также совершилось бы измѣненіе его конструкціи, лишь бы только представились такія индивидуальныя уклоненія, которыя полезны для цвѣтка и которыми вслѣдствіе этого можетъ овладѣть естественный выборъ. Пусть читатель твердо запомнитъ, что безъ индивидуальныхъ уклоненій естественный выборъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ не производитъ этихъ уклоненій; онъ только сохраняетъ ихъ, а производятся эти уклоненія совершенно другими причинами, и притомъ такими, которыя до сихъ поръ очень мало изслѣдованы.

X.

Образованіе разновидностей, видовъ и родовъ.

Борьба за жизнь, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то усиливается и становится болѣе ожесточенной, то ослабѣваетъ и принимаетъ болѣе спокойное теченіе. Если напримѣръ лѣтняя засуха уменьшила въ какой-нибудь степной странѣ количество травы, то, разумеется, борьба между травоядными сдѣлается особенно сильной. Если въ страну врывается новая порода животныхъ или растений, то борьба, происходившая обыкновенно между туземными формами, тотчасъ оживляется, потому что пришельцы вносятъ въ эту борьбу еще новый элементъ и еще болѣе перепутываютъ своимъ появленіемъ сложную сѣть прежнихъ отношеній между животными и растениями. Если какая-нибудь туземная форма животныхъ или растений испытываетъ то или другое измѣненіе, тотчасъ это измѣненіе отражается на общемъ колоритѣ борьбы, и борьба на время усиливается, потому что остальнымъ формамъ приходится принаровиться къ этому измѣненію, чтобы не потерпѣть отъ него существеннаго ущерба. Чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ она доступнѣе для чужеземныхъ растений и живот-

ныхъ, чѣмъ разнообразіе ея собственное населеніе, тѣмъ ожесточеннѣе кипитъ въ ней борьба за жизнь, тѣмъ чаще происходятъ періодическія усиленія этой борьбы и тѣмъ прихотливѣе и пестрѣе перепутываются отношенія между различными органическими породами. Но чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ труднѣе побѣда, а такъ какъ живутъ и размножаются только побѣдители, то тѣмъ строже естественный выборъ. Та порода, которая измѣняется въ свою пользу медленно, чѣмъ ея конкуренты, терпитъ рѣшительное пораженіе, теряетъ средства къ существованію и становится малочисленной. А какъ только она начинаетъ убывать, такъ окончательное истребленіе ея становится почти несомнѣннымъ. Во-первыхъ, на малочисленную породу всякія неблагоприятныя обстоятельства, вроде холодной зимы, жаркаго лѣта, голоднаго года, дѣйствуютъ гораздо разрушительнѣе, чѣмъ на многочисленную. Малочисленная порода можетъ при такихъ условіяхъ вымереть безъ остатка, а для многочисленной породы такой трагическій случай представляется въ высшей степени неправдоподобнымъ. Во-вторыхъ, чѣмъ малочисленнѣе порода, тѣмъ меньше существуетъ вѣроятій, что въ этой породѣ обнаружатся такія полезныя индивидуальныя особенности, которыя строгій естественный выборъ могъ-бы сохранить, развить и упочить. Стало-быть, если не будетъ даже никакихъ неблагоприятностей со стороны климата, то все-таки на убывающую породу будутъ постоянно дѣйствовать съ возрастающей силой тѣ самыя причины, которыя уже попятчили ее назадъ. Конкуренты уже опередили ее, конкуренты продолжаютъ измѣняться въ свою пользу быстрѣе, чѣмъ эта отсталая порода, конкуренты съ каждымъ днемъ сильнѣе отбиваютъ у нея насущный хлѣбъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока побѣжденная порода не исчезаетъ окончательно. На большихъ материкахъ борьба за жизнь особенно сильна, разнообразіе органическихъ формъ особенно значительно, естественный выборъ особенно строгъ, и слѣдовательно однѣ породы исчезаютъ, а другія совершенствуются гораздо быстрѣе, чѣмъ это дѣлается на островахъ или на такихъ небольшихъ материкахъ, какъ Австралія.

При ожесточенной борьбѣ и при строгости естественнаго выбора побѣда и жизнь достаются только тѣмъ породамъ, которыя одарены чрезвычайно крѣпкой, гибкой и измѣнчивой организаціей. Когда эти породы, выработавшія свои превосходныя свойства цѣлыми тысячелѣтіями самой напряженной борьбы, врываются въ такое мѣсто, гдѣ борьба была слаба и гдѣ естественный выборъ вслѣдствіе этого не отличался строгостью, — тогда въ этомъ уголкѣ земнаго шара происходитъ что-то похожее на вторженіе гунновъ въ Римскую имперію. Туземные конкуренты разступаются во всѣ стороны, а пришель-

цы, сдѣлавшись въ самое короткое время полными хозяевами страны, размножаются съ небывалой быстротой, и размноженіемъ своимъ истребляютъ тѣ слабыя и неразвитыя породы, которыя не могутъ выдержать ихъ натиска.

Такимъ образомъ европейскія растения и животныя, въ томъ числѣ и европейскіе люди, утвердились въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго Океана, быстро принаровились къ природѣ своего новаго отечества и истребили въ этой природѣ то, что стояло поперекъ ихъ дороги. Растительность острова Мадеры похожа, по словамъ натуралиста Освальда Гира (Heer), на ту флору, которая жила въ Европѣ во время третичнаго геологическаго періода. Въ Австраліи живетъ до сихъ поръ безобразнѣйшее и нелѣпнѣйшее млекопитающее съ утинымъ клювомъ, орниторинксъ или утконосъ, которому по видимому давно-бы слѣдовало лежать въ какомъ-нибудь напластованіи земной коры и принадлежать къ разряду ископаемыхъ, или такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ. Эти два факта объясняются тѣмъ, что на Мадерѣ и въ Австраліи борьба за жизнь была слабѣе, чѣмъ на громадномъ материкѣ Стараго Свѣта; поэтому тѣ формы, которыя давно истреблены въ Европѣ, до сихъ поръ могли продержаться тамъ, гдѣ естественный выборъ дѣйствовалъ съ меньшей строгостью. Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще два факта того-же самаго разряда. Во-первыхъ, можно замѣтить, что почти всѣ австралійскія млекопитающія принадлежатъ къ низшему порядку этого класса, именно къ порядку сумчатыхъ, которыя когда-то жили и въ Европѣ, но уже въ далекомъ геологическомъ прошедшемъ сошли со сцены и обратились въ ископаемыхъ. Во-вторыхъ, птица дожила до половины прошлаго столѣтія не на материкѣ, а на островѣ Мадагаскарѣ; на материкѣ, при множествѣ враговъ и конкурентовъ, эта неуклюжая и беззащитная птица никакъ не продержалась бы такъ долго.

Стало бытъ, вотъ въ какой связи представляются намъ явленія органической жизни: на большихъ материкахъ живутъ разнообразныя формы животныхъ и растений; разнообразіе формъ порождаетъ разнообразіе отношеній и напряженность борьбы; а напряженная борьба ведетъ за собою строгій естественный выборъ, уничтоженіе однѣхъ породъ, совершенствованіе другихъ, движеніе и колебаніе въ органическихъ формахъ, и наконецъ, въ общемъ результатѣ, возвышеніе всего уровня мѣстной органической жизни. Но это еще не все. Если разнообразіе формъ является причиной сильной борьбы и строгаго выбора, то спрашивается, откуда же взялось это самое разнообразіе? Если сказать, что это разнообразіе такъ всегда и было разнообразіемъ, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же было представлять въ смѣнномъ видѣ мысль объ идеальномъ

баранѣ, выходящемъ изъ нѣдръ земли, подобно Венерѣ, родящейся изъ морской пѣны? Но теперь намъ не зачѣмъ смотрѣть на это разнообразіе, какъ на первобытный и безпричинный фактъ.

Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые въ настоящее время кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. Какая была общая первобытная форма организма—этого никто никогда не узнаетъ, потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. Въ пластахъ земной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляеть уже очень развитое и сложное явленіе. Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во-первыхъ потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой клѣточки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть только слизь, да тоненькая оболочка. Стало быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика. Но чтобы объяснить, какимъ образомъ виды, роды, семейства и порядки могли возникнуть и развиваться посредствомъ борьбы за жизнь и посредствомъ естественнаго выбора, намъ даже нѣтъ никакой надобности забираться въ такую древность, о которой молчатъ даже геологія. Если намъ удастся только показать, что изъ одного вида могутъ развиваться два вида, что такія явленія дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ, и что они имѣютъ себѣ основаніе въ самыхъ существенныхъ свойствахъ органической жизни, то цѣль наша будетъ вполне достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, если только дробленіе видовъ на новые виды осуществляется и должно совершаться въ органической природѣ, то этому дробленію не можетъ быть никакихъ опредѣленныхъ границъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Если виды дробятся сегодня, если мы видимъ причину, почему они должны дробиться, и если мы можемъ доказать, что причина эта составляетъ необходимое свойство органической жизни, то не трудно понять, что виды дробились вчера и будутъ дробиться завтра; если-же они дробились въ прежнія времена, то стало быть теперешніе виды составляютъ результатъ прошедшаго дробленія; стало быть, группы близкихъ между собою видовъ составляли въ былое время одну общую форму; а

эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ слѣдовательно начинается *темное царство* поэзіи и метафизики. Туда мы ужъ не пойдемъ, а вмѣсто того воротимся къ тому вопросу, который составляетъ фундаментъ всего строенія.

Итакъ, я повторяю вопросъ: какимъ образомъ одинъ видъ можетъ раздѣлиться на два вида? Или точнѣе: почему одному виду можетъ быть выгодно и полезно раздѣлиться на два или вообще на нѣсколько видовъ? Отвѣтъ будетъ довольно длиненъ и начнется издалека. Борьба за средства къ существованію происходитъ съ особенной ожесточенностью между существами одной породы или между очень близкими породами. Причина очевидна. Чтѣсть одинъ баранъ, то ѣсть и другой баранъ; чтѣ нравится одному, то нравится и другому; чего не терпитъ одинъ, того не терпитъ и другой. Быкъ и баранъ оба питаются травою и слѣдовательно также борются между собою, но быкъ можетъ предпочитать одинъ сортъ травы, а барану можетъ нравиться другой; стало-быть, въ обыкновенное время, когда нѣтъ засухи, борьба быка съ бараномъ слабѣе, чѣмъ междуусобная борьба въ самой породѣ быковъ или барановъ. Съ лошадыю баранъ борется еще слабѣе, чѣмъ съ быкомъ, и чѣмъ значительнѣе становится различіе въ организациі двухъ животныхъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ борьба между собой. Съ собакой или съ курицей баранъ уже совсѣмъ не находится въ прямомъ соперничествѣ, хотя онъ можетъ-быть и связанъ съ ними какой нибудь запутанной сѣтью сложныхъ отношеній, вродѣ того, какъ кошка связана съ шмелемъ и съ растеніемъ *trifolium pratense*. Но до какой степени сильна и истребительна можетъ быть борьба между очень близкими породами и между отдѣльными существами одной породы,—это доказывается многими любопытными наблюденіями. Если перемѣнать сѣмена нѣсколькихъ разновидностей пшеницы, если посѣять ихъ въ одномъ полѣ и потомъ послѣ каждой уборки сѣять опять полученныя сѣмена, не разбирая ихъ по сортамъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторые изъ посѣянныхъ разновидностей совершенно вытѣсняются другими, болѣе крѣпкими, болѣе плодовитыми и болѣе соответствующими данному климату и данной почвѣ. То-же самое произойдетъ, если вы будете сѣять вмѣстѣ разновидности душистаго горошка, отличающіяся другъ отъ друга только красками цвѣтовъ. Сильные въ нѣсколько лѣтъ совершенно

уничтожать слабыхъ. Если пустить нѣкоторыя породы горныхъ барановъ въ одно пастбище съ другими, то этимъ другимъ придется терпѣть голодь, между тѣмъ какъ первые будутъ постоянно наѣдаться и благоденствовать. То-же самое случится между различными сортами медицинскихъ пиявокъ, если вы будете кормить ихъ въ одномъ резервуарѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ берутся отношенія между отдѣльными разновидностями, потому что въ такихъ случаяхъ результатъ борьбы выражается особенно нагляднымъ образомъ; но само собой разумѣется, что внутри каждой разновидности идетъ еще болѣе ожесточенная борьба между отдѣльными субъектами, потому что чѣмъ значительнѣе сходство, тѣмъ чаще должны быть столкновения и тѣмъ ежеминутнѣе должно быть соперничество; вѣдь и въ приведенныхъ примѣрахъ не разновидности идутъ на разновидность, а просто каждый отдѣльный организмъ стоитъ за самого себя, сколько хватитъ его силъ, и при этомъ совершенно неумышленно и безпристрастно отбиваетъ хлѣбъ, какъ у того, кто похожъ на него какъ двѣ капли воды, такъ и у того, кто немного отличается отъ него складомъ тѣла или цвѣтомъ шерсти. Результатъ, то-есть торжество одной разновидности надъ другой, получается не вслѣдствіе генеральнаго сраженія, а вслѣдствіе множества ежеминутныхъ и мельчайшихъ дуэлей; да и дуэли-то большей частью такія, въ которыхъ противники не видятъ и не знаютъ другъ друга въ глаза; весь поединокъ состоитъ въ томъ, что каждый миролюбивѣйшимъ образомъ набиваетъ себѣ желудокъ какъ можно полнѣе и стало-быть другимъ оставляетъ какъ можно меньше съѣстного матеріала.

Представимъ себѣ теперь, что въ странѣ *A* порода *B* размножилась до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Когда этотъ крайній предѣлъ достигнутъ, тогда все-таки половыя отправленія породы не прекращаются. Самцы попрежнему оплодотворяютъ самокъ, а самки попрежнему рождаютъ дѣтей. Порода *B* не знаетъ политической экономіи и не имѣетъ понятія о томъ «моральномъ самозодержаніи», которое Мальтусъ и Милль такъ остроумно рекомендуютъ англійскимъ работникамъ. Что же изъ этого можетъ выйти? Подъ именемъ страны я понимаю здѣсь пространство земли, окаймленное естественными границами; съ одной стороны наприимѣръ цѣль горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, съ другой — песчаная пустыня, а съ остальныхъ сторонъ — море; значить, выхода нѣтъ; выселеній быть не можетъ; стало-быть, если порода *B* размножилась до максимумъ, то каждый годъ извѣстному числу этихъ животныхъ приходится умирать голодной смертью. Оно конечно придется; но вѣдь умирать съ голоду до такой степени непріятно, что каждое животное, какъ бы оно ни было глупо, будетъ все-таки подниматься

на всѣ доступныя ему хитрости, чтобы поставить вопросъ какъ нибудь иначе. Если ужъ никакъ нельзя прожить на бѣломъ свѣтѣ, такъ оно постарается по крайней мѣрѣ умереть какой-нибудь другой смертью. Вѣдь мы видимъ наприимѣръ, что голодный волкъ бросается на человѣка, котораго онъ не трогаетъ во времена своего благоденствія, хотя повидимому сытый организмъ долженъ быть сильнѣе и стало-быть смѣлѣе голоднаго. Видимъ мы также, что и люди во время года набиваютъ себѣ желудокъ разными негодными веществами и вслѣдствіе этого умираютъ отъ болѣзней, что все-таки какъ-то легче, чѣмъ умереть отъ чистаго голода. Такого же рода явленія обнаружатся и въ нашей породѣ *B*. Прежде всего отложена будетъ въ сторону всякая прихотливость и брезгливость. Положимъ, что порода *B* плотоядна; стало-быть, главная часть ея задачи состоитъ не въ томъ, чтобы переварить съѣденное вещество, а въ томъ, чтобы найти это вещество, которое и бѣгаетъ, и летаетъ, и плаваетъ. Надо пронюхать, выслѣдывать, подкараулить, догнать, перехитрить и одолѣть живую добычу. Тутъ требуются и сила, и ловкость, и острота чувствъ, и смысленность, и навыкъ; открывается, какъ видите, очень обширное поле для индивидуальныхъ способностей, и мы легко можемъ себѣ представить безчисленное множество отгѣнковъ въ развитіи каждой изъ этихъ способностей и въ распредѣленіи ихъ между отдѣльными животными одной и той же породы. Глядя на двухъ животныхъ этой породы, поставленныхъ рядомъ, мы конечно не замѣтимъ этихъ отгѣнковъ; и тотъ — волкъ, и этотъ — волкъ, да если еще притомъ они одного роста и одного цвѣта, то мы и рѣшаемъ, что они совершенно равны между собой; но разница выразится въ результатахъ; если одинъ съумѣетъ кормиться лучше другого, то, значить, у него есть какое-нибудь преимущество, незамѣтное для нашихъ глазъ, но очень важное для его жизни. Само собой разумѣется, что въ нашей породѣ *B* будутъ одни субъекты очень даровитые, другіе — посредственные, а третьи — ужъ гораздо поплоче. Если порода *B* до своего крайняго размноженія имѣла привычку питаться исключительно мясомъ тѣхъ животныхъ, которыхъ сами они только что растерзали, то послѣ размноженія эта привычка превратится уже въ роскошь, доступную только для геніевъ первой величины. Непросвѣщенная толпа принуждена будетъ привыкать понемногу къ падали, и даже къ очень несвѣжей падали, потому что все-таки гнилое мясо лучше, чѣмъ голодная смерть. А самымъ плохимъ субъектамъ по всей вѣроятности и лизнуть не придется свѣжей пищи. Разумѣется, этотъ процессъ привыканія будетъ доставаться туго и окупаться цѣной многихъ пожертвованій. Желудки, устроенные для свѣжей пищи, не будутъ переносить падали, и многія

животныя переколютъ отъ разлагающагося мяса. Но нѣкоторыя переживуть; борьба за жизнь завяжется между самыми плохими субъектами, и естественный выборъ, начавши дѣйствовать въ этомъ направленіи, будетъ постоянно сохранять тѣ желудки, которые успѣшнѣе прочихъ перевариваютъ несвѣжую пищу. Подъ вліяніемъ этой пищи и при содѣйствіи тѣхъ привычекъ и способностей, которыхъ требуетъ ея отысканіе, сформируется изъ самыхъ плохихъ субъектовъ породы *B* отдѣльная разновидность, у которой проявятся современемъ очень замѣтныя отличія отъ организациі лучшихъ представителей коренного типа. Естественный выборъ будетъ постоянно увеличивать эти отличія, и не трудно понять, почему это будетъ дѣлаться такимъ образомъ. Между чистымъ стервятникомъ (извините за выраженіе; оно впрочемъ употребляется въ учебникахъ зоологіи) и чистымъ хищникомъ будетъ существовать сначала промежуточная категорія животныя той же породы *B*. Эти—*ни-то, ни-се* будутъ самыми обиженными созданиями. У нихъ меньше талантовъ, чѣмъ у передовыхъ геніевъ породы, и больше желудочной требовательности, чѣмъ у самой крайней сволочи той же породы. Пойдутъ они за живой добычей — въ дуракахъ останутся, и притомъ въ голодныхъ дуракахъ, потому что настоящіе, первоклассные хищники вездѣ ужъ успѣли побывать раньше ихъ; найдутъ наши горемыки падали, опять бѣда выидеть; на нѣсколько дней животь разболится, а то и совсѣмъ ноги протянуть придется. Ясно стало-быть, что передъ хищниками лежитъ одинъ путь развитія, а передъ стервятниками—совсѣмъ другой, и чѣмъ дальше они будутъ расходиться между собой, тѣмъ лучше будетъ для тѣхъ и для другихъ. Хищнику надо работать мозгомъ, нервами чувствъ и мускулами произвольнаго движенія, а стервятнику—преимущественно желудкомъ, да еще пожалуй нервами обонянія. Естественный выборъ такъ и будетъ дѣйствовать по этимъ двумъ направленіямъ, и постоянно будетъ сохранять лучшихъ представителей обѣихъ разновидностей; а такъ какъ самый лучший хищникъ всего менѣе похожъ на самаго лучшаго стервятника, то ясно, что разстояніе между ними подъ вліяніемъ естественнаго выбора будетъ незамѣтно увеличиваться въ каждомъ новомъ поколѣніи. Связь между этими двумя крайними формами будутъ составлять съ одной стороны плохіе хищники, а съ другой стороны—плохіе стервятники, между которыми невозможно будетъ провести ясную пограничную черту; но мы уже видѣли, что этимъ плохимъ формамъ приходится круто; естественный выборъ постоянно направляется противъ нихъ и производится на ихъ счетъ, то-есть онъ именно и состоитъ въ ихъ постоянномъ истребленіи; если эти *ни-то, ни-се* будутъ мыкаться между двумя ясно очерченными разновидностями, то ихъ непремѣнно сотрутъ съ

лица земли; чтобы не уничтожиться, имъ надо броситься куда-нибудь въ сторону, то-есть выйти изъ своей безцвѣтной промежуточности, найти себѣ собственную специальность и превратиться въ новую разновидность. Кто можетъ это сдѣлать, то-есть, у кого есть зародышъ оригинальной способности, тотъ такъ и сдѣлаетъ; а кто не можетъ, тотъ будетъ раздавленъ между двумя опредѣлившимися разновидностями.

Такъ какъ мы предположили, что порода *B* очень многочисленна, то мы можемъ и должны допустить, что у ея отдѣльныхъ представителей найдутся зародыши многихъ разнообразныхъ способностей; чѣмъ больше въ какой-нибудь породѣ отдѣльныхъ животныя, тѣмъ больше индивидуальныхъ особенностей, и стало-быть тѣмъ больше шансовъ, что найдутся и такія особенности, которыя разовьются въ разныя стороны подъ вліяніемъ естественнаго выбора. Если порода *B* размножилась въ странѣ *A* до тахітисша, то она, разумѣется, одержала побѣду надъ разными другими породами, жившими въ томъ же мѣстѣ и составлявшими ей конкуренцію. Побѣда одерживается той породой, которая обладаетъ особенно гибкой организацией и вслѣдствіе этого способна измѣняться въ свою пользу скорѣе, чѣмъ ея соперники. Гибкость организациі заключается именно въ томъ, что каждое нарождающееся поколѣніе представляетъ множество легкихъ, но очень разнообразныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ. Стало-быть, предположеніе наше, что въ породѣ *B* найдутся зародыши многихъ оригинальныхъ способностей, не только не заключаетъ въ себѣ никакой натяжки, но даже составляетъ необходимое слѣдствіе того основнаго предположенія, что порода *B* размножилась до краинныхъ предѣловъ.

Въ чемъ-же могутъ состоять эти способности?—Да мало-ли въ чемъ!—Замѣчено напримѣръ, что однѣ изъ нашихъ домашнихъ кошекъ занимаются преимущественно ловлею мышей; другія—охотятся больше за крысами; третьи—ловятъ молодыхъ птицъ и разоряютъ гнѣзда; четвертыя — добываютъ кроликовъ и зайцовъ; бывають и такія, которыя каждую ночь отправляются на болото и подкарауливаютъ тамъ куликовъ и бекасовъ. Всѣ эти вещи кошка дѣлаетъ безо всякой особенной надобности, потому что хозяева не дали-бы ей умереть съ голода, еслибы даже она совершенно спокойно сидѣла дома; дѣлаетъ она это потому, что всякому животному свойственно стремленіе упражнять ту способность, которая въ немъ существуетъ; но, когда ловля добычи перестаетъ быть развлеченіемъ и становится дѣломъ жизни, тогда, разумѣется, каждая существующая способность совершенно выясняется и доводится до послѣдней степени напряженія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ гористой мѣстности Кэтскиллъ, живутъ двѣ разновидности волковъ, которые замѣтно отли-

чаются другъ отъ друга, какъ складомъ тѣла, такъ и специальностью занятій. Одни — похожи на борзую собаку и преслѣдуютъ дикихъ животныхъ. Другіе — помассивнѣе и сильнѣе — занимаются домашними животными. Особенности этихъ двухъ типовъ выработаны конечно естественнымъ выборомъ, который дѣйствовалъ на одну и ту-же породу по двумъ различнымъ направленіямъ, выбирая въ первомъ случаѣ самыхъ быстрыхъ, а во второмъ — самыхъ сильныхъ волковъ. Быстрому волку было удобнѣе охотиться за дикими животными, потому что тутъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы догнать; чтобы справиться съ зайцемъ или даже съ ланью немного требуется силы; а догнавши и справившись, волкъ могъ преспокойно расположиться на мѣстѣ и обѣдать, потому что дѣло происходило въ лѣсу, или вообще въ какомъ-нибудь уединенномъ и тихомъ убѣжищѣ. Напротивъ того, волку, пускающемуся на охоту за домашними животными, необходима сила, не для того, чтобы одолѣть овцу или свинью, а для того, чтобы унести ее въ безмятежное пристанище. Такъ стало быть и произошло раздѣленіе одной породы на двѣ разновидности, потому что естественный выборъ здѣсь, какъ и вездѣ, благоприятствовалъ крайностямъ и истреблялъ промежуточные оттѣнки.

Такого же рода особенности могли проявиться въ породѣ *B*. Напримѣръ нѣкоторые субъекты могли быть по росту гораздо меньше своихъ сверстниковъ. Это обстоятельство могло быть для нихъ полезно, потому что при маломъ ростѣ они могли поддерживать свою жизнь меньшимъ количествомъ пищи. Если только малорослость была полезна, то естественный выборъ могъ образовать очень мелкую разновидность, которая, вмѣсто того чтобы преслѣдовать зайцевъ или ланей, обратила свою дѣятельность на крысъ и мышей. Такъ какъ для этой мелкой охоты требуются свои спеціальныя качества, то естественный выборъ сохранилъ и развилъ-бы зародыши этихъ качествъ, такъ что рядомъ съ крупными хищниками и съ стервятниками образовалась-бы отдѣльная порода мышатниковъ или крысятниковъ. Нѣкоторые субъекты могли отличаться особенною гибкостью членовъ и цѣпкостью когтей; такіе стали бы взлѣзать на деревья и поѣдать птичьи яйца или молодыхъ птенцовъ, или медъ дикихъ пчелъ, какъ то дѣлаетъ медвѣдь, или-же, подобно рыси, они могли-бы караулить свою добычу, сидя на деревѣ, и потомъ бросаться на нее сверху; опять естественный выборъ крайнихъ представителей и опять новая разновидность, или пожалуй порода. Потомъ нашлись-бы такіе, которые плаваютъ легче другихъ и держатся охотно по близости воды; эти стали-бы доминать болотныхъ птицъ, или лягушекъ, или, поусовершенствовавшись въ плаваніи и нырніи, рыбъ, раковъ и моллюсковъ. Опять новая порода, похожая на-

примѣръ на выдру. Могли-бы быть такіе субъекты, которые немного лучше видятъ подъ вечеръ, чѣмъ въ срединѣ дня. Имъ было-бы выгодно выходить на промыселъ тогда, когда конкуренты отдыхаютъ. Естественный выборъ благоприятствовалъ-бы тѣмъ, которые выходятъ по позднѣе, то есть тѣмъ, у которыхъ глаза всего лучше приспособлены къ полумраку. Разовьется такимъ образомъ особенное устройство зрительнаго аппарата и образуется порода ночныхъ хищниковъ.

Если нѣкоторые субъекты могли привыкнуть къ падали, то другіе могли понемногу помириться съ плодами, съ зернами, съ кореньями и съ разными другими видами растительной пищи. Опять новая порода. Я насчиталъ семь породъ, и читатель конечно согласится, что, раздробившись такимъ образомъ, порода *B* имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше пищи, и слѣдовательно можетъ размножаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она предоставляла одинъ нераздѣленный видъ. Въ растительномъ мірѣ мы видимъ совершенно такія-же явленія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что если напримѣръ на одной десятинѣ посѣять траву одного сорта, а на другой десятинѣ такой-же земли посѣять травы нѣсколькихъ очень различныхъ сортовъ, то со второй десятины получится больше сѣна, чѣмъ съ первой. Это понятно. Тѣло травы (если можно такъ выразиться) выработывается изъ составныхъ частей почвы и изъ тѣхъ газовъ, которые плаваютъ въ атмосферномъ воздухѣ. Одна трава тянетъ изъ почвы преимущественно одно вещество, а другая — другое. Гдѣ цѣлая десятина засѣяна однимъ сортомъ травы, тамъ будетъ вытянуто только одно вещество, а другое, третье, четвертое, которыя были-бы вытянуты другими травами, такъ и останутся въ почвѣ. А гдѣ земля засѣяна разными травами, тамъ многія составныя части почвы пойдутъ въ дѣло и превратятся въ траву.

Читатель конечно ясно видитъ сходство этого примѣра съ исторіей нашей возлюбленной породы *B*. Тамъ тоже, пока всѣ питались одной пищей, до тѣхъ поръ былъ голодъ; какъ стали питаться разною пищей, такъ явилась возможность размножаться и благоденствовать. Въ акклиматизаціи животныхъ и растений замѣчены также многіе факты, представляющіе собою отдѣльныя проявленія того-же самаго принципа. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ какой-нибудь странѣ должны расплодиться особенно успѣшно тѣ формы животныхъ и растений, которыя очень близки къ туземнымъ формамъ. Процессъ мысли тутъ такой: если туземцамъ тутъ хорошо жить, то должно быть хорошо и тѣмъ пришельцамъ, которые требуютъ себѣ совершенно одинаковыхъ условій жизни. На видъ такое разсужденіе довольно благообразно, но все-таки я на моего читателя надѣюсь, что ужъ

онъ такимъ образомъ разсуждать не будетъ. Онъ уже понимаетъ, что борьба за жизнь и отношенія между организмами важнѣе простыхъ климатическихъ вліаній. Если травоядное вступаетъ въ такую страну, гдѣ очень много своихъ травоядныхъ, то ему предстоитъ побѣдить конкурентовъ или умереть, а побѣда будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше конкурентовъ и чѣмъ значительнѣе ихъ сходство съ новымъ пришельцемъ. Если это чужеземное животное имѣетъ въ своей организаціи очень сильное преимущество надъ туземцами, то, значить, оно на нихъ непохоже и утверждается въ странѣ, именно благодаря этому несходству. Если-же у пришлой породы нѣтъ этого счастливаго несходства, то ей по всей вѣроятности предстоитъ полное поражение, потому что туземцы обыкновенно бьвають многочисленнѣе пришельцевъ, а ужъ я говорилъ о томъ, какія огромныя преимущества доставляетъ какой-нибудь породѣ ея многочисленность. Но пустьъ плотояднаго звѣря въ такую страну, гдѣ живутъ только травоядные, и мы конечно увидимъ, что новый гость очень скоро сдѣлается хозяиномъ и будетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Пустьъ насѣкомоядную птицу туда, гдѣ очень много насѣкомыхъ и гдѣ нѣтъ на нихъ никакой грозы, и произойдетъ также самая исторія. Пустьъ наконецъ растеніе въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни одного представителя этого рода растеній, и тогда растеніе это расплодится, если только не встрѣтятся непреодолимыхъ препятствій со стороны климата и почвы. Въ Соединенныхъ Штатахъ акклиматизировано 260 растеній, которыя принадлежатъ къ 162 отдѣльнымъ родамъ, и изъ этого послѣдняго числа 100 родовъ не имѣютъ во всей странѣ ни одного туземнаго представителя. Стало быть, привились именно такія формы, которыя представляютъ чрезвычайно мало сходства съ туземной флорой.

Общій выводъ тотъ, что полнота жизни и разнообразіе формъ всегда должны идти рядомъ. Если-бы весь земной шаръ былъ заселенъ только одной формой животныхъ и одной формой растеній, то, какъ-бы ни были эти животныя и растенія мелки, все-таки на нашей планетѣ помѣщалось-бы тогда меньшее число организмовъ, чѣмъ теперь, несмотря на то, что теперь есть организмы довольно крупныя. Всѣ организмы стремятся къ безграничному размноженію; стремленіе это никогда не ослабѣваетъ и никогда не удовлетворяется вполнѣ, потому что всѣ организмы стараются заселить собою всю землю, и слѣдовательно всѣ тѣснятъ и сдерживаютъ другъ друга; но всего полнѣе стремленіе къ размноженію можетъ удовлетвориться при крайнемъ развитіи разнообразія. Стало быть, дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ

перевѣсъ надъ промежуточными и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними. Такимъ образомъ легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга-превращаются въ отдѣльные виды; виды дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группѣ вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; проходятъ миллионы лѣтъ, миллионы вѣковъ, миллионы тысячелѣтій; одни отдѣлы разрастаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ незамѣтно цѣлыя семейства, порядки и классы и наконецъ получаютъ тѣ безконечно разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы.

Читателю много кажется тутъ неяснымъ, но, во-первыхъ, идеи Дарвина только что входятъ въ науку и до сихъ поръ еще не были приложены къ разясненію подробностей; а во-вторыхъ, если читатель думаетъ, что журнальная статья можетъ раскрыть передъ нимъ «тайну тайнъ» и показать ему все естественное, какъ на ладони, то онъ сильно ошибается. Если читатель уловилъ до сихъ поръ только самыя существенныя черты дарвиновскихъ идей, если онъ только заинтересовался такимъ вопросомъ, который прежде даже не былъ для него вопросомъ, то этого на первый разъ уже черезъ-чуръ достаточно.

XI.

Различныя видоизмѣненія.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борются между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой породы, которыя отличаются какими-нибудь выгодными, хотя быть-можетъ и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ выгодныя особенности тѣлосложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохраненія называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если-бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родите-

лей, т. е. еслибы не было никакого индивидуального разнообразія, тогда не могло-бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было-бы никаких выгодных особенностей, и стало быть нечего было-бы сохранять. Естественный выборъ составляетъ такимъ образомъ прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой породѣ животныхъ и растений. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е., говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему очевидно сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствию естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность, производятъ въ организмахъ нѣкоторыя измѣненія и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растенія, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистые листья; насѣкомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубокихъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ, которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже пріобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то онъ замѣчаетъ, что одна и та-же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой или жаркой странѣ материка, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и приморскихъ земель. То-же самое происходитъ со многими растеніями и насѣкомыми, т. е., приближаясь къ морю, первыя пріобрѣтаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, не смотря на то, что ихъ порода не отличалась этими особенностями, когда жила вдали отъ бе-

реговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣхъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствию климата. Если напримѣръ пара медвѣдей, по какому нибудь случаю будетъ принуждена переселиться изъ умѣреннаго климата въ холодный то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица въ новомъ своемъ отечествѣ родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ еслибы они родились на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣхъ будетъ гуще, получатъ преимущество надъ своими поодинокими братьями; первые вѣроятнѣе переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ-же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣреннаго пояса рано или поздно пріобрѣтетъ себѣ тотъ густой мѣхъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это пріобрѣтеніе дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю влияния тутъ надо приписать прямому дѣйствию климата, и какую — естественному выбору, т. е., потому-ли мѣхъ сдѣлался густымъ, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплomu мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое-нибудь видоизмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непрѣменно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣляетъ его влияние отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой-нибудь органъ животнаго часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется, т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти пріобрѣтенныя свойства органа, т. е. его сила или его слабость, передаются по наследству, и если дѣти ведутъ жизнь, сходную съ жизнью родителей, то эта сила или эта слабость увеличиваются и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на слабость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ той только неизбѣжной разницей, что какъ чрезвычайное развитіе, такъ и атрофія органа непрѣменно должны быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезны для самаго животнаго, потому что еслибы

они не были полезны, то они были-бы немедленно уничтожены дѣйствіемъ естественнаго выбора и слѣдовательно не могли-бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животнаго положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія безполезнаго органа даетъ животному возможность усилить и увеличить необходимые органы.

Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на возстановленіе нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испраженія и разныхъ другихъ выдѣлений. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно больше пользы, т. е., чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоеда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе безполезнаго органа или совершенно сберечь это количество, то-есть покрыть свои неизбѣжныя расходы меньшей массой питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то-есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а такъ какъ эта атрофія полезна для животнаго, то естественный выборъ поощряетъ ее и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ.

Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, напримѣръ страусы, казуары, пингвины, малокрылыя утки (*Anas brachyptera*). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе назозные жуки или совершенно лишены передней пары ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то-есть совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда покрываются даже кожей и заростають шерстью; чѣмъ меньше глазъ и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выхо-

дятъ на свѣтъ; смотрѣть кроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій крота долженъ былъ-бы часто засоряться и подвергаться воспаленію. Отсутствие упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выворъ сохранялъ тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ глазныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго зачаточнаго состоянія. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоли и америкайскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собой въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но зато сильно развиты усики, щупальца и разныя другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоли очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формаций и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собой; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы специально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, разсуждая послѣдовательно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы или по крайней мѣрѣ очень сходны между собой, и что стало-быть обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскіе. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но зато существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, которыя водятся въ ея окрестностяхъ, то-есть подземный карнеолецъ похожъ на земного карнеолейца, и то же самое явленіе замѣчено также въ Кентукки. Кромѣ того между жителями самой темной глубины и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и оттѣнковъ, которые вполне соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневнаго свѣта къ вѣчной темнотѣ и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака.

Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ оттѣнковъ ясно указы-

ваает намъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія, подошли сначала къ отверстию пещеры и устроили свое жилище подъ вѣчной тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше, — туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстию пещеры, — туда, гдѣ освѣтлѣе; наконецъ третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались — также въ очень различной степени. Такимъ образомъ отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошелъ втеченіи многихъ тысячелѣтій, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условий, подслѣповатые, полуслѣпые, слѣпые и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того какъ утрачивалось зрѣніе.

Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условий, бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связаны между собой и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если наконецъ они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ — надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то, мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ.

Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условий жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,

потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но зато современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было бы объяснить вліяніемъ условий жизни и естественнаго выбора. Если-бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если-бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла-бы на воздухъ, несмотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачекъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленныхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теоріи Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполне согласна съ фактами и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ; изъ этого числа 200 видовъ отличаются совершенно неразвитыми крыльями и не могутъ летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточной пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены вліяніемъ одинаковыхъ условий жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильныя вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Втеченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые питались навозомъ, или корнями растений, или древесиной, или личинками другихъ насѣкомыхъ, ле-

таніе составляло пустую прихоть, что-то вредъ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящей цѣлью жизни, то-есть съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выражался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покоѣ тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и ходячую жизнь. Крылья, оставшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылья срослись даже совершенно на-глухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на полку, потому что если на каждый цвѣтокъ воспользаться, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переползати на другой цвѣтокъ по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, производить по поводу каждаго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то конечно придется насѣкомому умереть съ голоду. Слѣдовательно, такъ или иначе, опасно или не опасно подниматься на воздухъ, а бабочки и цвѣтоядные жуки должны летать во что бы то ни стало; и они дѣйствительно летали всегда, и не перестали летать на Мадерѣ; и вѣтеръ уносилъ въ море очень многихъ, и можетъ-быть погубилъ такимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которые летали больше всѣхъ и у которыхъ влѣдствіе этого крылья были особенно крѣпки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья по всей вѣроятности всегда были слабѣе, чѣмъ у тѣхъ насѣкомыхъ, которыя летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отсиживаться отъ вѣтра, а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому естественный выборъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

ХII.

Тѣлосложеніе и привычки.

Животныя, которыхъ мы видимъ каждый день, большей частью такъ хорошо приспособлены устройствомъ своего тѣла къ своему теперешнему образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить то предположе-

ніе, что они приспособились къ этому образу жизни постепенно. Мы видимъ напримѣръ, что дикая утка постоянно плаваетъ по водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ протянута перепонка, которая помогаетъ ей плавать. Мы видимъ, что летучая мышь питается насѣкомыми, и видимъ, что между передними и задними оконечностями ея тѣла протянута перепонка, которая даетъ ей возможность летать и слѣдовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать крылатую добычу. Мы видимъ, что цапля отыскиваетъ свою пищу въ болотахъ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и непокрытыя перьями, то есть какъ разъ приспособленныя къ тому, чтобы шагать по вязкому и илистому грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много подобныхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растений.

Добродушные натуралисты или, вѣрнѣе, натурфилософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, умилялись надъ этими приспособленіями и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными ногами для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было-бы длинныхъ ногъ? Какъ-бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать-бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя: увязнешь. А природа заботится, ну, и одарила: на, молъ, тебѣ, цаплюшка! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣе первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ: цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло-бы къ болоту, и жила-бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были-бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натурфилософы, и тогда стали-бы восхищаться заботливостью природы, что, молъ, вотъ какъ отменно хорошо пристроена цапля къ надлежащему мѣсту.

Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то конечно между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. По мнѣнію первыхъ выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому несущественному стремленію придѣлана цапля, то-есть соотвѣтствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, какъ быть должно. Вѣдь если мы отъ имени цапли должны благодарить природу

за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному и все соотвѣтствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыльевъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣе, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стремиться къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то-есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всѣ прочіе необходимыя атрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но зато, какъ естествоиспытатели, обѣ враждующія стороны стоятъ между собой на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умиляющихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого цапля... и т. д.»; противники ихъ говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги для того, чтобы цапля... и т. д.» Значитъ, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и стало быть единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явились ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняли именно эту, а не другую форму—объ этомъ и разговора нѣтъ: кто-жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто-жъ ихъ знаетъ?»—въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всѣ натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосязательно и невразумительно: съ одной стороны—цапля, съ другой—болото, съ третьей—упражненіе органовъ, съ четвертой—законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплей, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь и разъяснить пообстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами имѣла свою неисправимую и неизбежную философскую слабость: любить покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, т. е. именно такъ, какъ при изученіи природы

невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній выродившійся представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своею системою.

Послѣ Ламарка другой французскій натуралистъ, Этьеннъ Жоффруа-Сенъ-Илеръ, много толковалъ о вліяніи окружающей среды (*le milieu ambiant*), но всѣ эти разсужденія были только какими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Недурень слогъ; писать умѣеть;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неудовимой, и несостоятельной. Непокосимые скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всѣ эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе», и при этихъ нехитрыхъ словахъ теоріи немедленно разлетались, какъ дымъ.

Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всѣ онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ іюль 1858 года въ засѣданіи Линнеевскаго Общества (*Linnean Society*). Основательнѣйшіе скептики по всей вѣроятности задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію и уложить ее на мѣстѣ рядомъ со всѣми ея предшественницами. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зиждетъ свою храмину не на пескѣ, а на камени, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколombatъ ее не въ состояніи. Издавая свою книгу или, какъ онъ выражается, свое извлеченіе, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, покончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, постойте; вы-бы лучше мнѣ вотъ что возразили», и дѣйствительно собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ вдесятеро сильнѣе чужого возраженія, и начинаетъ полегоньку сворачивать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яснѣйшими доводами, все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; посмотримъ, и нѣтъ препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невинности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень

голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлеченіе, стало-быть подождите, господа, пока выйдеть настоящій трудъ въ полномъ объѣмѣ. Факты всѣ собраны, только помѣстить-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражатели должны онѣмѣть отъ изумленія и положить оружіе залогомъ до ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиннаго левиафана, который лежитъ теперь въ портфель Дарвина.

Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей и составляетъ собой лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю сущность этой части я не могу: журнальная статья должна-же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше—значило-бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя и слѣдовательно очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгой систематичностью изложенія и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миниатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что особенно занимательно, и что я съумѣю представить по возможности подробно, ясно и наглядно. Въ первыхъ десяти главахъ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложение этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ вѣскольکو эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологіи, въ географіи, въ сравнительной анатоміи и въ эмбриологіи. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я стараюсь, чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ! Значить, такъ и пойдутъ теперь:

«Легкіе и бѣглые очерки», всѣ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались понемногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее—въ летучее, дневное—въ ночное, и такъ далѣе; причемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ-же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполне приспособлено и когда оно

по своей организаціи колебалось между двумя комплексами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ напримѣръ плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться водянымъ?

Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дарвинъ нашелъ на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ напримѣръ животное *mustela vison*, принадлежащее къ семейству куницъ; пальцы этого *vison* соединены плавательной перепонкой; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (*lutra vulgaris*), которая постоянно питается раками и рыбой. Лѣтомъ визонъ живетъ какъ выдра, т. е. ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящей земной куницей, т. е. кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, несмотря на свою плавательную перепонку и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда поневолѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что попадается. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водяной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступить точно такимъ-же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырванію. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и спеціальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало вырабатываться, предки визона смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прежнимъ и теперешнимъ состояніемъ визона можно себѣ вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ отгѣнковъ, и какую-бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ.

Теперешній визонъ, балансирующий между водой и сушей, служитъ живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало-быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что всѣ переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значить, что всѣ переходы непременно должны совершаться усѣбно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, т. е. полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой-нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи

и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ висячемъ положеніи между двумя стихіями, а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполне приспособленными конкурентами, т. е. такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣ другихъ. Если-бы визона тѣснили съ обѣихъ сторонъ, съ воды и съ земли, очень опасные конкуренты, то порода визона навѣрное исчезла-бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ-бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но въѣдъ это не значитъ, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значитъ только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визиномъ и его конкурентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количества и качество тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ и сильны они—визонъ погибаетъ; мало ихъ и слабы они—визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно.

Но та-же самая исторія произошла-бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкурентовъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строже естественный выборъ и тѣмъ быстрѣ исчезаютъ породы, смѣняясь новыми усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ влияніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухопутное животное начинаетъ питаться лягушками или рыбой? Да отъ того, что не достаетъ пищи на сушѣ, то-есть отъ того, что число конкурентовъ несоразмѣрно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые бойчѣ другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то въѣдъ это не значитъ, что оно такъ сразу и отказалось отъ суши. Водяная охота служитъ только подспорьемъ и приобретаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо позднѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ и очищенныхъ непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора.

Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновенію, говоритъ имъ: «а вы-бы лучше у меня вотъ что спросили: какимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую

мышь? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но зато въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умнѣе летать или по крайней мѣрѣ порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развѣваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенной бѣлкой слѣдуютъ такія породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительныя прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣличихъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучей бѣлкой непрерывною цѣпью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звено этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летягой*, а по-латыни—*Sciuopterus*, что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, бѣлоккрыль или крылатая бѣлка. Эти два названія показываютъ довольно ясно, что это за животное. Его переднія ноги соединены съ задними и даже съ основаніемъ хвоста широкой перепонкой, покрытой волосами и образовавшейся посредствомъ постепеннаго отвисанія боковой кожи. Эта перепонка въ минуту прыжка вытягивается, превращается въ парашютъ и, поддерживая бѣлку на воздухѣ, даетъ ей возможность перелетать съ дерева на дерево на изумительныя разстоянія. Всѣ эти породы бѣлокъ, одаренныя въ различной степени способностью прыгать и порхать, могли сохраниться въ живыхъ до нашего времени, только благодаря тому обстоятельству, что всѣ онѣ живутъ отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара. Если-бы мы могли свести всѣ эти породы въ одну страну, то между ними началась-бы самая ожесточенная борьба за пропитаніе, и, разумѣется, перевѣсъ остался бы за тѣми, которыя проворнѣе и расторопнѣе другихъ. Летяга, дѣлающая колоссальныя прыжки, по всей вѣроятности перещеголяла-бы всѣхъ своихъ соперниковъ и рано или поздно размножилась-бы такъ, что заморила-бы ихъ всѣхъ голодной смертью. Кромѣ того летательный снарядъ доставилъ-бы летягѣ еще другія преимущества, которыя также имѣли-бы влияніе на результатъ борьбы. Летяга лучше другихъ бѣлокъ могла-бы отдѣливаться отъ преслѣдованій разныхъ хищниковъ, и она меньше другихъ была-бы подвержена опасности падать на землю и расшибаться при неудачномъ или плохо рассчитанномъ прыжкѣ. Перепонка ея, дѣйствуя какъ парашютъ, смягчаетъ всякое

паденіе, а для животнаго, которое постоянно лазить и прыгаетъ по деревьямъ, это обстоятельство конечно не можетъ считаться мало-важнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ можно предположить, что только одна летяга сохранила и размножила-бы свою породу, а всѣ остальные породы бѣлокъ исчезли-бы съ лица земли, и тогда летяга осталась-бы для насъ живой загадкой, къ которой намъ пришлось-бы придѣлывать ключъ посредствомъ разныхъ предположеній, очень неубѣдительныхъ для непреклонныхъ скептиковъ и для завзятыхъ гонителей всякой теоріи.

Такого рода живыя загадки встрѣчаются намъ на каждомъ шагу, и ихъ существованіе вовсе не должно насъ удивлять, потому что мы знаемъ, что уничтоженіе промежуточныхъ степеней составляетъ въ природѣ обыкновенное правило, прямо вытекающее изъ самаго принципа естественнаго выбора, а сохраненіе этихъ степеней возможно только въ немногихъ случаяхъ, при исключительныхъ и слѣдовательно рѣдко встрѣчающихся обстоятельствахъ. Есть напримеръ одно животное, которое называется шерстокрыломъ (*galeopithecus rufus*); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ. Но въ новѣйшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ четверорукихъ, или обезьянъ, и въ семейство лемууровъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитекомъ или летучимъ лемууромъ, и Дарвинъ также держитъ этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопитека протягивается отъ угла челюсти до хвоста и охватываетъ собою какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопитека она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышей она совершенно голая. Кромѣ того—и это гораздо важнѣе—перепонка захватываетъ пальцевъ галеопитека, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и ногахъ, возвращены когтями; напротивъ того, у летучихъ мышей остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящіе пальцы: они ничѣмъ не вооружены, непомѣрно вытянуты въ длину и наглухо вдѣланы въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ прутки, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги и растопыриваетъ свои длинные пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная мантия, облегаетъ все тѣло. Что же касается до галеопитека, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ.

Во всемъ семействѣ лемууровъ, кромѣ галеопи-

тека, нѣтъ ни одного животнаго, которое могло-бы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Значитъ, были да силыли. Во-первыхъ, самъ галеопитекъ—не что иное, какъ переходная степень между настоящими лемурами и настоящими летучими мышами; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недоумѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитекъ не живетъ, подобно бѣлкѣ, почти на всемъ пространствѣ земнаго шара; стало быть, живя въ ограниченной области, онъ могъ выработать себѣ летательную способность до высокой степени совершенства только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ низшія промежуточные степени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если-бы плохіе и посредственные прыгуны не истреблялись вліяніемъ ежеминутной борьбы, тогда отличные прыгуны постоянно совокуплялись-бы съ ними и такимъ образомъ постоянно портили-бы свою породу. А если-бы порода портилась, то прыгуны никогда не могли-бы сдѣлаться летунами.

Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значить требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставила мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находиться въ бездѣйствіи. А естественный выборъ—та-же вѣялка: что онъ сохраняетъ—то живетъ и плодится; что онъ выбрасываетъ,—то умираетъ; и мякиной оказываются постоянно всякіе промежуточные типы. Вѣдь и бѣлки, образующія непрерывную цѣпь градацій, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и передовой типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ чужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой степени развитія; но это ничего не значитъ; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключаются его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вездѣ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдь и вѣялки бываютъ разными; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валитъ испаламъ съ мякиной. Стало-быть, переходъ отъ четвероногаго животнаго къ летучей мышѣ возможенъ и даже не подлежитъ сомнѣнію, а существованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчитъ идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое слѣдствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно

думать, что летучая мышь свалилась на землю, подобно аэролиту или подобно крупному граду, тому, разумеется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣть и не должна.

II.

Понятія наши о привычкахъ и нравахъ животныхъ чрезвычайно смутны; изъ какихъ источниковъ почерпаются зоологическія свѣдѣнія, бродящія въ массѣ грамотнаго общества, — это даже и вообразить себѣ мудрено. Какъ ни удивительно такое предположеніе, а все-таки я осмѣлюсь заявить, что басни добродушнаго Лафонтена и почтеннаго дѣдушки Крылова оказываютъ очень значительное вліяніе на то понятіе, которое мы составляемъ себѣ о характерѣ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ птицъ и звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда явились у насъ идеи о царственномъ величіи льва и орла, объ умственной неповоротливости медвѣдя, о коварствѣ лисицы, о кротости овны и о многихъ другихъ курьезахъ животной психологіи. Вглядитесь въ эти идеи, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежитъ Крыловъ, Лафонтенъ, или какой-нибудь другой источникъ равносильнаго достоинства. Разумѣется, вы при этомъ зрѣлицѣ улыбнетесь и даже отчасти сконфужитесь; но вмѣстѣ съ вами и сильнѣе васъ должны сконфужиться наши просвѣщенные журналисты, которые такъ долго и такъ безтолково удобряли и засѣвали своими издѣльями наши умственные нивы. Они-то, сердечные, чего смотрѣли? Вѣдь о скотахъ безсловесныхъ всегда писать было возможно; вѣдь тутъ даже и обстоятельствами нельзя отговориться. Они пожалуй иногда и писали, но никто не знаетъ, для кого они писали, и сами они этого не знаютъ, и по всей вѣроятности даже никогда объ этомъ не думали. Русская публика благополучно изучаетъ природу по баснямъ Крылова и по сборникамъ анекдотовъ о смышленности кошекъ и собакъ, а русскій журналъ (это вы, «Отечественныя Записки»!) вдругъ бацъ двѣ статьи о томъ, что французскій профессоръ Мильнъ-Эдвардъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, излагаетъ сравнительную анатомію. Или вдругъ выхватятъ статью изъ «Westminster Review» и поднесутъ нашимъ читателямъ. Все равно, молъ, сойдемъ: что они, сиволаны, смыслятъ? Человѣку простаго хлѣба хочется, человѣкъ голоденъ, а ему предлагаютъ: не хочешь-ли, ангель мой, зельтерской воды съ лимономъ? И «ангелъ мой» морщится, а все-таки сидитъ голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающіе природу путемъ непосредственныхъ наблюденій, разумеется, не вѣруютъ въ непогрѣшимости такихъ авторитетовъ, какъ Крыловъ, Лафонтенъ, сказаніе о лисѣ Рейнеке, или повѣствованіе Шехерезады; но человѣческой умъ устроенъ до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные

и знающіе люди часто совершенно невольно и безсознательно подчиняются въ своихъ теоретическихкихъ разсужденіяхъ господству тѣхъ понятій, которыя носятъ въ обществѣ, какъ умственные міазмы, и которыя попали туда богъ знаетъ откуда и когда и укоренились въ немъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ понять напримѣръ такое соображеніе Изидора Жоффруа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самымъ догматическимъ тономъ, что *растеніе живетъ; животное живетъ и ощущаетъ, а человѣкъ живетъ, ощущаетъ и мыслитъ*. Выходитъ стало-быть, что животное не мыслитъ; и такую феноменальную цѣлность говоритъ ученый, пользующійся европейской извѣстностью и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣстными и дѣльными фактическими наблюденіями. Очевидно Сентъ-Илеръ этотъ не могъ изловить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирской язвой или тифозной горячкой.

У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразныя признаки умственнаго зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ упорныхъ міазматическихъ поврежденій принадлежитъ та повсемѣстно распространенная идея, что животныя рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человѣкъ, ученый и неученый, скажетъ вамъ, не запинаясь, точно математическую аксіому произносить, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ точъ въ точъ такъ, какъ они живутъ сегодня. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете? — то «милостивый государь» даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собой разумѣется. А по вашему-то какъ же: у нихъ стало-быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечья революція!

Когда міазматическая идея вооружается насмѣшкой, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику и хохочетъ надъ вами, какъ надъ пошлымъ дуракомъ. Если-же вы, не боясь насмѣшки, все-таки остаетесь на вашей позиціи и продолжаете спрашивать: почему? и если вашъ собесѣдникъ, кромѣ остроумія, располагаетъ еще кое-какими знаніями, то онъ выдвинетъ противъ васъ слѣдующіе аргументы, которые изучаютъ васъ своей бѣдностью и необѣдительностью. Во-первыхъ — египетскіе памятники, во-вторыхъ — Аристотель, въ треть-

ихъ—Плиніи старшей. Это вотъ что значить: на разныхъ египетскихъ памятникахъ вырѣзаны изображенія животныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми породами, которая существуютъ въ настоящее время. Аристотель, современникъ Александра Македонскаго, написалъ естественную исторію, въ которой говорить о вѣдѣннѣ видѣ многихъ животныхъ и сообщаетъ кое-что о ихъ образѣ жизни. Плиніи написалъ такое же сочиненіе, только гораздо похуже, въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. И это все. И на этомъ фундаментѣ покоится наше твердое убѣжденіе о неподвижности умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ.

Но вѣдѣ что же это въ самомъ дѣлѣ такое? На памятникахъ не могутъ же быть изображены всѣ животныя земного шара, и памятники не могутъ дать намъ ни малѣйшаго понятія ни объ образѣ жизни изображенныхъ животныхъ, ни объ ихъ умственномъ развитіи. Это разъ. А второе то, что на памятникахъ представлено также люди, и нѣкоторыя изъ этихъ человѣческихъ фигуръ совершенно похожи на теперешнихъ негровъ, а другія — на евреевъ. Надо, стало-быть, выводить заключеніе, что люди остаются неподвижными. Положимъ однако, что мы достоверно знаемъ, какимъ образомъ извѣстное племя негровъ жило во времена какого нибудь египетскаго царя Менеса или Мериды; положимъ, что оно живетъ теперь совершенно такъ, какъ жило тогда. Красиво-ли будетъ, если мы выведемъ заключеніе, что обычаи человѣчества не измѣняются? А если некрасиво и если нельзя заключать отъ части къ цѣлому, то-есть отъ одной расы къ цѣлому виду или роду, то на какомъ же основаніи мы кладемъ этотъ логическій законъ подъ столъ, когда заходить рѣчь о мірѣ животныхъ, который однако неизмѣримо обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ человѣчество?

Значить, памятники въ сторону. Аристотель и Плиніи на первый взглядъ могутъ показаться посущественнѣе памятниковъ, потому что ихъ сочиненія охватываютъ большое количество животныхъ формъ и сообщаютъ кое-какія свѣдѣнія о нравахъ и объ умственныхъ способностяхъ. Но какъ только мы посмотримъ на дѣло чуть-чуть повнимательнѣе, мы тотчасъ убѣдимся въ полной несостоятельности обоихъ мушкетеровъ классической древности. Новѣйшіе писатели, напримѣръ Александръ Гумбольдтъ въ «Космосѣ» и уже знакомый намъ Изидоръ во введеніи къ своей «Общей біологіи» («Histoire naturelle générale des règnes organiques»), хвалятъ Аристотеля за то, что онъ не вѣрять тѣмъ баснословнымъ рассказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легкомысленными земляками. Эти похвалы губительнѣе всякаго порицанія. Если приходится говорить человѣку большое спасибо за то, что онъ отвергаетъ существованіе сиренъ, феник-

совъ или пигмеевъ, то какъ же требовать или ожидать отъ этого же самаго человѣка такихъ тщательныхъ и усидчивыхъ наблюдений, которыя могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отпавленій животнаго царства? О Плиніи и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалятъ Аристотеля. Теперешніе натуралисты проводятъ по цѣлымъ часамъ надъ какимъ нибудь муравейникомъ и повторяютъ такіе сеансы каждый божій день, втеченіи многихъ и эчень многихъ лѣтнихъ сезоновъ, и все-таки яри этомъ страшномъ напряженіи вниманія считаютъ себя школьниками въ дѣлѣ изученія природы и сознаются въ томъ, что психологическіе вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь, а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе нускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вздумаемъ обращаться къ такому всеобъемлющему гелію за свѣдѣніями о нравахъ мелкой твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по нелѣпнѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣдѣніяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высихъ обезьянъ,—ни орангутанга, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. Наконецъ надо же взять въ толкъ разъ навсегда, что какихъ-нибудь пять тысячъ лѣтъ ровно ничего не значать въ томъ неизмѣримомъ океанѣ тысячелѣтій, который отдѣляетъ нашу эпоху отъ зарожденія органической жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что вы разстались на мѣсяцъ съ любимой женщиной; вы изучили всѣ черты ея лица, вы замѣтили-бы въ немъ малѣйшую перемѣну, а между тѣмъ вы возвращаетесь черезъ мѣсяцъ, всматриваетесь и не замѣчаете ровно ничего. Попробуйте утверждать на этомъ основаніи, что время не измѣняетъ человѣка. А въ жизни органической природы пять тысячъ лѣтъ навѣрно значать меньше, чѣмъ одинъ мѣсяцъ въ жизни человѣка. Стало-быть, историческія свидѣтельства по очень многимъ причинамъ не могутъ дать намъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія во-

проса о движеніи умственныхъ способностей въ міръ животныхъ. Геологія также можетъ намъ разсказать, какъ жилъ и мыслилъ его обладатель. Гдѣ же искать отвѣта? Да все тамъ же, въ осмысленномъ наблюденіи живой природы. Живая природа въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ намъ очень много указаній на тотъ процессъ развитія, посредствомъ котораго она возвысилась до своего теперешняго положенія. Надо только смотрѣть и понимать.

III.

Утѣшимъ въ первый и послѣдній разъ обозначателей Аристотеля и научнаго благоправія; откажемся отъ дарвиновскаго лукавства; допустимъ, что лягушечій прогрессъ и собачья цивилизація не существуютъ и не могутъ существовать. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Если переходы отъ одного рода привычекъ къ другому совершенно невозможны въ царствѣ животныхъ, если необозримый рядъ предковъ каждаго животнаго жилъ всегда точь въ точь такъ, какъ въ настоящее время живетъ ихъ потомокъ, то это значить, что извѣстный комплектъ привычекъ связанъ на вѣчныя времена роковыми и необходимыми узами съ извѣстнымъ устройствомъ организма. Утѣшать, такъ утѣшать! Положимъ, что и устройство организма неизмѣнно и непоколебимо. Если существуетъ неразрушимая связь между устройствомъ организма и всѣми привычками, то, разумѣется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волосъ, ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ условіяхъ. Если вы только допустите, что животное въ минуту сильнаго голода можетъ взять въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣли его отцы, дѣды и прадѣды, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ произвести въ привычкахъ малѣйшее уклоненіе, то рѣшительно никто не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ уклоненій не составилось въ концѣ концовъ совершенное превращеніе. Стало-быть, для поддержанія любезнаго принципа надо твердо стоять на томъ, что всѣ теперешнія ласточки одного вида живутъ — какъ одна ласточка, всѣ медвѣди — какъ одинъ медвѣдъ, всѣ лягушки — какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ», на всѣ отдѣльные виды бессловесной твари. Хорошо, будемъ стоять. Кромѣ того животныя, близкія другъ къ другу по тѣлосложенію, должны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа,

который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ роковой и неизмѣнный результатъ организаціи. А если организація составляетъ единственную причину привычекъ, то невозможно допустить, чтобы сходныя причины привели за собой несходныя слѣдствія. Стало-быть, мы получили два закона:

I. Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II. Сходныя виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ окажется мнимомъ. Посмотримъ теперь на живую природу. Она одна можетъ рѣшить споръ между научнымъ благоправіемъ и дарвиновскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ собачьяго прогресса. Въ противномъ случаѣ великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе и признать себя нелѣпностью. Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропасть, и оба основные закона трещать по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ на каждомъ шагу позволяютъ себѣ такія выходки, которыя очень рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ и постоянныхъ привычекъ цѣлаго вида. Одинъ разъ наблюдателю удастся подмѣтить такую выходку, но придется ли ему во второй разъ сдѣлать то же наблюденіе, этого никакъ нельзя сказать заранѣе, потому что выходка эта можетъ-быть совсѣмъ не повторится по прошествіи значительнаго промежутка времени, а можетъ-быть повторится тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложатся для животнаго разныя мелкія обстоятельства его всендневной жизни. Напримѣръ въ Сѣверной Америкѣ натуралистъ Гирнъ видѣлъ, какъ черный медвѣдъ плавалъ по рѣкѣ съ разинутой пастью и глоталъ водяныхъ наѣкомыхъ. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой же благоразумный человѣкъ рѣшится утверждать, что такія занятія свойственны медвѣдью, что они находятъ въ строгой зависимости отъ его организаціи, и что всѣ предки этого оригинала всегда занимались подобными промыслами. Китъ постоянно поступаетъ такимъ образомъ, и киту очень удобно это дѣлать: у него пасть усажена роговыми пластинками, въ которыхъ наѣкомыя и всякая мелюзга задерживаются для съденія; а въ верхней части головы у него продѣланы отверстія, черезъ которыя онъ выбрасываетъ воду, набранную въ ротъ вмѣстѣ съ мелкими животными. Не мѣшаетъ также замѣтить, что китъ во время такой охоты чувствуетъ себя совершенно дома, между тѣмъ какъ медвѣдью приходится въ этомъ случаѣ отправляться въ чужую стихію за очень мелкой и неудобной добычей. Можно себѣ представить, сколько онъ во время этого занятія проглотитъ

воды безъ всякой надобности и безъ малѣйшаго желанія, сколько разъ вода захлестывала, ему поздря и сколько разъ пойманныя насѣкомыя ускользали изъ его пасти въ то время, когда онъ фыркалъ и отплевывался. Повторить-ли онъ свое плаваніе,—это конечно зависитъ отъ того, поправилась-ли ему первая попытка; но если животное можетъ дѣлать попытки и въ случаѣ удачи повторять ихъ, то куда же послѣ этого укроется принципъ неизмѣнныхъ привычекъ? Разныя птицы очень часто дѣлаютъ то, что несвойственно ихъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, вовсе на нихъ непохожей. Мухоловка (*Muscicapa*) обыкновенно прыгаетъ по деревьямъ и питается насѣкомыми; но Дарвинъ видѣлъ не разъ, какъ одна изъ птицъ этого рода *Saurorhagus sulphuratus*, подобно коршуну, держалась въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ съ распростертыми крыльями, потому дѣлала быстрый поворотъ и вслѣдъ затѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другой точкой. Коршуну, какъ хищнику, очень удобно такимъ образомъ высматривать себѣ съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрковъ; но для мухоловки, питающейся насѣкомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало-быть, тѣ субъекты, за которыми Дарвинъ подѣлалъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, немѣющимися тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что *Saurorhagus sulphuratus* стоитъ надъ водой, караулить мелкую рыбу и потомъ вдругъ кидается на нее, выбравъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало-быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять-таки страдаетъ по случаю ея нескромности. Синица (*Parus major*) также позволяетъ себѣ разныя непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ и питается ягодами, зернами и насѣкомыми; но иногда она лазитъ, какъ пищука; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ по головѣ до смерти и иногда подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопуду (*Lanius*), который однако вовсе не похожъ на нее и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда та же самая незаконная синица разбиваетъ мелкіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣсколькx разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховка (*Nucifraga*), которая также принадлежитъ къ другому семейству.

Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь? Но это еще все цвѣточки, а настоящія-то ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что цѣлыя породы, находящіяся между собой въ самомъ близкомъ родствѣ и очень похожія другъ на друга по складу тѣла, имѣютъ такіа *постоянныя* привычки, въ которыхъ самый

усердный обожатель принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятель (*Picus*) всѣмъ устройствомъ своего тѣла превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстукивать насѣкомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описываетъ его учебникъ зоологіи: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прикрѣпленный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротой выдвигаться изъ рта. Хвостъ съ жесткими перьями, служащими опорой при лазаніи». Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы по устройству пальцевъ и когтей превосходно приспособлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые дѣйствительно постоянно карабкаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучатъ въ нихъ клювомъ и вылизываютъ изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Но и между дятлами встрѣчаются неблагоприятные вольнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ Сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается преимущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловить ихъ на воздухѣ, вмѣсто того чтобы выстукивать ихъ изъ-подъ древесной коры.

Ага!—скажетъ защитникъ принципа,—длиныя крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длиныя крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и остается у него въ рукахъ. Во-первыхъ, длиныя крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятель очень легко и удобно могъ-бы ловить насѣкомыхъ на лету, если-бы того требовали мѣстныя обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ». Читатель долженъ понимать, что этого вполне достаточно.

Дятель *Colaptes*, живущій въ Мексикѣ и описанный Соссуромъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ извращаетъ свои естественныя дѣрванія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обезпечивающіе его продовольствіе. *Colaptes*—дятель, и нашъ европейскій *Picus*—также дятель; у одного крѣпкій клювъ, и у другого также крѣпкій клювъ. Спрашивается, по-

чему же одинъ устраиваетъ себѣ амбары, а другой выстукиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губителенъ для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человѣкъ, и Наполеонъ I былъ также человѣкъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другого былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-е брюмера, разстрѣлялъ герцога Англенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сраженій, очень упорно преслѣдовалъ идеологию и наконецъ, какъ малолѣтній ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуше, а потомъ—англійской олигархіи? Не потому-ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліяніа, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружавшія ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различныя характера, а въ общемъ выводѣ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарта и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи вѣка, политическія событія, отношеніе этихъ событий къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другого,—словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внутреннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если-бы какойнибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если-бы оказалось, что вѣсъ, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ, всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какойнибудь здравомыслящій человѣкъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, несмотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было-бы даже гораздо удивительнѣе, если-бы мозгъ Мюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона или если-бы въ черепѣ профессора Крезотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Мюратъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ почти всѣ его кампаніи и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Крезотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая—чисто отечественная, и притомъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ той, такъ и другой бритвой вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ эволюцій: выбрить себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ мозоль, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено

обѣими бритвами почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго-же раза оказалась-бы несостоятельной. Если вашъ родственникъ хватитъ себя по горлу вашей англійской бритвой, а вы будете употреблять свою русскую бритву какимъ-нибудь другимъ, менѣе кровопролитнымъ образомъ, то я не думаю, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ можно было вывести хоть малѣйшія заключенія о сравнительномъ достоинствѣ обонхъ инструментовъ. Оба эти факта зависятъ отъ той обстановки, въ которой находились обѣ бритвы, и отдѣльные элементы этой обстановки не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ качествами русской и англійской стали, или русской и англійской фабрикаціи бритвъ. Но, разумѣется, никакая обстановка не можетъ приноровить бритву къ такому употребленію, которое совершенно несовмѣстно съ ея фигурой или съ свойствами ея матеріала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишите его бритвой. Хоть-бы вамъ до-зарѣзу необходимы были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умерить съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все таки вамъ не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если-бы Наполеонъ захотѣлъ снести яйцо, то по всей вѣроятности вся его гениальность не доставила-бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перешеголяла-бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было-бы написать другую книгу,—подобную «Космосу», чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутины или одинъ золотникъ воска. Глубѣйшій изъ науковъ и лѣннѣйшая изъ рабочихъ пчелъ превзошли-бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія.

Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно-сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помѣщается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить по крайней мѣрѣ одну общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Именно, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполне и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ: изъ качествъ самаго орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ человѣка. Орга-

низмъ животнаго ближе къ организму человѣка, чѣмъ кусокъ неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники неизмѣнныхъ привычекъ ухитрились выдумать, что весь міръ животныхъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя-бы онъ даже попалъ въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Борются съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какимъ образомъ многія изъ нашихъ обиходныхъ понятій рѣшительно противорѣчатъ не только осязательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ законамъ здороваго человѣческаго мышленія. Если въ нелѣпостяхъ могутъ быть какія-нибудь градаціи, то надо будетъ сознаться, что идея о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значительную и несообразную нелѣпость, чѣмъ извѣстная русская теорія о трехъ китахъ, поддерживающихъ нашу планету.

Когда мы всматриваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ безмыслица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко приходится всматриваться въ наши идеи и выбивать приемами строгой критики ту пыль и моль, которая завелась въ нашей умственной рухляди и перепортили все естественное богатство нашего превосходнаго кавказскаго мозга. Мозгъ-то хорошъ, да дряни въ немъ много. Чтобы покончить исторію о дятлахъ, я сообщу читателю, что въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живетъ дятель *Colaptes campestris*, который никогда не взлѣзаетъ на деревья по той простой причинѣ, что не на что взлѣзать. Клювъ его не такъ твердъ и прямой, какъ у простаго дятла, во-первыхъ—по недостатку упражненія, а во-вторыхъ—потому, что естественный выборъ пересталъ поддерживать спеціальныя качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ нечего долбить, дятлу бесполезенъ твердый и прямой клювъ, и поэтому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабѣла.

Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ остроумными защитниками, опирающимися на египетскіе памятники и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Возиться съ ними очень скучно, и я увѣренъ, что они уже давно опротивѣли моему возлюбленному читателю, свободному отъ всякихъ предрасудковъ или по крайней мѣрѣ искренно желающему отъ нихъ освободиться. Чтобы окончательно срывать противниковъ Дарвина, достаточно произнести одно слово, указывающее на цѣлый, длинный рядъ неопровержимыхъ фактовъ. Это слово: *акклиматизація* животныхъ. Объ ней я однако распространяться не буду.

IV.

Привычки животныхъ помѣняются вмѣстѣ съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни измѣнились, вовсе не нужно накликасть на землю какіе-нибудь ужасы вроде наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собой переѣмну; порода размножится такъ, что явится несообразность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многими субьектамъ придется искать новой пищи и приспособляться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и переѣмна. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животнаго и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что все видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мірѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А болѣшая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависѣть отъ болѣшей или меньшей гибкости даннаго организма, отъ болѣшей или меньшей напряженности борьбы и отъ болѣшей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и вездѣ, результатомъ будетъ обуславливаться свойствами субьекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ.

Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторыя породы животныхъ въ настоящую минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно—Дятлы, летающіе за насѣкомыми, питающіеся плодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ равнинахъ, показываютъ уже довольно замѣтный разладъ между тѣлосложеніемъ и привычками. Но есть и другіе примѣры, гораздо болѣе поразительные. Буревѣстники проводятъ большую часть своей жизни на лету, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У всего этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ въ тихомъ проливѣ Огненной Земли живетъ буревѣстникъ *Puffinuria Berardi*, который превосходно плаваетъ и ныряетъ, но чрезвычайно рѣдко и повидимому неохотно поднимается на воздухъ. По привычкамъ своимъ онъ очень похожъ на пингвина или на чистика, т. е. на такихъ птицъ, которая совершенно лишены способности летать и употребляютъ свои крылья на водѣ вмѣсто веселья, а на сушѣ—вмѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни произвели уже довольно значительныя измѣненія въ устрой-

ствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (*Cinclus aquaticus*) постоянно добываетъ себѣ пищу подъ водой, ныряетъ, цѣпляется ногами за камни и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, рассматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намека на ея своеобразныя привычки. Стало-быть разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водяной птицей; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегатъ (*Fachypetes aquila*) постоянно летаетъ надъ моремъ, удаляется отъ береговъ на огромныя разстоянія и, несмотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одюбонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкой. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокія выемки, указывающія на то, что нога фрегата начала измѣняться, сообразно съ его образомъ жизни. У гадаръ и у лысухъ пальцы только оторочены перепонкой, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчіе. Длинные ноги коленастыхъ птицъ такъ отлично приурочены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше желать не остается и требовать нельзя; между тѣмъ съ одной стороны водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вмѣсто того чтобы бродить по вязкому берегу; а съ другой стороны коростель, принадлежащій къ одному семейству съ водяной курочкой и даже поставленный съ ней рядомъ въ учебникѣ зоологіи, также презираетъ болото и держится обыкновенно въ хлѣбныхъ посѣвахъ и въ высокой травѣ вмѣстѣ съ перепелками и куропатками.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы видимъ, что организація животнаго вовсе не связана наглухо именно съ однимъ, тѣсно опредѣленнымъ образомъ жизни. Конечно организація ставитъ нѣкоторыя границы для дѣятельности животныхъ, но эти границы оставляютъ животнымъ очень широкій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире, если представится настоятельная необходимость и если окружающія обстоятельства дадутъ на то малѣйшую возможность. Разумѣется, рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не можетъ вырыть въ землѣ тѣ норы и галереи, которыя сооружаютъ кроль; тигръ не можетъ питаться травой, какъ баранъ; а страусъ не можетъ гоняться за голубями, какъ ястребъ. Между рыбой и птицей, между воробьемъ и кротомъ, между тигромъ и бараномъ, между страусомъ и ястребомъ су-

ществуютъ очень глубокія различія въ организаціи; однако нѣтъ никакого основанія думать, чтобы между этими очень различными организаціями лежала непроходимая бездна, чрезъ которую природа, то-есть постоянное дѣйствіе разнородныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состояніи проложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ возможны самыя полныя превращенія и самыя удивительныя переходы, но только эти превращенія и переходы никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ совершиться круто и внезапно. Вся исторія органической жизни состоитъ въ томъ, что различныя формы животныхъ и растений постоянно обособлялись и съ каждымъ тысячелѣтіемъ, дробясь на новыя разновидности, все сильнѣе и рѣзче удалялись другъ отъ друга; вслѣдствіе этого въ настоящую минуту различныя отдѣлы, классы и порядки животнаго царства гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и явственнѣе разграничены между собой, чѣмъ это было въ прошедшія геологическія эпохи. Однако, несмотря на эти глубокія границы, несмотря на то, что всякія промежуточные формы постоянно вытѣсняются крайними представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли-бы совершиться самыя далекіе и неожиданные переходы; во многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся даже съ живыми формами, которыя, какъ верстовые столбы, стоятъ по срединѣ этихъ путей и ясно говорятъ намъ самымъ фактомъ своего существованія, что было время, когда эти заброшенные пути были бойкими столбовыми дорогами, и когда органическая жизнь, направляясь къ своему теперешнему положенію, медленно и величественно совершала по этимъ путямъ свое безпредѣльное развитіе. Такимъ образомъ пѣлые два порядка животныхъ связываютъ классъ млекопитающихъ съ классомъ рыбъ; во-первыхъ — ластоногія (*Pinnipedia*), то-есть моржи, тюлени, морскіе львы и морскіе коты; а во-вторыхъ — китовыя (*Cetacea*), то-есть киты и дельфины. Летучая рыба намекаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водой, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ влияніемъ борьбы за жизнь и естественнаго выбора стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ или, вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. Австралійскій утконосъ стоитъ на границѣ между млекопитающими и птицами; а сумчатыя животныя, изъ которыхъ одни по устройству своихъ зубовъ приближаются къ жвачнымъ (кенгуру), другія — къ грызунамъ (вombatъ), а третьи — къ плотояднымъ (двухтобка).

показываютъ намъ, какъ развивалось въ прошедшемъ то глубокое различіе, которое существуетъ теперь между этими тремя, резко разграниченными порядками млекопитающихъ.

Все животное царство распадается на два громадные отдѣла, на позвоночныхъ и беспозвоночныхъ. Различіе между этими двумя отдѣлами до такой степени глубоко, что между животными этихъ двухъ отдѣловъ даже нельзя производить никакихъ сравненій; невозможно сказать и безполезно было-бы спрашивать, какое животное стоитъ выше въ цѣпи созданій: какаѣ-нибудь рыба или пчела? Типы ихъ не имѣютъ между собой ни одной точки соприкосновенія и развились совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Эти два отдѣла животнаго царства обозначились по всей вѣроятности въ самой глубокой древности, недоступной даже для геологій; какія формы предшествовали этому раздѣленію — этого мы никогда не узнаемъ, хотя конечно можно предполагать, что жили тогда животныя, до нѣкоторой степени похожія на теперешнихъ инфузорій, если не по своей величинѣ, то по крайней мѣрѣ по простотѣ своей организаціи. Однако, несмотря на то, что различіе между позвоночными и беспозвоночными такъ глубоко и такъ сильно упрочено своей неизмѣримою древностью, — несмотря на это, существуютъ и теперь нѣкоторыя формы, служація живымъ намекомъ на прежнее, уже совершенно утратившееся родство между этими двумя отдѣлами. Амфиоксъ или ланцетная рыба принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ, а между тѣмъ ее очень долго принимали за моллюска; у нея нельзя отличить головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли къ моллюскамъ, то ее ставили ниже головоногихъ и брюхоногихъ моллюсковъ, у которыхъ ясно обозначена голова. Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, несмотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній. Это — живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ,

безконечно разнообразныхъ типовъ были похожи другъ на друга и сливались между собой въ общемъ хаотическомъ броженіи безцѣльности и безформенности. Это — выкидыши органической природы, оставшіяся въ живыхъ, несмотря на свою недодѣланность. Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животнаго мѣста развить въ своей организаціи, чѣмъ воплѣтъ сложившееся животное низшаго разряда. Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы.

Всю эту экскурсію по различнымъ областямъ органическаго міра я веду къ тому, чтобы выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ нашему главному предмету. Развиваясь по разнымъ направленіямъ изъ одного общаго источника и подчиняясь въ своемъ разностороннемъ развитіи господству одинаковыхъ законовъ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ, органическая природа сохранила, и по всей вѣроятности сохранитъ навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ ту гибкость, измѣчивость и подвижность, которыя привели ее къ ея теперешнему роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что шука, тигръ, воробей, страусъ и всѣ вообще современные намъ организмы составляютъ собой тотъ окончательный результатъ, къ которому направлялось все развитіе живой природы. Множество подмѣченныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря по тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ всѣ остальные формы, съ которыми имъ такъ или иначе приходится вести борьбу за существованіе. Есть-ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были-бы совершенно неизмѣнны и неподвижны по самой своей природѣ, — этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ при первой встрѣчѣ съ неблагоприятными обстоятельствами будутъ непременно истреблены, потому что онѣ вслѣдствіе своей неподвижности не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемѣну и приноровиться къ новымъ условіямъ жизни. Очень многія, а можетъ-быть и всѣ, погибшія формы погибли именно оттого, что тѣ или другія измѣнившіяся обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстраго и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организаціи, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ сила вещей неотразима и не даетъ никакихъ отсрочекъ, то она ихъ и скрутила до совершеннаго уничтоженія. Если-бы тигру предстояла альтернатива — питаться травой или умереть съ голоду, онъ-бы умеръ, во это вовсе не доказывать,

что между плотояднымъ и травояднымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ-быть переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру очень близкой родственницей; до своего знакомства съ человекомъ она питалась исключительно мясомъ, а теперь всякій знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ. Молешотъ, писавшій свое «Ученіе о пищѣ» въ то время, когда о теоріи Дарвина не было ни слуху, ни духу, говорятъ положительно во введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки кишечный каналъ короче, чѣмъ у домашней, и что это измѣненіе, приближающее домашнюю кошку къ травояднымъ, произошло въ ея организмѣ подъ вліяніемъ растительной пищи. Воробей также долженъ былъ-бы погибнуть, если-бы ему для спасенія жизни необходимо было приняться за подземныя работы крота; но и тутъ существуетъ возможность перехода и сближенія въ привычкахъ. Воробей питается ягодами, зернами и насѣкомыми; смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ питаться или исключительно однимъ изъ этихъ кушаній, или всѣми тремя заразъ. Положимъ, что обстоятельства принуждаютъ его питаться насѣкомыми; положимъ, что воробьевъ очень много; тогда каждое насѣкомое пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ значительную цѣну; тогда воробей очень охотно будетъ клевать земляныхъ червей и очень тщательно будетъ заботиться о ихъ добываніи; онъ будетъ разрывать землю лапками и по всей вѣроятности это упражненіе, соединенное съ дѣйствіемъ естественнаго выбора, укрѣпитъ его когти и вообще приспособитъ его члены къ этому новому занятію. Очень можетъ быть, что воробьи, постоянно копающіеся въ землѣ, утратятъ въ значительной степени юркость своихъ движеній и рѣзкость своихъ крыльевъ, но, разумѣется, это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если этихъ воробьевъ не будутъ преслѣдовать опасные враги. Если-же найдутся такіе враги, то они вѣроятно будутъ постоянно истреблять неповоротливыхъ воробьевъ, и тогда юркость и способность летать, поддерживаясь естественнымъ выборомъ, останутся попрежнему постоянными свойствами этой породы. Сдѣлаются-ли эти воробьи когда-нибудь подземными животными, этого я, ей Богу, не знаю, и мнѣ очень боязно и неловко высказать такое предположеніе, но моя робость происходитъ по всей вѣроятности отъ недостатка твердыхъ знаній и научнаго развитія. Дарвинъ разсуждаетъ гораздо смѣлѣ, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ; то-есть, обыкновенно ученики и аденты преувеличиваютъ идеи учителя и доводятъ ихъ иногда до уродливыхъ крайностей. Здѣсь-же ученикъ остается позади учителя, даже въ дѣлѣ умственной храбрости. Вотъ что говоритъ Дарвинъ по поводу медвѣдя, подражавшаго киту. «Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не

вижу ничего невозможнаго въ томъ, что, если-бы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и если-бы въ той-же сторонѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла-бы сдѣлаться черезъ естественный выборъ все болѣе и болѣе водной, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось-бы существо такое-же уродливое, какъ китъ.» Если Дарвинъ позволяетъ медвѣдю превратиться почти въ кита, то, пожалуй, почему-бы и моему воробью не превратиться, не говорю «въ крота»,—а въ подземное и, разумѣется, совершенно не летающее и не совсѣмъ зоркое животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо храбриться: онъ знаетъ, что не навретъ. А я на этотъ счетъ, при сильной склонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя ежеминутно.

Можетъ-быть, примѣръ мой о воробѣй выбранъ очень неудачно, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идеѣ, которая во всякомъ случаѣ остается неприкосновенной. Дѣло въ томъ, что окружающія обстоятельства совершенно полновластно господствуютъ надъ привычками животныхъ, а черезъ ихъ привычки—надъ ихъ тѣлосложеніемъ. Когда животное получаетъ при рожденіи извѣстный запасъ способностей и орудій, то какія именно изъ данныхъ способностей оно разовьетъ въ себѣ преимущественно и къ чему именно пристроитъ оно свои орудія—это будетъ зависетьъ вполне отъ чисто внѣшнихъ условій жизни. Привычки животныхъ составляютъ именно приложеніе къ дѣлу жизни врожденныхъ способностей и орудій; а каково будетъ приложеніе, — это, разумѣется, зависитъ отъ того, къ чему станешь прикладывать. Въ настоящее время очень рѣзкіе переходы по всей вѣроятности не могутъ совершаться даже постепенно; напримѣръ, рыба въ птицу, медвѣдь въ кита, страусъ въ орла превратиться не могутъ даже въ цѣлыя сотни тысячелѣтій; но это происходитъ не отъ какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій въ организаціи рыбы, медвѣдя или страуса, а преимущественно, или даже исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своего превращенія встрѣтятъ непреодолимое препятствіе со стороны отлично приспособленныхъ конкурентовъ, то-есть со стороны настоящихъ птицъ, настоящихъ китовъ и настоящихъ орловъ. Поэтому прогрессъ медвѣдей, рыбъ и страусовъ будетъ вѣроятно состоять только въ томъ, что они постоянно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдями, рыбами и страусами, то-есть, подчиняясь естественному выбору, будутъ постоянно развивать въ своей породѣ тѣ спеціальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доставляли имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ

за существованіе. Но никто не можетъ сказать заранѣе, что это прогрессивное развитіе будетъ постоянно упрочивать существованіе этихъ породъ и постоянно одерживать побѣду надъ всѣми враждебными обстоятельствами способными повредить этимъ породамъ или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ чистаго типа медвѣдей, жуковъ или страусовъ не отдѣлится подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какой-нибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ и то можетъ случиться, что какія-нибудь внѣшнія условія заставятъ медвѣдя, страуса или рыбу отказаться отъ употребленія того или другого органа и такимъ образомъ понятиятъ ихъ назадъ, вмѣсто того чтобы подвигать ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь-бы только оно въ данномъ случаѣ было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно внимательство естественнаго выбора: безкрылые жуки, слѣбные обитатели пещеръ и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія.

Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, напримѣръ глазъ у всѣхъ высшихъ животныхъ другіе органы атрофируются до совершеннаго безсилія, напримѣръ крылья у многихъ птицъ; однѣ породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третьи совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагу сложныя отношенія между организмами запутываются въ самые неразрѣшимые гордиевы узлы, и на каждомъ шагу эти узлы развязываются или разрушаются, смотря по обстоятельствамъ. И привычки, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть перестроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безпристрастная ломка составляетъ собою всю исторію органической жизни. Намъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной ломки; нашъ умъ отказывается вѣрить тому, чтобы напримѣръ глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какого нибудь безформеннаго накопленія органическихъ клѣточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значитъ. Умъ нашихъ прапрадѣдовъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственные привычки такъ же подвижны и измѣнчивы, какъ и всякія другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говорить Дарвинъ о происхож-

деніи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподражаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической абберации, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора — такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпнымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, причѣмъ каждая степень совершенства полезна организму, ею одаренному; если далѣе глазъ хоть сколько-нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія наслѣдственны, въ чемъ нелѣзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ, — то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни безсильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута.» И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но зато у беспозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть у насѣкомыхъ, червей, пауковъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненные глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необозримыя различія предѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ эти двѣ системы, то есть сложные и простые глаза, соединяются между собою и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются извилины и углубленія; у обезьянъ они особенно сильно развиты; у шимпанзе, у орангутанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполнѣ. Кромѣ того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціальнаго орудія, которое доставляетъ человѣку

побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. На- лагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго исто- рического періода, это совершенствованіе измѣ- няетъ также форму самаго органа и величину его вмѣстидиша; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатѣ объемъ этого костяного ящика замѣтно увели- чился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было вѣтвущей эпохой феодализма, крестовыхъ похо- довъ, папскихъ экскоммуникацій и разныхъ дру- гихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что ре- зультатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не дол- женъ казаться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуются до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по ана- логіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и до- миѣическомъ прошедшемъ.

V.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такія слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайней осмотрительностью. А еще гораздо лучше было-бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но къ сожалѣнію это почти невозможно. *Умъ, чувство, инстинктъ, талантъ, гений, темпераментъ, характеръ* и разныя другія выраженія, относящіяся къ психической жизни животныхъ организмовъ, — все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заслужаютъ собою живые факты, и никто не знаетъ навѣрное, чтѣ именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произноситъ эти слова и при этомъ всегда стара- ется этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ живот- ныхъ, стоящихъ ниже человѣка, совершенно за- темненъ разными непонятными словами, кото- рыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знако- мыхъ словахъ заключается очень опредѣлен- ный смыслъ. Вамъ ежеминутно случается слы- шать что собака любитъ хозяина по инстинкту, кошка преслѣдуетъ мышей по инстинкту, лас- точка вьетъ гнѣздо по инстинкту, пчела устраи- ваетъ восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ — когда собака любитъ хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему со- бака любитъ хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ-же не понять? Вы знаете Петра? — Нѣтъ, не

знаю. — Да это тотъ, чтѣ женатъ на Авдотѣ. — Да я и Авдотю не знаю. — Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ. — А! Ну, те- перь знаю и Петра, и Авдотю. Давно-бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда разсуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣст- наго Петра объясняемъ неизвѣстной Авдотѣй, а потѣмъ, когда прислушаемся во время объ- яснительнаго разговора къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. Насколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть по- лезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть разсуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я-же съ своей стороны перейду къ изображенію нѣ- которыхъ фактовъ изъ той дѣятельности жи- вотныхъ, которую мы такъ превосходно объяс- нили словомъ *инстинктъ*.

Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ со своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышъ при первой возможности выживаетъ, т. е. просто выбрасы- ваетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братьевъ и сестрицъ. Подобная исторія повто- ряется каждый годъ, и порода кукушекъ по- стоянно процвѣтаетъ, благодаря своей догадли- вости и безцеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ея породѣ мгновенно, то одно это предположеніе повалить всю теорію медленнаго развитія, по- тому что одинъ скачекъ, какъ-бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность на- ходится въ радикальной и непримиримой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясне- ніемъ существующихъ явленій. Поэтому необхо- димо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ сво- ему теперешнему положенію. Причины дѣйстви- тельно найдены, и путь развитія можетъ быть указанъ съ приблизительной вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если-бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились-бы въ птенцовъ въ то время, какъ младшія находились-бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это было-бы очень не- удобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли-бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли-бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлѣгъ отъ яицъ, которыя постоянно нуждаю- тся въ ея теплотѣ; такимъ образомъ всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть

на отца, а, кажется, самцы во всемъ мірѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также кладетъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо и сама заботится о своемъ потомствѣ, несмотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и вслѣдствіе этого обстоятельства кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была-бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ беспомощномъ состояніи. Стало-быть, подкидываніе яицъ въ чужія гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а напротивъ—именно по любви къ дѣтямъ и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устраиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это-же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или,—что все равно,—та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкой въ это время года; стало-быть, ей предстоитъ альтернатива: или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ та естественная, или инстинктивная, или какая вамъ угодно заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить запоздавшую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совершенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будетъ счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высиженныхъ самой матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными птенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ птенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расплодятся сильнѣе ихъ. Вѣроятно эти подкидыши или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ получаютъ по наследству отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой эта догадливость будетъ особенно развита, сообразитъ, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего же не распорядиться такимъ-же образомъ и со всѣми остальными; сообразитъ она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ птенцами разныхъ возрастовъ и съ недосижен-

ными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе по всей вѣроятности явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающей, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ-бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому мы можемъ сказать навѣрное, что черезъ нѣскольکو десятковъ или сотенъ вѣковъ типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ-быть инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ приютомъ молодой кукушки. Можетъ-быть тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое особенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. «Аналогія,—говоритъ онъ,—побуждаетъ насъ заключить, что птенцы, *высиженные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями*, наследуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ вижу возможность намека, но такъ какъ этого намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкиныхъ воспоминаній.

Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ со стороны какаго-нибудь животнаго рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли и вполне достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ-быть это сравненіе животнаго съ шарманкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ-быть даже это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое сло-

во, каждое помышленіе ежеминутно стремятся къ этой неизбѣжной развязкѣ, а въ то-же время самая развязка быть-можетъ даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человекъ очевидно изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда никто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизбѣстному ей импульсу. Можетъ-быть жизнь кукушки представляется намъ такія-же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти не-шарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое — къ другой? — это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣвственная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ-ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно-ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возмозже-ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ-бы разомъ на всѣ отдѣльные случаи этого вопроса? Можетъ-быть одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, свиваетъ себѣ гнѣздо тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ-ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка или нѣтъ? Что побуждаетъ ее къ этому дѣйствію? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо, то-есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, устыться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и смѣтливость. Или-же она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленной цѣлью, т. е. поступаетъ такъ-же оознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготовляющая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое-нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя безъ всякой опредѣленной цѣли трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Еслибы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американской, также свивала-бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для ея будущихъ дѣтей. Это значитъ, что шарманка, смотря по обстоятель-

ствамъ, играетъ то «la donna e mobile», то «Marlborough s'en va-t-en guerre», и сама опредѣляетъ обстоятельства и выбираетъ именно ту песню, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатизирующая шарманка въ значительной степени похожа на примѣръ на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ понравиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такой благосогласитанной шарманкой, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать слѣча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово *инстинктъ* очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотѣѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣла не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ.

Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по поводу кукушечьихъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнить ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна-ли вообще кукушка или какая-нибудь другая близкая къ ней птица накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна», то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность птичьяго прогресса въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся втеченіи тысячелѣтій посредствомъ естественнаго выбора, но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся втеченіи дней и мѣсяцевъ посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, словомъ, — тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ и въ жизни. Если-же мы отвѣтимъ: «неспособна», то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ напримѣръ слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла втеченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда-же вы, пользуясь этой первобытной невинностью птицъ, пострѣляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ при-

дется подкрадываться и употреблять различные хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица наугуана, и вы вѣроятно не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго, а между тѣмъ то значить «папугана»? Значить — составила себѣ понятие об опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значить — присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я послѣ этого рѣшительно не знаю, что такое прогрессъ. Но если кукушка можетъ приобрѣтать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ-ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если-же такая передача опыта изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія.

То-же самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другого животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отправленіяхъ животныхъ будутъ въ высшей степени обивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ быта кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ, представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, кладетъ-ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ-ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она кладетъ свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь еслибы кукушка подкинула ихъ напримѣръ къ курицѣ, то врядъ-ли это было бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка при всемъ своемъ добродушіи никакъ не могла-бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или наконецъ кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя помельче и послабѣе и которыхъ сдѣловательно подкинутый птенецъ можетъ временемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и еслибы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась-бы для насъ въ значительной степени.

Я не ругаюсь за то, что эти вопросы вполнѣ удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они по-

видимому предполагаютъ въ кукушкѣ очень обширное развитіе мыслительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, влияніе старшихъ птицъ, а главное — постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самыя полезныя инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самыя изумительныя результаты. Грейи нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсемъ утратила свою материнскую нѣжность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой специальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія — если только не примемъ самаго подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви, — этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, то и я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки.

Можетъ-быть и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навели меня поступки этой птицы, давнымъ-давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была-бы смѣшна и глупа до послѣдней степени; а для того, чтобы показать подобнымъ мнѣ профанамъ, какая бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы по своей крайней неразвитости считаемъ совершенно простыми и незаслуживающими нашего просвѣщеннаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (*Rhea americana*), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію и общими силами устраиваютъ на землѣ нѣсколько гнѣздъ; затѣмъ каждая изъ участвующихъ самокъ кладетъ въ первое гнѣздо по нѣсколькѣ яицъ, и когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживаніе поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня такимъ-же образомъ наполняется второе гнѣздо, затѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носки. Повидимому этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роняютъ свои яйца, гдѣ случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ штукъ двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истре-

бленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпать своими яйцами равнины Южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка и слѣдовательно никому не передастъ по наслѣдству свои беспорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ эгомъ новомъ поколѣніи повторится та-же самая исторія. Такимъ образомъ число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья.

Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яйца въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужеродныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ пѣвоточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса *Tachytes nigra* особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только-что развивается и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь и устраиваютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отправляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побуждаетъ большей частью посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу и, пользуясь первой минутой ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитой желѣзкой. Ядъ осы дѣйствуетъ на раненное насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить или вообще дѣлать какое-бы-то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побужденное насѣкомое въ свое гнѣздо и продолжаетъ совершать такіе-же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яйца и затѣмъ перестаетъ заботиться объ ихъ

дальнѣйшей участи. Изъ яицекъ выходятъ личинки — маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за истребленіе съѣстныхъ припасовъ: съѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженные насѣкомыя живы и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они вѣроятно чувствуютъ, какъ личинка вѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ для удовольствія ея потомства личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побуждаетъ послѣ упорной и опасной борьбы. Оса *Tachytes nigra* обыкновенно поступаетъ точно такъ же, но если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яйца, и ея личинки побуждаютъ то, что было назначено для потомства законной хозяйки. *Tachytes nigra* находится стало-быть въ переходномъ состояніи и балансируетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ осъ чужеродные инстинкты окончательно установились и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Однѣ, напримѣръ хризиды или золотыя осы, тайкомъ кладутъ свои яйца въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ и кладутъ яйца прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ дѣлаютъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непривычные гости не заберутся слишкомъ глубоко и не положатъ конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ третія, напримѣръ *Hemiteles* и *Chrysolampus*, очень маленькія насѣкомыя, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеродную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живого насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы *Bracop* наѣдается жиромъ гусеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкой *Hemiteles*; точно такъ-же личинка *Aphidius* ѣстъ живую тлю и сама съѣдается заживо личинкою *Chrysolampus*. При этомъ надо замѣтить, что *Hemiteles* и *Chrysolampus* никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насѣкомыя очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъ-этажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ — гусеница или тля второй — личинка *Bracop* или *Aphidius*, и третій — личинка *Hemiteles* или *Chrysolampus*.

Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ читателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любозная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія.

Велибы Карамзину случалось иногда созерцать въ природѣ трехъ-этажныя зданія вышеописанной конструкціи, то по всей вѣроятности волненіе его было-бы менѣе сладостно, и можетъ быть ему удалось-бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природой такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные объять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюденій, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той идиллической нелѣпости, которая не пашла-бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезной природой» Карамзина.

«Предыдущія замѣчанія, — говоритъ онъ, — даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ послѣднее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человѣка, или просто для разнообразія.»

Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. Врасон вносить драматическое «разнообразіе» въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а *Heniteles* «прелмщаетъ глазъ человека» поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философическимъ соображеніямъ. Кризиды и другія осы, воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подкрадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо остро, твердо помнитъ наружность и обычай чужездннхъ породъ и при всякомъ удобномъ случаѣ расправляется съ ними очень круто. Вслѣдствіе этого происходятъ часто самыя драматическія столкновенія между двумя чадолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна трудится для своихъ дѣтей, а другая — также для своихъ дѣтей рѣшается на воровство, сопряженное съ опасностью жизни.

«Золотая оса *edychrum regium*, — говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ «Зоологическихъ письмахъ», — кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (*Osmia muraria*). Эти гнѣзда устраиваются на старыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница наполняетъ

ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, собранная пчелою для ея собственной личинки, съѣдается заблаговременно чужездными личинками золотой осы, если только послѣдней удается подкинуть свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса высмотрѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстіе ячейки, чтобы положить въ нее свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела прилетѣла домой съ грузомъ цвѣточной пыли, бросилась на своего врага съ особеннымъ жужжаніемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей породы, въ ту-же минуту свернулась въ клубокъ. Пчела напрасно пыталась нанести ей рану сквозь твердый панцирь, и когда ея усилія въ этомъ отношеніи остались безплодными, тогда она наконецъ откусила у нея всѣ четыре крыла у самаго корня и потомъ бросила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ безпокойствомъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала безъ сомнѣнія, что, откусивъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но расчетъ этотъ былъ невѣренъ. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лезавшая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ поползла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко.» («Зоологическія письма» Карла Фохта).

Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость характера, умѣніе свертываться въ клубокъ и чужездныи инстинкты — все это идетъ одно къ одному и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущей необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ и упрочены безпрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужездной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какимъ-нибудь другимъ насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность избираемыхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуетъ стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужездннхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ стѣми сложными проявленіями умственной дѣя-

тельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчелъ и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріей естественнаго выбора такъ же удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшение или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшение являлось и упрочивалось. Вся разница между исторіей глаза и исторіей какого-нибудь другаго, болѣе простаго органа заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что слѣдовательно на его формирование потрачено больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній.

То-же самое можно сказать и объ инстинктахъ: чѣмъ проще инстинктъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинктъ, тѣмъ дольше ему надо было выработываться. Но какъ-бы ни былъ усложненъ какой-нибудь инстинктъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ скачковъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни — значитъ вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значить отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорятъ, что первый муравей произошелъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимаютъ навсегда всякую надежду узнать что-бы ни было о томъ, какимъ образомъ муравей возникъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческой умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но еслибы мы стали требовать отъ этой теоріи, чтобы она теперь, тотчасъ-же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она кромѣ того подкрѣпила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, осязательными фактами, то такія требованія обнаружили-бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когда-нибудь жареные рябчики сами собою свалятся къ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина болѣе чѣмъ гдѣ-либо при-нуждена ограничиваться совершенно общими и

чисто гипотетическими объясненіями не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а напротивъ потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому, что для прошедшихъ время не существуетъ совсѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такія-то и такія-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда бываетъ возможно; а отыскать въ геологическихъ остаткахъ какіе-нибудь намеки на минувшее существованіе этихъ фазъ мы рѣшительно не въ состояніи. Обь умственныхъ способностяхъ исчезнувшихъ породъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; мы также не можемъ знать, каковы были инстинкты теперешнихъ животныхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени; и наконецъ совершенно неосновательно было-бы ожидать, что живая природа представитъ намъ въ настоящую минуту такой непрерывный рядъ родственныхъ животныхъ породъ, по которому мы могли-бы прослѣдить всѣ переходныя фазы въ развитіи всѣхъ существующихъ инстинктовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Мы уже знаемъ давно, что усовершенствованная порода всегда вытѣсняетъ и истребляетъ неусовершенствованную, а для сохраненія породы развитые инстинкты имѣютъ такое-же важное значеніе, какъ напримѣръ крѣпкіе мускулы, острые когти или зоркіе глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, органическая природа идетъ впередъ и самымъ процессомъ своего движенія замечаетъ за собою свой слѣдъ. Въ дѣлѣ развитія инстинктовъ это замечаніе производится еще гораздо полнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ развитія органовъ. Въ большей части случаевъ слѣдъ замеченъ вполне, и тогда, разумѣется, никакой Дарвинъ не можетъ доказать, что тутъ дѣйствительно совершалось движеніе и что оно проходило именно черезъ точки А, В, С, D и такъ далѣе. Но зато ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ также доказать, что движеніе въ этомъ мѣстѣ не существовало. На этомъ основаніи Дарвинъ, говоря о простыхъ и сложныхъ инстинктахъ, принимаетъ строго-оборонительное положеніе и не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ подтвержденій для своей теоріи. Онъ доказываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, его теорія не встрѣчаетъ себѣ непобѣдимыхъ и необъяснимыхъ препятствій.

VIII.

Если вы посмотрите на восковой сотъ обыкновенной пчелы, то правильность и изящество ея архитектуры приведутъ васъ въ изумленіе, и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, какъ прѣвосходно это восковое строеніе приспособлено къ своей цѣли.

«По свидѣтельству математиковъ, — говоритъ

Дарвинъ, — пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой съ крайнимъ сбереженіемъ драгоценнаго воска онѣ могутъ вмѣстѣ наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ-бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпой пчелъ, трудящихся въ темномъ ульѣ.»

Теорія естественнаго выбора задаетъ себѣ въ этомъ случаѣ вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришло къ своему теперешнему совершенству? Противники всякихъ рациональныхъ объясненій немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ неумѣстенъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелой, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ нельзя и рассуждать съ ними бесполезно. Но мы посмотримъ теперь, какія условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что по самой сущности дѣла теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ разнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства», то подобное требованіе трудно будетъ назвать волюнѣ законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ мож, но будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антикварію представить намъ въ подлинникѣ сунъ или соусъ, приготовленный поваромъ Луккула или пожалуй Сардананапа. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили-бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но по всей вѣроятности неисполнимо. Люди во время оно шли себѣ платке изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ — изъ звѣриныхъ шкуръ и пользовались жилами животныхъ вмѣсто шилокъ, а рыбными костями — вмѣсто иглокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ такого сорта не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Еслибы даже и народился такой художникъ, то прожилъ-бы онъ по всей вѣроятности недолго, потому что сильная конкуренція болѣе лукавыхъ товарищей подорвала-бы его торговлю и уморила-бы его голодной смертью. Породы недоучившихся или отсталыхъ пчелъ постоянно должны были испыты-

вать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли-бы въ наше время ископаемаго портного. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несомнѣнъ удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изліція и правильная архитектура ячеекъ приносятъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну вотъ, слава Богу! договорились мы наконецъ до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теоріи обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ-ли пчела стала-бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *прельщать глазъ человѣка* красивой формой шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слово *рано или поздно* потому, что мы при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта.

Что инстинктъ долженъ быть полезенъ — это ясно; но чѣмъ именно полезенъ — это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ въ вопросѣ о строительномъ инстинктѣ пчелъ намъ нѣтъ надобности откладывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Извѣстно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодого поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Извѣстно также, что пчелы выдѣляютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выдѣлить одинъ фунтъ воска, улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухого сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣсто сухого сахара, дѣяты обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключающійся въ цвѣтахъ, то имъ для выдѣленія одного фунта воска надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ цвѣточнаго сиропа, или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выдѣленіемъ этого вещества, вмѣсто того чтобы вылетать изъ улья за добычей, должны втеченіи многихъ дней сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало-быть, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно стало-быть, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подѣ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говоритъ Дарвинъ, то есть имъ необходимо было отыскать для своихъ ячеекъ такую

форму, при которой наименьшее количество воска вмѣстало-бы въ себя наибольшее количество меда. Впрочемъ, пчелы, втеченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое-нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и слѣдовательно отысканъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству.

Кромѣ того теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такіа пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы по настоящему даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣ совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старыя коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ коконамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое *Melipona domestica*, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою.

«Она строитъ, — говоритъ Дарвинъ, — почти правильныя восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и кромѣ того нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣднія ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и сжаты въ неправильную массу».

Между шмелемъ и мелипоною съ одной стороны и между мелипоною и пчелою съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипова ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Несмотря на то, читатель конечно согласится, что простыя инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелипоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполне развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтенотги или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но если бы

какія-нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва-ли бы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари—для антрополога, однако они ничѣмъ не застрахованы противъ уничтоженія и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ-же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ очевидно нисколько не могло-бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло-бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

Муравьи.

I.

Все рабочее населеніе ульевъ и муравейниковъ состоитъ изъ бесплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодовые самки, совсѣмъ не работаютъ, а бесплодныя самки напротивъ того трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодовыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и специальной технической ловкостью. Спрашивается, какимъ-же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ? — Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства и слѣдовательно никому не можетъ передавать по наследству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостію, имѣетъ конечно преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все-таки умретъ безъ потомства, хотя-бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя-бы онъ былъ гениемъ первой величины. На породу муравьевъ это долгодѣіе и эта гениальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравьи слѣдующаго поколѣнія родятся не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повидимому, тутъ представляется

для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разбощены между собою, то-есть не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло-бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравьи. Если-же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что здѣсь повидимому живой фактъ возмущается противъ теоріи и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельность.

Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты бесполоыхъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраженіемъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако онъ не отчаялся въ успѣхѣ и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей—это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство; стало-быть, у рабочаго муравья будетъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ бесплодны, подобно нашему рабочему, а другія будутъ плодovиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодovитыя и бесплодныя, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей,—то произойдетъ очень простая исторія. Бесплодныя самки умрутъ безъ потомства, плодovитыя—народятъ кучу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та-же простая исторія: бесплодныя умрутъ, плодovитыя обзаведутся семействами. То-же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока бесплодныя самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ бесплодныя самки будутъ становиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ на-примѣръ, что самка *A* родитъ постоянно бесплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ-же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* бесплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наследственной. Другая самка *B* родитъ и бесплодныхъ, и плодovитыхъ, а третья *C*—исключительно плодovитыхъ. Ясно, что у *C* окажется богаѣ многочисленное потомство, чѣмъ у *B*. Чи-

сло дѣтей будетъ пожалуй одинаково у обѣихъ, но число внучатъ будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу *C*, если только обѣ самки, и *B*, и *C*, породадутъ свои личныя особенности всему плодovитому потомству. Но при одинаковыхъ условіяхъ быстро размножающаяся порода должна непременно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ самки, подобныя своей прародительницѣ *B*, то-есть имѣющія способность рождать иногда бесплодныхъ, уничтожатся, и вслѣдствіе этого бесплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими-нибудь искусственными средствами. Все это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодovитыя и бесплодныя братья и сестры будутъ расходиться въ разныя стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первыя очерки мифическихъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то-есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставаться на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокаго колотили или убивали; если приходилось заготовлять запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше нищи, сохраняя ее лучше и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было нянчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать всездѣ, гдѣ составляется общество и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество и кто трудится—люди или муравьи—это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи бесплодныхъ самокъ произошла существенная перемена *).

*) Легко можетъ быть, что бесплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впослѣдствіи, а теперь я излагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельефнѣе выставить противоположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной исторіи.

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ безплодіе часто соединяется съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны, — говоритъ Дарвинъ — въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужскаго пола: волы извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе длинные, чѣмъ коровы и быки тѣхъ-же породъ.» Извѣстно также, что оскопленіе чело-вѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица и во всемъ складѣ характера. Если-же безплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліяніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумеется, надо ожидать, что различіе между безплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиной. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженной дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ-Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному зачатію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У безплодныхъ муравьевъ половые органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало-быть, есть основаніе думать, что мозгъ безплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что вслѣдствіе этого безплодное насѣкомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство безплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія каждаго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и безплодными субъектами. Эти муравейники конечно ведутъ между собою такую-же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія общества вели между собою отдѣльные муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то-есть выра-

жающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованію, — во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ гибели такъ-же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины гибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насѣкомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣншіе добывать себѣ пищу. Третій размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такіе своды и крыши, которые могли-бы устоять противъ дѣйствія водяныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохого воспитанія личинокъ или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный совѣтъ Джона-Стюарта Милля. Въ то-же время рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающія другихъ. Спрашивается, на чемъ-же основано различіе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большей массой сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянія муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинками, и наконецъ чтобы они во всякое время могли встрѣтить и отразить нападеніе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много безплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается; вслѣдствіе этого общество, рано или поздно, погибаетъ естественной или насильственной смертью. Если въ муравейникѣ совѣмъ нѣтъ безплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствіе этого сосѣдніе муравейники приобретаютъ перевѣсъ и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперниковъ поддерживаютъ у себя должное равновѣсіе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то-есть между количествомъ безплодныхъ и количествомъ плодовитыхъ жителей. Но отчего-же зависитъ поддержаніе этого должнаго равновѣсія?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложеніи и плодовитыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ безплодныхъ дѣтей, то конечно причина этого

явленія заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, подобно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то-есть у одной самки развито сильнѣе, у другой — слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другія невыгодны. Какое это свойство и какія въ немъ могутъ быть колебанія — этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ напримѣръ, почему у одной четы супругъ рождаются постоянно мальчики, у другой — дѣвочки, а у третьей — и дѣвочки, и мальчики. Однако не остроумно было-бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было-бы приносить по этому поводу бессмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей или въ обстоятельствѣхъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ черезъ это уничтожаетъ вредныя и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодovitыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и вслѣдствіе этого плодovitыя самки будутъ постоянно рождать плодovitыхъ и безплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ-же образомъ естественный выборъ постоянно благоприятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самые умные, самые дѣятельные и самые ловкіе работники. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенной долговѣчностью, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самоцвъ и самокъ, которыя сообщаютъ безплодному потомству умъ, дѣятельность и ловкость.

Итакъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которые составляютъ причину этихъ свойствъ, то-есть — на родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодovитое население муравейника или улья. Такимъ образомъ развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбежными.

«Моя вѣра, — говоритъ Дарвинъ, — въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было-бы постепенно образовать породу, въ которой воли имѣли-бы постоянно необыкновенно длинныя рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, несмотря на то, что ни одинъ волъ не могъ-бы передать своихъ признаковъ породѣ.»

Такъ, полагаю я, было и съ общественными насѣкомыми; легкое видоизмѣненіе въ строеніи,

въ инстинктѣ, сопряженное съ безплодіемъ нѣкоторыхъ изъ члоновъ общины, было для нея выгодно; слѣдствіенно, плодovитыя самцы и самки той-же общины благодѣйствовали и передавали своему плодovитому потомству расположеніе къ произведенію безплодныхъ члоновъ, видоизмѣненныхъ подобнымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодovитыми и безплодными самками одного вида то разительное различіе, которое представляютъ многія общественныя насѣкомыя. Я подчеркнул слово *общественныя*, потому что въ немъ заключаются весь смыслъ этого явленія и единственный ключъ къ его пониманію. Если бы нормальное безплодіе и связанное съ этимъ безплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ существовало въ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одинокую жизнь, то подобное явленіе оказалось-бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было-бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и слѣдовательно теорія естественнаго выбора остается неприкосновенной и неподбдимой.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора.

«Во многихъ видахъ муравья, — говоритъ Дарвинъ, — безполныя особи разнятся не только отъ плодovитыхъ самоцвъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты сверхъ того обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, но такъ-же рѣзко разграничены, какъ любыя виды одного рода или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ, у *Eciton* есть безполныя рабочіе и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; *Glyptocerus* рабочіе лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго *Murgescystus* рабочіе одной касты никогда не оставляютъ гнѣздо: ихъ кормятъ рабочіе другой касты и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выдѣляющее родъ меда, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержиимаго *) нашими европейскими муравьями.»

Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго вы-

*) Ухитрился-же г. переводчикъ называть три части и три придаточныя предложения одно на другое: 1) «выдѣляющее... 2) «замѣняющаго»..... и 3) «содержимаго»!....

бора и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательной гибкостью и измѣчивостью. Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто. — Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида *Eciton*. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У *Eciton* еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста безплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовитыхъ сестеръ. Въ это время въ муравейникѣ *A* обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣсколькихъ безплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного покрупнѣе, а характеръ немного позадорнѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того-же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникомъ *B* и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ *B* окончательно разоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи и побѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишеній, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ былое время вели ихъ предки. Та-же жестокая участь постигаетъ общества *C*, *D* и *E*. Муравейникъ *A* торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ околоткѣ и постоянно обжирается трупами и куколками побѣжденныхъ враговъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ сталкивается съ муравейникомъ *F* и, къ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергической отпоръ, какого ему до той минуты не случилось испытывать нигдѣ; оказывается, что самки муравейника *F* также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которыя уже успѣли показать свою удалъ муравейникамъ *G*, *H* и *K*. Такимъ образомъ муравейники *A* и *F* остаются неразоренными и въ случаѣ войны отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжается только до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубастости *). Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшить вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушить стеченіе какихъ-нибудь неблагоприятныхъ об-

стоятельствъ. Муравейники *A* и *F* разрастаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для увеличившагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества *B*, *C*, *D*, *E*, *G*, *H* и *K*, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ *A* и *F*. Эти потомки—все зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ-нибудь муравейникѣ *Z*, обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда *Z* истребляетъ все колоніи *A* и *F* вмѣстѣ съ обѣими метрополіями и, разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени та-же самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника *Z*. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и такимъ образомъ общій уровень муравьиного могущества постоянно возвышается, потому что все, что стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои или, вѣрнѣе, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, не у героинь есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ и пользуясь плодами ихъ побѣдъ, благоденствуютъ и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастой воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ-же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, еслибы въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣніе и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ *M* все безплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соответствующимъ тѣлосложеніемъ; въ муравейникѣ *N*, напротивъ того, все безплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ *O* есть и воины, и работники. Ясно, что послѣдній муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; *N* по всей вѣроятности будетъ завоеванъ и разоренъ, а *M* ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что некому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько безплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостояніе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ, продолжая дѣйствовать по-

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель конечно понимаетъ, что выраженія: «зубастый» и «зубастость» употребляются для большей краткости вмѣсто словъ: «одаренный сильными челюстями» и «сильное развитіе челюстей».

прежнему, тѣмъ-же самымъ способомъ устроить такъ, что изъ числа бесплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложениемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долголѣтнѣ другихъ будутъ оказываться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и воины сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленія также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ мѣстности. Такимъ путемъ произошли—щитъ на головѣ у *Gryptoerus* и медоточивое брюхо у *Murmecosystus*.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организаціи рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ ли они вполне отъ тѣлосложенія родителей, или же тутъ дѣйствуютъ какія-нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ—сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ и наконецъ для плодовыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ нисколько не отличаются отъ личинокъ плодовыхъ самокъ. Существуетъ-ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ бесплоднымъ или плодовитымъ насѣкомымъ, этого мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ—все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или матокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали-бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочей.

«Еслина бѣду,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—ста-

рая маткаостанется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодая матка не выйдеть изъ куколокъ, то она ихъ умертвить безъ милосердія, и рабочія не будутъ сопротивляться этому поступку. Не такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна класть яйца, то обществу разсѣивается послѣ ея смерти; или-же рабочіе формируютъ себѣ новую царицу, то-есть переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку и кормятъ ее царской пищей; при такихъ условіяхъ ея половая часть развивается, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи.» («Зоологическія письма».)

Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но зато случается довольно часто, что плодовая самка муравья работаетъ сама надъ построеніемъ ячеекъ и, это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовыхъ и бесплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было-бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ.

«Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ,—говоритъ Фохтъ,—происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня, громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда и совокупаются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устраиваютъ въ землѣ галлерею и присоединяютъ къ ней комнатки, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается съ этого времени исключительно кладкой яицъ и соблюдаетъ при этомъ ту-же очередь, то-есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія и наконецъ женскія.» («Зоологическія письма».)

Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицей; по-нѣмецки ее даже всегда называютъ Königin—королева.

взрослаго наѣскомаго. Но рѣшить, *что* именно вложено самкой въ яичко и *что* дано впослѣдствіи воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естественныхъ испытателей. Дарвинъ повидимому расположенъ думать, что *вліяніе* матери очень значительно, то-есть, что почти всѣ свойства и особенности будущаго наѣскомаго заключены въ яичкѣ и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи бесплодныхъ наѣскомыхъ, постоянно напираетъ на половую систему ихъ родителей и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Не противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я въ этомъ случаѣ позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ.

Половые части личинки,—по словамъ Карла Фохта,—«находятся въ совершенно зачаточномъ положеніи и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготавливающихъ сѣмя или яички, но эти органы чрезвычайно малы и съ трудомъ могутъ быть отысканы.» («Зоологическія письма».) «Во время кукольнаго періода,—говоритъ онъ далѣе,—формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что большая часть наѣскомыхъ способна къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона.»

«Червовидныя личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д.,—говоритъ Дарвинъ,—гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя наѣскомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» «Въ силу такихъ особыхъ приспособленій,—говоритъ онъ далѣе,—сходство между личинками или дѣятельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затмевается.»

Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ *личинки* дѣятельнымъ *зародышемъ* наѣскомаго, то-есть *зародышемъ*, ведущимъ свою самостоятельную жизнь и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ такъ: «опыты Жоффруа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условий на *зародыши* производитъ уродливости, и между уродливостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. *У личинокъ половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи*—стало-быть, разовьются-ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми—это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка кладетъ яичко. *Половыя части наѣскомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки* въ то время, когда личинка находится

уже въ состояніи куколки; стало-быть, для того чтобы эти части выработались, необходимо извѣстное количество жирнаго вещества, а это жирное вещество, разумѣется, добывается личинкой изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прожорлива именно потому, что ей надо накопить матеріалы для будущихъ видоизмѣненій. Но если личинку будутъ кормить скупо, то она конечно ничего не накопитъ, и половымъ частямъ не изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одинокую жизнь, личинка всегда ѣсть столько, сколько сама пожелаетъ, а у общежительныхъ животныхъ личинку держать въ заперти и ее кормятъ взрослые наѣскомыя, руководствуясь при этомъ своими особыми соображеніями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему безплодіе проявляется постоянно только у общежительныхъ наѣскомыхъ. Если *личинка есть дѣятельный зародышъ* и если *вліяніе неестественныхъ условий производитъ уродливости или уклоненія*, то, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвести въ тѣлосложеніи будущаго наѣскомаго самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какимъ образомъ пчелы формируютъ себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы вѣроятно не найдете слишкомъ смѣлымъ мое предположеніе, что безплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто искусственное, выработанное складомъ ихъ общественной жизни и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старыя наѣскомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Послѣдователи Мальтуса желаютъ, чтобы въ человѣческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени безплодны, и это обстоятельство доказываетъ, что общественная жизнь, дойдя до извѣстной степени развитія, обыкновенно сталкивается съ роковымъ вопросомъ: куда дѣвать избытокъ населенія? Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что нашли возможность постоянно убывать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы Муравьямъ и пчеламъ это извинительно потому, что у нихъ нѣтъ ни паровыхъ машинъ, ни химическаго анализа, ни рациональной агрономіи, а главное—нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Ньютонъ, Либихъ или Дарвинъ. Люди могли-бы рѣшить вопросъ иначе, но мало-ли что они могли-бы сдѣлать. *Si vieillesse savait, si jeunesse pouvait!..*

V.

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не сбѣняются моимъ предположеніемъ на счетъ искусственнаго происхожденія безплодія. Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителя-

ми и воспитателями; стало-быть, отъ кого-бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодого поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря потому, вредно или полезно это тѣлосложеніе для данного общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.

Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается-ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ животныхъ, или-же, напротивъ того, нѣкоторыя животныя своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя переживаетъ ихъ порода? Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ онъ возникаетъ въ нашемъ умѣ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь вышнихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется и никакъ не хочетъ вѣрить, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производится исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодovitыхъ самокъ, то видоизмѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самыхъ муравьевъ. Если-же, напротивъ того, безплодіе и касты составляютъ въ большей или въ меньшей степени результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ или, другими словами, *муравьи сами дѣлаютъ свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ комплекціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ поворотить развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодovitую самку или воина, простого рабочаго или дойную корову (*Muthecocystus*), то разумѣется все будущее благосостояніе муравейника во всякую данную минуту зависитъ цѣлкомъ отъ его взрослога населенія. Въ такомъ случаѣ умъ и опытность рабочаго муравья не умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Все, что онъ получилъ отъ природы, все, что онъ приобрѣлъ воспитаніемъ, все, что ему передали старшіе муравьи, все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни, — все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вмѣстѣ присоеди-

няется къ общему капиталу и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общины и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я фантазировался и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочетъ напомнить мнѣ, что и все-таки говорю о муравьяхъ, а не о людяхъ; но я самъ твердо помню это обстоятельство и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что-же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы вѣроятно думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей конечно — животное маленькое и незрѣлое. Неловко какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и управленія. А между тѣмъ вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство и прочтите слѣдующій простой рассказъ Карла Фохта, — человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться.

«Одинъ изъ моихъ друзей, — говоритъ Фохтъ, — сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи обѣдали у него вишни съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на верхокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, взбравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они взлѣзли опять наверхъ и съ вѣтокъ свалились на землю. Дерево скоро освободилось отъ своихъ посягателей. Но черезъ нѣсколько времени муравьи полѣзли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли и съ величайшей осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другого, такъ что мало-по-малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшей старательностью. Потомъ, когда составила полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полной безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» («Зоологическія письма».)

Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предположить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневые деревья, имѣютъ наслѣдственную

привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было-бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшили объяснять все наследственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ неприятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтятъ, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, каждому муравью приходится таскать съ собою миллиарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струсимъ: ну, и пускай таскаютъ миллиарды инстинктовъ! Инстинктъ есть нѣчто невѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительной. Если-же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствія подобными соображеніями, то онъ непремѣнно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходятъ въ массу и потомъ приводятся въ исполненіе соединенными усиліями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно-же предположить, чтобы всѣмъ муравьямъ, наткнувшимся на табачную трясину, въ одну минуту пришла въ голову одна и та-же мысль, и чтобы всѣ они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали за комками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенія: или какой-нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненіе, или-же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знаніемъ или новой идеей, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было-бы очень несправедливо называть невольнымъ и безсознательнымъ. Но если мы только допустимъ, что муравей можетъ что-нибудь придумать и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ нелѣпныхъ предвзятыхъ идей о машинальности тѣхъ сложныхъ и вполне цѣлесообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненія породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденія, по-

смотримъ на нѣкоторыя явленія общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленій и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитіе составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленіи то, что въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго *Murgescocystus* живутъ въ особенныхъ ячейкахъ толсто-брюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Специально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организаціи обыкновеннаго *Murgescocystus*. Какъ и по какой причинѣ проявился первый зародышъ такого видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще причины и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуетъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліяніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ «*дѣятельный зародышъ*», одарена чрезвычайной гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіе воспитаніемъ молодого поколѣнія, какъ важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни, навѣрное довели до изумительнаго совершенства свое умѣнье пользоваться этой гибкостью. Они навѣрное умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуетъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями, которыя непремѣнно должны были накопиться у нихъ втеченіи тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такой напряженной внимательностью, какой не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ *Murgescocystus* проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе пустили въ ходъ всѣ свои знанія и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту полезную особенность. Естественный

выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписывать ему одному весь получившійся результатъ было-бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что въ этомъ случаѣ естественный выборъ не могъ отличиться особенной строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ толстобрюхихъ рабочихъ, выдѣляющихъ сладкій сокъ, и однако-же эти муравьи живутъ очень благополучно и пользуются сокомъ тлей, или травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными королями муравьевъ.

Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силой человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать то-же самое сужденіе, когда увидимъ, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этомъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Карла Фохта и Дарвина.

«У настоящихъ тлей, — говоритъ Карлъ Фохтъ, — находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо глядятъ и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями». («Зоологическія письма»).

Въ концѣ той-же книги отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ, — говоритъ Фохтъ, — рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всѣ ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Большая часть муравьиныхъ породъ строитъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растений, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.»

А вотъ личное наблюденіе другого натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я — удалилъ, говоритъ Дарвинъ, — всѣхъ муравьевъ отъ группы мѣлкихъ дожины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускаю въ нимъ муравьевъ втеченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлать свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. Затѣмъ я принялся трогать и щекотать ихъ волоскомъ по возможности тѣмъ-же способомъ, какъ щекотать ихъ муравьи своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которой онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ попалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали такъ-же, доказывая тѣмъ, что это — дѣйствіе инстинктивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ вѣроятно полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля вѣроятно выдѣляетъ сокъ инстинктивно не для одного блага муравьевъ».

Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что именно вслѣдствіе этого самыя молодыя тли, по наследственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ напримѣръ щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ.

Если мы сравнимъ обычай породы *Mutheocystus* съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покрывшихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насѣкомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извелили изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силой собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо рациональнѣе, чѣмъ какіе-нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скотъ — у первыхъ лошади, у вторыхъ сѣверные олени — зимуетъ подъ открытымъ небомъ и кормится чѣмъ Богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось такъ-же послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальныя отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное опыты и соображе-

нія отдѣльных личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому-нибудь изъ муравьевъ надо-же было *открыть* тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потому это *открытие* должно было распространиться и обобщиться. Прогрессъ совершился вполне сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тлѣ и о ея сокѣ. Отчего-бы не сказать въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мужика вложено самой природой понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ?

VII.

У Esiton и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осуждаемыя на безплодіе природой или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: одніе становятся воинственными амазонками, а другіе—заботливыми и трудолюбивыми хозяйками. Еслибы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то-есть, еслибы появилась слишкомъ много работниковъ или слишкомъ много воиновъ, то благосостояніе общества пострадало-бы отъ такой перемѣны, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала-бы угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ домашнія работы и воспитаніе дѣтей пришли-бы въ упадокъ. Еслибы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло-бы окончательно погубить общество или породу. Вѣроятно очень многіе муравейники или даже цѣлыя виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Но натуралистамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено и которыя, несмотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежитъ чисто искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ степеняхъ развитія. У кроваваго муравья (*Formica sanguinea*), порабащающаго черныхъ, господа работаютъ вмѣстѣ съ рабами; напротивъ того, у рыжеватаго (*Formica rufescens*), захватывающаго бурныхъ, господа ровно ничего не дѣлаютъ и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями Петра Губера, Смита, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Бесплодныя самки рыжеватаго муравья умѣютъ только вести войну, разорять чужіе муравейники и захватывать рабовъ.

«Безплодные субъекты кроваваго и рыжеватаго муравьевъ,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—встрѣчающіеся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящіе военные походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и похищаютъ оттуда куколки рабочихъ. Большой частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на сосѣдній муравейникъ, и, когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между тѣмъ какъ отдѣльные отряды обходятъ крылья непріятеля и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненные и неспособные къ борьбѣ подъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенные куколки развиваются въ послѣдствіи въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и воины (такъ-называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» («Зоологическія письма».)

Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабовладѣльческихъ учреждений тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколокъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и затѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлать это Дарвинъ—этого я не знаю. Можетъ-быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, неизмѣющія прямого отношенія къ его теоріи; а можетъ-быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое слѣдовательно не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ-бы то ни было, я считаю нелишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенные куколки развились и новорожденные муравьи начали работать;—прекрасно; но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему-же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ какъ тѣ-же хозяева имѣли обыкновеніе убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды сооте-

чественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому-нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своей работой могутъ принести больше пользы, чѣмъ своей смертью. Потомъ еще кому-нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнниковъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми до того времени, по необходимости и съ крайней неохотой, занимались сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали всѣ свои помышленія войнѣ и грабежу и наконецъ избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ.

Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодой или удобствомъ, и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдалѣ, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватого муравья съ исторіей многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ—сначала война, потомъ рабство и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство социальныхъ законовъ, которые, подобно всѣмъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безстрастно и не допускаютъ никакихъ исключеній.

Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурными рабами доказываютъ намъ кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря въ это обстоятельство: рабы всѣ безплодны, и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть, ни отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ специальныхъ инстинктовъ, которые требуются отъ нея въ рабовладѣльческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насекомое и принимается за работу; это конечно наследственный инстинктъ, усиленный воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ—развѣ это наследственный

инстинктъ и развѣ онъ могъ быть привитъ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормить только личинокъ? При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой бурные рабы рыжеватого муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселѣ. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ, и слѣдовательно тутъ также не можетъ быть рѣчи о наследственности. Какимъ-же образомъ эти особенные обычай сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурныхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладѣльцы сами принялись за воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своими собственными требованіями. Потомъ взрослые и вышкленные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старые рабы были связаны какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другого муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... въ умственномъ и социальномъ.

Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладѣльческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ тотчасъ послѣ ихъ появленія вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человекъ. Впослѣдствіи это нововведеніе также не могло появиться вдругъ, потому что всякій нелѣпый обычай вводится только нечувствительно, такъ, что къ нему пристраиваются и привыкаютъ понемногу. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незамѣтно измѣняло что-нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще менѣе была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, измѣняли эти привычки и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны.

Мудреное, очень мудреное животное это въ муравей! Личный умъ, индивидуальная изобрѣтательность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, смѣна поко-

лѣній, ведущая за собою смѣну обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и укло-неніями, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными уси-ліями ума въ прогрессъ собственной породы—все это мы находимъ у муравья и все это выстѣтъ несомнѣнно обезпечиваетъ за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на кото-рыя наводитъ насъ весь этотъ длинный и между тѣмъ чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьиного житья-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель быть-можетъ убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно суще-ствуетъ въ мірѣ животныхъ и растений.

Въ заключеніе я представлю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбриологиче-скихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

Геологическіе документы.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологіи, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелля-ціонно вопросъ о достоинствѣ теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растений измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдователь-ныхъ измѣненій. Если напримѣръ волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жи-зни, должны показать намъ скелетъ этого родо-начальника и кромѣ того скелеты его потом-ковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это пови-димому очень естественно и законно; кость мо-жетъ сохраняться очень долго, а лишь бы толь-ко найти двѣ-три кости животнаго—и палеонто-логи тотчасъ опредѣлятъ, къ какому виду оно принадлежало и какова была его вышняя фи-гура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнув-шей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы и насчетъ его видоизмѣняющихъ потомковъ мо-жетъ показаться вполне справедливымъ не толь-ко какому-нибудь профану, вроде меня или мо-его читателя, но даже и натуралисту, не усѣв-шему взглянуть въ дѣйствительныя затрудне-нія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ

поръ пристають къ Дарвину съ такими требова-ніями и возраженіями. Если, говорятъ они, раз-личныя породы животныхъ развиваются одна изъ другой, то покажите намъ скелеты или по крайней мѣрѣ кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то, значитъ, породы не из-мѣняются, значитъ, исчезнувшія животныя и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и, значитъ, вся вапа теорія есть не что иное, какъ произ-веденіе блестящей, но бесполезной фантазіи.

Все это приставаніе и весь этотъ процессъ до-казательствъ очень неосновательны. *Во-пер-выхъ*, только Европа и Соединенные Штаты из-слѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ от-ношеніи хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть слишкомъ четыре пятыхъ всего существую-щаго материка, совершенно не тронуты. *Во-вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фак-тами, которые производятъ радикальные перево-роты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ-третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твер-дые части животныхъ и растительныхъ организ-мовъ, несмотря на свою твердость, все-таки раз-лагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благоприят-ныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остат-ковъ; а эти существующіе остатки въ свою оче-редь составляютъ также очень ничтожную части-цу изъ всей массы существовавшихъ организ-мовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи отроютъ всѣ окаменѣлости, лежащія въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различ-ными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *все* существующія ока-менѣлости никогда не будутъ открыты и собраны, но еслибы даже это и случилось, то и тогда бы-ло-бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музей, обладающій всѣми этими пале-онтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое по-нятіе обо всемъ историческомъ развитіи органи-ческой жизни. О теперешнемъ же положеніи на-шихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологіей, обнаруживаютъ изумительную пропринцательность! и довели точность своихъ научныхъ пріемовъ и строгость своихъ наблюденій и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, не-смотря на это обстоятельство, геологія и пале-онтологія, по недостаточному количеству нали-чныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенчествѣ и, какъ подростокъ дѣти, не-стоянно измѣняютъ свою фізіономію.

Сто лѣтъ тому назадъ геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человѣкъ очень неглупый, но когда онъ начинаеть разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Кифу Мокіевича. Ему говорятъ напрямѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу представляетъ соображенія, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну, и обрели раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ спеціалистомъ, но его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; по этому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земнаго шара и даже не подозрѣвали возможности воссоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры и по различнымъ окаменѣlostямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Вывода на сцену своихъ пилигримовъ, обрелившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда-же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что можетъ быть Альпы были въ доисторическія времена покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока и начинаетъ хотать самымъ искреннимъ и неумолимымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденного ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ великій Кювье, стали толковать о катаклизмахъ и переворотахъ и начали изъ отрытыхъ костей и раковинъ строить хитрѣйшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ Кювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительно, но къ сожалѣнію нашлись ископаемыя обезьяны и даже ископаемые люди.

«Только двадцать лѣтъ тому назадъ,—говорить Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о чловѣкѣ,—учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: первичныя образованія, палеозойскія формаціи = царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся и не могло ихъ быть, потому что это было-бы противно плану мірозданія;—вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣль) = царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ и не могло ихъ быть по той-же самой причинѣ;—третичныя пласты = царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть;—нынѣшнее твореніе = царство чловѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ—прощай, царство рыбъ!—Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ мѣловой формаціи — до свиданія, царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ намывныхъ слояхъ—приходи въ другой разъ, царство млекопитающихъ!»

Открытие ископаемыхъ людей было особенно жестокимъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азіи, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англии, то есть какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательнѣе, чѣмъ всѣ остальные мѣстности земнаго шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то повидимому систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ и произносить какіе-бы то ни было приговоры на счетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отдаленномъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Ляйелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполне сознаютъ безсиліе своей науки и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣютъ ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи находятъ его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи нѣтъ его ко-

стей», — это была-бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значить: *мы не нашли*. Чтожь изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и совѣмъ не найдется, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются втеченіи пѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ, — такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть конечно на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна попасть въ одно изъ такихъ водовмѣстницъ и покрыться минеральнымъ осадкомъ, прежде нежели ее истребитъ разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого-нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она *случайно* попадетъ, уже послѣ смерти животнаго, въ ложе рѣки или озера, или же тогда, когда она такъ или иначе будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора понемногу покроетъ занесенную кость и предохранитъ ее отъ разложенія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ такихъ пещерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ пещерный медвѣдь (*Ursus Spelaeus*), пещерная гиена (*Hyaena Spelaea*). Понятно, что только очень незначительное количество костей могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное-же большинство погибло безъ остатка, то-есть пошло опять въ общій круговоротъ жизни и превратилось въ составныя части новыхъ растений и новыхъ животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Кифа Мокіевичъ способенъ былъ-бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, существовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ сохраниться въ пѣлости. На земномъ шарѣ втеченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій жили и умирали неисчислимые милліоны и милліарды животныхъ; ихъ кости въ общей сложности составляютъ такую груды, которая навѣрное въ

нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ объемъ нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умершихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ организмовъ. Недавно въ Англіи случился очень извѣстный примѣръ такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ не достаетъ нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаются изъ пищи; стали анализировать пищу и нашли наконецъ, что вса бѣда происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутся честерскія коровы. Разыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ, и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ватерлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человеческихъ и лошадиныхъ костей, смололи все это на паровыхъ мельницахъ, и этимъ костянымъ порошокомъ усыпали истощившіеся луга. Честерскій сыръ немедленно исправился, но сама природа съ незапамятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились только въ нынѣшнемъ столѣтій.

«Кажется, — говоритъ Ляйелль, — въ планѣ природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о значительномъ количествѣ растений и животныхъ, которыя жили на поверхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состоитъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверхность земли, покрытую или непокрытую водою, отъ этихъ мириадъ плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволъ, которые безъ этого вскорѣ-бы запрудили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствію множества безпозвоночныхъ животныхъ.» (*Ляйелль*. «Древность человѣка». Русскій переводъ Ковалевскаго).

Въ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупныя и мелкіе, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружало въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологій и палеонтологій. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка,

но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной человѣческой кости. Неправда-ли, какъ остроумно было бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое-бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не попадаетъ въ такой же точно просакъ. Въ Сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ дилювіальныхъ или намывныхъ пластахъ рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи? — Люди, современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей? — Костей нѣтъ. Но чтѣ же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формациі отыскалась человѣческая челюсть. Ну, а еслибы эта челюсть не нашлась, тогда что? — И тогда ничего-бы не воспослѣдовало. Все-таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значитъ, присутствіе или отсутствіе человѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень приятно, если человѣческія кости найдутся, потому что тогда можно будетъ сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но, хоть бы не осталось ни одной человѣческой кости, все-таки существованіе человѣка въ эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

«Между тѣмъ, — говоритъ Ляйелль, — отсутствіе всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ поразительный урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу существованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это — новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства нашихъ геологическихъ данныхъ, — несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ, съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе.»

«По нашему незнанію геологіи иныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, — говоритъ Дарвинъ, — и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ возрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько-же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ-бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствахъ ея естественныхъ произведеній.»

«Развивая метафору Чарльза Ляйелля, — говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, — я считаю нашу

геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчій. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава и изъ каждой страницы — лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.»

Такимъ образомъ для насъ становится ясною та истина, что геологія не имѣетъ никакого права и ни малѣйшей возможности произносить надтеоріей Дарвина въ ту или въ другую сторону окончательный приговоръ. Мы должны только разсмотрѣть вопросъ, примиряются-ли съ теоріей Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и неотъемлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной. то есть къ древнѣйшей формациі. Прежде всѣхъ другихъ рыбъ появляются такъ-называемыя *ганойдныя* рыбы, которыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются и наконецъ достигаютъ высшей степени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формациі. Затѣмъ въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юрской почвой, ганойды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ и наконецъ въ настоящее время порядкомъ ганойдныхъ рыбъ, наполнявшій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ разномноженіи и въ вымирании породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другого порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно неприлично. Онѣ появляются внезапно и въ группой видовъ и родовъ въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Пикте, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ-же ихъ постепенное развитіе? Значитъ, онѣ *естъ вдругъ* были созданы въ началѣ мѣловаго періода. И совсѣмъ не «значитъ». Тутъ опять пущено въ ходъ отрицательное доказательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствительныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣловаго періода и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формациі. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ которыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много

другихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во-первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которая до сихъ поръ не изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слишкомъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться и раздѣлиться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онѣ могъ наконецъ во время мѣловаго періода проникнуть и въ тѣ моря, которая омывали тогдашніе берега Европы. *Во-вторыхъ*, намъ необходимо помнить, что отдѣльныя геологическія формаціи ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей мѣловой формаціи. Еслибы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было-бы никакой возможности отличить мѣль отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны *), то есть, когда во всей совокупности растений и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій.

Вотъ примѣръ изъ книги Ляйелля «Древность человѣка»: «Мы уже видѣли, — говоритъ Ляйелль, — что всѣ растенія и прѣсноводныя морскія раковины «лѣсного слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолка совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложилась-бы морская или прѣсноводная формаціа настоящаго періода, она-бы расположилась соотвѣтственными слоями и содержала-бы какъ ту же фауну безозвоночныхъ, такъ и ту-же флору. Расположенные такимъ образомъ пласты назывались-бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащіе къ той-же эпохѣ, но и какъ относящіеся къ тому-же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были-бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ».

Въ геологическомъ отношеніи лордъ Пальмер-

стонъ и самъ сэръ Чарльзъ Ляйелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣловаго періода. Стало быть, антрактъ между юрой и мѣломъ, то есть между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формаціями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Чтò происходило въ этомъ антрактѣ — этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиваться, или онѣ могли переселиться въ сѣверныя моря изъ южныхъ, а потомъ, когда началось напластованіе мѣловой формаціи, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. *Въ-третьихъ*, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испытывалъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пикте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали *даже въ Европѣ* раньше мѣловой эпохи. Кромѣ того есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеонтологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы — костистыя, другіе находятъ, что это — ганоиды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благоприятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка и еще не возвысившаяся до другого. Но, разумеется, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда стумбуютъ обойти это непріятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность — *varietas*. А уклонилась посильнѣе — ну, значить — это новый видъ — *species*, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, не его нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ на примѣръ такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формаціи находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говоритъ, что это однѣ и тѣ-же раковины; но другіе первоклассные авторитеты, на примѣръ Пикте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе дѣйствительно существуетъ, а раковины, то есть породы моллюсковъ, — тѣ-же самыя; потомокъ не вполне похожъ на своего предка, точно такъ-же, какъ англійская лошадь не вполне похожа на

*) Не знаю, есть-ли надобность пояснять, что фауной называется совокупность животныхъ, а флорой совокупность растений. На всякій случай поясню.

арабскую, какъ теперешняя груша не вполне похожа на грушу времени Плинія, или какъ курносый турманъ не вполне похожъ на дикаго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше переменъ, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытыми специалистами. Еслибы была возможность опредѣлить совершенно точно различіе между разнообразностью и видомъ, то натуралисты давнымъ-давно установили-бы незыблемую границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе—значитъ принять теорію Дарвина со всѣми ея неизбѣжными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ такъ-же внезапно, какъ костистыя рыбы, но во всѣхъ этихъ случаяхъ внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недовѣріе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимой защитой противъ всякихъ геологическихъ иллюзій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительные факты, добытые современной геологіей, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополняется въ значительной степени или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (*Sirenia*) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (*Pachidermata*), то есть отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотериевъ* и *токсодонтовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей динотерій былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожія рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство въ самомъ дѣлѣ можно найти между свиньей и овцой, между слономъ и оленомъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аноплотеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ навѣрное,

къ какому порядку должно быть отнесено это семейство.

Такимъ образомъ китъ, слонъ и баранъ называются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Ящерицы рѣзко отдѣляются отъ птицъ, но въ юрскомъ періодѣ жили крылатыя ящерицы (*Pterodactylia*), и въ солонгофенскихъ пластахъ найдена даже ящерица, покрытая перьями. По словамъ Дарвина, можно было-бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами». И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говорить, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ».

Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и если каждая разновидность возникла и развилась изъ незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явленія, подмѣченнаго Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формацій вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій и въ каждой изъ тридцати шести извѣстныхъ намъ громадныхъ геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и, что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложимый ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ и согласный со всей совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга,—такой отвѣтъ, гов.рю я, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры различныхъ геологическихъ эпохъ, то увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ

силуріе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ животныя и растенія третичныхъ формацій ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пласть, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растеній; чѣмъ новѣе пласть, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формаціи, лежащія одна на другой, напримѣръ силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ, формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается въ буквальномъ смыслѣ слова дочерью другой формы, болѣе древней, если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей громадной драмы, не перерывавшейся ни разу съ самаго своего начала, — тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему напримѣръ вторая сцена служить переходомъ отъ первой къ третьей. Но если каждый видъ возникъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченной пьесой, съ своей особенной завязкой и развязкой, — тогда для насъ становится необъяснимой причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ.

Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь и создаются животныя и растенія каменноугольной формаціи, и такъ далѣе вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается, почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ напримѣръ на теперешніе виды животныхъ и растеній? Потому что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурской? Но какая же связь существуетъ между простой хронологической послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непродолимою бездною, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Если девонскія организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не

было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клифтъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, находящіяся въ австралійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемая млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ кромѣ того родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи. И наконецъ тотъ же Оуэнъ «распространилъ то-же обобщеніе и на млекопитающихъ Старога Свѣта». Вотъ сколько незабвенныхъ услугъ этотъ драгоцѣнный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина.

Почему же въ самомъ дѣлѣ вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему напримѣръ ископаемая животныя Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австралійскія животныя похожи на австралійскихъ, ново-зеландскія — на ново-зеландскихъ, южно-американскія — на южно-американскихъ, и такъ далѣе, — потому что живыя формы этихъ мѣстностей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство переродилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе; но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другого отвѣта тутъ и быть не можетъ, и такимъ образомъ даже геологія, при всей недостаточности своихъ матеріаловъ, выдвигаетъ въ пользу Дарвина три ряда многозначительныхъ фактовъ.

Географическія доказательства.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азіи и въ Африкѣ и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгалскій тигръ замѣняется въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ Южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны Старога Свѣта принадлежатъ къ семейству узконосыхъ и короткохвостыхъ, а обезьяны Новаго Свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Клима-

тическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровно ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жжетъ съ одинаковой силой, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растений и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ конечно не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутробки, и почему черепъ австралійскаго человѣка похожъ на рѣдкую съ хвостомъ кверху.

Великобританское королевство есть группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, и Японская имперія есть также группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому не приходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи *habeas corpus*, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія, и та-же самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапая и безхвостость узконосаго азіятскаго орангутанга. Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англіи и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоянно продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растений и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человѣчества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія-нибудь сношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихъ; африканскіе—особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ Старою Свѣта. То-же самое явленіе «*особничества*» въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣло, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлага совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, т. е. всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства.

Каждая отдѣльная часть, т. е. каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области* и шлифуется посредствомъ этой борьбы, т. е. приобретаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія*. Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, т. е. всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Собщая борьба то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который такимъ образомъ оказывается непременно продуктомъ известной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны и наконецъ останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, черезъ которыя не можетъ перейти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія, чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ-бы найти себѣ въ тропической Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; бенгалскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился-бы тамъ въ ягуара; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ Южную Америку, по всей вѣроятности не приобрѣло-бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Старою Свѣта.

Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно и въ Старомъ Свѣтѣ, и въ Новомъ?—На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было-бы необходимо, чтобы втеченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, принимающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непременно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только въ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое-нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльныхъ материкахъ. На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ащерицъ. Почему?—Потому,

что всё эти животныя не могут переселяться за море. лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало бытъ, лягушка, жаба или ящерица могутъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ печально помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Азорскія острова и на островъ св. Маврікія, и лягушки такъ отлично прижились къ мѣстнымъ условіямъ и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, т. е. именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населялся тѣми растеніями и животными, которыя такъ или иначе могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому населеніе этихъ острововъ большей частью очень бѣдно, т. е. на нихъ живетъ сравнительно съ ихъ пространствомъ очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣсколько разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіяся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятся днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому все не трудно предположить, что какая-нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это въ самомъ дѣлѣ для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагается ни крысъ, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ. И почему же мать-природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благоприятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сооб-

щаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмена различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствию морской воды. Между тѣмъ вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой-нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія могутъ ли зрѣлыя сѣмена, находившіяся на этихъ вѣткахъ, пустить корень и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣменами, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмена ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе выолѣ. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42 и даже для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣменамъ, которыя при первой возможности тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленныя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣ-же самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмена пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растеній десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выброситъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмена этихъ растеній могутъ пустить корень и основать такимъ образомъ новую колонію вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берегъ океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы приготавливаютъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаютъ между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаютъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалию. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, де-

жація иногда за камнями или между ними, совершенно защищены, отъ воды и не могутъ быть размыты несмотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли заключаются иногда сѣмена различныхъ растений, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрезвычайно далекія разстоянія. Дарвинъ видѣлъ между корнями пятидесятилѣтняго дуба кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растений, потому что многія сѣмена долго сохраняютъ свою жизнѣнность въ зобу этихъ птицъ. Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сока, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наѣлась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не дасть ей справиться и уноситъ ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета при такихъ условіяхъ можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ съѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ она видитъ берегъ и опускается въ совершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ невольную привычку подстергать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника и раздражаетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмена, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопля, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмечка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растений должно быть

очень значительно. Хищныя птицы, питающіяся рѣчной рыбой, такъ-же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растений, потому что рыба глотаетъ сѣмена, а птица глотаетъ рыбу. Къ лапамъ птицъ пристають иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмена. Папли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію рѣсноводныхъ растений. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непременно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громаднаго количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ, — говоритъ Дарвинъ — взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ иль, высушенный, вѣсилъ всего $6\frac{3}{4}$ унціи; я держалъ его прикрытымъ въ моеѣ кабинетѣ втеченіи шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій иль весь помѣшался въ чайной чашкѣ —.» Дикія утки и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣчки на другую, могутъ переносить съ собою рѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ переносеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріумъ утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалось множество молодыхъ моллюсковъ, тельсо что вылунившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу и началъ ее отряхивать; моллюски не пошевельнулись; послѣ этого лапа пролежала въ водѣ больше двѣнадцати часовъ и моллюски остались въ живыхъ. Стало быть, утка очень легко могла-бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними на нѣсколько десятковъ миль и потомъ опустить ихъ въ какой-нибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще недостаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣ-же виды рѣсноводныхъ моллюсковъ попадаютъ въ различныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собой никакого водянаго сообщенія. Сами собой моллюски, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ, очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣчки въ другую. Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя насекомыя «Сэръ Чарльзъ Лайелль, — говоритъ Дарвинъ, — извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ *Dytiscus* (плавунецъ — водяной жукъ) съ рѣсноводной раковиной *Ancylus*, крѣпко присосавшейся къ нему; а водяной жукъ *Colymbetes*, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль «Вигль», когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго бе-

рега». — Очень можетъ быть, что этотъ *Solutetes* при попутномъ вѣтрѣ пролетѣлъ-бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ-бы и тотъ моллюскъ, который присосался-бы къ его тѣлу. — Въ природѣ существуютъ вѣроятно многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты конечно сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣ-же дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было-бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морского уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то поднимались, то опускались во время всего послѣднѣйшаго періода, примыкающаго непосредственно къ этой эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы всѣ британскіе острова соединились въ одну массу и срослись съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно и можетъ-быть даже все Нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціей, а на востокѣ — съ Норвегіей и Даніей. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась кромѣ того на множество мелкихъ острововъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ втеченіи многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю и размножиться въ ней во время періода поднятія. Такъ какъ во время послѣднѣйшаго періода теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему однѣ и тѣ-же породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова. Несмотря на эти послѣдствительныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли постоянно оставались на тѣхъ-же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадыныя массы твердой земли занимали постоянно то-же положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямые пересе-

ленія животныхъ и растений изъ Франціи въ Соединенные Штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія-нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи, пліоценовая и послѣднѣйшая, дѣйствовали на раселеніе животныхъ и растений не только колебаніями уровня, но еще кромѣ того значительными колебаніями климатическихъ условий. Въ пліоценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время послѣднѣйшаго періода эпохи холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія.

Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на раселеніе животныхъ и растений. Возьмемъ сначала теплый періодъ пліоценовой эпохи и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главныя очертанія великихъ материковъ во все это время не испытывали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошной корой вѣчнаго льда, подавляющаго въ настоящее время всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время сѣверныя оконечности Старога Свѣта и Америки населены совершенно одинаково именно потому, что эти оконечности находятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, киты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода пліоценовой эпохи на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во-первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ исследователямъ; и, *во-вторыхъ*, — тѣ животныя и растения умѣреннаго пояса, которыя въ то время жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Беринговъ проливъ по всей вѣроятности исчезалъ иногда подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчныя льды обложили полюсъ и

медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, подвигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплексъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія въ свою очередь стали напирать на тѣхъ, которыя жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступать было некуда. Во-первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во-вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земного шара лежатъ громадныя ледники спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ и тамъ, поддаваясь дѣйствию теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега каменныя глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиренеевъ, и даже проникаютъ въ Испанію. Тѣ-же самыя полярныя формы живутъ во время ледоваго періода во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе, т. е. все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода пліоценовой эпохи жило отъ береговъ Баффинаго моря до крайней оконечности Огненной Земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, во-первыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во-вторыхъ, — жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ, — жители того жаркаго пояса, который во время теплаго пліоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежняго* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ прежнихъ жителей погибаетъ,

и жаркій поясъ во время крайняго развитія холода представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ — животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ — фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры начинается обратное движеніе всего живого отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолоднѣе, то есть съ юга на сѣверъ и кромѣ того снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во-первыхъ жарко, а во-вторыхъ тропическія формы не даютъ имъ пощады; они выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ и заставляютъ ихъ бѣжать; куда-же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса? — Туда, гдѣ прохладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если-же оно во время крайняго развитія холода успѣло перешагнуть черезъ экваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропикъ Козерога и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усиливается; если-же гора достаточно высока, то растеніе по мѣрѣ усиленія теплоты лѣзетъ все выше и выше и наконецъ успокоивается на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагоприятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса — растеніями полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пиренеяхъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. То-же самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ и растеніями сѣверной Сибири. Кромѣ того всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту-же самую

породу въ Испаніи и въ Сѣверной Америкѣ, не смотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ вовсе не одинакова и вовсе непохожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земного шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокихъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторые чистоевропейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ такими, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, завезенныя на мысѣ Доброй Надежды человекомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остъ-Индіи, на высокихъ горахъ острова Цейлона и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледового періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса переместились черезъ экваторъ и ушли на югъ, на мысѣ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ.—Растенія и животныя Соединенныхъ Штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растеніями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліоцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обоихъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Стараго Свѣта, другія—съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія—въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ разпредѣленіи организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи съ идеями Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ до сихъ поръ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наука наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется ежедневно, и что открытія и наблюденія будущаго натуралиста должны пополнить то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда устранятся и тѣ неизбѣжныя затрудненія, которыя каждая новая и плодотворная идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

Эмбриологія и сравнительная анатомія.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримѣръ у человеческого зародыша нога похожа на руку, у зародыша летучей мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впоследствии должна превратиться въ крыло. Кромѣ того зародыши различныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ раннія фазы своего развитія бываютъ очень похожи другъ на друга. Въ началѣ своего существованія зародыши птицъ, млекопитающихъ, ящерицъ, змѣй рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Видно только, что это—зародышъ позвоночнаго животнаго, но какого класса—это неизвѣстно. Потомъ, въ болѣе поздній періодъ развитія, видно, что это млекопитающее, или птица, или ящерица, но еще нельзя опредѣлить, къ какому порядку или семейству относится это возникающее существо. Потомъ обозначаются признаки семейства, рода и вида. Поворожденный жеребенокъ уже отличается отъ поворожденнаго осленка, но тѣ подробности тѣлосложенія, которыя характеризуютъ ломувую и скаковую лошадь, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются уже черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенчествѣ у многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя свойственны цѣлой группѣ родственныхъ формъ и которыя потомъ исчезаютъ замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримѣръ у молодыхъ птицъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, хотя впоследствии цвѣтъ перьевъ у различныхъ видовъ этой группы отличается значительнымъ разнообразіемъ. Въ семействѣ кошекъ большая часть породъ носитъ полосатую или пятнистую шкуру; левъ и пума, принадлежащія также къ группѣ кошекъ, отличаются отъ своихъ родственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются.

Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери;—птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и, несмотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ во время ихъ зачаточнаго состоянія артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впоследствии исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ и дышетъ этими

жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, эмбри или черепухи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя эквиваленты все-таки существуютъ и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ приходится поставить два вопроса: во-первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ взрослые животныя? И во-вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторые органы, совершенно безполезныя для самаго зародыша и не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослого животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родители передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во-первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами прижили отъ своихъ предковъ и во-вторыхъ, тѣ особенности, которыя родители выработали себѣ втеченіи своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, большей частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно напримѣръ, что многія наслѣдственныя болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое-нибудь животное, совершенно приспособленное къ водной жизни, понемногу приучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды и отправляется въ хлѣбныя поля иногда на нѣсколько дней. Ракъ *Birgus latro* по ночамъ выходитъ на берегъ, взлѣзаетъ на кокосовыя деревья и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовыя орѣхи для своего продовольствія. Рыба *Anabas scandens* ползаетъ по землѣ и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ.

Если подобныя явленія возможны теперь при существованіи огромнаго количества ящерицъ, змій, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумеется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время оно, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. Итакъ, мы можемъ предположить, что въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ какое-нибудь рыбообразное животное *A* повадилось взлѣзать изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря и рѣки. Каждое животное изъ породы *A* начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно не тотчасъ послѣ

своего выхода изъ яйца, а напримѣръ черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питательныхъ соковъ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдаленныя животныя породы *A*, у которыхъ эти медленныя измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество и въ силу этого преимущества оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ. Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное *B*,—прямой потомокъ животнаго *A*,—получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: *A*, доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ и измѣнилъ свою организацію самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти *A* въ полторагодовомъ возрастѣ наслѣдовали это измѣненіе и увеличили свое наслѣдство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наслѣдство и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальные поколѣнія. Но еслибы напримѣръ двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и еслибы эти видоизмѣненія происходили въ немъ такъ-же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ можетъ-быть не хватило-бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества въ потомствѣ животнаго *A* установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яйца въ первоначальной рыбообразной формѣ; проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное *B* и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на ихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки *B* имѣютъ уже двѣ пары оконечностей и вслѣдствіе этого получаютъ отъ натуралистовъ отдаленное видовое названіе *C*. Тутъ и процессъ развитія усложняется. Изъ яйца выходитъ *A*; потомъ у него вырастаетъ одна пара оконечностей—оказывается *B*; потомъ—другая пара и животное *C*

готово. Не останавливайтесь на точкѣ *C*, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастика или рыбообразное животное *A*, потомъ одна пара оконечностей—*B*; потомъ другая—*C*; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ и жабры замѣняются легкими—вотъ вамъ и лягушка готова.

Развитіе лягушки представляетъ намъ просто портретную галерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечей породы былъ рыбой—оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбьего типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснились въ одну кучку и уложились дѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ конечно изгладились и исказились, но, несмотря на то, даже и теперь жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во-первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами низшихъ, и во-вторыхъ между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ.

Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы принаровлены къ особеннымъ условіямъ жизни; эти принаровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основнаго типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія принаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матери, ему бесполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуется только взрослыхъ и касается зародыша настолько, насколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущей формой взрослага животнаго. Рыбы и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силурской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не имѣя надобности принаровляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего

девонскаго или силурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, позвоночныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По той-же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другого. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора втеченіи многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разныя другіе сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда онѣ возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было поворотить эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались втеченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть въ зародышѣ, они шлифуются втеченіи нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое перо молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Такъ-же точно объясняются полоски или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы.

Большая часть насѣкомыхъ выходитъ изъ яйца въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу и слѣдовательно должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, несмотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ бесполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другого животнаго, или чужеядному раку, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно бесполезны органы зрѣнія. Такіе бесполезные органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти перемѣны по обыкновенію не относятся къ зародышу. Поэтому зародышъ сохраняетъ черты прежняго типа, и вслѣдствіе этого организація его оказывается выше и совершеннѣе, чѣмъ тѣло-сложеніе взрослага животнаго, испытывающаго регрессивную перемѣну. Семейство усоногихъ раковъ (*Cerrihipedia*) очень замѣчательно по этимъ своеобразнымъ отношеніямъ между зародышами и взрослыми формами. «Ихъ личинки,—говоритъ Дарвинъ,—въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ ко-

тораго онѣ обильно питаются, потому что растутъ быстро. Въ второмъ, соотвѣтствующему кукольной стадіи бабочекъ, они имѣютъ шесть паръ ногъ самого изящнаго устройства, два великолѣпныхъ сложныхъ глаза и чрезвычайнао сложныя усики; но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправленіе въ этой стадіи состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ высоко-развитыхъ органовъ чувства отыскать удобное мѣсто для дальнѣйшихъ превращеній и чтобы доплыть до этого мѣста при помощи своего высоко-развитого плавательнаго аппарата. По совершенной окончательнаго метаморфоза они прикрѣплены на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательныя органы; они снова пріобрѣтаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усоногихъ раковъ при послѣднемъ метаморфозѣ понижаются еще сильнѣе: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это — простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, совсѣмъ не принимаетъ пищи и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитого существа, къ которому онъ прикрѣпленъ. Усоногіе раки до такой степени измѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышахъ, и когда различныя фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усоногихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усоногихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно, нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ почти всѣ самцы носятъ на груди или на животѣ зачаточныя сосцы. У птицъ кости крыла заканчиваются небольшою косточкой, которая называется крылушкомъ (*alula ala spuria*) и составляетъ зачаточный палецъ. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла и нисколько не помогаетъ полету птицы. У многихъ змѣй развито и приспособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно бесполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйствіи, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состояніи, и змѣя, в теченіи всей своей жизни,

таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный мѣшокъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ костей и заднихъ оконечностей. Чѣмъ вы объясните существованіе этихъ бесполезныхъ органовъ? За чѣмъ природа приставила къ тѣлу животныхъ эти негодныя и безсмысленныя брелоки? Въ военныхъ мундирахъ всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много бесполезныхъ висюлекъ и разводовъ, но если вы только справитесь объ историческомъ происхожденіи этихъ штукъ, то увидите, что почти всѣ онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначеніе. Эполеты, аксельбанты, темляки, шпурки — все это возникло изъ походныхъ или боевыхъ потребностей солдата и только въ послѣдствіи превратилось въ бесполезное украшеніе. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человекъ иногда дѣйствуетъ по внушеніямъ свободной фантазіи, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обуславливается какой нибудь необходимой причиной. Если человекъ въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданіяхъ, въ покроѣ и украшеніи своего платья, руководствуется реальными побужденіями, стремленіями къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было-бы думать, что цѣлыя породы живыхъ организмовъ *постоянно* носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, не имѣющія достаточной причины существованія. Причина, разумѣется, есть, и читатель ее знаетъ; она одинакова, какъ для украшеній военнаго мундира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живого тѣла. Эта причина — наследственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носятъ по старой привычкѣ. Въ природѣ роль старой привычки играетъ сила наследственности, и органы, существующіе въ настоящее время въ зачаточномъ или неразвитомъ состояніи, были прежде развитыми и дѣтельными и приносили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практическую пользу. Зачаточное сосцы самцовъ по всей вѣроятности указываютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформированы по одному общему типу, и самецъ въ слѣдствіе этого сохранилъ сосцы, потерявшіе въ его организмѣ всякое практическое значеніе. Я долженъ признаться читателю, что это предположеніе принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ этихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣтельнымъ и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и по-немногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицъ, заглохшея

легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣй объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполне, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими и быть-можетъ былъ похожъ на ящерицу по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, вырастаетъ въ каждой челюсти около еотни зубовъ, которые впоследствии выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роювыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Кита зубы совершенно бесполезны, но предку этого животнаго они по всей вѣроятности были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылья спаяны наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ еросшимися щитками все-таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянуть на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправление уже прекратилось. То-же самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ кроотовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому-нибудь новому назначенію. Напримѣръ плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; зато онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и нырянія. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточные, возникающіе, заглошіе или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наследственности. «Зачаточные органы, говорить—Дарвинъ,—могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологию этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайной мѣткостью и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другого; сходство это ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ животное зрѣетъ и складывается; но любопытно замѣтить, что даже въ зрѣломъ возрастѣ животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно ли найти какое-нибудь сходство между жизнью

крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ продовольствія и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все-таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и ошупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходбѣ; ласть моржа — къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ всѣ эти оконечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ оконечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ ихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пясть. Относительная величина и форма этихъ отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до безконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ-же порядкѣ. Оуэнъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, несмотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими-нибудь особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ и приспособленныя къ различнымъ отправлениямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ переднія и заднія оконечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, несмотря на то, что по своимъ отправлениямъ рука не похожа на ногу и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большого количества различныхъ костей, которыя срастаются вполне только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ срастаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа и для большей сохранности головного мозга было-бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости или по крайней мѣрѣ изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всѣмъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупиваются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что

не нужно, а между тѣмъ у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соотвѣтственныхъ или *гомологическихъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спинного хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спинного хребта. Ускли при этомъ замѣчаютъ, что было-бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости и позвонки выработались параллельно изъ какого-нибудь общаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйствительно у зародыша. У многихъ раковъ переднія пары ногъ превращены въ челюсти и называются жевательными ногами. Тутъ опять та-же исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоящихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ члениковъ, снабженныхъ наружными придатками; одни изъ этихъ придатковъ приспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, другіе къ измельченію пищи, третьи превратились въ жабры или органы дыханія. Все это понятно, но, чтобы понять всѣ эти факты, необходимо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны измѣняться, и что онѣ съ начала органической жизни уже испытали множество превращеній.

Заключеніе.

Работа моя окончена, и я могу сказать по чистой совѣсти, что она стоила мнѣ очень много труда и что, несмотря на то, она все-таки очень неудовлетворительна. Еслибы я обладалъ литературнымъ талантомъ Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то эти громадные средства были-бы только что достаточными для того, чтобы вполне удовлетворительно изложить теорію Дарвина для русской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ наукахъ. Но развѣ-же у насъ на Руси есть люди съ талантами Вольтера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ посвящать всѣ свои силы на умственную пользу во тѣмъ ходящихъ согражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ, то, стало-быть, идеи европейскихъ гениевъ должны оставаться для нашей публики тарабарской грамотой? Такъ, что-ли? Или можетъ-быть слѣдуетъ вѣсть не деревянной ложкой, когда не на что купить серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе обратиться къ деревянной, чѣмъ голодать въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому я и рѣшился изобразить своей особой такую деревянную ложку, которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дарвинѣ есть по всей вѣроятности

недомолвки, неясности, неудачныя выраженія, можетъ-быть есть даже и фактическіе промахи. Что-же дѣлать? Я не специалистъ, и читаль я до сихъ поръ очень мало по естественнымъ наукамъ. Стараясь выразиться яснѣе, я можетъ-быть впадалъ въ ошибки. Но я все-таки повторяю: что-же дѣлать? Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашей публикой наши специалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбѣжнымъ желаніямъ читателей вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что специалистъ живетъ гдѣ-нибудь на звѣздѣ Оріона и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство эира, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ-ли его кто-нибудь, или пойметъ-ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающія звуки. По моему мнѣнію, полезнѣе прочесть статью вполне понятную, хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукоризненными диссертациями, недоступными человѣческому пониманію.

Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ специалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русской публикой. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ Московскаго университета С. А. Рачинскій». Значить, специалистъ! Раскрываете книгу—ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. За чѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смогреть на нее «профессоръ Московскаго университета»—все это остается для русскаго читателя глубокой тайной. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ налету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному специалисту. Далѣе, переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оказывается, что эти черные рабы сдѣлались бурыми. Эта полѣпость создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжеватый муравей (*Formica rufescens*) захватываетъ въ плѣнъ бураго (*F. fusca*), а кровавый (*F. sicuti a*)—чернаго. Рачинскій все это благогразсудилъ перепутать. На стр. 228 Дарвинъ рассказываетъ, будто онъ «извлекъ изъ лапы куropатки *двадцать два зернышка* сухоглинистой земли». Что за-неслышанная чепуха! Кто же это

измѣряетъ глину зернышками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово grain, и надо было перевести *двадцать два грама*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что это значить. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка* и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина.— На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса съ ихъ исчерченными склонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣтельствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнявшихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся*—это, видите-ли, переводъ слова *эратическіе*. Errare значить бродить, шататься; ну, и чудесно! Пускай валуны *шатаются!*— *А ледяные потоки*—это что такое? Это красивое выраженіе, замѣняющее, по мнѣнію г. специалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русскомъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой книгѣ много опечатокъ, и притомъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримѣръ: «метаморфическихъ» вмѣсто «метаморфическихъ» (стр. 284), «Стараго Свѣта» вмѣсто «Новаго Свѣта» (стр. 275), и другія въ томъ-же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бываютъ, а любопытно вотъ что. Къ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ списокѣ я не нашелъ ни одной изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбознательствовалъ посмотрѣть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаетъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и притомъ ни одной. Къ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русской публикой великое твореніе гениальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей.

Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже къ *деревянной ложкѣ* должны отнестись съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли и разгоняли хоть немного вашу умышленную дремоту. А теперь довольно говорить о *деревянной ложкѣ*. Обратимся еще разъ къ Дарвину и скажемъ нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели его идеи на Европу. Впечатлѣніе сильное, и вѣроятно оно еще долго будетъ усиливаться, по мѣрѣ того, какъ защитники различныхъ оттѣнковъ мысли будутъ при-

стальнѣе вглядываться въ громадное мировое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе филолисты уже пустили въ ходъ слово «*Дарвинисты*», придали этому слову ругательное значеніе и усиленно доказываютъ, что теорія Дарвина, во-первыхъ,—пустая мечта, а во вторыхъ,—самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ милашекъ давно извѣстны, и ихъ могли-бы высказать съ нарочитымъ успѣхомъ Пульхерія Ивановна и купчиха Кабанова. Иногда тенденціи этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ филолистовъ, прикрываются благообразной мантіей: мы, дескать, радуемся за строгую точность науки и требуемъ отъ нея, чтобы она не пускалась въ обаятельные мечтанія и красивыя гипотезы. Такими филолистскими тенденціями пронитана рѣчь доктора Шписа, читанная въ прошломъ году въ какомъ-то Зинкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльной брошюрой, называется «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ, въ Россіи, великій естествоиспытатель Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ такомъ-же родѣ. Но въ Западной Европѣ есть люди и другого закала. Въ Англіи творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Ляйелль, склонился къ теоріи Дарвина, Гексли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллестъ, Батстъ пришли къ тѣмъ-же результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карль Фохтъ, бывший прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фохтъ—пожилой человѣкъ, извѣстный ученый—отказывается отъ всего своего прошедшаго и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человѣкѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слишкомъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому Фохтъ замѣчаетъ между прочимъ, что два первоклассные ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ послѣднее время двумя совершенно самостоятельными путями пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благопріятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучалъ различные виды дуба, а Ноденъ занимался скрещиваніями видовъ и разновидностей растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другого посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фохтъ совершенно согласенъ съ той мыслью Дарвина, что геологія при теперешней бѣдности своихъ наличныхъ матеріаловъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности произнести окончательный приговоръ надъ теоріей перерожденія видовъ. Фохтъ самъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ преждевременны были попытки геологовъ построить систему мірозданія изъ немногихъ собранныхъ ими обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой природы*.

Въ 1863 году извѣстный филологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языковѣдѣніе». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть примѣнены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различныя стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соответствующіе разнovidностямъ органическаго міра эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки—это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, причемъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли напримѣръ санскритскій, греческій, латинскій и древнееврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго человека, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полнаго вниманія: «Я горячо желаю, — говоритъ онъ, — чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть-можетъ слѣдующія строки убѣдятъ кого нибудь изъ начинающихъ филологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я по крайней мѣрѣ знаю очень хорошо, чѣмъ я обязанъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, физиологическія письма Карла Фохта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь изъ этихъ книгъ я узналъ впервые, что такое *исторія развитія* (Entwickel ungs geschichte)».

Далѣе Шлейхеръ съ замѣчательной вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе, — говоритъ онъ, — составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбежный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ

случаѣ остроумной забавой, но для науки все это — бесполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящія въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдованія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюденіе въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упрочили за исторіей развитія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія. — Важность исторіи развитія (эмбриологіи) для изученія индивидуальнаго организма не подлежитъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Лайелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты, какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ, не существуетъ скачковъ. И Лайелль также ссылается прежде всего на наблюденіе. Такъ какъ наблюденіе новѣйшаго періода земной жизни, — періода, правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и сравнительно очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткій періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимой достовѣрностью, что жизнь словесныхъ организмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда-нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами; не только недѣлимые имѣютъ жизнь, но и виды, и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюденіе, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткій періодъ времени, также какъ и наблюденіе надъ жизнью земли и надъ жизнью языковъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, мо-

*) Окенъ, Гёте, Ламаркъ, Этьеннъ и Жоффруа-Сентъ-Илеръ.

жеть считаться доказанной. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно краткость періода, подлежащаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными. Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету втеченіи очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію, — привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого ученіе Дарвина дѣйствительно представляется мнѣ, какъ необходимый резуль-

татъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Чтѣ Ляйелль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнилъ Дарвинъ для исторіи обитателей земного шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина — не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дѣло нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельной потребностью времени».

Вотъ какими глазами смотрятъ на произведеніе Дарвина люди умные и совершенно безпристрастные.

1864 г.

Историческое развитіе европейской мысли.

I.

Лѣтъ за восемьсотъ до Рождества Христова полуидикій греческій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ ребяческой довѣрчивостью слушалъ пѣсни странствующихъ пѣвцовъ о подвигахъ Геракулеса и Тезея, о путешествіи аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, о быстромомъ Ахиллесѣ, о хитроумномъ Одиссѣѣ, о паденіи Иліона, о несчастіяхъ и преступленіяхъ Атридовъ и потомковъ Кадма. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась вся мудрость тогдашняго грека. Тутъ была и религиозная догматика, и нравственная философія, и исторія, и физика, и астрономія; все это было смѣшано въ одну пеструю кучу и все вмѣстѣ считалось святой и неприкосновенной истиной. Много было чудесъ въ томъ мірѣ, который представлялся греческому воображенію, но міръ этотъ былъ узокъ и бѣденъ, и чудеса въ немъ были маленькія и игрушечныя. Въ центрѣ всего мірозданія лежитъ земля, плоская, какъ блинъ, и оцоясанная кругомъ водами океана; надъ землею раскинутъ въ видѣ балдахина хрустальный сводъ голубого неба; по этому своду ходятъ солнце, луна и звѣзды; пониже этихъ ходячихъ лампадокъ носятся тучи, постоянно измѣняя форму и цвѣтъ. На лицевой сторонѣ земли живутъ растенія, животныя и люди, а подъ землею или можетъ-быть на ея изнанкѣ находится царство Плутона, или область ночи и смерти. Туда отправляются души умершихъ; тамъ ихъ судятъ; злыхъ сажаютъ въ Тартаръ на вѣчное мученіе, добрыхъ пускаютъ въ Елисейскія поля для пріятныхъ прогулокъ и удовольствій. На землѣ вмѣстѣ съ простыми людьми живутъ разныя чудовища, великаны и

совсѣмъ особенные люди, не похожіе на обыкновенныхъ. На сѣверѣ — счастливые гипербореи; на югѣ — безгрѣшные эіопы; на берегахъ Италіи — сирены, завлекающія путешественниковъ пѣснями; рядомъ съ ними, въ Мессинскомъ проливѣ, — чудовища Сцилла и Харибда, поглощающія корабли; въ Сициліи — одноглазые циклопы и кровожадные людоѣды Лестригоны. Выше хрустального небеснаго свода находится Олимпъ, — жилище безсмертныхъ боговъ. Боги эти ѣдятъ и пьютъ, спятъ и любезничаютъ, женятся и плодятся, ругаются и дерутся, но, несмотря на всю эту разнообразную дѣятельность, они повидимому скучаютъ и для развлеченія вмѣшиваются ежеминутно въ дѣла людей, требуютъ отъ нихъ жертвоприношеній, посылаютъ имъ сновидѣнія и болѣзни, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей, участвуютъ въ человѣческихъ войнахъ, и вообще, по мѣрѣ силъ и капризовъ своихъ, производятъ всякую путаницу въ мірѣ стихій и въ душѣ человѣка. — Прислушиваясь къ пѣнію своихъ пѣвцовъ, полуидикій грекъ не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между существеннымъ и несущественнымъ, между идеей и формой, между основными догматами и случайнымъ украшеніемъ. Еслибы вы ему сказали, что въ Сициліи нѣтъ одноглазыхъ циклоповъ, то онъ за такое безбожіе окрысился-бы на васъ такъ-же сильно, какъ если-бы вы стали отвергать сплошь все подземное царство Плутона. Сила всего міеологическаго зданія заключалась именно въ томъ, что критика совсѣмъ не допускалась; ничего не трогай: ни основныхъ началъ, ни подробностей; но эта сила могла продолжаться только до поры до времени; грекамъ стоило только покороче познакомиться съ Сициліей, чтобы немедленно уничтожить ци-

клоповъ; а стоило только одинъ разъ уличить миеологию въ очевидной лжи для того, чтобы критика тотчасъ начала свою работу; если нѣтъ на свѣтѣ циклоповъ, то можетъ-быть нѣтъ и безгрѣшныхъ эеіоповъ; вопросы пойдутъ за вопросами, и вѣковая привычка принимать все миеологическое зданіе за одно неразрывное цѣлое приведетъ за собой тотъ результатъ, что все зданіе развалится, когда нѣкоторыя подробности окажутся ложными.

Въ 670 году до Р. Х. Египетъ въ первый разъ открылъ свои гавани для иностранцевъ; полудикіе, но даровитые и воспримчивые греки увидѣли себя лицомъ къ лицу съ одной изъ самыхъ древнихъ цивилизацій земного шара. Все, что они видѣли въ Египтѣ, возбуждало въ нихъ изумленіе и шевелило ихъ мозгъ. Періодическія разлитія Нила, сложная система каналовъ для орошенія полей, астрономическія наблюденія жрецовъ, ихъ геометрическая познанія, необходимыя для размежеванія полей послѣ наводненія, ихъ таинственные символы и іероглифы, колоссальныя произведенія египетской архитектуры, пирамиды, лабиринтъ, сфинксы, обелиски — все это вмѣстѣ было гораздо болѣе поразительно, чѣмъ самыя затѣйливыя сказки греческой миеологии. Греки узнали, что у египтянъ есть свои собственные боги, не имѣющіе ничего общаго съ греческими богами; а въ могущество этихъ боговъ греки не могли сомнѣваться, потому что видѣли собственными глазами древность, силу и процвѣтаніе того государства, которое находилось подъ покровительствомъ этихъ верховныхъ существъ. Греческій Олимпъ получилъ такимъ образомъ первый ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться.

Въ 572 году до Р. Х. ассирійскій царь Навуходоносоръ разрушилъ финикійскій городъ Тиръ, державшій въ своихъ рукахъ всю торговлю Средиземнаго моря. Малоазійскіе греки и жители Архипелага, пользуясь этимъ событіемъ, быстро развернули свои морскія силы и овладѣли тѣми торговыми путями и сношеніями, которыя составляли безраздѣльную собственность сильныхъ и богатыхъ тирійцевъ. Развитие греческой торговли повело за собой два ряда послѣдствій. Во-первыхъ, явилось накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе богатства; а во-вторыхъ, даже простые матросы, плававшіе по Средиземному морю и посѣщавшіе берега Сициліи, Италіи, Сѣверной Африки, Испаніи и южной Франціи, перестали вѣрить въ существованіе сиренъ, циклоповъ и многихъ другихъ чудесъ гомеровской географіи. Но матросы, какъ рабочему человѣку, некогда было углубляться въ критику и обобщать результаты своихъ всѣдневныхъ опытовъ и наблюденій. Этой умственной работой начали заниматься люди тѣхъ достаточныхъ классовъ, которые понемногу образовались вслѣдствіе торговаго движенія въ приморскихъ городахъ мало-

азійской и европейской Греціи. Изъ этихъ достаточныхъ классовъ стали выдвигаться впередъ поэты, историки, философы. Какъ только индивидуальная мысль начала шевелиться, такъ она тотчасъ почувствовала, что ей тѣсно и душно въ тѣхъ готовыхъ рамкахъ міросозерцанія, которыя были установлены народными преданіями для всѣхъ и навсегда. Поэты повидимому меньше всѣхъ остальныхъ умственныхъ работниковъ враждовали съ миеологіей, но и поэтамъ невозможно было ужиться съ ней въ добромъ согласіи. Они брали миеологическіе сюжеты для своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеній, но они перерабатывали эти сюжеты совершенно по своему, и очень часто случалось, что сочувствіе поэта ложилось совсѣмъ не на ту сторону, на которой ему слѣдовало лежать по понятіямъ немыслящаго большинства. Эсхиль написалъ на примѣръ трагедію «Скованный Прометей» и возвеличилъ въ ней геніальнаго Титана, который, желая облагодѣтельствовать людей, навлекъ на себя жестокое мщеніе завистливаго и несправедливаго громовержца Зевеса. Разумѣется, въ такой трагедіи Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, игралъ очень некрасивую роль; Прометей высказывалъ ему очень сильными словами очень горькія истины, а зрители понимали какъ нельзя лучше, что за фигурой Прометея скрывается самъ Эсхиль, подрывающій его дерзкими рѣчами вѣру въ величіе, а пожалуй даже и въ существованіе безсмертныхъ олимпійцевъ.

Историки старались рассказывать событія такъ, чтобы видна была естественная связь между причинами и слѣдствіями; люди боролись между собою, люди побѣждали другъ друга; ихъ поступками управляли простыя человѣческія страсти; никакого вмѣшательства высшихъ силъ не замѣчалось, и писатели, а вслѣдъ за нимъ и его читатели приходили понемногу къ тому размысленію, что можетъ-быть и всегда событія слагались такъ же просто, что можетъ-быть и священная Троя была разрушена безъ малѣйшаго содѣйствія Паллады-Аѣины и волоокой Геры. Еще необузданнѣе была дерзость философовъ. Эти съ перваго шага отодвинули прочь весь Олимпъ и на мѣсто живыхъ и человѣкообразныхъ боговъ поставили неодушевленныя стихіи и слѣпныя силы природы. Одни изъ этихъ философовъ пришли путемъ своихъ размысленій къ единобожію; другіе — къ пантеизму, то есть къ тому выводу, что Богъ и вселенная — одно и то-же; третьи — къ совершенному отрицанію божества. Все они наговорили и написали ужасно много чепухи по физикѣ, по астрономіи и по психологіи; всѣ они, за исключеніемъ Аристотеля, старались что-то отгадать, вмѣсто того чтобы смотрѣть и изучать міръ видимыхъ явленій; но всѣ они боролись противъ миеологии, всѣ они, собирая вокругъ себя школы усердныхъ слушателей и поклонниковъ, содѣйствовали разруше-

нию греческаго многобожія, и эта отрицательная сторона их дѣятельности имѣетъ важное и прочное историческое значеніе. Положительныя же выводы всѣхъ этихъ мыслителей, начиная отъ Фалеса и кончая Платономъ, до такой степени ничтожны и наивны, что на нихъ не стоитъ останавливаться ни на одну минуту. Умнѣйшіе изъ греческихъ философовъ сами поняли очень хорошо, что всѣ ихъ умозрѣнія никуда не годятся. «Ничто не можетъ быть познано, — говоритъ Анаксагоръ, — ничто не можетъ быть изучено, ничто не можетъ сдѣлаться достовернымъ; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка.» На этой мысли скептики построили всю свою философію и пришли къ отрицанію всего видимаго міра и наконецъ къ отрицанію самаго отрицанія. Софисты превратили философію въ діалектическое орудіе, которымъ можно было доказывать все, что угодно, въ ту или въ другую сторону. Въ концѣ концовъ греческая мысль, не поддержанная опытомъ и наблюденіемъ, пришла такимъ образомъ къ полному и очевидному банкротству.

Подчиняясь влиянію философіи, исторіи и поэзіи, видя вблизи и держа въ собственныхъ рукахъ чисто человѣческія пружины текущихъ политическихъ событій, высшіе классы греческаго народа очень скоро совершенно отложились отъ національной религіи. Но масса продолжала, несмотря ни на что, держаться за своихъ ненаглядныхъ олимпійцевъ съ тѣмъ тупымъ и непостижимымъ упорствомъ, которымъ отличаются вообще народныя массы и которое побѣждается не аргументами, а только медленнымъ, неотразимымъ и нечувствительнымъ дѣйствіемъ всеразлагающаго времени. Такія натянутыя отношенія между образованными людьми и массой продолжались безъ малаго тысяча лѣтъ, то есть со времени открытія египетскихъ гаваней вплоть до окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ.

II.

Жрецы пользовались очень безцеремонно довѣрчивостью народа; однако надо отдать справедливость и жрецамъ; ихъ дѣятельность не осталась совершенно бесплодной: въ храмахъ Эскулапа родилась современная медицина, которая до сихъ поръ признаетъ своимъ отцомъ великаго и честнаго человѣка Гиппократа, жившаго во время пелопоннесской войны. Въ то время каждая болѣзнь приписывалась обыкновенно гнѣву какого-нибудь оскорбленнаго божества; больныхъ приносили въ храмъ, преимущественно къ Эскулапу, и жрецы лечили ихъ тамъ заклинаніями и наконецъ кое-какими лекарствами. Больныхъ собиралось въ этихъ храмахъ довольно много, и любознательный человѣкъ могъ наблюдать признаки и постепенное развитіе различныхъ болѣзней. Выздоровѣвшіе боль-

ные приносили Эскулапу разныя пожертвованія и между прочимъ оставляли въ храмѣ таблички, на которыхъ былъ описанъ въ общихъ чертахъ весь ходъ пережитой болѣзни. Эти таблички, хранившіяся въ храмѣ для прославленія Эскулапа, могли подъ руками мыслящаго человѣка превратиться въ драгоценный матеріалъ для изученія болѣзней. Такой мыслящій человѣкъ нашелся въ лицѣ Гиппократа. Опираясь на свои собственныя многолѣтнія наблюденія и на критическое изученіе эскулаповскихъ табличекъ, Гиппократъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ и послѣдовательно выдержалъ до конца ту мысль, что каждая болѣзнь происходитъ отъ влиянія чисто физическихъ причинъ и излечивается чисто физическими средствами. Для основанія разумной медицины эта простая мысль была безусловно необходима, но жрецовъ такая мысль поражала въ самое чувствительное мѣсто. Чѣмъ больше народъ будетъ довѣряться искусству врача, тѣмъ меньше онъ будетъ обращать вниманія на манипуляціи и заклинанія жреца. Больницы наполнятся, а храмы Эскулапа опустѣютъ. Понятно, какую бурю негодованія долженъ былъ поднять противъ себя трезвый мыслитель Гиппократъ. Надо было обладать непоколебимымъ мужествомъ, чтобы пойти на встрѣчу этой бури, и надо было принести народу очень много совершенно осязательной пользы, чтобы устоять противъ разыгравшихся страстей, то есть, чтобы не погибнуть такъ, какъ погибъ на примѣръ Сократъ. Гиппократъ былъ гораздо опаснѣе Сократа для языческаго благочинія. Сократъ только говорилъ противъ предразсудковъ и то робко и двусмысленно; а Гиппократъ дѣйствовалъ, и притомъ самымъ разрушительнымъ образомъ: испѣляя больныхъ своимъ искусствомъ, онъ доказывалъ имъ и всѣмъ ихъ знакомымъ какъ нельзя нагляднѣе, что наука сильнѣе и полезнѣе заклинаній. Но Сократъ погибъ, потому что народъ видѣлъ въ немъ только говоруна, а на Гиппократа не поднялась ни одна рука, потому что Гиппократъ защищалъ свои научныя положенія не только дѣльными доказательствами, но еще и фактическими благодѣяніями. О Гиппократѣ сохранился между прочимъ одинъ анекдотъ, доказывающій намъ, что этотъ великій человѣкъ никогда не льстилъ народнымъ страстямъ и любилъ говорить своимъ неразвитымъ соотечественникамъ голую правду. Можетъ-быть этотъ анекдотъ и вымышленъ вполнѣдствіи, но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, какимъ образомъ греки понимали характеръ Гиппократа. Въ городѣ Абдерѣ жилъ философъ Демокритъ, постоянно смѣявшійся надъ различными глупостями всѣхъ людей вообще и своихъ согражданъ въ особенности; онъ не щадилъ своими насмѣшками ни жрецовъ, ни философовъ, ни даже самого себя; его неутомный смѣхъ упрочилъ за нимъ прозваніе смѣ-

ющаго мудреца изъ Абдеры, а жителямъ этого города доставилъ на вѣчныя времена репутацию непреходимой тупости. Наконецъ почтеннымъ абдеритамъ стало уже слишкомъ тяжело отъ этого постоянного зубоскальства; они распустили слухъ, что ихъ мудрецъ помѣшался, и пригласили знаменитаго врача Гиппократа полечить рехнувшаго философа. Гиппократъ прѣхалъ въ Абдеру съ искреннимъ соболѣзнованіемъ; оно и въ самомъ дѣлѣ жалко: во всемъ городѣ одинъ умный человѣкъ былъ, да и тотъ съ ума сошелъ. Гиппократъ освидѣтельствовалъ заподозрѣннаго Демокрита самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ очень долго и вышелъ изъ его дома, проинкнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ его великому и гибкому уму. — «Сами вы, — сказалъ онъ, обращаясь къ собравшимся абдеритамъ, — гораздо больше его нуждаетесь въ медицинскихъ пособіяхъ!» — сказалъ и уѣхалъ. Изъ этого любопытнаго разсказа мы можемъ вывести то поучительное заключеніе, что комедія «Горе отъ ума» разыгрывалась въ дѣйствительной жизни слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до рожденія нашего Грибоѣдова.

III.

Завоеванія Александра Македонскаго составляютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи греческаго ума и всего греческаго народа. Вслѣдствіе этихъ завоеваній греческая національность разлилась по Египту и по всей Азіи. Когда Александръ основалъ свою огромную имперію на развалинахъ персидской монархіи, тогда потянулось на востокъ изъ европейской Греціи все, что было молодо, сильно и предприимчиво. Та-же самая исторія продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Александра. Полководцы македонскаго завоевателя во время своихъ продолжительныхъ междоусобій постоянно тянули къ себѣ изъ Греціи молодыхъ, сильныхъ и храбрыхъ солдатъ; такимъ образомъ цвѣтъ греческаго населенія погибъ въ бесплодныхъ сраженіяхъ, а кто уцѣлѣлъ, тотъ пристроился въ Азіи или въ Египтѣ, обзавелся тамъ женой и хозяйствомъ и смѣшалъ такимъ образомъ кровь эллиновъ съ кровью персовъ, сиріянъ или египтянъ. Европейская Греція опустѣла и ослабѣла съ этого времени. Греческая національность потонула въ другихъ національностяхъ, какъ тонетъ стаканъ вина въ бочкѣ воды. Греческія мысли и греческій языкъ были привиты къ умственнымъ способностямъ азіатовъ и африканцевъ, но чистая греческая раса, эллинская кровь утратились навсегда, породивши изъ себя множество разнообразныхъ помѣсей.

Въ Нижнемъ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, Александръ основалъ городъ Александрію.

Мѣсто было выбрано такъ умно и такъ удачно, что новый городъ разросся съ невѣроятной быстротой и совершенно убилъ въ самое короткое время умственное значеніе Аоинъ. Въ Александрію потянулись со всѣхъ сторонъ предприимчивые капиталисты, даровитые художники и глубокіе мыслители. Политика Птолемея, ближайшихъ преемниковъ Александра, довела александрійскую торговлю и александрійскую науку до высочайшей степени процвѣтанія. Здѣсь, въ Александрію, развернулись всѣ силы греческаго ума. Александръ основалъ тотъ городъ, въ которомъ греческая мысль совершила свои величайшіе подвиги, а учитель Александра, Аристотель, одинъ изъ гениальѣйшихъ людей древняго міра, основалъ тотъ методъ, по которому развилась александрійская наука и по которому всегда будутъ развиваться всѣ отрасли положительнаго, не мечтательнаго и не умозрительнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Аристотель составляетъ совершенную противоположность со всѣми своими предшественниками и въ особенности со своимъ учителемъ, Платономъ. Платонъ признаетъ дѣйствительное существованіе какихъ-то общихъ идей; по его мнѣнію, философъ долженъ углубиться въ самого себя, погрузиться въ созерцаніе общихъ идей и потомъ уже изъ этихъ идей вывести частности и подробности видимыхъ явленій. Аристотель, напротивъ того, говорить, что общія идеи составляютъ только посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій, и что, стало быть, философъ долженъ наблюдать и изучать живую дѣйствительность, чтобы потомъ, сравнивая между собою отдѣльныя впечатлѣнія, вышатайся до пониманія общихъ законовъ. Методъ Аристотеля безукоризненно вѣренъ; но на практикѣ Аристотель очень часто измѣняетъ своему методу; въ то время фактическихъ знаній было собрано еще такъ мало, что не было ни малѣйшей возможности дѣлать какія-нибудь основательныя философскія заключенія о мірозданіи, о жизни, о человѣческой душѣ и о разныхъ другихъ вопросахъ, надъ которыми любятъ задумываться мыслители. Чтобы оставаться совершенно послѣдовательнымъ, Аристотелю надо было совсѣмъ отказаться отъ философіи и приняться за собраніе фактическихъ наблюденій. Но тогдашніе люди, въ томъ числѣ и самъ Аристотель, думали, что каждому мыслящему человѣку необходимо дать отвѣты на всѣ вопросы, и если неоткуда взять дѣльныхъ отвѣтовъ, то надо непременно пуститься въ догадки и въ умозрѣнія. Увлекаясь печальнымъ пристрастіемъ своего вѣка къ философствованіямъ, Аристотель уклоняется отъ того метода, который онъ признаетъ истиннымъ въ теоріи, и пишетъ чрезвычайно много вздора о физикѣ, о метафизикѣ, о физиологіи и о политикѣ. Аристотель остается вѣренъ своему собственному методу только въ

своей «Естественной исторіи» и въ своихъ сочиненіяхъ по сравнительной анатоміи. Здѣсь онъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Чтобы заниматься этими предметами, онъ имѣлъ болѣе средства, чѣмъ кто-либо другой изъ его предшественниковъ или современниковъ; ученикъ его, Александръ Македонскій, былъ самъ человѣкомъ очень любознательнымъ; онъ съ большимъ участіемъ слѣдилъ за работами Аристотеля и постоянно присылалъ ему изъ Авіи цѣлыя коллекціи животныхъ и растений, неизвѣстныхъ европейскимъ грекамъ.

Когда междоусобныя войны между полководцами Александра прекратились, когда Египетъ сдѣлался неоспоримой собственностью династіи Птоломеевъ, тогда Александрія сдѣлалась центромъ греческой торговли и всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. Первые Птолемеи были люди умные и просвѣщенные. Они приняли науку подъ свое покровительство и основали въ Александріи музеумъ, — такое учрежденіе, которое было въ одно и то же время университетомъ и академіей и которое своими громадными размѣрами далеко превышало всѣ подобныя учрежденія прежнихъ и даже позднѣйшихъ временъ. Александрійскій музеумъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ ученаго города; въ немъ бывало иногда до четырнадцати тысячъ различныхъ работниковъ чуждыя мысли. При музеумѣ находился роскошный ботаническій садъ для изученія растений, звѣриный для зоологическихъ наблюденій, астрономическая обсерваторія со всѣми извѣстными въ то время инструментами и пособиями, химическая лабораторія, въ которой самъ Птоломей Филадельфъ, одержимый на старости лѣтъ страхомъ смерти, отыскивалъ не совсѣмъ успѣшно жизненный эликсиръ, анатомическій театръ, въ которомъ ученые изслѣдователи, несмотря на предразсудки египетскаго народа, смѣло рѣзали подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства не только тѣло животныхъ, но даже и чело- вѣческіе трупы.

Богатство александрійскихъ библіотекъ извѣстно каждому школьнику. Птолемеи хотѣли собрать въ музеумъ всѣ книги, какія когда либо были написаны людьми; этого имъ не удалось сдѣлать, но до 700,000 томовъ они дѣйствительно приобрѣли; цифра эта чрезвычайно значительна и даже почти невѣроятна для того времени, когда книгопечатаніе еще не существовало и когда книга была роскошью, понятной и доступной только для очень богатыхъ и просвѣщенныхъ людей. Еще важнѣе всѣхъ этихъ превосходныхъ учрежденийъ была для процвѣтанія александрійской учености полная терпимость Птолемеевъ ко всѣмъ оттѣнкамъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ Александрію шли, какъ въ совершенно безопасную пристань, безъ различія религіи и національности, всѣ умные люди, преслѣдуемые глупостью своихъ сограж-

данъ или современниковъ. И Птоломей пристраивали въ своемъ музеумѣ всякаго, кто, по ихъ мнѣнію, обнаруживалъ литературный талантъ или обладалъ научнымъ познаніемъ. На развитие литературы, философіи, исторіи и политическихъ наукъ всякое покровительство дѣйствуетъ конечно развращающимъ образомъ; всѣ эти отрасли умственной дѣятельности тотчасъ проникаются духомъ лести и превращаются въ приятное увеселеніе покровительствующихъ особъ. Такъ случилось, разумѣется, и въ Александріи. Но, кромѣ этихъ развращающихъ проявленій чело- вѣческой мысли, есть еще строгія, точныя науки, которыя не гнутся ни въ право, ни въ лѣво и которыя вслѣдствіе этой естественной непоколебимости могутъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, принимать покровительство отъ кого угодно. Именно эти совершенно безстрастныя науки, — геометрія, астрономія, механика, физика, анатомія, — развились въ александрійскомъ музеумѣ. Многія открытія александрійскихъ ученыхъ по этимъ предметамъ составляютъ до сихъ поръ и будутъ составлять навсегда драгоцѣнную и необходимую часть въ общей совокупности чело- вѣческихъ знаній. Геометрія Эвклида до сихъ поръ преподается во всѣхъ европейскихъ школахъ. Архимедъ, жившій въ Сиракузахъ, но учившійся въ Александріи, сдѣлалъ множество открытій въ геометріи, основалъ гидростатику, изучилъ свойства рычага, изобрѣлъ тотъ винтъ, который до сихъ поръ называется архимедовымъ, и кромѣ того придумалъ около сорока различныхъ менѣе важныхъ машинъ. Эратосфенъ, Гиппархъ и Птоломей довели астрономію и математическую географію до той степени развитія, на которой она находилась до временъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона. Александрійскіе астрономы совершенно отбросили мысль о томъ, что земля — плоскій кружокъ, описанный океаномъ; они убѣдились въ томъ, что земля есть шарообразное тѣло; они объяснили себѣ настоящія причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и нашли возможность вычислять и предсказывать ихъ заранѣе; они пробовали строго научнымъ путемъ опредѣлить величину земнаго шара и разстояніе, отдѣляющее его отъ солнца и луны. Географическія и астрономическія сочиненія Птолемея, переведенныя сначала на арабскій языкъ, а потомъ уже на латинскій, втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ пользовались непоколебимымъ авторитетомъ у магометанъ и у христіанъ. Птоломей предполагаетъ, что земля стоитъ неподвижно въ пространствѣ, и что солнце, луна и планеты обращаются вокругъ нея. Эта теорія прожила почти полторы тысячи лѣтъ, и первымъ послѣдователямъ Коперника побѣда надъ укоренившимися идеями Птолемея досталась цѣной тяжкой и опасной борьбы.

Медицина развилась въ александрійскомъ музеумѣ самымъ рациональнымъ образомъ, опираясь

на анатомическія изслѣдованія. Основатель музеума, Птоломей Филаделфъ, зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи къ развитію науки, что позволилъ медикамъ, приставленнымъ къ музеуму, производить физиологическіе опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смерть. Изъ александрійскихъ медиковъ замѣчательны Герофилъ и Эразистратъ. Каждый изъ этихъ двухъ ученыхъ основалъ свою отдѣльную школу, и медики втеченіи нѣсколькихъ столѣтій раздѣлялись на *эразистратистовъ* и *герофилитовъ*. Однако позволеніе рѣзать живыхъ преступниковъ не пошло впрокъ александрійской медицинѣ; несмотря на это позволеніе, Герофилъ и Эразистратъ утверждаютъ единогласно, что въ артеріяхъ заключается не кровь, а воздухъ; о кровообращеніи они оба не имѣли ни малѣйшаго понятія. Если принять въ расчетъ, что эти люди располагали совершенно исключительными пособиями, то надо сознаться, что наблюдательность ихъ была не особенно велика.

IV.

Когда Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію, александрійская наука медленно начала клониться къ упадку. Музеумъ существовалъ попрежнему; попрежнему въ немъ жили и трудились ученые; но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей и сильной оригинальности мысли, которой отличаются умственные подвиги Эвклида, Архимеда, Эратосфена и Гиппарха. Началось компилированіе и комментированіе старыхъ авторитетовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились. Причину этого упадка мысли можно приписать отчасти подавляющему вліянію римскаго господства. Въ такое время мыслящему человѣку совершенно надобѣдетъ жизнь; а когда не хочется жить, тогда не зачѣмъ и трудиться надъ разрѣшеніями мудреныхъ научныхъ вопросовъ. Но еслибы даже Египетъ оставался попрежнему подъ господствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ Птоломеевъ, то и въ такомъ случаѣ александрійская наука непременно должна была измельчать и одряхлѣть. У нея не было будущаго. Представляя собой самое блестящее проявленіе классической цивилизаціи, она вполне раздѣляла съ этой цивилизаціей ея радикальную и роковую долговѣчность.

Дреперъ въ своей «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ» («History of the intellectual development of Europe») объясняетъ упадокъ александрійской науки тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время греческій умъ, переживши уже фазы дѣтства, отрочества, юности и мужества, вступилъ въ печальный, но неизбѣжный періодъ старческой дряхлости. Дреперъ думаетъ, что историческая жизнь народовъ совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ располагается

жизнь cadaго отдѣльнаго человѣка. Я считаю книгу Дрепера очень замѣчательной книгой; я даже положилъ ее въ основаніе моей перешней статьи, но я долженъ оговориться, что мысли Дрепера о различныхъ неизбѣжныхъ фазахъ въ исторической жизни народовъ рѣшительно не выдерживаютъ серьезной критики. Мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя народности вымерли, нѣкоторыя цивилизаціи одряхлѣли, уничтожились. Но число этихъ извѣстныхъ намъ примѣровъ до сихъ поръ еще совѣмъ не такъ значительно, чтобы мы *только по одному числу* случаевъ могли составить себѣ то убѣжденіе, что существуетъ въ природѣ общій законъ, на основаніи котораго каждая народность и каждая цивилизація непременно должны рано или поздно одряхлѣть и умереть. Если-же мы обратимъ вниманіе не на гуртовую цифру извѣстныхъ намъ историческихъ примѣровъ, а на внутренний смыслъ cadaго отдѣльнаго случая, то мы придемъ совѣмъ не къ тому результату, къ которому приходитъ Дреперъ. Внимательное изученіе покажетъ намъ, что каждая умершая національность или цивилизація умерла отъ какого-нибудь неизлечимаго органическаго порока, таившагося въ ней съ самаго начала ея существованія, или же, что она убита внѣшнимъ насилиемъ, котораго она не могла и не умѣла отразить. То, что Дреперъ принимаетъ за неизбѣжную старость, оказывается болѣзненнымъ разстройствомъ. Поэтому, если двадцать цивилизацій умерли отъ различныхъ болѣзней, то изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что двадцать первая цивилизація также непременно умретъ отъ какой-нибудь болѣзни. Можетъ-быть умереть, а можетъ-быть и не умереть. Болѣзнь совѣмъ не то, что старческая дряхлость. Отъ болѣзни можно и уберечься, и вылечиться. Мнѣ кажется, что классическая цивилизація умерла не отъ старости, или, вѣрнѣе, она одряхлѣла не потому, что таковъ законъ природы, а потому, что она заключала въ себѣ неизлечимый органическій порокъ, отъ котораго совершенно свободна новѣйшая европейская цивилизація. Основаніе классической цивилизаціи было очень узко и очень мелко, т. е. эта цивилизація не могла распространяться ни въ ширину, ни въ глубину. Распространенію ея въ ширину, т. е. отъ одного народа къ другому, мѣшала національная вражда. Грекъ считалъ и называлъ варваромъ всякаго не-грека. Распространенію ея въ глубину, т. е. отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, мѣшало рабство. Общество, построенное на рабствѣ, всегда будетъ смотрѣть на науку, какъ на аристократическую забаву, недостаточную и даже вредную для трудящагося большинства. Въ такомъ обществѣ на всякую умственную дѣятельность смотрятъ не какъ на средство осмыслить и усовершенствовать жизнь, а какъ на средство забыть дразги и пошлости. Въ такомъ обществѣ

люди очень любят умозрительную философію, на томъ основаніи, что

Тымы низкихъ истинъ имѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Низкія истинны дѣйствительной жизни такъ и остаются навсегда низкими въ такомъ обществѣ, въ которомъ мыслящіе люди боятся къ нимъ прикоснуться и предпочитаютъ упиваться *возвышающими обманами*. Въ такомъ обществѣ даже строго-реальная наука скоро превращается въ *возвышающій обманъ*. Добытыя истинны не находятъ себѣ приложенія; онѣ остаются въ бібліотекахъ; онѣ не входятъ ни въ народное міросозерцаніе, ни въ народный трудъ. Ученые чувствуютъ себя одинокими, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанными, никому и ни на что не нужными; они трудятся для собственнаго удовольствія и теряютъ такимъ образомъ всякое желаніе и всякую возможность отличать полезный трудъ отъ мартышкина труда. Всякій трудъ полезенъ, потому что онъ доставляетъ ученому удовольствіе, и всякій трудъ есть мартышкинъ трудъ, потому что общество не получаетъ отъ него ровно ничего. При такихъ условіяхъ наука непременно должна измельчать и зачахнуть. Уже великій Архимедъ даетъ намъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ ученые, оторванные отъ жизни, тратятъ свои силы на дѣтскія забавы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ серьезно и пространно, что можно сосчитать не только всѣ песчинки морскихъ береговъ, но даже всѣ песчинки, которыя можно было бы умѣстить между землей и неподвижными звѣздами. И дѣйствительно онъ производитъ это вычисленіе. «Такая книга,—замѣчаетъ Дренеръ,—есть игра математическаго гиганта, безопасно забавляющагося своей собственной силой». Такая книга, прибавлю я отъ себя, указываетъ самымъ выразительнымъ образомъ на печальное и почти безнадежное положеніе того общества, среди котораго она возникла. Плохо, очень плохо идетъ жизнь того народа, въ которомъ гиганты, подобные Архимеду, забавляются, вмѣсто того чтобы работать.

Какой-то латинскій писатель въ какомъ-то сочиненіи употребилъ замѣчательное выраженіе: «*homo homini lupus*» (человѣкъ человѣку волкъ), то есть человѣкъ обращается съ человѣкомъ, какъ волкъ или какъ съ волкомъ. Эти три слова: «*homo homini lupus*» превосходно характеризуютъ ту болѣзнь, отъ которой погибла классическая цивилизація. Грекъ на варвара, аристократъ на чернорабочаго, богачъ на бѣдняка, свободный на раба, аѳинянинъ на спартанца, философъ на неуча, мужчина на женщину, отецъ на сына—всѣ народности, всѣ классы общества, всѣ люди, различныя между собою по полу, по возрасту или по образованію, смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ, съ недоброжелательствомъ, съ пренебреженіемъ и съ худо

скрытымъ намѣреніемъ скрутить, осѣдлатъ, взять въ ежовыя рукавицы и обратить въ вьючное животное. Какъ велись наприимѣръ тогдашнія войны? — Александръ Македонскій, образованный человѣкъ, ученикъ Аристотеля, любитель философіи и естественнаго, въ самое цвѣтущее время эллинизма распялъ на крестахъ двѣ тысячи тирійцевъ за то великое преступленіе, что они съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищали противъ него свой родной городъ. Какъ смотрѣли другъ на друга отдѣльные греческіе города? — Аѳины такъ озлились за что-то на Мегару, что въ мирное время установили законъ, по которому каждый мегарянинъ, очутившійся въ Аѳинахъ, немедленно долженъ подвергаться смертной казни. — Какъ относились философы къ народу?—Всѣ они были убѣждены, что народъ никогда не можетъ и не долженъ просвѣщаться; всѣ они считали суевѣріе необходимымъ для массъ, и многіе изъ нихъ имѣли по двѣ доктрины: одну—*эксотерическую*—для всѣхъ желающихъ, другую—*эзотерическую*—для немногихъ посвященныхъ. Когда философы пуускались разсуждать о политикѣ, то они всегда сочиняли такое общественное устройство, при которомъ всѣ работаютъ, а философы постоянно кушаютъ и постоянно размышляютъ о суетности всего земного и тлѣннаго.

Что-же наконецъ должно было выдти изъ этого *homo homini lupus*? — Различныя національности, не умѣющія жить между собою въ добромъ согласіи и неспособныя обогащать другъ друга мирнымъ и плодотворнымъ обмѣномъ продуктовъ физическаго и умственнаго труда, должны были постоянно ссориться, драться, разорать и поглощать другъ друга. Такъ это и было. Потомъ, когда всѣ народности, облегающія бассейны Средиземнаго моря, оказались достаточно истрепанными, всѣ онѣ должны были понасть подъ господство какой-нибудь одной народности, разумѣется той, которая была затаскана менѣе всѣхъ остальныхъ. Такъ оно и случилось. Римъ положилъ насильственный конецъ всѣмъ международнымъ дракамъ по берегамъ Средиземнаго моря. Общее порабощеніе привело за собою общее спокойствіе. Религій, національности поневолѣ перемѣшались. Шероховатости сгладились отъ ежедневныхъ соприкосновеній. Не находя себѣ удовольствія и питанія въ войнѣ, международныя антипатіи притупились и заглохли. Но въ этомъ вынужденномъ спокойствіи было мало отраднаго. Это было спокойствіе безсилія и обморока. Административныя и финансовыя распоряженія Рима поддерживали этотъ обморокъ самымъ тщательнымъ образомъ. Римляне обращались съ завоеванными землями такъ, какъ англичане обращаются съ Остъ-Индіей. Они тянули изъ провинцій все, что можно было вытянуть. Покоренныя населенія были задавлены налогами и кромѣ того римскіе чинов-

ники постоянно наживали себѣ на ихъ счетъ громадныя состоянія. Римское правительство никогда не забылось о народномъ благосостояніи; величайшіе политики и администраторы древняго Рима смотрѣли на народъ только съ стратегической, или съ финансовой, или вообще съ отвлеченной государственной точки зрѣнія. Имъ надо было только, чтобы народъ не бунтовалъ, чтобъ онъ платилъ большіе налоги и чтобы границы государства были защищены отъ вторженій варваровъ кордономъ укрѣпленныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Римляне сооружали въ провинціяхъ превосходныя военныя дороги, водопроводы, мосты, общественныя зданія, театры, цирки; къ обременительнымъ налогамъ присоединялись такимъ образомъ еще натуральныя повинности; люди и рабочій скотъ надрывались въ безплодныхъ усиліяхъ; крестьянскія хозяйства разорялись; поля оставались необработанными; мелкіе собственники за неплатежъ податей продавались въ рабство съ женами и дѣтьми; пахатныя земли, сосредоточиваясь въ рукахъ капиталистовъ, превращались въ пастбища. Живые источники свободнаго народнаго труда быстро изсякали; рабы работали дурно и небрежно; голодъ свирѣпствовалъ постоянно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обширнаго государства; за голодомъ шли повальныя болѣзни; люди умирали тысячами, и земли, составлявшія древній историческій міръ, понемногу превращались въ пустыни, среди которыхъ возвышались, въ видѣ жестокой насмѣшки надъ политической мудростью римлянъ, обширныя и великолѣпныя города, переполненные голодной чернью и одурѣвшими отъ разврата милліонерами.

При такихъ условіяхъ существованіе цивилизаціи сдѣлалось невозможнымъ; не оставалось даже и послѣдняго исхода: не могло быть такого переворота, который положилъ-бы конецъ системѣ финансовой и административной эксплуатаціи; некому было сдѣлать такой переворотъ; деревенское населеніе было такъ задавлено, а городская чернь такъ развращена даровыми зрѣлищами и раздачами дарового хлѣба, что неоткуда было ждать ни малѣйшаго сознательнаго протеста. Исторія Гракховъ достаточно поучительна въ этомъ отношеніи, а со временъ Гракховъ до основанія имперіи и съ основанія имперіи до ея паденія дѣла шли все хуже да хуже; и каждое слѣдующее поколѣніе оказывалось постоянно глупѣе и подлѣе предыдущаго. Отъ людей, задавленныхъ и развращенныхъ до мозга костей римской администраціей, отъ рабовъ и рабовладѣльцевъ, отъ патроновъ и кліентовъ, отъ гладиаторовъ и праздныхъ любителей цирка, отъ всей этой сволочи, сытой до одурѣнія или доведенной голодомъ до собачьей угодливости и до собачьяго безстыдства, отъ всего, что носило на себѣ клеймо римскаго вліянія, ждать было рѣшительно нечего.

Римъ, основавшій и поддерживавшій свое господство силой оружія, довелъ себя наконецъ системой государственнаго хозяйства до такого полнаго расслабленія, что оказался несостоятельнымъ даже въ своей нарочитой специальності. Желѣзные легионы Рима стали терпѣть позорнѣйшія пораженія отъ презрѣнныхъ варваровъ; потомъ пришлось пополнять желѣзные легионы презрѣнными варварами и довѣрять наемникамъ защиту Римской имперіи; пришлось уступать варварамъ пограничныя области и откупаться деньгами отъ ихъ набѣговъ. Римское государство умерло и сгнило такимъ образомъ задолго до того времени, когда Одоакръ свергнулъ съ престола послѣдняго императора, Ромула-Августула. Варвары, захватившіе одну провинцію за другой, могли разорять въ нихъ различныя великолѣпныя строенія, могли сжигать рукописи и картины, но задавить живое начало классической цивилизаціи они были не въ состояніи, потому что это начало уже давно перестало быть живымъ. Какъ-какія знанія, выработанныя греками, могли пригодиться людямъ во всякое время; но эти знанія были уже для послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи обломками далекой и невозвратимой старины, окаменѣлыми остатками такого умственного движенія, которое уже давно прекратилось и потеряло всякую способность дѣйствовать живительнымъ образомъ на настоящее. Варвары бытъ-можетъ круто оборвали такую агонію, которая безъ ихъ вмѣшательства протянулась-бы еще нѣсколько столѣтій, какъ тянулось напримѣръ жалкое прозябаніе Византійской имперіи; но во всякомъ случаѣ варвары только ускорили, а не нарушили естественный и необходимый ходъ историческихъ событій. Надежды на выздоровленіе и обновленіе не оставалось; значить, надо было для пользы всего человечества поскорѣе убрать съ дороги гнилое тѣло и начать съ самаго начала, свѣжими силами, работу новой цивилизаціи. Если Атилла дѣйствительно называлъ себя *бичомъ божіимъ*, то надо полагать, что этотъ дикарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и понималъ чрезвычайно вѣрно глубокое историческое значеніе своей разрушительной дѣятельности. Зданіе классической цивилизаціи, дѣликомъ построенное на рабствѣ, надо было срыть до основанія, и кто ломалъ это зданіе, сознательно или бессознательно, тотъ оказывалъ человечеству существенную услугу. Съ этой точки зрѣнія гунны и вандалы могутъ быть названы прогрессистами.

V.

Безжизненность греко-римскихъ идей и учрежденій выражается особенно наглядно въ борьбѣ между язычествомъ и христіанствомъ. Многіе императоры, смотря на христіанъ, какъ на опасную политическую партію, старались запугать

ихъ преслѣдованіями. Преслѣдованія эти не достигали своей цѣли; они давали только христіанамъ возможность обнаруживать торжественно и публично то высокое и непоколебимое мужество, которое всегда одушевляетъ человѣка, идущаго на мученія и на смерть за святыню своего глубокаго и искреннаго убѣжденія. Эти поразительные примѣры стойкости и терпѣнія дѣйствовали потрясающимъ образомъ на массу; въ людяхъ, давленныхъ, загрязненныхъ и изувѣченныхъ свинцовымъ гнетомъ римской жизни, эти примѣры будили лучшія человѣческія чувства, — такія чувства, которыхъ самъ человѣкъ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ, которыя дремали въ немъ съ самаго его рожденія и которыя, вышывая наверхъ изъ темной глубины его души, изумляли его самого своей свѣтлой, невиданной и между тѣмъ знакомой и родственной красотой. Зато, чтобы разъ въ жизни почувствовать себя человѣкомъ, чтобы разъ въ жизни не струсить передъ преторомъ, передъ ликторами и палачами, забитый рабъ или грязный бродяга могъ съ гордой радостью пойдти на смерть, когда онъ видѣлъ, что такую смерть встрѣчали спокойно тѣ загадочные люди, которые называли себя христіанами. Такимъ образомъ казни плодили мучениковъ и содѣйствовали распространенію гонимой религіи. Бывали примѣры, что христіаннѣ, сидящій въ тюрьмѣ и уже осужденный на смерть, въ послѣднія минуты своей жизни обращалъ въ христіанство своего тюремщика, вель и его вмѣстѣ съ собою на мѣсто казни.

Во время Діоклетіана христіане составляли уже дѣйствительно такую политическую силу, съ которой надо было обращаться очень осторожно; они были многочисленны не только въ государствѣ, но уже и въ арміи; у нихъ были ревностные агенты во всѣхъ классахъ общества, даже въ императорскомъ дворцѣ, потому что жена, и дочь Діоклетіана исповѣдали новую религію. Послѣ смерти Діоклетіана Константинъ одержалъ рѣшительную побѣду въ междоусобныхъ войнахъ, именно потому, что сумѣлъ привлечь на свою сторону христіанъ всей имперіи. При Константинѣ христіанство сдѣлалось господствующей религіей, и теперь пришло для язычества время расплачиваться за преслѣдованія прежнихъ правительствъ. Христіанство объявило истребительную войну всему, что было связано такъ или иначе съ языческими воспоминаніями. Вся классическая цивилизація, философія, наука, искусство, все безъ разбору было занесено въ рубрику язычества, и все должно было исчезнуть, какъ суета и прелесть грѣховнаго міра. И по результатамъ своимъ эти гоненія были совсѣмъ не похожи на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство. Здѣсь гонимыя идеи, формы и учрежденія дѣйствительно прятались и исчезали безъ остатка и почти безъ борьбы. Жрецы, философы, ученые, художники класси-

ческаго міра не дали народу ровно ничего, кромѣ бѣдности, невѣжества, распутства и страданія. Народу не за что было любить этихъ людей, и, когда явились новые вожди, тогда народъ сталъ ломать статуи боговъ, разрушать ихъ жертвенники, рвать и жечь сочиненія философовъ, ученыхъ и поэтовъ. И новые вожди дѣйствительно держали себя иногда съ такимъ мужествомъ и съ такимъ достоинствомъ, что неотразимое влияние ихъ на умы народа становится совершенно понятнымъ. Случилось однажды, что императоръ Θεодосій Великій изъ личнаго мнѣнія избилъ въ Фессалоникѣ семь тысячъ гражданъ, находившихся въ црквѣ, за что епископъ Амвросій мѣдиоланскій не далъ ему причастія, не пустилъ его въ церковь и заставилъ его принести публичное покаяніе. Если принять въ соображеніе энергическій характеръ Θεодосія, проявившійся съ достаточной очевидностью въ его фессалоникскомъ подвигѣ, и если припомнить кромѣ того, что церковь и духовенство были обязаны этому императору очень важными льготами, то надо будетъ сознаться, что поступокъ Амвросія представляетъ очень яркій примѣръ непоколебимаго мужества, неподкупной гражданской честности. Разумѣется, молва объ этомъ поступкѣ разнеслась во всѣ концы имперіи, и по всей вѣроятности многіе приверженцы старой религіи съ глубокимъ огорченіемъ провели параллель между стойкостью христіанскаго епископа и угодливостью тѣхъ языческихъ жрецовъ, которые совершали жертвоприношенія передъ живымъ богомъ Каллигулой или передъ статуей Антиной, красиваго мальчика, пользовавшагося страстной любовью императора Адріана. Народъ не имѣлъ понятія о томъ, что есть возможность напоминать цезарямъ о требованіяхъ справедливости; и вдругъ эта возможность явилась; понятно, на какую высоту должно было подняться въ глазахъ народа то учрежденіе, отъ лица котораго можно было давать свѣтской власти такіе выразительные уроки.

Царствованіе Θεодосія нанесло смертельный ударъ древней религіи и древней философіи; языческа гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ были объявлены уголовными преступленіями; вслѣдъ затѣмъ, въ 394 году, запрещено приносить жертвы богамъ и входить въ ихъ храмы; доходы и владѣнія храмовъ взяты въ государственную казну; зданія многихъ храмовъ разрушены. Для того, чтобы охранить христіанскую церковь отъ ересей, Θεодосій учредилъ особыхъ инквизиторовъ, соединявшихъ въ своемъ лицѣ обязанности доносчиковъ и судей. Любопытно при этомъ замѣтить, что Θεодосій былъ родомъ изъ Испаніи, — изъ той самой страны, которая много вѣковъ спустя съ особенной любовью пригрѣла на своей груди судилище инквизиціи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Далѣе тотъ-же Θεодосій объявилъ

указомъ, что подвергаются лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ всѣ тѣ люди, которые въ чемъ бы то ни было окажутся несогласными съ религиозными убѣжденіями Дамаса, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго. Въ этомъ указѣ Теодосія проглядываетъ первый намекъ на будущій догматъ римской церкви о непогрѣшимости паны. Этимъ же указомъ объявляется смертная казнь тѣмъ христіанамъ, которые будутъ праздновать Пасху въ одинъ день съ евреями.

Видя такое усердіе въ императорѣ, христіане воспользовались всѣми выгодами своего положенія и стали дѣятельно разрушать все, что казалось имъ связаннымъ такъ или иначе съ отжившей религіей. При этомъ въ Александріи произошла кровопролитная сшибка между христіанами и язычниками, которые, несмотря на свое сопротивленіе, были, разумѣется, окончательно побѣждены. Александрія можетъ служить превосходнымъ образчикомъ тогдашняго историческаго міра; въ ней были перемѣшаны и доведены до высшей степени напряженія всѣ боровшія между собою историческія силы. Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ евреевъ, предприимчивыхъ, образованныхъ и державшихъ въ своей власти большую часть обширной александрійской торговли. Язычество было очень сильно въ Александріи, потому что именно въ этомъ мѣстѣ греко-римскія идеи слились съ сѣдой древностью египетскаго символизма. Жрецы Сераписа и Изиды считались постоянно самыми учеными, самыми строгими и самыми опытными хранителями всѣхъ таинствъ языческой святини. Многие изъ мистиковъ и піетистовъ древняго міра были сами родомъ изъ Александріи, другіе ѣздили въ этотъ городъ нарочно за тѣмъ, чтобы поучиться у тамошнихъ жрецовъ ихъ таинственной мудрости. Философскій скептицизмъ и древняя наука держались еще въ высшихъ слояхъ александрійскаго общества; въ древнемъ музеемъ, переведенномъ послѣ Юлія Цезаря въ роскошное зданіе храма Сераписа, хранилось еще огромное количество разнообразныхъ рукописей и ученыхъ инструментовъ; этими сокровищами еще пользовались залоздалые преемники Эвклида, Гиппарха и Эратосфена. Наконецъ христіанство также пустило очень глубокіе корни въ Александріи и во всея Египтѣ. Епископъ александрійскій, по своему вліянію на дѣла вселенской церкви, стоялъ въ четвертомъ вѣкѣ наравнѣ съ епископами римскимъ и константинопольскимъ и постоянно оспаривалъ у нихъ первенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Александрія была центромъ самыхъ горячихъ богословскихъ споровъ; въ Александріи возникла важнѣйшая изъ христіанскихъ ересей, знаменитая въ исторіи подъ именемъ аріанства. А усерднѣйшимъ противникомъ аріанства и неутомимѣйшимъ врагомъ самого Арія былъ епископъ алек-

сандрійскій, Аванасій. Кромѣ того отшельничество и монашество возникли въ верхнемъ Египтѣ, и въ четвертомъ вѣкѣ вся Сѣверная Африка была уже усыяна кельями пустынниковъ и многолюдными монастырями.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній не трудно вывести то общее заключеніе, что въ Александріи были собраны всѣ матеріалы для драматическаго столкновенія между самыми ревностными христіанами и самыми упорными защитниками языческой старины. Епископъ александрійскій Теофилю, получивъ отъ правительства позволеніе построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, которое занято было прежде храмомъ Озириса, сталъ рыть фундаментъ для новаго зданія и нашелъ въ землѣ символическія изображенія, употреблявшіяся при таинствахъ египетскаго бога. Такъ какъ Озирисъ представляетъ собою одождворяющую силу природы, то изображенія оказались очень неприличнаго свойства, и епископъ, для посрамленія язычества, приказалъ выставить ихъ на базарную площадь. Такое оскорбленіе показалось невыносимымъ для старой египетской партіи. Люди этой партіи собрались въ храмъ Сераписа съ оружіемъ въ рукахъ; потомъ, сдѣлавъ изъ своей крѣпкой позиціи удачную вылазку, захватили на улицахъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, затащили ихъ въ храмъ, заставили ихъ принести тамъ языческую жертву и зарѣзали ихъ самихъ на тѣхъ-же самыхъ жертвенникахъ. Епископъ тотчасъ отправилъ донесеніе къ императору Теодосію, который немедленно положилъ резолюцію—разрушить храмъ Сераписа до основанія, а за исполненіемъ этого приказанія наблюдать самому Теофилю. Языческая партія совершенно упала духомъ, положила оружіе и расѣялась безъ сопротивленія, а исполнители Теодосіева приказа сожгли бібліотеку, изломали математическіе инструменты, изрубили въ куски статую Сераписа, изъ подъ которой, къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, выбѣжала дѣлая колонія перепуганныхъ крысъ, отобрали въ пользу церкви все золото и серебро, заключавшееся въ храмѣ, и дѣятельно сравнили съ землей громадное зданіе, составлявшее одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческой архитектуры.

Вслѣдъ за временами Теодосія Великаго свободная дѣятельность мысли превращается на Западѣ въ самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ преступленій. Воровъ и разбойниковъ просто вѣшаютъ, а иногда даже и не вѣшаютъ, но мыслителей жгутъ живьемъ, потому что всѣ мыслители и всѣ ученые изслѣдователи оказываются колдунами или еретиками. Клерикальные писатели четвертаго и пятаго вѣковъ совершенно систематически выражаютъ свое полное презрѣніе ко всему, что выработала древняя наука. «Не по незнанію тѣхъ вещей, — пишетъ Евсевій, — которыми восхищаются философы, но по презрѣ-

нью къ столь бесполезному труду мы такъ мало занимаемся этими предметами, обращая нашъ духъ на болѣе возвышенныя подвиги.» Къ сожалѣнью, многіе изъ писателей этого времени при всемъ своемъ презрѣнн къ земной мудрости все-таки разсуждали о многихъ чисто-земныхъ и строго-научныхъ вопросахъ, напримѣръ о фигурѣ нашей планеты, о ея положеніи въ пространствѣ, объ антиподахъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій составилъ цѣлый космографическій кодексъ, который средневѣковые схоластики вызубрили наизусть, и которымъ они съ замѣчательной храбростью поражали то Колумба, то Магеллана, то Галилея. А вотъ образецъ этихъ разсужденій, взятый изъ сочиненій Лактанція:

«Неужели есть люди, достаточно глупые для того, чтобы предполагать, будто на другой сторонѣ земли жатвы и деревья висятъ верхушками книзу и будто у тамошнихъ людей ноги находятся выше головы? Если вы спросите у нихъ, какимъ образомъ они защищаютъ подобныя нелѣпости и какимъ образомъ предметы нашей стороны не отваливаются прочь отъ земли, то они намъ отвѣтятъ, что такъ устроена природа вещей, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія тѣла, напримѣръ облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра къ небу на всѣхъ сторонахъ земли. Тутъ ужъ я рѣшительно становлюсь втупикъ и не знаю, что сказать такимъ людямъ, которые, сдѣлавъ въ своемъ разсужденіи ошибку, постоянно упорствуютъ въ своемъ безуміи и защищаютъ одно нелѣпое мнѣніе другимъ, еще болѣе нелѣпымъ.»

Августинъ также отрицаетъ существованіе антиподовъ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументами и цитатами, еще болѣе неотразимыми. Человѣчество старалось такимъ образомъ забыть все, что было выработано классическимъ періодомъ его исторической жизни. Причина этого чрезвычайно замѣчательнаго явленія заключается, по моему крайнему разумію, именно въ томъ, что классическая наука всегда и вездѣ держала себя совершенно «пассивной», никогда не старалась проникнуть въ народную жизнь и приобрести себѣ вліяніе надъ ея отправлениями, никогда и ничѣмъ не облегчала участи задавленной массы, и поэтому упрочила за собой въ ея глазахъ репутацію пустой прихоти и презрѣнной забавы.

VI.

Въ самыя мрачныя времена всемірной исторіи человѣческой умъ все-таки съ неотразимой силой требуетъ себѣ пищи и дѣятельности. Когда мірская философія и мірская наука впади въ немилость, тогда самыя живые и подвижныя умы обратились на размышленія о догматахъ вѣры. Въ этихъ размышленіяхъ не было никакихъ скептическихъ тенденцій; каждый вѣровалъ горячо и чистосердечно, но каждый хотѣлъ созерцать

догматы своей религіи во всей ихъ непосредственной чистотѣ и подлинности; каждый отдѣльный человѣкъ, у котораго было время, желаніе и возможность заниматься размышленіями, старался уберечь догматъ отъ ошибочныхъ дополненій и толкованій, вносимыхъ въ него другими людьми. Чѣмъ искреннѣе было религиозное чувство, тѣмъ неизбѣжнѣе было разногласіе и тѣмъ ожесточеннѣе должны были быть столкновенія между несходными понятіями. Оттѣсненный отъ области безстрастнаго научнаго изслѣдованія, человѣческой умъ бросился стремглавъ на арену раздражающихъ богословскихъ преній; ереси были неизбѣжны, и дѣйствительно ариане, несториане, македоніане, евтихіане, пелагиане, полупелагиане, монофизиты, монофелиты втеченіи нѣсколькихъ столѣтій волновали весь христіанскій міръ своими безконечными и безъисходными преніями и раздорами. Религиозныя разногласія могли возникать изъ субъективныхъ настроеній: люди могли бороться между собой на смерть изъ-за такихъ идей, которыя они дѣйствительно считали своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ. Но само собой разумѣется, что въ такую борьбу вмѣшивались постоянно въ большей или меньшей степени побужденія, вовсе не возвышенныя и совсѣмъ не похвальныя: то честолюбіе, то корыстолюбіе, то политическій расчетъ, то стремленіе угодить сильному лицу, то желаніе подставить ногу личному врагу.

Что религиозное усердіе дѣйствительно прикрывало собою расчеты и побужденія, не имѣющія ничего общаго съ религіей и ея догматами, — это доказывается очень убѣдительно крупными историческими фактами. Достаточно взглянуть на отношенія римскихъ епископовъ къ восточной церкви. Когда папамъ выгодно было балансировать между византійскимъ императоромъ и французскими королями, тогда они балансировали; когда надо было приблизиться къ византійскому двору, они приближались; когда оказалась возможность занять совершенно самостоятельное положеніе, они круто разорвали всякую связь съ восточной церковью, и для всѣхъ этихъ макиавелевскихъ эволюцій отыскивался и подтачивался всегда чисто догматическій предлогъ; все это повидимому дѣлалось *ad majorem Dei gloriam*, а совсѣмъ не по расчетамъ земной политики. Но иногда историческія обстоятельства слагались такъ неожиданно круто, что маска безкорыстнаго усердія не могла удержаться на своемъ мѣстѣ, и папство выпутывалось изъ своего неловкаго положенія безъ громкаго скандала, только благодаря тому обстоятельству, что невѣжество тогдашняго общества было дѣйствительно выше всякаго описанія. — Въ началѣ восьмого вѣка византійскій императоръ, Левъ Исавриецъ, задумалъ искоренить въ своихъ владѣніяхъ почитаніе иконъ; началась жестокая борьба между гражданской властью съ одной стороны и мас-

сами народа, бѣлымъ духовенствомъ и многочисленнымъ греческимъ монашествомъ съ другой стороны. Несмотря на всѣ волненія, императоръ настоялъ на своемъ; сынъ и наследникъ его, Константинъ Копронимъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; сынъ Константина, Левъ, былъ также иконоборцемъ; такимъ образомъ преслѣдованіе иконъ продолжалось въ византійской имперіи слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Во все это время папы на-отрѣзъ отказывались признавать надъ собою господство императоровъ на томъ основаніи, что императоры запятнали себя ересью. А настоящая причина заключалась въ томъ, что императоры были заняты опасными войнами съ аравитянами и болгарами, и что имъ, стало быть, некогда было думать о покореніи Италіи и объ усмиреніи задорныхъ папъ.

Въ половинѣ VIII-го столѣтія папы сблизились съ франкскими королями. Папа Захарій своимъ духовнымъ вліяніемъ помогъ Пипину Короткому сѣсть на престолъ Мервинговъ и перенереть въ монастырь законнаго короля; а Пипинъ за эту дружескую услугу поколотилъ лонгобардовъ, притѣснявшихъ папу; сынъ Пипина, Карлъ Великій, совершенно разрушилъ Лонгобардское царство и завоеваніями своими усилился до такой степени, что папа безусловно подчинился его могучей волѣ. Но на бѣду случилось такъ, что Карлу пришла въ голову та самая фантазія, которая надѣлала столько шума въ Византійской имперіи: Карлъ объявилъ себя противникомъ иконопочитанія и приказалъ даже одному изъ своихъ придворныхъ ученыхъ написать въ этомъ направленіи цѣлый богословскій трактатъ. А въ это время иконоборчество уже не существовало въ Византійской имперіи. Папа былъ поставленъ въ самое двусмысленное положеніе. Догматическая послѣдовательность требовала отъ него, чтобы онъ уличилъ Карла въ ереси и чтобы онъ возстановилъ съ византійскимъ дворомъ тѣ отношенія, которыя были прерваны иконоборческой дѣятельностью трехъ императоровъ. Но Карлъ былъ очень силенъ, Византія была очень слаба, а папа былъ очень сообразителенъ... Богословскія доктрины Карла не встрѣтили себѣ со стороны папы ни малѣйшаго противорѣчія; папа остался попрежнему подъ покровительствомъ Карла, несмотря на его еретическія мнѣнія, — и не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Византіей, несмотря на ея безукоризненную ортодоксію.

Такимъ же чисто дипломатическимъ характеромъ отличаются тѣ раздоры между папой Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, которые привели за собою окончательное отдѣленіе западной церкви отъ восточной. Итѣ-же самые житейскіе расчеты играютъ главную роль въ исторіи всѣхъ ересей, волновавшихъ церковь и гражданское общество во все время смутнаго средневѣковаго броженія европейской

мысли. Были тутъ и чистыя личности, фанатически преданныя своей идеѣ; были преслѣдователи, глубоко убѣжденные въ необходимости преслѣдованія; но эти безхитростные люди всегда были орудіями въ рукахъ искусныхъ механиковъ, не вѣрившихъ ни во что, или политическихъ партій, совершенно равнодушныхъ къ догматическому и нравственному достоинству упомянутыхъ средствъ.

Въ 622 году пятидесятилѣтній мечтатель, аравитянинъ Магометъ, сынъ Абдаллы, принужденъ былъ бѣжать тайкомъ изъ Мекки въ Медину и скрываться отъ своихъ преслѣдователей во время этого путешествія въ различныхъ тущообахъ и горахъ. А *черезъ двадцать лѣтъ* послѣ этого событія ученики этого бѣглеца-мечтателя владѣли всѣми землями отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи и отъ Индѣйскаго океана до Кавказа. Такой сказочный переворотъ былъ-бы для насъ необъяснимымъ чудомъ, еслибы мы не обратили вниманія на то, что большая часть областей, завоеванныхъ аравитянами, была оторвана ими отъ Византійской имперіи, и что всѣ эти области были переполнены разными еретиками. Нѣкоторые завоеванія первостепенной важности были приятнымъ сюрпризомъ для самихъ аравитянъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ былъ завоеванъ Египетъ. Въ 639 году халифъ Омаръ послалъ туда изъ Сиріи своего полководца Амру съ войскомъ въ *четыре тысячи* человекъ. Эта компанія въ глазахъ Омара была просто военной диверсіей или опустошительнымъ набѣгомъ. Амру получилъ отъ него приказаніе не забираться въ глубину страны и повернуться назадъ. Но Амру не послушался, завелъ сношенія съ жителями Египта, разбилъ греческія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, получивъ подкрѣпленіе отъ халифа, навсегда оторвалъ Египетъ отъ христіанскаго міра; лучшія области Византійской имперіи, Сирія, Египетъ, вся сѣверная Африка, — земля, игравшая самую важную роль въ древнѣйшей исторіи христіанства, отдались магометанамъ безъ сопротивленія. Иерусалимъ, Антиохія, Александрія, Кароагенъ, — города, въ которыхъ христіанство выросло и укрѣпилось, одерживая свои первыя побѣды надъ язычествомъ и иудействомъ, увидѣли въ своихъ собственныхъ стѣнахъ торжество дерзкихъ людей, снимавшихъ съ церкви кресты, отгнѣявшихъ колокольный звонъ. Значитъ, вѣра азіятскихъ и африканскихъ христіанъ покачнулася очень сильно, когда такъ легко увидѣли, что побѣда осталась за аравитянами. Многія тысячи людей обратились къ магометанству потому, что тѣ изъ христіанъ, которые пожелали-бы сохранить свою религію, были обложены поголовной податью, которая не распространялася на поклонниковъ Аллаха и его пророка. Покоряя византійскія провинціи, Омаръ въ то-же время велъ войну съ перидскимъ царствомъ, которое также сдѣлалось добычей ара-

виглядъ. Но персы сопротивлялись очень упорно: дѣлая области Персидскаго царства, уже покоренныя магометанами, поднимались снова, такъ что ихъ приходилось завоевывать во второй разъ. Раздраженіе персовъ противъ чужеземныхъ завоевателей было такъ сильно, что самъ Омаръ заплатилъ жизнью за побѣды своихъ армій; персь Фирусъ, фанатикъ изъ простонародья, зарѣзалъ этого халифа, какъ виновника тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на Персидское государство и на религію огнепоклонниковъ. Ничего подобнаго не было въ византійскихъ провинціяхъ: онѣ покорились сразу и послѣ этого уже не пошевелились.

VII.

Въ Азіи аравитяне пришли въ соприкосновеніе съ христіанскою сектѣй несторіанъ, а въ Африкѣ они испытали на себѣ умственное вліяніе тамошнихъ евреевъ. Несторіанская секта была основана въ началѣ пятаго вѣка константинопольскимъ патріархомъ Несторіемъ, который за свои еретическія мнѣнія о Пресвятой Дѣвѣ былъ лишень святительскаго сана, преданъ на вселенскомъ соборѣ церковному проклятію и сосланъ въ отдаленный египетскій оазисъ, въ которомъ онъ и умеръ. Послѣ паденія своего учителя многочисленныя послѣдователи бывшаго патріарха выселились на берегъ Евфрата и основали тамъ такъ называемую халдейскую церковь. Многіе изъ этихъ еретиковъ любили древнюю науку; они открыли въ Эдессѣ коллегіумъ и завели нѣсколько школъ; въ этихъ школахъ были переведены на сирійскій языкъ нѣкоторыя греческія и латинскія рукописи, и въ томъ числѣ сочиненія Аристотеля и естественная исторія Плінія старшаго. Несмотря на всѣ старанія византійскаго правительства подавить всякое самостоятельное проявленіе мысли, несторіанскія общины продолжали потихоньку заниматься чтеніемъ, переписываніемъ и переводомъ старинныхъ книгъ, выбирая преимущественно все то, что относилось къ изученію природы. Особенно старательно собирали они сочиненія греческихъ врачей: Гиппократъ, Книдская школа, Герафилъ, Эразистратъ и многочисленныя ихъ послѣдователи сдѣлались для несторіанъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Само собою разумѣется, что ихъ дѣятельность не ограничивалась однимъ пассивнымъ собираніемъ и чтеніемъ рукописей. Медицина — дѣло такое живое, такое необходимое въ каждую данную минуту, что при ея изученіи свѣдѣнія, добываемыя изъ книгъ, постоянно прикладываются къ практикѣ, постоянно провѣряются вседневнымъ опытомъ и такимъ образомъ на каждомъ шагѣ видоизмѣняются и дополняются личными наблюденіями учащагося субъекта. — Умственная дѣятельность африканскихъ евреевъ направлялась также преимущественно на из-

ученіе медицины; у нихъ были свои самостоятельныя изслѣдователи, и одинъ изъ нихъ, Рабъ, занимавшійся анатоміей и изъяснвшій подробно устройство человѣческаго тѣла, приобрѣлъ себѣ своими трудами такую знаменитость, что послѣ его смерти простой народъ употреблялъ вмѣсто лекарства землю съ его могилы. Эта черта обрисовываетъ наглядно характеръ времени и народа. Ученаго уважаютъ, но уважаютъ, какъ могучаго волшебника. Въ трудахъ самихъ ученыхъ, какъ несторіанъ, такъ и евреевъ, можно замѣтить такое же сильное уваженіе къ наукѣ, перемѣшанное съ такимъ же сильнымъ стремленіемъ къ чудесному, таинственному и сверхъестественному.

Религіозный фанатизмъ, воодушевлявшій аравитянъ во время ихъ завоевательныхъ подвиговъ, не долго мѣшалъ ихъ сближенію съ учеными евреями и греками. Какъ только халифагъ принялъ размыръ огромной имперіи, такъ правительство тотчасъ почувствовало необходимость образованныхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ административной и промышленной техники. Уже въ половинѣ седьмого столѣтія между аравитянами появились скептики, критиковавшіе Коранъ; ученые иновѣрцы сдѣлались лейбъ-медиками и довѣренными лицами халифовъ; а Гарунъ-аль-Рашидъ, царствовавшій въ концѣ VIII столѣтія, назначилъ даже несторіанскаго ученаго, Мазуа, главнымъ начальникомъ всѣхъ публичныхъ школъ, т. е., по нашему, — министромъ народнаго просвѣщенія. Такой примѣръ терпимости былъ бы замѣчательнъ даже въ Европѣ XIX вѣка; толки о вступленіи евреевъ въ англійскій парламентъ и о правахъ этого народа въ разныхъ другихъ государствахъ Европы хорошо знакомы каждому изъ насъ. — Подъ вліяніемъ образованныхъ халифовъ высшія училища возникли во всѣхъ концахъ магометанскаго государства; въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Испани, въ Самаркандѣ, въ Фецѣ, въ Марокко, въ Кордовѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ появились разсадники строго-научнаго образованія; всѣ эти города, погруженные теперь въ глубокое невѣжество, были наполнены учеными и литераторами въ то время, когда Англія, Франція и Германія были покрыты лѣсами и скудно населены грубыми и звѣрообразными дикарями.

Движеніе, возбужденное въ передней Азіи аравійскими завоеваніями, перемѣшалось между собою всѣ элементы тамошней умственной жизни. Аравитяне сблизили астрономію и медицину грековъ съ астрономіей и магіей персовъ. По складу своего національнаго ума, аравитяне любили все, что возбуждало фантазію; персидское черно-книжіе не пропало для нихъ даромъ; они съ радостью повѣрили тому, что небесныя тѣла дѣйствуютъ на жизнь людей; что существуетъ таинственная связь между металлами и планетами; что въ каждомъ кускѣ одушевленнаго или не-

одушевленного вещества заключается частица общей мировой души, и что на эту частицу можно дѣйствовать различными заклинаніями и таинственными операціями. Въ связи съ этой доктриной о мировой душѣ находилась та обаятельная идея, что природа различными неизвѣданными процессами превращаетъ одно вещество въ другое, что напримѣръ свинецъ и мѣдь перерождаются въ нѣдрахъ земли, подъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, въ золото и въ серебро. Человѣкъ, всегда гонявшійся за богатствомъ и всегда видѣвшій по своей глупости богатство въ красивыхъ камушкахъ или въ кускахъ блестящаго металла, — непремѣнно долженъ былъ соблазниться этой доктриной и сдѣлать изъ нея практическое приложеніе. Задача человѣка, желающаго пріобрѣсти могущество и богатство, состояла въ томъ, чтобы подмѣнить или, вѣрнѣе, ощупью отыскать таинственные процессы, посредствомъ которыхъ природа творитъ драгоценные металлы изъ низкаго и ничтожнаго матеріала. За это исканіе аравитяне принялись очень горячо, и ихъ подвиги на этомъ поприщѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи обще-человѣческой мысли. Во-первыхъ, они старались добыть такое вещество, которое, въ соединеніи съ силой огня, очищало бы всѣ низкія тѣла природы отъ грубыхъ и грязныхъ примѣсей и оставляло бы въ результатъ драгоценный металлъ. Это вещество называлось философскимъ камнемъ. Потомъ, придавая золоту множество фантастическихъ достоинствъ, алхимики убѣдили себя въ томъ, что если-бы удалось превратить золото въ такую жидкость, которую человѣкъ могъ бы пить, то это золотое питье навсегда сохранило бы въ человѣкѣ жизнь и силу молодости. Такимъ образомъ возродилось то исканіе жизненнаго эликсира, которому предавался старикъ Птоломей Филадельфъ въ александрійской лабораторіи. Гоняясь за призраками безконечнаго богатства и безконечной жизни, аравійскіе алхимики втеченіи многихъ столѣтій толкли, варили, смѣшивали, пережигали, переплавляли, просѣивали и пропѣживали, и всячески перерабатывали въ своихъ таинственныхъ мастерскихъ всевозможныя вещества, твердыя и жидкія, органическія и неорганическія, благоухающія и вонючія. Иной разъ алхимикъ взлеталъ на воздухъ со всей своей лабораторіей; въ народѣ распространился слухъ, что черти унесли въ преисподнюю проклятаго колдуна; но эти случаи не смущали другихъ алхимиковъ, и они съ неутомимымъ упорствомъ продолжали заниматься тѣмъ, что они называли *великимъ дѣломъ*. И дѣло ихъ было дѣйствительно *великое*. Философскаго камня они не нашли; жизненнаго эликсира не добыли; но ихъ многовѣковья изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи. Алхимики напоминаютъ мнѣ извѣстную басню о томъ человѣкѣ, который пе-

редъ смертью сказалъ своимъ дѣтямъ, что въ его полѣ зарытъ кладъ. Клада не нашлось, но поле, изрытое по всѣмъ направленіямъ, стало давать богатые урожаи. Если-бъ не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ эликсирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и продолжили дорогу къ болѣе рациональнымъ изслѣдованіямъ.

VIII.

Въ 410 году готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году вавдалы, подъ начальствомъ Генсериха, переправились изъ Африки въ Италію; втеченіи двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоценностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе Западной Римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году въ Италію пришли остготы и послѣ трехлѣтней войны разрушили царство геруловъ. Въ 556 году сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны этого города были срыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое-нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году явились лонгобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая втеченіи полтораста лѣтъ шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестого столѣтія не занимались статистикой, а мы въ настоящее время врядъ-ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое нашествіе варваровъ, и до какихъ размѣровъ могутъ доходить та голая нищета, та безнадежная забитость и подавленность, та отчужденность людей и земли, которыя являются естественными и неизбѣжными слѣдствіями подобныхъ событій. Современники Юстиніана говорятъ, что Италія превратилась въ пустыню, и что война, голодъ и моровая язва погубили въ ней при этомъ императорѣ до пятнадцати милліоновъ жителей. Цифра показана, разумеется, на угадъ; считать было некому, некогда и не зачѣмъ; но видно во всякомъ случаѣ, что тогдашніе люди были сильно поражены кровавой безалаберщиной своей эпохи, и что они, пуская въ ходъ крупную цифру, хотѣли выразить какъ можно нагляднѣе всю глубину испытанныхъ ими общественныхъ страданій.

Въ такое мрачное и безтолковое время чело-

вѣкъ естественнымъ образомъ тупѣть и безотчетно боится всего, что его окружаетъ. Разорительныя войны, голодъ и повальные болѣзни еоставляютъ тотъ историческій фундаментъ, на которомъ утвердилось прочное зданіе папской власти. Такъ какъ во всей остальной Европѣ огромное большинство людей находилось также въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то папство, родившееся въ Италіи, легко проложило себѣ дорогу во Францію, въ Германію, въ Англію и въ земли далекаго скандинавскаго сѣвера. Въ 590 году римскимъ епископомъ или папой сдѣлался человекъ умный, энергическій и опытный, Григорій I. Многосторонняя дѣятельность этой крупной исторической личности намѣтила по всемъ направленіямъ тѣ пути, которые должны были впоследствии привести римскаго епископа къ полновластному господству надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ. Во-первыхъ, Григорій обратилъ серьезное вниманіе на тѣхъ варваровъ, на которыхъ его предшественники смотрѣли съ тупымъ страхомъ и съ близорукимъ презрѣніемъ. Онъ отправилъ въ Британію миссіонеровъ и такимъ образомъ подчинилъ своему вліянію тамошнихъ полудикихъ язычниковъ; онъ вмѣшался въ дѣла галльской церкви и запретилъ тамъ продажу церковныхъ должностей; онъ принялъ въ вѣдра католической церкви Испанію, отказавшуюся въ это время отъ аріанской ереси; онъ искоренилъ язычество.

Такая дѣятельность была, разумѣется, несравненно полезнѣе для будущаго могущества папъ, чѣмъ бесплодныя состязанія съ патріархами александрійскимъ и константинопольскимъ. Эти духовныя лица ни подъ какимъ видомъ не уступили бы римскому епископу господства надъ вселенской церковью; отуманить ихъ историческими аргументами было невозможно; они сами знали исторію церкви не хуже папы и могли забросать его доказательстами, совершенно отклоняющими всякую мысль о законности римскихъ притязаній. А кромѣ того — и это самое главное — препирательство съ восточными патріархами непремѣнно приводило папу въ столкновение съ византійскимъ императоромъ, который все-таки считалъ папу своимъ подданнымъ и не разъ напоминалъ ему этотъ печальный фактъ очень жесткимъ и чувствительнымъ образомъ. Поэтому сближаться съ греческимъ востокомъ — значило для папы отказываться отъ своей исторической будущности. Выгоды папъ требовали положительно, чтобы они исподволь, безъ скандала, прекратили всякія сношенія съ восточными церквями и поворотили-бы всю свою дѣятельность на сѣверъ и на западъ, гдѣ они могли открыты и завоевать своимъ духовнымъ оружіемъ цѣлыя обширныя государства. А духовное оружіе Рима было тогда очень сильно. Утомительные и опасные подвиги миссіонерства соотвѣт-

ствовали, какъ нельзя лучше, всему характеру той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Григорій I. Люди цѣнили въ это время свою жизнь очень дешево по той простой причинѣ, что она вездѣ давала имъ много страданій и вездѣ была очень мало обезпечена противъ разнообразнаго наслія. Монастырей было очень много, и въ каждомъ монастырѣ можно было найти много настоящихъ монаховъ, глубоко и чистосердечно ненавидѣвшихъ собственное тѣло и постоянно старавшихся причинять этому лютому врагу всевозможныя непріятности. Такому монаху епископъ могъ сказать преспокойно: «Сынъ мой, ступай въ такую-то землю. Что ты тамъ найдешь и что съ тобою тамъ сдѣлаютъ, этого я не знаю. Но я даю тебѣ мое благословеніе и буду поминать тебя въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ.» И этого было довольно. Монахъ пускался въ путь и старался исполнить въ точности все, что ему было приказано. Если онъ по дорогѣ проваливался въ трясины, если онъ умиралъ отъ голода или отъ лихорадки на свѣжвомъ сугробѣ или въ непроходимомъ лѣсу, если его заѣдалъ медвѣдь, если его заколачивали до смерти изъ пустаго озорства дикіе предки Либиха и Александра Гумбольдта, словомъ, если онъ пропадалъ безъ вѣсти по той или по другой причинѣ, то Римъ не терялъ ровно ничего. Однимъ монахомъ меньше — однимъ мученикомъ больше; церковь вносила въ свои поминанія новое имя, а на мѣсто погибшаго брата находились, по первому требованію, сотни новыхъ охотниковъ. Если же по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Римъ приходилъ одичавшій человекъ, весь заросшій волосами и бородой, одѣтый въ звѣриныя кожи, и если этотъ человекъ, съ чисто монашескимъ смиреніемъ, падалъ на колѣни передъ епископомъ и докладывалъ ему, что онъ, недостойный грѣшникъ такой-то, благодаря святымъ молитвамъ епископа и церкви, сподобился основать новую христіанскую общину въ землѣ такого-то племени, — то выгода для Рима была очевидная. Вѣдь не стануть-же новообращенные варвары задавать себѣ лукавыя вопросы на счетъ духовнаго первенства римскаго престола. Не стануть они разузнавать, дѣйствительно-ли папа есть прямой и законный преемникъ апостола Петра? И дѣйствительно-ли преемникъ св. Петра выше всѣхъ другихъ епископовъ? И не долженъ-ли самъ папа подчиняться рѣшеніямъ вселенскаго собора? И что думаютъ о папѣ въ Константинополѣ въ Александріи? — Константинополь, Александрія, вселенскій соборъ — все это непонятныя звуки для простодушныхъ дикарей, обработанныхъ такимъ-же простодушнымъ монахомъ. Имъ сказано, что папа — глава церкви, самый великій и самый святой человекъ во всемъ мірѣ, — они это и затвердили. Только одного папу они и знаютъ. И дѣти, и внуки ихъ вырастаютъ въ тѣхъ-же самыхъ понятіяхъ. А между тѣмъ новая

церковь раздвигает свои предѣлы, и цѣнность завоеванія, сдѣланнаго смѣлымъ миссіонеромъ, увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Выѣстъ съ важностью всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній растетъ и мировое значеніе папства.

Высшая степень папскаго могущества относится къ тому времени, когда всѣ обращенные варвары достигли той степени умственнаго развитія, которая даетъ народу возможность выработать себѣ такъ или иначе опредѣленный государственный механизмъ. А потомъ, когда сознаніе варваровъ не остановилось на этой точкѣ и когда оно стало понемногу приниматься за критику существующихъ идей и учреждений, тогда, разумѣется, могущество римскаго престола начало клониться къ упадку.

Вся историческая роль папства связана совершенно неразрывно съ общественной и умственной жизнью тѣхъ варваровъ, на которыхъ Григорій въ первый разъ обратилъ серьезное вниманіе. Обращая въ христіанство людей совершенно необразованныхъ, Григорій зналъ, какими средствами слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ понималъ, сознательно или инстинктивно, что этихъ господъ не проймешь логической аргументаціей; имъ, какъ малолѣтнимъ ребятамъ, доступно только то, что бросается въ глаза, поражаетъ чувства, затрогиваетъ воображеніе. Имъ подавай блеску, пестроты, театральн. пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектовъ, освѣщенія и перспективы. Для нихъ истина, добро и красота понятны только въ самыхъ вычурныхъ проявленіяхъ. Строгая разумность и безыскусственно-изящная простота для нихъ недоступны. Понимая эти свойства неразвитой человѣческой природы, и понимая ихъ тѣмъ глубже, что самъ онъ въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей, папа Григорій заботился очень усердно о пышности и торжественности церковнаго церемониала. Празднества, процессіи, облаченіе священниковъ и причетниковъ, убранство храмовъ — все это было расположено такъ, чтобы поражать чувство и воображеніе поклонниковъ. Съ этой цѣлью Григорій сталъ поощрять искусство. Скульптура, живопись и музыка были приняты имъ подъ особенное покровительство церкви. Храмы наполнились статуями и картинами; церковное пѣніе было усовершенствовано самимъ Григоріемъ. Премники этого папы постоянно подражали его примѣру; они ввели въ церковь органъ, возвысили пѣніе до небывалой виртуозности, сформировали такихъ архитекторовъ, какъ Браманте, Брунеллески и Микель-Анджело; такихъ живописцевъ, какъ Рафаэль и Леонардо-де-Винчи; такихъ музыкантовъ, какъ Палестрина, и наконецъ превратили католическую обѣдню въ концертъ и въ театральное представленіе. Они же создали и настоящій театръ, который, какъ извѣстно, выработался изъ духовныхъ мистерій,

разыгрывавшихся съ большими эффектами во всѣхъ католическихъ церквяхъ.

Кромѣ пышнаго церемониала, есть еще одна сторона, дѣйствующая съ неотразимой силой на чувство и воображеніе простыхъ людей. Я говорю о многи. сверхъестественныхъ событіяхъ, о сношеніяхъ человѣка съ невидимыми существами, о видѣніяхъ и чудесахъ, играющихъ такую важную роль въ безчисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ, которыя изобрѣтались на счетъ истинныхъ чудесъ и которыя для нашей православной церкви не имѣютъ никакого каноническаго значенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякія чудеса и видѣнія были особенно многочисленны; они творились на каждомъ шагу, единственно потому, что всѣ были необразованы, всѣ были расположены принимать за чудо каждое естественное событіе въ природѣ и въ человѣческой жизни, всѣ рассказывали свои сны и галлюцинаціи, — всѣ съ жадностью слушали эти рассказы и, украсивъ ихъ цвѣтами собственной фантазіи, пускали ихъ дальше въ общее обращеніе. Легенды составлялись тогда точно такимъ-же образомъ, какимъ въ наше прозаическое время вырабатываются въ уѣздныхъ городахъ чудовищныя сплетни. Легенда — та-же сплетня, только окрашенная въ тотъ своеобразный фантастическій колоритъ, который соответствовалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ тогдашняго времени. Папа Григорій всѣми своими силами содѣйствовалъ процвѣтанію всякихъ легендъ, во-первыхъ потому, что человѣческое легковѣріе было выгодно для могущества римской іерархіи, а во-вторыхъ и потому, что онъ самъ, какъ человѣкъ своего времени, обладалъ достаточной пылкостью воображенія и слишкомъ достаточной неразвитостью ума.

Въ какомъ направленіи производилась фабрикація легендъ — это не трудно будетъ увидѣть и понять изъ двухъ отдѣльныхъ примѣровъ. Остготскій король Теодорихъ Великій, царствовавшій въ Италіи въ началѣ VI вѣка, былъ приверженцемъ аріанской ереси. За это его ненавидѣло италіянское духовенство, которому поганый еретикъ не дѣлалъ однако-же никакихъ притѣсненій. Въ своихъ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Юстиномъ Теодорихъ выражалъ между прочимъ слѣдующія мысли: «Стремиться къ господству надъ человѣческой совѣстью, — значитъ похищать то, что принадлежитъ одному Богу. По самой природѣ вещей, власть государей должна проявляться только въ политическомъ управленіи. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная ересь состоитъ въ томъ, когда государь отдѣляется отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ за то, что ихъ вѣра не сходится съ его собственными религіозными понятіями.»

Если взять во вниманіе, что слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Теодориха Филиппъ II испан-

ский довелъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ до вооруженнаго возстанія, что Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи полезныхъ и покорныхъ мавровъ, и что Людовикъ XIV еще позднѣ распорядился такимъ-же образомъ съ французскими протестантами, если припомнить, что всѣ эти и многія другія штуки дѣлались въ Европѣ по религиозной враждѣ, то не трудно будетъ понять и оцѣнить умъ и характеръ остготскаго короля, писавшаго свое посланіе къ Юстину въ VI вѣкѣ. Однако итальянское духовенство сочло необходимымъ составить противъ Теодориха заговоръ и завести тайныя сношенія съ византійскимъ правительствомъ. Теодорихъ узналъ всѣ эти подробности. Начались аресты, допросы, пытки и казни. Преслѣдованіе было направлено не противъ религіи, а противъ политическаго преступленія. Въ заговорѣ былъ замѣшанъ папа. Теодорихъ посадилъ его въ тюрьму и продержалъ его въ заключеніи до его смерти. Вскорѣ послѣ этихъ событій Теодорихъ умеръ, и тотчасъ послѣ его кончины духовенство пустило въ ходъ легенду, что черти утащили его душу въ кратеръ вулкана Липари, считавшійся въ то время отверстіемъ геенны огненной. Кто-же это видѣлъ?—Видѣлъ нѣкій отшельникъ.—А не солгалъ-ли сей отшельникъ? И находился-ли онъ въ здоровомъ умѣ и въ полной памяти?—Этихъ вопросовъ никто себѣ не задавалъ, потому что поставить такіе вопросы,—значило-бы обнаружить неумѣстную и предосудительную пытливость гордаго ума. Легенда была очевидно выгодна для духовенства. Духовенство приняло рассказъ отшельника благосклонно, а можетъ-быть даже выдумало этотъ рассказъ собственными силами, впустивъ въ него особу отшельника, какъ подставное лицо. Духовенство сообщило этому рассказу обязательный авторитетъ, и черезъ два-три десятилѣтія эта игровая выдумка сдѣлалась твердой истиной, назидательной для вѣрующихъ и неприкосновенной для скептиковъ, еслибы скептики осмѣлились только появиться и возвысить голосъ въ VI или въ VII столѣтіи.

Другая легенда, составленная позднѣе, еще откровеннѣе носитъ на себѣ печать фабриканта. Французскіе короли, постоянно страдавшіе безденежьемъ, очень часто обращали свои тоскливые взоры на богатая помѣстья духовенства, не платившаго рѣшительно никакихъ повинностей. Они много разъ заводили рѣчь о бѣдственномъ положеніи государственной казны и о громадности церковныхъ имуществъ, но духовенство ко всякому подобному разговору относилось чрезвычайно неодобрительно и пересыпало свои отвѣты такими ужасами, которые навсегда должны были отвадить свѣтскую власть отъ нескромныхъ злоупотребленій. Въ одномъ изъ суровыхъ отвѣтовъ духовенства встрѣчается между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Принцъ Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей и князей расхитилъ и раздробилъ имущества церкви, и единственно

по этой причинѣ онъ осужденъ на вѣчное мученіе. Мы знаемъ дѣйствительно, что св. Эвхерій, епископъ орлеанскій, находясь на молитвѣ, былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и что, въ числѣ другихъ предметовъ, показанныхъ ему Господомъ, онъ увидѣлъ Карла, терзаемаго въ самыхъ глубокихъ безднахъ ада. Ангель, служившій ему проводникомъ, на вопросъ его объ этомъ предметѣ отвѣчалъ ему, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго или раздѣлившаго имущества церкви, будутъ преданы, даже раньше кончины міра, на вѣчное мученіе по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Господомъ. Это святотатственное дѣло прибавить къ его собственнымъ грѣхамъ всѣ грѣхи всѣхъ тѣхъ людей, которые думали, что купили себѣ прощеніе своими пожертвованіями, сдѣланными изъ любви къ Богу въ пользу святыхъ обителей, на освѣщеніе храмовъ при богослуженіи и на пропитаніе служителей христовыхъ.»

Чтобы оцѣнить всю красоту этой легенды, надо замѣтить, что принцъ Карлъ, подвергаемый такому строгому наказанію, есть тотъ самый великій воинъ и защитникъ христіанства, Карлъ Мартелль, который разбилъ испанскихъ аравитянъ при Пуатье, въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго оружія въ западной Европѣ. Непростительное *расхищеніе* было сдѣлано именно для того, чтобы собрать и прокормить сильную армію, необходимую для отраженія ошаснаго врага, котораго по всей вѣроятности самая раздражительная легенда не убѣдили-бы въ неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Интересно также то обстоятельство, что видѣнія епископа Эвхерія употребляются какъ серьезныя и полнобѣсныя доказательства въ обсужденіи финансоваго вопроса, имѣвшаго громадную важность для всего государственнаго хозяйства Франціи.

Чтобы поддерживать авторитетъ легендъ, надо было систематически давить всякое проявленіе научной дѣятельности; и съ этой стороны энергія и послѣдовательность папства оказались также очень замѣчательными. Папы поняли очень хорошо, что наука и искусство—двѣ вещи совершенно различныя, хотя эти два слова обыкновенно ставятся рядомъ, когда заходитъ рѣчь о какомъ-нибудь золотомъ вѣкѣ, вродѣ вѣка Перикла или Августа. Папы поняли, что искусство—ихъ лучший другъ, потому что скульпторы, музыканты, живописцы могутъ быть простодушны и довѣрчивы, какъ грудные младенцы; а наука, напротивъ того,—ихъ непримиримый врагъ, потому что ученость и безграничное простодушіе взаимно исключаютъ другъ друга. Григорій I особенно любилъ повторять, что «невѣжество есть мать истиннаго благочестія», и такъ какъ онъ подъ словомъ «истиннаго благочестія» понималъ способность вѣрить слѣпо розказнямъ каждаго монаха, то его любимое изрѣченіе оказывается неопровержимой аксіомой. Любимое изрѣченіе Григорія не оста-

валось для него мертвой буквой: онъ выгналъ изъ Рима всѣхъ учителей математики, сжегъ Латинскую бібліотеку, основанную Августомъ, запретилъ чтеніе латинскихъ классиковъ, изломалъ всѣ древнія статуи, находившіяся въ его власти, и старательно уничтожалъ всѣ рукописи, попадавшіяся ему на глаза. Онъ самъ, потомокъ римскихъ патриціевъ, не зналъ правилъ латинскаго языка и гордился тѣмъ, что его собственные сочиненія были переложены грамматическими ошибками. Одному священнику, осмѣлившемуся преподавать латинскую грамматику, Григорій сдѣлалъ строжайшій выговоръ.

Такимъ образомъ политика папства характеризуется тремя главными стремленіями: 1) сближаться съ варварами; 2) дѣйствовать на воображеніе массъ театральными эффектами и фантастическими разсказами; 3) истреблять всякую научную дѣятельность.

IX.

Папская политика и папское могущество составляютъ естественный продуктъ мрачной и мутной исторической эпохи. Приписывать вліянію папства всѣ гадости, которыя дѣлались въ средневѣковое время въ Италіи и въ самой Римѣ, въ церкви и въ обществѣ, въ частной жизни и въ политикѣ, — было бы несправедливо. Папство дѣйствовало неразумно и дурно, и сами папы были часто дурными и безчестными людьми, потому что весь характеръ ихъ времени былъ звѣрообразенъ до крайности. Люди ежеминутно грызлись между собою за каждую пеструю тряпку и за каждую обглоданную кость. Кто не былъ воромъ, разбойникомъ и убійцей, тотъ навѣрное дѣлался самъ жертвою неотразимаго насилія. Самые великіе люди этого времени замараны грязью и кровью, потому что, принимая дѣятельное участіе въ тогдашней исторической жизни, не было нималѣйшей возможности уберечься отъ такихъ пятенъ. Италія, наводненная варварами всевозможныхъ племенъ, была развращена и измучена болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ земель, ея грабили и раздирали на части мелкіе тираны, ничѣмъ не отличавшіеся отъ разбойничьихъ атамановъ; такіе-же разбойники, называвшіе себя римскими патриціями, буянили въ самой Римѣ и ежедневно поливали кровью римскія улицы, ведя между собой мелкія и безконечныя войны, въ которыя вмѣшивались безпрестанно и духовенство, и простой народъ. Всѣ эти люди — аристократы, духовенство и народъ — участвовали въ назначеніи папъ; можно себѣ легко представить, какими страшными сценами сопровождались выборы, и какія дикія фигуры появлялись иногда, вълѣдствіе этихъ сценъ, на папскомъ престолѣ. Въ VIII, въ IX и въ X столѣтіяхъ исторія папства переполнена скандалами и преступленіями. По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 году, герцогъ Непійскій заставилъ епископовъ посвятить въ папы Кон-

стантина. Въ 768 году выборы эти объявлены незаконными. Папой сдѣлался Стефанъ IV. Константину выкололи глаза. Одному изъ его приверженцевъ, епископу Фодору, отрѣзали языкъ. Загѣмъ Фодора заперли въ тюрьму, въ которой онъ и умеръ — отъ жажды. Въ 795 году племянники умершаго папы Адріана схватили на улицѣ преемника его, Льва III, втащили его въ сосѣдную церковь и собирались выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ; но во время самой ожесточенной свалки прибѣжали приверженцы папы и отбили его отъ свирѣпыхъ враговъ. Преемника Льва, Стефана V, съ позоромъ выгнали изъ города въ 816 году. Слѣдующаго папу, Пасхалиса I, обвинили въ томъ, что онъ ослѣпилъ и зарѣзалъ въ латеранскомъ дворцѣ двухъ священниковъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе императорскимъ комиссарамъ, потому что въ это время Западная Римская имперія была уже восстановлена и императоръ былъ Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго. Но раньше окончанія слѣдствія и суда папа умеръ, очистивъ свою совѣсть клятвой въ невинности, данной торжественно въ присутствіи тридцати епископовъ. Исторія объ ослѣпленіи и зарѣзаніи осталась такимъ образомъ неразъясненною. Въ 872 году папа Іоаннъ VIII былъ принужденъ платить дань магометанамъ, утвердившимся въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Италіи. Епископъ неаполитанскій находился въ тайномъ союзѣ съ этими врагами христіанства и получалъ отъ нихъ, какъ лазутчикъ, часть добычи, достававшейся имъ отъ папы. За эти продѣлы папа отлучилъ его отъ церкви и соглашался дать ему прощеніе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ заманилъ магометанъ въ западную и собственноручно зарѣзалъ бы ихъ главныхъ начальниковъ. Сношенія съ магометанами вовсе не составляли въ то время рѣдкаго и исключительнаго явленія. При томъ же самомъ Іоаннѣ VIII римское духовенство составило заговоръ; положено было убить папу, захватить церковныя сокровища, отворить поддѣльными ключами ворота Св. Панкратія и впустить въ городъ магометанъ. Папа, имѣвшій по видимому достаточное число искусныхъ шпионовъ, открылъ и разстроилъ этотъ заговоръ. Въ 891 году папой сдѣлался Формозъ, участвовавшій въ этомъ заговорѣ и отлученный отъ церкви. Въ 896 году ему наслѣдовалъ Вонифацій VI, котораго два раза лишали духовнаго сана за непомѣрную безнравственность и негодность. Преемникъ этого папы, Стефанъ VII, приказалъ вырыть изъ могилы трутъ Ферможа, нарядилъ его въ новое святительское облаченіе, посадилъ его на кресло и сталъ производить надъ нимъ судъ. По суду безотвѣтный Формозъ оказался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; тогда трутъ его былъ брошенъ въ Тибръ. Стефана вскорѣ послѣ этого посадили въ тюрьму, а потомъ задушили. Втеченіи пяти лѣтъ, отъ 896

до 900 года, переѣнилось пять папъ. Въ 904 году папу Льва V посадилъ въ тюрьму одинъ изъ его капеллановъ, Христофоръ, котораго въ слѣдующемъ же году выгналъ изъ Рима Сергій III, овладѣвшій папскимъ престоломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени начинается въ Римѣ дѣятельность трехъ женщинъ, Теодоры-старшей и двухъ ея дочерей, Марозіи и Теодоры-младшей. Красота, безнравственность, богатство и неукротима отвста этихъ женщинъ доставляли имъ впродолженіи тридцати лѣтъ полновластное господство надъ Римомъ и даже надъ всей средней Италіей. Особенно сильна была Марозія, вышедшая замужъ за Альбериха, маркграфа камеринскаго, самаго богатаго и могущественнаго изъ тогдашнихъ мелкихъ тирановъ средней Итали. Марозія владѣла въ Римѣ крѣпостью Св. Ангела и вслѣдствіе этого держала въ повиновеніи весь городъ. Теодора-старшая сдѣлала одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ епископомъ равенскимъ; а потомъ, въ 915 году, она же доставила ему папскій престолъ, на который онъ вступилъ подъ именемъ Іоанна X. Впродолженіи четырнадцати лѣтъ любовь Теодоры поддерживала его на папскомъ престолѣ; но его ненавидѣла Марозія, и въ 926 году эта ненависть рѣшила его участь. Марозія захватила его въ латеранскомъ дворцѣ, убила его брата Петра, а самого папу посадила въ тюрьму, гдѣ его задушили подушками. Въ 931 году Марозія сдѣлала папой своего собственнаго сына, Іоанна XI. Отецъ этого юноши былъ доподлинно неизвѣстенъ; многіе полагали, что Іоаннъ XI — сынъ папы Сергія III, но сама Марозія думала, что она родила его отъ Альбериха; впрочемъ Марозія въ этомъ отношеніи, при многосложности ея занятій, очень легко было спутаться въ генеалогическихъ и хронологическихъ соображеніяхъ. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, посадилъ въ тюрьму свою мать и своего брата, папу Іоанна XI. Въ 956 году девятнадцатилѣтній сынъ этого втораго Альбериха сдѣлался папой подъ именемъ Іоанна XII. Поступки этого молодого человѣка были уже до такой степени неприличны, что возбудили противъ себя негодованіе всей католической Европы и дали поводъ императору Оттону Великому созвать соборъ для изслѣдованія преступленій рѣзваго юноши. Оказалось, что папа бралъ взятки за посвященіе епископовъ, что онъ сдѣлалъ епископомъ десятилѣтняго мальчика, что онъ совершилъ однажды обрядъ посвященія въ конюшнѣ, что онъ выкололъ глаза одному священнику, что онъ оскопилъ другого, что оба эти человѣка умерли вслѣдствіе этого увѣчья, что латеранскій дворецъ наполненъ безнравственными женщинами, что папа постоянно пьетъ, играетъ и даже вѣруетъ въ Юпитера и въ Венеру. За все это безобразіе Іоанна низложили; папой сдѣлался въ 963 году Левъ VIII; но Іоаннъ не упалъ духомъ, — произвелъ въ Римѣ возмущеніе,

одолѣвъ своихъ противниковъ и поступилъ съ ними такъ, какъ этого можно было ожидать отъ его характера; иныхъ замучилъ до смерти; инымъ выкололъ глаза; многимъ отрѣзалъ пальцы, руки, уши, носы и языки. Кончилъ онъ свою бурную жизнь тѣмъ, что его убили одинъ римлянинъ, у котораго онъ соблазнилъ жену.

Долго еще продолжались въ Римѣ грязныя трагедіи, подобныя тѣмъ, которыя описаны въ предыдущихъ строкахъ. Іоанна XIII задушили въ темницѣ; Бенедиктъ VII, по приказанію Бонифація VII, уморили въ тюрьмѣ голодной смертью; Іоанна XIV посадили въ крѣпость Св. Ангела и убили; по смерти Бонифація VII римская чернь разорвала на части его трупъ и протащила его по улицамъ города. Въ 996 году императоръ Оттонъ III назначилъ папой своего родственника Бруно, который принялъ имя Григорія V. Сынъ Теодоры-младшей, Кресценція, владѣвшій въ это время крѣпостью Св. Ангела, выгналъ изъ Рима Григорія и посадилъ на папскій престолъ Іоанна XVI. Но въ 997 году Оттонъ опять пришелъ въ Римъ съ войскомъ, взялъ крѣпость Св. Ангела, захватилъ самого Кресценція и отрубилъ ему голову. А Іоанну XVI, по приказанію императора, выкололи глаза и отрѣзали носъ и языкъ; потомъ этого изувѣченнаго человѣка посадили на осла лицомъ къ хвосту и провели въ такомъ видѣ по улицамъ города; наконецъ его представили въ полное распоряженіе римской черни, которая всегда готова была потѣшиться надъ тѣмъ, кто не могъ защищаться. Въ 1033 году папой сдѣлался одиннадцатилѣтній мальчикъ, Бенедиктъ XI. По своему образу жизни онъ былъ еще грязнѣе Іоанна XII. Римляне два раза выгоняли его, и силь два раза возвращался, по милости всѣхъ важныхъ родственниковъ и друзей, которые разбойничали съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Захвативши папскую тиару во второй разъ и не надѣясь удержать ее за собою, Бенедиктъ назначилъ на нее аукціонный торгъ, и въ 1045 году папское достоинство было куплено Григоріемъ VI.

Прочитавши этотъ утомительный перечень невѣроятныхъ скандаловъ, читатель, мало знакомый съ исторіей среднихъ вѣковъ, подумаетъ можетъ-быть, что папство сдѣлалось совершенно безсильнымъ и потеряло въ глазахъ европейскихъ народовъ всякій нравственный авторитетъ. Читатель сильно ошибется. Папство, обезчестившее себя всѣми пороками и преступленіями, достигло въ это время высшей точки своего могущества. Въ 1045 году папство продавалось съ аукціоннаго торга, а въ 1073 году на папскомъ престолѣ сидѣлъ уже Гильдебрандъ, тотъ самый Григорій VII, который заставилъ нѣмецкаго императора Генриха IV стоять три дня на дворѣ замка Каноссы въ одной рубашкѣ, съ голыми ногами, въ положеніи кающагося грѣшника, вымаливающаго себѣ прощеніе. А въ концѣ

того же одиннадцатаго столѣтія папа Урбанъ II поднимаетъ всю Европу противъ магометанъ, удержавшихъ въ своей власти святые мѣста. А въ XIII столѣтіи Иннокентій III превращаетъ южную Францію въ окровавленную и обожженную пустыню и учреждаетъ ордены нищенствующихъ монаховъ; преемникъ его, Григорій IX, основываетъ судилище инквизиціи.

Какъ же объяснить себѣ это странное противорѣчіе? Папъ бьютъ, уродуютъ, сажаютъ въ темницы и убиваютъ, какъ самыхъ низкихъ преступниковъ, а въ то-же время папство растетъ, усиливается и захватываетъ въ свои руки, на нѣсколько столѣтій всю историческую жизнь европейскаго міра. Это явленіе объясняется довольно легко и совершенно удовлетворительно. Историческая судьба папства зависла не отъ него самого, а отъ совершенно постороннихъ причинъ. Папство было вообще пассивнымъ идоломъ, передъ которымъ европейцы лежали ницъ до тѣхъ поръ, пока вообще историческая жизнь не расшевелила ихъ умы и не навела ихъ на мысль подняться на ноги. Средневѣковымъ европейцамъ идолъ казался необходимымъ; безъ него они, по своей тогдашней неразвитости, не могли существовать. Это стремленіе къ идолу не изъ ничего было создано папствомъ, оно составляло коренную особенность младенствующаго ума; папство сдѣлало только конфисковать это стремленіе въ свою пользу; ему помогли въ этомъ дѣлѣ отчасти миссіонерскіе подвиги монаховъ, отчасти же — и притомъ гораздо сильнѣе — военные подвиги Карла Великаго, окрестившаго насильно почти всю внутреннюю Германію. А окрестить въ то время — значило обратить не ко Христу, а къ папѣ. Сдѣлавшись идоломъ, папство могло уже творить все, что ему было угодно. Ни глуности, ни подлости, ни преступленія, ничто не могло разрушить его авторитета; человекъ обожаетъ идола не за его достоинства, а за то, что онъ предполагаетъ въ немъ совершенно особенную, сверхъестественную силу. Тунгузы иногда бьютъ своихъ идоловъ кнутомъ, и все-таки поклоняются имъ. Такъ это дѣлалось и съ папами. Императоръ могъ ошельмовать папу, какъ послѣдняго каторжника; но если этотъ самый ошельмованный папа успѣвалъ пустить противъ императора проклятіе, то это проклятіе сильно дѣйствовало на умы, и противъ него надо было употребить совсѣмъ особенный пріемъ; надо было выбрать, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, новаго папу — и приказать этому новому, чтобы онъ проклиналъ стараго. Тогда равновѣсіе восстанавливалось, умы массъ успокаивались, и успѣхъ того или другого папы завислъ уже только отъ числа и храбрости ихъ вооруженныхъ приверженцевъ. Пока на папскомъ престолѣ сидѣлъ глупый или дрянной человекъ, до тѣхъ поръ идолъ спокойно стоялъ на мѣстѣ, и европейцы преклонялись передъ нимъ по пассивной привычкѣ, еще не вытѣсненной образованіемъ и

размышленіемъ. Если же папой становился человекъ честный, умный и энергическій, то идолъ мгновенно оживлялся и начиналъ ворочать историческими событиями. Индивидуальная сила сама по себѣ ничего не могла сдѣлать, но въ соединеніи съ привилегированнымъ положеніемъ эта сила дѣлала чудеса. А привилегированное положеніе все-таки было создано исключительно той фазой умственнаго развитія, въ которой находилась тогда европейская мысль. Папству могли повредить не преступленія его представителей и не ошибки его общей политики, а только успѣхи образованія. Поэтому опаснѣйшими врагами папства были испанскіе магометане. Они подорвали силу папства не оружіемъ, а неотразимымъ вліяніемъ утонченной роскоши, блестящей поэзіи, смѣлой философіи и точной науки.

X.

Въ 711 году аравитяне перешли изъ Африки въ Европу и быстро завоевали почти весь Пиренейскій полуостровъ. Въ 759 году разорвалась политическая связь между магометанскою Испаніей и азіатскимъ халифатомъ. Новое государство, несмотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ испанскими христіанами, стало быстро развиваться по всѣмъ направленіямъ. Уже въ концѣ VIII вѣка Испанія вела обширную морскую торговлю съ сѣверной Африкой, съ Византіей и съ магометанскимъ Востокомъ; ея военный флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ и держалъ въ постоянномъ страхѣ Италію, Сицилію, Корсику, Сардинію и южную Францію. Испанскіе пираты по своей предпримчивости и ловкости могли поспорить съ норманнами. Береговымъ жителямъ всей тогдашней Европы житья не было отъ этихъ двухъ хищныхъ породъ; да и внутри страны не всегда можно было разсчитывать на безопасность, потому что и норманны, и сарацины имѣли дурную привычку подниматься на лодкахъ вверхъ по теченію рѣкъ и грабить всѣ города и села, стоявшіе по обоимъ берегамъ рѣки.

Въ десятомъ столѣтіи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и сына его Гакема, магометанская Испанія стала на такую высокую степень могущества и благосостоянія, какой она не достигала никогда, ни прежде, ни послѣ этого времени. Въ составъ магометанскаго государства входили нынѣшнія провинціи: Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Мурсія, Эстремадура, Андалузія, Гранада и южная половина Португаліи. Въ настоящее время въ этихъ областяхъ считается около девяти миллионновъ жителей; а при Абд-Эррахманѣ ихъ было отъ 25 до 30 миллионновъ, — значить, втрое больше. Эта цифра основана не на пустыхъ догадкахъ, а на точныхъ статистическихъ данныхъ. Для магометанъ статистика была необходима, потому что они имѣли обыкновение облагать поголовной податью всѣхъ жи

телей не мусульманской религіи. Во владѣніяхъ Абд-Эррахмана процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ блестящемъ положеніи, каково они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Для орошенія полей были устроены резервуары и очень сложныя системы плотинъ, шлюзовъ, трубъ и насосовъ. Законъ тщательно опредѣлялъ правила, съ которыми слѣдовало обращаться при пользованіи этой водой; въ противномъ случаѣ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, наличная масса воды, драгоцѣнной въ сухомъ климатѣ Испаніи, могла бы оказаться недостаточной для орошенія полей. Аравитяне внесли въ Испанію рисъ, сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу; они же насадили въ Испаніи превосходные фруктовые сады, состоящіе изъ такихъ деревьевъ, которыя до того времени еще не появлялись въ Европѣ. Ихъ же стараніями разведены тутовые деревья и шелковичные черви. Въ окрестностяхъ Хереса и Малаги возникли, несмотря на строгія запрещенія Корана, роскошные виноградники, и винодѣліе было доведено до того совершенства, которое сохранилось до нашихъ временъ и разнесло по всему міру славное имя двухъ испанскихъ городовъ. Производство различныхъ тканей, гончарное дѣло, фабрикація металлическихъ вещей занимали тысячи искусныхъ рукъ и раскупались съ жадностью домашними и чужеземными потребителями. Клинки толедскихъ фабрикъ славилась втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ наравнѣ съ саблями сирійскаго города Дамаска, въ которомъ надъ обработкой стали трудились также магометане. Кожевенное дѣло находилось также въ блестящемъ положеніи; въ Испаніи выдѣлывался превосходный сафьянъ; когда, въ началѣ XVII вѣка, слабоумный Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи всѣхъ мавровъ, тогда они перенесли съ собою фабрикацію сафьяла въ Марокко, и сафьянъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ сталъ называться мароканской кожей (по-французски — maroquin; по-нѣмецки — Mar. kin; по-англійски — Marocco leather). Скотоводствомъ испанскіе арабы занимались съ особенной любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла; они сформировали знаменитую породу испанскихъ тонкорунныхъ барановъ или мериносовъ. О лошадяхъ и говорить нечего; извѣстно, что каждый арабъ любитъ свою лошадь, какъ лучшаго друга, страстной и восторженной любовью; съ нею онъ дѣлитъ въ пустынѣ послѣднюю горсть ячменя и послѣдній глотокъ воды; въ ея честь онъ сочиняетъ дифирамбы и эпопеи; каждая арабская лошадь имѣетъ свою генеалогію, и осквернить чистую арабскую кровь неблагородной примѣсью, — значитъ, по мнѣнію араба, сдѣлать непростительное преступленіе. Въ цвѣтущее время магометанской культуры арабскіе историки писали біографіи калифовъ и въ то-же время добросовѣстно описывали, для назиданія потомства, по-

учительную жизнь прославившихся лошадей и знаменитыхъ верблюдовъ.

Эта конюшенная исторія и эта берейторская поэзія, разумѣется, покажутся намъ уродливыми и смѣшными крайностями, но мы очень сильно ошибемся, если рѣшимся сказать, что та основная страсть, изъ которой развились эти крайности, сама по себѣ неблагоразумна и бесплодна. Она благоразумна, потому что для кочевого араба лошадь составляетъ дѣйствительно незамѣнимую драгоцѣнность. Она (т. е. страсть, а не лошадь) полезна потому, что, благодаря своей страсти, арабы развели въ Испаніи превосходную породу андалузскихъ лошадей, а всякій здоровомыслящій и практическій человѣкъ знаетъ конечно какъ нельзя лучше, какое значеніе имѣетъ хорошая лошадь для самыхъ важныхъ отраслей народнаго труда. Во всякомъ случаѣ страсть къ лошадямъ неизмѣримо полезнѣе, чѣмъ страсть къ безпредметному искусству, а между тѣмъ никто не смѣется надъ поклонниками этого искусства, и очень многіе смѣются надъ обожателями скачекъ и рысистыхъ бѣговъ.

Изъ всего, что я говорилъ выше, видно, что испанскіе арабы производили и могли производить множество разнообразныхъ предметовъ. Торговля ихъ была чрезвычайно обширна, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Испаніи было очень много евреевъ, которые вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ во всякихъ коммерческихъ оборотахъ изумительную сметливость, подвижность и предприимчивость. Арабы съ евреями сдружились очень скоро. Ихъ сблизили единство семитическаго происхожденія и общій религіозный догматъ строгаго монотеизма. Обширныя торговля предпріятія велись ими сообща, компаніями, въ которыя, безъ различія вѣрсноувѣданій, входили капиталисты обихихъ національностей. У нихъ были факторіи и консулы на берегахъ Азовскаго моря и Дона; черезъ внутреннюю Азію они поддерживали постоянныя сношенія съ Индіей и съ Китаемъ; по восточному берегу Африки они спускались на югъ, далеко за экваторъ, до острова Мадагаскара. Усѣихи торговаго дѣла обращали на себя вниманіе мыслящихъ теоретиковъ, и уже въ половинѣ X столѣтія просвѣщенные арабы, подобные Абуль-Кассему, писали научные трактаты о разумныхъ основаніяхъ коммерческихъ оборотовъ.

При такомъ положеніи страны не мудрено, что ея повелитель, Абд-Эррахманъ III, получалъ до пяти съ половиной милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. до 37 милліоновъ рублей серебромъ годового дохода. Не трудно также согласиться съ замѣчаніемъ Шлоссера, который говоритъ, что «въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ.» Столица магометанской Испаніи, Кордова, заключала въ

себѣ двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и караванъ-сараевъ (постоялыхъ дворовъ), число которыхъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. «Трудно повѣрить всѣмъ этимъ даннымъ,—замѣчаетъ Шлоссеръ,—но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ напримѣръ въ Парижѣ, шести и семизатяжныхъ домовъ.» Жителей въ Кордовѣ считалось болѣе милліона. Улицы этого города были вымощены камнемъ и освѣщались фонарями. Втеченіи многихъ столѣтій послѣ времени Абд-Эррахмана III обитатели Лондона и Парижа тонули въ непроходимой грязи и боролись по вечерамъ съ непроницаемой темнотой, доставлявшей огромныя выгоды всѣмъ художникамъ по части кражи и грабежа.

Дворецъ халифа, составлявшій цѣлую часть города, отличался сказочнымъ великолѣпіемъ,—не той грубой роскошью, которая безъ толку громоздитъ груды золота, серебра и драгоценныхъ камней, а тѣмъ утонченнымъ и глубокообдуманномъ изяществомъ комфорта, которое дѣйствительно ласкаетъ и нѣжитъ чувства и до безконечности разнообразитъ наслажденія жизни. Балконы изъ полированного мрамора тонули въ тѣни апельсиновыхъ деревьевъ; каскады и фонтаны освѣжали воздухъ въ садахъ и въ комнатахъ, въ которыя проходилъ пріятный и таинственный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ остроконечныхъ оконъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣтъ падалъ сверху, пробиваясь черезъ водяную струю, текущую подъ стекляннымъ потолкомъ; стѣны и полы были украшены тонкой мозаичной работой. Лѣтомъ искусно устроенные вентиляторы вливали въ комнаты, изъ обширныхъ цвѣтниковъ, волны свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ рѣдкихъ и дорогихъ растений. А зимой цѣлая система трубъ, вложенныхъ въ стѣны, проводила въ комнаты нагрѣтый и ароматическій воздухъ изъ подземныхъ сводовъ, въ которыхъ топились печи и сжигались разныя благовонныя вещества. Мебель дворца, отличавшаяся еще болѣе удобствомъ, чѣмъ красотой, была сдѣлана изъ сандалнаго и лимоннаго дерева, съ инкрустациями изъ перламутра, слоновой кости, серебра и золота; диваны и кушетки были обиты шелковыми матеріями; вазы изъ горнаго хрустала, этажерки, уставленныя китайскимъ фарфоромъ, и столы изъ превосходной мозаики были разставлены по комнатамъ въ изящномъ беспорядкѣ, между многочисленными мраморными колоннами, на которыя опирались своды потолка, расписаннаго блестящими и пестрыми арабесками. Въ зимнихъ покояхъ полы и стѣны были обиты мягкими персидскими коврами. Цвѣтуція растенія, привезенныя изъ далекихъ земель, дополняли

своей свѣжей красотой убранство комнатъ. Горячая и холодная вода была проведена, посредствомъ металлическихъ трубъ, изъ особыхъ резервуаровъ въ мраморныя купальни; кромѣ того купающіеся могли окачивать себя сверху искусственнымъ дождемъ различной температуры. Въ садахъ, расположенныхъ между различными строениями дворца, цвѣты были посажены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ чтобы ихъ краски и ароматы не мѣшали другъ другу, а напротивъ того, сливаясь между собою въ надлежащихъ пропорціяхъ, производили на гуляющихъ самое гармоническое впечатлѣніе. Между клубами деревьевъ, кустарниковъ и цвѣтковъ, между бесѣдками изъ розъ, между скамейками, вырубленными въ скалѣ, между свѣжими гротами, сложенными изъ дикаго камня, били по разнымъ направленіямъ крупныя и мелкіе фонтаны или разстилались искусственныя озера, въ которыхъ кормилась рыба для халифскаго стола. Были тутъ и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, и птичьи дворы для рѣдкихъ птицъ.

Въ одеждѣ испанскихъ арабовъ господствовало тоже утонченное изящество, которымъ отличались у нихъ жилища всѣхъ достаточныхъ людей. Ихъ верхнее платье дѣлалось болѣею частью изъ шелковой ткани, расширялось нестриями шнурками и золотомъ и украшалось часто драгоценными камнями. Яркія краски, богатыя матеріи, золото, хризолиты, геациты, изумруды и сапфиры составляли страсть арабскихъ женщинъ, и какой-то любезный поэтъ ихъ націи сказалъ совершенно справедливо, что комната, въ которой собираются дамы въ своихъ блестящихъ нарядахъ, становится похожа на цвѣтуцій лугъ, вспырынутый весеннимъ дождемъ.

На всю эту необузданную роскошь въ жилищахъ, въ одеждѣ, во всемъ образѣ жизни мыслящій человекъ не можетъ смотрѣть безъ цуриганскаго негодованія. Конечно высшіе классы общества здѣсь, какъ и вездѣ, брали себѣ львиную часть изъ общей массы продуктовъ народнаго труда; но народъ не бѣдствовалъ, не голодалъ, не былъ задавленъ непосильнымъ трудомъ и непомерными налогами. Если Абд-Эррахманъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ тогдашнемъ мірѣ, то можно утверждать съ другой стороны, что и народъ его былъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Для жителей Франціи, Англіи и Германіи было мало пользы отъ того, что ихъ правители жили въ какихъ-то деревянныхъ сараяхъ, безъ печей, безъ оконъ и съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма; грязь, копотъ, сырость и сквозная вѣтеръ, господствовавшіе въ этихъ первобытныхъ дворцахъ, ни сколько не мѣшали жителямъ быть такими жалкими, ограбленными и замученными существами, о какихъ мы теперь съ трудомъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, несмотря даже на то,

что современный европейскій пауперизмъ можетъ доставить нашему воображенію превосходные матеріалы. Въ тогдашней Европѣ всѣмъ было скверно жить: мужикъ выбивался изъ силъ за работой и все-таки выработывалъ мало; воинъ отнималъ у мужика послѣдній кусокъ хлѣба и все-таки былъ одѣтъ въ воюющія трапки, покрыты чистотой и наскѣкомыи, подверженъ всякимъ болѣзнямъ, лишень врачебной помощи и совершенно неспособенъ доставить себѣ то, что всякій, даже самый грубый человѣкъ, называетъ наслажденіемъ. Съѣсть дѣлный окорокъ ветчины, выпить чутъ не полведра какой-нибудь хмельной бурды, — вотъ все, что могъ сдѣлать тогдашній богатый и сильный воинъ, когда ему хотѣлось повеселить свою душу. Это *все* — чрезвычайно немного; ему становилось невыносимо скучно и досадно; «хоть-бы поколотить кого нибудь», приходило ему въ голову, — и онъ колотилъ своихъ сосѣдей, топталъ крестьянскія жатвы, жегъ ихъ хижинны, получалъ за всѣ эти подвиги порядочныя затрещины отъ другихъ скачущихъ рыцарей, и жизнь такимъ образомъ кое-какъ наполнялась впечатлѣніями. Роскоши не было, но это отсутствіе роскоши не доставляло рѣшительно никому ни пользы, ни удовольствія. Роскоши не было, но зато было очень большое озорство и безобразіе, которое было убыточнѣе самыхъ утонченныхъ затѣй Абд-Эррахмана и его придворныхъ. Арабскіе халифы кутили въ Испаніи слишкомъ семьсотъ лѣтъ, и тѣмъ не менѣе при взятіи Гранады, въ 1492 году, арабы были богаты, дѣятельны и предприимчивы, — значить, основной капиталъ народа не былъ истраченъ; умъ, характеръ и сильное тѣлосложеніе людей остались неприкосновенными; производительныя силы страны также не истощались. А испанскіе короли распорядились совсѣмъ иначе: они ограбили арабовъ, ограбили мексиканцевъ, ограбили перуанцевъ, всѣми награбленными сокровищами не доставили себѣ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользовались халифы, и при всемъ томъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи довели свое государство до совершенной нищеты, а народъ до замѣчательной степени отупѣнія.

Эта поучительная параллель доказываетъ намъ, что не роскошь высшихъ классовъ общества губить и разоряетъ народъ, а умственная неподвижность, узкость понятій и односторонность стремленій. Когда въ обществѣ кипитъ живая дѣятельность мысли, и когда силы народа поддерживаются и развиваются разнообразіемъ труда, тогда являются неизбежно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, накопленіе большихъ капиталовъ и вслѣдствіе этого неумѣренная роскошь въ высшихъ слояхъ денежной аристократіи. Эти явленія вредны для благосостоянія народа, но они составляютъ зло переходное и поправимое. Болѣзнь сама приноситъ съ собою лекарство. Высшіе классы разоряются и уступаютъ мѣсто среднему сословію, болѣе образо-

ванному и трудолюбивому; изъ этого сословія выходятъ люди, обогащающіе народъ открытіями и задумывающіея серьезно надъ положеніемъ трудящагося большинства. Эти люди поддерживаютъ и направляютъ дѣятельность народнаго ума, и, благодаря ихъ усиліямъ, обиженное большинство понемногу начинаетъ вступать въ свои естественныя права.

XI.

Для испанскихъ арабовъ было-бы, разумѣется, лучше, еслибы Абд-Эррахманъ и его преемники строили себѣ менѣе великолѣпные дворцы. Но для европейской цивилизаціи вообще роскошь испанскихъ халифовъ была незамѣнимымъ благодѣяніемъ. Надо было, чтобы просвѣщеніе являлось передъ дикарями въ самомъ блестящемъ и неотразимо обятельномъ видѣ; надо было, чтобы оно шевелило дикаря со всѣхъ сторонъ, чтобы каждая фибра грубой нервной системы дрожала въ немъ отъ зависти при видѣ недоступныхъ ему наслажденій или отъ удовольствія въ томъ случаѣ, когда ему удавалось подышать нѣсколько времени разнѣживающей атмосферой цивилизованной жизни. Надо было, чтобы основная мысль цивилизаціи являлась передъ дикаремъ въ самой популярной формѣ; а, разумѣется, матеріальныя удобства жизни составляютъ самое наглядное и популярное изложеніе тѣхъ преимуществъ, которыя достаются на долю образованнаго человѣка. Доказать дикарю, что наука — вещь хорошая, что она расширяетъ умъ человѣка, облагораживаетъ его стремленія, *доказать* все это дикарю совершенно невозможно. Ему надо *показать*. Вотъ, молъ, любезный, посмотри, попухай, понюхай, отвѣдай, да и соображай.

Весело было жить на свѣтѣ проклятымъ басурманамъ, и ихъ веселость нашла себѣ выраженіе въ легкой и игривой поэзіи, воспѣвавшей и красоту женщинъ, и сладость запрещеннаго вина, и всѣ радости беззаботной молодости. Эта поэзія, сама по себѣ пустая и ничтожная, и бесполезная для того народа, среди котораго она возникла, была замѣчательна, какъ новая приманка для европейцевъ, какъ новое и совершенно понятное изложеніе такой житейской мудрости. Веселая поэзія, какъ зараза, разлилась изъ Испаніи въ сосѣднія христіанскія земли. И въ южной Франціи, и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Италіи, а потомъ и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ зазвучали лиры и полились пѣсни любви и грѣховныхъ помысловъ о разныхъ мірскихъ наслажденіяхъ. «Въ монастыряхъ, — говоритъ Дреперъ, — голоса, произнесшіе обѣтъ цѣломудрія, зашли тайкомъ такіе романсы, которые врядъ-ли были бы одобрены Св. Иеронимомъ; много было здоровыхъ аббатовъ, которые, подобно веселымъ грѣшникамъ Хереса и Малаги, умѣли восхвалять игривыми куплетами прелести женщинъ и вина, несмотря на то, что одинъ изъ этихъ предметовъ составлялъ запре-

щенный плодъ для магометанина, а другой— для монаха. Солидные сѣдыя бороды Кордовы уже давно просили главнаго судью запретить пѣсни испанскаго еврея Абраама Ибнъ-Сагала, потому что не было въ городѣ юности, женщины или ребенка, которые не могли бы повторить ихъ наизусть. Ихъ безнравственныя тенденціи составляли публичный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отразилась и въ болѣе грубыхъ привычкахъ сѣверныхъ странъ. Уже въ десятомъ столѣтіи люди, имѣвшіе наклонность къ книжному ученію или къ блестящимъ общественнымъ удовольствіямъ, находили себѣ дорогу въ Испанію изъ всѣхъ сосѣднихъ земель.»

Вся эта поэзія трубадуровъ, труверовъ, миннезенгеровъ, разумѣется, плавала очень мелко, но, несмотря на ея совершенную безобидность, историческое значеніе этой поэзіи, родившейся на басурманской почвѣ, чрезвычайно важно въ двухъ отношеніяхъ. Въ этой поэзіи въ первый разъ со времени классической древности выразилась свѣжая, могучая и неистребимая любовь человѣка къ жизни. Голосомъ своихъ простодушныхъ пѣвцовъ несчастный средневѣковой человѣкъ въ первый разъ заявилъ громко и ясно, что ему все-таки хочется жить, несмотря на то, что его бьютъ и грабятъ. И дѣйствительно, наслажденіе облагородилось, какъ только оно перестало прятаться въ темныхъ углахъ. Грубое пьянство превращается понемногу въ веселое пированіе, оживленное остроумными шутками и застольными пѣснями, а животная чувственность, оскорблявшая и даже тиранившая женщину, уступаетъ мѣсто рыцарской страстности, сладкой, болтливой и пѣвучей, очень смѣшной въ своихъ проклятіяхъ, но по крайней мѣрѣ уже относившейся совершенно неодобрительно къ стеганію любимаго предмета плетью или къ трепанію его по щекамъ. А тогда и за это надо было говорить спасибо.

Въ наше время пѣсни о винѣ и поцѣлुяхъ ни на что не нужны. Когда всѣ образованные люди вѣрують въ прогрессъ, то есть въ неистощимую творческую силу жизни, тогда нѣтъ никакой надобности будить въ обществѣ любовь къ жизни. Вся наша наука и вся наша практическая дѣятельность цѣликомъ основаны на этой любви. Намъ не зачѣмъ говорить другъ другу: «я хочу жить», потому что это и безъ того видно и всякому извѣстно, и само собою разумѣется. Но въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ было совсѣмъ не то. Свѣтлая и естественная вѣра въ жизнь была подорвана страданіями и завѣшана черными тѣнями суевѣрія. Люди X-го вѣка были серьезно убѣждены въ томъ, что въ 1000 году произойдетъ свѣто-преставленіе. Въ то самое время, когда Абд-Эррахманъ III и Такемъ II пили полной чашей всѣ наслажденія, доступныя смертному, сосѣди ихъ, предки нынѣшнихъ французовъ, собирались хоронить заживо себя и все человѣчество, и весь грѣхов-

ный міръ. Не было у тогдашнихъ людей надежды впереди, не было и бодрости, не было, стало быть, и возможности дѣйствовать благоразумно и цѣлесообразно. Но 1000-ый годъ прошелъ безовсякаго особеннаго переворота, и въ это время, когда люди увидѣли необходимость жить и работать обыкновеннымъ порядкомъ,—были особенно полезно произнести громко и смѣло, пропѣть весело и увлекательно на разные голоса и съ безчисленными вариациями великія но простые слова: «я хочу жить». Эта мысль, за сѣвши въ народную память и проникнувъ глубоко въ народное сознаніе, составила ту необходимую канву, по которой было вышито впоследствии много блестящихъ и превосходныхъ узоровъ. Я хочу жить... Мое желаніе совершенно естественно и нисколько не предосудительно... Я имѣю право жить... Я имѣю право украшать и разнообразить жизнь удовольствіями... Я имѣю право устраивать ее удобно и пріятно... Я имѣю право считать удобнымъ и пріятнымъ то, что *мнѣ самому* нравится... Я имѣю право размышлять о томъ, что можетъ доставить мнѣ удобства и пріятности... Я имѣю право размышлять обо всемъ... Вотъ какіе узорчики вышила понемногу человѣческая мысль на простой канвѣ, данной ей найвысшимъ выраженіемъ того животнаго инстинкта, который называется чувствомъ само-сохраненія.

Поэзія трубадуровъ была первымъ проблескомъ того умственнаго движенія, которое породило Лютера, а потомъ, разгораясь съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе и сильнѣе, проникло во всѣ сферы науки и жизни. Не трубадуры выдумали ту мысль, которая составляетъ основу ихъ поэзіи, но они прокричали, прозвонили эту мысль на всѣхъ перекресткахъ, а это— важная услуга. Началось же это веселое пробужденіе средневѣкового человѣчества въ южной Франціи, потому что она лежитъ рядомъ съ Испаніей и потому что прелести поганнаго басурманства оказались ужъ чересчуръ соблазнительными. Веселый и легкомысленный тонъ пѣсенъ трубадуровъ не поправился безчисленнымъ представителямъ и агентамъ римскаго двора. Обскурантамъ было невыгодно, чтобы народъ веселился, потому что человѣкъ, подавленный горемъ и страхомъ, подчиняется суевѣрью гораздо полнѣе, чѣмъ человѣкъ, способный балагурить и смѣяться. Обскуранты стали тѣснить странствующихъ пѣвцовъ; стали гнѣваться; пѣвцы стали изподтишка мстить имъ насмѣшками. Народу пришлось такимъ образомъ колебаться между тѣмъ, чего онъ привыкъ бояться, и тѣмъ, что доставляло ему неискреденное удовольствіе. Такая борьба можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но она всегда оканчивается побѣдой живого инстинкта надъ искусственной привычкой: рано или поздно люди непременно идутъ не туда, куда имъ велѣно идти, а туда, куда ихъ танетъ собственное желаніе. На легкія сатиры трубадуровъ и труве-

ровъ обскуранты отвѣчали часто палочными ударами и уголовными наказаніями; борьба повидимому была невыгодна для пѣвцовъ, но ихъ пѣсни, какъ дождевыя капли, медленно размягчали ту сухую кору, подъ которой долго были затаены живыя силы народнаго ума, и силы эти подъ вліяніемъ различныхъ вѣдѣній и внутреннихъ причинъ наконецъ начали разворачиваться. Сатира, робкая и слабая въ своемъ младенствѣ, побѣдила своихъ сильныхъ и суровыхъ враговъ, хотя, разумѣется, ни трубадуры, ни тогдашніе агенты римскаго двора, ни тогдашній народъ не могли даже представить себѣ, что такая побѣда возможна.

Сатирической характеръ, вкраившійся въ поэзію труверовъ и трубадуровъ, составляетъ такимъ образомъ вторую важную сторону ихъ историческаго значенія. Сначала трубадуръ говорилъ просто: «я хочу жить», но потомъ ему пришлось прибавить: «а вы, книжники и фариसेи, не мѣшайте мнѣ жить». Народъ слушалъ эти пѣсни, и его естественный здравый смыслъ подсказывалъ ему сначала робко, а потомъ смѣлѣе и смѣлѣе, что въ желаніяхъ трубадура нѣтъ ничего предосудительнаго, хотя бы даже точно такія же желанія высказывались, по ту сторону Пиренейскихъ горъ, смуглыми пѣвцами, принадлежащими къ европейской или къ арабской національности. Веселая поэзія простоудушно и безсознательно стремилась сглаживать и смягчать тѣ международныя антипатіи, изъ которыхъ папскій обскурантизмъ старался, напротивъ того, выковать себѣ надежное оружіе для истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, еретиковъ и индифферентистовъ.

ХІІ.

Всѣ чудеса арабской роскоши были построены на прочномъ фундаментѣ глубокаго и многосторонняго знанія. Въ X и XI столѣтіи умственная дѣятельность кипѣла на всемъ пространствѣ тогдашняго магометанскаго міра. «Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи, — говоритъ Шлоссеръ, — до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкости сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ уже въ самую славную эпоху Аббасидовъ (въ IX столѣтіи) были хорошія дороги съ каравансараями или гостинницами; въ пустыняхъ поддерживались источники, и еще со временъ халифа Муавіи (661—680) были учреждены почты. Кромѣ того, правительство содержало пѣшихъ казенныхъ курьеровъ, которые отправлялись черезъ каждые восемь или десять дней и проходили до десяти нѣмецкихъ миль въ сутки (по семидесяти верстѣ). Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій, и, не взирая на вражду между владѣте-

лями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библиотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у магометанъ вѣротерпимости. Такъ на примѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники, и той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ фамиліи Буидовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частной корреспонденціей». «Высшія училища и обсерваторіи Вухары и Самарканда, — говоритъ далѣе тотъ-же историкъ, — вошли въ сношенія съ учеными учрежденіями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, оставшіяся краеугольнымъ камнемъ магометанской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка». «Багдадскій халифъ Аль-Мамунъ (813—833), — говоритъ Дреперъ, — въ письмѣ къ византійскому императору Теофилу выражалъ свое желаніе посѣтить Константинополь, если не встрѣтитъ препятствій со стороны своихъ общественныхъ обязанностей. Онъ просилъ его позволить греческому математику Льву пріѣхать въ Багдадъ, для того чтобы подѣлиться съ нимъ, Аль-Мамунъ, своими познаніями; халифъ обязывается притомъ своимъ честнымъ словомъ доставить ученаго обратно въ совершенной сохранности. «Пусть различіе религіи или національности, — пишетъ онъ, — не заставляегъ васъ отвергнуть мою просьбу. Сдѣлайте то, въ чемъ дружба не отказала бы другу. Взаимъ того, я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ». Теофилъ угрюмо и дерзко отклонилъ эту просьбу, говоря, что ученость, прославившая римское имя никогда не сдѣлается достоинствомъ варвара». Однако *варвары* при томъ-же самомъ Мамунѣ опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ стараній опредѣлить математически величину земнаго шара. «Удивительное измѣненіе, — говоритъ Шлоссеръ, — градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна известными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосаниномъ и Ахмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собралъ мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдада, обсерваторію. Здѣсь было положено начало наблюденіямъ и вычисленіямъ, которыя впоследствии провѣрялись и пополнялись во всѣхъ частяхъ средневѣковой имперіи аравитянъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Кеплеръ и Ньютонъ не могли-бы основать новѣйшей астрономіи». «Въ то время, когда въ Римѣ, — говоритъ Дреперъ, — господствовало, во всей своей нелѣпости, мнѣніе о плоской

формъ земли, испанскіе арабы въ своихъ элементарныхъ школахъ преподавали географію *по глобусамъ*. Въ Африкѣ, въ каирской библиотекѣ, магометане берегли почти съ религиознымъ уваженіемъ одинъ бронзовый глобусъ, который, какъ они думали, принадлежалъ нѣкогда великому астроному Птоломею». «Въ то время, — говоритъ Шлоссеръ, — когда народы латинскаго племени не имѣли еще ни одной порядочной библиотекы, и всего два университета, заслуживавшіе это имя, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ библиотекъ со многими тысячами томовъ и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній». «При каждой мечети, — говоритъ Дреперъ, — была устроена публичная школа, въ которыхъ *дѣти бѣдныхъ людей* учились читать и писать и знакомились съ предписаніями Корана. Для болѣе достаточныхъ классовъ существовали академіи, вмѣщавшія въ себя обыкновенно 25 или 30 отдѣленій, причемъ каждое отдѣленіе было устроено для четырехъ студентовъ; вся академія находилась подъ управленіемъ ректора. Въ Кордовѣ, въ Гранадѣ и въ другихъ большихъ городахъ существовали университеты, которыми часто управляли евреи; магометане держались того правила, что дѣльная ученость человѣка имѣетъ болѣе важное значеніе для успѣхознаній, чѣмъ его личныя религіозныя мнѣнія... Въ университетахъ профессору изящной словесности читали лекціи о классическихъ арабскихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или піитику, или математику, или астрономію, или другія науки. Отъ этихъ учрежденій заимствованы многіе обычаи, существующіе до сихъ поръ въ нашихъ коллегіяхъ. Въ началѣ учебнаго года они, подобно намъ, устраивали торжественныя собранія, на которыхъ въ присутствіи публики читались поэмы и произносились рѣчи. Кромѣ этихъ общеобразовательныхъ училищъ, у нихъ были еще спеціальныя школы, въ особенности для изученія медицины». «Многіе ученые посвящали себя основательному изученію языковъ; они составляли лексиконы арабскіе, греческіе, латинскіе, еврейскіе; одинъ арабскій лексиконъ заключаетъ въ себя шестьдесятъ томовъ, потому что каждое слово поясняется цитатами изъ классическихъ арабскихъ писателей. Словарь Аль-Фараби, составленный въ началѣ одиннадцатаго вѣка, до сихъ поръ считается у европейскихъ оріенталистовъ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка, замѣчательнаго по своему богатству и по своей трудности.

Въ магометанской Испаніи образованіе распространялось и на женщинъ. «Замѣчательнымъ и неслыханнымъ явленіемъ у восточныхъ народовъ, — говоритъ Шлоссеръ, — было то, что у испанскихъ аравитянъ женщины также получали образованіе *въ учебныхъ заведеніяхъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ писали даже стихи, что которымъ учились въ школахъ и которые надписывались

на стѣнахъ большого дворца Абд-Эррахмана». Келамъ, любимая султанша Гакема II, известна своими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того намъ известенъ дѣльный рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ.» Дреперъ изъ числа этихъ писательницъ называетъ Веладу, Алиешу, Лабану и Алгасанію; онъ прибавляетъ къ этому замѣчаніе, что нѣкоторыя изъ нихъ были дочери халифовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Испаніи были женщины, занимавшіяся медициной и хирургіей; эти медики женскаго пола дѣлали надъ женщинами тѣ операціи, при которыхъ страдаетъ стыдливость пациентки. Объ этомъ говоритъ Дреперъ на стр. 38 второго тома, ссылаясь при этомъ на свидѣтельство арабскаго врача Альбукази, жившаго въ Кордовѣ.

По обширности своего распространенія и по своей энергіи, умственное движеніе, господствовавшее во всемъ магометанскомъ мірѣ отъ IX до XIII столѣтія, далеко превосходитъ все, что представляетъ намъ въ этомъ отношеніи классическая древность. У арабовъ не было можетъ быть такихъ титановъ, какъ Аристотель и Архимедъ, но зато числомъ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ, разносторонностью ихъ трудовъ, практическимъ значеніемъ ихъ дѣятельности, обиліемъ ихъ открытій — арабы далеко оставили за собою древнихъ грековъ. Гениальный человѣкъ есть все-таки счастливая случайность. Рожденіе Аристотеля или Архимеда вовсе не зависѣло отъ тѣхъ общихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработались типическія особенности греческой цивилизаціи. Отецъ Архимеда могъ умереть въ молодыхъ лѣтахъ или жениться на какойнибудь дурѣ, и тогда легко могло-бы случиться, что многія открытія, сдѣланныя Архимедомъ, были бы сдѣланы гораздо позднѣе усиліями многихъ обыкновенныхъ работниковъ. Тогда не было бы того ослѣпительнаго блеска, который сосредоточивается вокругъ одного великаго имени; если мы такимъ образомъ разбѣняемъ на мелкую монету всѣхъ великихъ людей древней Греціи, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ обаятельную красоту блестящихъ *личностей* и обратимъ все наше вниманіе исключительно на число вѣковъ и на массу сдѣланной *работы*, — словомъ, если мы скажемъ: греческій міръ прожилъ столько-то временъ и принесъ столько-то прочной пользы, арабскій міръ прожилъ столько-то и принесъ столько-то, — то окажется въ результатѣ, что арабы прожили меньше, а сдѣлали больше.

Этотъ результатъ и показываетъ намъ, что энергія умственнаго движенія, находящаяся въ прямой связи съ обширностью его распространенія, въ арабскомъ мірѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ греческомъ. У грековъ была всего только одна яркая свѣтящаяся точка — александрійскій музеумъ; у арабовъ такія точки считаются десятками, и онѣ были разсыпаны

на всемъ громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Татаріей и Атлантическимъ океаномъ. Каждая изъ этихъ точекъ была поменьше александрийскаго музея; но всё онѣ въ общей сложности были гораздо больше. Кромѣ того десять небольшихъ ученыхъ обществъ гораздо лучше чѣмъ одно большое. Одно общество, совершенно изолированное отъ другихъ, неизбежно погружается въ филистерство и превращается въ муравейникъ, въ которомъ отдѣльные муравьи славаютъ и превозносятъ другъ друга. Является кумовство. «Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку.» При существованіи многихъ отдѣльныхъ обществъ, является, напротивъ того, живой обмѣнъ мыслей, бдительный контроль другъ надъ другомъ и сильное соперничество. Ученымъ некогда заснуть, потому что въ такомъ случаѣ они отстанутъ отъ общаго движенія идей, и ихъ закритикуютъ не на живомъ, а на смерти болѣе дѣятельные ученые, принадлежащіе къ другимъ обществамъ и, стало-быть, не связанные съ лежебоками узами служебнаго кумовства. Наконецъ для арабскихъ ученыхъ было чрезвычайно полезно то, что они принуждены были много путешествовать, чтобы учиться у знаменитыхъ профессоровъ, жившихъ въ различныхъ пунктахъ магометанскаго міра. Для умнаго, наблюдательнаго челоука путешествіе полезнѣе многихъ десятковъ хорошихъ книгъ; путешествіе составляетъ превосходный противовѣсъ тому исключительно книжному и теоретическому направлению, въ которое очень легко и охотно вдаются ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ. Во время своихъ путешествій, арабскіе ученые сталкивались съ людьми всякаго разбора, съ политиками, съ чиновниками, съ военными авантюристами, съ сельскими хозяевами; они приглядывались къ ихъ образу мыслей, къ ихъ нуждамъ, къ ихъ дѣловой смѣтливости, къ ихъ ремесленнымъ знаніямъ, и всё эти разнородныя впечатлѣнія, всё эти соприкосновенія съ текущей жизнью вливали въ арабскую науку тотъ здоровый, практическій и прикладной характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ науки древнихъ грековъ. Арабы писали много по статистикѣ, по топографіи, по агрономіи, по фармакологіи, по акушерству. Арабскіе ученые пользовались уваженіемъ не только со стороны правительства, но и со стороны народа.

Между магометанами всѣхъ сословій были въ ходу нѣкоторыя поговорки, ясно показывающія взглядъ народа на ученую дѣятельность. Напримеръ: «чернила ученаго такъ-же драгоценны, какъ кровь мученика.» — «Рай принадлежитъ одинаково тому, кто честно дѣйствовалъ перомъ, и тому, кто убилъ несправедливымъ мечомъ.» — «Весь міръ держится на четырехъ вещахъ: на учености мудраго, на справедливости сильнаго, на молитвѣ добраго и на мужествѣ храбраго.» — Всѣмъ подобнымъ изрѣченіямъ арабы приписывали очень почтенное и даже полурелигіозное

происхожденіе; они говорили, что такіа слова произнесъ или какой-нибудь великій халифъ, или какой-нибудь личный другъ и товарищъ пророка. Зятю Магомета, халифу Али, приписывается много нравственныхъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ также относятся къ дѣятельности ученыхъ съ величайшимъ уваженіемъ. Напримеръ: «Ученая знаменитость выше всѣхъ почестей.» — «Тотъ не умираетъ, кто отдаетъ жизнь наукѣ.» — «Величайшее украшеніе челоука есть ученость».

Арабскій народъ не осуждалъ своихъ Анакагоровъ на смерть, не называлъ своихъ Демокритовъ съумасшедшими, не собирался побивать своихъ Эсхиловъ камнями и не подносили своимъ Сократамъ чаши съ ядомъ. Это обстоятельство дѣлаетъ одинаковую честь, какъ умному народу, такъ и практически-дѣльнымъ ученымъ. Связь между наукой и жизнью была у арабовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ у грековъ, и этимъ объясняется значительная плодотворность арабской науки. Конечно политическая жизнь арабовъ была совершенно неразвита и наука несколько не успѣла подчинить ее своему вліянію. Но спрашивается, гдѣ же и когда же она успѣла это сдѣлать? До сихъ поръ политика вездѣ шла ощупью и валила черезъ пень колоду. Ужъ не знаменитое-ли англійское равновѣсіе трехъ властей составляетъ торжество науки? Такими торжествами лучше было-бы и не хвататься.

Еще въ одномъ отношеніи арабская цивилизація была счастливѣе греческой. У арабовъ гораздо меньше умственныхъ силъ превращалось въ пустоцвѣтъ. Живопись и скульптура для арабовъ были совершенно закрыты, потому что Коранъ строго запретилъ своимъ поклонникамъ изображать людей и животныхъ. Передовые люди очень скоро переросли Коранъ, но такъ какъ художнику необходима публика и такъ какъ публика продолжала уважать книгу Магомета, то живописцамъ и скульпторамъ невозможно было распустить крылья. Для украшенія стѣнъ и потолковъ употреблялись разныя фестоны, каемки и завитушки, извѣстные подъ названіемъ *арабесковъ*. Эта уцѣлѣвшая частица живописи была очевидно такъ узка и бѣдна, что сильныя таланты никакъ не могли посвящать себя этой отрасли дѣятельности. Поэтому тѣ прекрасныя силы, которыя у грековъ уходили въ пластическое искусство, у арабовъ цѣликомъ сохранились для науки. Если же мнѣ кто-нибудь замѣтитъ, что великій художникъ, по самому складу своего ума и темперамента, не можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ, то я въ отвѣтъ на это неосновательное возраженіе назову только два имени: Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело. Оба они принадлежатъ къ числу величайшихъ живописцевъ въ мірѣ, но первый былъ кромѣ того величайшимъ механикомъ и инженеромъ, а второй — величайшимъ архитекторомъ своего времени. А въ архитектурѣ одной

силой фантазіи немного возьмешь. Дѣйствовать въ ней оцущью тоже невозможно. Тутъ надо все заранѣе вычислить, размѣрить и предусмотрѣть. Стало быть, если Микель-Анджело могъ быть великимъ въ архитектурѣ, то онъ могъ быть такимъ же великимъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ прикладной математики. О Леонардо-де-Винчи и говорить нечего. Дреперъ ставитъ его рядомъ съ Архимедомъ. Слѣдовательно, Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело совершили-бы много великихъ подвиговъ въ наукѣ, еслибы они не тратили своего драгоценнаго времени на картины и статуи. Запрещеніе Корана перазумно, въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ данномъ случаѣ оно принесло арабамъ пользу.

Въ заключеніе этой длинной главы объ арабской наукѣ постараюсь представить короткій списокъ тѣхъ услугъ, которыя оказаны арабами европейской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что въ этотъ списокъ войдутъ только такіе предметы, которыхъ значеніе будетъ совершенно понятно для читателя.

По математикѣ. Они ввели въ общес употребленіе тѣ цифры, которыя до сихъ поръ называются *арабскими*: самое слово «цифра» принадлежитъ арабскому языку. По-арабски *цифра* значить пробѣлъ, пустое мѣсто. Этимъ именемъ арабы называли *нуль*, и у англичанъ слово «cipher» до сихъ поръ употребляется въ этомъ смыслѣ. Не самые арабы выдумали эту нумерацию, но они заимствовали ее у индѣйцевъ и принесли ее въ Европу. Если хотите оцнить всю важность этой услуги, попробуйте сдѣлать *римскими* цифрами самое простое умноженіе или дѣленіе, тогда сами увидите и почувствуете. Арабы создали *алгебру*, которая своимъ именемъ до сихъ поръ обнаруживаетъ свое арабское происхожденіе. Въ наше время открыта, правда, книга грека Діофанта, доказывающая, что алгебра родилась у грековъ, но очевидно, что на труды греческихъ математиковъ эта наука имѣла очень мало вліянія; стало быть, если арабы не сами создали первую мысль объ алгебрѣ, то во всякомъ случаѣ они дали этой мысли полное и стройное научное развитіе.

По астрономіи. Мы уже видѣли выше, что астрономическія таблицы, составленныя арабскими учеными по вычисленіямъ и наблюденіямъ, производившимся на арабскихъ обсерваторіяхъ, послужили основаніемъ для великихъ открытій Кеплера и Ньютона.

По механикѣ. Арабскій ученый Ибнъ-Юнисъ первый приложилъ маятникъ къ измѣренію времени.

По физикѣ. Аль-Газенъ положилъ основаніе современной оптики. Греки думали, что лучи свѣта выходятъ изъ нашего глаза и направляются къ тѣмъ предметамъ, на которые мы смотримъ. Аль-Газенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, доказалъ, что, напротивъ того, лучи идутъ отъ свѣтящагося предмета къ глазу, что изображе-

ніе предмета отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ, и оттуда, черезъ оптический нервъ, впечатлѣніе передается мозгу. Тотъ же Аль-Газенъ знаетъ, что лучъ свѣта преломляется въ воздухѣ; онъ знаетъ далѣе, что плотность атмосферы воздѣ самой поверхности земли значительнѣе, чѣмъ въ отдаленіи отъ земли; онъ знаетъ, что плотность эта уменьшается по мѣрѣ того, какъ разстояніе отъ земли увеличивается, и что вслѣдствіе этого лучъ свѣта, проходящій черезъ атмосферу, описываетъ кривую линію. Онъ измѣряетъ математически высоту атмосферы и находить, что она равняется 58½ милямъ. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Рожеръ Беконъ, жившій въ XIII вѣкѣ, заимствовалъ всѣ свои оптическія открытія у Аль-Газена, а тамъ, гдѣ онъ расходится съ арабомъ, тамъ онъ начинаетъ врать.

По химіи. Джафаръ, жившій въ концѣ VIII столѣтія, открылъ селитрянную кислоту и царскую водку. До него люди не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ крѣпкій уксусъ. «Его имя, — говоритъ Дреперъ, — незабвенно въ химіи, потому что оно означаетъ собою въ развитіи этой науки эпоху одинаковой важности съ эпохой Пристли и Лавуазье... Для насъ существованіе химіи безъ кислотъ совершенно немислимо.» Разесть въ IX столѣтіи приготовилъ сѣрную кислоту. Вечиль добылъ фосфоръ.

По медицинѣ и хирургіи. Множество лекарственныхъ составовъ было впервые приготовлено арабскими аптекарями. Фармакологія до сихъ поръ употребляетъ много арабскихъ словъ, напримѣръ сиропъ, ялапъ, элексиръ. Многія важныя операціи по хирургіи и по акушерству введены въ употребленіе арабами. Ножомъ и каленымъ желѣзомъ арабы дѣйствовали очень рѣшительно и искусно.

Наконецъ надо назвать еще три открытія, имѣющія чрезвычайную важность для практической жизни: во-первыхъ — огнестрѣльное оружіе; во-вторыхъ — компасъ; въ-третьихъ — бѣлье. Мы привыкли думать, что порохъ выдуманъ нѣмцемъ, Бертольдомъ Шварцомъ, и что свойства намагниченной стрѣлки открыты въ итальянскомъ городѣ Амальфи, но Дреперъ утверждаетъ положительно, что и порохъ, и компасъ созданы арабами. Употребленіе бѣлья было неизвѣстно древнему міру. Полукиевскія германцы также не имѣли о немъ понятія; они носили звѣриныя шкуры, а потомъ стали шить себѣ платье изъ выдѣланной кожи. Отсутствіе бѣлья производило, разумѣется, значительную нечистоплотность, которая, въ свою очередь, вела за собою множество мучительныхъ заболеванийъ болѣзней и между прочимъ знаменитую средневѣковую *проказу*. Выучивъ европейцевъ употреблять бѣлье, арабы оказали имъ неопѣвную услугу. Въ европейскихъ языкахъ сохранились слѣды этого историческаго

факта. Французскія слова «chemise» (рубашка) и «coton» (хлопчатая бумага) взяты изъ арабскаго языка.

ХІІІ.

Въ интеллектуальномъ отношеніи вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою продолжительную, упорную, многосложную и разнообразную въ своихъ проявленіяхъ борьбу между римскимъ обскурантизмомъ и наукой. Я брошу теперь бѣглый взглядъ на нѣкоторые эпизоды этой интересной и чрезвычайно драматической борьбы.

Въ первой половинѣ X вѣка одинъ юноша, воспитывавшійся въ орильякскомъ аббатствѣ, въ провинціи Оверни, обратилъ на себя вниманіе Бореля, графа барселонскаго. Отправляясь изъ Франціи въ сѣверную Испанію, принадлежавшую въ то время наслѣдникамъ Карла Великаго, Борель взялъ съ собою молодого орильякскаго монаха, котораго звали Гербертомъ. Гербертъ сталъ учиться математикѣ, астрономіи и медицинѣ. Онъ отправился путешествовать по всей Испаніи, жилъ нѣсколько времени въ Кордовѣ, гдѣ царствовалъ тогда знаменитый халифъ Абд-Эррахманъ III, выучился арабскому языку, слушалъ лучшихъ тамошнихъ профессоровъ и на всю жизнь привязался всѣми силами своей страстной и даровитой природы къ той великой цивилизаціи, которая такъ великодушно приняла, обласкала и надѣлила полезными знаніями его, иностранца и иновѣрца. Изъ Испаніи онъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, Борелемъ, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ находился въ то время императоръ Оттонъ Великій; Гербертъ понравился Оттону, умѣвшему цѣнить въ людяхъ умственные способности и основательныя знанія. Оттонъ сталъ давать Герберту нѣкоторыя порученія, требовавшія большого искусства. Гербертъ исполнялъ ихъ безукоризненно и, въ награду за свою расторопность, былъ назначенъ аббатомъ въ Боббіо. Итальянскіе монахи не влюбились его отчасти за то, что его назначилъ на это мѣсто нѣмецъ Оттонъ, отчасти оттого, что онъ самъ былъ родомъ французъ, водилъ хлѣбъ-соль съ магометанами и обладалъ такими знаніями, о которыхъ монахи его боялись даже подумать. Разными ежедневными неприяностями почтенные инокіи Боббіо такъ смущали насолить своему аббату, что тотъ бросилъ все и опротивѣвъ бѣжалъ изъ своего аббатства, сначала въ Римъ, а потомъ во Францію, въ городъ Реймсъ. Въ Реймсѣ существовало училище, основанное вѣроятно при Карлѣ Великомъ; тутъ преподавались не только богословіе и то, что называлось тогда философійю, но и кое-какія лохмотья реальныхъ наукъ. Гербертъ съ удовольствіемъ пристроился къ этому училищу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ наставниковъ были честные и неглупые люди, которые добросовѣстно оцѣнили умъ, знаніе и усердіе скитающагося аббата. Архіепископъ реймскій, Адельберонъ, бывший въ то время канцлеромъ французскаго

короля, также полюбилъ Герберта и скоро назначилъ его директоромъ реймскаго училища. Гербертъ съ большою энергіею принялся за свое любимое дѣло, — за распространеніе и оживленіе любви къ научнымъ занятіямъ. Онъ старался подѣлиться съ своими учениками всѣмъ, что онъ приобрѣлъ въ Испаніи. Онъ преподавалъ музыку, арифметику, геометрію, медицину, высшую грамматику, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Онъ ввелъ въ своемъ училищѣ употребленіе арабскихъ цифръ и сталъ преподавать географію по глобусу, вывезенному имъ изъ его возлюбленной Кордовы. Глобусъ возбудилъ всеобщее удивленіе, по ни свѣтское, ни духовное начальство не мѣшало Герберту употреблять его при своемъ преподаваніи. Франція въ этомъ отношеніи была не такъ разборчива, какъ Италія. Въ Италіи глобусъ былъ бы непременно запрещенъ, какъ басурманское нововведеніе, совершенно несогласное съ мыслями Августина и Лактанція о видѣ земли и о невозможности антиподовъ. Но и въ Реймсѣ на Герберта смотрѣли съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ, похожимъ на страхъ. О немъ сохранились слухи, что онъ смотрѣлъ на звѣзды черезъ какія-то особенныя трубы, что онъ соорудилъ часы, что онъ придумалъ органъ, приводившійся въ движеніе посредствомъ пара.

Всѣмъ средневѣковымъ ученымъ приписывалось обыкновенно такое множество изумительныхъ изобрѣтеній, у каждаго изъ этихъ людей ихъ современники видѣли столько небывалыхъ и даже невозможныхъ снарядовъ, инструментовъ и машинъ, что, читая подобные рассказы, историкъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается игра воображенія. Иное, пожалуй, и возможно, но было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, это рѣшить очень мудрено. На счетъ Герберта достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что, живя въ Реймсѣ, онъ сильно подѣйствовалъ на умы своихъ современниковъ.

При вступленіи на престолъ Гуго Капета французское духовенство, начинавшее уже сознавать свою національную самостоятельность, повздорило съ папой, желавшимъ по обыкновенію вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ католическихъ государствъ. Епископъ орлеанскій произнесъ очень смѣлую рѣчь на соборѣ французскаго духовенства въ Реймсѣ. Рѣчь эта была написана Гербертомъ, скромнымъ и ученымъ директоромъ реймскаго училища. Въ этой рѣчи заключались сильныя упреки противъ римскаго невѣжества: «Нѣтъ въ Римѣ ни одного человѣка, — говорилъ епископъ, — это извѣстно, — который-бы обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы быть порядочнымъ привратникомъ. Съ какого-же права осмѣливается учить другихъ тотъ, кто самъ ничему не учился?» Словомъ *тотъ* обозначается здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ папа; *этѣ*

папы требуют отчета въ его знаніяхъ; о папѣ говорятъ, что онъ не годится въ дворники; что же это такое? Реформація, что-ли, совершилась въ X столѣтіи? ничуть не бывало. Эту еретическую хулу, за которую втеченіи многихъ послѣдующихъ столѣтій перевѣшали, перерѣзали и изжарили тысячи простодушныхъ и откровенныхъ людей, эту самую хулу, говорю я, произносить публично, въ торжественномъ собраніи католическаго духовенства, католическій прелатъ, единственно потому, что того требовали въ данную минуту политическіе интересы. А Гербертъ разувѣтается, съ величайшей радостью, становится адвокатомъ этихъ минутныхъ интересовъ, потому что онъ находитъ здѣсь удобный случай высказать вслухъ всему католическому міру такія истины, которыя во всякое другое время непременно подвели-бы неосторожнаго обличителя подъ уголовный судъ, въ тюрьму и можетъ-быть на костьеръ. Далѣе слѣдуютъ истины, еще менѣе способныя доставить папѣ удовольствіе: «Еслибы посланники короля Гуго могли дать взятку папѣ и Кресценцію, то дѣло короля приняло-бы совершенно другой оборотъ». Потомъ говорится подробно о томъ, какъ папы взаимно другъ друга истребляли. «И неужели такимъ людямъ, — спрашиваетъ епископъ, — наполненнымъ всякою скверною и лишеннымъ всякихъ познаній человѣческихъ и божественныхъ, неужели имъ должны подчиняться всѣ служители церкви, — люди, извѣстные всему міру обширностью своей учености и святостью своей жизни? Первосвященникъ, который такимъ образомъ грѣшитъ противъ своего брата и при увѣщаніи не хочетъ слушать голоса совѣта, — становится мытаремъ и грѣшникомъ.» Далѣе на счетъ папы предлагается вопросъ: «не есть-ли онъ антихристъ?» Папу называютъ «человѣкомъ грѣха» и «пучиной беззаконія». — Епископъ бросаетъ общій взглядъ на положеніе всего историческаго міра и бьетъ папство по самымъ больнымъ его мѣстамъ. «Римъ, — говоритъ онъ, — уже давно потерялъ всякое вліяніе на Востокъ. Александрія и Антиохія, Африка и Азія оторваны отъ него; Константинополь прервалъ съ нимъ сношенія; средина Испанія понятія не имѣетъ о папѣ.»

Злѣйшій врагъ католичества не могъ-бы нанести ему болѣе чувствительныхъ ударовъ, чѣмъ тѣ, которые наноситъ ему здѣсь епископъ орлеанскій; что Гербертъ написалъ такую рѣчь, это вовсе не удивительно; но что ее рѣшился произнести на соборѣ прелатъ, не жившій никогда въ магометанской Испаніи и не вынесшій оттуда непримиримой ненависти къ невѣжеству и обскурантизму, — это въ высшей степени замѣчательный фактъ, объясняющійся только тѣмъ общезвѣстнымъ явленіемъ, что при всѣхъ семейныхъ раздорахъ именно самые близкіе родственники выкапываютъ обыкновенно самыя позорныя кучи домашней грязи, — такія кучи, которыхъ посторонніе люди быть — можетъ и не суждали-бы

отыскать. Всѣ знали, кѣмъ была написана рѣчь, произнесенная епископомъ орлеанскимъ; это обстоятельство такъ сильно выдвинуло Герберта впередъ, что онъ почти точчасъ послѣ собора получилъ санъ архіепископа реймскаго. Но въ то же время онъ естественнымъ образомъ навлекъ на себя непримиримую ненависть папы и всѣхъ его корыстныхъ и безкорыстныхъ обожателей. Вслѣдствіе этого положеніе Герберта, какъ архіепископа реймскаго, было очень шатко и двусмысленно. Строгіе католики смотрѣли на него, какъ на еретика и узурпатора. Гербертъ старался приобрести себѣ любовь и довѣріе подчиненнаго ему духовенства, относясь кротко и снисходительно къ тѣмъ естественнымъ стремленіямъ человѣческой природы, съ которыми постоянно боролись фанатики и противъ которыхъ декламировали лицемѣры. «Я не запрещаю брака, — говорилъ онъ. — Я не осуждаю вторичныхъ браковъ. Я не порицаю тѣхъ, которые ѣдятъ мясо.»

Эта политика Герберта была очень искусна, и для католической церкви спокойное обсужденіе вопроса о бракѣ духовныхъ лицъ было въ то время особенно необходимо, потому что до времени Григорія VII, занимавшаго папскій престолъ въ концѣ XI вѣка, этотъ вопросъ былъ еще не рѣшенъ. Было-бы вѣроятно гораздо лучше для всего католическаго міра, еслибы этотъ важный вопросъ рѣшился въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербертъ. Но не въ эту сторону направлялось общее теченіе тогдашнихъ идей и событий. Благоразуміе было ненавистно тогдашнимъ людямъ именно потому, что оно — благоразуміе и что вслѣдствіе этого оно противоположно съ одной стороны всѣмъ безпорядочнымъ взрывамъ чувства, страсти и фантазіи, а съ другой стороны — финансовымъ интересамъ тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ обращать эти взрывы въ источники не малыхъ доходовъ. Герберту не помогла никакая политическая мудрость. Папа торжественно запретилъ ему отправлять архіепископскія обязанности. Папскій легатъ, Левъ, произнесъ по этому случаю любезную рѣчь, которая должна была служить противовѣдомъ знаменитой рѣчи епископа орлеанскаго.

«Викаріи Петра и ихъ ученики, — говорилъ онъ между прочимъ, — не хотятъ имѣть своими учителями Платона, Виргилія, Теренція и все остальное стадо философовъ, которые носятся въ высотѣ, подобно птицамъ воздушнымъ, и погружаются въ глубину, подобно рыбакамъ морскимъ; и вслѣдствіе этого вы говорите, что они недостойны быть привратниками, потому что не обладаютъ искусствомъ писать стихи. Петръ — дѣйствительно привратникъ, но привратникъ неба.» Что папа беретъ взятки, этого легатъ нисколько не отрицаетъ, но онъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. «Развѣ, — спрашиваетъ онъ, — Спаситель не принялъ приношенія волхвовъ?» Онъ также нисколько не сомнѣвается въ дѣйстви-

тельности преступлений, совершенных папами; онъ не хочетъ только, чтобы эти преступления выводились на свѣтъ. «Хамъ,—говоритъ онъ,— былъ проклятъ за то, что открылъ наготу отца своего.»

Разсужденія краснорѣчиваго легата Льва до такой степени понравились его слушателямъ, что Гербертъ не нашелъ себѣ въ нихъ никакой поддержки. Онъ сложилъ съ себя санъ архіепископа и удалился въ Германію, ко двору малолѣтняго короля Оттона III. Тамъ онъ сдѣлался наставникомъ Оттона, сталъ заниматься научными опытами и наблюденіями и далъ своему воспитаннику образованіе, блистательное для тогдашняго времени. Въ 996 году шестнадцатилѣтній король Оттонъ, пылкій, честолюбивый и образованный, пошелъ съ войскомъ въ Италію, чтобы утвердиться въ Римѣ и уничтожить тамъшнюю кровавую неурядицу. Гербертъ находился въ свитѣ Оттона и, въ качествѣ его бывшаго наставника, пользовался особеннымъ уваженіемъ и дружбой молодого короля. Въ 998 году Оттонъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ равенскимъ, а на слѣдующій годъ, по смерти папы Григорія V, Гербертъ, по приказанію своего бывшаго воспитанника, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II.

Это явленіе было въ высшей степени оригинально. Папой сдѣлался тотъ самый человѣкъ, котораго вся Европа знала, какъ умнѣйшаго и опаснѣйшаго противника папства и клерикальной политики. Всѣ свои духовныя должности Гербертъ занималъ постоянно независимо отъ духовенства и наперекоръ его желаніямъ. Аббатомъ въ Боббіо его назначилъ Оттонъ I; архіепископомъ реймскимъ—Гуго Капетъ; архіепископомъ равенскимъ—Оттонъ III; наконецъ на папскій престолъ его посадилъ тотъ же Оттонъ III. Но изъ Боббіо и изъ Реймса его вытѣснили интриги клериковъ; изъ Равенны его не успѣли вытѣснить отчасти потому, что онъ пробылъ тамъ недолго, а отчасти потому, что Оттонъ былъ въ это время въ Италіи и не любилъ шутить съ тѣми людьми, которые не хотѣли ему повиноваться. Наконецъ Гербертъ сдѣлался главой католическаго міра, а Оттонъ все-таки продолжалъ жить въ Италіи, такъ что каждое слово новаго папы почерпало себѣ силу и обязательный авторитетъ изъ присутствія нѣмецкой арміи.

Можно было ожидать важныхъ преобразований въ управленіи церкви и во всемъ строѣ тогдашняго общества. Оттонъ былъ молодъ, уменъ, полонъ энергіи; замыслы его были очень широки, и чрезмѣрная крутость его характера, проявившаяся въ его поступкахъ съ возмущившимися римлянами, начинала смягчаться по мѣрѣ того, какъ онъ становился опытнѣе и разсудительнѣе. Папа и императоръ были воодушевлены одинаковыми стремленіями: оба ненавидѣли невѣжество и презирали испорченность тогдаш-

няго духовенства; ихъ соединенныя усилія могли повидимому сдѣлать много добра. А между тѣмъ всѣ ихъ прогрессивныя желанія пропали даромъ. Итальянцы ненавидѣли ихъ обоихъ, какъ иностранцевъ, а нѣмцы обижались тѣмъ, что ихъ король Оттонъ живетъ въ Италіи, а не въ Германіи. Оттону надо было постоянно то ублажать своимъ присутствіемъ ревнивыхъ и любящихъ нѣмцевъ, то укрощать, также своимъ присутствіемъ, шаловливыхъ и ненавидящихъ итальянцевъ. Такъ онъ мыкался постоянно между Италіей и Германіей, не успѣвая принести существенной пользы ни той, ни другой странѣ. А совершенно отказаться отъ Италіи было невозможно, не говоря уже о томъ, что честолюбіе молодого короля не позволяло ему поступить такимъ образомъ. Отказаться отъ Италіи значило отдать папство въ руки всякихъ негодяевъ, вродѣ Альбериха, Кресценція, Марозіи, Теодоры и разныхъ другихъ продуктовъ тогдашней итальянской жизни. Опять пошла-бы та же исторія: этого задушили, другого изуродовали, третьяго уморили голодомъ, и такъ далѣе. А такія событія, совершающіяся надъ главою церкви, производили болѣзненное потрясеніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тогдашней Европы, и потому было не все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ и кто управляетъ дѣйствіями папы. Папа, находящійся въ рукахъ какого-нибудь Кресценція, могъ своей подкупностью и своими недобросовѣстными дѣйствіями возбуждать смуты и междоусобныя войны и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи. Стало быть, Оттона и его преемниковъ невозможно осуждать за то, что они всѣ непремѣнно лѣзутъ въ Римъ за императорской короной и стараются, во что-бы то ни стало, утвердиться въ Римѣ силой оружія. Они ни подъ какимъ видомъ не могли разойтись съ папствомъ полюбовно; надо было или подчинить папство, или покориться ему. А когда человѣку приходится такимъ образомъ быть непременно или наковальной, или молоткомъ, тогда отъ него невозможно требовать, чтобы онъ добровольно выбралъ себѣ пассивную роль наковальни. Такая травоядная кротость составляетъ очень жалкую добродѣтель, какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ тѣмъ болѣе въ историческомъ дѣятелѣ.

Пока Оттонъ мыкался между Италіей и Германіей, Сильвестръ II держался кое-какъ въ Римѣ, благодаря тому страху, который чувствовали римляне передъ именемъ молодого и энергическаго императора. Но производить какія-нибудь рѣшительныя преобразованія, какія-нибудь значительныя передвиженія въ личномъ составѣ высшаго итальянскаго духовенства—объ этомъ до поры до времени нечего было и думать. Дѣйствовать на проломъ было неудобно. Во первыхъ, результаты такихъ дѣйствій обыкновенно бывають очень непрочны и не окупають собою сдѣланныхъ усилій. А во вторыхъ, внима-

не Оттона и силы его монархii не могли постоянно сосредоточиваться на римскихъ дѣлахъ. Поэтому Сильвестръ рѣшился сначала осмотрѣться въ своемъ новомъ положенiи, узнать характеръ окружающихъ людей и разъяснить себѣ игру тѣхъ многосложныхъ страстей и интересовъ, которые опутывали со всѣхъ сторонъ папское могущество. Но итальянцы не долго позволили Сильвестру предаваться этимъ предварительнымъ изслѣдованiямъ. Въ 1002 году умеръ Оттонъ III, а вслѣдъ за нимъ скончался и папа. Оба умерли въ Италiи, и есть сильныя основанiя думать, что оба умерли отъ яда. Клерикальная партiя, то есть почти все духовенство, черное и бѣлое, продолжала ненавидѣть Герберга и въ то время, когда онъ былъ уже Сильвестромъ II. Клерикалы очень хорошо умѣютъ сами различать въ папѣ человѣка, и человѣкъ никакъ не становится для нихъ священнымъ съ той минуты, какъ онъ надѣваетъ тиару, несмотря на то, что тѣ-же клерикалы требуютъ отъ всѣхъ другихъ людей безусловнаго уваженiя къ папѣ, совершенно независимо отъ его личныхъ достоинствъ. Тѣ-же самые клерикалы, которые, голосомъ легата Льва, указывали на поступокъ Хама и на послѣдствiя этого поступка, тѣ-же самые клерикалы очень усердно стали открывать наготу отца своего, когда отцомъ ихъ сдѣлался человѣкъ, ненавистный имъ по своимъ познанiямъ и по своему взгляду на вещи. Духовенство постаралось распустить о папѣ Сильвестрѣ по всей Европѣ самые недѣльные слухи, рассчитанные на то, чтобы возбудить въ народѣ недовѣрiе и ненависть къ главѣ католической церкви. Тутъ пошла въ ходъ даже клевета, а не только раскрыванiе наготы. Простодушнымъ горожанамъ и поселянамъ тогдашней Европы стало доподлинно извѣстно, что въ самой затанной комнатѣ римскаго дворца запрятанъ у папы карликъ, видомъ безобразный, и что сидитъ въ томъ карликѣ нечистая сила; и что носить тотъ карликъ сарацинскую чалму; и что есть у него кольцо, которое дѣлаетъ его невидимымъ; а другiе на это возражали, что это неправда, и что кольцо у него на то, чтобы являться разомъ въ двухъ мѣстахъ въ одно и то-же время; потомъ рассказывали, что въ глухую полночь слышались часто странные звуки изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ никого, кромѣ папы, не было. И соображали доморощенные мыслители, что мудренаго тутъ ничего нѣтъ, и что этого всегда слѣдовало ожидать, потому что не даромъ же папа жилъ въ Испанiи съ погаными нехристями; тамъ онъ запродавъ сатанѣ свою душу съ тѣмъ условiемъ, чтобы сатана сдѣлалъ его главой христiанской церкви; теперь условiе выполнено и пришла пора окончательнаго расчета. Поэтому вѣроятно папа и воетъ по ночамъ, стараясь отбиться отъ нечистой силы. Да, говорили съ таинственнымъ видомъ глубокомысленные монахи: «*homagium diabolo fecit et male*

finivit» (покорился дьяволу и пришелъ къ худому концу).

Такъ жилъ, такъ умеръ и такъ поминался своими современниками одинъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ нашей цивилизацiи. Извѣстное дѣло: ласточка еще не приводитъ съ собою весну, но настоящая ласточка, птица, и не прилетаетъ въ наши края тогда, когда весна еще не установилась. Въ мирѣ людей дѣло другое: тутъ случается очень часто, что неосторожная ласточка прилетаетъ слишкомъ рано изъ теплаго климата и терпитъ голодъ и голодъ въ той негостеприимной странѣ, гдѣ ей приходится жить. Зато въ мирѣ людей тавiя ласточки своимъ раннимъ появленiемъ и своими страданiями дѣйствительно ускоряютъ наступленiе той весны, которая должна пригрѣть и накормить ихъ отдаленныхъ потомковъ.

XIV.

Начавшись въ X вѣкѣ, влiяние арабской цивилизацiи на Европу постоянно и быстро усиливалось втеченіи трехъ послѣдующихъ столѣтiй. Арабская философія незамѣтно разливалась во всѣ стороны по тѣмъ неуловимо тонкимъ каналамъ, по которымъ всегда проходитъ успѣшно всякая идея, заключающая въ себѣ зародышъ новой исторической жизни. Европейская мысль начинала шевелиться, и ея первое пробужденiе выразилось въ разсужденiяхъ о религіозной догматикѣ.

Нетрудно понять, почему умственные силы мыслящихъ людей направились прежде всего именно въ ту область, въ которой умъ всегда оказывается бессильнымъ. Во - первыхъ, всѣ люди, имѣвшiе возможность и желанiе заниматься размышленiями, принадлежали въ то время къ духовному сословию. Во-вторыхъ, теологія поглощала въ то время всѣ науки; ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животныхъ, ни о людяхъ, рѣшительно ни о чемъ нельзя было размышлять серьезно, не сталкиваясь такъ или иначе съ теологіей и не чувствуя надъ собою ея влiянія. Вопросы, которые теперь рѣшаются посредствомъ телескопа, микроскопа, химическаго анализа или анатомическаго ножа, рѣшались въ то время безусловно и безапелляционно приговоромъ папы или собора. Мыслящiе люди занялись теологіей просто потому, что, кромѣ теологiи, въ умственной жизни тогдашней Европы не было рѣшительно никакого содержанiя. А какъ только начались серьезныя размышленiя о догматикѣ, такъ начались немедленно и тѣ разногласiя, которыя на языкѣ клерикаловъ называются ересями.

Теоретическія мнѣнiя средневѣковыхъ еретиковъ и возраженiя ихъ противниковъ для насъ нисколько не интересны, но появленiе ересей очень важно, какъ барометрическое указанiе на положенiе умственной погоды; исторiя нѣкоторыхъ ересей также очень интересна, потому что

въ нихъ можно разглядѣть, каковы были характеры, умы, страсти и взаимныя отношенія тогдашнихъ людей, корпорацій и народныхъ массъ. Еретикомъ назывался въ средневѣковой Европѣ такой человѣкъ, который имѣлъ противъ себя матеріальную силу, а за себя—свое личное убѣжденіе, неспособное избавить его ни отъ тюрьмы, ни отъ плетей, ни отъ коста. Личное убѣжденіе, противоположное мнѣніямъ сильныхъ людей и большинства, можетъ возникнуть только путемъ размышленія; а такое размышленіе, которое заставляетъ человѣка идти въ тюрьму или на смерть, возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда существуетъ уже сильное умственное движеніе. Вотъ это я и называю барометрическимъ указаніемъ. Какъ держать себя одинокаго личность, вооруженная только силой индивидуальнаго убѣжденія, какъ смотреть на эту личность общество, какъ ведутъ себя въ отношеніи къ ней представители матеріальной силы—все это очень интересно для характеристики данной эпохи.

Въ половинѣ XI столѣтія Беренгаръ Турскій началъ разсуждать о таинствѣ пресуществленія. Его разсужденія очень не понравились духовенству. На нѣсколькихъ соборахъ они были объявлены еретическими, и наконецъ второй латеранскій соборъ, при папѣ Николаѣ II, предложилъ Беренгару выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или отреченіе. Беренгаръ доказалъ своимъ выборомъ, что онъ—человѣкъ очень неглухой. Онъ отрекся отъ своей ереси, но какъ только гроза прошла мимо, онъ тотчасъ снова сталъ разсуждать и учить попрежнему. На него опять посыпались благонамѣренные довося, и дѣло его на этотъ разъ могло придти къ очень дурному концу, потому что онъ оказался уже нераскааннымъ и неисправимымъ еретикомъ. Во второй разъ ему врядъ-ли предложили-бы выборъ. Но къ счастью его на папскомъ престолѣ сидѣлъ въ то время Григорій VII, и—о ужасъ!—этотъ знаменитѣйшій изъ папъ самъ сочувствовалъ еретическимъ мнѣніямъ Беренгара. Григорій взялъ еретика подъ свое покровительство. Для большей убѣдительности Григорій выдумалъ даже, будто онъ видѣлъ видѣніе, и будто сама Пресвятая Дѣва являлась ему, чтобы засвидѣтельствовать справедливость мнѣній Беренгара. Клерикалы сами очень часто опирались на видѣнія, какъ на уважительное и надежное доказательство. Они обязаны были вѣровать въ подлинность видѣній, и теперь тѣмъ болѣе, что о видѣніи говорилъ самъ папа, и притомъ папа Григорій VII, лучшей и непоколебимѣйшей защитникъ папства. Однако вышло иначе. Клерикалы оказались скептиками, и, когда разгорѣлась борьба между Григоріемъ VII и германскимъ королемъ Генрихомъ IV, соборъ нѣмецкихъ епископовъ проклялъ папу, какъ приверженца беренгаровской ереси и какъ колдуна.

Оказывается такимъ образомъ, что непогрѣшимость папы никогда не была серьезнымъ дѣ-

ломъ для самихъ клерикаловъ. Какъ только папа дѣлалъ не то, чего имъ хотѣлось, такъ сейчасъ являлась критика его поступковъ, и вслѣдъ за критикой—клевета, къ которой клерикалы обращались всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Но Беренгара имъ такъ и не удалось изжарить. Въ XII столѣтіи имъ пришлось испытать еще болѣе жестокаго огорченія. Число училищъ быстро увеличивалось. Изъ этихъ заведеній XI и XII вѣка,—говоритъ Шлоссеръ,—особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнѣ, Камбрѣ, Суассонѣ, Шалонѣ-на-Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того называютъ школы въ Мецѣ, Турѣ, Верденѣ, Сагѣ, Буржѣ, Пуатье и Анжерѣ. Въ Германіи въ то-же время славились училища въ Кельнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ.»

Но вся премудрость всѣхъ этихъ училищъ не удовлетворяла горячей любознательности тогдашнихъ передовыхъ умовъ. Неодолима сила тянула ихъ на самый далекій западъ, въ университеты магометанской Испаніи, и эта притягательная сила съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе и дѣйствовала успѣшнѣе. То, что во время Герберта было единичнымъ случаемъ, обратилось понемногу почти въ общее правило. Петръ Достопочтенный, аббатъ монастыря Клюны, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кордовѣ и не только выучился превосходно говорить по-арабски, но даже перевелъ Коранъ на латинскій языкъ.

На этотъ послѣдній фактъ стоитъ обратить вниманіе. Духовное лицо, пользовавшееся важнымъ значеніемъ, безукоризненной репутаціей и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ современниковъ, переводитъ ту ужасную книгу, на которой снована вся религія поганыхъ басурмановъ, самыхъ опасныхъ враговъ христіанства. Значитъ, уже въ XII столѣтіи были въ Европѣ люди, способные смотрѣть на чужую религію безъ фанатической ярости и способные изучать каноническія книги этой религіи просто и спокойно, какъ важный историческій фактъ, имѣвшій огромное вліаніе на судьбу многихъ милліоновъ людей.—Этотъ Петръ Достопочтенный говоритъ, что во время пребыванія его въ Испаніи тамошніе университеты были наполнены духовными лицами, пріѣхавшими изъ разныхъ государствъ Европы, чтобы понабраться всякой премудрости отъ магометанскихъ ученыхъ. Между прочимъ было много англичанъ, прилежно изучавшихъ астрономію. Въ XII вѣкѣ умственные занятія становятся уже для многихъ европейцевъ насущной потребностью. Появляются уже такіе люди, которые блѣднѣютъ, сохнутъ, сходятъ съ ума надъ книгами и за книжныя идеи безъ страха и безъ сожалѣнія отдають свою жизнь. Безплодны и неумѣстны были многія усилія этихъ людей, мечтательны

и неосуществимы их стремления, узокъ горизонтъ ихъ мысли, но велика и безкорыстна была ихъ любовь къ истинѣ, тревожно и неутомимо ихъ исканіе, неукротима и непоколебима ихъ желѣзная воля. Это были въ самомъ дѣлѣ мученики; они втеченіи всей своей жизни сжигали въ упорномъ и безплодномъ трудѣ свои великія умственные силы, и все для того, чтобы рано или поздно столкнуться съ римскимъ обскурантизмомъ и разлетѣться въ дребезги отъ этого столкновѣнія.

Для насъ, для людей, уже имѣющихъ возможность трудиться и бороться за истину совершенно сознательно, для насъ должны быть дороги и священны всѣ ошибки и всѣ мучительныя разочарованія, всѣ безплодныя усилія, всѣ умственные, нравственныя и физическія томленія, даже всѣ непроходимыя глубости честныхъ, великихъ и уже забытыхъ работниковъ мысли, изнывавшихъ среди безмыслицъ средневѣковой Европы. Мы должны всегда помнить, что жизнь, по выраженію Некрасова, «жертвъ искупительныхъ просить». Для того чтобы одинъ человѣкъ открылъ плодотворную истину, надо, чтобы сто человѣкъ испепелили свою жизнь въ неудачныхъ поискахъ и печальныхъ ошибкахъ. Еслибы средневѣковые философы не бродили ощупью, то европейцамъ XIX столѣтія пришлось бы и бродить, и витать, и пробовать надъ каменной стѣной крѣпость человѣческаго черепа. А что любовь къ истинѣ и жажда знанія не угасли среди неудачъ и насмѣшекъ, подъ гнетомъ невыносимой скуки тогдашнихъ философствованій и подъ ударами разъяреннаго невѣжества, что эта любовь и эта жажда, напротивъ того, разгорались сильнѣе послѣ каждаго новаго пораженія, — это можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за несокрушимую живучесть и блестящую будущность европейской цивилизаціи.

Однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ двигателей просвѣщенія въ XII вѣкѣ былъ Петръ Абеляръ, знаменитый и несчастный любовникъ знаменитой и несчастной Элоизы. У этихъ двухъ людей любовь къ умственной дѣятельности и желаніе разливать вокругъ себя знанія доходили не до страсти — это выраженіе слишкомъ слабо — а до изступленія, до бѣшенства, до неизлечимой моманіи. И эта нервная болѣзнь дѣйствовала заразительно на тѣхъ людей, которые приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе. Конечная цѣль умственной дѣятельности была для нихъ неясна, но зато пылъ ихъ страсти былъ неукротимъ. Они учились сами и вовлекли въ ученіе другихъ, потому что безъ этой работы они не могли жить. Элоиза получила образованіе въ Аржантельскомъ монастырѣ. «Она познакомилась тамъ, — говоритъ Шлоссеръ, — не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучала также хирургию и медицину, потому что въ

то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей.»

Въ магометанской Испаніи, какъ я говорилъ выше, женщины также занимались медициной и хирургіей; мы видимъ такимъ образомъ, что уже очень давно затаялся въ челоуѣчествѣ зародышъ того разумнаго взгляда на образованіе и трудъ женщины, за который принуждены бороться до сихъ поръ всѣ здравомыслящіе люди обоого пола. И гдѣ же мы находимъ этотъ зародышъ? Съ одной стороны у магометанъ, которыхъ мы привыкли осуждать свысока за ихъ гаремы; съ другой стороны — у европейцевъ XII вѣка, надъ которыми мы привыкли смѣяться за ихъ безчисленныя предрассудки. Кажется, именно имъ, магометанамъ и средневѣковымъ католикамъ, слѣдовало-бы возставать съ особеннымъ неистовствомъ противъ женскаго труда и противъ всякаго соприкосновенія женщинъ съ областью реального знанія. А выходитъ совсѣмъ напротивъ, такъ что многіе изъ нашихъ домашнихъ мыслителей могли-бы позаимствовать себѣ болѣе разумный взглядъ на женщинъ у аржантельскихъ монахинь и кордовскихъ многоженцевъ.

«Она (т. е. Элоиза), — продолжаетъ Шлоссеръ, — возвратилась въ Парижъ, въ домъ своего дяди Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абеляръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принялъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абеляръ обладалъ вполнѣ. Старый подлецъ Фульбертъ съ самаго начала подготовилъ весь романъ, разыгравшійся между несчастными молодыми людьми, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сталъ имъ же мстить за то, что было единственнымъ послѣдствіемъ его собственной гнусности и глупости. Такая молодая дѣвушка, которая на двадцатомъ году своей жизни учится и выучивается читать въ подлинникъ Аристотеля, разумѣется, должна влюбиться до безумія въ такого слѣпаго, пылкаго и блестящаго мыслителя, въ такого страстнаго и неутомимаго работника, какъ Абеляръ. А Абеляръ быль бы деревяннымъ чурбаномъ, еслибы онъ не отдался всѣми силами своего существа такой дѣвушкѣ, у которой съ красотой и молодостью соединяются страстная любовь къ знанію и желѣзная сила воли, заставляющая ее преодолѣвать всю неисчерпаемую скуку азбуки и грамматики. Кого-же и любить, какъ не такую дѣвушку? — Читая и философствуя вдвоемъ, внося въ серьезные и сухія занятія весь пылъ своей молодой и еще несознанной любви, Абеляръ и Элоиза еще сильнѣе разогрѣвали другъ въ другѣ

страсть къ знанію и наконецъ довели себя въ этомъ отношеніи до той неизлечимой мономаніи, которая наложила свою печать на всю ихъ послѣдующую жизнь. Но этимъ не могли ограничиться ихъ взаимныя отношенія. Такіе энергичскіе и даровитые люди ни въ чемъ и никогда не останавливаются на половинѣ дороги. Они неизбѣжно должны были привести свой романъ къ естественной развязкѣ. Элоиза родила сына и дала ему имя: *Астролябія*. Это имя показываетъ ясно, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошла ея мономанія. Кому въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неистовствующей Элоизы, могло придти въ голову наградить несчастнаго ребенка такой нелѣпой ученой кличкой? Назвать сына въ честь математическаго инструмента, кажется, — это единственный случай во всей исторіи чело- вѣчества. — Рожденіе Астролябіи Петровича надѣлало его родителямъ много неприятностей. Фюльбертъ вломился въ амбіцію и, слишкомъ поздно вздумавши охранять честь своей племянницы, сталъ требовать отъ Абеяра, чтобы онъ женился на Элоизѣ. Абеяръ и не думалъ отказываться, но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Во второй половинѣ XI столѣтія безбрачіе сдѣлалось обязательнымъ для всего католическаго духовенства. Только духовныя лица имѣли право преподавать теологію. Если бы Абеяръ женился, то онъ былъ-бы принужденъ выйти изъ духовнаго сословія и отказаться отъ преподаванія теологіи. Стало-быть, ему надо было принести въ жертву или свою общественную дѣятельность, или честь любимой женщины. Не знаю, на что-бы онъ самъ рѣшился, но Элоиза сразу положила конецъ всякимъ колебаніямъ. Она объявила наотрѣзъ, что слышать не хотѣтъ о бракѣ, что она никогда не согласится сдѣлаться женой Абеяра и отнять такимъ образомъ у общества и у науки величайшаго учителя. Фюльберту удалось однако уладить между молодыми людьми тайный бракъ, но эта полумѣра никого не могла удовлетворить. Фюльберту хотѣлось доказать своимъ знакомымъ, что его племянница замужемъ и, стало-быть, имѣетъ законныя основанія рожать дѣтей. Но для этого надо было огласить бракъ, а на это Элоиза ни подѣ какимъ видомъ не соглашалась, потому что тогда враги и завистники Абеяра тотчасъ согнали-бы его съ кафедръ. Когда Фюльбертъ намекалъ кому нибудь на существованіе тайнаго брака, тогда Элоиза возражала тотчасъ, что все это чистый вздоръ, и что она совѣмъ не жена, а любовница Абеяра. За эти неистовыя рѣчи Фюльбертъ очень сильно гнѣвался и, при случаѣ, билъ свою неукротимую племянницу. Молодые люди рѣшили покончить все это безобразіе. Абеяръ отвезъ Элоизу въ Аржантельскій монастырь, и она поступила тамъ въ монашество. А Фюльбертъ подослалъ къ Абеяру наемныхъ людей, которые его оскотили. Вылечившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, Абеяръ по-

ступилъ въ монастырь Сень-Дени. Съ Элоизой онъ поддерживалъ постоянную переписку. Свѣ- жость и энергія его ума нисколько не поколебались отъ поразившаго его несчастія. Напротивъ того, видя, что личное счастье сдѣлалось для него невозможнымъ, онъ весь безраздѣльно отдался своей общественной дѣятельности, и преподаваніе его съ этого времени сдѣлалось еще болѣе увлекательнымъ. Въ монастырѣ Сень-Дени Абеяръ не могъ ужиться, аббатъ и монахи были слишкомъ грубы и развратны. Абеяръ убѣжалъ во владѣнія графа Шампанскаго и поселился близъ города Провена, въ уединенной мѣстности, уступленной ему монахами города Труа. Здѣсь онъ опять взялся за преподаваніе и немедленно собралъ вокругъ себя множество восторженныхъ слушателей. Стеченіе учащихся въ пустынь Абеяра сдѣлалось до такой степени значительно, что профессора всѣхъ высшихъ училищъ центральной Франціи пришли въ ужасъ и въ негодованіе. Ихъ, почтенныхъ профессоровъ, не слушають, а къ негодному развратнику и скопцу Абеяру бѣгутъ студенты со всѣхъ сторонъ. Этому безчинству надо было положить конецъ. Всего удобнѣе было соорудить противъ Абеяра искусный и учоный доносъ; такъ и сдѣлали два почтенные профессора реймскаго училища. Они подняли суматоху, распустили слухъ, что Абеяръ извращаетъ догматы о Святой Троицѣ, собрали въ Суассонѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа реймскаго, засудили на смерть еретическую философію и заставили Абеяра собственноручно сжечь ту книгу, въ которой были изложены преступныя мнѣнія. Кромѣ того Абеяра посадили для наказанія въ монастырь Св. Медара, а потомъ, когда кончился опредѣленный срокъ тюремнаго заключенія, его отослали въ Сень-Дени съ строжайшимъ приказаніемъ непремѣнно ужиться съ тамошними монахами. Профессора торжествовали. Сирена, отвлекавшая ихъ слушателей, была взята въ ежовыя рукавицы и принуждена прекратить свое соблазнительное пѣніе. Въ Сень-Дени на Абеяра посыпались новыя несчастія. Въ простотѣ души своей, онъ высказалъ однажды замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ совѣмъ не тотъ Діонисій, который утвердилъ христіанскую религію во Франціи, что эти два Діонисія были двумя совершенно различными лицами. Аббатъ придрался къ этому замѣчанію и усмотрѣлъ въ немъ государственное преступленіе. Аббату, разумѣется, не было никакого дѣла до историческихъ доказательствъ; онъ просто хотѣлъ погубить чело- вѣка, и погубилъ-бы его навѣрное, если бы Абеяру не удалось еще разъ убѣжать во владѣнія графа Шампанскаго. Пока его разыскивали, аббатъ умеръ, а монастырскій капитулъ былъ такъ великодушень, что простилъ Абеяру его великое преступленіе и позволилъ несчастному грѣшнику жить, гдѣ ему заблагоразсудится. Абеяръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ

около Пожана на Сенѣ, въ епархіи города Труа; здѣсь онъ, при помощи друзей, построилъ себѣ домикъ, превратилъ его, съ разрѣшенія епископа, въ часовню и опять началъ читать лекціи. Сиrena опять запѣла, а профессора сосѣднихъ городовъ опять заскрежетали зубами въ своихъ опустошенныхъ аудиторіяхъ. «Около его дома, — говоритъ Шлоссеръ, — образовалась вскорѣ настоящая колонія. Число его учениковъ въ короткое время возрасло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, поселились вокругъ часовни и построили возлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абельяръ назвалъ его *Параклетомъ*, то есть духомъ-утѣшителемъ въ пустынѣ, посвятивъ это зданіе вмѣстѣ съ часовней, Святому Духу.»

Но профессора не дремали; они подняли противъ Абельяра такое ржаніе и мычаніе, что Абельяръ, во избѣжаніе новаго осужденія за какую нибудь воображаемую ересь, принужденъ былъ прекратить свои лекціи и удалиться въ Бретань, гдѣ онъ сдѣлался аббатомъ въ монастырѣ Рюи. Черезъ нѣсколько времени его вызвали оттуда жалобы Элоизы, которая была уже въ это время настоятельницей аржантельскихъ монахинь; Элоиза писала къ своему другу, что она со всѣми своими монахинями осталась совершенно безъ приюта, потому что аббатъ Сень-Дени выгналъ ихъ вонъ изъ аржантельскаго монастыря. Абельяръ тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на помощь и уступилъ имъ весь Параклетъ; здѣсь онъ устроили себѣ монастырь, и аббатиссой этого монастыря сдѣлалась Элоиза.

«Элоиза, — говоритъ Шлоссеръ, — считала своей нравственной обязанности учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшить сама, она обращалась къ Абельяру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абельяръ написалъ для параклетскихъ монахинь «Гексамеронъ» или оочиненіе о сотвореніи міра и его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетѣ ежегодно на Троицинъ день совершалась служба на греческомъ языкѣ.»

Изъ этихъ фактовъ читатель видитъ, что мономанія Элоизы нисколько не укротилась съ того времени, какъ она родила на свѣтъ Астролябію. Неутомимая жажда знанія и умственной дѣятельности осталась въ ней на всю жизнь преобладающей страстью. Абельяръ также не измѣнилъ себѣ до конца. Пристроивъ Элоизу въ Параклетѣ, онъ отправился въ Парижъ и своимъ преподаваніемъ еще разъ поднялъ противъ себя жесточайшую бурю профессорскихъ, учительскихъ и пастырскихъ страстей. На этотъ разъ враги рѣшились стереть его съ лица земли. Они извлекли изъ сочиненій Абельяра множество еретическихъ тезисовъ, созвали въ Санѣ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ французскій ко-

роль Людовикъ VII, и — что всего важнѣе — натравили на Абельяра знаменитаго Бернара изъ Клерво, неистоваго фанатика, уже извѣстнаго во всей Европѣ неотразимой силой своего пламеннаго краснорѣчія, — того самаго Бернара, который вскорѣ послѣ санскаго собора поднялъ на ноги всю Европу для втораго крестоваго похода. Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и страстныхъ людей, на которыхъ всегда ѣздятъ верхомъ отъявленные мошенники и которые всегда дѣлаютъ по глубокому и чистосердечному убѣжденію то, чего желаютъ негодяи по своимъ мелкимъ и корыстнымъ расчетамъ. Бернаръ, нападавая на Абельяра, былъ убѣжденъ въ томъ, что ратуетъ во славу и величіе религіи и церкви; на самомъ же дѣлѣ онъ воевалъ только во славу бездарныхъ и завистливыхъ педантовъ, которымъ ни до церкви, ни до религіи, ни до Бога не было рѣшительно никакого дѣла. Бернаръ погубилъ Абельяра не столько силой своего краснорѣчія, сколько громадной тяжестью своего авторитета. Всѣ знали, что Бернаръ — въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ, и поэтому мелкимъ и криводушнымъ врагамъ Абельяра было особенно выгодно выдвинуть впередъ такого неподкупнаго бойца. Санскій соборъ осудилъ Абельяра и представилъ папѣ ужаснѣйшій докладъ о дерзкомъ вольнодумцѣ, подкапывающемъ основанія религіи.

«Онъ опустошаетъ, — говорилось въ этомъ памятникѣ клерикальнаго озлобленія — всю христіанскую вѣру, пытаясь постигнуть человѣческимъ разумомъ природу божества. Онъ восходитъ на небо, онъ нисходитъ въ адъ. Ничто не остается для него неприкосновеннымъ ни въ высочайшей высотѣ, ни въ глубочайшей глубинѣ. Его вѣтви простираются надъ всей землей. Онъ хвастаетъ, что у него есть послѣдователи въ самомъ Римѣ, даже въ коллегіи кардиналовъ. Онъ увлекаетъ всю землю за собою. Поэтому пора обуздать его языкъ апостольской властью.»

Папа Иннокентій II, склоняясь передъ неотразимымъ авторитетомъ, исполнилъ всѣ требованія гонителей Абельяра; онъ велѣлъ сжечь всѣ его книги, а его самого посадить на всю жизнь въ темницу и отнять у него всѣ средства распространять свое ученіе.

Побѣда обскурантовъ оказалась однако безплодной. У Абельяра нашелся сильный, вѣрный и мужественный другъ, который рѣшился и сдумѣлъ защитить его противъ всѣхъ властей католическаго міра. Не обращая вниманія ни на санскій соборъ, ни на короля Людовика VII, ни на Бернара, ни на Иннокентія II, аббатъ могущественнаго и богатаго монастыря Клюны, тотъ самый Петръ Достопочтенный, который учился въ Кордовѣ и переехалъ Коранъ, взялъ къ себѣ въ аббатство гонимаго Абельяра, не выдалъ его никому и сталъ покоить и ласкать его, какъ больного и замученнаго ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ умный, честный, твердый и всѣми

уважаемый человекъ сталъ ходатайствовать за осужденнаго въ самыхъ высшихъ инстанціяхъ церковной іерархіи; ему удалось успокоить безтолковаго, но честнаго Бернара, а какъ только Бернаръ помирился съ Абеяромъ, такъ и папа, не имѣвшій протівъ знаменитаго преподавателя никакой личной ненависти, согласился предать все дѣло забвенію и волѣ божіей. Однако Абеяръ прожилъ не долго. Санскій соборъ происходилъ въ 1140 г., а въ 1142 г. утомленный, но непоколебимый боецъ кончилъ свою трудовую, бурную и нерадостную жизнь. Тѣло его было передано его Элоизѣ и погребено въ монастырѣ Параклетѣ.

При своемъ колоссальномъ умѣ Абеяръ могъ бы дойти до степеней очень извѣстныхъ, еслибы только онъ согласился насиловать естественное теченіе своихъ мыслей и пригонять ихъ искусственнымъ образомъ къ заранѣ установленному результату. Но именно этого фокуса онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать. Онъ никогда не управлялъ своей мыслью; онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, отдавался ея свободному и неударжимому теченію. Въ этомъ обстоятельстве заключаются тайна того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Какъ бы ни были недостаточны его фактическія знанія о природѣ и о человекѣ, какъ бы ни было узко его матеріальное міросозерцаніе, какъ бы ни были бесплодны его усилія.—онъ все-таки былъ всегда искреннимъ мыслителемъ, неподкупнымъ и неустрашимымъ искателемъ истины. Вся его жизнь была полунстинктивной, полусознательной, но всегда честной и мужественной борьбой за самостоятельность и полноправность человѣческаго мышленія. Много разъ его сшибали съ ногъ доносы, обвиненія и приговоры; всякій разъ, избитый и измученный, онъ опять поднимался на ноги и все-таки пускался въ путь, и все-таки шелъ дальше, совсѣмъ не по тому направленію, которое могло довести его до степеней извѣстныхъ; и шелъ, и боролся этотъ человекъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и умеръ на дорогѣ. Такіе цѣльные характеры, такія «сердца изъ золота и стали» навсегда упрочиваютъ за собою глубокое и страстное уваженіе всѣхъ людей, имѣющихъ малѣйшее понятіе о томъ, что значитъ съ наслажденіемъ трудиться, страдать и бороться за любимую идею.

Есть основаніе думать, что доктрины Абеяра хватили очень далеко и что въ нихъ заключались зародыши такихъ преобразованій, которыя нѣсколько столѣтій спустя дѣйствительно стали прокладывать себѣ дорогу въ церковь и въ общество. Въ числѣ учениковъ и страстныхъ поклонниковъ Абеяра находился одинъ молодой человекъ, Арнольдъ, уроженецъ итальянскаго города Брешиа (Brescia), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Арнольда Брешианскаго. Этотъ молодой человекъ хотѣлъ сдѣлать въ XII вѣкѣ то, о чемъ до сихъ поръ хлопочутъ на-

прасно государственные люди западной Европы. Онъ хотѣлъ совершенно отдѣлать церковь отъ государства. «Онъ явился въ Римъ,—говоритъ Шлоссеръ,—и съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтской властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ.» Проповѣдь Арнольда началась около 1140 года. На нѣсколько времени онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима въ Швейцарію, но въ 1145 году онъ опять вернулся въ Римъ съ толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швейцаріи, и на этотъ разъ сталъ дѣйствовать такъ успѣшно, что римляне выгнали вонъ папу Евгенія III, учредили по примѣру своихъ предковъ сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Пированіе это продолжалось до 1154 года; римляне XII вѣка не были однако похожи на древнихъ республиканцевъ; они постоянно чувствовали свою слабость и постоянно искали себѣ покровительства у германскаго императора, Конрада III, къ которому они очень важно и величественно писали письма отъ имени сената и народа римскаго (Senatus populusque romanus). Любопытно замѣтить, что Конрадъ, которому по всей вѣроятности крѣпко надоѣли претензіи духовенства, питалъ грѣховное сочувствіе къ еретическимъ мыслямъ Арнольда, стоявшаго тогда во главѣ римской республики. «Онъ соглашался,—говоритъ Шлоссеръ,—что духовные не должны были вести войнъ, ни возбуждать кровопролитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ.» Однако изъ этого сочувствія Конрада ровно ничего не вышло. Конрадъ умеръ въ 1152 году; римляне призвали къ себѣ назадъ папу Андриана IV, а въ концѣ того же самаго года преемникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, вступая въ Римъ для коронаванія, обѣщавъ папѣ уничтожить римскую республику, схватить Арнольда и выдать его клерикаламъ. Все это было исполнено, и папа приказалъ немедленно сжечь дерзкаго еретика.

Такимъ образомъ погибали въ средневѣковой Европѣ всѣ люди, искренно преданные благу человѣчества и возлагавшіе свои надежды на стойкость и благоразуміе народныхъ массъ. Массы въ то время были изъ рукъ вонъ плохи. Онѣ могли придти въ неистовый восторгъ и двинуться цѣлыми ордами въ Азію, послушавшись жалобныхъ восклицаній какого нибудь Петра Пустынника или Бернара, но спокойно и твердо стоять за сознательно понятое право онѣ были рѣшительно неспособны. Впрочемъ въ природѣ не пропадаетъ ни одна частица матеріи. А въ исторіи человѣчества ни одна мысль, ни одна попытка, ни одна неудача и ни одна ошибка

пе остаются безъ послѣдствій. Все это западаетъ въ умы людей, зрѣеть и развивается въ нихъ незамѣтно и потомъ вдругъ воплощается въ новомъ переворотѣ или въ новой бытовой формѣ.

XVI.

Театромъ первой серьезной борьбы между папствомъ и самостоятельнымъ человѣческимъ мышленіемъ сдѣлалась та самая земля, въ которой вліяніе магометанской Испаніи породило поэзію трубадуровъ. Южная Франція въ XII вѣкѣ была богатой, промышленной и образованной страной. Большіе города ея пользовались самоуправленіемъ и вели обширную торговлю; въ каждомъ изъ такихъ городовъ, въ Монпелье, въ Арлѣ, въ Тулузѣ, въ Нарбоннѣ, въ Безье, находились высшіе училища, въ которыхъ пресходные еврейскіе ученые съ большимъ успѣхомъ преподавали медицину, несмотря на протесты и угрозы епископовъ и монаховъ. Рыцари и благородныя дамы занимались стихоплетствомъ, оказывали покровительство странствующимъ пѣвцамъ и вобще не были расположены преслѣдовать фанатической ненавистью ученыхъ еврейскихъ врачей или смотрѣть на испанскихъ арабовъ, какъ на гнусное отродье сатаны. Достаточные горожане умѣли читать и писать и обнаруживали наклонность къ умственнымъ занятіямъ. Многіе изъ нихъ читали Библію и углублялись въ серьезныя размысленія о несовершенствахъ церковной іерархіи и о противорѣчій, существующемъ между образомъ жизни духовныхъ лицъ и точнымъ смысломъ евангелическаго ученія. Агенты папства ловили и сжигали тѣхъ людей, которые высказывали громко свои нескромныя замѣчанія; но всёхъ было невозможно перехватать и зажарить. Движеніе мысли распространилось, и число еретиковъ быстро увеличилось. Они поражали римскую іерархію и серьезными аргументами, и остроумными сатирами. Они увлекали за собой дворянство и даже часть духовенства. Они говорили, что святость священника заключается не въ его званіи, а въ нравственной чистотѣ его жизни; что богатство духовенства есть слѣдствіе и источникъ многихъ злоупотребленій; что епископы не должны вѣшиваться въ войны и участвовать въ кровопролитіяхъ. Они отрицали чистилище и продажу индульгенцій. Они требовали, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ, и чтобы на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Словомъ, реформа Лютера по своей идеѣ была уже готова въ XII столѣтіи. Но остальная Европа въ это время была непохожа на южную Францію, и папѣ Иннокентію III, вступившему на престолъ въ 1198 году, безъ особеннаго труда удалось двинуть цѣлую орду рыцарей, монаховъ и разбойниковъ въ цвѣтущія земли провансальскихъ вольнодумцевъ. Въ 1209 году начался знаменитый крестовый походъ противъ альбигойцевъ; такъ называли еретиковъ южной Франціи по имени города Альби; крестоносцы сдѣлали свое дѣло,

какъ слѣдуетъ; богатство, промышленность, поэзія, медицина, ересь—все потонуло въ крови. Римская іерархія перепыхала всю страну запоемъ и посылала въ ней свое сѣмя такъ основательно, что въ настоящее время южная Франція можетъ смѣло похвастаться своимъ безукоризненнымъ клерикализмомъ, своей яростной ненавистью къ протестантамъ и своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Во время революціи прошлаго столѣтія католическая реакція была особенно сильна въ тѣхъ самыхъ большихъ городахъ южной Франціи, въ которыхъ до крестоваго похода противъ альбигойцевъ развивалось реальное знаніе и выростала свободная мысль.—Клерикалы серьезно задумались надъ событіями XII вѣка; смѣлое философствованіе отдѣльныхъ личностей, быстрое распространеніе ересей въ народныхъ массахъ — все это было для нихъ совершенно ново. Они сообразили, что пришла пора перемѣнить тактику: держаться чисто-отрицательныхъ мѣръ, то-есть давить безъ разбору все блестяще образованія—это было очень удобно въ VI и въ VII вѣкѣ; но въ XII и въ XIII такая работа становилась уже затруднительной. Можно было задать страху еретикамъ посредствомъ поголовнаго истребленія; но часто прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ и одерживать такія блестящія побѣды — было опасно: нѣтъ той системы, которая могла бы постоянно поддерживать себя конвульсивными потрясеніями. Надо было измыслить какую-нибудь машину, — такую, которая давила и извращала бы человѣческой умъ ровно, спокойно, постоянно, безъ открытой войны, безъ опустошенія цѣлыхъ областей. Машина эта дѣйствительно была изобрѣтена и пущена въ ходъ въ началѣ XIII вѣка. Она состояла изъ трехъ главныхъ частей, которыя однако были очень тѣсно связаны между собою. Во-первыхъ—нищенствующіе ордена, во-вторыхъ — церковная схоластика и въ-третьихъ—инквизиція.— Два фанатика, Францискъ и Доминикъ, основали въ началѣ XIII вѣка два монашескіе ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ; люди, поступающіе въ эти ордена, обязывались жить милостыней, отказываться отъ всякой роскоши, ходить по городамъ и селамъ и при каждомъ удобномъ случаѣ говорить народу проповѣди на народномъ языкѣ. Посредствомъ этихъ орденовъ, разросшихся съ изумительной быстротой, римская іерархія приобретала постоянное и очень сильное вліяніе на низшіе классы народа. Обязательная бѣдность францисканцевъ и доминиканцевъ зажимала ротъ тѣмъ еретикамъ, которые обращали вниманіе народа на богатство и изнѣженность римскаго духовенства. Къ словамъ аббатовъ или епископовъ, одѣтыхъ въ бархатъ и заплывшихъ жиромъ, народъ могъ относиться съ предубѣжденіемъ; онъ могъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на чичовниковъ, получающихъ огромное жалованье за свою службу. Но когда тѣ-же самыя мысли высказывались человѣкомъ, перенося-

шимъ добровольно всякія лишенія, тогда эти мысли должны были получить въ глазахъ массы значительный вѣсъ. Тутъ вся наружность оратора говорила ясно, что онъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть подкупленъ. Но надо было устроить такъ, чтобы воодушевленіе этихъ нищихъ-ораторовъ постоянно поддерживалось и подогрѣвалось. Кромѣ того надо было строго наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сбивались въ сторону, чтобы они говорили дѣйствительно все то и только то, что, по соображеніямъ римской іерархіи, слѣдовало говорить. Въ противномъ случаѣ, все ихъ вліяніе на простой народъ могло бы обратиться противъ папства, и, вмѣсто того чтобы быть полезнѣйшими защитниками папскихъ принциповъ, они могли сдѣлаться ихъ опаснѣйшими врагами. Чтобы застраховать нищенствующихъ монаховъ отъ ереси, римская іерархія ухитрилась направить все ихъ умственные силы къ безконечнымъ діалектическимъ турнирамъ схоластическаго богословія. Вся философія и все богословіе средневѣковой Европы называется въ настоящее время схоластикой. Самое слово *схоластика* не заключаетъ въ себѣ никакого порицательнаго значенія. Оно происходитъ отъ латинскаго слова «*schola*» — что значитъ *школа*. Философія и богословіе тѣхъ временъ называются *школьными* по той простой причинѣ, что они господствовали въ тогдашнихъ школахъ. Но та схоластика, которую старался развивать Римъ, носитъ на себѣ совершенно особенную печать. Ея типическое свойство заключается въ томъ, что результатъ, къ которому обязанъ придти мыслитель, всегда извѣстенъ заранее. Напримѣръ Абеляръ, не имѣвшій ничего общаго съ той спеціальной схоластикой, которую взлелѣяли клерикалы, — написалъ очень непріятную для Рима книгу, подъ заглавіемъ: «*Sic et non*» («Да и нѣтъ»). Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что сочиненія многихъ церковныхъ писателей, считавшихся непогрѣшимыми, заключаютъ въ себѣ огромное количество внутреннихъ противорѣчій, что эти писатели противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, что объ одномъ и томъ же вопросѣ они говорятъ *да*, и *нѣтъ*. Ясное дѣло, что такая книга составляетъ результатъ критическаго изслѣдованія, не направленнаго къ предвзятой цѣли. Абеляръ читалъ, изучалъ, сравнивалъ писателей, нашелъ въ нихъ непримиримыя противорѣчія и откровенно высказалъ свои умозаключенія. Настоящій схоластикъ долженъ былъ взыться за дѣло совершенно иначе. Еще не раскрывая ни одной книги, онъ уже зналъ твердо, что въ такихъ-то писателяхъ никакихъ противорѣчій быть не можетъ. Этотъ выводъ стоялъ непоколебимо, и къ нему онъ долженъ былъ непремѣнно придти въ концѣ своего изслѣдованія. Значитъ, все дѣло его состояло въ томъ, чтобы посредствомъ ді-

лектическихъ маневровъ примирить все крайности, даже и такія, которыя никакъ не могутъ примириться. Если одинъ авторитетъ говоритъ: «да», а другой: «нѣтъ», то схоластикъ долженъ доказать, что оба правы и что оба между собою согласны. Чтобы устроить такой фокусъ, схоластикъ, разумеется, долженъ напустить такого тумана, который отнялъ-бы у слушателей и учителей всякую возможность понимать различіе между *да* и *нѣтъ*. Такъ схоластики и поступали дѣйствительно. У доминиканцевъ величайшимъ искусникомъ по части напусканія тумана считался Фома Аквинскій, жившій въ XIII вѣкѣ и наполнившій своими діалектическими хитросплетеніями двадцать три фолианта. У францисканцевъ нашелся свой искусникъ, Дунсъ Скотъ (то есть шотландецъ), жившій въ одно время съ Фоמוю, но написавшій только двадцать фолиантовъ. Нищенствующие монахи такъ возлюбили своихъ мудрецовъ, что дальше ихъ уже не пошли; францисканцы называли себя *скотистами*, а доминиканцы — *фомистами*. Скотисты съ фомистами очень горячо спорили, причемъ спорящія стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ прикидывались, будто понимаютъ другъ друга. Иногда споръ переходилъ въ драку, и тогда взаимное пониманіе становилось уже не притворнымъ. Цѣль римской іерархіи достигалась; умственные силы горячихъ фанатиковъ вертѣлись въ заколдованномъ кругу, воспламенялись въ безвыходныхъ спорахъ, отвлекались отъ опаснаго вольнодумства и устремлялись противъ всѣхъ не-фомистовъ или не-скотистовъ со всей энергіей безтолково-полемическаго задора. Доминиканцы утверждали совершенно серьезно, что прочесть книги Фомы Аквинскаго, — значитъ проглотить всю человѣческую мудрость. Доминиканцы были самымъ надежнымъ воинствомъ папы, гораздо надежнѣе францисканцевъ. Поэтому папа Григорій IX поручилъ имъ хватать, судить, пытать и жечь всѣхъ еретиковъ. Инквизиція была изобрѣтена самимъ Доминикомъ, и духовныя дѣти этого великаго палача сдѣлались инквизиторами.

Опираясь на нищенствующихъ монаховъ, на усовершенствованную схоластику, на шпионовъ и палачей священной инквизиціи, папство смѣло и бодро вступило въ борьбу съ пробуждающимся самосознаніемъ средневѣковаго человѣка, у которого не было никакихъ орудій, кромѣ мысли и воли. Въ XIII вѣкѣ папство, раздавленное альбигойцевъ, было всеильно. Долго-ли продолжалось это могущество и какимъ образомъ европейская мысль старалась завоевать себѣ самостоятельность, объ этомъ я поговорю довольно подробно въ отдѣльной статьѣ, подъ особымъ заглавіемъ. («Умственный переломъ въ жизни средневѣковой Европы». Томъ IV, стр. 375)

